

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: LAW

F o u n d e r:

**Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»**

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL:

Chairman – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy chairmen – *Yu. A. Bubnov*, dr of philosophical sciences, prof.; *D. V. Kostin*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof. Coordinator – *N. M. Bliznyakov*, cand. of physical and mathematical sciences, associate prof. Members of editorial board: *V. G. Artyukhov*, dr of biological sciences, prof.; *V. N. Glazyev*, dr of historical sciences, prof.; *D. A. Endovitsky*, dr of economics sciences, prof.; *A. S. Kravets*, dr of philosophical sciences, prof.; *A. A. Kretov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Kurolap*, dr of geographical sciences, prof.; *A. D. Savko*, dr of geological and mineralogical sciences, prof.; *A. A. Sirota*, dr of technical sciences, prof.; *V. V. Tulupov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Shabrov*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.

EDITORIAL COMMITTEE OF SERIES:

Editor in chief – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy editors in chief – *O. S. Rogacheva*, dr of legal sciences, associate prof.; *Yu. B. Nosova*, cand. of legal sciences, associate prof. Executive secretary – *O. N. Shemeneva*, dr of legal sciences, associate prof. Members of editorial committee: *A. I. Abdullin*, dr of legal sciences, prof. (Kazan (Privolzhsky) Federal University); *Yu. V. Agibalov*, cand. of economic sciences, associate prof. (Voronezh branch of RANEPa); *M. O. Baev*, dr of legal sciences, prof.; *O. Yu. Bakaeva*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *O. V. Baulin*, dr of legal sciences, prof.; *K. Beshe-Golovko*, dr of law, visiting prof. (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); *P. N. Birukov*, dr of legal sciences, prof.; *T. M. Byalkina*, dr of legal sciences, prof.; *A. N. Vylegzhanin*, dr of legal sciences, prof. (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); *J. Deppe*, dr of law, international expert GIZ (Eshborn, Germany); *D. V. Zotov*, cand. of legal sciences, associate prof.; *T. D. Zrazhevskaya*, dr of legal sciences, prof.; *S. D. Knyazev*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court, St. Petersburg); *S. Kodama*, dr of law, prof. (University Mie, Japan); *N. A. Lopashenko*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *E. B. Luparev*, dr of legal sciences, prof. (Kuban State University); *N. L. Lyutov*, dr of legal sciences, associate prof. (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSUA)); *A. V. Malko*, dr of legal sciences, prof. (Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)); *S. P. Matveev*, dr of legal sciences, associate prof.; *V. A. Meshcheryakov*, dr of legal sciences, prof. (Central branch of the Russian State University of Justice); *E. I. Nosyreva*, dr of legal sciences, prof.; *K. K. Panko*, dr of legal sciences, prof.; *S. V. Perederin*, dr of legal sciences, prof.; *R. A. Podoprigora*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, Astana); *M. V. Sentsova (Karaseva)*, dr of legal sciences, prof.; *Yu. V. Sorokina*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Trukhachev*, dr of legal sciences, prof.; *L. V. Tumanova*, dr of legal sciences, prof. (Tver State University); *N. A. Shishkin*, deputy of General Prosecutor of the Russian Federation, cand. of legal sciences; *L. Etel*, dr of legal sciences, prof., rektor of the University in Bialystok (Poland)

Registered by Federal Service for Supervisions of Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИИ № ФС77-28322 of 08.06.2007

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Legal sciences (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences; 5.1.2. Public law (state legal) sciences; 5.1.3. Private law (civilistic) sciences; 5.1.4. Criminal law sciences; 5.1.5. International legal sciences)

Editorial committee address: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Voronezh State University.
Editorial committee of «Proceedings of VSU. Series law»
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Tel./fax: 8 (473) 255-07-19

© Voronezh State University, 2025

© Desing, original-model. Publishing house of the Voronezh State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Профессионализм и спокойствие: к юбилею доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина Татьяны Михайловны Бялкиной	8
К юбилею Татьяны Михайловны Бялкиной от единомышленников.....	15
Профессионализм – главное качество: к юбилею доктора юридических наук, профессора Олега Владимировича Баулина	22

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кабышев С. В. О некоторых проблемах преподавания права по непрофильным направлениям подготовки	28
Сазонникова Е. В. Доцент юридического факультета ВГУ Семён Иоганович Сирота: жизнь на всех парусах. Часть 1.....	35
Лобанова О. Б., Шмульская Л. С. Нормативно-правовые основы организации работы высшей школы в годы Великой Отечественной войны	42

УЧИТЕЛЯ И ИХ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Сазонникова Е. В. Профессор Л. Д. Кокорев – популяризатор права, педагог, администратор в высшей школе: штрихи к портрету	50
--	----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Шевердяев С. Н. Развитие зарубежного законодательства о лоббизме.....	59
Забелина Е. П. Перспективы взаимодействия органов публичной власти в сфере местного самоуправления	68
Судакова С. В. Содержание конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания: теоретический и сравнительно-правовой анализ.....	75
Тюнина И. И. Конституционно-правовой статус Национального собрания Армении и Милли Меджлиса Азербайджана: сравнительно-правовой анализ.....	83
Асланов Р. С. Разграничение полномочий элементов единой системы публичной власти в рамках достижения национальной цели по преодолению неравенства.....	92

Вовк Н. А. Систематизация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на примере градостроительного права. Историческое и практическое обоснование необходимости систематизации. Часть 1	102
---	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мартыненко И. Э. Ответственность за геноцид советского (белорусского) народа и культурицид: от доктрины к практике применения	111
Минор В. А. Методологический дуализм Восточной канонистики: проблемы юрицизма и утилитаризма.....	122
Зырянов А. В. Сионизм: от идеи к государству	131
Евстафьев А. И. Злоупотребление полномочием в публично-правовом регулировании: сравнительно-правовой аспект	137
Горбань В. С., Конопий А. С. Смыслополагание в китайской политико-правовой традиции	147

ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Лескина Э. И. Институт аналогии в информационном праве России.....	157
---	-----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Берзинь О. А., Кечин Р. В. Искусственное дробление закупок как способ ухода от конкурентных процедур.....	166
Ростовцева Н. В., Булгакова С. К. Фактическое принятие наследства: проблемы теории и практики	173
Яжборовский К. А. Становление принципа международной вежливости в американской судебной практике	182

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Васюков В. В. Правовые процедуры при использовании средств материнского (семейного) капитала	191
Ганчурина Н. С. Трудовые отношения лиц с семейными обязанностями: трансформация под влиянием цифровизации.....	199
Сенюков А. Н. Правовое регулирование аттестации научных работников.....	204

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовое регулирование взаимодействия органов публичной власти в сфере научной и научно-технической деятельности	212
Головизнина Ю. И., Синьков И. А. Оператор синтетических данных в органах исполнительной власти в механизме обеспечения национальной безопасности их использования.....	218

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Никитин К. А. Вопросы административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе при планировании закупок.....	228
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Алексеева Т. М., Трефилов А. А. Преступления против правосудия в уголовном праве Казахстана и России: сравнительно-правовой анализ	235
---	-----

Мельников Е. А. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (статья 294 Уголовного кодекса Российской Федерации): проблемные вопросы объекта и объективной стороны	243
Миرونюк И. В., Безуглый С. Н., Першина Е. А. Соучастие в уголовном праве: современность и перспективы	253
Титов В. И. Введение в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка: пути и перспективы	259
Яковлева В. М. Организованная преступность мигрантов как новый вызов безопасности в странах Европы и Америки	265

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Алексеева М. М. Противодействие транснациональной организованной преступности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности	272
Бутакова Я. С. Мексиканский арбитраж как альтернатива европейским арбитражным учреждениям в эпоху санкционных ограничений	281
Кондрашов О. Р. Непризнанные и частично признанные государства как участники международных отношений: международно-правовой аспект	292
Саприн И. Г. Проблемы имплементации в Российской Федерации международных норм о борьбе с незаконным оборотом оружия	301

СТУДЕНТЫ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Денисова В. В. Электронное государство в странах БРИКС	312
Мешалкина И. В. Разграничение нормативных и индивидуальных актов в целях выбора надлежащей процессуальной формы оспаривания	320
Тихоненко Ю. С. Технологии искусственного интеллекта как инструмент повышения эффективности института рассмотрения обращений граждан	328

ИНФОРМАЦИЯ

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей	334
--	-----

CONTENTS

CONGRATULATIONS TO THE ANNIVERSARIES

Professionalism and tranquility: to the anniversary of the doctor of law, professor, head of the department of constitutional and municipal law named after professor V. S. Osnovin Tatyana Mikhailovna Byalkina	8
To the anniversary of Tatiana Mikhailovna Byalkina from like-minded people.....	15
Professionalism is the main quality: on the anniversary of doctor of law, professor Oleg Vladimirovich Baulin	22

ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION

Kabyshev S. V. On some problems of teaching law in non-core fields of study.....	28
Sazonnikova E. V. Associate professor of the law faculty of VSU Semen Ioganovich Sirota: life in full sail. Part 1	35
Lobanova O. B., Shmul'skaya L. S. The regulatory and legal foundations of the organization of higher school work during the Great Patriotic war	42

TEACHERS AND THEIR SCIENTIFIC HERITAGE

Sazonnikova E. V. Professor L. D. Kokorev – popularizer of law, teacher, administrator in higher education: touches to the portrait	50
---	----

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Sheverdyayev S. N. Development of foreign legislation on lobbying.....	59
Zabelina E. P. Prospects for interaction between public authorities in the field of local government	68
Sudakova S. V. Content of the constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion: theoretical and comparative legal analysis.....	75
Tunina I. I. Constitutional and legal status of the National Assembly of Armenia and Milli Mejlis of Azerbaijan: comparative legal analysis	83

Aslanov R. S. Delineating the powers of the elements of unified system of public authority in the framework of achieving the national goal of overcoming inequality	92
Vovk N. A. Systematization of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the example of urban planning law. Historical and practical justification of the need for systematization. Part 1	102

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Martynenko I. E. Responsibility for Genocide of Soviet (Belarusian) people and Cultural Genocide: from doctrine to practice	111
Minor V. A. The methodological dualism of Eastern canon law: problems of legalism and utilitarianism.....	122
Zyrianov A. V. Zionism: from idea to state.....	131
Evstafyev A. I. Abuse of power in public law regulation: a comparative legal aspect.....	137
Gorban V. S., Konopiy A. S. Meaning-making in the Chinese political-legal tradition.....	147

DIGITAL LAW. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Leskina E. I. Institute of analogy in information law of Russia	157
--	-----

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Berzin O. A., Kechin R. V. Artificial division of purchases as a way to avoid competitive procedures	166
Rostovtseva N. V., Bulgakova S. K. Actual acceptance of inheritance: problems of theory and practice	173
Yazhborovskiy K. A. The formation of the principle of international comity in American judicial practice.....	182

LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

Vasyukov V. V. Legal procedures for using maternal (family) capital funds.....	191
Ganchurina N. S. Labour relations of employees with family responsibilities: transformation in the context of digitalization	199
Senyukov A. N. Legal regulation of attestation of scientific employees.....	204

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. Legal regulation of the interaction of public authorities in the field of scientific and scientific-technical activities	212
Goloviznina Yu. I., Sinkov I. A. The operator of synthetic data in executive authorities in the mechanism of ensuring national security of their use	218

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Nikitin K. A. Questions of administrative liability for violations of legislation on the contract system when planning purchases	228
---	-----

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCESS. CRIMINALISTICS

Alekseeva T. M., Trefilov A. A. Crimes against justice in criminal law Kazakhstan and Russia: comparative legal analysis.....	235
Melnikov E. A. Obstruction of justice and preliminary investigation (Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and the objective side.....	243

Mironyuk I. V., Bezugly S. N., Pershina E. A. Complicity in criminal law: modernity and prospects	253
Titov V. I. Adding the misdemeanour category to Russian crime legislation: ways and prospects	259
Yakovleva V. M. Organized crime of migrants as a new security challenge in Europe and America	265

INTERNATIONAL LAW

Alekseeva M. M. Countering transnational organized crime within the Collective Security Treaty Organization.....	272
Butakova Ya. S. Mexican arbitration as an alternative to European arbitration institutions in the era of sanctions restrictions	281
Kondrashov O. R. Unrecognised and partially recognised states as participants in international relations: the international legal perspective.....	292
Saprin I. G. Problems of implementation of international norms on combating illegal arms trafficking in the Russian Federation.....	301

STUDENTS IN LEGAL SCIENCE

Denisova V. V. E-government in BRICS countries	312
Meshalkina I. V. Distinguishing between regulatory and individual acts in order to choose the appropriate procedural form of challenge	320
Tihonenko Yu. S. Artificial Intelligence technologies as a tool for enhancing the efficiency of the citizen appeals review Institute.....	328

INFORMATION

Requirements for the submission, review and publication of scientific articles	336
--	-----

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/8-14>

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И СПОКОЙСТВИЕ: К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА ИМЕНИ ПРОФЕССОРА В. С. ОСНОВИНА ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ БЯЛКИНОЙ

Воронежский государственный университет

PROFESSIONALISM AND TRANQUILITY: TO THE ANNIVERSARY OF THE DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HEAD OF THE DEPARTMENT OF CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW NAMED AFTER PROFESSOR V. S. OSNOVIN TATYANA MIKHAILOVNA BYALKINA

Voronezh State University

28 октября 2025 г. отмечала юбилей заведующий кафедрой конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина, профессор, доктор юридических наук, почетный работник сферы образования Российской Федерации **Татьяна Михайловна Бялкина**.

© Воронежский государственный университет,
2025

Профессиональный и научный путь Татьяны Михайловны тесно переплетен с судьбой Воронежского государственного университета, юридического факультета и связан с местной государственной властью, а затем местным самоуправлением.

После окончания в 1978 г. юридического факультета ВГУ с отличием Татьяна Михайловна на протяжении 12 лет занимала различные должности в исполнительно-распорядительном органе Воронежского городского Совета народных депутатов – исполнительном комитете (помощник председателя, инструктор организационно-инструкторского отдела, заведующий кабинетом советской работы). Богатый опыт практической работы предопределил и направление научной деятельности: в 1988 г. по предложению заведующего кафедрой государственного права и советского строительства Виктора Степановича Основина Татьяна Михайловна поступает в заочную аспирантуру, которую оканчивает уже после смерти научного руководителя – в 1992 г. С 1 сентября 1990 г. переходит на постоянную работу в университет на должность преподавателя курса советского строительства.

Начало 90-х гг. XX в. характеризовалось коренными преобразованиями публичной власти, осуществляемой в низовых администра-

тивно-территориальных единицах. По Закону РСФСР от 24 мая 1991 г. № 1329-1¹ в Конституцию России 1978 г.² были внесены поправки, в соответствии с которыми местные органы государственной власти в районах, городах, поселках, сельских населенных пунктах были трансформированы в органы местного самоуправления, главным звеном которых стали местные Советы народных депутатов, а уже 6 июля принимается первый российский Закон «О местном самоуправлении РСФСР». В 1991 г. появляются научные статьи Татьяны Михайловны, посвященные органам местного самоуправления и компетенции местных советов³; в этом же году ею разрабатывается совершенно новая юридическая дисциплина – «Муниципальное право», читаемая профессором и поныне.

Со временем круг научных интересов Татьяны Михайловны в области местного самоуправления расширяется: в 1992 г. выходит ее работа о компетенции в области муниципальной собственности⁴, в 1994 г. – о местном самоуправлении в Германии⁵ и сборник нормативных актов в сфере компетенции местного самоуправления (первое учебное пособие автора)⁶.

Несмотря на многочисленные изменения законодательства и неоднократное изменение текста диссертационного исследования в 1995 г. под руководством доктора юридических наук, профессора К. Ф. Шеремета Татьяна

Михайловна защищает в Саратовской государственной академии права кандидатскую диссертацию на тему «Законодательство области о местном самоуправлении: концепция, практика и проблемы развития». Основной целью работы стало исследование теоретических основ законодательства областей Российской Федерации о местном самоуправлении, научное осмысление проблем, связанных со спецификой предмета правового регулирования, видами и содержанием соответствующих областных нормативных правовых актов, их соотношением с федеральным законодательством. В условиях отнесения местного регулирования Конституцией России к совместному ведению Федерации и ее субъектов областные законы, в том числе и первый Закон Воронежской области от 28 декабря 1994 г. № 8-3 «О местном самоуправлении в Воронежской области»⁷, подготовленный при участии Т. М. Бялкиной, стали предметом диссертационного исследования.

После присвоения ученой степени кандидата юридических наук Татьяна Михайловна продолжает активную научную деятельность. На основе ее диссертации в 1996 г. появляется монография «Законодательство области о местном самоуправлении»⁸; в эти же годы автором рассматриваются проблемы концепции муниципального права⁹, законодательства о местном самоуправлении¹⁰ и муниципальной службы¹¹, осуществления местного самоуправления на территории городов¹². В 1998 г. выходит в свет

¹ См.: Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с реформой местного самоуправления : закон РСФСР от 24 мая 1991 г. № 1329-1 // Ведомости ВС и СНД РСФСР. 1991. № 22. Ст. 778.

² См.: Конституция (Основной закон) РСФСР от 12 апреля 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

³ См.: Бялкина Т. М. Проблемы формирования компетенции органов системы местного самоуправления // Материалы республиканской научно-практической конференции «Проблемы местного самоуправления в РСФСР» (Омск, 16–18 мая 1991 г.). Омск, 1991 ; *Ее же*. Рано «списывать» Советы // Ориентир : обществ.-полит. журнал. Воронеж, 1991.

⁴ См.: Бялкина Т. М. О соотношении компетенции Совета и местной администрации в области управления муниципальной собственностью // Информационный бюллетень Фонда государственного имущества Воронежской области. Воронеж, 1992.

⁵ См.: Бялкина Т. М., Стариков Ю. Н. Местное самоуправление в Германии // Рос. юстиция. 1994. № 10. С. 37–38.

⁶ См.: Бялкина Т. М. Компетенция органов местного самоуправления : сборник нормативных актов : учеб. пособие. Воронеж, 1994.

⁷ См.: О местном самоуправлении в Воронежской области : закон Воронежской области от 28 декабря 1994 г. № 8-3 // Коммуна. 1995. 6 янв.

⁸ См.: Бялкина Т. М. Законодательство области о местном самоуправлении. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 168 с.

⁹ См.: Бялкина Т. М. О концепции муниципального права в Российской Федерации // Правовая наука и реформа юридического образования. 1995. № 1. С. 45–56.

¹⁰ См.: Бялкина Т. М. Конституция Российской Федерации и развитие законодательства о местном самоуправлении // Правовая наука и реформа юридического образования. 1995. № 2. С. 30–42.

¹¹ См.: Бялкина Т. М., Наквасина Г. А. Законодательство о муниципальной службе и проблемы его реализации // Правовая наука и реформа юридического образования. 1998. № 9. С. 101–115.

¹² См.: Бялкина Т. М., Зражевская Т. Д. Организационные модели городского самоуправления : сравнительно-правовой анализ областного законодательства // Правовая наука и реформа юридического образования. 1996. № 5. С. 30–39.

учебно-методическое пособие «Муниципальное право Российской Федерации»¹³. Кроме того, в 1994–1995 гг. Татьяна Михайловна активно участвует в разработке Устава Воронежской области, областных законов о системе органов государственной власти, местном самоуправлении, став автором первого регионального Избирательного кодекса. В 2004 г. Т. М. Бялкина разрабатывает проект Устава городского округа город Воронеж, ставшего основой и для действующего ныне документа¹⁴.

В 2000-е гг. Татьяна Михайловна плодотворно занимается проблемами теории и правового регулирования широкого спектра муниципально-правовых институтов, многими другими вопросами, связанными в том числе с развитием соответствующей учебной дисциплины; в 2000 г. в свет выходит практикум по муниципальному праву¹⁵, выдержавший к настоящему времени три издания.

В то же время основным направлением деятельности ученого становится компетенция местного самоуправления: в 2002 г. разрабатывается и издается программа одноименного специального учебного курса, публикуется не один десяток научных статей в условиях принятия и обсуждения нового Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁶.

20 марта 2007 г. на заседании диссертационного совета Д 212.239.02 при Саратовской государственной академии права состоялась защита диссертации Т. М. Бялкиной на соискание степени доктора юридических наук на тему «Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования» (научный консультант – доктор юридических наук, профессор Ю. Н. Стариков). Главной целью исследова-

ния стало рассмотрение сущности местного самоуправления как института государственного устройства, ответственного за решение части общегосударственных публичных дел, т. е. как субъекта компетенционных отношений, а также формулирование теоретических положений и разработка конкретных рекомендаций, имеющих прикладное значение для совершенствования законодательства о компетенции местного самоуправления и практики его применения. Годом ранее вышла одноименная монография автора¹⁷.

В 2005 г. выходит учебное пособие Т. М. Бялкиной «Муниципальное право Российской Федерации»¹⁸. Будучи доцентом кафедры административного, муниципального и финансового права, а затем профессором кафедры административного и муниципального права, Татьяна Михайловна принимает участие в написании учебников по административному и бюджетному праву. Автор занимается проблемами территориальной организации местного самоуправления¹⁹, муниципальных должностных лиц²⁰, территориального общественного самоуправления²¹, судебной защиты данного института публичной власти²² и мн. др.

С 1 сентября 2016 г. Т. М. Бялкина возглавила кафедру конституционного права России и зарубежных стран (впоследствии переименованную в кафедру конституционного и муниципального права). Помимо административной работы она

¹⁷ См.: Бялкина Т. М. Компетенция местного самоуправления : проблемы теории и правового регулирования : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 408 с.

¹⁸ См.: Муниципальное право Российской Федерации : учеб. пособие / сост. Т. М. Бялкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. 574 с.

¹⁹ См.: Бялкина Т. М. О некоторых вопросах территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2007. № 2 (3). С. 183–193.

²⁰ См.: Бялкина Т. М. О некоторых аспектах статуса выборного должностного лица местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2000. № 1. С. 10–12.

²¹ См.: Бялкина Т. М. Актуальные вопросы правового регулирования территориальной организации местного самоуправления // Юрид. записки. 2013. № 3 (26). С. 68–74.

²² См.: Бялкина Т. М., Бухонов А. В. О некоторых проблемах реализации права на судебную защиту местного самоуправления // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2011. № 2 (11). С. 77–88.

¹³ См.: Бялкина Т. М. Муниципальное право Российской Федерации : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. 88 с.

¹⁴ См.: Устав городского округа город Воронеж : принят постановлением Воронежской городской Думы от 27 октября 2004 г. № 150-1 (ред. от 24 апр. 2024 г.) // Воронежский курьер. 2004. № 136.

¹⁵ См.: Бялкина Т. М. Муниципальное право Российской Федерации : практикум. М. : Юрист, 2000. 128 с.

¹⁶ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

читает лекции по конституционному и муниципальному праву, руководит открытой в 2017 г. магистерской программой «Юрист органов публичной власти», ведет практические занятия по дисциплине «Актуальные проблемы организации и деятельности органов публичной власти».

Профессор Т. М. Бялкина увлеченно работает с аспирантами кафедры, прививает студентам любовь и интерес к конституционному и муниципальному праву с самого 1-го курса. Каждый год она уделяет большое внимание совершенствованию организации кафедральных научных кружков и студенческих конференций. Она стремится к укреплению педагогического состава кафедры, привлечению инициативных молодых ученых к ее работе.

За годы руководства кафедрой Татьяна Михайловна стала инициатором и организатором значительного количества научных и просветительских мероприятий, при ее участии и поддержке модернизирована работа по изданию кафедрального научно-практического журнала «Конституционализм и государственное управление», который стабильно выходит четыре раза в год. Профессор Т. М. Бялкина – член редакционных коллегий известных в стране научных журналов «Вестник ВГУ. Серия: Право», «Журнал административного судопроизводства», «Местное право», «Муниципальное имущество: право, экономика, управление», «Муниципальная служба: правовые вопросы».

Традиционными стали масштабные научные конференции, имеющие всероссийский и международный статус, ежегодно организуемые кафедрой при поддержке Воронежского регионального отделения «Ассоциация юристов России» и органов публичной власти Воронежской области, в том числе посвященные 30-летию Конституции Российской Федерации, юбилею избирательной системы России, 100-летию со дня рождения профессора Виктора Степановича Основина, 80-летию Великой Победы, сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и т. д.

В 2024 г. по инициативе сотрудников кафедры во главе с профессором Т. М. Бялкиной кафедре конституционного и муниципального права присвоено имя профессора Виктора Степановича Основина.

Сегодня Татьяна Михайловна – известный ученый, основатель и ведущий представитель Воронежской школы муниципального права.

С 2023 г. она является председателем диссертационного совета 24.2.288.09 по научной специальности 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), созданного на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Профессор Т. М. Бялкина является автором и соавтором около 180 публикаций, включающих 9 монографий, в том числе коллективных, 24 учебника, учебные и учебно-методические пособия. В последние годы ее научные интересы связаны с базовыми, принципиальными вопросами построения и функционирования публичной власти и ее системы²³, государственной политики в области публичной власти в целом и местного самоуправления в частности²⁴. В своих работах она четко и последовательно отстаивает интересы местного самоуправления, в том числе принцип его самостоятельности, анализирует содержание и выявляет недостатки проходящих муниципальных реформ, уделяет внимание проблемам взаимодействия местного самоуправления с государством. Среди наиболее значимых работ последних лет с участием Т. М. Бялкиной можно выделить учебное пособие «Конституционное право Российской Федерации»²⁵ (2023 г.), учебник «Актуальные проблемы муниципального права Российской Федерации» (2020 г.)²⁶, монографию «Новые вызовы и возможности в сфере защиты прав человека» (2021 г.)²⁷, учебник «Основы мест-

²³ См.: Бялкина Т. М. Организация публичной власти на федеральных территориях (на примере федеральной территории «Сириус») // Конституционализм и государственное управление. 2021. № 3 (23). С. 11–16 ; *Ее же*. Конституционный принцип единства системы публичной власти и его реализация в законодательстве // Административное право и процесс. 2025. № 6. С. 25–31.

²⁴ См.: Бялкина Т. М. О новой концепции государственной политики Российской Федерации в сфере местного самоуправления // Местное право. 2020. № 5. С. 29–36 ; *Ее же*. Государственная политика в сфере публичной власти // Конституционализм и государственное управление. 2024. № 4 (36). С. 15–22.

²⁵ См.: Конституционное право : учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Бондарева, Т. М. Бялкина ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2023. 472 с.

²⁶ См.: Актуальные проблемы муниципального права : учебник / Б. С. Эбзеев, Т. М. Бялкина, П. А. Бышков [и др.] ; под науч. ред. Б. С. Эбзеева, Е. Н. Хазова ; под общ. ред. В. В. Комаровой, Л. Т. Чихладзе. М. : Юнити-Дана, 2020. 321 с.

²⁷ См.: Новые вызовы и возможности в сфере защиты прав человека : монография / под ред. Т. М. Бялкиной,

ного самоуправления в Российской Федерации» (2025 г.)²⁸. В настоящее время основное направление ее научной деятельности связано с анализом нового Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и практики его реализации.

Татьяна Михайловна Бялкина ежегодно участвует во всероссийских и международных научных мероприятиях конституционно-правовой и муниципально-правовой тематики. Основная ее профессиональная деятельность связана с кафедрой конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина, работой со студентами и аспирантами. Ее личная дисциплинированность, высокие организаторские способности и управленческий талант создают на кафедре продуктивную, творческую и дружелюбную атмосферу.

Хотелось бы пожелать уважаемой Татьяне Михайловне крепкого здоровья, творческого подъема, неиссякаемой жизненной энергии, новых научных проектов и всех земных благ!

Коллектив кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина юридического факультета Воронежского государственного университета

Библиографический список

Актуальные проблемы муниципального права : учебник / В. С. Эбзеев, Т. М. Бялкина, П. А. Бышков [и др.] ; под науч. ред. В. С. Эбзеева, Е. Н. Хазова ; под общ. ред. В. В. Комаровой, Л. Т. Чихладзе. М. : Юнити-Дана, 2020. 321 с.

Бялкина Т. М. Актуальные вопросы правового регулирования территориальной организации местного самоуправления // Юрид. записки. 2013. № 3 (26). С. 68–74.

Бялкина Т. М. Государственная политика в сфере публичной власти // Конституционализм и государственное управление. 2024. № 4 (36). С. 15–22.

Бялкина Т. М. Законодательство области о местном самоуправлении. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 168 с.

Бялкина Т. М. Компетенция местного самоуправления : проблемы теории и правового регулирования : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 408 с.

Т. Д. Зражевской ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2021. 146 с.

²⁸ См.: Основы местного самоуправления в Российской Федерации : учебник / отв. ред. Г. Н. Чеботарев, Е. С. Шугрина. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 456 с.

Бялкина Т. М. Компетенция органов местного самоуправления : сборник нормативных актов : учеб. пособие. Воронеж, 1994.

Бялкина Т. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и его реализация в законодательстве // Административное право и процесс. 2025. № 6. С. 25–31.

Бялкина Т. М. Конституция Российской Федерации и развитие законодательства о местном самоуправлении // Правовая наука и реформа юридического образования. 1995. № 2. С. 30–42.

Бялкина Т. М. Муниципальное право Российской Федерации : практикум. М. : Юристъ, 2000. 128 с.

Бялкина Т. М. Муниципальное право Российской Федерации : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. 88 с.

Бялкина Т. М. О концепции муниципального права в Российской Федерации // Правовая наука и реформа юридического образования. 1995. № 1. С. 45–56.

Бялкина Т. М. О некоторых аспектах статуса выборного должностного лица местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2000. № 1. С. 10–12.

Бялкина Т. М. О некоторых вопросах территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2007. № 2 (3). С. 183–193.

Бялкина Т. М. О новой концепции государственной политики Российской Федерации в сфере местного самоуправления // Местное право. 2020. № 5. С. 29–36.

Бялкина Т. М. О соотношении компетенции Совета и местной администрации в области управления муниципальной собственностью // Информационный бюллетень Фонда государственного имущества Воронежской области. Воронеж, 1992.

Бялкина Т. М. Организация публичной власти на федеральных территориях (на примере федеральной территории «Сириус») // Конституционализм и государственное управление. 2021. № 3 (23). С. 11–16.

Бялкина Т. М. Проблемы формирования компетенции органов системы местного самоуправления // Материалы республиканской научно-практической конференции «Проблемы местного самоуправления в РСФСР» (Омск, 16–18 мая 1991 г.). Омск, 1991 ;

Бялкина Т. М. Рано «списывать» Советы // Ориентир : общественно-политический журнал. Воронеж, 1991.

Бялкина Т. М., Бухонов А. В. О некоторых проблемах реализации права на судебную защиту местного самоуправления // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2011. № 2 (11). С. 77–88.

Бялкина Т. М., Наквасина Г. А. Законодательство о муниципальной службе и проблемы его реали-

зации // Правовая наука и реформа юридического образования. 1998. № 9. С. 101–115.

Бялкина Т. М., Стариков Ю. Н. Местное самоуправление в Германии // Рос. юстиция. 1994. № 10. С. 37–38.

Бялкина Т. М., Зражевская Т. Д. Организационные модели городского самоуправления : сравнительно-правовой анализ областного законодательства // Правовая наука и реформа юридического образования. 1996. № 5. С. 30–39.

Конституционное право : учеб. пособие / отв. ред. Е. А. Бондарева, Т. М. Бялкина ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2023. 472 с.

Муниципальное право Российской Федерации : учеб. пособие / сост. Т. М. Бялкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. 574 с.

Новые вызовы и возможности в сфере защиты прав человека : монография / под ред. Т. М. Бялкиной, Т. Д. Зражевской ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2021. 146 с.

Основы местного самоуправления в Российской Федерации : учебник / отв. ред. Г. Н. Чеботарев, Е. С. Шугрина. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 456 с.

References

Actual problems of municipal law : textbook / B. S. Ebzееv, T. M. Byalkina, P. A. Byshkov [et al.] ; under the scientific editorship of B. S. Ebzееv, E. N. Khazov ; under the general editorship of V. V. Komarova, L. T. Chikhladze. Moscow : Unity-Dana, 2020. 321 p.

Byalkina T. M. Actual issues of legal regulation of the territorial organization of local self-government // Legal notes. 2013. No. 3 (26). P. 68–74.

Byalkina T. M. State policy in the sphere of public power // Constitutionalism and state studies. 2024. No. 4 (36). P. 15–22.

Byalkina T. M. Legislation of the region on local self-government. Voronezh : Voronezh Publishing House. University, 1996. 168 p.

Byalkina T. M. Competence of local self-government : problems of theory and legal regulation : monograph. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2006. 408 p.

Byalkina T. M. Competence of local self-government bodies : collection of normative acts : textbook. stipend. Voronezh, 1994.

Byalkina T. M. The constitutional principle of the unity of the system of public power and its implementation in legislation // Administrative law and Process. 2025. No. 6. P. 25–31.

Byalkina T. M. The Constitution of the Russian Federation and the development of legislation on lo-

cal self-government // Legal science and the reform of legal education. 1995. No. 2. P. 30–42.

Byalkina T. M. Municipal law of the Russian Federation : a practical guide. Moscow : Jurist, 2000. 128 p.

Byalkina T. M. Municipal law of the Russian Federation : textbook.- the method. stipend. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 1998. 88 p.

Byalkina T. M. On the concept of municipal law in the Russian Federation // Legal science and the reform of legal education. 1995. No. 1. P. 45–56.

Byalkina T. M. On some aspects of the status of an elected official of local government // State power and local self-government. 2000. No. 1. P. 10–12.

Byalkina T. M. On some issues of the territorial organization of local self-government in the Russian Federation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2007. No. 2 (3). P. 183–193.

Byalkina T. M. On the new concept of the state policy of the Russian Federation in the field of local self-government // Local law. 2020. No. 5. P. 29–36.

Byalkina T. M. On the relationship between the competence of the Council and the local administration in the field of municipal property management // Information Bulletin of the State Property Fund of the Voronezh Region. Voronezh, 1992.

Byalkina T. M. Organization of public authority in federal territories (on the example of the federal territory «Sirius») // Constitutionalism and State Studies. 2021. No. 3 (23). P. 11–16.

Byalkina T. M. Problems of formation of competence of local government bodies // Materials of the Republican scientific and practical conference «Problems of local self-government in the RSFSR» (Omsk, May 16–18, 1991). Omsk, 1991.

Byalkina T. M. It's too early to «write off» the Soviets // Orientir : socio-political journal. Voronezh, 1991.

Byalkina T. M., Bukhonov A. V. On some problems of the realization of the right to judicial protection of local self-government // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2011. No. 2 (11). P. 77–88.

Byalkina T. M., Nakwasina G. A. Legislation on municipal service and the problems of its implementation // Legal science and the reform of legal education. 1998. No. 9. P. 101–115.

Byalkina T. M., Starilov Yu. N. Local self-government in Germany // Russian justice. 1994. No. 10. P. 37–38.

Byalkina T. M., Zrazevskaya T. D. Organizational models of urban self-government : a comparative legal analysis of regional legislation // Legal science and the reform of legal education. 1996. No. 5. P. 30–39.

Constitutional law : studies. the manual / ed. by E. A. Bondarev, T. M. Byalkina ; Voronezh State

Профессионализм и спокойствие: к юбилею доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права им. проф. В. С. Основина Татьяны Михайловны Бялкиной

University. Voronezh : Publishing House. VSU House, 2023. 472 p.

Municipal law of the Russian Federation : textbook. the manual / comp. T. M. Byalkina. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2005. 574 p.

New challenges and opportunities in the field of human rights protection : a monograph / ed. by

T. M. Byalkina, T. D. Zrazhevskaya ; Voronezh State University. Voronezh : Publishing House. VSU House, 2021. 146 p.

Fundamentals of local self-government in the Russian Federation : textbook / ed. by G. N. Chebotarev, E. S. Shugrina. Moscow : Norma : INFRA-M, 2025. 456 p.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Received: 17.11.2025

Для цитирования:

Профессионализм и спокойствие: к юбилею доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина Татьяны Михайловны Бялкиной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/8-14>

For citation:

Professionalism and tranquility: to the anniversary of the doctor of law, professor, head of the department of constitutional and municipal law named after professor V. S. Osnovin Tatyana Mikhailovna Byalkina // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/8-14>

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ БЯЛКИНОЙ ОТ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Воронежский государственный университет

TO THE ANNIVERSARY OF TATIANA MIKHAILOVNA BYALKINA FROM LIKE-MINDED PEOPLE

Voronezh State University

28 октября 2025 г. Татьяна Михайловна Бялкина, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина, отметила свой юбилей.

Авторов настоящей статьи связывают с Татьяной Михайловной общая история, одно призвание, единое дело, общие научные интересы, теплая, сердечная дружба и долгие годы работы на одной кафедре, сначала – на кафедре государственного права и советского строительства, которая впоследствии была переименована в кафедру государственного и административного права, потом – на кафедре административного и муниципального права. Эта прочная

связь и дружба не прекратились и после того, как Татьяна Михайловна возглавила другую кафедру – кафедру конституционного права России и зарубежных стран, позже переименованную в кафедру конституционного и муниципального права, а сегодня носящую имя профессора Виктора Степановича Основина – Учителя юбиляра и других ученых юридического факультета.

Коллеги и единомышленники адресуют юбиляру искренние поздравления, сопровождая их теплыми воспоминаниями, словами признательности и добрыми пожеланиями.

Памятными историями о ярких и насыщенных годах совместной работы юбиляра делится кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и административно-процессуального права **Тамара Алексеевна Матвеева:**

«Татьяна Михайловна Бялкина пришла работать к нам на кафедру государственного права и советского строительства, возглавляемую известным профессором Виктором Степановичем Основиним, в 1990 г. Начинала с должности преподавателя. Я к тому времени работала в ВГУ уже 6 лет после заочной аспирантуры, защитив в 1988 г. кандидатскую диссертацию под руководством Виктора Степановича. Татьяна Михайловна после окончания университета 12 лет трудилась в Воронежском горисполкоме (ныне – Администрация городского округа город Воронеж) сначала – помощником председателя горисполкома, затем – инструктором организационно-инструкторского отдела, заведовала кабинетом советской работы. Таким образом, к моменту прихода на работу в ВГУ она имела обширные практические познания в области советского строительства, отличную теоретическую подготовку и могла достаточно быстро написать диссертацию. Но, к нашему глубокому сожалению, в 1990 г. Виктор Степанович умер. Кафедра и факультет потеряли талантливого ученого, прекрасного человека. А Татьяна Михайловна осталась без научного руководителя. Однако, обладая такими качествами, как профессионализм, целеустремленность, умение преодолевать трудности, добиваться намеченного, Т. М. Бялкина в 1995 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1998 г. была избрана на должность доцента кафедры конституционного и административного права (кафедра была переименована в 1997 г.), и в дальнейшем ей было присвоено ученое звание доцента.

Глубокое знание предмета: Татьяна Михайловна преподавала сначала советское строительство, затем муниципальное право – позволило ей принимать активное участие в правотворческой деятельности. Т. М. Бялкина – автор проекта первого Избирательного кодекса Воронежской области, проекта Устава городского округа город Воронеж.

В 1998 г. произошло знаменательное событие: из нашей общей кафедры выделилась кафедра административного права, которую возглавил доктор юридических наук, профессор Ю. Н. Стариков. И Юрий Николаевич пригласил Татьяну Михайловну, меня и ряд других сотрудников работать вместе с ним во вновь созданном подразделении. Это нас сблизило с Татьяной Михайловной. Но еще больше сдружила совместная месячная научная стажировка в начале 1999 г. в Немецкой высшей школе административных наук в Шпайере (земля Рейнланд-Пфальц, Германия, Deutsche Hochschule für Verwaltungswissenschaften Speyer).

Незабываемыми были годы совместной работы в Избирательной комиссии Воронежской области, где Татьяна Михайловна была членом комиссии с правом решающего голоса, а я – членом комиссии с правом совещательного голоса. Т. М. Бялкину всегда отличали прозорливость, глубокое понимание политических процессов, честность.

В 2007 г. Татьяна Михайловна блестяще защитила докторскую диссертацию и в 2008 г. была избрана на должность профессора кафедры административного и муниципального права.

С 2016 г. Т. М. Бялкина занимает должность заведующего кафедрой конституционного и муниципального права. Она ведет активную научную и практическую деятельность.

Теперь уже много лет мы работаем на разных кафедрах (как у нас шутят, каждая кафедра – отдельное государство). Но это не мешает нашему близкому, дружескому общению. При всей своей занятости Татьяна Михайловна всегда находит время для неформальных встреч, обсуждения насущных проблем.

Кроме того, у Т. М. Бялкиной большая семья, которой она тоже уделяет много внимания. Муж, дочь, сын и четверо внуков! Татьяна Михайловна – отличная жена, мама, бабушка. И я желаю ей крепкого здоровья, оптимизма и долгих лет жизни!»

Вспоминая защиту кандидатских диссертаций в один день с юбиларом, Татьяну Михайловну поздравляет доктор юридических наук, профессор **Валентина Васильевна Гриценко:**

«Традиционно, празднуя юбилей, люди вспоминают, сколько лет они знают друг друга. С Татьяной Михайловной Бялкиной мы знакомы очень давно. Мне посчастливилось защищать кандидатскую диссертацию с ней в один день – 27 декабря 1995 г. Наши защиты состоялись в Саратовской государственной академии. Это было 30 лет назад. И это тоже юбилей!

Вспоминаются удивительные факты, связанные с Татьяной Михайловной. Ей всегда было свойственно чувство самообладания! Я защищала свою кандидатскую после того, как прошла защита Татьяны Михайловны, и мне показалось, что я так не смогу. Несмотря на то что она очень волновалась, окружающие вряд ли могли догадаться об этом. Мы защитили свои работы, стали кандидатами юридических наук, и это дало нам путевки в большую научную жизнь.

Спокойствие, четкость, умение собраться в самый ответственный момент всегда были присущи Татьяне Михайловне – и тогда, и сейчас в равной мере. Время не властно над ней!

Татьяна Михайловна очень разносторонний и увлекающийся человек, прекрасный собеседник. Часто вспоминаются совместные поездки в город Саратов. Однажды мы приехали в аэропорт за долго до вылета, но так заговорились, что чуть не опоздали на рейс! Нет такой сферы деятельности, в которой бы не разбиралась Татьяна Михайловна. Она сама прекрасно шьет, одевается по последней моде, всегда подтянута и элегантна.

У Татьяны Михайловны огромный творческий потенциал, высокая требовательность, в первую очередь к себе, после – к окружающим.

Татьяна Михайловна прекрасно делает свою работу. Она очень интересно читает студентам лекции, на высочайшем профессиональном уровне, раскрывая сложные вопросы просто, доходчиво, понятно. При этом досконально разбираясь в муниципальном праве может только она, да еще и увлечь студентов, аспирантов, соискателей муниципально-правовой тематикой. Это дается Татьяне Михайловне легко! По крайней мере, так кажется всем!

Выпускники юридического факультета хорошо знают муниципальное право благодаря Татьяне Михайловне. В свое время Валентин Анатольевич Панюшкин учил нас ставить «двойки» улыбаясь, чтобы студент не обижался, но испытывал стыд за такой ответ и искренне признавал, что виноват, не доучил. У меня это никогда не получалось, а у Татьяны Михайловны – легко! Она поддерживает молодых исследователей, у нее свои благодарные ученики, ставшие кандидатами юридических наук, некоторые уже на пути к защите докторской.

Я не знаю, как мужчинам, но женщине в науке очень тяжело, так как надо постоянно работать над собой, искать, анализировать новый материал. А наука? Один раз защитил докторскую диссертацию, а потом всю оставшуюся жизнь надо писать научные статьи, расти, осваивать новые научные горизонты, вести за собой учеников.

Читая научные публикации Татьяны Михайловны (например, «Конституционный принцип единства системы публичной власти и его реализация в законодательстве», «Публичные функции и реализация конституционной гарантии местного самоуправления на судебную защиту»), в каждой строке чувствуешь ее стиль изложения, сдержанность, продуманность каждой фразы. Уже из четко-

сти названия статьи понимаешь, о чем идет речь. Депутатам Государственной Думы Федерального Собрания РФ надо у Татьяны Михайловны поучиться, как правильно и корректно называть принимаемые законы!

Однажды, работая над Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», прочитав несколько раз, я все-таки позвонила ей и спросила: «Где же там принципы?». И получила ошеломляющий ответ – их там нет! Как же так, ведь в названии закона они есть, а в тексте нет?! Для меня это высшая математика. Теперь еще один не менее запутанный Федеральный закон – «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Опять принципы!.. Для меня ясно одно: есть финансы – есть местное самоуправление, нет – значит, и нет местного самоуправления. В общем, разобраться в законодательных лабиринтах может только Татьяна Михайловна! Она выдающийся ученый!

Лучшие качества присущи Татьяне Михайловне Бялкиной и как педагогу, и как ученому, и как замечательному человеку! Обаятельная, интересная, в ней гармонично сочетается всё: и требовательность, и доброжелательность, и строгость, и скромность, и принципиальность, и понимание других. Чтение лекций, выступления на научных конференциях, ведение заседаний диссертационного совета отличаются четкостью, логичностью, структурированностью, нет ничего лишнего, всё понятно! Спокойная, интеллигентная, стройная, элегантная, с тонким чувством юмора – у нее есть чему поучиться.

Я знаю, что Татьяна Михайловна умеет держать удары судьбы с достоинством, но очень хочется, чтобы их никогда не было!

Любовь к профессии, науке, искренность и доброжелательность в отношении коллег и учеников, добрая память об учителях снискали заслуженное уважение. Т. М. Бялкина создала благоприятный климат на кафедре, которую возглавляет, ее авторитет непоколебим! Она ко всему относится ответственно, с присущей ей строгостью и принципиальностью.

Татьяна Михайловна – любящая и любимая дочь, супруга, мама, бабушка!

Татьяна Михайловна, оставайтесь такой, какая Вы есть!

А пожелать хочется юбиляру мирного неба, женского счастья, больше свободного времени для общения с родными и близкими, новых творческих

замыслов и успехов в их реализации, плодотворной жизни! И самое главное – крепкого здоровья Татьяне Михайловне и ее близким, чтобы всё это осуществить!»

Свои пожелания профессору Татьяне Михайловне Бялкиной высказывает доктор юридических наук, профессор кафедры административного и административного процессуального права, заведующий кафедрой теории и истории государства и права **Светлана Николаевна Махина:**

«С Татьяной Михайловной Бялкиной я познакомилась в 1994 г., когда пришла работать на юридический факультет Воронежского государственного университета. И первое мое впечатление о ней как о серьезном профессионале и исключительно тактичном и теплом человеке нисколько не изменилось за три десятилетия, а лишь углубилось и расширилось...

Вся профессиональная деятельность профессора Т. М. Бялкиной неразрывно связана с проблемами местного самоуправления. Причем ее детальное научное понимание этого социального феномена основывается на личном опыте, поскольку более десяти лет Татьяна Михайловна отдала практической работе в Воронежском горисполкоме, который в связи с изменениями государственного устройства и муниципальной реформой был преобразован в Администрацию городского округа город Воронеж. Думаю, что именно знание реальных механизмов деятельности местной власти позволило Татьяне Михайловне не только глубоко понять и воспринять процессы реформирования 1990-х – 2000-х гг., но и проявить самое деятельное участие в создании и дальнейшей модернизации нового законодательства о местном самоуправлении. Так, помимо участия в разработке проектов: законов Воронежской области «Об органах государственной власти Воронежской области» (1994 г.), «О выборах главы администрации области, местного самоуправления» (1994 г.); «О местном самоуправлении в Воронежской области» (2004 г.); Устава (Основного закона) Воронежской области 2005г., – Татьяна Михайловна является автором проектов Избирательного кодекса Воронежской области (1995 г.) и Устава городского округа город Воронеж (2004 г.), которые и были приняты в нашем субъекте Российской Федерации.

Особо хочу отметить научный талант профессора Т. М. Бялкиной. Более 180 научных работ, созданных ею, внесли значительный вклад в раз-

витие молодой российской науки о местном самоуправлении. Уверена, что не будет преувеличением сказать, что Татьяна Михайловна является одним из основоположников развития самостоятельной отрасли муниципального права. Причем научная смелость в осмыслении и интерпретации новелл сложного пути формирования законодательства о местном самоуправлении одной из первых, когда пока еще не сформированы научные «мэйнстримы», – особо ценное качество исследователя Т. М. Бялкиной, как и ее научная принципиальность.

Не менее талантливый и неординарный педагог – это тоже свойства Татьяны Михайловны. Огромное уважение и искренняя любовь коллег и студентов всегда являются ее спутниками. Корректность, чуткость, тактичность, понимание тонко сочетаются с такими личностными качествами, как справедливость, высочайший профессионализм, принципиальность. Думаю, что подобный баланс в немалой степени обусловлен умением профессора доносить самые сложные вещи понятно и интересно, а также много, много, много общаться со студенческим сообществом и, хотя и немного меньше, с коллегами.

Уважаемая Татьяна Михайловна! От всего сердца поздравляю Вас с юбилеем! И горжусь, что уже много лет имею честь быть Вашей коллегой!»

С теплотой в душе и искренними пожеланиями к поздравлениям юбиляра присоединяется доктор юридических наук, доцент **Ольга Сергеевна Рогачева:**

«Моё знакомство с Татьяной Михайловной Бялкиной состоялось в середине 90-х гг. прошлого столетия, когда я была студенткой 2-го курса юридического факультета ВГУ. Тогда же, еще на студенческой скамье, зародилось мое восхищение Т. М. Бялкиной как педагогом. Ее лекции были настолько глубокими и ясными, что я сразу приняла решение: свою курсовую работу буду писать только под ее руководством. Этот студенческий опыт позволил мне в полной мере оценить ее лучшие качества: безграничное терпение, безупречный такт и тот редкий авторитет, который рождается из мудрости и уважения к ученикам. Уверена, многие поколения студентов разделят мои чувства.

А когда мне посчастливилось стать коллегой Татьяны Михайловны на кафедре административного и муниципального права, мое впечатление о ней не просто улучшилось и укрепилось – оно переросло в глубочайшее профессиональное уваже-

ние. Я увидела не только блестящего педагога, но и принципиального ученого, интеллигентного и мудрого человека.

Татьяна Михайловна Бялкина – Ученый с большой буквы, которому присущи такие качества, как: неутомимое любопытство и жажда познания, научная честность и принципиальность, тщательность, педантичность и уважение к фактам, абсолютная преданность делу и настойчивость. Она является одним из основоположников муниципального права в Российской Федерации и лидером Воронежской научной школы муниципального права. В научных трудах Т. М. Бялкиной, посвященных местному самоуправлению, сочетаются фундаментальность и оперативность. Она смело берется за осмысление законодательных новелл, прокладывая путь для будущих исследований в отсутствие устоявшихся научных подходов. Ценность таких работ в переходе от простого воспроизведения норм законодательства о местном самоуправлении к глубокой экспертизе – оценке теоретической конструкции и практических рисков реализации новых положений.

Организаторские способности Татьяны Михайловны находят свое конкретное выражение в высочайшей культуре документооборота, работе возглавляемой ею кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина. Под ее руководством подготовка ежегодного отчета о научной деятельности юридического факультета осуществляется с эталонной скрупулезностью. Руководство диссертационным советом также является наглядным подтверждением организаторского таланта.

Поздравляя Татьяну Михайловну, невольно задумываешься о феномене гармонии, который она воплощает, – гармонии силы и изящества. Для нас, коллег, она живое доказательство того, что научный авторитет строится не на суровой строгости, а на ясности ума, такте и неизменной внутренней собранности. А ее безупречный стиль и внимание к себе – это продолжение той же высокой требовательности к порядку, точности и красоте. Быть примером блестящего ума, неиссякаемой энергии и безупречного вкуса – это, пожалуй, одно из самых сложных и ценных ее достижений, что, безусловно, требует титанической самоорганизации, мудрости и силы воли. К тому же Татьяна Михайловна – прекрасная мама и бабушка!

Дорогая Татьяна Михайловна, в день Вашего юбилея желаю Вам счастливой жизни, крепкого здоровья, профессиональных достижений, приятных для Вас событий, удачи!»

Сердечные поздравления юбиляра от кандидата юридических наук, доцента **Юлии Борисовны Носовой:**

«Поздравляя Татьяну Михайловну и размышляя над словами, которые хочется сказать юбиляру, коллеге, руководителю, неизбежно задаешь себе вопрос, легко ли быть авторитетным ученым, доктором наук, профессором, научным руководителем, заведующим кафедрой, председателем Диссертационного совета и при этом оставаться элегантной, красивой, ухоженной женщиной, прекрасной женой и мамой? Это, конечно, непросто. И это – большое достижение Татьяны Михайловны, результат ее ежедневного труда, незаурядных способностей, огромного таланта и силы воли.

С Татьяной Михайловной Бялкиной мы начали работать, когда я пришла на кафедру административного и муниципального права для срочной замены преподавателя, ведущего семинары по муниципальному праву. Это не было началом моей преподавательской деятельности, я к тому моменту уже работала на кафедре трудового права. Но работа с Татьяной Михайловной была очень ценна и полезна для меня. Весь семестр я ходила на ее лекции, уже не как студент, а как преподаватель, учащийся и перенимающий опыт. До сих пор вспоминаю эти пары как мастер-классы по чтению лекций и всегда стремлюсь следовать примеру Татьяны Михайловны, ее манере преподнесения материала.

Другой очень важный для меня опыт – это работа в диссертационном совете под руководством Т. М. Бялкиной. С Татьяной Михайловной спокойно и уверенно. Я знаю, что председатель диссертационного совета снимет сложные вопросы, сгладит какое-то непонимание в коллективе ученых, примет правильное, взвешенное решение. Уверенность, спокойствие, принципиальность, твердость, интеллигентность – отличительные качества Татьяны Михайловны как руководителя.

Следует отметить и прекрасные душевные качества юбиляра: понимание, сочувствие, чуткость, готовность пойти на встречу, умение вовремя сказать слова поддержки, предложить помощь и дать возможность обратиться за советом. Всё это очень ценно для всех, кто окружает Татьяну Михайловну Бялкину.

И, наконец, для нас, женщин-коллег, Татьяна Михайловна – тот пример, которому хочется следовать не только в науке, карьере, но и манерах, женственности, сохранении красоты, умении общаться с людьми».

От всей души поздравляем Татьяну Михайловну Бялкину с замечательным юбилеем – прекрасной датой мудрости, красоты и жизненно-го величия! Вы – не только блестящий Ученый, мудрый Учитель, надежный Друг, но и удивительная Женщина, чьи сила, элегантность и доброта покоряют всех вокруг! Ваша способность сочетать научную строгость с душевной чуткостью – редчайший дар. Желаем, чтобы любовь к

науке и жизни горела в Вашем сердце ярким пламенем. Крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, долгих лет счастливой жизни, успехов в научной и педагогической деятельности! Счастья Вам и Вашим близким! Пусть Ваш дом будет полон любви, смеха и поддержки родных, а в работе Вас окружают талантливые и преданные единомышленники. Оставайтесь такой же вдохновляющей, лучезарной и прекрасной!

Коллектив единомышленников

Воронежский государственный университет
Стариков Ю. Н., доктор юридических наук, профессор, и.о. ректора, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права
E-mail: juristar@law.vsu.ru

Носова Ю. Б., кандидат юридических наук, доцент, и.о. декана юридического факультета, доцент кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: yulia_sh81@mail.ru

Гриценко В. В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: vvgritsenko@mail.ru

Матвеева Т. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: tamara.alexeevna1954@yandex.ru

Махина С. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Рогачева О. С., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: olga_rogacheva@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.02.2026

Voronezh State University
Starikov Yu. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Acting Rector, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: juristar@law.vsu.ru

Nosova Yu. B., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Acting Dean of the Faculty of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: yulia_sh81@mail.ru

Gritsenko V. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: vvgritsenko@mail.ru

Matveeva T. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: tamara.alexeevna1954@yandex.ru

Makhina S. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Professor of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Rogacheva O. S., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: olga_rogacheva@mail.ru

Received: 10.02.2026

Для цитирования:

К юбилею Татьяны Михайловны Бялкиной от единомышленников / [Ю. Н. Стариков, Ю. Б. Носова, В. В. Гриценко, Т. А. Матвеева, С. Н. Махина, О. С. Рогачева] ; Воронежский государственный университет // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/15-21>

For citation:

To the anniversary of Tatiana Mikhailovna Byalkina from like-minded people / [Yu. N. Starilov, Yu. B. Nosova, V. V. Gritsenko, T. A. Matveeva, S. N. Makhina, O. S. Rogacheva] ; Voronezh State University // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/15-21>

**ПРОФЕССИОНАЛИЗМ – ГЛАВНОЕ КАЧЕСТВО:
К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
ОЛЕГА ВЛАДИМИРОВИЧА БАУЛИНА**

Воронежский государственный университет

**PROFESSIONALISM IS THE MAIN QUALITY:
ON THE ANNIVERSARY OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR
OLEG VLADIMIROVICH BAULIN**

Voronezh State University

28 декабря 2025 г. отметил свой 60-летний юбилей наш замечательный коллега – Олег Владимирович Баулин, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета.

О. В. Баулин является президентом Адвокатской палаты Воронежской области, вице-президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, председателем Воронежской областной коллегии адвокатов.

Поздравляя Олега Владимировича со знаменательным днем рождения, хотим обратить внимание на основные вехи его профессиональной

жизни, которая служит ярким примером гармоничного сочетания правовой теории и юридической практики, синтеза настоящего ученого, квалифицированного юриста и авторитетного руководителя.

В 1983 г. после окончания средней школы Олег Баулин поступил на дневное отделение юридического факультета Воронежского государственного университета, успешно сдав все вступительные экзамены, а также имея средний балл школьного аттестата «отлично», который суммировался с результатами вступительных испытаний.

Здесь следует вспомнить, что в 1980-е гг. студентам очного отделения высших учебных заведений не предоставлялась отсрочка от службы в Вооруженных Силах СССР. Как правило, студенты призывались в армию после 1-го или 2-го курсов, и срок службы составлял 2 года. Именно поэтому в 1984 г. Олег Баулин, как и многие другие студенты нашего факультета, был призван на воинскую службу, после окончания которой в 1986 г. продолжил обучение на юридическом факультете.

Несмотря на двухлетний перерыв, Олег Баулин с прежним интересом вернулся к учебе и активно проявил себя в научно-исследовательской работе, возглавив научное студенческое общество факультета.

Интересно отметить, что для своей выпускной работы студент Баулин выбрал именно цивилистическую процессуальную науку и, в частности, тему «Дифференциация гражданского процессуального права». Дипломная работа выполнялась под руководством кандидата

юридических наук, доцента Азы Владимировны Усталовой.

В 1990 г. О. В. Баулин блестяще защитил дипломную работу, сдал все государственные экзамены на «отлично», получив красный диплом и рекомендацию для поступления в аспирантуру.

Сразу же после окончания университета выпускник О. Баулин был приглашен на должность преподавателя кафедры гражданского, трудового права и гражданского процесса юридического факультета ВГУ (так в то время называлась кафедра гражданского права и процесса). Молодому преподавателю было поручено ведение практических занятий по курсам гражданского и арбитражного процессуального права, что и предопределило направление последующей научной деятельности ученого.

В 1991 г. Олег Владимирович, уже получив первый опыт преподавательской деятельности и самостоятельной научной работы, поступил в аспирантуру кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Ему посчастливилось стать аспирантом известного ученого, доктора юридических наук, профессора Михаила Константиновича Треушникова, заведующего кафедрой гражданского процесса МГУ – признанного классика науки гражданского процессуального права.

Успешная защита кандидатской диссертации на тему «Специальные нормы в гражданском процессуальном праве» состоялась в 1995 г. Нельзя не обратить внимания на своевременные сроки подготовки Олегом Владимировичем диссертации, свидетельствующие и о плодотворности научной работы, и о добросовестности исследователя.

Параллельно с преподаванием и занятием наукой О. В. Баулин начинает практическую деятельность. В 1993 г. он был принят в члены Воронежской областной коллегии адвокатов, а с 1995 г. стал заместителем председателя Воронежской областной коллегии адвокатов.

Как видно, уже в самом начале своей профессиональной жизни Олег Владимирович успешно сочетал все три направления – преподавателя, ученого и адвоката.

Отдельно остановимся на значении научных достижений профессора О. В. Баулина.

В кандидатской диссертации Олег Владимирович развивает учение о взаимодействии мате-

риального и процессуального права, в частности о влиянии материального права на особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел. В работе анализируются причины, обуславливающие наличие специальных процессуальных норм, проводится классификация таких норм, выделяются их признаки, а также анализируются специальные институты, устанавливающие особенности рассмотрения отдельных категорий дел.

Развивая сложившиеся в процессуальной науке подходы (выраженные, к примеру, в трудах К. С. Юдельсона, В. М. Шерстюка), О. В. Баулин в диссертации представил наиболее полное исследование категории специальных процессуальных норм.

После защиты кандидатская диссертация была доработана и издана в качестве монографии¹.

Необходимо отметить, что результаты кандидатской диссертации впоследствии использовались при проведении новых научных исследований, связанных с установлением процессуальных особенностей рассмотрения отдельных категорий гражданских дел, что свидетельствует о высокой научной ценности работы.

Активную и творческую научную работу Олег Владимирович продолжил и после защиты кандидатской диссертации. Развивая идеи своего научного руководителя профессора М. К. Треушникова, чьи основные труды были посвящены теории доказательственного права, О. В. Баулин приступает к разработке проблематики, связанной с распределением обязанностей по доказыванию в цивилистическом процессе.

Как результат, в 2005 г. в диссертационном совете МГУ состоялась защита докторской диссертации О. В. Баулина на тему «Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел». Данная научная работа послужила продолжением исследования автором особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, однако акцент в диссертации сделан на важнейших аспектах доказывания.

В докторской диссертации ученый предлагает определение понятия «бремя доказывания», раскрывает функции, которые выполняет институт «бремени доказывания». Отдельное внимание уделяется анализу сложнейших правил до-

¹ См.: Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. 101 с.

казывания – доказательственных презумпций и фикций.

Научная значимость докторской диссертационной работы О. В. Баулина заключается в том, что она представляет собой системное исследование института бремени доказывания. До публичной защиты и последующей публикации в науке цивилистического процесса таких системных исследований обязанности по доказыванию не проводилось. Имели место многообразие идей и позиций по вопросам определения и распределения бремени доказывания, неопределенность терминологии, наличие различных подходов к трактовке сущности и содержания правил распределения бремени доказывания. О. В. Баулиным предпринята удачная попытка систематизировать знания в указанной области, а на основе такой деятельности – представить правовой науке новые идеи.

Подготовленная на основе докторской диссертации монография была опубликована в авторитетном московском издательстве «Городец»².

В дальнейшем О. В. Баулин продолжает научные изыскания, связанные в основном с актуальными проблемами доказательственного права. Работы ученого разных видов: от учебных пособий, которые призваны помочь, прежде всего, начинающим юристам – студентам³, до коллективных исследований проблем доказывания⁴ и комментария к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации⁵, написанных в соавторстве с известными и ав-

торитетными учеными в области процессуального права.

Сегодня Олег Владимирович Баулин – доктор наук, профессор. Это не просто указание на наличие научных степени и звания. О. В. Баулин – один из авторитетных и известнейших специалистов в доктрине цивилистического процесса. Список наиболее значимых публикаций составляет более 70 научных и учебно-методических работ.

Иллюстрацией авторитета и значения научно-исследовательской работы профессора О. В. Баулина является тот факт, что ни одна современная научная работа диссертационного, монографического или учебного уровня, посвященная вопросам доказывания, не обходится без использования трудов Олега Владимировича. Более того, отсутствие в соответствующих работах ссылок на труды О. В. Баулина или упоминаний его статей и книг может расцениваться как достаточный аргумент для обоснования необходимости доработать проведенное исследование.

Без сомнения Олега Владимировича Баулина можно назвать современным классиком цивилистического доказательственного права. Одним из подтверждений этому служит переиздание его монографии «Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел» в том же издательстве «Городец», которое планируется к выходу в дополненном и переработанном автором варианте в 2026 г. Можно с уверенностью сказать, что и спустя 20 лет этот труд не утратил своей актуальности. Значимым фактом является опубликование данной книги в серии «Библиотека М. К. Треушниковой» – учителя и научного руководителя Олега Владимировича.

Помимо собственной научной работы, О. В. Баулин осуществляет подготовку научных кадров в аспирантуре по кафедре гражданского права и процесса. Двое из его учеников, успешно защитивших кандидатские диссертации, работают на кафедре: кандидат юридических наук, доцент Руслан Юрьевич Банников и кандидат юридических наук, доцент Евгений Иванович Вялых, с благодарностью и уважением вспоминающие период работы над кандидатскими исследованиями под научным руководством Олега Владимировича. Коллеги отмечают личностные качества своего научного руководителя, всегда отзывчивого, готового выслушать, помочь, дать

² См.: Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М. : Городец, 2004. 266 с.

³ См.: Баулин О. В., Фильченко Д. Г. Доказательства и доказывание в гражданском судопроизводстве : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 258 с. ; Виды гражданского судопроизводства : учеб. пособие : магистерская программа «Гражданский процесс, арбитражный процесс» / под ред. О. В. Баулина, Е. И. Носыревой. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 269 с.

⁴ См.: Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство : учеб. пособие / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 656 с.

⁵ См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) : памяти Вениамина Федоровича Яковлева посвящается : комментарий / А. А. Алексеева, Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, Л. Н. Бардин, О. В. Баулин [и др.] ; под ред. Т. К. Андреевой, М. К. Юкова, В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, Г. Д. Улётовой. 2-е изд., с изм. и доп. М. : Статут, 2022. 514 с.

мудрый совет, причем не только профессиональный, но и житейский.

Не вызывает сомнений тот факт, что в ближайшие годы будут завершены и успешно защищены диссертационные исследования и других преподавателей кафедры, которые сегодня осуществляют свою научную деятельность под руководством профессора О. В. Баулина.

Примечательным является и путь Олега Владимировича в адвокатской деятельности.

В 2002 г. в связи с реформой адвокатской палаты и организацией региональных адвокатских палат О. В. Баулин был избран на должность вице-президента Адвокатской палаты Воронежской области, которая стала логическим продолжением деятельности, начатой в должности заместителя председателя Воронежской областной коллегии адвокатов. В 2015 г. Олег Владимирович избран президентом Адвокатской палаты Воронежской области. В 2017 г. он стал председателем Воронежской областной коллегии адвокатов.

Профессиональные достижения О. В. Баулина неоднократно по достоинству оценивались разными знаками отличия, учрежденными Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации.

Олег Владимирович был награжден медалью II степени «За заслуги в защите прав и свобод граждан» (2004 г.); медалью I степени «За заслуги в защите прав и свобод граждан» (2008 г.); орденом «За верность адвокатскому долгу» (2014 г.); юбилейным памятным знаком «150 лет российской адвокатуры» (2014 г.).

Хотелось бы отдельно подчеркнуть значение последней награды, учрежденной Федеральной палатой адвокатов РФ к юбилею российской адвокатуры. Она вручалась за самоотверженное служение делу защиты прав и свобод человека и гражданина, безупречную деловую репутацию, длительную и плодотворную работу в органах адвокатского самоуправления, участие в совершенствовании законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, значительный вклад в правовое воспитание кадров, а также осуществление научной и исследовательской деятельности, связанной с адвокатурой.

С 2021 г. Олег Владимирович Баулин является также вице-президентом Федеральной палаты адвокатов РФ. В этом своем качестве он принимает активное участие в многочислен-

ных рабочих группах ФПА РФ: по подготовке изменений в Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре, по разработке и внедрению Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР), по формированию единого государственного реестра адвокатов и др.⁶

За свою активную деятельность на федеральном уровне Олег Владимирович был поощрен также ведомственными наградами Министерства юстиции Российской Федерации.

В 2022 г. в рамках празднования 220-летия Минюста РФ вице-президенту ФПА РФ О. В. Баулину была вручена серебряная медаль «За содействие» – за оказание бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения в рамках проводимых Минюстом России мероприятий и содействие в решении ряда других задач.

В 2023 г. в связи с празднованием Дня юриста Олег Владимирович был награжден высшим знаком отличия Минюста РФ – медалью Анатолия Кони. Она присуждается за большой вклад в реализацию государственной политики в сфере юстиции и законотворческой деятельности, эффективное обеспечение прав и законных интересов личности и государства.

Краткий обзор основных достижений профессиональной деятельности О. В. Баулина позволяет увидеть, насколько она многогранна. При этом важно отметить, что Олег Владимирович во всех направлениях своей работы именно профессионал, сочетающий глубокие теоретические правовые знания с огромным опытом адвокатской практики и управленческих функций.

Главное, что, несмотря на занимаемые должности, всю свою практическую занятость, О. В. Баулин сохраняет преданность цивилистической процессуальной науке и преподавательской деятельности. Участвует в различных научных мероприятиях, в том числе конференциях юридического факультета ВГУ, поддерживает сотрудничество с коллегами-процессуалистами из других университетов, публикует статьи, выступает официальным оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям, читает студентам лекции, руководит научно-исследовательской работой магистрантов и аспирантов. И всегда Олег Владимирович с готовностью

⁶ См.: 10 лет развития Адвокатской палаты Воронежской области // Воронежский адвокат. 2025. № 4 (262). С. 34.

делится своими знаниями и опытом с будущими юристами.

Сложно поставить под сомнение утверждение о том, что наставник будущих специалистов сам должен состояться в профессии. Сложно учить хирургии и не оперировать самому. Странно быть театральным педагогом и не выходить на сцену. То же и в праве, юриспруденции. Не всегда можно встретить успешное сочетание практической и преподавательской деятельности. Объективно сложно без ущерба для одной из сфер активно и полноценно работать.

Олег Владимирович Баулин всегда стремится к тому, чтобы ущерб преподаванию не был причинен из-за практической юриспруденции и руководящей работы. Напротив, опыт и умения практика позволяют О. В. Баулину своевременно рассказать, показать и научить тому, что нужно, и тех, кто желает. Данное утверждение подтвердит каждый, кому довелось быть студентом Олега Владимировича.

Сочетая преподавательскую деятельность с председательством Воронежской областной коллегии адвокатов, О. В. Баулин стремится заинтересовать студентов адвокатской профессией, обеспечить преемственность поколений. Уже многие годы Воронежская областная коллегия адвокатов поддерживает с Воронежским государственным университетом сотрудничество, направленное на проведение практики студентами юридического факультета. Благодаря подписанному и действующему в настоящее время долгосрочному договору о практической подготовке обучающихся пройти различные виды обязательных практик в любом структурном подразделении Воронежской областной коллегии адвокатов ежегодно имеют возможность до 150 студентов юридического факультета ВГУ.

К сожалению, расхожими и не лишены основания стали рассуждения о том, что выпускников с дипломом о высшем юридическом образовании много, а юристами-профессионалами становятся единицы. К таковым «единицам» относится Олег Владимирович Баулин – юрист-практик, адвокат, юрист-аналитик, юрист-профессионал. Сотни дел и проектов, реализованных с участием Олега Владимировича, – подтверждение тому.

Более того, Олег Владимирович – профессиональный руководитель, продуктивность и эффективность деятельности которого подтверждается работой Адвокатской палаты Воронежской

области. В 2025 г. были подведены итоги 10-летнего развития региональной адвокатской палаты – именно в этот период ее возглавлял Олег Владимирович. Поздравляя руководителя с этим юбилеем, Совет палаты заслуженно отметил высокий профессионализм Олега Владимировича, глубокую преданность адвокатскому долгу, стремление к сохранению и развитию лучших традиций российской адвокатуры⁷.

Наконец, безусловным признанием высоких организационных компетенций О. В. Баулина на федеральном уровне является его статус в качестве вице-президента Федеральной палаты адвокатов РФ.

С учетом всех видов деятельности, которые осуществляет О. В. Баулин, возникает вопрос: кто он – Олег Владимирович – наставник, практик, менеджер, ученый? В каком из названных проявлений он действительно профессионал?

Ответ очевиден и прост.

Олег Владимирович Баулин – профессионал во всём!

С Юбилеем, уважаемый Олег Владимирович!

Коллектив кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ВГУ

Библиографический список

Баулин О. В. Время доказывания при разбирательстве гражданских дел. М. : Городец, 2004. 266 с.

Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. 101 с.

Баулин О. В., Фильченко Д. Г. Доказательства и доказывание в гражданском судопроизводстве : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 258 с.

Виды гражданского судопроизводства : учеб. пособие : магистерская программа «Гражданский процесс, арбитражный процесс» / под ред. О. В. Баулина, Е. И. Носыревой. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 269 с.

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) : памяти Вениамина Федоровича Яковлева посвящается : комментарий / А. А. Алексеева, Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, Л. Н. Бардин, О. В. Баулин [и др.] ; под ред. Т. К. Андреевой, М. К. Юкова, В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, Г. Д. Улётовой. 2-е изд., с изм. и доп. М. : Статут, 2022. 514 с.

⁷ См.: 10 лет развития Адвокатской палаты Воронежской области // Воронежский адвокат. 2025. № 4 (262). С. 37.

Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство : учеб. пособие / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 656 с.

10 лет развития Адвокатской палаты Воронежской области // Воронежский адвокат. 2025. № 4 (262).

References

Baulin O. V. The burden of proof in civil proceedings. Moscow : Gorodets, 2004. 266 p.

Baulin O. V. Special norms in civil procedural law. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 1997. 101 p.

Baulin O. V., Filchenko D. G. Evidence and evidence in civil proceedings : training manual. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2006. 258 p.

Types of civil proceedings : training manual : master's program «Civil procedure, arbitration process» / ed. by O. V. Baulin, E. I. Nosyreva. Moscow : Infotropik Media, 2012. 269 p.

Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article) : dedicated to the memory of Veniamin Fedorovich Yakovlev : commentary / A. A. Alekseeva, T. K. Andreeva, S. F. Afanasyev, L. N. Bardin, O. V. Baulin [et al.] ; ed. by T. K. Andreeva, M. K. Yukova, V. V. Zaitseva, O. V. Zaitseva, G. D. Uletova. 2nd ed., with amendments and additions. Moscow : Statute, 2022. 514 p.

The course of evidentiary law : Civil procedure. The arbitration process. Administrative legal proceedings : training manual / S. F. Afanasyev, O. V. Baulin, I. N. Lukyanova [et al.] ; ed. by M. A. Fokina. 2nd ed., revised and additional Moscow : Statute, 2019. 656 p.

10 years of development of the Voronezh Region Bar Association // Voronezh lawyer. 2025. No. 4 (262).

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию: 21.01.2026

Для цитирования:

Профессионализм – главное качество: к юбилею доктора юридических наук, профессора Олега Владимировича Баулина / Воронежский государственный университет // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/22-27>

Voronezh State University

Received: 21.01.2026

For citation:

Professionalism is the main quality: on the anniversary of doctor of law, professor Oleg Vladimirovich Baulin / Voronezh State University // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/22-27>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВА ПО НЕПРОФИЛЬНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ

С. В. Кабышев

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ON SOME PROBLEMS OF TEACHING LAW IN NON-CORE FIELDS OF STUDY

S. V. Kabyshev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Аннотация: вопросам изучения права в рамках непрофильных, неюридических направлений профессиональной подготовки уделяется неоправданно малое внимание при анализе проблем и перспектив развития высшей школы. Взятый государством курс на восстановление классической триады российского образования, состоящей в единстве дисциплины, воспитания и обучения, делает приоритетным формирование ценностно-мировоззренческого, духовно-нравственного базиса российского студенчества, развитие патриотического правосознания молодежи. Усвоение национального права, его ценностей, принципов и основополагающих конструкций, является неотъемлемой чертой современного профессионала, призванного служить интересам своей страны. В связи с этим в статье обосновываются некоторые базовые элементы концепции освоения права в рамках неюридических специальностей, включая структурирование материала по признаку основных социальных общностей (семья, коллектив, общество, государство), обязательность изучения основ российского конституционного строя, важность междисциплинарного подхода для изучения правовых, технологических и социальных областей, связанных с конкретной технической деятельностью.

Ключевые слова: развитие высшего образования, непрофильная юридическая подготовка, правосознание, национальная идентичность, междисциплинарность.

Abstract: the study of law in non-core, non-legal fields of professional training receives unjustifiably little attention in analyzing the problems and prospects for the development of higher education. The state's commitment to restoring the classical triad of Russian education – the unity of discipline, upbringing, and instruction – prioritizes the development of a value-based, ideological, spiritual, and moral foundation for Russian students and the development of a patriotic legal consciousness among young people. Mastering national law, its values, principles, and fundamental constructs, is an integral part of a modern professional called upon to serve the interests of their country. In this regard, this article substantiates certain basic elements of the concept of mastering law in non-legal fields of study, including structuring material based on key social communities (family, collective, society, state), and the mandatory study of the foundations of the Russian constitutional system, the importance of an interdisciplinary approach to studying the legal, technological and social areas related to specific technical activities.

Key words: Higher education development, non-core legal training, legal consciousness, national identity, interdisciplinarity.

Развитие юридического образования долгое время остается одной из наиболее острых и противоречивых тем для обсуждения в ведом-

ственных, академических и экспертных кругах. Существуют разные подходы к пониманию, в частности, современной модели юриста, формированию ядра юридических дисциплин, соотношению теоретической, фундаментальной и прикладной подготовки.

Что же касается изучения права в рамках непрофильных, неюридических направлений профессиональной подготовки, то, надо признать, данный вопрос остается как бы на периферии проблем развития высшей школы, к его решению мы, можно сказать, только подступаемся. Более того, необходимо преодолевать отнюдь не вновь появившийся скептицизм, причем не только со стороны студентов, в отношении целесообразности, значимости изучения права за рамками основного профиля, поскольку это порой воспринимается как нечто факультативное, непосредственно не способствующее формированию профессиональных знаний и умений.

На отсутствие у студентов неюридических вузов часто четкого понимания того, зачем им нужно изучать право, обращала внимание еще Т. В. Кашанина, подчеркивая при этом исключительную важность разъяснительной работы преподавателя, который должен раскрыть ценность овладения основами права и для гражданина как личности, и для будущего «командира производства», призванного организовать взаимодействие подчиненных на правовой основе¹. Данный подход, однако, не принимается безоговорочно всеми. В ряде случаев напрямую ставится вопрос о степени потребности в правовых знаниях студентов неюридических специальностей, необходимости выявления и уяснения четких критериев, которые бы позволили при разработке образовательных стандартов, учебных планов, определять, насколько должен быть обеспечен образовательный процесс правовыми дисциплинами и какого рода должны быть эти дисциплины². Вариативный, дифференцированный и адресный подход является оправданным. Но потребность в проявлении разумной гибкости не дает оснований сомневаться в важности повсеместного изучения права как такового. Другое дело, что восприятие ценности освоения правовых знаний, нравственно-юридических императивов неотделимо от сложившегося в обществе отношения к самому праву и его роли в системе социальных отношений. В этом плане трудно не согласиться с тем, что искусственно

подогреваемое в обществе отношение к праву как инструменту сугубо утилитарного и жестко прагматического обеспечения конкурирующих интересов не могло не отразиться на структурировании и ценностной «иерархии» учебных юридических дисциплин, принципах внутривузовского перераспределения кадров профессорско-преподавательского состава, на снижении интереса к «отвлеченным» и не сулящим немедленной практической выгоды направлениям научных исследований, на постепенном, но неуклонном снижении качества теоретико-правовой грамотности выпускников³.

Российская система высшего образования находится в процессе совершенствования. С одной стороны, это нормальное, естественное состояние, поскольку высшая школа должна адекватно соответствовать реалиям и динамике социального времени. С другой стороны, надо понимать, что сегодня необходима не просто точечная настройка, а прежде всего формирование стратегической модели национально ориентированного развития высшей школы на базе наших традиций и долгосрочных приоритетов.

В соответствии с изменениями, внесенными недавно в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», были уточнены принципы государственной политики и правового регулирования в сфере образования, в составе которых предусмотрены научная обоснованность развития системы образования и соответствие гуманистического характера образования традиционным российским духовно-нравственным ценностям⁴. Тем самым обозначен четкий вектор на восстановление классической триады российского образования, состоящей из неразрывного единства дисциплины, воспитания и обучения. Требуется особое внимание к формированию ценностно-мировоззренческого, духовно-нравственного базиса российского студенчества, развитию патриотического

³ См.: Крусс В. И. Междисциплинарный характер учебных курсов, включающих вопросы юридической техники, в системе вузовской подготовки правоведов (спецкурс «Злоупотребление правом») // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 179–180, 178–185.

⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”»: федер. закон от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 1 (ч. 1). Ст. 66.

¹ См.: Кашанина Т. В. Особенности преподавания советского права в неюридических вузах // Правоведение. 1983. № 4. С. 66, 65–67.

² См.: Туранин В. Ю., Погорелов Д. В. Возможности совершенствования преподавания правовых дисциплин студентам неюридических специальностей // Право и образование. 2016. № 4. С. 56–63.

и гражданского правосознания молодежи, что выдвигает на передний план вопросы изучения, освоения права как ценностно-концентрированной отрасли. «Воспитание “без права”, – отмечал Л. И. Петражицкий, – дает в результате отсутствие прочной этической почвы и гарантий против житейских искушений, а что касается специально отношения к человеческой личности, чужой и своей, то естественный продукт такого воспитания – “рабская душа” и вместе с тем неуважение чужой личности, деспотизм и самодурство»⁵.

Следует напомнить, что в советское время система образования предполагала сквозной и непрерывный характер правового воспитания независимо от конкретного профессионального профиля.

В частности, согласно Закону РСФСР 1974 г. «О народном образовании» правовое воспитание входило в круг главных задач как средней общеобразовательной школы (ст. 37) и средних профессионально-технических училищ (ст. 56), так и средних специальных (ст. 67) и высших учебных (ст. 74) заведений. Организация работы по правовому воспитанию была возложена на профильные и другие министерства, комитеты и ведомства, в подчинении которых находились учебные заведения, и проводилась с участием Минюста РСФСР (ст. 20). При этом предусматривалось участие государственных предприятий, учреждений, организаций, их трудовых коллективов в развитии народного образования, в частности содействие улучшению правового воспитания детей и молодежи (ст. 19).

Действующий Закон об образовании включает формирование у обучающихся уважения к закону и правопорядку в число общих целей воспитания (п. 2 ст. 2) и в круг обязанностей всех педагогических работников (п. 1.1 ч. 1 ст. 48). Вместе с тем при всей важности воспитания целостного правосознания молодежи как одной из основ общероссийской идентичности, общественно-политической и экономической солидарности, гражданской активности и добропорядочности в настоящее время не выработаны единые концептуально-методические подходы к освоению права по непрофильным направлениям.

Правовая подготовка по неюридическим специальностям, как она отражена в ФГОС по

высшему образованию, носит узкопредметный и правоохранный характер, а в остальном определяется по усмотрению вузов.

Так, применительно к неюридическому бакалавриату речь идет о следующих универсальных компетенциях:

«УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, **исходя из действующих правовых норм**, имеющихся ресурсов и ограничений»;

«УК-11. Способен формировать **нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению** и противодействовать им в профессиональной деятельности».

Сведение правовой подготовки к утилитарному, инструментально-обеспечительному аспекту профессиональной деятельности с выходом на более широкий социальный горизонт в плане правопорядка и безопасности представляется упрощением, не соответствует роли права в современном обществе и тем задачам, которые стоят перед высшей школой.

Для понимания концептуальных вопросов преподавания права на неюридических факультетах важно учитывать объективные закономерности и тенденции современного социального развития, повышающие ценность правовых знаний и правовой ориентации молодежи.

Среди них можно выделить прежде всего такие, как:

– волнообразная глобализация, которая обусловлена столкновением претензий на западную гегемонию и устремлений к справедливой многополярности, равному уважению права народов на суверенное, самобытное развитие;

– юридизация общественных отношений, включая расширение предметного пространства, уплотнение, детализацию и нарастание динамизма правового регулирования, а соответственно, увеличение энтропии в правовой системе;

– сложная система наслаивания, сцепления, переплетения и коллизионных связей между современным правом и иными, порой не менее «сильными», социальными регуляторами, включая общественную нравственность, корпоративную этику, религию;

– наконец, цифровизация и виртуализация реальности, которые ставят, в том числе в прикладной плоскости, принципиально новые про-

⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 132.

блемы правосубъектности, личной автономии и безопасности, формируют угрозу гуманистического кризиса современного общества, что требует соответствующего реагирования со стороны права как механизма защиты добра, справедливости, нравственности.

Всё это предопределяет необходимость развития посредством высшей школы элементарных основ юридического мышления и правосознания, чтобы выпускник, владея базовой юридической методологией, мог ориентироваться и адаптироваться в быстроменяющейся социально-правовой жизни, в том числе корректировать при необходимости свой профессиональный профиль, сохраняя стабильный социально-нравственный фундамент.

Важно учитывать, что целью высшей школы как таковой является не просто подготовка специалистов высшего звена, а формирование слоя национальной интеллигенции, которая оказывает существенное влияние на всё общество, как через управленческие функции в каждой профессии, так и через общесоциальную активность. Как верно заметил К. М. Левитан, цель высшего профессионального образования – «специалист “интегрального профиля”, обладающий универсально-синтетическими знаниями и способный к универсально-функциональной профессиональной деятельности», и необходимо «максимальное раскрытие духовного, нравственно-этического, интеллектуального и психофизиологического потенциала человека, а не формирование узкофункциональных качеств будущего специалиста, когда личностные параметры выполняют вспомогательные функции по отношению к специальным характеристикам, приобретающим статус системообразующего фактора, когда цель образования – человек – трансформируется в средство – конкурентоспособного работника»⁶.

В реалиях современности, которые характеризуются развитием и широким применением в глобальном масштабе против нашей страны различных форм гибридной агрессии, в том числе имеющей социально-психологическую, идейно-мировоззренческую направленность, т. е. ориентированной в конечном итоге на подрыв ценностных устоев и традиций многонационального российского народа, вопросы укрепления правосознания через развитие правовой пе-

дагогики, повсеместное освоение права в высшей школе (в естественном сочетании с предшествующими этапами обучения и воспитания) и общее правовое просвещение относятся к проблемам общенациональной, конституционной безопасности. Заканчивается время, отмечал В. В. Лазарев, когда мы практически игнорировали существование в мире многообразных правовых систем и тот период, когда сокрушение отечественной правовой системы (вопреки закону отрицания отрицания) считалось безоговорочным благом, сегодня приобретает значение закрепление идей суверенитета национального государства вопреки корыстно эксплуатируемым идеям глобализма⁷. Преподавание права в высшей школе должно способствовать мировоззренческой сплоченности общества на базе единой общероссийской конституционной идентичности и традиционных духовно-нравственных ценностей, формирующих идейно-психологический и социокультурный каркас суверенной государственности России.

Дело при этом не только в «оборонительной» функции правосознания. Ничуть не менее важен созидательный аспект. Именно человек с развитым правосознанием и чувством справедливости, глубоко впитавший установки общенациональной российской культуры, любовь к Отечеству, способен в большей степени реализовать свой потенциал для социально значимых достижений, в том числе в инженерно-технической и информационной сферах.

Вместе с тем на практике воспитательный потенциал высшей школы используется далеко не в полной мере, в том числе ввиду возобладавших на определенном историческом этапе ложных установок, абсолютизирующих толерантность, ценностный релятивизм и идейно-мировоззренческую нейтральность (безразличие) государства, рыночно-сервисный подход к пониманию образования; в сочетании с неолиберальными представлениями о неких особых правах молодежи, призванных раскрепостить ее и оградить от притеснений и подавления со стороны старшинства, это привело к деградации патриотического сознания у значительно числа студентов, ослаблению личной мотивации к формированию патриотических качеств, замещению (вытеснению) традиционных иде-

⁶ Левитан К. М. Юридическая педагогика. М. : Норма, 2024. С. 125.

⁷ См.: Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17.

алов российской социокультурной среды чуждыми ценностно-целевыми ориентирами, распространению ценностных патологий, включая культ эгоизма, вседозволенности, корысти, пренебрежение общим благом, ложь, конформизм, безразличие в отношении аморальных поступков, безнравственность, безответственность, цинизм. В связи с этим важно исходить из необходимости отражения в законодательстве особой роли правового воспитания, призванного опорой на традиционные духовно-нравственные ценности и во взаимосвязи с исторически сложившимися нормами морали и правилами общежития обеспечивать идейно-психологические установки правомерного и добропорядочного поведения граждан, осознание и реализацию свободы в неразрывном единстве прав и обязанностей, формирование нетерпимости к нарушениям правопорядка, проявлениям экстремизма, посягательствам на общественную нравственность, гражданский мир и согласие, преодоление правового нигилизма.

Таким образом, при разработке концепции освоения права в рамках неюридических специальностей требуют обсуждения следующие вопросы.

Прежде всего это методологическая и структурная модель изучения права, которая, вероятно, должна быть в большей степени смещена от отраслевого к проблемно-тематическому подходу с неременной опорой на интегральный конституционно-правовой и философско-теоретический фундамент, способствующий пониманию национальной правовой системы в ее уникальной специфике как исторически сложившегося целого. Освоение права естественно должно включать в себя элементарную догматику, исходный понятийно-категориальный состав, а также ценностно-философские основания российского права как самобытного явления и источника развития российской цивилизации, а не продукта компиляторных иностранных заимствований. Исключительно важно сформировать уважение к национальному праву через выявление его глубинных связей с духом народа, присущими ему исконными принципами организации политического устройства, общественного хозяйства, семейного быта.

Широко применяемый отраслевой подход, представляющий собой попытку переноса на неюридическую сферу упрощенно-сжатой программы юридического образования, вряд ли мо-

жет считаться продуктивным. Подобное «скорочтение» (расчет на которое, возможно, удобен при формировании соответствующего курса) весьма не просто освоить студенту, еще сложнее добиться с его помощью заинтересованности в получении правовых знаний. Вместе с тем структура изучения права в высшей школе не может быть узкопредметной, должна способствовать формированию целостной правовой ориентации человека в социальном мире. С этих позиций видится перспективным применение схемы структурирования учебного материала по признаку той социальной общности, в которую входит человек: семья, коллектив, общество, государство. Помимо прочего, это позволило бы скоординировать структурную логику изучения права с курсом основ российской государственности и тем самым способствовало бы взаимному усилению ценностно-мировоззренческого воздействия данных курсов на обучающихся.

Попытка формирования такой структурной модели курса права на неюридических направлениях подготовки предпринята в Томском государственном университете⁸. Подготовленный учебно-методический комплекс строится соответственно субъектным и предметно-профильным сферам правовой коммуникации человека – с государством, гражданским обществом, человеком с акцентом на трудовые, экономические, семейные, политические и социокультурные отношения. Отдельное внимание предлагается уделить анализу потребностей, проблем, рисков, связанных с местом и ролью человека в контексте права будущего. Данный оригинальный подход заслуживает внимания и дискуссии для совершенствования модели. Право как таковое не сводится к коммуникации, отождествление с которой обменных отношений, индивидуальной приватности (неприкосновенности), публично-принудительных форм организации социальных взаимоотношений, представляется некоторой натяжкой. Кроме того, праву не безразличны ни предпосылки коммуникации, ни ее социальные выходы (результаты), включая определенное распределение социальных благ. Исходя из анализа структуры и содержания учебно-методического комплекса, можно сделать вывод об излишнем увлечении авторов коммуникативным подходом к пониманию права, поскольку большая часть названий разделов и глав содержит термины «коммуникация»

⁸ См.: Право : учеб.-метод. комплекс. Томск, 2024.

и «правовая коммуникация» Не представлены должным образом иные школы и направления правопонимания. Так, содержание материалов комплекса фактически не учитывает основных доктринальных постулатов доминирующей школы правопонимания в отечественной юриспруденции – современного нормативного правопонимания, что, по нашему мнению, может осложнить формирование целостного представления у обучающихся в отношении действующей системы российского законодательства и сложившейся юридической практики, а в ряде случаев может способствовать формированию искаженных, неверных представлений о праве и правовой системе российского общества.

Отдельного обсуждения требует изучение основ российского конституционного строя, поскольку именно Конституция России содержит в себе в наиболее концентрированном виде не только философию российского правового мировоззрения, но и основные подходы к пониманию нашей правовой системы, ее функционированию и развитию, пониманию логики отраслей и отдельных институтов в их взаимосвязи. «Смысл преподавания Конституции, – по очень точному замечанию Б. С. Эбзеева, – заключается в том, чтобы формировать гражданский дух наших молодых людей. Нам нужны граждане, а не толпа. Не люди, которые готовы бездумно поддерживать любые инициативы публичной власти либо, напротив, столь же бездумно выходить с протестами на улицу. Нам нужны граждане в истинном смысле этого слова, знающие конституционные основы устройства государства и общества, уважающие их и готовые защищать в случае надобности»⁹.

При этом изучение права должно носить планомерный и длящийся характер, продолжаться на разных этапах обучения в высшей школе.

Естественно, важна прикладная составляющая, умение находить подходы к решению общих типовых социально-правовых, в том числе конфликтных ситуаций.

Отдельный и существенный блок вопросов должен касаться изучения правовых основ соответствующего профильного направления профессиональной деятельности с учетом ее специфики, различного сочетания государственного регулирования и саморегулирования, сложившихся правил корпоративной этики.

⁹ Конституция определяет жизнь каждого из нас : интервью с Б. С. Эбзеевым // Юрист. 2020. № 2. С. 2–9.

В настоящее время научно-технологическое развитие приобретает значение одной из главных движущих сил государственного прогресса, обеспечения суверенитета России и благополучия граждан и вместе с тем ставит перед нами новые вызовы, связанные как с формированием и поддержанием его необходимых темпов, позволяющих добиться технологического лидерства, так и с предотвращением сопутствующих рисков и неблагоприятных последствий. Право не может предопределить (произвести или гарантировать) научные прорывы, но оно способно и должно организовывать развитие науки не только для самой науки, но и для общества, создавать условия, благоприятствующие инновациям, ставя их при этом в согласие с целями добра и справедливости, в нравственные рамки.

Для изучения правовых, технологических и социальных областей, связанных с конкретной технологией или технической деятельностью, полезно апробировать междисциплинарную методологию.

В связи с этим заслуживает внимания опыт института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ «Московский институт электронной техники», реализующего с 2019 г. подготовку специалистов с бинарными компетенциями в сфере юриспруденции и высоких технологий. Учебный план классического пятилетнего специалитета «Правовое обеспечение национальной безопасности» включает:

- 35 % дисциплин технического профиля;
- 55 % дисциплин юридического профиля;
- 10 % дисциплин общепрофессионального блока¹⁰.

В целях реализации принципа научной обоснованности развития системы высшего образования важно организовать широкий научно-экспертный диалог между представителями теоретической и прикладной юриспруденции, смежных дисциплин, высокотехнологического бизнеса и органов публичной власти в целях лучшего понимания приоритетов, проблем, задач и поиска выверенных в юридическом, социальном и нравственном отношении регулятивных подходов к развитию и применению искусственного интеллекта, квантовых и биотехнологий, других передовых направлений, а также

¹⁰ См.: Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право : понятие, генезис и перспективы // Вестник Рос. унта дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749.

конкретных практических способов совершенствования преподавания права на неюридических факультетах.

Библиографический список

Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право : понятие, генезис и перспективы // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749.

Кашанина Т. В. Особенности преподавания советского права в неюридических вузах // Правоведение. 1983. № 4. С. 65–67.

Конституция определяет жизнь каждого из нас : интервью с Б. С. Эбзеевым // Юрист. 2020. № 2. С. 2–9.

Крусс В. И. Междисциплинарный характер учебных курсов, включающих вопросы юридической техники, в системе вузовской подготовки правоведов (спецкурс «Злоупотребление правом») // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 178–185.

Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал рос. права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5–17.

Левитан К. М. Юридическая педагогика. М. : Норма, 2024. 416 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 608 с.

Право : учеб.-метод. комплекс. Томск, 2024. 173 с.

Туранин В. Ю., Погорелов Д. В. Возможности совершенствования преподавания правовых дисциплин студентом неюридических специальностей //

Право и образование. 2016. № 4. С. 56–63.

References

Bertovsky L. V. High-tech law : concept, genesis and prospects // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 735–749.

Kashanina T. V. Features of teaching Soviet law in non-legal universities // Jurisprudence. 1983. No. 4. P. 65–67.

The Constitution defines the life of each of us : an interview with B. S. Ebzeev // Lawyer. 2020. No. 2. P. 2–9.

Kruss V. I. Interdisciplinary nature of training courses, including issues of legal technology, in the system of university training of lawyers (special course «Abuse of law») // Legal technology. 2009. No. 3. P. 178–185.

Lazarev V. V. Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 5–17.

Levitan K. M. Legal pedagogy. Moscow : Norma, 2024. 416 p.

Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg : Lan Publ., 2000. 608 p.

Law : educational and methodical the complex. Tomsk, 2024. 173 p.

Turanin V. Yu., Pogorelov D. V. Possibilities of improving the teaching of legal disciplines by a student of non-legal specialties // Law and education. 2016. No. 4. P. 56–63.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кабышев С. В., профессор кафедры конституционного и муниципального права, председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: svkabyshev@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.11.2025

Для цитирования:

Кабышев С. В. О некоторых проблемах преподавания права по непрофильным направлениям подготовки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 28–34. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/28-34>

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Kabyshev S. V., Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: svkabyshev@mail.ru

Received: 23.11.2025

For citation:

Kabyshev S. V. On some problems of teaching law in non-core fields of study // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 28–34. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/28-34>

**ДОЦЕНТ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ
СЕМЁН ИОГАНОВИЧ СИРОТА: ЖИЗНЬ НА ВСЕХ ПАРУСАХ
Часть 1**

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

**ASSOCIATE PROFESSOR OF THE LAW FACULTY OF VSU
SEMEN IOGANOVICH SIROTA: LIFE IN FULL SAIL
Part 1**

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена описанию жизненного и профессионального пути доцента юридического факультета ВГУ в 1960–1972 гг. Семёна Иогановича Сироты (1910–1972) и написана в связи со 115-летием со дня его рождения в 2025 г. Статья содержит биографические сведения о С. И. Сироте, описание его вклада в учебную, научную, культурно-спортивную жизнь юридического факультета ВГУ, воспоминания его учеников.

Ключевые слова: С. И. Сирота, юридический факультет, кафедра государственного и международного права, кафедра уголовного права, Воронежский государственный университет, парусный спорт.

Abstract: the article is devoted to the description of the life and professional path of an associate professor at the Faculty of Law of VSU in 1960–1972 Semyon Ioganovich Sirota (1910–1972). The article was written in connection with the 115th anniversary of the teacher's birth in 2025. The article contains biographical information about S. I. Sirota, a description of his contribution to the educational, scientific, cultural and sports life of the VSU faculty of law, the memoirs of his students.

Key words: S. I. Sirota, faculty of law, department of state and international law, department of criminal law, Voronezh State University, sailing.

Семён Иоганович Сирота. 1940-е гг.¹

Попутного ветра и семь футов под килем.
*Традиционное на флоте пожелание удачи
и жизненное кредо С. И. Сироты*

Семён Иоганович Сирота был одним из первых преподавателей юридического факультета ВГУ, воссозданного в Воронежском государственном университете в 1958 г.

С. И. Сирота родился 26 декабря 1910 г. в семье одесского рабочего². По окончании «семи-

² Основные биографические сведения о Семёне Иогановиче Сироте приводятся по: Личное дело в архиве ВГУ; Воспоминания Елены Сергеевны Жигульской, его дочери; Некролог С. И. Сироте / группа товарищей // Воронежский университет. 1972. 13 июня; Некролог С. И. Сироте // Коммуна. 1972. 6 июня. В некоторых источниках отчество С. И. Сироты неверно написано – с двумя «н» (прим. Е. С.).

¹ Все фотографии Семёна Иогановича Сироты для данной публикации любезно предоставлены его дочерью Еленой Сергеевной Жигульской.

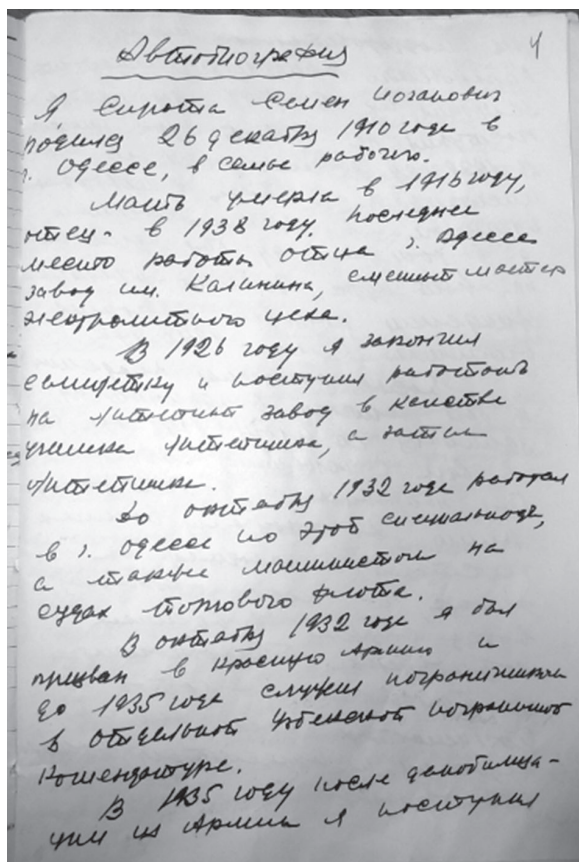
© Сазонникова Е. В., 2025

Е. В. Сазонникова

Доцент юридического факультета ВГУ Семён Иоганович Сирота: жизнь на всех парусах...

летки» (так в прежнее время называлась средняя школа с курсом обучения, рассчитанным на 7 лет) работал учеником литейщика и литейщиком на Одесском заводе сельскохозяйственного машиностроения имени Октябрьской революции. С 1929 по 1932 г. плывал на кораблях Совторгфлота в должностях машиниста и матроса. В 1932 г. был призван в армию и до 1935 г. служил в погранчастях отдельной Узбекской погранкомендатуры. За годы службы великолепно освоил верховую езду на лошадях.

После демобилизации в 1935 г. поступил на подготовительные курсы Харьковского юридического института, окончил их, сдал экстерном экзамены за десять классов и был принят на первый курс института на военно-юридический факультет. В связи с повторным призывом в Красную Армию в 1939 г. с 4-го курса института был переведен на последний курс Военно-юридической академии РККА, а в 1940 г. после ее окончания с отличием был оставлен в адъюнктуре.

Фрагмент собственноручно написанной автобиографии С. И. Сироты от 9 сентября 1959 г.
Личное дело в архиве ВГУ

В 1923 г. С. И. Сирота вступил в члены ВЛКСМ, в 1940 г. – в члены ВКП (б).

На фото третий слева – пионервожатый С. И. Сирота с испанцами, прибывшими в СССР. Одесса, 1937 г. Из архива Е. С. Жигульской

С первых и до последних дней Великой Отечественной войны (с июля 1941 г. по май 1945 г.) находился в действующей армии, в разные годы занимал ответственные посты заместителя председателя военного трибунала армии и председателя военного трибунала корпуса. После окончания войны до декабря 1959 г. продолжал службу на разных должностях в системе военных трибуналов Тихоокеанского и Балтийского флотов; последнее место службы – военный трибунал Воронежского военного округа. Воинское звание – полковник юстиции. За службу в Советской Армии и участие в Великой Отечественной войне награжден тремя орденами и девятью медалями.

С 1951 по 1958 г. по совместительству преподавал курс философии в вечернем университете марксизма-ленинизма Краснознаменного Балтийского флота.

В первом семестре 1959/60 учебного года С. И. Сирота работал на почасовой основе на кафедре государственно-правовых наук юридического факультета ВГУ. После увольнения в запас по выслуге лет с января 1960 г. и до конца жизни в 1972 г. преподавал на юридическом факультете ВГУ. В первые годы трудился последовательно в штате кафедры государственно-правовых наук, кафедры государственного и международ-

ного права, кафедры теории и истории государства и права; читал, в частности, курсы истории политических учений и курс всеобщей истории государства и права.

С. И. Сирота. 1950-е гг. Из архива Е. С. Жигульской

С 1963 по 1972 г. С. И. Сирота работал на кафедре уголовного права, процесса и криминалистики, преподавал дисциплину «Уголовное право. Общая часть» и спецкурс «Уголовно-правовая охрана социалистической собственности», руководил кружком уголовного права, был парторгом кафедры. В феврале 1968 г. в ознаменование 50-летия Вооруженных Сил и за большую работу, проведенную при организации кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Семёну Иогановичу Сироте была объявлена благодарность ректора Воронежского государственного университета.

В 1949 г. С. И. Сирота поступил в заочную аспирантуру Всесоюзного института юридических наук в Москве и по ее окончании 2 июля 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества» (диплом выдан в 1953 г.). В 1963 г. ему было присвоено ученое звание доцента.

Самые ранние публикации С. И. Сироты датированы 1949–1950 гг. – это публикации в газетах «Калининградская правда», «На страже Родины» Тихоокеанского флота, «Страж Балтики» Краснознаменного Балтийского Флота. В середине 1950-х гг. вышли публикации в «Бюллетене Военной Коллегии Верховного Суда СССР», «Бюллетене Военно-научного общества Воронежского военного округа». С переходом С. И. Сироты на работу на юридический факуль-

тет ВГУ начался период его самой большой публикационной активности, в свет вышли крупные научные, учебно-методические, научно-популярные и художественные работы³.

Продолжительное время С. И. Сирота работал над докторской диссертацией. Тема диссертационного исследования «Проблемы борьбы с преступлениями против социалистической собственности» была логическим продолжением кандидатской диссертации ученого. Сохранилась стенограмма заседания кафедры от 25 января 1972 г. (протокол № 7), на котором обсуждалась диссертация С. И. Сироты на соискание ученой степени доктора наук. В своем выступлении заведующий кафедрой Г. Ф. Горский сказал: «В диссертации впервые в юридической литературе исследуется вопрос об основных функциях уголовного права, и, в частности, такой, как охрана социалистической собственности. Сама постановка вопроса об основной функции уголовного права по охране социалистической собственности, несомненно, заслуживает внимания, так как дает возможность более полно раскрыть основные направления, задачи и методы уголовно-правового регулирования охраны социалистической собственности», – и сделал вывод о том, что диссертация может быть допущена к защите⁴. Защитить докторскую диссертацию Семёну Иогановичу помешала скоропостижная смерть, наступившая 2 июня 1972 г.

К сожалению, осталась неопубликованной и теперь неизвестной большая научная работа С. И. Сироты «Юридические воззрения декабристов». К счастью, в 1960 г. были опубликованы его короткие рефераты о правовых взглядах де-

³ Наиболее крупные публикации С. И. Сироты см.: Сирота С. И. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. 14 с. ; *Его же*. История буржуазного государства и права в период от Парижской Коммуны до Великой Октябрьской социалистической революции : лекции из курса всеобщей истории государства и права, прочитанные на юридическом факультете ВГУ. Воронеж, 1961. 57 с. ; *Его же*. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними / под ред. В. В. Труфанова и В. С. Жгутова. Воронеж, 1968. 203 с. ; *Его же*. Верность // Литературная Россия. 1970. № 30 ; *Его же*. Преступления может не быть. Воронеж, 1971. 143 с. ; Сирота С. И., Панько К. А. Суд выносит приговор. Воронеж, 1972. 137 с.

⁴ См.: Протоколы заседаний кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета в 1971/1972 гг. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 203.

кабристов⁵ и русского философа А. Н. Радищева⁶, чьи идеи вдохновляли декабристов.

О ходе работы над книгой о декабристах сохранились редкие упоминания в протоколах заседаний разных кафедр юридического факультета ВГУ. Так, на заседании кафедры государственного и международного права 22 марта 1962 г. (протокол № 10) обсуждалась одна из глав будущей монографии «Теоретические основы юридических воззрений декабристов». Заведующий кафедрой В. С. Основин отметил, что удачно и убедительно был изложен основной вопрос главы – влияние доктрины естественного права на воззрения декабристов по общим вопросам государства, революции и права⁷.

Позднее, на заседании кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, состоявшемся 4 декабря 1962 г. (протокол № 7), обсуждались две главы этого научного труда. Заведующий кафедрой В. Е. Чугунов представил структуру работы: введение; источники формирования юридических воззрений декабристов; теоретические основы юридических воззрений декабристов; государственно-правовые воззрения декабристов; вопросы уголовного судопроизводства, гражданского и международного права; заключение. Члены кафедры активно участвовали в обсуждении рукописи⁸.

Крупный военный юрист, а впоследствии доцент юридического факультета ВГУ, С. И. Сирота не замыкался в рамках своей профессии. У него было много увлечений: он умело управлял лошадьми, великолепно играл в теннис, обладал артистическим даром (писал прозу и стихи, сочинял музыку, играл на фортепиано). Опытный яхтсмен, С. И. Сирота обучил парусному спорту многих студентов, внес неоценимый вклад в спортивную жизнь юридического факультета.

⁵ См.: Сирота С. И. Правовые воззрения декабристов // Воронежский университет. Рефераты научных работ / отв. ред. В. Е. Чугунов. Воронеж, 1960. Вып. 1. С. 22–23.

⁶ См.: Сирота С. И. Правовые взгляды А. Н. Радищева // Воронежский университет. Рефераты научных работ / отв. ред. В. Е. Чугунов. Воронеж, 1960. Вып. 2. С. 21–22.

⁷ См.: Протоколы заседаний кафедры государственного права и советского строительства в 1961/1962 уч. г. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 11.

⁸ См.: Протоколы заседаний кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета в 1962/1963 гг. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 25.

Большим увлечением С. И. Сироты было писательство. Через всю жизнь он, комсомолец 1920-х гг., пронес романтику революции, воспетую его любимым поэтом, одесситом Эдуардом Георгиевичем Багрицким. Ему посвятил Семён Иоганович свой рассказ «Атака». Текст этого рассказа, к сожалению, в настоящее время пока не найден. В феврале 2025 г. мне посчастливилось поговорить по телефону с учеником С. И. Сироты, ныне известным ученым, доктором юридических наук, профессором Сергеем Фёдоровичем Милюковым. На вопрос, не знаком ли он с рассказом своего учителя «Атака», Сергей Фёдорович рассказал мне, что на одном из концертов юридического факультета в рамках фестиваля «Университетская весна» С. И. Сирота сам читал этот рассказ со сцены. Но С. Ф. Милюков, на которого, как он выразился, «рассказ произвел яркое впечатление», не знал тогда, что автором рассказа был сам Семён Иоганович, – об этом ему рассказала я.

Рассказ С. И. Сироты «Верность» о его любимой собаке был признан лучшим на конкурсе газеты «Литературная Россия» в 1970 г. В 2019 г., спустя без малого 50 лет после смерти Семёна Иогановича, знаменитый писатель Эдуард Иванович Пашнев, жизнь которого была тесно связана с Воронежем и который был лично знаком с С. И. Сиротой, опубликовал в ежемесячном литературном журнале «Подъем» повесть «Белка на балконе». В этом произведении автор рассказал историю знакомства с Семёном Иогановичем, поведал несколько житейских историй, а в завершение поместил рассказ С. И. Сироты «Верность» и описал историю его появления и публикации. Повесть Э. И. Пашнева биографична, замечательно то, что в ней Семён Иоганович Сирота не спрятан за псевдонимом, он – один из главных действующих лиц произведения. Формат моей публикации не позволяет делать объёмные цитирования художественного текста, поэтому ограничусь несколькими красочными фразами, которыми Э. И. Пашнев запечатлел для потомков Семёна Иогановича: «Семён Иоганович Сирота, военный юрист в отставке, яхтсмен, охотник»; «Студенты юрфака, где он после отставки преподавал [...], называли его чуть-чуть насмешливо, но и любовно: “Адмирал”»; «Рояль стоял тут же, в его комнате. Я уже слышал, как он на нем играет. Но не знал, что Семён Иоганович может и музыку сочинять».

Заключительная глава «Семён Иоганыч» с трагическим финалом; в ней без лишних слов, эмоционально и стремительно Э. И. Пашнев рассказал о последних часах жизни С. И. Сироты. Семён Иоганович, успев спасти сначала упавшую за борт яхты собаку, а потом оставшихся на неуправляемой яхте людей, умер мгновенно, не выдержав непосильного физического и эмоционального напряжения. Самые последние слова Э. И. Пашнева в главе о похоронах С. И. Сироты пронизаны чувством большой утраты и скорби: «Хоронили “адмирала”, военного юриста и моряка, с армейскими почестями. Салют недружными выстрелами комендантского взвода разорвал тихое небо над кладбищем. Когда солдаты ушли, я подобрал теплую гильзу на том месте, где они стояли. Эта гильза у меня до сих пор лежит на письменном столе в воронежской квартире»⁹. С. И. Сирота похоронен в Воронеже, на Юго-Западном кладбище.

Незаурядный талант лектора, умение найти подход к каждому студенту сделали Семёна Иогановича Сироту одним из самых любимых преподавателей на юридическом факультете в 1960-е гг. Теплые воспоминания о Семёне Иогановиче прислали мне его выдающиеся ученики – доктор юридических наук, профессор Виктор Александрович Михайлов и доктор юридических наук, профессор Сергей Фёдорович Милюков.

В. А. Михайлов: «Замечательный человек, офицер, полковник, военный судья, высокопрофессиональный юрист, декабриствед. С. И. Сирота – самый обожаемый преподаватель на юридическом факультете ВГУ в 1960–1967 гг. Студенты младших курсов с середины апреля по октябрь всё свободное время проводили на реке Воронеж вокруг Семёна Иогановича и его “Бегущей” по волнам яхты – подарка командующего Балтийского флота при отправлении Семёна Иогановича на пенсию. Семён Иоганович вел занятия по теории политических учений, а также научный кружок по истории политических учений. Под его руководством я сделал научный доклад по теории разделения властей Ш. Л. Монтескье и подготовил дипломную работу на тему “Уголовно-правовые воззрения П. И. Пестеля”»¹⁰.

⁹ См. подробнее: Пашнев Э. И. Белка на балконе // Подъём. 2019. № 9. URL: <https://podiemvrn.ru/belka-na-balkone> (дата обращения: 21.08.2025).

¹⁰ Воспоминания профессора В. А. Михайлова о С. И. Сироте впервые были опубликованы: Сазонни-

С. И. Сирота. Воронеж, 1960-е гг.
Из архива Е. С. Жигульской

С. Ф. Милюков: «Слово о Семёне Иогановиче. В жизни бывает так, что знаешь человека многие годы, даже десятилетия, а сказать о нем особо нечего: он не затронул твои душевные струны, не проявил себя ярко, значимо, необычно...

Бывает и наоборот — судьба свела на недолгое время, а зарубок в памяти немало. Это в полной мере относится к С. И. Сироте, который зримо выделялся даже на фоне незаурядных личностей, которые составляли костяк педагогического коллектива юрфака ВГУ в 60–70 гг. прошлого века.

С 1-го семестра 1968/69 учебного года он читал на нашем курсе лекции по Общей части уголовного права. А на 5-м курсе свой авторский курс “Уголовно-правовая охрана социалистической собственности”. В последнем случае вместо конспекта он клал перед собой вполне готовую, переплетенную в солидный том докторскую диссертацию, которую, увы, он не успел защитить...

Семён Иоганович, несмотря на возраст, был чрезвычайно подвижен, даже экспрессивен. Отсюда имел в нашей среде прозвище “Комиссар Жюв” (персонаж популярного тогда фильма “Фантомас”, роль которого играл известный актер Луи де Фюнес, на которого он был похож и внешне, и по манере поведения). В разговоре о нем порой вспоминали строку из блатной песни, где

кова Е. В., Михайлов В. А. По страницам истории юридического факультета ВГУ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 1 (36). С. 18.

рефреном звучали слова “Корешок мой Сенечка и я”. Вообще “блатное” творчество было тогда в большом почёте у большинства студентов-юристов, да и у некоторых преподавателей тоже. Прежде всего, конечно, песни В. С. Высоцкого.

Тем не менее его педагогический и научный авторитет был неоспорим. Как и многие преподаватели того времени, он был фронтовиком, причём юристом-фронтовиком [...].

Всему коллективу юрфака было известно увлечение Семёна Иогановича парусным спортом, о его походах на яхте ходили легенды. Помню, он предложил мне участвовать в них. Такое предложение было чрезвычайно интересно мне, поскольку с раннего детства меня влекло к рекам, воде, а о море приходилось только грезить, читая многочисленные книги об адмирале Ф. Ф. Ушакове, пиратах и сражениях на морях-океанах. Но я вежливо отклонил это предложение, понимая, что неформальное общение с преподавателями будет мешать их восприятию, прежде всего, как педагогов, ученых, людей с огромным опытом жизни. Ведь я, как и другие студенты, знал, что они земные люди, многие из них были изрядными жизнелюбами. Но знать отдаленно и лично видеть и участвовать в чем-либо таком – это большая разница!

Еще одна сторона личности Семёна Иогановича открылась мне на одной из “Университетских весен” в главном корпусе ВГУ (примерно в 1970–1971 гг.). Неожиданно для меня на сцене актового зала появился Сирота и начал декламировать рассказ о кавалерийской атаке. Мне было очень интересно (мой отец в 1936–1938 гг. служил на Украине в кавалерии). [...]

Хорошо помню нашу последнюю при его жизни встречу. Он подошел ко мне в Детском парке (как оказалось позднее, жил он совсем рядом). Зная, что я по своей инициативе иду на следственную работу в милицию (Левобережный РОВД), Семён Иоганович уверенно заявил: “Ждем Вас через три года на факультете”. Увы, через несколько дней Сироты не стало. Я выполнил его предначертание в ноябре 1975 г.

Об обстоятельствах его трагического ухода тоже ходили легенды (связано с его любимой яхтой). Защиты дипломных работ прошли уже без его участия. Все его ученики получили “отлично”. Хоронили с большим почетом, при активном участии студентов, прежде всего выпускников 1972 г., на Юго-Западном кладбище. Помню, наш препода-

ватель А. С. Одиноких снимал торжественно-траурную церемонию на кинокамеру.

Уже в период моей работы преподавателем возникла традиция посещения могилы С. И. Сироты во время госэкзаменов. Поминали его тепло. В. В. Труфанов рассказывал присутствующим связанные с покойным курьезные истории. Наверное, так и надо было делать, исходя из светлой, кипучей энергии покойного. Ну а яхтенный спорт на юрфаке не умер и существовал потом изрядное количество лет благодаря И. С. Ретюнских и небольшой группе энтузиастов. Ну это особая история...»¹¹.

Р.С. Публикация была задумана в 2018 г., тогда же был начат сбор материалов. Благодарю за помощь Елену Сергеевну Жигульскую, Сергея Фёдоровича Милюкова, Фёдора Владимировича Митина, Виктора Александровича Михайлова, Ивана Александровича Паболкова.

Библиографический список

Некролог С. И. Сироте / группа товарищей // Воронежский университет. 1972. 13 июня.

Некролог С. И. Сироте // Коммуна. 1972. 6 июня. Пашнев Э. И. Белка на балконе // Подъем. 2019. № 9. URL: <https://podiemvrn.ru/belka-na-balkone>

Протоколы заседаний кафедры государственного права и советского строительства в 1961/1962 уч. г. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 11.

Протоколы заседаний кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета в 1962/1963 гг. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 25.

Протоколы заседаний кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета в 1971/1972 гг. // ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 203.

Сазонникова Е. В., Михайлов В. А. По страницам истории юридического факультета ВГУ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 1 (36). С. 8–20.

Сирота С. И. Верность // Литературная Россия. 1970. № 30.

Сирота С. И. История буржуазного государства и права в период от Парижской Коммуны до Великой Октябрьской социалистической революции : лекции из курса всеобщей истории государства и права, прочитанные на юридическом факультете ВГУ. Воронеж, 1961. 57 с.

Сирота С. И. Правовые взгляды А. Н. Радищева // Воронежский университет. Рефераты научных ра-

¹¹ Воспоминания профессора С. Ф. Милюкова о С. И. Сироте публикуются впервые (присланы по электронной почте 16.02.2025 г.).

бот / отв. ред. В. Е. Чугунов. Воронеж, 1960. Вып. 2. С. 21–22.

Сирота С. И. Правовые воззрения декабристов // Воронежский университет. Рефераты научных работ / отв. ред. В. Е. Чугунов. Воронеж, 1960. Вып. 1. С. 22–23.

Сирота С. И. Преступления может не быть. Воронеж, 1971. 143 с.

Сирота С. И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними / под ред. В. В. Труфанова и В. С. Жгутова. Воронеж, 1968. 203 с.

Сирота С. И. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1952. 14 с.

Сирота С. И., Панько К. А. Суд выносит приговор. Воронеж, 1972. 137 с.

References

Obituary of S. I. Sirota / Group of comrades // Voronezh University. 1972. June 13.

Obituary of S. I. Sirota // Commune. 1972. June 6.

Pashnev E. I. Squirrel on the balcony // Rise. 2019. No. 9. URL: <https://podiemvrn.ru/belka-na-balkone>

Minutes of meetings of the Department of State Law and Soviet Construction in 1961/1962 academic year // GAVO. F. R-33. Op. 24. Ed. hr. 11.

Minutes of meetings of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Faculty of Law in 1962/1963 // GAVO. F. R-33. Op. 24. Ed. Chapter 25.

Minutes of meetings of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Faculty of Law in 1971/1972 // GAVO. F. R-33. Op. 24. Ed. hr. 203.

Sazonnikova E. V., Mikhailov V. A. Through the pages of the history of the Faculty of Law of VSU // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2019. No. 1 (36). P. 8–20.

Sirota S. I. Fidelity // Literary Russia. 1970. No. 30.

Sirota S. I. The History of the bourgeois State and Law in the period from the Paris Commune to the Great October Socialist Revolution : lectures from the course on the General History of State and Law, delivered at the Faculty of Law of the VSU. Voronezh, 1961. 57 p.

Sirota S. I. Legal views of A. N. Radishchev // Voronezh University. Abstracts of scientific papers / ed. by V. E. Chugunov. Voronezh, 1960. Vol. 2. P. 21–22.

Sirota S. I. Legal views of the Decembrists // Voronezh University. Abstracts of scientific papers / ed. by V. E. Chugunov. Voronezh, 1960. Issue 1. P. 22–23.

Sirota S. I. There may be no crime. Voronezh, 1971. 143 p.

Sirota S. I. Crimes against socialist property and the fight against them / ed. by V. V. Trufanov and V. S. Zhgutov. Voronezh, 1968. 203 p.

Sirota S. I. Criminal liability for theft of state and public property : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 1952. 14 p.

Sirota S. I., Panko K. A. The court passes sentence. Voronezh, 1972. 137 p.

Воронежский государственный университет
Сазонникова Е. В., доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина
E-mail: sazon75@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.09.2025

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Доцент юридического факультета ВГУ Семён Иоганович Сирота: жизнь на всех парусах. Часть 1 // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/35-41>

Voronezh State University
Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor of Constitutional and Municipal Law
Department named after Professor V. S. Osnovin
E-mail: sazon75@mail.ru

Received: 22.09.2025

For citation:

Sazonnikova E. V. Associate professor of the faculty of law of VSU Semyon Ioganovich Sirota: life in full sail. Part 1 // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/35-41>

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

О. Б. Лобанова, Л. С. Шмульская
*Лесосибирский педагогический институт –
филиал Сибирского федерального университета*

THE REGULATORY AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE ORGANIZATION OF HIGHER SCHOOL WORK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

O. B. Lobanova, L. S. Shmul'skaya
Lesosibirskij Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University

Аннотация: на основе анализа нормативно-правовых документов, региональной периодики 1941–1945 гг. и современных историко-педагогических исследований охарактеризована работа высшей школы в годы Великой Отечественной войны на примере Енисейского учительского института. Приведен опыт правового регулирования вопросов работы вузов в годы войны. Определено, что государство создавало условия для сохранения устойчивости системы образования в военное время.

Ключевые слова: нормативно-правовые документы, высшая школа, Великая Отечественная война, Красноярский край, Енисейский учительский институт.

Abstract: based on the analysis of normative legal documents, regional periodicals of 1941–1945 and modern historical and pedagogical research, the article describes the work of higher education during the Great Patriotic War using the example of the Yenisei Teachers' Institute. Provides the experience of legal regulation of the work of universities during the war. It is determined that the state created conditions for maintaining the stability of the education system during the war.

Key words: regulatory and legal documents, higher education, the Great Patriotic War, Krasnoyarsk Territory, Yenisei Teachers' Institute.

Современная образовательная политика Российской Федерации по вопросам развития высшей школы отражена в спектре государственных документов, таких как: Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (2017); Национальный проект «Образование» (2018), Программа «Приоритет 2030» (2021), Указ Президента РФ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (2023), Указ Президента РФ «О новых уровнях высшего образования» (2024) и др. В послании Федеральному собранию 29 февраля 2024 г. Президент В. В. Путин обозначил необходимость повышения потенциала и качества высшей школы (2024).

Совершенствование практики функционирования высшего образования невозможно без учета историко-педагогического опыта. Особый интерес в этом отношении представляет период Великой Отечественной войны, когда шел процесс адаптации сферы высшего образования к условиям военного времени, совершенствовалась нормативная база, регламентирующая этот процесс.

В 2025 г. страна отмечает 80-летие Великой Победы. В этом контексте представляет интерес исследование вопросов, касающихся не только хода военных действий, но и разных сторон общественной жизни граждан в тылу. В настоящей статье акцент сделан на организации работы высшей школы в такой непростой для страны период. На основе анализа нормативно-право-

вых документов в области образования, педагогической периодики и историко-педагогической литературы дана характеристика особенностей работы высшей школы во время Великой Отечественной войны на примере регионально-учительского института. Высшие учебные заведения решали важную проблему обеспечения квалифицированными специалистами учреждений, организаций и предприятий разного профиля. Существующая система подготовки кадров давала положительные результаты в годы войны и была призвана восполнить существенные потери в квалифицированных работниках в послевоенное время.

В научном пространстве имеется достаточно большое количество исследований, рассматривающих разные аспекты организации работы высшей школы в военный период. Среди исследователей региональной специфики работы институтов и университетов отметим работы З. У. Колокольниковой¹ (педагогические вузы Красноярского края), А. С. Ульянова² (Томский государственный университет), А. Г. Шантурова³ (Иркутский государственный медицинский институт), Р. Ю. Шпикельмана⁴ (Иркутский государственный университет). Более подробно остановимся на анализе работы одного из вузов сибирского региона – Енисейском учительском институте, который в свое время был самым северным вузом, занимавшимся подготовкой учителей для отдаленных территорий Красноярского края. Енисейский учительский институт был открыт в 1940 г. В стране к этому времени были заложены правовые основы системы образования, в том числе и организации деятельности выс-

шего учебного заведения: Декрет СНК «О высших учебных заведениях РСФСР» (1921 г.); постановления СНК СССР «О подготовке научных и научно-педагогических работников» (1934 г.), «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» (1932 г.), «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (1936 г.); «Типовой устав высшего учебного заведения» (1938 г.). Как отмечает Т. Ф. Ящук, к концу 1930-х гг. «наглядно проявились впечатляющие результаты, демонстрирующие эффективность советской модели высшего образования»⁵.

В 1941 г. штатное расписание вуза составлялось на основе постановления СНК СССР от 11 ноября 1937 г. № 2000 «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах»⁶. С начала Великой Отечественной войны в Енисейском учительском институте трудности укомплектованности кадрами высшей квалификации возросли. Ряд преподавателей были призваны в ряды Красной армии, на фронт, поэтому к работе привлекали преподавателей Енисейского педагогического училища и даже учителей средних школ. В 1942 г. штат преподавателей института пополнили эвакуированные специалисты, среди которых была А. И. Малютина, окончившая Московский литературный институт Союза Советских писателей и Сталинградский педагогический институт. Отметим, что она первая в институте была удостоена степени кандидата наук (1950), впоследствии получила звание профессора и отработала в институте 56 лет.

К 1944 г. проблема обеспеченности кадрами в институте стала несколько меняться в связи с возвращением на работу педагогов-фронтовиков. Это дало импульс для восстановления работы вуза⁷. Кроме того, с целью привлечения специалистов к преподавательской деятельности в вузах устанавливалась заработная плата, размер которой делал профессию преподава-

¹ См.: Колокольникова З. У., Блинцова И. М., Староверова М. В. Развитие педагогического образования Красноярского края в 1935–1945 гг. // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 106–109.

² См.: Ульянов А. С. Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 27 с.

³ См.: Шантуров А. Г., Гайдаров Г. М. Иркутский государственный медицинский институт в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 2005. 588 с.

⁴ См.: Шпикельман Р. Ю. Политика центральной и региональной власти и деятельность вузовских коллективов по организации высшего образования в годы Великой Отечественной войны : исторический аспект (на примере Иркутской области) // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение» 2015. Т. 12. С. 129–145.

⁵ Ящук Т. Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) // Правоприменение. 2017. № 4. С. 14–22.

⁶ См.: Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е. И. Войленко. М., 1978. Ч. 2. С. 219.

⁷ См.: Малютина А. Возвращались в институт солдаты // Енисейская правда. 1975. № 74.

теля высшей школы престижной⁸. Так, в 1945 г. заработная плата доцента, отработавшего в институте пять лет, составляла 1000 рублей, кроме того, выплачивалась 20%-ная надбавка за отдаленность. Для сравнения приведем пример заработной платы хозяйственных работников института: комендант общежития – 250 руб., старший повар – 300 руб., рабочий – 400 руб., лаборант кабинета – 250 руб., посудница – 90 руб., уборщица – 100 руб.

Во время Великой Отечественной войны особенностью учебного процесса можно считать тот факт, что Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР приказом от 5 сентября 1941 г. предоставил директорам вузов право принимать студентов на обучение без отрыва от производства. Руководство института допускало освобождение студентов от обязательного посещения лекций и семинарских занятий, но прохождение промежуточной аттестации и практики было обязательным⁹. Отметим, что в учительские институты принимались лица, имеющие образование не ниже 9 классов средней школы, «без экзаменов зачислялись окончившие 9 и 10 классов средней школы в 1941 и 1942 гг., остальные лица подвергались испытаниям» согласно постановлению «О плане приема в вузы в 1942 году и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений» (1942)¹⁰. В 1942 г. для обеспечения набора студентов в вузы страны приказом Комитета по делам высшей школы при Совнарком СССР были продлены на один месяц сроки приема заявлений в высшие учебные заведения, а «начало занятий в 1942/1943 учебном году назначено на 1 октября»¹¹.

Для функционирования вузов и подготовки специалистов для всех сфер общественной жизни в 1943 г., согласно постановлению СНК СССР от 23 апреля 1943 г., абитуриенты имели право получить отпуск (10 дней) для поступления в вуз. Приемная кампания в вузах, в том числе и Енисейском учительском институте, регламентировалась «Правилами приема и программами

приемных испытаний для поступающих в вузы Союза ССР в 1941 году»¹². Этот документ был разработан Молотовским государственным университетом. География поступающих в 1942 г., несмотря на сложности военного времени, была обширна: г. Ленинград, г. Енисейск, г. Туруханск, г. Игарка, Удерецкий район, Казачинский район, п. Северо-Енисейск, п. Мотыгино, п. Пит Городок, п. Маклаково, п. Тасеево, п. Еруда, п. Партизанск.

Несмотря на сложности военного времени, в вузах открывались новые специальности. Так, в 1943 г. в Енисейском учительском институте была открыта подготовка учителей по специальности «русский язык и литература» (выпуск в 1945 г. составил 25 человек). Выпускники вузов в соответствии с постановлениями ЦИК и СНК СССР «О компенсациях и гарантиях при переводе, приеме вновь и направлении на работы в другие местности» (1931), «О материальном обеспечении учащихся высших учебных заведений, техникумов и рабфаков и о порядке направления на работу лиц, окончивших высшие учебные заведения и техникумы» (1930), «Об отпусках для специалистов, направляемых на работу по окончании вуза или техникума» (1933), «О порядке расчетов наркоматов (ведомств) с вузами и техникумами по расходам на отправку молодых специалистов на место работы» (1941) направлялись по распределению в районы Красноярского края: Енисейский, Нижне-Ингашский, Уярский, Северо-Енисейский, Тасеевский, Больше-Муртинский, Рыбинский, Пировский, Казачинский¹³.

Особое внимание в годы войны уделялось аттестационным периодам. В преддверии сессии на общих собраниях преподавательский состав и администрация вуза обсуждали слабые и сильные стороны студентов, чтобы выявить степень подготовленности к экзаменам. Для студентов проводились собрания «с целью широкого разъяснения всех вопросов, относящихся к предстоящей экзаменационной сессии»¹⁴. Кроме того, в институте выпускалась стенная газета, посвя-

⁸ См.: Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е. И. Войленко. М., 1978. Ч. 2. 360 с.

⁹ См.: Малютина А. И. Учиться без отрыва от производства // Енисейская правда. 1942. № 98.

¹⁰ См.: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/568909928> (дата обращения: 05.02.2025).

¹¹ Начало занятий в вузах – 1 октября // Правда. 1942. № 247. С. 4.

¹² См.: Правила приема и программы приемных испытаний для поступающих в вузы Союза ССР в 1941 году. Молотов, 1941. 44 с.

¹³ См.: Бехтерев В. Ф. Труд и вдохновение : 60 лет Лесосибирскому (Енисейскому) педагогическому институту. Красноярск, 2000. 136 с.

¹⁴ См.: В.П. Горячие дни // Енисейская правда. 1941. № 70. С. 2.

щенная периоду экзаменационной сессии. В газете были представлены «примеры напряженной работы студентов», разъяснялось, как лучше подготовиться к предстоящим экзаменам, рассказывалось о важности сессии. Серьезное отношение со стороны студентов к подготовке сессии объяснялось постановлением правительства о платности обучения и новом порядке назначения стипендий в высшей школе¹⁵. Студенты из семей военнослужащих освобождались от платы за обучение в соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. № 1803 «Об освобождении от платы за обучение детей рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского Флота»¹⁶. Эти документы способствовали «усилению самостоятельной работы студентов над учебным материалом, являющимся залогом академической успеваемости»¹⁷.

Вся процедура организации сессии и порядок ее проведения в вузе проходили в соответствии с указаниями Комитета высшей школы при Совнаркомом СССР: расписание экзаменов должно было быть опубликовано не позднее, чем за 20 дней до начала сессии; для каждой академической группы устанавливались твердые сроки сдачи экзаменов по отдельным дисциплинам. Большое внимание уделялось методическому обеспечению студентов для подготовки к экзамену: «сосредоточена литература, учебники и другие пособия в кабинетах, где каждый студент имеет возможность использовать их в любое время. Вывешены списки обязательной и дополнительной литературы по всем дисциплинам»¹⁸.

Во время войны соблюдение трудовой и учебной дисциплины было главным правилом. Так, архивные материалы Енисейского учительского института позволяют привести несколько фактов. В приказе по Енисейскому учительскому институту от 20 января 1945 г. указывалось:

«1. За неявку на учебные занятия по физической подготовке студентам 1-го курса историко-филологического отделения Антонине Ф. (ходила в баню в учебные часы), Ирине П. (тре-

нировалась на лыжах дома, по ее словам) объявить выговор.

2. За пропуск учебных занятий без уважительных причин поставить на вид следующим студентам 1-го курса историко-филологического отделения: Валентине И., Вере Л.

3. Предупредить всех студентов, что явка на занятия по физической подготовке является обязательной для всех, в том числе и для освобожденных от практических занятий по физкультуре. Если студент не может в данный день по каким-либо причинам заниматься, то он докладывает об этом преподавателю, а последний решает вопрос об освобождении и делает соответствующую запись в журнале» (приказы по Енисейскому учительскому институту за 1945 г.)¹⁹.

Соблюдение трудовой дисциплины было обязательным не только для студентов, но и для преподавателей. Пример тому находим в приказах по институту: «И.о. доцента Н. за опоздание на учебные занятия объявить выговор (приказ от 21 апреля 1945 г. № 48). Старосте 2-го курса истфака за несвоевременное сообщение об отсутствии на занятиях преподавателя поставить на вид (приказ от 21 апреля 1945 г. № 48)²⁰.

Несмотря на сложное военное время, советское правительство уделяло внимание материальному положению студентов. Так, в 1943 г. Совет народных Комиссаров СССР обязал Наркомторг «снабжать студентов продовольственными товарами по нормам, установленным для рабочих промышленности, транспорта и связи». Приказ обязывал организовать при вузах «подсобные хозяйства и обеспечить их земельными участками, семенами, сельскохозяйственным инвентарем, тягловой силой»²¹. Такое подсобное хозяйство, по свидетельству архивных материалов, было организовано и в Енисейском учительском институте: заимка, на которой содержался скот, разводились пчелы, обрабатывали поля. Так, приказ от 15 февраля 1945 г. № 13 фиксировал результаты проведенной проверки работы заимки. Отмечалось недобросовестное отношение рабочего заимки к своим обязанностям: «лошадь кормит плохо, ворует сено. В подвале для пчел высокая темпе-

¹⁵ См.: Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <https://libussr.ru/> (дата обращения: 05.02.2025).

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ В.Л. Горячие дни // Енисейская правда. 1941. № 70. С. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Бехтерев В. Ф. Указ. соч.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Материально-бытовое обслуживание студентов высших учебных заведений // Правда. 1943. № 47. С. 3.

ратура»²² (приказы по Енисейскому учительскому институту за 1945 г.). На основании распоряжения Наркомпроса все студенты были обязаны отработать в течение года 15 дней в подсобном хозяйстве. «Учащимся приходилось работать на заимке, чтобы обеспечить овощами свою столовую, заготовливать дрова»²³.

В архивных документах по институту указывалось, что «прополка, посадка и поливка овощей является для хозяйства института важным мероприятием, от выполнения которого зависит питание студентов, рабочих, служащих в течение года». В связи с этим в приказах по институту отмечалось, что все технические сотрудники и служащие института считаются мобилизованными на огородные работы в летний период (приказы по Енисейскому учительскому институту за 1945 г.)²⁴. В штате института состояли рабочие подсобного хозяйства, они принимались на сдельную работу для заготовки и распиловки дров, на молотьбу, для выпаса скота. Рабочие обеспечивались хлебными карточками (200–300 гр) и дополнительными талонами.

В осенний период «самой важной хозяйственной работой, от которой зависит нормальная учеба в течение года», считалась заготовка топлива. В институте составлялся график по выкатке дров. За невыполнение приказа по «выплавке и выкатке дров» принимались самые суровые меры взыскания²⁵.

Преподаватель А. И. Малютина, говоря о жизни института военного времени, вспоминала следующее: «Записывать лекции приходилось на старых книгах поперек строчек, занимались при тусклом свете керосиновых ламп <...> юношей в учебных аудиториях почти не было. Среди студентов Енисейского учительского института в годы войны были эвакуированные из Ленинграда. Но вскоре ряды студентов начали пополнять фронтовики. Многие из них пришли инвалидами»²⁶. Студенты – инвалиды Отечественной войны освобождались от платы за обучение. «Директорам вузов разрешено зачислять на стипендию нуждающихся студентов – участников Отечественной войны при на-

личии у них не только отличных и хороших, но и посредственных отметок»²⁷.

Региональная периодика военного времени сохранила сведения о том, что коллектив института оказывал большую помощь фронту. Так, рабочие, служащие и педагоги «на совещании 1 августа 1941 г. единодушно постановили отчислить однодневный заработок в фонд обороны страны». Кроме того, директор института А. П. Прохорик внес свой вклад в общую победу: «перечислил свои облигации в сумме 6560 рублей. Его примеру последовала зав. учебной частью, и заведующий хозяйством и другие»²⁸. Осенью 1941 г. студенты и преподаватели в подарок бойцам Красной Армии отправили на фронт посылку. В это же время шел сбор средств на постройку самолета имени Героя Советского Союза В. Талалихина²⁹.

В годы Великой Отечественной войны перед студентами стояли задачи не только освоения учебной программы, но и помощи фронту: студенты отправляли новогодние подарки в действующую армию, участвовали в сборах средств, помогали семьям погибших бойцов. В военное время в связи с нехваткой рабочей силы студенты оказывали помощь колхозам: «50 студентов Енисейского учительского института выехали на полевые работы в Мало-Бельский, Черкасский, Верхне-Пашинский колхозы. Студенты в сельхозартелях будут заниматься силосованием, а также работать на сенокосе»³⁰.

В период Великой Отечественной войны не прекращалась воспитательная работа со студентами. Постановление ЦК ВЛКСМ «О мерах по улучшению работы комсомольских организаций высших учебных заведений» от 2 декабря 1944 г. акцентировало внимание на том, что именно комсомольский актив должен быть центром внеучебной работы в вузе. Под руководством председателя комитета комсомола института составлялся и реализовывался план всей общественной работы. В газете «Енисейская правда» военного периода отражены факты воспитательной работы со студентами. Примером

²² Бехтерев В. Ф. Указ. соч.

²³ Малютина А. Возвращались в институт солдаты. С. 3.

²⁴ См.: Бехтерев В. Ф. Указ. соч.

²⁵ Там же.

²⁶ Малютина А. Возвращались в институт солдаты. С. 3.

²⁷ Льготы студентам-инвалидам Отечественной войны // Правда. 1942. № 226. С. 1.

²⁸ Городец Н. В фонд обороны страны // Енисейская правда. 1941. № 96. С. 2.

²⁹ См.: Чулымский В. Студенты изучают военное дело // Енисейская правда. 1941. № 144.

³⁰ Студенты института выехали в колхозы // Енисейская правда. 1941. № 83. С. 2.

тому может быть смотр художественной самодеятельности, который проходил в районном доме культуры в марте 1945 г.: «Хорошее впечатление оставил у зрителей спектакль “Маскарад”, поставленный студентами учительского института»³¹. В заметке «Отличницы», приуроченной к Международному женскому дню 8 марта, рассказывалось о лучших студентках Енисейского учительского института, которые «умело сочетают учебу с общественной нагрузкой: работают агитаторами, участвуют в олимпиаде художественной самодеятельности, руководят культмассовым и производственным сектором»³².

В военное время студенты и преподаватели института принимали активное участие в разного рода спортивных мероприятиях г. Енисейска и Енисейского района: военно-лыжные соревнования Осоавиахима; военизированные походы и тактические учения; кросс имени Шверника; районные оборонно-физкультурные соревнования; товарищеские встречи по разным видам спорта; стрелковые соревнования; профсоюзно-комсомольский кросс и др.

Вся физкультурно-массовая работа в вузах строилась на основе комплекса ГТО, обновленная редакция которого вышла в 1939 г. Особое внимание в организации физкультурно-массовой работы уделялось лыжному спорту, который был одним из самых популярных видов, как на селе, так и в городе в силу климатических особенностей региона: «Настойчивое и упорное овладение лыжным спортом воспитывает в человеке много ценных качеств: смелость, решительность, стойкость. В наше время каждый гражданин должен быть мастером лыжного дела. Это достигается путем упорной тренировки и соревнования»³³.

Лыжный спорт в годы войны был призван способствовать развитию выносливости, стойкости, умению ориентироваться на местности. Один из лозунгов первой половины 1940-х гг. звучал так: «Ценить и любить лыжи как винтовку!»³⁴. Участие студентов в спортивной жизни города и района продолжалось несмотря на трудности

военного времени. Так, студенты Енисейского учительского института в 1942 г. приняли участие во Всесоюзном лыжном комсомольском кроссе имени XXIV годовщины Красной Армии, организованном по решению ЦК ВЛКСМ: «Кросс ставит своей целью привлечь массу комсомольцев и молодежи к сдаче лыжных норм на ГТО 1-й ступени повысить качество маршевой и лыжной подготовки нашей молодежи»³⁵. Участие в этом масштабном мероприятии было ежегодным. Так, в Приказе по Енисейскому учительскому институту от 2 февраля 1945 г. № 9 указывалось: в целях лучшей подготовки к проведению Комсомольско-профсоюзного кросса по лыжам, посвященного 27-й годовщине Красной Армии, продолжать в период зачетно-экзаменационной сессии тренировочные занятия на лыжах. «Прием зачетных нормативов по кроссу провести в воскресенье 18 февраля 1945 г.». Руководство института предупреждало всех студентов, что «тренировочные занятия и сдача нормативов являются обязательными для всех студентов, не имеющих освобождение от врача». Результаты кросса были отмечены приказом от 7 марта 1945 г. № 23: «проведенный Комсомольско-профсоюзный кросс по лыжам, посвященный 27-й годовщине Красной Армии, охватил всю массу студентов, в результате чего институт занял 2-е место в районе» (приказы по Енисейскому учительскому институту за 1945 г.)³⁶.

Военное время обозначило необходимость сместить акцент в спортивно-массовой работе на оборонную составляющую. В связи с этим целесообразно упомянуть постановление Государственного Комитета Обороны от 17 сентября 1941 г. № ГКО-690. В нем было указано: «Каждый гражданин Союза ССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу, чтобы быть подготовленным с оружием в руках защищать свою родину» [10]. Поэтому в институте была развернута оборонная работа: «Изучая военное дело, студенты готовятся встать на защиту родной земли»³⁷. Газета «Енисейская правда» сохранила факты работы военного кружка в институте, где студенты занимались изучением устройства и работы оружия (станкового пулемета, винтовки)³⁸.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Бехтерев В. Ф. Указ. соч.

³⁷ Чулымский В. Указ. соч. С. 2.

³⁸ См.: Лопатина Н. Изучаю пулемет // Енисейская правда. 1942. № 29. С. 2.

³¹ Ануриев А. Смотр художественной самодеятельности // Енисейская правда. 1945. № 5. С. 3.

³² Минина А. Отличницы // Енисейская правда. 1945. № 9-10. С. 2.

³³ Бородихин И. Лыжный пробег // По сталинскому пути. 1941. № 8. С. 2.

³⁴ Козулина М. Готовимся к лыжному кроссу // Енисейская правда. 1942. № 4. С. 2.

Таким образом, Енисейский учительский институт в годы Великой Отечественной войны, как и другие вузы страны, испытывал определенные трудности с комплектованием профессорско-преподавательского состава, сохранением контингента студентов, организацией хозяйственной деятельности. Однако анализ нормативно-правовой базы в области образования в годы войны позволяет утверждать, что изменения и дополнения, которые были внесены в государственные документы, регулировавшие работу высшей школы, способствовали сохранению стабильности и устойчивости высшего образования в сложный для страны период. Это позволило вузам, в том числе и Енисейскому учительскому институту, заниматься подготовкой квалифицированных кадров во время Великой Отечественной войны.

В настоящее время институт продолжает традиции высшей педагогической школы Сибири в статуте Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета и в 2025 г. отмечает 85-летний юбилей.

Библиографический список

Анурьев А. Смотр художественной самодеятельности // Енисейская правда. 1945. № 5.

Бехтерев В. Ф. Труд и вдохновение : 60 лет Лесосибирскому (Енисейскому) педагогическому институту. Красноярск, 2000. 136 с.

Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <https://libussr.ru/>

Бородихин И. Лыжный пробег // По сталинскому пути. 1941. № 8.

В.П. Горячие дни // Енисейская правда. 1941. № 70. С. 2.

Высшая школа : сб. основных постановлений, приказов и инструкций : в 2 ч. / под ред. Е. И. Войленко. М., 1978. Ч. 2. 360 с.

Городец Н. В фонд обороны страны // Енисейская правда. 1941. № 96.

Колокольникова З. У., Блинцова И. М., Староверова М. В. Развитие педагогического образования Красноярского края в 1935–1945 гг. // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 106–109.

Козулина М. Готовимся к лыжному кроссу // Енисейская правда. 1942. № 4.

Лопатина Н. Изучаю пулемет // Енисейская правда. 1942. № 29.

Льготы студентам-инвалидам Отечественной войны // Правда. 1942. № 226.

Малютина А. Возвращались в институт солдаты // Енисейская правда. 1975. № 74.

Малютина А. И. Учитесь без отрыва от производства // Енисейская правда. 1942. № 98.

Материально-бытовое обслуживание студентов высших учебных заведений // Правда. 1943. № 47.

Минина А. Отличницы // Енисейская правда. 1945. № 9-10.

Начало занятий в вузах – 1 октября // Правда. 1942. № 247.

Правила приема и программы приемных испытаний для поступающих в вузы Союза ССР в 1941 году. Молотов, 1941. 44 с.

Студенты института выехали в колхозы // Енисейская правда. 1941. № 83.

Ульянов А. С. Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 27 с.

Чулымский В. Студенты изучают военное дело // Енисейская правда. 1941. № 144.

Шантуров А. Г., Гайдаров Г. М. Иркутский государственный медицинский институт в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 2005. 588 с.

Шпикельман Р. Ю. Политика центральной и региональной власти и деятельность вузовских коллективов по организации высшего образования в годы Великой Отечественной войны : исторический аспект (на примере Иркутской области) // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение» 2015. Т. 12. С. 129–145.

Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/568909928>

Яцук Т. Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) // Правоприменение. 2017. № 4. С. 14–22.

References

Anuriev A. Review of amateur artistic performances // Yeniseiskaya Pravda. 1945. No. 5.

Bekhterev V. F. Labor and inspiration : 60 years of the Lesosibirsk (Yenisei) Pedagogical Institute. Krasnoyarsk, 2000. 136 p.

Library of normative legal acts of the USSR. URL: <https://libussr.ru/>

Borodikhin I. Ski run // Along Stalin's path. 1941. No. 8. P. 2.

V. P. Hot days // Yeniseiskaya Pravda. 1941. No. 70.

Higher school : Collection of basic regulations, orders and instructions : In 2 parts / ed. by E. I. Voylenko. Moscow, 1978. Part 2. 1978. 360 p.

Gorodets N. To the country's defense fund // Yeniseiskaya Pravda. 1941. No. 96.

Kolokolnikova Z. U., Blintsova I. M., Staroverova M. V. Development of pedagogical education in the Krasnoyarsk Territory in 1935–1945 // Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 74-4. P. 106–109.

Kozulina M. Getting ready for cross-country skiing // *Yeniseiskaya Pravda*. 1942. No. 4.

Lopatina N. Studying a machine gun // *Yeniseiskaya Pravda*. 1942. No. 29.

Benefits for disabled students of the Great Patriotic War // *Pravda*. 1942. No. 226.

Malyutina A. Soldiers returned to the institute // *Yeniseiskaya Pravda*. 1975. No. 74.

Malyutina A.I. Study without interrupting work // *Yeniseiskaya Pravda*. 1942. No. 98.

Material and household services for students of higher educational institutions // *Pravda*. 1943. No. 47.

Minina A. Excellent students // *Yeniseiskaya Pravda*. 1945. No. 9–10.

Classes begin at universities on October 1 // *Pravda*. 1942. No. 247.

Admission rules and programs of admission tests for applicants to universities of the USSR in 1941. Molotov, 1941. 44 p.

Students of the Institute Left for Collective Farms // *Yeniseyskaya Pravda*. 1941. No. 83.

Ulyanov A.S. Tomsk State University during the Great Patriotic War : cand. legal sci. dis. abstr. Tomsk, 2007. 27 p.

Chulymsky V. Students Study Military Affairs // *Yeniseyskaya Pravda*. 1941. No. 144.

Shanturov A. G., Gaidarov G. M. Irkutsk State Medical Institute during the Great Patriotic War. Irkutsk, 2005. 588 p.

Shpikelman R. Yu. Policy of the central and regional authorities and the activities of university teams in organizing higher education during the Great Patriotic War : a historical aspect (on the example of the Irkutsk region) // *Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science. Religious Studies»*. 2015. Vol. 12. P. 129–145.

Electronic Fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568909928>

Yashchuk T. F. Legal regulation in the field of higher education in Russia (historical and legal aspect) // *Law enforcement*. 2017. No. 4. P. 14–22.

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета

Лобанова О. Б., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики.

E-mail: olga197109@yandex.ru

Шмульская Л. С., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и языковой коммуникации

E-mail: larisast1997@yandex.ru

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Для цитирования:

Лобанова О. Б., Шмульская Л. С. Нормативно-правовые основы организации работы высшей школы в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2025. № 4 (63). С. 42–49. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/42-49>

Lesosibirskij Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University

Lobanova O. B., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy

E-mail: olga197109@yandex.ru

Shmul'skaya L. S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philology and Language Communication

E-mail: larisast1997@yandex.ru

Received: 17.11.2025

For citation:

Lobanova O. B., Shmul'skaya L. S. The regulatory and legal foundations of the organization of higher school work during the Great Patriotic war // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2025. No. 4 (63). P. 42–49. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/42-49>

ПРОФЕССОР Л. Д. КОКОРЕВ – ПОПУЛЯРИЗАТОР ПРАВА, ПЕДАГОГ, АДМИНИСТРАТОР В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

PROFESSOR L. D. KOKOREV – POPULARIZER OF LAW, TEACHER, ADMINISTRATOR IN HIGHER EDUCATION: TOUCHES TO THE PORTRAIT

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Аннотация: статья написана в дань памяти видному ученому в области уголовного процесса, педагогу и общественному деятелю, профессору Л. Д. Кокореву в связи со 100-летием со дня его рождения в 2025 г. Впервые в научный оборот введены сведения о профессиональном пути профессора Л. Д. Кокорева из воронежской областной и университетской прессы, областного архива, а также публикуются воспоминания о Л. Д. Кокореве старейшего сотрудника ВГУ В. С. Листенгартена и фотографии профессора Л. Д. Кокорева разных лет.

Ключевые слова: Л. Д. Кокорев, В. С. Листенгартен, высшее юридическое образование, юридическая педагогика, профессиональная этика.

Abstract: the article was written in tribute to the memory of a prominent scientist in the field of criminal procedure, teacher and public figure, Professor L. D. Kokorev on the occasion of his 100th birthday in 2025. The article for the first time introduces into scientific circulation some information about the professional path of Professor L. D. Kokorev from the Voronezh regional and university press, as well as the regional archive; published are the memoirs of L. D. Kokorev by the oldest employee of VSU V. S. Listengarten and photographs of Professor L. D. Kokorev from different years

Key words: L. D. Kokorev, V. S. Listengarten, higher legal education, legal pedagogy, professional ethics.

*Юристом можно стать не только овладев знаниями,
но и воспитав в себе уважение к законам.*

Л. Д. Кокорев, 1963 г.¹

*Надо воспитывать любовь к законности. На каждой
лекции и практических занятиях должны звучать
нравственные аспекты.*

Л. Д. Кокорев, 1982 г.²

¹ Реплика доцента Л. Д. Кокорева на заседании кафедры уголовного права, процесса и криминалистики от 26 октября 1963 г. (протокол № 5) при обсуждении вопроса 1 повестки: «О роли преподавателя в воспитательной работе студентов» // Протоколы заседания кафедры уголовного процесса и криминалистики в 1963/1964 гг. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 40. С. 19.

² Реплика профессора Л. Д. Кокорева на заседании кафедры уголовного процесса и криминалистики от 23 января 1982 г. (протокол № 6) при обсуждении вопроса 1 повестки: «Взаимосвязь профессиональной подготовки и нравственного воспитания в учебном процессе» // Протоколы заседания кафедры уголовного процесса и криминалистики в 1981/1982 гг. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 371. С. 27.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Л. Д. Кокорев – один из самых выдающихся ученых юридического факультета Воронежского государственного университета, стоящий у истоков его создания и прослуживший на факультете более тридцати лет. Научное творчество Льва Дмитриевича охватывает ключевые вопросы не только науки уголовного процесса, но и крупные государствоведческие и правовые проблемы, такие как: судебная власть в государстве, адвокатура, развитие высшего юридического образования, профессиональная этика юриста, популяризация права и др. Эта часть творческого наследия профессора Л. Д. Кокорева, выраженная прежде всего в его научных и учебно-методических публикациях, сегодня хорошо изучена³.

Вместе с тем определенная часть творческого наследия профессора Л. Д. Кокорева до сих пор остается по сути дела неизученной. Речь идет об авторских публикациях в печатных средствах массовой информации, выступлениях на заседаниях кафедры, ученом совете факультета и других, записанных в сохранившихся в архивах протоколах, о хронике его депутатской работы в Воронежском городском Совете народных депутатов (был избран в июне 1982 г.), где на протяжении ряда лет Л. Д. Кокорев руководил постоянной комиссией по социалистической законности и охране общественного порядка. В определенной степени данная публикация призвана восполнить этот пробел и обратить внимание на малоисследованные грани профессионального пути Л. Д. Кокорева. Собранные сведения появлялись постепенно, как в связи с изучением истории юридического факультета ВГУ, так и специально для ставшей уже традиционной масштабной Всероссийской научно-практической конференции «Нравственные основы юридической деятельности (Кокоревские чтения)»⁴.

³ Подробнее о жизненном и научном пути профессора Л. Д. Кокорева см., например: Служенье Истине : научное наследие Л. Д. Кокорева / редкол.: В. А. Панюшкин (отв. ред.) [и др.]. Воронеж, 1997. 397 с. ; Лев Дмитриевич Кокорев : библиограф. указатель трудов / сост. А. В. Золотова ; под ред. В. Г. Даева. Воронеж, 1995. 40 с. ; Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. 744 с. ; Личное дело профессора Л. Д. Кокорева в архиве ВГУ ; Кокорев Лев Дмитриевич : некролог// Коммуна. 1996. 4 янв.

⁴ Данная публикация подготовлена по материалам одноименного доклада автора, сделанного 19 сентября

Л. Д. Кокорев – судья Центрального районного народного суда г. Воронежа. 1949 г.⁵

Будучи на судебной службе, Л. Д. Кокорев был много задействован в пропагандистской работе. Так, в 1958 г. газета «Коммуна» извещала:

«В Доме политического просвещения Горкома КПСС. 16 апреля, в 19 часов в Доме политического просвещения для самостоятельно изучающих историю КПСС будет прочитана лекция на тему: «Марксизм-ленинизм об общих чертах и закономерностях победы социалистической революции и построения социализма». Читает кандидат исторических наук Ф. Тищенко.

В то же время в помощь лекторам, докладчикам и агитаторам будет прочитана лекция на тему: «Ленинский принцип работы государственного аппарата и задачи его совершенствования». Читает Л. Кокорев»⁶.

Из газеты «Коммуна»

А уже 1 мая «Коммуна» объявляла: **«Семинар лекторов-юристов.** Воронежское отделение

2025 г. на пленарном заседании VI Всероссийской научно-практической конференции «Нравственные основы юридической деятельности» (VI Кокоревские чтения).

⁵ Фотография приводится по: Служенье Истине : научное наследие Л. Д. Кокорева.

⁶ Коммуна. 1958. 16 апр.

Е. В. Сазонникова

Профессор Л. Д. Кокорев – популяризатор права, педагог, администратор в высшей школе: штрихи к портрету

Общества по распространению политических и научных знаний проводит 4 мая семинар-юристов. На семинаре выступают прокурор области **В. В. Николаев** и народный судья **Л. Д. Кокорев**. Начало семинара в 15 часов, в помещении Областного суда (ул. Орджоникидзе, 14)⁷.

Из газеты «Коммуна»

С 1962 г. и до последних дней жизни Л. Д. Кокорев был неразрывно связан с юридическим факультетом Воронежского государственного университета, где он прошел путь от преподавателя до декана юридического факультета, многие годы был секретарем партбюро и членом ученого совета юридического факультета, а также университета, с 1990 по 1995 г. был председателем диссертационного совета Д 063.48.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс; криминалистика.

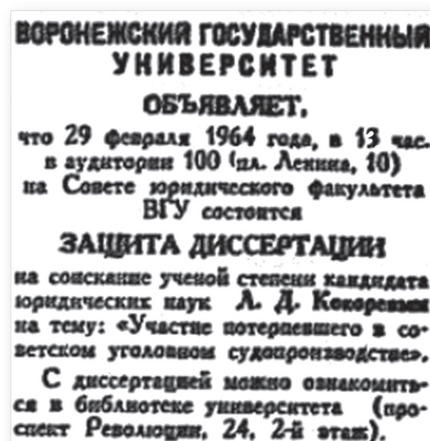

Л. Д. Кокорев. 1960-е гг.⁸

В 1964 г. Л. Д. Кокорев защитил кандидатскую диссертацию. Это была первая в Воронеже защита диссертации на юридическую тему, первая защита кандидатской диссертации на юри-

дическом факультете ВГУ⁹. Диссертация была подготовлена под научным руководством профессора В. Е. Чугунова.

В газете «Коммуна» сохранилось объявление с анонсом защиты Л. Д. Кокоревым диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: «Воронежский государственный университет объявляет, что 29 февраля 1964 г. в 13 час. в аудитории 100 (пл. Ленина, 10) на Совете юридического факультета ВГУ состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Л. Д. Кокоревым на тему «Участие потерпевшего в советском уголовном судопроизводстве». С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета (проспект Революции, 24, 2-й этаж)¹⁰.

Из газеты «Коммуна»

В отделе редких книг ЗНБ ВГУ, во владельческой библиотеке Г. Ф. Горского хранится автореферат диссертации Л. Д. Кокорева на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Титульный лист автореферата содержит дарственную надпись в адрес Г. Ф. Горского: «Дорогому Геннадию Фёдоровичу от друга и автора. 10.II.64 г.»

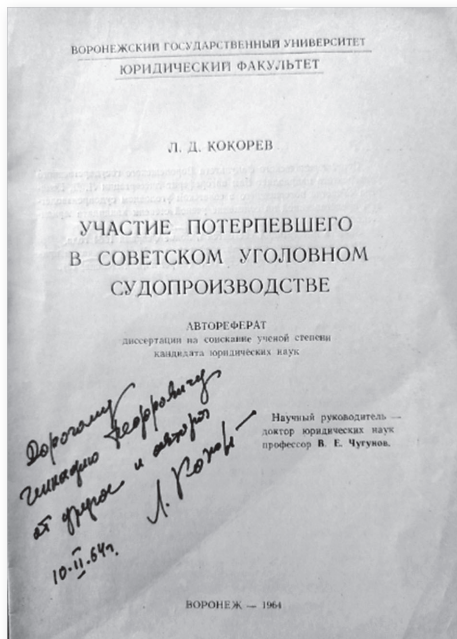
Диссертация привлекла к себе большое внимание. В информационной заметке университетской газеты сообщалось: «Л. Д. Кокорев около 15 лет работал народным судьей в Воронеже. Многие воронежцы знают его как справедливого, высококвалифицированного судью. Это неоднократно отмечалось в приказах министра юсти-

⁷ См.: Коммуна. 1958. 1 мая.

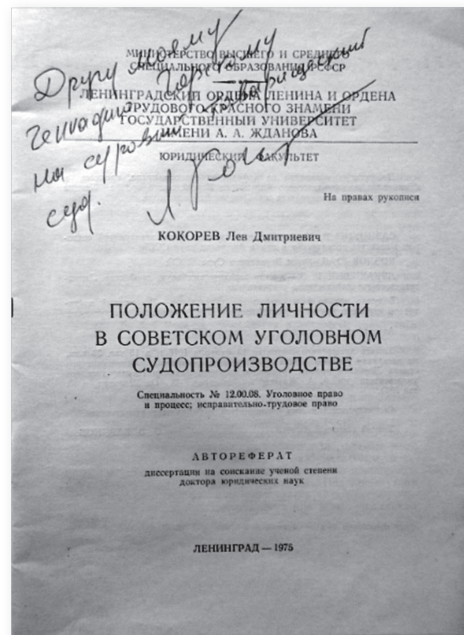
⁸ Фотография Л. Д. Кокорева любезно прислана мне по электронной почте в 2017 г. Алексеем Алексеевичем Маршевым, выпускником юридического факультета ВГУ.

⁹ Основные положения диссертации см.: Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 138 с.

¹⁰ Коммуна. 1964. 18 февр.

Титульный лист автореферата кандидатской диссертации Л. Д. Кокорева

Титульный лист автореферата докторской диссертации Л. Д. Кокорева

ции. Над диссертацией Лев Дмитриевич работал непосредственно «на производстве». Сочетание глубоких теоретических знаний с большой практической деятельностью дали ему возможность написать хороший труд». В актовом зале университета собралось много слушателей, среди них не только научные работники и студенты, но и судьи, прокуроры, следователи, работники милиции¹¹.

* * *

В 1975 г. в Ленинградском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени А. А. Жданова Лев Дмитриевич Кокорев защитил докторскую диссертацию на тему «Положение личности в советском уголовном судопроизводстве»¹².

В отделе редких книг ЗНБ ВГУ, во владельческой библиотеке Г. Ф. Горского хранится автореферат докторской диссертации Л. Д. Кокорева. Титульный лист автореферата содержит дарственную надпись в адрес Г. Ф. Горского: «Другу моему Геннадию Горскому на суровый товарищеский суд».

¹¹ См.: Первая защита // Воронежский университет. 1964. 17 марта.

¹² Основные положения диссертации см.: Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 160 с.

* * *

В 1971 г. в газете «Воронежский университет» вышла небольшая заметка, подготовленная Л. Д. Кокоревым как секретарем партбюро юридического факультета ВГУ, в которой он обобщил опыт пропагандистской работы в области права, ведущейся силами профессорско-преподавательского состава: на юридическом факультете работала школа молодого юриста для старшеклассников, было подготовлено учебно-методическое пособие по основам советского права для учителей, так как в 1970/71 учебном году было введено обязательное изучение основ права в школах, ряд преподавателей юрфака вели на общественных началах эту учебную дисциплину в школах и т. д.¹³.

Не известная до сих пор страница биографии Л. Д. Кокорева связана с его работой в 1960-е гг. некоторое время деканом народного университета правовых знаний – общественного учебного заведения, обеспечивающего непрерывное образование граждан. В Воронеже в этом университете было два факультета: факультет народных заседателей и факультет товарищеских

¹³ См. подробнее: Кокорев Л. Д. Правовая пропаганда – долг юристов // Воронежский университет. 1971. 30 марта.

судов. Для слушателей университета проводили лекции и семинары, беседы, вечера вопросов и ответов¹⁴.

* * *

По инициативе кафедры уголовного процесса и криминалистики, возглавляемой профессором Л. Д. Кокоревым, на юридическом факультете в память о профессоре Г. Ф. Горском был учрежден приз его имени для студентов за лучшую студенческую работу.

В 1978 г. приз имени профессора Г. Ф. Горского решением кафедры был присужден студенту 4-го курса М. Авдееву, который под руководством профессора Л. Д. Кокорева подготовил работу «Процессуальные условия применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве». Разработкой этих проблем занимался в последние годы своей жизни и Г. Ф. Горский. Студенту были вручены почетная грамота, библиографический указатель научных трудов Г. Ф. Горского и его книги. Учреждение приза имени профессора Г. Ф. Горского привело к увеличению научной активности студентов¹⁵.

* * *

Подчеркивая роль профессора Л. Д. Кокорева в развитии кафедры уголовного процесса на протяжении многих лет, а также юридического факультета Воронежского государственного университета, важно сказать о большом уважении, которым пользовался Лев Дмитриевич Кокорев в студенческой среде. Одно из таких замечательных свидетельств сохранилось в заметке выпускника юридического факультета ВГУ 1968 г. С. Юрковецкого (его отчество в заметке не названо), на тот момент начинающего службу военным следователем военной прокуратуры в звании лейтенанта юстиции. По прошествии одного года практической работы он написал о первых рабочих буднях: «Вот так и началась вторая защита диплома по специальности “Правовед”, но уже не в стенах родного университета, а на пыльной в выбоинах дороге. Я был бесконечно рад и счастлив от того, что военный прокурор не мог сказать Виктору Степановичу и Льву Дмитриевичу: “Не справился”. Спасибо Вам, до-

¹⁴ См.: *Зильберман Я.* Формировать правосознание // Воронежский университет. 1969. 7 марта.

¹⁵ См. подробнее: *Панюшкин В. А.* Учрежден приз имени профессора Г. Ф. Горского // Воронежский университет. 1979. 17 янв.

рогие мои Учителя! С каждым новым делом нарастала уверенность в своих силах»¹⁶.

* * *

В 1986 г. на страницах журнала «Правоведение» был опубликован текст поздравления профессора Л. Д. Кокорева от юридической общественности, коллег и учеников с 60-летним юбилеем. Это еще одно признание заслуг профессора. Тираж этого журнала Ленинградского государственного университета в начале 1980-х достигал 7,5 тыс. экземпляров. В тексте поздравления были перечислены награды, которых был удостоен профессор к своему 60-летию: медаль «За доблестный труд (в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина)», медаль «Ветеран труда», значок Минвуза «За отличные успехи в работе», значок «Ударник X пятилетки»¹⁷.

В 1973/74 учебном году под руководством профессора Л. Д. Кокорева кафедра уголовного процесса и криминалистики заняла 1-е место на факультете и 2-е в университете. В числе наград профессора несколько знаков «Победитель социалистического соревнования» (в 1973 г.).

Накануне 70-летнего юбилея, в апреле 1995 г., Льву Дмитриевичу Кокореву было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

* * *

В 1991 г. профессор Л. Д. Кокорев принял участие в круглом столе, состоявшемся в Воронежском государственном университете, на тему «Деидеологизация и деполитизация учебного процесса: что это и быть ли ей в ВГУ?»¹⁸. Собравшиеся на заседании сотрудники ВГУ обсуждали предписания постановления Совмина РСФСР от 23 февраля 1991 г. «О временных положениях, регламентирующих деятельность учреждений (организаций) системы образования и подготовки кадров в РСФСР». В частности, в фокусе обсуждения было содержание п. 30: «Высшее учебное заведение воздерживается от любых видов и форм политической деятельно-

¹⁶ *Юрковецкий С.* Мой первый прокурор // Воронежский университет. 1969. 25 нояб.

¹⁷ См.: Шестидесятилетие профессора Л. Д. Кокорева // Правоведение. 1986. № 1. С. 119.

¹⁸ Текст стенограммы круглого стола на тему «Деидеологизация и деполитизация учебного процесса: что это и быть ли ей в ВГУ?» и фотографии его участников см.: Воронежский университет. 1991. 3 июля.

сти. Не допускается вмешательство любых политических партий в деятельность вузов. В них запрещается вести в учебное время пропаганду идей политических партий, религиозных организаций и общественных объединений»¹⁹.

В ходе заседания круглого стола Л. Д. Кокорев, имеющий многолетний опыт депутатской работы, по существу высказывал свою точку зрения о праве граждан на участие в управлении делами общества и государства, праве граждан на объединение в политические партии, свободе мысли и слова, идеологическом многообразии и политическом плюрализме, участии высших учебных заведений в политической жизни общества.

Профессор Л. Д. Кокорев
во время круглого стола в 1991 г.

Например, такой резкий диалог состоялся между профессором Львом Дмитриевичем Кокоревым и кандидатом физико-математических наук, доцентом физического факультета ВГУ Владимиром Ильичем Кононенко:

«Кононенко В. И.: Долгое время говорили, что марксизм-ленинизм – это безупречная наука. А теперь оказывается – данная наука имеет очень много “минусов”. Сегодня нужно честно признать, что паритета между партиями нет. Когда я обратился к ректору выделить для нашей партии маленькую комнатку хотя бы часа на два раз в неделю, он отказал. В то же время все вы видите, в каком прекрасном помещении

мы сидим. И таких примеров можно привести множество. Поскольку ныне нет паритета, то я за то, чтобы была деполитизация. У КПСС возможностей влиять на позиции студентов в сто раз больше. Демократическую прессу в количественном соотношении даже и близко нельзя сравнить с коммунистической. В общественных дисциплинах поменяли только старые названия на новые. В то же время остались работать те же люди, которые исповедуют прежнюю идеологию. В этом смысле я – за деполитизацию.

Кокорев Л. Д.: Вы – за деполитизацию? Тогда зачем Вам – комната, стенд? Или Вы за то, чтобы были равные условия для ведения политической работы? Уточните свою позицию.

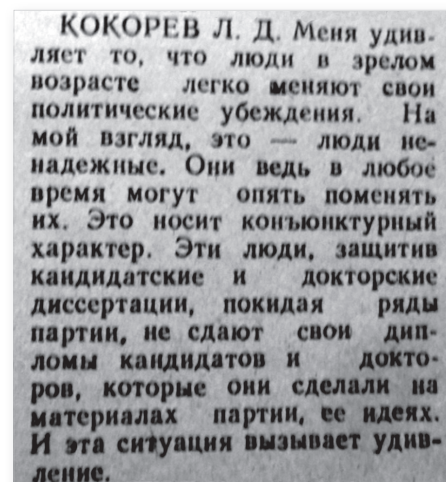
Кононенко В. И.: Деполитизацию я понимаю как временную меру для создания гражданского мира. В этом смысле я – за нее.

Кокорев Л. Д.: Тогда прекратите свою политическую деятельность.

Кононенко В. И.: Как только Вы отдадите свой партком университету, мы мигом снимем свой стенд».

Приведу еще несколько реплик профессора Л. Д. Кокорева, прозвучавших во время мероприятия, в которых ярко выражено его мнение по обсуждаемому злободневному вопросу:

«Данное постановление, мягко говоря, вызывает удивление. Речь-то, собственно говоря, идет не о деполитизации, а просто о смене одной политики другой. Всё это прослеживается в некоторых выступлениях Б. Н. Ельцина. И сегодня каждый преподаватель понимает – без политических идей в вузе невозможно обойтись. Нужно только создать равные условия разным политическим течениям.

¹⁹ Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18273.htm (дата обращения: 15.08.2025).

...Меня удивляет то, что люди в зрелом возрасте легко меняют свои политические убеждения. На мой взгляд, это – люди ненадежные. Они ведь в любое время могут опять поменять их. Это носит конъюнктурный характер. Эти люди, защитив кандидатские и докторские диссертации, покидая ряды партии, не сдают свои дипломы кандидатов и докторов, которые они сделали на материалах партии, ее идеях. И эта ситуация вызывает удивление.

...Нас должно волновать, прежде всего, не сколько парткомов будет в университете, а высокий уровень идеологической работы в учебном процессе».

Значительная часть наследия профессора Л. Д. Кокорева касается разработки проблематики нравственных начал в жизни общества. Профессор настаивал на необходимости введения в учебные планы юридических вузов дисциплины «Этика юриста», а также на освещении нравственных проблем в каждой правовой дисциплине. Особенно это должно касаться, по его мнению, таких дисциплин, как теория государства и права, государственное и административное право, советское строительство, уголовное право и уголовный процесс, гражданское право и гражданский процесс, криминалистика. Одновременно Л. Д. Кокорев акцентировал внимание на необходимости разработки методики преподавания этики юриста, на проведении научной работы в этом направлении²⁰.

15 сентября 2025 г. в рамках мероприятий Воронежского юридического слёта на юридический факультет ВГУ был приглашен старейший действующий сотрудник университета – кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, советник исполняющего обязанности ректора Воронежского государственного университета Владимир Семёнович Листенгартен, который выступил с публичным докладом на тему «Профессор Л. Д. Кокорев

²⁰ См. подробнее: *Кокорев Л. Д.* Проблемы нравственного просвещения и воспитания студентов юридических вузов // Актуальные проблемы высшего юридического образования в свете решений XXVI съезда КПСС : материалы конференции / отв. ред. В. Ф. Яковлев. Свердловск, 1982. С. 30, 31.

в профессионально-духовной традиции университета». Особенно ценно выступление В. С. Листенгартена тем, что они с профессором Л. Д. Кокоревым были много лет не просто знакомы, а работали вместе, были из тех, кого время безошибочно выбрало для стремительного движения университета вперед, к новым свершениям.

Привожу далее текст доклада В. С. Листенгартена, который он мне любезно вручил 19 сентября 2025 г. со своей дарственной надписью в день открытия VI Всероссийской научно-практической конференции «Нравственные основы юридической деятельности» (VI Кокоревские чтения):

«Сегодня, как никогда ранее, мы ощущаем значение профессиональных и духовных традиций университета и его структурных звеньев – факультетов и кафедр, причем эти традиции всё более приобретают личностный характер, ибо жизнь убеждает нас, что главное богатство каждого университета – это его люди, так сказать, их “вершинные представители”, на которых лежит сложнейшая задача сохранения и развития традиций, передача их новым поколениям преподавателей и студентов.

К числу таких людей, безусловно, относится Лев Дмитриевич Кокорев.

Как известно, он пришел в ВГУ, имея за плечами богатый опыт практической работы с желанием и пониманием значения приобщения студентов к правовым знаниям. И еще до возрождения в ВГУ юридического факультета Лев Дмитриевич успешно делал это для студентов-историков.

А когда юрфак возродился, сразу стал одной из ключевых его фигур, хорошо понимая и значение этого важного организационного момента, и его роль в структуре всего университета.

Поэтому по-прежнему не снимал с себя заботы о правовом просвещении студентов разных специальностей, принимал деятельное участие в формировании студенческого пополнения всех гуманитарных факультетов (он не случайно брал на себя обязанности ответственного секретаря приемной комиссии гуманитарных факультетов), принимал активное участие в общественной жизни университета.

Но в полную силу талант Льва Дмитриевича развернулся на юридическом факультете, в его учебной, научной, организаторской работе.

Более подробно и основательно об этом, безусловно, скажут его коллеги и ученики.

Я же позволю себе отметить несколько моментов, имеющих, на мой взгляд, большое непреходящее значение не только для факультета, но и для университета и вузовского сообщества.

1. Лев Дмитриевич много сделал для того, чтобы образовательный и научный процессы были тесно связаны с практикой, а практические работы приобщались к результатам научных исследований и научно обоснованным рекомендациям.

2. Лев Дмитриевич стремился, чтобы факультет ни в коем случае не становился отдельным “хутором”, не замыкался в себе. Отсюда его работа о связях факультета с крупными образовательными центрами и их ведущими учеными. И это стало одной из традиций факультета.

3. Лев Дмитриевич одним из первых очень серьезно поставил вопрос о нравственной составляющей правовых наук, и прежде всего уголовного права и уголовного процесса.

4. Уделял, естественно, основное внимание вопросам теории и практики своей профессиональной деятельности. Лев Дмитриевич считал необходимым участвовать в исследованиях по педагогике высшей школы, научном анализе и обобщении педагогического опыта, подготовке учебно-методической литературы. И эти его работы не потеряли своей актуальности.

Должен отметить, что Лев Дмитриевич никогда не действовал в одиночку. Он тесно сотрудничал с Г. Ф. Горским, В. С. Основиним, другими коллегами, настойчиво возвращал учеников. Именно поэтому его заветы, советы, профессиональный, научный и жизненный опыт не ушли в историю, а органично входят в живые традиции факультета и университета.

В заключение как плодотворную тенденцию хочу отметить факт внимания тех, кто работал и работает на факультете, к изучению его истории и биографии его людей. То, что удалось сделать для этого Валентину Анатольевичу Панюшкину, то, что сегодня делают Юрий Николаевич Стариков, Елена Викторовна Сазонникова, Денис Валентинович Зотов, Вадим Вадимович Горский, Максим Вадимович Горский и другие, и факт проведения этой конференции, 6-й по счету, заслуживают признательности и поддержки. И это от лица ветеранов университета я имею возможность сегодня сказать и говорю с удовольствием. Благодарю за внимание. В. С. Листенгартен».

Библиографический список

Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18273.htm
Зильберман Я. Формировать правосознание // Воронежский университет. 1969. 7 марта.

Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. 138 с.

Кокорев Л. Д. Правовая пропаганда – долг юристов // Воронежский университет. 1971. 30 марта.

Кокорев Л. Д. Проблемы нравственного просвещения и воспитания студентов юридических вузов // Актуальные проблемы высшего юридического образования в свете решений XXVI съезда КПСС : материалы конференции / отв. ред. В. Ф. Яковлев. Свердловск, 1982. С. 30, 31.

Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 160 с.

Кокорев Лев Дмитриевич : некролог // Коммуна. 1996. 4 янв.

Лев Дмитриевич Кокорев : библиограф. указатель трудов / сост. А. В. Золотова ; под ред. В. Г. Даева. Воронеж, 1995. 40 с.

Панюшкин В. А. Учрежден приз имени профессора Г. Ф. Горского // Воронежский университет. 1979. 17 янв.

Первая защита // Воронежский университет. 1964. 17 марта.

Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. 744 с.

Протоколы заседания кафедры уголовного процесса и криминалистики в 1963/1964 гг. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 40.

Протоколы заседания кафедры уголовного процесса и криминалистики в 1981/1982 гг. Ф. Р-33. Оп. 24. Ед. хр. 371.

Служенье Истине : научное наследие Л. Д. Кокорева / редкол.: В. А. Панюшкин (отв. ред.) [и др.]. Воронеж, 1997. 397 с.

Шестидесятилетие профессора Л. Д. Кокорева // Правоведение. 1986. № 1. С. 119.

Юрковецкий С. Мой первый прокурор // Воронежский университет. 1969. 25 нояб.

References

Library of normative legal acts of the USSR. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18273.htm

Zilberman Ya. To form a legal consciousness // Voronezh State University. 1969. March 7.

Kokorev L. D. The victim of a crime in the Soviet criminal process. Voronezh : Voronezh Publishing House. University, 1964. 138 p.

Kokorev L. D. Legal propaganda is the duty of lawyers // Voronezh University. 1971. March 30.

Е. В. Сазонникова

Профессор Л. Д. Кокорев – популяризатор права, педагог, администратор в высшей школе: штрихи к портрету

Kokorev L. D. Problems of moral education and upbringing of law students // Actual problems of higher legal education in the light of the decisions of the XXVI Congress of the CPSU : conference proceedings / ed. by V. F. Yakovlev. Sverdlovsk, 1982. P. 30, 31.

Kokorev L. D. Participants in criminal justice. Voronezh, 1971. 160 p.

Kokorev Lev Dmitrievich : obituary // Commune. 1996. January 4.

Lev Dmitrievich Kokorev : the bibliographer. in: index of works / comp. A. V. Zolotova ; ed. by V. G. Daeva. Voronezh, 1995. 40 p.

Panyushkin V. A. The prize named after Professor G. F. Gorsky was established // Voronezh University. 1979. 17 Jan.

The first defense // Voronezh University. 1964. March 17th.

Problems of theory and practice of criminal procedure : history and modernity / ed. by V. A. Panyushkin. Voronezh, 2006. 744 p.

Minutes of the meeting of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics in 1963/1964 F. R-33. Op. 24. E. hr. 40.

Minutes of the meeting of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics in 1981/1982 F. R-33. Op. 24. E. hr. 371.

Serving the Truth : the scientific legacy of L. D. Kokorev / editorial board: V. A. Panyushkin (ed.) [and others]. Voronezh, 1997. 397 p.

The sixtieth anniversary of Professor L. D. Kokorev // Law studies. 1986. No. 1. p. 119.

Yurkovetsky S. My first prosecutor // Voronezh University. 1969. November 25.

Воронежский государственный университет
Сазонникова Е. В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина

E-mail: sazon75@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.10.2025

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Профессор Л. Д. Кокорев – популяризатор права, педагог, администратор в высшей школе: штрихи к портрету // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/50-58>

Voronezh State University
Sazonnikova E. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Constitutional and Municipal Law Department named after professor V. S. Osnovin
E-mail: sazon75@mail.ru

Received: 10.10.2025

For citation:

Sazonnikova E. V. Professor L. D. Kokorev – popularizer of law, teacher, administrator in higher education: touches to the portrait // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 50–58. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/50-58>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/59-67>

РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЛОББИЗМЕ

С. Н. Шевердяев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

DEVELOPMENT OF FOREIGN LEGISLATION ON LOBBYING

S. N. Sheverdyayev

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Аннотация: раскрываются исторические начала законодательства о лоббизме, динамика становления современных международных правовых стандартов лоббизма, а также характеризуется новая волна зарубежных законов о лоббизме, принятых в последние 15–20 лет в крупных странах, определяющих развитие мировой правовой культуры.

Ключевые слова: лоббизм, международные стандарты лоббизма, зарубежное законодательство о лоббизме, институты конституционного права.

Abstract: the historical beginnings of legislation on lobbying, the dynamics of the formation of modern international legal standards of lobbying are revealed, and also describes a new wave of foreign laws on lobbying adopted in the last 15–20 years in major countries that determine the development of global legal culture.

Key words: lobbying, international standards of lobbying, foreign legislation on lobbying, institutions of constitutional law.

Исторические начала законодательства о лоббизме

В деле формирования централизованной модели правового регулирования лоббизма¹ неоспоримо первенство США. Одной из важнейших исторических предпосылок для этого называют отсутствие укорененных европейских политических элит и сословных институтов на этой

территории. Американские переселенцы уезжали из Европы не для того, чтобы вернуться обратно с богатством и славой подобно испанским конкистадорам, они уезжали от гонений церкви и притеснений высших сословий, уезжали, чтобы строить свой новый мир. Провозглашение независимости североамериканских колоний в 1776 г. подстегнуло процесс формирования новых политических практик, которые развивались в отсутствие прежних социальных установок и традиционных балансиров, оставшихся за океаном в европейских метрополиях.

Американских государственных деятелей, промышленников и предпринимателей не сдерживали ни королевская власть, ни сословные ритуалы, ни традиции закрытых европейских ремесленных цехов или купеческих гильдий. В результате дефицит четких правил в мультикультурной среде новых американских граждан, прибывающих в страну из разных частей Европы, требовал дополнительной формализации, которую было способно обеспечить зако-

¹ Напомним, что лоббизм принято определять как «действия представителей негосударственных организаций в ходе контактов с представителями государственных органов и органов местного самоуправления с целью добиться принятия (или непринятия) ими решений в соответствии с интересами социальных групп, выражаемыми указанными организациями». См.: Любимов А. П. История лоббизма в России. М.: Либеральная миссия, 2005. С. 1. Британская энциклопедия характеризует лоббизм следующим образом: lobbying – «any attempt by individuals or private interest groups to influence the decisions of government». URL: <https://www.britannica.com/topic/lobbying> (дата обращения: 01.06.2025).

© Шевердяев С. Н., 2025

нодательство. С этого начинается длительный поиск в США законодательной модели регулирования лоббизма.

Основные вехи начального этапа формирования образа правового регулирования лоббизма в США следующие:

– в 1789 г. в составе Билля о правах принимается первая поправка к Конституции США 1787 г.², фиксирующая и «право петиций» как базовую конституционную основу законодательства о лоббизме;

– в 1854 г. учреждается специальный комитет, уполномоченный контролировать взаимодействие частных лиц с членами Конгресса, выяснять, предлагалось ли конгрессменам денежное вознаграждение в обмен на содействие в принятии или отклонении законопроектов³;

– в 1876 г. принимается резолюция Палаты представителей Конгресса США, требующая регистрации лоббистов у клерка палаты⁴;

– в 1913 г. Президент США Вудро Вильсон возводит обсуждение проблемы лоббизма на высший политический уровень в США, публично осуждая «чрезмерные усилия» лоббистов при обсуждении нового законодательства о тарифах 1913 г.;

– конец 1920-х гг. известен работой Комитета по вопросам лоббизма, который под председательством сенатора Каравэя проводил разработку первого проекта закона о регистрации лоббистов;

– в середине 1930-х гг. в период «нового курса» Ф. Рузвельта и усиления государственного регулирования в экономике на федеральном уровне в США появляются первые правовые

² «Конгресс не должен издавать ни одного закона, ... ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

³ См.: *Войтенко Э., Парфенчикова А.* Регулирование GR и лоббизма в России : статус-кво или поиск новых решений. М. : Альпина ПРО, 2025. С. 80.

⁴ В соответствии с принятой резолюцией «все лица и корпорации, нанимающие советников или агентов с целью представлять их интересы в связи с любым актом, в любое время рассматриваемым данной палатой или любым ее комитетом, должны называть клерку палаты фамилию и указывать полномочия такого советника или агента; и никакое лицо, фамилия и полномочия которого не доложены таким образом, не может появляться в качестве советника или агента в каком бы то ни было комитете этой палаты». См.: *Жуков М. В.* История регулирования лоббизма в США // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11. С. 67–69.

нормы о лоббизме в двух секторальных законах: Законе о холдинговых компаниях коммунального обслуживания 1935 г. (Public Utilities Holding Company Act) и Законе о морской торговле 1936 г. (Merchant Marine Act).

Особый крупный этап в мировой истории законодательства о лоббизме – принятие *Закона США о регистрации иностранных агентов* (Foreign Agents Registration Act, FARA) в 1938 г. Исходные причины принятия данного закона связаны с борьбой внутри США с нацистской (гитлеровской) пропагандой накануне Второй мировой войны. Для придания этой работе системного характера в Палате представителей Конгресса США в 1934 г. была создана специальная Комиссия по расследованию неамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee) для выявления и противодействия подрывной антиамериканской пропаганде. На довоенном этапе работы эта комиссия также получила известность как «комитет Маккармака–Дикштейна». Нелишне отметить, что после окончания Второй мировой войны Комитет переключился на борьбу с коммунистической угрозой и служил организационным подспорьем для проведения «политики маккартизма».

Закон США о федеральном регулировании лоббизма 1946 г. (The Federal Regulation of Lobbying Act) – первая в истории политико-правовой культуры попытка на общенациональном уровне принять закон, специально посвященный регулированию лоббизма. В отличие от Закона об иностранных агентах Закон 1946 г. был посвящен лоббистской деятельности собственно американских граждан, предпринимателей и зарегистрированных в США юридических лиц и прочих американских институций. Закон действовал с 1946 по 1995 г. (т. е. 49 лет), когда был заменен следующим актом, а именно – действующим ныне Законом о прозрачности лоббистской деятельности 1995 г.⁵

⁵ Существенным образом повлияли на судьбу Закона 1946 г. судебные коллизии, главной из которых считается дело Харриса 1954 г. (United States v. Harriss), где, с одной стороны, Верховный Суд США принципиально подтвердил конституционность законодательного регулирования лоббистской деятельности, но, с другой стороны, существенно сузил сферу применения Закона 1946 г., что обездвижило его на долгое время, позволив американским лоббистам продолжать зарабатывать себе неоднозначную репутацию. См.: *United States v. Harriss*, 347 U.S. 612 (1954). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/612/>

Становление современных международных правовых стандартов лоббизма

На уровне ООН единого всеобъемлющего юридически обязывающего документа, который устанавливал бы правовые стандарты лоббизма, пока не выработано. Можно выделить два направления деятельности ООН, где сегодня заметны попытки формулирования международных норм о лоббизме. Во-первых, в конвенциях, касающихся в некоторой части требований к прозрачности и качеству принятия государственно-властных решений⁶. Во-вторых, при формировании собственной корпоративной базы документов ООН, связанной с построением взаимодействия его подразделений с коммерческими и некоммерческими организациями⁷.

В рамках Европейского Союза (ЕС) общие для его государств-членов наднациональные стандарты лоббизма складываются с середины 1980-х гг. В Европейском парламенте наиболее серьезной вехой считается принятие 17 июля 1996 г. консолидированной версии докладов Г. Форда и Ж.-Т. Норманна в виде двух документов: «Положения о прозрачности и финансовых интересах членов Парламента» и «Положения о лоббировании в Парламенте», а также принятие и введение в действие Кодекса поведения для представителей групп интересов в 1997 г.⁸ Регулирование лоббизма на уровне Европейской комиссии, главного общеевропейского исполнительного органа, развивалось поступательно с конца 1990-х гг. Активизация этой работы стала возможной ввиду вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г., приведшего к увеличению активности лоббистов на уровне общеевропейских управленческих структур. Главным событием в части уре-

гулирования лоббизма принято считать заключение Межинституционального соглашения Европарламента и Еврокомиссии о едином реестре прозрачности и появление такого Реестра прозрачности в 2011 г. (Transparency Register⁹).

Постсоветское пространство не осталось в стороне от поиска решения проблемы лоббизма. Некоторые республики бывшего СССР, которые были включены в общеевропейские интеграционные процессы, к началу 2000-х гг. приняли отдельные законы о лоббизме (прежде всего, интересен пример Литвы). В рамках Содружества независимых государств (СНГ) работа в этом направлении также проводилась заметная. Известно, что с начала 1990-х гг. в России в течение длительного времени обсуждались законопроекты о регулировании лоббизма, но успехом этот процесс не увенчался, и российский закон о лоббизме так и не был принят. Однако многие идеи законопроекта нашли воплощение на уровне документов СНГ. Межпарламентская ассамблея СНГ 15 ноября 2003 г. приняла *Модельный закон о регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти*¹⁰. Для 2003 г. содержание и юридическую технику этого документа можно оценить весьма высоко, особенно имея в виду, что в крупных европейских странах в это время законы о лоббизме еще не были приняты. Модельный закон за основу взял строгий подход к регулированию лоббизма с его фокусом на профессионализации лоббистской деятельности и необходимости получения лоббистами соответствующих документов на ведение деятельности. Но в отличие от зарубежных моделей речь зашла не просто о регистрации лоббистов, а о необходимости получения лицензии, а также аккредитации.

В рамках Совета Европы, международной организации, частью которой продолжительное время была и Россия, выработка правовых стандартов лоббизма проводилась по целому ряду организационных каналов. В первую очередь это касается активности в этом направлении Комитета министров Совета Европы, а также, в меньшей степени, некоторых других институций Совета Европы, таких как ГРЕКО и Венецианская

⁶ См., например, ст. 10 и 13 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

⁷ См.: Резолюция ЭКОСОС 1296 (XLIV) от 23 мая 1968 г. «Правила проведения консультаций с неправительственными организациями»; Резолюция ЭКОСОС 1996/31 от 25 июля 1996 г. «Консультативные отношения между ООН и неправительственными организациями». См. также: Каневский П. С. Регулирование лоббизма в международном и транснациональном пространствах. Правовые и политические аспекты // Международные процессы. 2022. Т. 20, № 2 (69). С. 36.

⁸ См. подробнее: Руденкова Д. Э. Регулирование лоббизма в Европейской Союзе: история и перспективы // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 157–158.

⁹ URL: https://transparency-register.europa.eu/index_en

¹⁰ Принят на двадцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 15 ноября 2003 г. № 22-16). См.: Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2004. № 33.

Комиссия. Комитет министров Совета Европы – ключевой орган этой международной организации, принимающий *наиболее значимые решения*. Самым важным документом Совета Европы, который устанавливает развернутую систему правовых стандартов регулирования лоббизма, является *Рекомендация № СМ/Rec(2017)2 Комитета министров Совета Европы «О правовом регулировании лоббистской деятельности в сфере принятия государственных решений»*. По своему правовому статусу Рекомендация относится к числу документов так называемого «мягкого права», что делает его в принципе сравнимым с рассмотренным выше Модельным законом СНГ 2003 г. Рекомендация характерна акцентом на достижении прозрачности лоббистской деятельности, большое внимание уделяет реестрам лоббистов и детализации их содержания, обращает внимание на четкость санкций в отношении нарушителей, содержит правила об обязанности регулярной переоценки и пересмотра правил регулирования деятельности лоббизма в связи с профессиональными особенностями их поведения и предмета их интереса.

Важный источник выработки международных правовых стандартов лоббизма – **Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)**. Организация была создана еще в 1948 г., первоначально для содействия в восстановлении стран Западной Европы после разрушений, нанесенных ей Второй мировой войной. В последние десятилетия ОЭСР предлагает странам-участницам свои аналитические и экспертные возможности и связи для развития производства, торговли, а также государственного управления. Организация регулярно публикует системные обзоры в отношении содержания и проблем лоббистской деятельности в государствах-членах, а также предлагает рекомендации по совершенствованию национального законодательства. Одним из последних документов в этом направлении явилась *Рекомендация Совета ОЭСР по прозрачности и добросовестности лоббирования и оказания влияния 2025 г.*¹¹

Различные **международные неправительственные организации (МНПО)** также исследуют вопрос лоббизма и пытаются формировать правовые стандарты, которые могли бы по-

¹¹ См.: Recommendation of the Council on Transparency and Integrity in Lobbying and Influence, OECD/LEGAL/0379. OECD, 2025.

мочь правительствам разных стран обеспечить контроль за деятельностью лоббистов и усовершенствовать правовое регулирование лоббизма.

К числу подобных организаций, которые приветствуют участие в своей деятельности представителей гражданского общества, можно отнести, к примеру, UNCAC Coalition¹², которая ведет независимый анализ деятельности государств по воплощению в жизнь Конвенции ООН против коррупции 2003 г., в том числе и в части урегулирования лоббистских практик. Организация Open Government Partnership (OGP)¹³ также успешно работает в направлении обмена опытом формирования гарантий открытости для общественности принятия государственно-властных решений национальных правительств. На уровне ЕС проявила себя деятельность целого ряда международных организаций, в частности можно выделить Lobby Control, Corporate Europe Observatory, Friends of the Earth Europe, Greenpeace EU, and AccessInfo Europe, Fossil Free Politics, LobbyLeaks и др.

Пристального внимания заслуживают и некоторые совместные инициативы неправительственных международных организаций, специально посвященные обобщению передового опыта регулирования лоббизма и выработке соответствующих рекомендаций. К их числу можно отнести документ с характерным названием *«Международные стандарты регулирования лоббистской деятельности. На пути к большей прозрачности, добросовестности и участию» 2015 г.*, разработанный несколькими профильными международными организациями¹⁴.

Новая волна зарубежных законов о лоббизме

В начале этого разговора следует указать, что всякий раз, когда ведется исследование зарубежного опыта правового регулирования лоббизма в сравнительном аспекте, обычно имеют в виду те государства, которые приняли отдельный закон о лоббизме. Такова модель централизованного (консолидированного) регулирования лоббизма. Однако она не является единствен-

¹² См.: URL: <https://uncaccoalition.org/>

¹³ См.: URL: <https://www.opengovpartnership.org/>

¹⁴ International standards for lobbying regulation. Towards greater transparency, integrity and participation. Access Info Europe, Open Knowledge, Sunlight Foundation, Transparency International, 2015. [Transparency International признана в России нежелательной организацией].

но возможной. Альтернативой такому варианту служит дискретное (распределенное) регулирование лоббизма, когда нормы о лоббизме фиксируются в серии нормативных актов, причем не всегда друг с другом четко взаимосвязанных.

Очевидно, что для системного решения вопроса о прозрачности лоббистской деятельности модель централизованного регулирования лоббизма выглядит предпочтительной. Также очевидно, что лоббизм, связанный с желанием представителей негосударственного сектора оказывать влияние на государственно-властные решения, неискореним и неизбежно воспроизводится в практике любого государства. Современное законодательство о лоббистской деятельности на уровне национальных правовых порядков развивается в обширной плоскости между двумя этими простыми фактами.

В большинстве государств мира в правовой системе отсутствует специальный закон о лоббизме. Однако к настоящему времени рост числа государств, которые имеют отчетливое, организованное регулирование лоббистских практик, не только продолжается, но и набирает обороты. Указывают на наличие последовательного законодательного регулирования лоббизма в США (1946), Германии (1972 г.), Австралии (1983), Канаде (1989), Грузии (1998), Литве (2000), Бразилии (2002), Перу (2003), Польше (2005), Венгрии (2006), Тайване (2007), Македонии (2008), Израиле (2008), Франции (2009), Словении (2010), Мексике (2010), Черногории (2011), Нидерландах (2012), Австрии (2012), Чили (2014), Великобритании (2014), Ирландии (2015)¹⁵. Этот процесс продолжается и сегодня, например, в ФРГ единый закон о лоббизме был принят в 2021 г.,¹⁶ на Кипре – в 2022 г.,¹⁷ в Хорватии – в 2024 г.,¹⁸ и т. д.

¹⁵ См.: Законодательный инструментариум по лоббистской деятельности / Т. Хоппе. Совет Европы. Страсбург, 2016. ECCD-PCF-9/2016. С. 5–8.

¹⁶ См.: URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/870452/41e5c2f593b16c960d86c0041a377862/Gesetz-EN-neu-data.pdf>. Оригинальный текст действующего закона на немецком языке см.: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/lobbyrg/BJNR081800021.html>

¹⁷ См.: URL: https://anticor.world/main/news_page/na_kipre_prinyat_zakon_o_lobbistskoy_deyatelnosti

¹⁸ См.: Оригинал закона на хорватском языке см.: URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2024_03_36_567.html. Текст закона на английском языке: URL: https://mpudt.gov.hr/UserDocsImages/dokumenti/Lobbyranje%20EN/Lobbying%20Act_provisional%20translation.pdf

Приведем характеристику действующих законов о лоббизме тех стран, которые попадают в поле зрения отечественных сравнительных правовых обзоров чаще остальных: США, Великобритания, Франция и Германия.

США. Неэффективность Закона США 1946 г., а также громкие коррупционные скандалы, связанные с лоббистами (например, скандал Wedtech 1987 г.), привели к возвращению вопроса о лоббизме в приоритетную политическую повестку. В результате в начале 1990-х гг. Б. Клинтон одним из ключевых пунктов своей президентской избирательной кампании делает существенное обновление американского законодательства о лоббизме. *Закон США о раскрытии лоббистской деятельности (Lobbying Disclosure Act)* появляется на свет в 1995 г. Данный закон, хоть и с существенными последующими дополнениями, действует в настоящее время. Как хорошо видно из названия, главная задача Закона 1995 г. заключается не в ограничении и тем более не в запрете лоббизма, а в его упорядочении и обеспечении открытости.

Содержание Закона США 1995 г. можно охарактеризовать следующими положениями:

– лоббистом признается лицо, которое имеет намерение оказывать влияние на должностных лиц, занимающихся вопросами нормативного регулирования, заключившее более одного контракта за отчетный период (6 мес.) и затратившее на лоббистскую деятельность не менее 20 % своего рабочего времени, включая проведение исследований, подготовку и руководство лоббистской деятельностью;

– лоббистской не признается деятельность следующего рода: деятельность СМИ по сбору материалов; свидетельские показания в комитетах палат; деятельность должностных лиц в пределах их компетенции; передача материалов должностному лицу на основе судебного предписания; защита физическим лицом своих личных прав и интересов;

– к должностным лицам, за контакты с которыми надлежит отчитываться лоббистам, относятся: Президент США и вице-президент США, служащие их аппарата; члены Конгресса США; чиновники, работающие на конгрессмена или в комитетах палат парламента, и другие законодательно определенные группы государственных служащих;

– отчет о лоббистской деятельности составляется раз в полгода, подается отдельно по каждому клиенту зарегистрированного лоббиста;

– в отчет включаются данные о лоббисте и его клиенте (работодателе), проекты законов, которые лоббировались в органе власти, а также оценка суммарных затрат на лоббистскую деятельность;

– в части мер ответственности Закон указывает, что за непредоставление отчетности в течение 60 дней после получения уведомления о таком нарушении от секретаря Сената или клерка Палаты представителей или за нарушение иных положений Закона 1995 г. следует штраф в пределах 50 тыс. долларов.

Закон США о раскрытии лоббистской деятельности 1995 г. неоднократно подвергался корректировкам, однако особо следует отметить реформу, которая нашла воплощение в серии поправок под общим названием «*Закон о честном лидерстве и открытости власти*» (*Honest Leadership and Open Government Act*) 2007 г. Среди главных новелл, которые существенно скорректировали текст Закона 1995 г., обычно выделяют такие:

– увеличилась частота предоставления отчетности лоббистами до ежеквартальной;

– более строгим стало исчисление сроков, в течение которых лоббист должен предоставить отчетность;

– снижен порог доходов лоббиста, влекущий обязанность регистрации;

– требования о предоставлении отчетности распространены на лоббизм во время проведения федеральных избирательных кампаний;

– ужесточена ответственность за нарушение законодательства о лоббистской деятельности (штрафная и связанная с лишением свободы);

– установлен 2-летний «охлаждающий период» для занятия лоббистской деятельностью бывшими государственными должностными лицами;

– установлены запрет подарков должностным лицам дороже 50 долл. и запрет на оплату командировок;

– введено требование о приеме документов для регистрации лоббистов в электронной форме.

Закон США 1995 г. с поправками 2007 г. нацелен в первую очередь на контроль лоббистской активности при принятии законов в Конгрессе США. Поэтому в американской политической

практике возникла необходимость урегулировать связанные с лоббистской деятельностью вопросы *внутри системы органов исполнительной власти*. Эта проблема в настоящее время решается путем принятия «исполнительных указов» Президентом США. В связи с этим вызывают интерес такие акты, как Указ Президента США Б. Обамы от 21 января 2009 г. «Обязательства сотрудников органов исполнительной власти по соблюдению этики» (*Ethics Commitments By Executive Branch Personnel*), а также аналогичные указы Президента Д. Трампа от 28 января 2017 г.¹⁹ и Президента Дж. Байдена от 20 января 2021 г.²⁰

Среди прочего эти указы устанавливают ограничения по приему подарков, вводят «охлаждающий период» для госслужащих при последующем трудоустройстве в частном секторе в качестве лоббистов (*post-employment*), устанавливают ограничение на участие в проектах по вопросам, которые лоббировались лицом до его назначения в качестве госслужащего (*pre-employment*), вводят пожизненный запрет для государственных служащих органов исполнительной власти на занятие лоббистской деятельностью в интересах иностранных государств или политических партий после отставки и т. д.

Великобритания. Принятию закона о лоббизме в Великобритании предшествовала работа созданного еще в 1994 г. при Палате общин Комитета по стандартам публичной сферы (Комитета Нолана) в кабинете премьер-министра Джона Мэйджора. Непосредственная разработка британского закона о лоббизме была связана с принятием в 2010 г. в правительстве Великобритании коалиционного соглашения, в том числе с намерением «урегулировать лоб-

¹⁹ См.: URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-ethics-commitments-executive-branch-appointees/>

²⁰ Действие данного акта отменено знаменитым Указом Д. Трампа от 20 января 2025 г. № 14148 «Об отмене вредных исполнительных указов и действий» (*Executive Order 14148, January 20, 2025. Initial Rescissions of Harmful Executive Orders and Actions*). Несмотря на отмену Указа его будет интересно рассмотреть как пример последнего по времени акта, отражающего развитие американской правовой культуры в этом направлении. См.: URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/25/2021-01762/ethics-commitments-by-executive-branch-personnel>; <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/initial-rescissions-of-harmful-executive-orders-and-actions>

бирование посредством введения обязательного реестра лоббистов и обеспечения максимальной прозрачности»²¹. Итогом длительной работы в этом направлении стало принятие в 2014 г. Закона о прозрачности лоббирования, непартийной агитации и профсоюзного администрирования (Transparency of Lobbying, Non-Party Campaigning and Trade Union Administration Act)²².

К числу основных характеристик данного Закона относятся следующие:

– Закон имеет три смысловые части, хорошо различимые в его наименовании, что несколько сбивает фокус с центральной проблемы регулирования лоббизма (регистрации лоббистов), но показывает и ближайшие проблемы к лоббизму проблемы, связанные с оказанием влияния на государственно-властные решения, актуальные для текущей британской политической практики;

– текст содержит понятие лоббиста, под которым понимается исключительно профессиональный лоббист (лоббист-консультант);

– дано представление о субъектах, не являющихся лоббистами, например, лицах, совершающих разовую коммуникацию, а также взаимодействующих с должностными лицами кроме высшего руководства (министра и постоянного секретаря);

– четко сформулирована обязательность регистрации в специальном реестре для начала лоббистской деятельности;

– устанавливаются правовые основы статуса Регистратора – лица, которое назначается министром и организует работу по ведению реестра лоббистов.

Франция. Попытки целенаправленного правового упорядочения лоббизма во Франции начинают предприниматься на рубеже 2000–2010 гг. Принятию «закона о лоббизме» также предшествовал ряд обстоятельств. Например, в 2009 г. в Национальной ассамблее по инициативе ее Зампреда Кристофа Сируга (Christophe Sirugue) формируется рабочая группа по вопросам прозрачности, результатом деятельности которой стала выработка дополнительных механизмов контроля лоббистской деятельно-

сти. Громкий скандал 2013 г., известный как «дело Жерома Каюзака», связанный с сокрытием своих активов министром французского правительства, дополнительно подстегнул законотворческий процесс во Франции. С этого времени активизируется разработка пакета антикоррупционных законов, задачами которого явились существенное повышение прозрачности деятельности политиков и чиновников и гарантирование общественного контроля. Данный пакет законов получил название «Сапэн-2» (по имени другого министра, с которым связывается идея продвижения этих законодательных инициатив).

Действующее французское законодательство о лоббизме можно назвать централизованным достаточно условно, поскольку в его ядре находится как минимум два акта: закон и развивающий его положения декрет. Имеются в виду Закон о прозрачности общественной жизни 2013 г. (Loi relative à la transparence de la vie publique)²³, а также Декрет о цифровом реестре представителей интересов 2017 г. (Décret relatif au répertoire numérique des représentants d'intérêts).

Картину основных источников законодательства о лоббизме во Франции несколько усложняет принятие в 2016 г. Закона «О прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни», который собственно именуется пакетом законов Сапэн-2 (Loi relative à la transparence, à la lutte contre la corruption et à la modernisation de la vie économique; «Sapin II»). Однако в том же 2016 г. после Решения Конституционного Совета Франции в связи с проверкой конституционности этого Закона, значительная часть положений была удалена из его текста, в том числе в связи с посягательством на прерогативы регламентной власти, которая во Франции имеет особую конституционную защиту.

В оценке текущего регулирования лоббизма во Франции стоит ориентироваться на сочетание Закона о прозрачности общественной жизни 2013 г. и Декрета о цифровом реестре представителей интересов 2017 г. Среди характерных черт действующего регулирования можно отметить такие:

– Закон оперирует понятием «представители интересов», термин «лоббисты» не употребляется;

²¹ Агапов И. О. Лоббирование в Великобритании : история развития и проблемы регулирования // Genesis : исторические исследования. 2016. № 1. С. 54–73.

²² См.: URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/4/contents>

²³ См.: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000028056315>

– установлен единый цифровой реестр («le repertoire»), в котором должны зарегистрироваться все «представители интересов»²⁴;

– приведен весьма широкий и подробно описанный круг лоббируемых лиц, к числу которых, в отличие от Великобритании, относятся не только высшие публичные должностные лица и правительственные чиновники, но и государственные служащие разных категорий;

– в тексте дан перечень субъектов, которые не могут считаться представителями интересов (избранные должностные лица, профсоюзы, религиозные организации и т. д.);

– приведен достаточно подробный перечень регистрационных сведений, которые лоббисты должны отразить в реестре;

– также в указанных актах регулируются ограничения по дарению подарков и другие антикоррупционные обязанности должностных лиц;

– описываются и санкции, возлагаемые на лоббистов за работу без регистрации, в том числе лишение свободы на срок до одного года и штраф до 15 тыс. евро.

Для ведения реестра, сбора данных и контроля за исполнением обязанностей лоббистами и должностными лицами во Франции в 2014 г. был существенно реформирован публичный контрольный орган – *Высшая комиссия по обеспечению финансовой прозрачности общественной жизни* (Haute Autorité pour la transparence de la vie publique, HATVP)²⁵. Данная интуиция имеет широкие функции, в частности за ней закреплены такие задачи, как: аудит активов государственных должностных лиц; предотвращение конфликтов интересов; консультирование и обучение государственных служащих этическим принципам; содействие прозрачности в общественной жизни.

Германия. В сравнении с другими крупнейшими государствами Евросоюза позднее появление специального «закона о лоббизме» в Германии можно связать с тем, что длительное время здесь считалось достаточным регулирование лоббистских отношений внутренними актами немецкого парламента. *Регламент Бундестага 1972 г.*, а также утвержденные на его основе *Кодекс поведения членов Бундестага и Положение «О регистрации союзов и их предста-*

²⁴ Сайт французского реестра лоббистов: URL: <https://www.hatvp.fr/le-repertoire/>

²⁵ См.: URL: <https://www.hatvp.fr/>

вителей при Бундестаге» вместе с положениями Основного закона ФРГ 1949 г. (ст. 9, 17) исчерпывали немецкое законодательство о лоббизме. Согласно этим документам, Бундестаг вел добровольный реестр ассоциаций, осуществляющих лоббистскую деятельность в немецком парламенте и федеральном правительстве, а сам реестр ежегодно публиковался в «Федеральной газете».

*Закон «О введении реестра лоббистов для представления особых интересов перед немецким Бундестагом и Федеральным правительством» (Закон о реестре лоббистов) появился в 2021 г.*²⁶ Среди главных особенностей немецкого Закона «О регистрации лоббистов» 2021 г. можно выделить следующие:

– в поле зрения Закона оказывается лоббистский контакт, если его целью является оказание влияния на формулирование государственных задач или принятие властных решений;

– к числу лоббируемых лиц относятся в основном должностные лица руководящего звена;

– обязанность регистрации у лоббистов возникает, если представление интересов осуществляется: а) на регулярной основе; б) для постоянного взаимодействия; в) на коммерческой основе в интересах третьих лиц; или г) в течение последних трех месяцев было осуществлено более 50 отдельных лоббистских контактов;

– закон закрепляет широкий, но весьма продуманный перечень лиц, которые не обязаны регистрироваться в качестве лоббистов, среди них: физические лица, обращающиеся для защиты своих личных интересов; лица, реализующие свое конституционное право на петицию, и т. д.;

– в числе регистрационных данных лоббистских отчетов фигурируют такие, как информация о лоббистах, клиентах, суммах платежей, бухгалтерские отчеты и др.;

– реестр лоббистов ведет Бундестаг по соглашению с Правительством Германии;

– в качестве стимулов для раскрытия лоббистской деятельности закреплено право досту-

²⁶ Gesetz zur Einführung eines Lobbyregisters für die Interessenvertretung gegenüber dem Deutschen Bundestag und gegenüber der Bundesregierung, Lobbyregistergesetz – LobbyRG. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/870452/41e5c2f593b16c960d86c0041a377862/Gesetz-EN-neu-data.pdf>. Оригинальный текст действующего закона на немецком языке см.: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/lobbyrg/BJNR081800021.html>

па в здания Бундестага и участия в публичных слушаниях;

– отличают Закон и суровые штрафные санкции (до 50 тыс. евро).

Таковы основные итоги развития представлений о правовом регулировании лоббизма за рубежом в последние два десятилетия.

Библиографический список

Агапов И. О. Лоббирование в Великобритании : история развития и проблемы регулирования // Genesis : исторические исследования. 2016. № 1. С. 54–73.

Войтенко Э., Парфенчикова А. Регулирование GR и лоббизма в России : статус-кво или поиск новых решений. М. : Альпина ПРО, 2025.

Жуков М. В. История регулирования лоббизма в США // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11. С. 67–69.

Каневский П. С. Регулирование лоббизма в международном и транснациональном пространствах. Правовые и политические аспекты // Международные процессы. 2022. Т. 20, № 2 (69).

Любимов А. П. История лоббизма в России. М. : Либеральная миссия, 2005. С. 1. Британская энциклопедия характеризует лоббизм следующим образом: lobbying – «any attempt by individuals or private interest groups to influence the decisions of government». URL: <https://www.britannica.com/topic/lobbying>

Руденкова Д. Э. Регулирование лоббизма в Европейской Союзе : история и перспективы // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 157–158.

References

Agapov I. O. Lobbying in the UK : the history of development and regulatory issues // Genesis : Historical Research. 2016. No. 1. P. 54–73.

Voitenko E., Parfenchikova A. Regulation of GR and lobbying in Russia : the status quo or the search for new solutions. Moscow : Alpina PRO, 2025.

Zhukov M. V. The history of lobbying regulation in the USA // Constitutional and Municipal Law. 2012. No. 11. P. 67–69.

Kanevsky P. S. Regulation of lobbying in international and transnational spaces. Legal and political aspects // International processes. 2022. Vol. 20, No. 2 (69).

Lyubimov A. P. The history of lobbying in Russia. Moscow : Liberal Mission, 2005. P. 1. The Encyclopedia Britannica characterizes lobbying as follows : lobbying is «any attempt by individuals or private interest groups to influence the decisions of government». URL: <https://www.britannica.com/topic/lobbying>

Rudenkova D. E. Regulation of lobbying in the European Union : history and prospects // Bulletin of Moscow State University. Ser. 25: International Relations and World Politics. 2015. No. 1. P. 157–158.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Шевердяев С. Н., профессор кафедры конституционного и муниципального права
E-mail: snshev@gmail.com

Поступила в редакцию: 10.06.2025

Для цитирования:

Шевердяев С. Н. Развитие зарубежного законодательства о лоббизме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/59-67>

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Sheverdyayev S. N., Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
E-mail: snshev@gmail.com

Received: 10.06.2025

For citation:

Sheverdyayev S. N. Development of foreign legislation on lobbying // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/59-67>

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Е. П. Забелина

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

PROSPECTS FOR INTERACTION BETWEEN PUBLIC AUTHORITIES IN THE FIELD OF LOCAL GOVERNMENT

E. P. Zabelina

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Аннотация: анализируются конституционные и законодательные основы взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти с целью решения вопросов обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований. Заполняя имеющийся пробел в теории муниципального права, автор формулирует определение понятия «взаимодействие органов публичной власти» применительно к их сотрудничеству в сфере местного самоуправления, выявляет объективные и субъективные предпосылки взаимодействия органов публичной власти, определяет пути его совершенствования на ближайшую перспективу. Обосновывается вывод о том, что в качестве основных регуляторов взаимодействия названных органов в недалеком будущем должны стать процедуры согласования целей и форм деятельности для удовлетворения потребностей населения, так как по своей природе взаимодействие развивается на паритетных и договорных началах.

Ключевые слова: конституция, федеральный закон, органы государственной власти, органы публичной власти, органы местного самоуправления, взаимодействие, порядок взаимодействия, закон субъекта РФ, согласительные процедуры, цели взаимодействия, паритет, договор.

Abstract: this article analyzes the constitutional and legislative foundations of interaction between local self-government bodies and state authorities in order to address the issues of ensuring the vital activity of the population of municipal entities. Filling the existing gap in the theory of municipal law, the author formulates the definition of the concept of "interaction between public authorities" in relation to their cooperation in the sphere of local self-government, identifies the objective and subjective prerequisites for interaction between public authorities, and determines ways to improve it in the near future. The article substantiates the conclusion that in the near future, the main regulators of interaction between these bodies should be the procedures for coordinating goals and forms of activity to meet the needs of the population, as interaction is inherently based on parity and contractual principles.

Key words: constitution, federal law, state authorities, public authorities, local self-government bodies, interaction, procedure for interaction, law of the constituent entity of the Russian Federation, conciliation procedures, goals of interaction, parity, agreement.

Важной особенностью функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления на современном этапе российской государственности является их взаимодействие для обеспечения благосостояния населения. Такое сотрудничество названных орга-

нов объективно обусловлено прежде всего общим источником принадлежащей им власти. Они наделяются ею в процессе реализации народом своей власти при проведении федеральных, региональных и муниципальных выборов. Право народа на осуществление власти как непосредственно, так и через органы государствен-

ной власти и органы местного самоуправления закреплено в ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации¹.

Данная конституционная максима закреплена в ст. 18 и конкретизируется в других статьях второй главы Конституции РФ. При этом органы государственной и муниципальной власти обеспечивают реализацию гражданами РФ конституционных прав и свобод, создают условия для исполнения ими конституционных обязанностей. Конституционно обусловленная необходимость совместной деятельности в этой социально-политической сфере выступает базисом взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти. Направления их взаимодействия определены в статьях восьмой главы Конституции РФ. Во исполнение ее ст. 131 федеральные органы государственной власти закрепляют общие принципы местного самоуправления в Российской Федерации, на основе которых население определяет структуру органов местного самоуправления. В соответствии с ч. 1¹ этой же статьи органам государственной власти предоставлена возможность участия в формировании органов местного самоуправления, назначении должностных лиц местного самоуправления.

Данная конституционная новелла является важной предпосылкой для создания законодательных условий взаимодействия органов публичной власти уже на этапе организации выборов муниципальных депутатов, а также для работы конкурсных комиссий по отбору кандидатов на должность глав городских и иных муниципальных образований с учетом интересов субъектов Российской Федерации². Это позволяет согласиться с выводом о том, что «местное самоуправление жестко связано с системой органов государственной власти на уровне субъектов»³. С этой целью в данной области в законодательстве о местном самоуправлении закре-

плен правовой механизм участия органов государственной власти субъектов РФ в формировании органов местного самоуправления.

На уровне Конституции РФ определены и компетенционные основы органов местного самоуправления, что весьма важно. Ведь взаимодействие органов государственной и муниципальной власти невозможно без определения их компетенции. В связи с этим закономерно, что в Конституции РФ перечислены не только основные полномочия органов местного самоуправления, но и особо подчеркивается необходимость обеспечения ими доступности медицинской помощи для населения. При этом ее объем должен определяться путем принятия соответствующего федерального закона (ч. 1 ст. 132).

В соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ целью взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления является «эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». В этой же конституционной норме установлено, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Сам по себе такой правовой факт является важным скрепом их совместной деятельности в конституционно определенных целях.

В следующей ст. 133 Конституции РФ закреплена гарантия компенсации дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления публичных функций во взаимодействии с органами государственной власти. Эта норма, на наш взгляд, значима для обеспечения самостоятельности органов местного самоуправления, так как закрепляет их право на судебную защиту.

Таким образом, следует отметить, что в Конституции РФ закреплена устойчивая основа взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти. При этом определены и содержание, и предназначение (цель) такой деятельности, что позволяет регулировать ее путем принятия соответствующих законов.

В 2020 г. понятие «взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления» было включено в Конституцию РФ. В предшествующей редакции, т. е. на протяжении 27 лет, такая задача не формулировалась на конституционном уровне. Вместе с тем практика функционирования местного само-

¹ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Рос. газета. 2020. 4 июля.

² См.: Гончаров И. В. Об участии органов государственной власти Российской Федерации в формировании органов местного самоуправления в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 51–54.

³ Пешин Н. Л. Муниципальная власть : продолжение государства или институт самоорганизации общества? // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 2. С. 45.

управления в нашей стране показывает наличие значительных сложностей в реализации его органами своих полномочий⁴. Поэтому в конституционном закреплении их взаимодействия с органами государственной власти видится ключевой фактор укрепления местного самоуправления как основы конституционного строя, повышения уровня благосостояния населения городских и сельских территорий, более широкого вовлечения граждан РФ в процессы нормотворчества, правоприменения и контроля на муниципальном уровне.

Изложенные конституционные положения позволяют определить понятие взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти как их совместную деятельность по достижению общей цели с учетом взаимных интересов в пределах своей компетенции, ограниченной наличием материальных и иных ресурсов, а также естественными природными условиями.

Определение данного понятия обусловлено практической многогранностью и сложностью связей органов власти и условий их проявления в процессе реализации своей компетенции. Взаимодействие данных органов не спонтанно возникающая деятельность. Оно предопределяется вполне конкретными предпосылками объективного и субъективного содержания.

К объективным предпосылкам взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления относятся выявленные естественные потребности населения муниципальных территорий, отдельных групп людей и конкретных индивидуумов. Таких потребностей бесчисленное множество. Поэтому органы публичной власти должны выделять наиболее важные человеческие потребности, прежде всего питание, жилище, здравоохранение.

⁴ См.: *Бялкина Т. М.* Взаимодействие органов местного самоуправления с населением как условие эффективности муниципальной власти // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право.* 2025. № 2. С. 23–24; *Чертков А. Н.* Пределы взаимодействия государства и местного самоуправления : единство и дифференциация публичной власти // *Местное самоуправление в Российской Федерации : новые возможности и вызовы современности : монография / под ред. Б. С. Эбзеева, Л. Т. Чихладзе, Е. Н. Хазова. М., 2022. С. 84–96*; *Козлова Н. В.* Единая система публичной власти как конституционный механизм эффективного решения задач в интересах населения муниципального образования : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2023. 263 с.

Неудовлетворенность в этих и некоторых других естественных потребностях ведет к деградации и последующей гибели людей. Такая естественная закономерность во главу угла взаимодействия ставит удовлетворение именно этих потребностей населения. Но, как ни странно, всего лишь пять лет назад были созданы конституционные основы для взаимодействия органов публичной власти в этой особо значимой сфере.

Данными объективными предпосылками обусловлены субъективные предпосылки взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Если выстраивать иерархическую систему таких предпосылок, то ее вершина видится в цели их взаимодействия. Таковой является прежде всего удовлетворение ранее названных естественных потребностей людей. Наряду с ними объективно требуется взаимодействие органов публичной власти с целью удовлетворения иных многочисленных социально-политических потребностей населения, обусловленных социальной природой человека⁵.

Указанная цель является первым элементом системы субъективных предпосылок взаимодействия органов публичной власти в сфере местного самоуправления. Ее недостижение влечет разрушение существующей системы органов публичной власти и ее замену на новую социально нацеленную систему властных органов. Всемирная история развития государств ярко свидетельствует о непреходящей значимости деятельности их органов по удовлетворению субъективных потребностей граждан.

Компетенция органов местного самоуправления, понимаемая нами как совокупность прав и обязанностей в нормативно определенных сферах жизнедеятельности общества, является вторым элементом субъективных предпосылок взаимодействия органов публичной власти. Учитывая значимость компетенции, основы ее содержания дифференцированно закреплены в соответствующих статьях Конституции РФ для Президента РФ, палат Федерального Собрания РФ, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Особое значение, применительно к теме статьи, имеет право Президента РФ формировать Государственный

⁵ См. подробнее: *Колесников А. В.* Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти : организационные аспекты / под общ. ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2022. С. 7–49.

Совет РФ, одной из целей деятельности которого является «обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти»⁶.

Включение органов местного самоуправления в эту систему повышает их значимость как участвующих органов в социально-экономическом развитии государства, а также способствует повышению качества их взаимодействия с органами государственной власти. При этом признание органов местного самоуправления звеном единой системы органов публичной власти позволяет им опираться на авторитет Президента РФ и Государственного Совета РФ при определении направлений взаимодействия с органами государственной власти и обеспечивать свою самостоятельность как основы совместной деятельности по достижению общих целей.

Поддержка органов местного самоуправления со стороны государственных органов весьма значима для них. Ведь, несмотря на декларируемую самостоятельность местного самоуправления и, соответственно, его органов в пределах полномочий, им сложно осуществлять взаимодействие с органами государственной власти на паритетных началах. Местное самоуправление обладает значительно меньшим имущественным, финансовым и кадровым потенциалом по сравнению с органами государственной власти. Между тем, как представляется, эффективное взаимодействие в сфере их совместной деятельности возможно лишь в рамках паритетного сотрудничества. В связи с этим объективно диктуется потребность укрепления экономической основы муниципалитетов.

Конституционной нормой ст. 132 (ч. 3) гарантируются обязательность совместного сотрудничества органов публичной власти и их взаимодействие. Данная статья получила развитие в закреплении общих принципов организации публичной власти в субъектах Российской Федерации в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁷. В ч. 1 ст. 2 этого Закона принцип со-

гласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях относится к принципам деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъектах РФ.

Указанный принцип не включался в систему принципов организации местного самоуправления в Федеральных законах 1995 и 2003 гг. о местном самоуправлении⁸. В иных федеральных законах, определяющих взаимоотношения федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления, императивно закреплялось их взаимодействие путем принятия законодательных и других нормативных обязательных регуляторов.

Такой подход к организации их взаимоотношений с органами местного самоуправления в значительной мере сохранился в принятом 20 марта 2025 г. Федеральном законе № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁹. В его ст. 5 и 6 закреплены полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ по правовому регулированию организации местного самоуправления, что, естественно, обязывает органы местного самоуправления исполнять волю законодателей, облеченную в законы¹⁰.

Однако решение вопроса об объеме полномочий органов местного самоуправления фе-

⁸ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 35. Ст. 3506 ; Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Там же. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁹ См.: Рос. газета. 2025. 26 марта.

¹⁰ В такой ситуации сложно представить их взаимодействие с органами государственной власти. В то же время в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ подтверждается самостоятельность органов местного самоуправления в пределах своих полномочий, о чем ранее указал и Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁶ Особенности достижения этой цели определены в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

Федеральным законодателем отложено до 1 января 2027 г. Судя по ст. 32 Федерального закона от 20 марта 2025 г., весь объем компетенции органов местного самоуправления будет известен после того, как органы государственной власти субъектов РФ решат в течение полутора лет вопрос о перераспределении полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, установленных в ч. 2 ст. 32 данного закона, а также реализуют свое право определить полномочия органов местного самоуправления, находящиеся в перечне, включенном в ч. 3 указанной статьи. Пока же в ст. 16 указанного закона определены лишь исключительные полномочия муниципальных представительных органов. Кроме того, в его ст. 20 установлены полномочия глав муниципальных образований.

Объем полномочий органов местного самоуправления, закрепленных, как в частично действующем Федеральном законе от 6 октября 2003 г., так и в Федеральном законе от 20 марта 2025 г., позволяет им решать текущие проблемы обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований. Однако этого недостаточно для того, чтобы выйти на новый уровень своего функционирования, обусловленный ранее упомянутыми конституционными нормами, предполагающими взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти.

Эти нормы должны развиваться путем принятия законов, определяющих направления взаимодействия органов публичной власти. Для полноценного правового регулирования их взаимодействия и определения его механизма следует принять соответствующие федеральные законы и законы субъектов РФ. Более того, согласно ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 20 марта 2025 г. возможно определение взаимодействия органов публичной власти иными нормативными правовыми актами субъектов РФ и муниципальных образований.

Столь широкий диапазон возможного правового регулирования взаимодействия органов публичной власти свидетельствует о его существенной значимости. Следовательно, чем быстрее будет определена компетенция органов публичной власти в сфере совместной деятельности, тем заметнее будут ее результаты, проявляемые в повышении благосостояния жизнедеятельности населения.

Достижению желаемых результатов будет способствовать насыщение правовых актов процессуальными нормами, закрепляющими процедуры согласования позиций и действий участников процесса взаимодействия, в том числе обеспечивающие проведение публичных слушаний, общественных обсуждений, выявление мнения жителей путем опросов, проведение экспертиз и мониторинга.

Целесообразно также нормативно закрепить направления взаимодействия органов публичной власти по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, установить объемы финансовых и материальных ресурсов, используемых для достижения этой цели, а также порядок функционирования координационных центров взаимодействия участников совместной деятельности.

Ответственность является третьим обязательным элементом субъективных предпосылок взаимодействия органов публичной власти. Применительно к этой сфере муниципальной деятельности она должна распространяться на всех ее участников независимо от их статуса как органов публичной власти. Применение мер ответственности к органам публичной власти, на наш взгляд, возможно только путем третейских процедур. Значит, для развития сферы взаимодействия органов публичной власти в области местного самоуправления желательна расширение системы третейских судов применительно к спорам в рассматриваемой сфере.

В настоящее время вряд ли возможно паритетное взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти в связи с доминированием законодательного регулирования их деятельности. В то же время для достижения названной выше конституционной цели следует постепенно отходить от императивной формы правового регулирования муниципально-правовых отношений и переходить к согласительной форме обеспечения их деятельности. Этот процесс основывается на взаиморазделяемых и согласованных позициях участников взаимодействия. Их объединяет общая цель, порядок достижения которой определяется в соответствующем договоре. Такое взаимодействие обеспечивает стабильность системы органов публичной власти и осознанную деятельность их аппаратов.

Мы разделяем мнение О. Ф. Шаброва, который полагает, что для определения качества со-

циального управления следует использовать два критерия – степень достижения целей и системную стабильность¹¹. И, действительно, достижение социально-экономических целей органов публичной власти подтверждается надлежащим уровнем благосостояния населения страны, уровнем удовлетворения жизненно важных потребностей людей, их гармоничным развитием и безопасным существованием.

Эффективность своей деятельности органы публичной власти могут достигать, во-первых, при оптимальном научно обоснованном определении их полномочий, и, во-вторых, при оптимальном процессуальном механизме, состоящем из совокупности процедур, применение которых органами публичной власти обеспечивает реализацию ими своих полномочий.

Таким образом, закрепленная в настоящее время нормативно определенная форма взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти представляет, по нашему мнению, первую стадию их совместной деятельности по повышению уровня благосостояния населения. Вторая стадия их взаимодействия видится в совместной деятельности, регулируемой соответствующими договорами. Причем в основе этой стадии должен находиться научно обоснованный стратегический план, а не закон. Вклад участников совместной деятельности в реализацию плановых показателей должен определяться с учетом их кадровых, материальных и финансовых ресурсов. Такой подход к определению договорных обязательств будет способствовать повышению заинтересованности органов государственной власти в укреплении материальной базы органов местного самоуправления.

Совместно выработанный стиль деятельности органов публичной власти будет обеспечивать вовлеченность населения в реализацию стратегических и текущих планов, развитие инициативности граждан и освоение ими управленческих навыков, без которых невозможно эффективное осуществление местного самоуправления. Конституция РФ в редакции 2020 г. позволяет перестраивать взаимодействие органов публичной власти во благо всех граждан РФ на договорных началах. Как справедливо подметил профессор

Ю. Н. Стариков, «Конституция обязывает вначале создать необходимый минимум правового регулирования соответствующих общественных отношений (как частноправового, так и публично-правового характера). По истечении какого-то времени активизирует потенциал своих норм, идей, принципов, призванных реализовать многочисленные реформы государственной и общественной жизни»¹².

Библиографический список

Бялкина Т. М. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением как условие эффективности муниципальной власти // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2025. № 2. С. 23–30.

Гончаров И. В. Об участии органов государственной власти Российской Федерации в формировании органов местного самоуправления в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 51–54.

Козлова Н. В. Единая система публичной власти как конституционный механизм эффективного решения задач в интересах населения муниципального образования : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2023. 263 с.

Колесников А. В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти : организационные аспекты / под общ. ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2022. 400 с.

Пешин Н. Л. Муниципальная власть : продолжение государства или институт самоорганизации общества? // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 2. С. 38–50.

Стариков Ю. Н. Реализация Конституции Российской Федерации и современное административное право // Закон. 2013. № 12. С. 81–96.

Чертков А. Н. Пределы взаимодействия государства и местного самоуправления : единство и дифференциация публичной власти // Местное самоуправление в Российской Федерации : новые возможности и вызовы современности : монография / под ред. Б. С. Эбзеева, Л. Т. Чихладзе, Е. Н. Хазова. М., 2022. С. 84–96.

Шабров О. Ф. Политико-административное управление в Российской Федерации // Власть. 2004. № 11. С. 9–17.

References

Byalkina T. M. Interaction of local governments with the population as a condition for the effectiveness of municipal government // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 2. P. 23–30.

¹² *Стариков Ю. Н.* Реализация Конституции Российской Федерации и современное административное право // Закон. 2013. № 12. С. 81–96.

¹¹ См.: *Шабров О. Ф.* Политико-административное управление в Российской Федерации // Власть. 2004. № 11. С. 9.

Goncharov I. V. On the participation of state authorities of the Russian Federation in the formation of local self-government bodies in the unified system of public authority // *Constitutional and Municipal Law*. 2022. No. 10. P. 51–54.

Kozlova N. V. The unified system of public authority as a constitutional mechanism for effectively solving problems in the interests of the population of a municipal entity : cand. legal sci. dis. Novosibirsk, 2023. 263 p.

Kolesnikov A. V. Local self-government bodies in the unified system of public power : organizational aspects / under the general editorship of A. Y. Sokolov. Saratov, 2022. 400 p.

Peshin N. L. Municipal government : the continuation of the state or the institution of self-organiza-

tion of society? // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2019. No. 2. P. 38–50.

Starilov Yu. N. The implementation of the Constitution of the Russian Federation and modern administrative law // *Law*. 2013. No. 12. P. 81–96.

Chertkov A. N. The limits of interaction between the state and local self-government : unity and differentiation of public power // *Local self-government in the Russian Federation : new opportunities and challenges of our time : a monograph* / ed. by B. S. Ebzееv, L. T. Chikhladze, E. N. Khazov. Moscow, 2022. P. 84–96.

Shabrov O. F. Political and administrative management in the Russian Federation // *Power*. 2004. No. 11. P. 9–17.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Забелина Е. П., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права

E-mail: Zabelina_ep@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Для цитирования:

Забелина Е. П. Перспективы взаимодействия органов публичной власти в сфере местного самоуправления // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2025. № 4 (63). С. 68–74. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/68-74>

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Zabelina E. P., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law

E-mail: Zabelina_ep@mail.ru

Received: 17.11.2025

For citation:

Zabelina E. P. Prospects of interaction of public authorities in the field of local self-government // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2025. No. 4 (63). P. 68–74. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/68-74>

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

С. В. Судакова

Воронежский государственный университет

CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND FREEDOM OF RELIGION: THEORETICAL AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

S. V. Sudakova

Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена исследованию содержания свободы совести и свободы вероисповедания. Автор выделяет конструктивные и деструктивные аспекты реализации свободы совести и вероисповедания, приводит конкретные практические примеры деструктивного влияния объединений квазирелигиозного толка на жизнь общества, анализирует актуальные проблемы, связанные с экспертной оценкой деятельности религиозных организаций, и выявляет слабые стороны действующего в этой сфере законодательства, которые способствуют возникновению спорных и конфликтных ситуаций в практике правоприменения. На основе этих рассуждений обосновывается целесообразность официального законодательного закрепления термина «религия» на федеральном уровне, анализируются законодательство субъектов РФ по этому вопросу и опыт Республики Беларусь. Подчеркнута важность совершенствования законодательного регулирования государственной религиоведческой экспертизы.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, государство, религия, право.

Abstract: the article is devoted to the study of the content of freedom of conscience and freedom of religion. The author highlights the constructive and destructive aspects of the implementation of freedom of conscience and religion, gives specific practical examples of the destructive influence of quasi-religious associations on the life of society, analyzes current problems associated with the expert assessment of the activities of religious organizations and identifies weaknesses in the current legislation in this area, which contribute to the emergence of controversial and conflict situations in the practice of law enforcement. Based on these arguments, the author substantiates the feasibility of official legislative consolidation of the term «religion» at the federal level, analyzes the legislation of the constituent entities of the Russian Federation on this issue and the experience of the Republic of Belarus. The article emphasizes the importance of improving the legislative regulation of state religious studies expertise.

Key words: freedom of conscience, freedom of religion, state, religion, law.

Традиционно право на свободу совести и свободу вероисповедания принято относить к первому поколению прав человека, к категории естественных прав. Реальное их обеспечение выступает важнейшим индикатором демократичности современного государства.

Содержание данных конституционных прав базируется на нормах ст. 28 Конституции Российской Федерации¹, ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О сво-

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. от 04.10.2022). URL: [https:// www.pravo.gov.ru](https://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 11.11.2024).

боде совести и религиозных объединениях»². Ориентиром для отечественного правового регулирования этого аспекта социальной действительности во многом выступают авторитетные международные стандарты, закрепленные в таких знаковых документах, как:

– Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН)³;

– Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)⁴;

– Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (провозглашена резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г.)⁵.

В современной конституционно-правовой науке представлено широкое разнообразие позиций относительно содержания права на свободу совести и свободу вероисповедания. При этом авторы однозначно сходятся во мнении, что свобода совести и свобода вероисповедания не могут быть полностью отождествлены, а соотносятся как общее и частное. Свобода совести имеет более широкое содержание, которое включает в себя не только свободу выбора религиозных убеждений, но и возможность формирования своих взглядов на иных мировоззренческих ориентирах (морально-этических, философских, пацифистских, атеистических и т. п.)⁶.

² См.: О свободе совести и религиозных объединениях : федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

³ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Подробнее см., например: Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания : конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3. С. 105 ; Иванюк О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания : соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал рос. права. 2010. № 9. С. 56–57 ; Крутова И. Э. Понятийные интерпретации свободы совести и свободы вероисповедания : законодательство и светские подходы // Вестник Института экономических исследований. 2022. № 2. С. 112–114 ; и др.

Профессор А. В. Пчелинцев в своем исследовании детально анализирует именно право на свободу вероисповедания. По его мнению, «сущность данной свободы сводится к наличию для человека узаконенных возможностей открыто следовать выбранной религии в соответствии с его религиозными убеждениями при условии соблюдения установленного правопорядка»⁷. Однако анализируя содержание данной свободы, среди индивидуальных религиозных прав граждан он выделяет также право на создание новой религии⁸. Такая позиция, с нашей точки зрения, является дискуссионной. Ведь реализация этого права в практической плоскости может проявиться не только с положительной стороны, но и с отрицательной.

Если рассматривать юридическое содержание права на свободу совести и вероисповедания обобщенно, то оно включает в себя право на свободу:

1) исповедовать индивидуально и совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой;

2) выбирать, иметь, распространять как религиозные, так и атеистические убеждения;

3) активно действовать в соответствии со своими убеждениями⁹.

Н. С. Кочикян, например, раскрывает содержание данных прав комплексно, выделяя в его структуре следующие основные элементы:

а) право исповедовать любую религию;

б) право не исповедовать никакой религии;

в) право распространять религиозные убеждения;

г) право распространять иные убеждения;

д) право на свободный выбор мировоззренческих убеждений в целом;

е) право на духовно-нравственное воспитание и обучение своих детей¹⁰.

Актуальность рассматриваемой проблематики не вызывает сомнений. Столкновение ре-

⁷ Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 85.

⁸ См. подробнее: Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации... С. 90.

⁹ См.: Нарутто С. В., Таева Н. Е. Конституционное право России : учебник. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2023. С. 181.

¹⁰ См.: Кочикян Н. С. Содержание конституционного права на свободу совести и вероисповедания // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2008. № 3. С. 70.

лигиозных взглядов в современных условиях приобрело характер общемировой проблемы. Разжигание межрелигиозной розни становится основным инструментом глобальных преступных сообществ для обострения военных конфликтов в разных частях планеты. Притеснения верующих Украинской православной церкви Московского Патриархата со стороны киевского режима, вновь обострившийся арабо-израильский конфликт на Ближнем Востоке, имеющий глубокие исторические и религиозные корни, в очередной раз подчеркивают разрушительный масштаб любой межконфессиональной нетерпимости. Отголоски этого конфликта выражаются в массовых протестных акциях практически по всему миру. А беспорядки в аэропорту Махачкалы, организованные 29 октября 2023 г. и возвращенные на идеологии нетерпимости, дают повод задуматься об уровне межнационального и межконфессионального согласия уже внутри нашей страны.

Существенное стимулирующее влияние на эти деструктивные процессы оказывает высокий уровень информационной открытости современного общества и широкие возможности использования интернет-технологий.

В противовес этому целесообразно подчеркнуть, что совершенствование правового регулирования и практики реализации конституционного права на свободу совести и вероисповедания, гармоничное сотрудничество государства и религиозных объединений в социальной сфере являются эффективными инструментами, способствующими консолидации российского общества и его глубокому нравственному оздоровлению.

Однако необходимо учитывать, что *абсолютизация свободы совести и свободы вероисповедания* имеет высокий риск превращения этих свобод во *вседозволенность*, что в современных условиях является недопустимым и может привести к тяжелым негативным последствиям. Поэтому к конституционной гарантированности права на «исповедание любой религии» все-таки нужно относиться с высокой степенью осторожности.

Глубокую обеспокоенность вызывает возможность проникновения в Российскую Федерацию зарубежных религиозных миссий маргинального характера, а также распространение влияния на сознание людей религиозных и квазирелигиозных новообразований как иностранного, так и

отечественного происхождения. Практика подчеркивает высокую значимость данной проблемы для государства и общества и усиление ее актуализации на современном этапе. В целях аргументации рассмотрим некоторые примеры.

В феврале 2020 г. в Красноярском крае были задержаны руководитель и идеолог религиозной организации «Церковь Последнего Завета» Сергей Тороп, известный как духовный учитель Виссарион, и его ближайшие помощники. По утверждению С. Торопа, в январе 1991 г. он «принял крещение от небесного Отца под знаком Единой объединяющей веры, представляющей собой воплощение всех существующих религий, и составил вероучительный текст «Слово Виссариона, являющего Последний Завет от посланного его отца Небесного»¹¹. Таким образом, С. Тороп, эксплуатируя образ Иисуса Христа и культивируя идею собственного мессианства, с 1991 по 2020 г. совместно с сообщниками вел активную деятельность по развитию личного культа и собственного эклектичного вероучения, обобщившего околочристианские, языческие верования, восточные практики и суждения о реинкарнации вокруг основной идеи – приближающегося конца света и необходимости подготовки к нему в соответствии с учением Виссариона¹². По утверждению специалистов, «учение Виссариона – смесь космологии, христианства и йоги, где христианству отводится центральная роль»¹³. Впервые община Виссариона была зарегистрирована Управлением юстиции администрации Красноярского края 24 июня 1994 г. как «Община Единой Веры», 5 октября 1995 г. община была перерегистрирована под наименованием Церковь Последнего Завета, а 28 декабря 2000 г. – как Курагинская местная религиозная организация «Церковь Последнего Завета», о чем 14 ноября 2002 г. была внесена запись в Единый государственный реестр юриди-

¹¹ См.: История религий в России : учебник / под ред. О. В. Васильевой, Н. А. Трофимчука. М. : РАГС, 2004. С. 623 (авторы главы – В. В. Кравчук и Н. А. Трофимчук).

¹² См. подробнее, например: «Последний завет» : как задерживали членов секты Виссариона. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/09/22/13261849.shtml> (дата обращения: 01.02.2024) ; Лидеров секты Виссариона заподозрили в насилии над последователями. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/09/2020/5f69b1529a79473709f911e9> (дата обращения: 01.02.2024) ; и др.

¹³ История религий в России : учебник / под ред. О. В. Васильевой, Н. А. Трофимчука. С. 625.

ческих лиц¹⁴. За годы своей деятельности религиозная организация основала в Красноярском крае «Город Солнца» с численностью жителей около 5000 человек. В целом культ Виссариона насчитывает более 10 000 последователей не только в России, но и за рубежом. Религиозная организация имела свои представительства в г. Москве, г. Санкт-Петербурге, Прибалтийских государствах, Казахстане, США. В период пандемии COVID-19 идеи виссарионовцев вызвали новую волну интереса. В 2021 г. в отношении С. Торопа и его сообщников возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 239 ; п. «а» и «б» ч. 3 ст. 111, п. «г» ч. 2 ст. 112 Уголовного кодекса Российской Федерации. Решением Красноярского краевого суда от 24 октября 2022 г. Курагинская местная религиозная организация «Церковь Последнего Завета» на территории Российской Федерации была ликвидирована и исключена из Единого государственного реестра юридических лиц, обжалование данного решения в вышестоящих инстанциях оставлено без удовлетворения¹⁵.

События, происходящие вокруг религиозной организации, ее лидера и руководства последние четыре года, вызвали общественный резонанс, целую серию судебных процессов, журналистских расследований и дискуссий. Сторонники Виссариона довольно активно пытаются оспаривать судебные решения о ликвидации религиозной организации и защитить репутацию своего лидера. Все эти факты в очередной раз подчеркивают несовершенство действующего в сфере свободы совести и вероисповедания законодательства, слабость правового регулирования института государственной религиозно-ведческой экспертизы и механизмов государственной регистрации религиозных организаций. Рассмотренный нами пример наглядно демонстрирует *фактическое отсутствие качественных профилактических мер, препятству-*

ющих возникновению, развитию и расширению деструктивных объединений квазирелигиозного толка и *обеспечивающих своевременность выявления и пресечения* преступной деятельности таких объединений.

Не менее показателен и другой пример. В ноябре 2023 г. Комитету семей воинов Отечества Республики Хакасия представители ассоциации «Гедеон» (так называемые «Гедеоновы братья») в целях духовной поддержки военнослужащих предложили передать в зону Специальной военной операции (далее – СВО) книги Священного Писания, издаваемые этой ассоциацией. При знакомстве с предложенной литературой члены Комитета усомнились в искренности намерений «Гедеоновых братьев» и не допустили гуманитарный груз с литературой в зону военных действий. Инициатива ассоциации подверглась резкой критике и негативной оценке в региональных средствах массовой информации, что вызвало конфликтную ситуацию и существенный общественный резонанс.

Ассоциация «Гедеон» – это христианское содружество протестантского происхождения, мировое библеистическое движение, возникшее в США в 1899 г. Оно действует в 194 странах мира. В России ассоциация евангельских христиан «Гедеон» официально зарегистрирована с 1993 г. как централизованная религиозная организация. Ассоциация занимается изданием и бесплатным распространением книг Библии (преимущественно Псалтири и Нового Завета) карманного формата в русском Синодальном переводе¹⁶.

В Хакасии для отправления в зону СВО были предложены издания Нового Завета и Псалтири с белой и камуфляжной обложками, очевидно, предназначенные как для военных, так и для медицинских работников. Проблему вызвали текст предисловия к изданию и *рубрикатор этих книг*, в соответствии с которым было предложено изложение священных библейских текстов (рубрики книг оформлены с учетом особенностей психологических состояний человека: усталости, страха, тревоги, смущения, отчаяния и пр.).

Члены Комитета семей воинов Отечества сочли небезопасным с психологической точки зрения предложенную модель изложения Библии для солдат, находящихся на передовой.

¹⁶ См.: Официальный сайт Ассоциации евангельских христиан «Гедеон». URL: <https://gideons.ru/> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁴ См., подробнее: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. по делу № 66а-272/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2024) ; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 августа 2023 г. № 88а-16778/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁵ См.: Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 августа 2023 г. № 88а-16778/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2024).

Недоверие вызвало и западное происхождение международной ассоциации. Вся партия книг, предназначенная для отправления, была изъята.

После инцидента в Хакасии ассоциация «Гедеон» выступила с официальным заявлением, опровергающим подозрения родственников военнослужащих и обосновывающим свое дружелюбие по отношению к России, длительность регистрации на ее территории и глубоко духовные цели своей миссии. При этом похожие проблемы у ассоциации уже возникали. В 2016 г. в Выборгском городском суде Ленинградской области религиозная организация оспаривала действия Выборгской таможни, задержавшей летом того же года тираж Нового Завета и Псалтири. Сотрудники таможни заподозрили, что ввозимая из Финляндии литература является экстремистской. В целях обоснования позиции ассоциации по инициативе стороны защиты была проведена психолого-лингвистическая экспертиза религиозной литературы. По итогам рассмотрения дела суд вынес решение в пользу ассоциации «Гедеон»¹⁷.

На наш взгляд, данная ситуация сложна, неоднозначна и требует тщательной экспертной оценки с привлечением профессиональных религиоведов, лингвистов и психологов, которые смогут всесторонне исследовать материалы издания и сделать объективное профессиональное прогнозирование их возможного воздействия на психику лиц, находящихся в зоне боевых действий и выполняющих свой долг по защите Отечества. При этом, конечно, необходимо учитывать уровень религиозной грамотности конкретного человека и его личный опыт чтения сакральных текстов. Здесь также стоит напомнить о ст. 3.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», которая однозначно закрепляет, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами»¹⁸. И это уточнение, закрепленное в данном законе в 2015 г. по инициативе Президента РФ, вполне справедливо. Но, как показывают разнообразие и сложность практи-

ческих ситуаций, каждый конкретный случай требует всестороннего исследования сущности возникшей проблемы, исключая ее любые поверхностные интерпретации.

В целях минимизации и искоренения рассмотренных выше проблем считаем целесообразным:

1) актуализировать необходимость официального закрепления на уровне базового Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» законодательного определения термина «*религия*». Конечно, этот вопрос требует тщательной научной разработанности, поскольку ряд ученых категорически против данного определения в законодательном тексте в силу абстрактности, широты и многогранности религиозных верований. Кроме того, в религиоведческой науке предлагается широкое разнообразие интерпретаций данного термина¹⁹. Одно из наиболее унифицированных определений содержится, например, в Новейшем словаре религиоведения. По версии авторов этого словаря: «религия (от лат. *religare* – «связывать, восстанавливать связь») – это форма общественного сознания; одна из сфер духовной жизни, социально организованная вера в священное и основанный на ней способ практически-духовного освоения мира обществом, группой людей и отдельным человеком»²⁰. При всей сложности обозначенной проблемы поиск *оптимального научного подхода* к правовому определению данного термина и возможностей его использования для целей законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений необходимо продолжать. Тем более что действующее законодательство субъектов РФ знает примеры правового определения религии. Так,

¹⁷ См. подробнее: Таможня поставила под сомнение Новый Завет. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3144201> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁸ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №30. Ст. 3031.

¹⁹ Об этом см. подробнее, например: Маркова Е. Н. Проблема правового определения «религии» // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 34–45 ; Пчелинцев А. В. К вопросу о правовом определении понятия «религия» и «традиционная религия» // Юридический мир. 2012. № 5. С. 56–59 ; 750 определений религии : история символизаций и интерпретаций : монография / под ред. д-ра филос. наук проф. Е. И. Аринина ; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. 460 с. ; Яблоков И. Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 1. С. 204–211 ; и др.

²⁰ Новейший словарь религиоведения / авт.-сост. О. К. Садовников, Г. В. Згурский ; под ред. С. Н. Смоленского. Ростов н /Д. : Феникс, 2010. С. 325.

Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1999 г. № 610-1 «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» и Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» содержат такие определения. Закон Республики Бурятия предусматривает, что «религия – это исторически обусловленная форма общественного сознания, являющаяся совокупностью представлений и культовой практики, основанных на вере в действительные и сверхъестественные силы и существа, которые являются объектом поклонения»²¹. Закон Республики Тыва рассматривает религию как «одну из форм общественного сознания, совокупность мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа, которые являются предметом поклонения»²². Если говорить о зарубежном опыте, то, например, Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» предусматривает следующую дефиницию: «религия – это исторический тип мировоззрения и форма общественного сознания, а также соответствующее им поведение и специфические действия, основанные на вере и убеждениях в сверхъестественное и возможность взаимодействия с ним»²³. Считаем, что такой подход к законодательному закреплению термина «религия» для юридически значимых целей вполне конструктивен и достоин научного внимания;

2) в данном контексте необходимо подчеркнуть, что существенным недостатком действующего Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» является *отсутствие в главе I «Общие положения»* отдельной самостоятельной статьи «Основные термины и понятия», предполагающей законодательное закрепление комплекса легальных дефиниций специализи-

рованных терминов, актуальных для соответствующих общественных отношений. Наличие в законе такой статьи способствовало бы большей согласованности законодательного текста и снижению проблем в практике правоприменения;

3) исходя из изложенного выше становится очевидным, что в глубоком научном переосмыслении нуждается действующий механизм правового регулирования государственной религиозно-экспертной экспертизы. Ведь базовый для сферы государственно-конфессиональных отношений и реализации свободы совести Федеральный закон № 125-ФЗ пока, к сожалению, не содержит четкого правового регулирования такой экспертизы, ограничиваясь лишь упоминанием о ней всего в одной правовой норме (ч. 8 ст. 11). Сама процедура государственной религиозно-экспертной экспертизы на сегодняшний день регулируется лишь подзаконным актом – Приказом Минюста РФ от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиозно-экспертной экспертизе»²⁴. Убеждены, что такой вариант правового регулирования нельзя признать достаточным;

4) важнейшим недостатком механизма государственной религиозно-экспертной экспертизы является *рекомендательный характер* экспертного заключения для Минюста России и его территориальных органов (п. 15 раздела VI Приказа). Данная норма, на наш взгляд, *нивелирует сам смысл* государственной религиозно-экспертной экспертизы как эффективного инструмента, призванного препятствовать негативным тенденциям в сфере реализации свободы вероисповедания, способствовать соблюдению прав и законных интересов граждан РФ в этой чувствительной для общества сфере. Кроме того, на практике очень часто возникает необходимость проведения комплексной экспертизы (например, включающей социологический, лингвистический, психологический и религиозно-экспертный компоненты). Однако действующий закон о такой экспертизе вообще не упоминает. Считаем, что этот вид экспертизы также должен быть упомянут в ч. 8 ст. 11 Федерального закона № 125-ФЗ, а механизм правового регулирования государственной религиозно-экспертной экспертизы (*и иных экспертиз*, проведение которых необходимо в

²¹ О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия : закон Республики Бурятия от 23 декабря 1999 г. № 610-1 (в ред. от 07.10.2021). URL: <https://docs.cntd.ru/document/939401282> (дата обращения: 01.02.2024).

²² О свободе совести и религиозных организациях : закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 (в ред. от 18.05.2018). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802048821> (дата обращения: 01.02.2024).

²³ О свободе совести и религиозных организациях : закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ (в ред. от 30.12.2023). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19202054> (дата обращения: 11.11.2024).

²⁴ См.: О государственной религиозно-экспертной экспертизе : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902145401> (дата обращения: 01.02.2024).

целях объективного, научно обоснованного подтверждения факта безопасности оцениваемого религиозного учения или религиозной литературы и т. п. для нравственного, физического здоровья и благополучия человека и гражданина) необходимо закрепить в отдельной главе Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединений», посвященной этим вопросам.

Резюмируя всё сказанное выше, целесообразно сделать следующие основные выводы:

1) право на свободу совести и свободу вероисповедания традиционно относится к первому поколению прав человека, к категории естественных прав;

2) в современной конституционно-правовой науке представлено широкое разнообразие позиций относительно содержания данных прав;

3) абсолютизация свободы совести и свободы вероисповедания имеет высокий риск превращения этих свобод во вседозволенность, что может привести к тяжелым негативным последствиям;

4) современная практика, к сожалению, знает примеры легального действия на территории России псевдорелигиозных объединений и усиления напряженности в этноконфессиональной сфере в целом.

Эти факты подчеркивают необходимость дальнейшего всестороннего совершенствования правового регулирования свободы совести и свободы вероисповедания в нашей стране.

Библиографический список

Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания : конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3. С. 104–108.

Иванюк О. А. Свобода совести и свобода вероисповедания : соотношение понятий и границы законодательного регулирования // Журнал рос. права. 2010. № 9. С. 46–58.

История религий в России : учебник / под ред. О. В. Васильевой, Н. А. Трофимчука. М. : РАГС, 2004. 696 с.

Кочикян Н. С. Содержание конституционного права на свободу совести и вероисповедания // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2008. № 3. С. 65–70.

Крутовая И. Э. Понятийные интерпретации свободы совести и свободы вероисповедания : законодательство и светские подходы // Вестник

Института экономических исследований. 2022. № 2. С. 111–119.

Маркова Е. Н. Проблема правового определения «религии» // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 34–45.

Нарутто С. В., Таева Н. Е. Конституционное право России : учебник. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2023. 491 с.

Новейший словарь религиоведения / авт.-сост. О. К. Садовников, Г. В. Згурский ; под ред. С. Н. Смоленского. Ростов н /Д. : Феникс, 2010. 444 с.

Пчелинцев А. В. К вопросу о правовом определении понятия «религия» и «традиционная религия» // Юрид. мир. 2012. № 5. С. 56–59.

Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 331 с.

Яблоков И. Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 1. С. 204–211.

750 определений религии : история символи- заций и интерпретаций : монография / под ред. д-ра филос. наук проф. Е. И. Аринина ; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. 460 с.

References

Bulavina M. A. Freedom of conscience and freedom of religion : constitutional and legal aspect // Bulletin of the Institute of World Civilizations. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 104–108.

Ivanyuk O. A. Freedom of conscience and freedom of religion : correlation of concepts and boundaries of legislative regulation // Journal of Russian Law. 2010. No. 9. P. 46–58.

The History of religions in Russia : a textbook / ed. by O. V. Vasilyeva, N. A. Trofimchuk. Moscow : RAGS, 2004. 696 p.

Kochikyan N. S. The content of the constitutional right to freedom of conscience and religion // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 3. P. 65–70.

Krutovaya I. E. Conceptual interpretations of freedom of conscience and freedom of religion : legislation and secular approaches // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2022. No. 2. P. 111–119.

Markova E. N. The problem of the legal definition of «religion» // Constitutional and municipal law. 2018. No. 11. P. 34–45.

Narutto S. V., Taeva N. E. Constitutional law of Russia : textbook. Moscow : RIOR : INFRA-M, 2023. 491 p.

The newest dictionary of Religious Studies / author-comp. O. K. Sadovnikov, G. V. Zgursky ; ed. by

С. В. Судакова

Содержание конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания...

S. N. Smolensky. Rostov-on-Don : Phoenix, 2010. 444 p.

Pchelintsev A. V. On the issue of the legal definition of the concept of «religion» and «traditional religion» // Legal World. 2012. No. 5. P. 56–59.

Pchelintsev A. V. Freedom of religion and religious associations in the Russian Federation (constitutional and legal research) : dr. legal sci. dis. Moscow, 2012. 331 p.

Yablokov I. N. The concept and functions of religion // The State, religion, and the Church in Russia and abroad. 2011. Vol. 29. No. 1. P. 204–211.

750 Definitions of Religion : a History of Symbolizations and Interpretations : a monograph / ed. by Dr. Philos. E. I. Arinina ; Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. Vladimir : Publishing House of the All-Russian State University, 2014. 460 p.

Воронежский государственный университет

Судакова С. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина
E-mail: sophyasudakova@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.11.2024

Для цитирования:

Судакова С. В. Содержание конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания: теоретический и сравнительно-правовой анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/75-82>

Voronezh State University

Sudakova S. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V. S. Osnovin
E-mail: sophyasudakova@mail.ru

Received: 11.11.2024

For citation:

Sudakova S. V. Content of the constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion: theoretical and comparative legal analysis // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/75-82>

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ АРМЕНИИ И МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

И. И. Тюнина

Воронежский государственный университет

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE NATIONAL ASSEMBLY OF ARMENIA AND MILLI MEJLIS OF AZERBAIJAN: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

I. I. Tunina

Voronezh State University

Аннотация: проведен сравнительно-правовой анализ структуры, порядка формирования и функционирования парламентов Армении и Азербайджана, выделены сходства и различия. Выявлено влияние формы правления (парламентская или президентская республика) на реальные полномочия, контрольные функции и роль парламента в системе сдержек и противовесов. Рассмотрены особенности законодательного процесса в указанных странах.

Ключевые слова: выборы, депутат, депутатский мандат, законодательная власть, законодательная инициатива, законодательный процесс, интерpellации, Милли Меджлис, Национальное собрание, парламент, парламентский контроль, полномочия законодательного органа, сессии парламента, фракция.

Abstract: the article provides a comparative legal analysis of the structure, formation and functioning of the parliaments of Armenia and Azerbaijan, highlighting similarities and differences. The influence of the form of government (parliamentary or presidential republic) on the real powers, control functions and the role of parliament in the system of checks and balances is revealed. The features of the legislative process in the specified countries are considered.

Key words: elections, deputy, deputy mandate, legislative power, legislative initiative, legislative process, interpellations, Milli Majlis, National Assembly, parliament, parliamentary control, powers of the legislative body, sessions of parliament, faction.

Органом, осуществляющим законодательную власть в Армении, является Национальное собрание. Правовой статус Национального собрания урегулирован в главе 4 Конституции Республики Армения от 5 июля 1995 г.¹

Национальное собрание состоит как минимум из 101 депутата, причем обязательно выделяются места для представителей нацио-

нальных меньшинств². Оно избирается сроком на пять лет по пропорциональной избирательной системе.

Избирательным кодексом гарантируется формирование стабильного парламентского большинства. Если по итогам выборов или посредством образования политической коалиции стабильное парламентское большинство не формируется, то может быть проведен вто-

¹ См.: URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16747>

© Тюнина И. И., 2025

² См.: Костянян Г. С. Особенности правового статуса депутата Национального Собрания Республики Армения // The Scientific Heritage. 2020. № 49-6 (49). С. 52.

рой тур выборов. В случае проведения второго тура допускается формирование новых альянсов. Ограничения, условия и порядок образования политической коалиции устанавливаются Избирательным кодексом Армении³.

Последние выборы в Национальное собрание состоялись 20 июня 2021 г., в результате которых было избрано 107 депутатов. Проводились они досрочно в связи с политическим кризисом в стране. Очередные парламентские выборы должны пройти в июне 2026 г.

Законодательство устанавливает императивные временные рамки проведения очередных выборов в Национальное собрание. Голосование назначается в период, который начинается не ранее чем за 60 дней и завершается не позднее чем за 50 дней до окончания конституционного срока полномочий действующего собрания. Важной гарантией легитимности избирательного процесса является конституционный запрет на проведение выборов в период действия особых правовых режимов – военного или чрезвычайного положения. Введение подобного режима приостанавливает реализацию избирательных процедур. В случае наступления указанных обстоятельств хронология избирательного цикла подвергается корректировке. Очередные выборы переносятся и должны быть проведены в специально установленный законом промежуток времени – не ранее чем через 50 и не позднее чем через 65 дней после официальной отмены соответствующего режима и полной нормализации общественно-политической обстановки.

В Конституции Армении предусмотрены случаи проведения внеочередных выборов в Национальное собрание после его роспуска. Роспуск Национального собрания регламентирован ч. 3 ст. 149 Конституции Республики Армения. Согласно данной норме, основанием для роспуска является неизбрание премьер-министра по итогам повторного голосования. Процедура предполагает, что в случае если кандидат на должность премьер-министра не набирает большинство голосов от общего числа депутатов Национального собрания, через семь дней после первоначального голосования проводится повторное голосование. Право выдвижения кан-

дидатур для участия в повторном голосовании предоставляется только тем лицам, чья кандидатура поддержана не менее чем одной третью от общего конституционного состава депутатского корпуса. Неизбрание премьер-министра и в ходе данного повторного голосования большинством голосов депутатов влечет за собой конституционно-правовое последствие в виде роспуска представительного органа.

Кроме того, Национальное собрание распускается, если не одобряет программу Правительства и не избирает нового премьер-министра либо если избирает премьер-министра, однако вновь не одобряет программу Правительства (ч. 3 ст. 151 Конституции Армении).

Роспуск Национального собрания влечет за собой назначение внеочередных выборов в интервале от 30 до 45 дней с момента данного юридического факта.

В контексте определения момента начала и окончания полномочий представительного органа законодательство устанавливает дифференцированный процедурный порядок в зависимости от вида избирательного цикла. При проведении выборов в очередном порядке срок полномочий вновь избранного Национального собрания исчисляется с момента открытия его первой сессии. Ключевым условием является то, что данная сессия созывается в день истечения конституционного срока полномочий парламента предыдущего созыва, что обеспечивает непрерывность функционирования законодательной власти.

Иная процедура предусмотрена для случая внеочередных (досрочных) выборов. В данной ситуации прекращение полномочий действующего состава Национального собрания и вступление в должность вновь избранного корпуса депутатов синхронизированы и приурочены к одному юридическому факту – открытию первой сессии нового созыва. Однако в отличие от очередных выборов данная сессия созывается во второй понедельник после завершения процесса формирования парламента.

Прерогатива назначения очередных и внеочередных выборов в Национальное собрание принадлежит Президенту Республики.

Депутатом Национального собрания может быть избрано каждое лицо, достигшее 25 лет, последние пять лет являющееся гражданином Республики Армения, постоянно проживающее

³ См.: Казанчян Л. А. Некоторые особенности функционирования современного парламента // Юридический факт. 2020. № 97. С. 37.

последние пять лет в Республике и обладающее избирательным правом⁴ (ст. 64 Основного закона Армении).

Депутат представляет весь народ, не обременен императивным мандатом, руководствуется своей совестью и убеждениями⁵. Он не вправе занимать должности в других государственных органах или органах местного самоуправления, коммерческих организациях, заниматься предпринимательской деятельностью, выполнять иную оплачиваемую работу, кроме научной, образовательной и творческой работы.

Депутат в течение и после срока своих полномочий не может подвергаться преследованию и привлекаться к ответственности за выраженное в рамках депутатской деятельности мнение или голосование.

Уголовное преследование депутата, включая применение меры пресечения в виде лишения свободы, требует дачи санкции со стороны Национального собрания. Единственным основанием для отступления от данного требования является задержание парламентария на месте преступления или непосредственно по его окончании. Период лишения свободы в данном случае не может продолжаться более 72 часов, и об этом факте в безотлагательном порядке информируется председатель парламента.

В ст. 98 Конституции Армении закрепляются следующие основания прекращения полномочий депутата: истечение срока полномочий Национального собрания, утрата им гражданства Республики Армения или приобретение гражданства другого государства, вступление в законную силу приговора о его осуждении к лишению свободы, вступление в законную силу решения суда о признании его недееспособным, безвестно отсутствующим или умершим, его смерть, отставка. Кроме того, полномочия депутата прекращаются в случаях неуважительного отсутствия как минимум на половине голосований в течение каждого календарного полугодия, а также нарушения требований ст. 95 Конституции, касающихся несовместимости депутатского мандата.

Наряду с законодательной данный орган осуществляет ряд функций, типичных для представительного учреждения (причем исчерпывающая компетенция в законодательной сфере на

конституционном уровне не установлена). Это касается выражения недоверия премьер-министру, контрольных полномочий (Национальное собрание осуществляет контроль за исполнением государственного бюджета, а также за использованием займов и кредитов, полученных от иностранных государств и международных организаций), ратификации, приостановления и денонсации международных договоров, объявления амнистии, объявления войны или установления мира, отмены военного или чрезвычайного положения. Принципиальное значение имеют кадровые полномочия Национального собрания: именно он избирает судей Конституционного Суда, защитника прав человека, председателя и других членов Центральной избирательной комиссии, членов Комиссии по телевидению и радио, председателя и других членов Аудиторской палаты, а также председателя Центрального банка и других членов Совета Центрального банка⁶.

Основной формой работы парламента являются сессии, которые могут быть очередными и внеочередными. Очередные сессии Национального собрания созываются два раза в год – с третьего понедельника января до третьего четверга июня и со второго понедельника сентября до третьего четверга декабря. Внеочередную сессию или внеочередное заседание Национального собрания созывает председатель Национального собрания по инициативе как минимум одной четверти от общего числа депутатов либо по инициативе Правительства.

Заседания Национального собрания являются открытыми. По предложению как минимум одной пятой от общего числа депутатов или Правительства Национальное собрание постановлением, принятым большинством голосов от общего числа депутатов, проводит закрытое заседание. Голосование на закрытом заседании запрещено.

Заседание Национального собрания правомочно, если в начале заседания зарегистрировано более половины от общего числа депутатов.

Парламент Армении действует в соответствии со своим Регламентом.

Высшее руководство Национального собрания формируется посредством внутрипарламентских выборов. Из состава депутатов избираются председатель и три его заместителя.

⁴ См.: Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. Т. 1. С. 273.

⁵ См.: Костянян Г. С. Указ. соч. С. 53.

⁶ См.: Товмасын Г. В. Эволюция формы правления в Республике Армения // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 76.

Важным аспектом данной процедуры является нормативное требование о том, что один из заместителей председателя Национального собрания обязательно избирается из числа депутатов, входящих в состав оппозиционных фракций, что институционализирует представительство политического меньшинства в руководящем органе. Процедура избрания, равно как и отзыва, председателя и его заместителей осуществляется решением большинства голосов от общего конституционного состава депутатского корпуса.

В целях координации текущей деятельности формируется Совет Национального собрания, в который входят председатель Национального собрания, его заместители, по одному уполномоченному представителю от каждой зарегистрированной фракции, а также председатели всех постоянных комиссий. К полномочиям данного органа относятся утверждение проектов повесток дня для пленарных сессий и заседаний и осуществление иных организационно-распорядительных функций.

Формированию политической воли и организации депутатской деятельности в Национальном собрании способствует институт фракций. Важным организационным принципом является правило, согласно которому фракции формируются исключительно на основе партийной принадлежности или партийных альянсов. Членство во фракции ограничено депутатами, представляющими одну политическую партию или устойчивый альянс партий.

Ключевая роль в организации предварительной экспертизы законодательных инициатив, иных вопросов компетенции парламента, а также в механизме парламентского контроля принадлежит системе постоянных комиссий. Количественный состав системы постоянных комиссий нормирован Регламентом – не более двенадцати. Для решения специализированных или временных задач могут создаваться временные комиссии. Предметом их деятельности являются детальное обсуждение проектов отдельных законодательных актов, постановлений, заявлений и посланий Национального собрания, а также рассмотрение вопросов, связанных с нормами депутатской этики.

Особое место в системе парламентского контроля занимает следственная комиссия Национального собрания. Ее создание обусловлено необходимостью установления фактических обстоятельств по вопросам, входящим в

компетенцию Национального собрания и обладающим значительным общественным резонансом.

Правом законодательной инициативы обладают депутат, фракция Национального собрания и Правительство. Также как минимум пятьдесят тысяч граждан, обладающих избирательным правом, имеют право на предложение Национальному собранию проекта закона в порядке гражданской инициативы.

Конституция Республики Армения устанавливает дифференцированные процедуры принятия актов Национального собрания в зависимости от их юридической природы и значимости. Принятие законов, постановлений, заявлений и посланий Национального собрания осуществляется простым большинством голосов депутатов, принявших участие в голосовании. Но голосование считается действительным только при участии в нем более половины от общего конституционного состава депутатов. Данный порядок применяется, если Конституцией не предусмотрена иная, специальная процедура принятия для конкретного вида акта или случая.

Принятие конституционных законов требует квалифицированного большинства. Для их утверждения необходимо не менее 3/5 голосов от общего числа депутатов. К числу актов, обладающих статусом конституционных законов, относятся: Регламент Национального собрания; Избирательный кодекс; Судебный кодекс; Закон о Конституционном Суде; Закон о референдуме; Закон о партиях; Закон о защитнике прав человека⁷.

Национальное собрание реализует право принятия постановлений в двух основных случаях: в прямо предусмотренных Конституцией ситуациях; по вопросам, связанным с внутренней организацией и регламентацией собственной деятельности.

Статьи 112–114 Конституции Республики Армения регламентируют ключевые инструменты парламентского контроля Национального собрания над деятельностью Правительства, устанавливая различные формы взаимодействия и их правовые последствия.

Статья 112 касается устных и письменных вопросов депутатов. Устные вопросы рассматриваются на еженедельных заседаниях в рамках сессии. Ответы носят исключительно ин-

⁷ См.: URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/108722>

формационный характер – Национальное собрание не принимает постановлений по результатам. Письменные вопросы направляются депутатами членам Правительства. Ответы предоставляются адресату вне формата заседаний Национального собрания. Данные формы запросов не влекут процедурных решений Национального собрания или политической ответственности Правительства. Их цель – получение информации и разъяснений.

Серьезным инструментом политического контроля с потенциальными конституционными последствиями для Правительства являются интерpellации. Правом инициирования интерpellации наделены исключительно парламентские фракции. Члены Правительства обязаны дать письменный ответ в течение 30 дней. Обсуждение полученных ответов осуществляется на пленарном заседании Национального собрания по требованию соответствующей фракции. Если в ходе обсуждения не менее 1/3 депутатов внесет предложение о недоверии премьер-министру, запускается процедура, регламентированная ст. 115 Конституции, результатом которой может стать отставка главы Правительства. Кроме того, по итогам интерpellации парламент может предложить премьер-министру рассмотреть вопрос дальнейшего пребывания в должности отдельного члена Правительства.

В отличие от интерpellации, обсуждение актуальной темы, про которое говорится в ст. 114 Конституции, не влечет автоматического запуска процедуры вотума недоверия или отставки. Его цель – публичная дискуссия и выражение позиции парламента. Обсуждение актуальной темы проводится на одном из еженедельных заседаний сессии по требованию не менее 1/4 общего числа депутатов, и тема обязательно должна представлять общественный интерес.

Институт выражения недоверия премьер-министру урегулирован в ст. 115 Конституции Армении. Право внесения проекта постановления Национального собрания о выражении недоверия премьер-министру принадлежит группе депутатов численностью не менее 1/3 от конституционного состава парламента. Обязательным условием инициирования является одновременное предложение кандидатуры нового премьер-министра в тексте проекта постановления (конструктивный вотум недоверия). Голосование по представленно-

му проекту постановления проводится в строго регламентированный временной промежуток: не ранее 48 часов и не позднее 72 часов с момента его внесения. Постановление принимается большинством голосов от общего числа депутатов. Голосование осуществляется в поименной форме. Принятие постановления Национального собрания о недоверии влечет за собой автоматическую юридическую фиксацию отставки действующего премьер-министра. Данная процедура отставки носит особый характер и исключает применение норм ч. 2-4 ст. 149 Конституции (регулирующих общий порядок отставки премьер-министра). В ст. 115 установлен ряд ограничительных сроков данной процедуры:

- представление проекта постановления о недоверии недопустимо в течение первого года с момента назначения премьер-министра;

- в случае отклонения Национальным собранием проекта постановления о недоверии, повторное внесение такого проекта возможно не ранее чем по истечении шестимесячного срока с момента предыдущего голосования;

- право на инициирование процедуры выражения недоверия премьер-министру приостанавливается на весь период действия на территории Республики Армения режима чрезвычайного или военного положения.

В Азербайджане законодательную власть осуществляет Милли Меджлис, однопалатный парламент, избираемый на всеобщих, равных и прямых выборах при тайном голосовании сроком на пять лет⁸. Основанием для продления срока полномочий является объективная невозможность проведения выборов в Милли Меджлис вследствие ведения военных действий. Процедура инициирования пролонгации предусматривает, что уполномоченный государственный орган, обеспечивающий организацию выборов (референдумов), направляет официальное обращение в Конституционный Суд Азербайджанской Республики. На основании данного обращения Конституционный Суд принимает правомочное решение о продлении полномочий действующего созыва Милли Меджлиса. Продление действует до момента прекращения военных действий, создающих препятствия для проведения избирательного процесса.

⁸ См.: Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. Т. 1. С. 130.

Парламент Азербайджанской Республики состоит из 125 депутатов, избираемых по мажоритарной избирательной системе. Правильность результатов выборов проверяется и утверждается Конституционным Судом Азербайджанской Республики. Милли Меджлис правомочен при признании полномочий 83 его депутатов. 1 сентября 2024 г. на внеочередных парламентских выборах в Азербайджане были избраны 125 депутатов.

В ст. 98¹ Конституции Азербайджана закрепляются основания, по которым Президент правомочен распустить действующий состав парламента:

– двукратное выражение недоверия Кабинету министров в течение одного года полномочий созыва;

– неоднократный отказ в утверждении кандидатур, представленных главой государства для формирования коллегиальных органов (Конституционного Суда, Верховного Суда, Правления Центрального банка) в установленные законодательством сроки;

– систематическое неисполнение обязанностей, предусмотренных отдельными статьями Основного закона Азербайджана.

Каждый гражданин Азербайджанской Республики, обладающий правом участия в выборах, может быть избран в установленном законом порядке депутатом Милли Меджлиса Азербайджанской Республики.

В соответствии с ч. 2 ст. 85 Конституции Азербайджана не могут быть избраны депутатами Милли Меджлиса лица, имеющие двойное гражданство и обязательства перед другими государствами, работающие в системе исполнительной или судебной власти, занимающиеся иной оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой, религиозные деятели, лица, недееспособность которых признана судом, осужденные за тяжкие преступления, отбывающие наказание в местах лишения свободы по приговору суда, вступившего в законную силу⁹.

Депутаты обладают функциональным иммунитетом, исключающим возможность привлечения к юридической ответственности за действия, непосредственно связанные с осу-

ществлением их мандата, включая голосование, высказывания в парламенте и иную депутатскую деятельность в рамках полномочий Милли Меджлиса.

В течение срока своих полномочий депутаты пользуются абсолютной неприкосновенностью, что предполагает запрет на: привлечение к уголовной ответственности, задержание, применение в судебном порядке административных мер взыскания, проведение обыска или личного досмотра. Единственным основанием для немедленного задержания депутата является его поимка при совершении преступления. В случае такого задержания орган, осуществивший данную меру, обязан незамедлительно уведомить Генерального прокурора Азербайджанской Республики. Лишение депутата неприкосновенности относится к исключительной компетенции самого Милли Меджлиса. Основанием для рассмотрения данного вопроса парламентом является официальное представление Генерального прокурора Азербайджанской Республики. Решение о прекращении неприкосновенности принимается Милли Меджлисом на основании указанного представления.

Статья 89 Основного закона Азербайджанской Республики закрепляет основания и порядок прекращения депутатских полномочий в Милли Меджлисе. Депутатский мандат подлежит досрочному прекращению посредством лишения в силу следующих юридических фактов:

– аннулирование избрания (установление факта существенных нарушений избирательной процедуры, повлиявших на исход голосования (некорректный подсчет голосов));

– утрата конституционно-правового статуса (выход из гражданства Азербайджанской Республики либо приобретение гражданства иностранного государства);

– уголовно-правовая дисквалификация (вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении депутата за совершение преступления);

– несовместимость мандата (занятие должности в органах государственной власти, осуществление религиозной деятельности, а также профессиональная занятость в сфере предпринимательства, коммерции или иной оплачиваемой деятельности (за исключением научной, педагогической и творческой));

– добровольный отказ (подача депутатом личного заявления о сложении полномочий);

⁹ См.: Гулиев Э. А. Структура государственной власти Азербайджанской Республики // Государственное и муниципальное управление : современные проблемы, практика решений. 2014. № 2. С. 95.

– процессуальное нарушение (систематическое неисполнение конституционной обязанности личного осуществления права голоса в парламенте);

– нарушение депутатской этики (грубое несоблюдение законодательно установленных норм депутатской этики).

Депутатские полномочия прекращаются вследствие утраты в следующих случаях: возникновение длительной и объективно подтвержденной неспособности депутата исполнять свои обязанности; наступление иных юридических фактов, прямо предусмотренных законодательством в качестве основания для прекращения полномочий.

Процедура лишения мандата, признание факта утраты полномочий и принятие соответствующего решения осуществляются в специальном порядке, регламентированном законодательством.

Помимо решения вопросов организации своей работы, административно-территориального деления, ратификации и денонсации межгосударственных и межправительственных договоров с отличными от внутренних законов нормами, в ведении Милли Меджлиса находятся утверждение по представлению главы государства государственного бюджета и контроль за его исполнением¹⁰.

К кадровым полномочиям парламента, осуществляемым с участием Президента Азербайджанской Республики, относятся: дача согласия на назначение премьер-министра и генерального прокурора; назначение судей высших судов (Конституционного, Верховного, апелляционных), Уполномоченного по правам человека, членов Правления Центрального банка; отрешение от должности судей. Конституционным законом Азербайджанской Республики от 13 декабря 2005 г. № 7-IIIKQD¹¹ к ведению Милли Меджлиса отнесены назначение членов Центральной избирательной комиссии, избрание части членов Совета управления государственной службой, Комиссии по борьбе с коррупцией и Судебно-правового совета, назначение членов Совета вещания структуры общественного телерадиовещания.

Кроме того, депутаты Милли Меджлиса по представлению Президента Азербайджанской

Республики учреждают дипломатические представительства, утверждают военную доктрину, дают согласие на привлечение Вооруженных Сил к выполнению ими задач, не связанных с их назначением, на объявление войны и заключение мира.

В контрольные полномочия парламента входят утверждение президентских указов в конституционно установленных случаях, решение вопроса о доверии Кабинету министров, отрешение главы государства от должности в порядке импичмента по представлению Конституционного Суда. Кроме того, в ведении Милли Меджлиса находятся назначение референдума, объявление амнистии и заслушивание отчетов муниципалитетов.

Парламент Азербайджана осуществляет свою деятельность посредством двух ежегодных очередных сессий (весенней и осенней). Первое заседание вновь избранного Милли Меджлиса созывается в течение недели после признания полномочий 83 депутатов. При недостижении указанного кворума к 10 марта дата проведения первого заседания определяется Конституционным Судом.

Внеочередные сессии созываются председателем парламента по требованию Президента Республики или 42 депутатов. Повестка дня формируется инициатором созыва. Внеочередная сессия завершается после рассмотрения включенных в повестку вопросов.

Заседания сессий проводятся в открытом режиме. Закрытые заседания возможны по требованию 83 депутатов или по предложению главы государства.

Милли Меджлис самостоятельно устанавливает Регламент своей работы, выбирает своего председателя и его заместителей, создает комитеты и комиссии, а также Счетную палату.

Милли Меджлис принимает конституционные законы, законы и постановления.

Правом внесения законопроектов и иных вопросов на рассмотрение парламента обладают: депутаты Милли Меджлиса; глава государства; Верховный Суд Азербайджанской Республики; Прокуратура Азербайджанской Республики; Али Меджлис Нахчыванской Автономной Республики; граждане Азербайджана, обладающие избирательным правом (в количестве 40 тыс. человек – гражданская инициатива).

Законопроекты и проекты постановлений, внесенные указанными выше субъектами пра-

¹⁰ См.: Гулиев Э. А. Указ. соч. С. 96.

¹¹ См.: Азербайджан. 2005. 15 дек.

ва законодательной инициативы, кроме депутатов, подлежат обсуждению и голосованию в первоначальной редакции. Внесение в них поправок допускается исключительно с согласия субъекта инициативы. Общий срок для постановки на голосование проектов непарламентских субъектов – два месяца со дня внесения. Сокращенный срок (20 дней) применяется, если проект объявлен срочным Президентом, Верховным Судом, Прокуратурой или Али Меджлисом Нахчывана.

На основе ст. 94 Конституции Азербайджанской Республики Милли Меджлис обладает исключительной компетенцией в сфере законодательного регулирования таких ключевых областей, как основы конституционного строя и права человека, избирательная система и статус публичных лиц, судебная система и правоприменение, гражданско-правовая сфера, экономика и финансы, трудовые и социальные отношения, национальная безопасность и оборона, инфраструктура и коммуникации, международные отношения.

Для принятия законов по вопросам выборов главы государства, выборов в Милли Меджлис и статуса его депутатов, а также референдума требуется, чтобы проголосовали 83 депутата. По всем остальным вопросам, перечисленным в ст. 94 Конституции Азербайджана, достаточно 63 голоса.

Принятые законы направляются Президенту для подписания в течение 14 дней. Законы, объявленные срочными, направляются главе государства в течение 24 часов. Законы и постановления Милли Меджлиса вступают в силу со дня официального опубликования, если самими актами не установлен иной срок.

Контрольные функции Милли Меджлиса сфокусированы преимущественно на бюджетном надзоре, кадровом участии и формальном запросном механизме, при ограниченных возможностях влияния на политику исполнительной власти и отсутствии инструментов глубокого расследования. Это связано с рядом факторов: отсутствует институт парламентских расследований как самостоятельная форма контроля; правительство формируется главой государства с согласия Милли Меджлиса только на назначение премьер-министра, что ослабляет политическую подотчетность Кабинета министров парламенту; процедура импичмента Президента инициируется только по представ-

лению Конституционного Суда, исключая прямую инициативу парламента.

Проведенный сравнительно-правовой анализ парламентов Армении и Азербайджана позволил выявить такие общие черты, как однопалатность, пятилетний срок полномочий, схожие гарантии депутатской неприкосновенности и иммунитета, а также некоторые полномочия (например, в бюджетной сфере и по ратификации международных договоров).

Несмотря на формальное сходство, конституционно-правовой статус, реальные полномочия и роль парламентов в рассматриваемых странах кардинально различаются, что обусловлено формой правления (Армения является парламентской республикой, Азербайджан – президентской). Национальное собрание Армении обладает существенными рычагами влияния на исполнительную власть, характерными для парламентской модели, в частности оно формирует и контролирует Правительство и обладает значительными кадровыми полномочиями. Президент в Армении выполняет представительские функции. В Азербайджане Милли Меджлис, будучи формально наделенным широкими полномочиями, фактически подчинен доминирующей роли главы государства, что характерно для президентских республик. В Азербайджанской Республике Кабинет министров подотчетен Президенту, а не парламенту, кадровые решения принимаются совместно с главой государства, контрольные механизмы ограничены.

Кроме того, в данных странах различаются избирательные системы, по которым проходят выборы в парламент, основания для роспуска законодательного органа, субъекты законодательной инициативы и парламентский контроль.

Библиографический список

Гулиев Э. А. Структура государственной власти Азербайджанской Республики // Государственное и муниципальное управление : современные проблемы, практика решений. 2014. № 2. С. 91–97.

Казанчян Л. А. Некоторые особенности функционирования современного парламента // Юридический факт. 2020. № 97. С. 35–37.

Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. Т. 1. 824 с.

Костанян Г. С. Особенности правового статуса депутата Национального Собрания Республики Армения // The Scientific Heritage. 2020. № 49-6 (49). С. 51–54.

Товмасын Г. В. Эволюция формы правления в Республике Армения // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 73–80.

References

Guliyev E. A. The structure of state power of the Republic of Azerbaijan // State and municipal management : modern problems, practical solutions. 2014. No. 2. P. 91–97.

Kazanchyan L. A. Some features of the functioning of the modern parliament // Legal fact. 2020. No. 97. P. 35–37.

Constitutions of European states : in 3 volumes / edited by L. A. Okunkov. Moscow : Norm, 2001. Vol. 1. 824 p.

Kostanyan G. S. Features of the legal status of a deputy of the National Assembly of the Republic of Armenia // The Scientific Heritage. 2020. No. 49-6 (49). P. 51–54.

Tovmasyan G. V. Evolution of the form of government in the Republic of Armenia // The Eurasian Law Journal. 2017. No. 8 (111). P. 73–80.

Воронежский государственный университет
Тюнина И. И., кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина
E-mail: tunina-i@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.09.2025

Для цитирования:

Тюнина И. И. Конституционно-правовой статус Национального собрания Армении и Милли Меджлиса Азербайджана: сравнительно-правовой анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/83-91>

Voronezh State University
Tunina I. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V. S. Osnovin
E-mail: tunina-i@mail.ru

Received: 12.09.2025

For citation:

Tunina I. I. Constitutional and legal status of the National Assembly of Armenia and Milli Mejlis of Azerbaijan: comparative legal analysis // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/83-91>

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЭЛЕМЕНТОВ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РАМКАХ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦЕЛИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА

Р. С. Асланов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DELINEATING THE POWERS OF THE ELEMENTS OF UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY IN THE FRAMEWORK OF ACHIEVING THE NATIONAL GOAL OF OVERCOMING INEQUALITY

R. S. Aslanov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: произведена попытка определить сферы полномочий субъектов единой системы публичной власти в рамках реализации национальной цели по преодолению неравенства, выраженной в качестве целевого показателя по снижению коэффициента Джини в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». На основе «классических» факторов неравенства, сформулированных в научной литературе, полномочия субъектов единой системы публичной власти сгруппированы по блокам направлений, отражающих вектор государственного воздействия по преодолению неравенства. Ключевой вывод данной работы заключается в необходимости использования широкого перечня полномочий всеми уровнями единой системы публичной власти. В то же время механизмы налоговой и бюджетной политики в текущей конфигурации бюджетной системы Российской Федерации могут дать скорее краткосрочные и среднесрочные эффекты, в то время как воздействие на человеческий и социальный капитал, иные факторы неравенства могут быть заложены в качестве основы долгосрочной работы по преодолению неравенства. Практическая значимость работы заключается в сформированном перечне полномочий публичной власти всех уровней, которые могут лечь в основу показателей эффективности высших должностных лиц субъектов РФ и органов местного самоуправления в рамках формирования программных и проектных документов по достижению национальных целей, установленных Президентом РФ.

Ключевые слова: единая система публичной власти, неравенство, разграничение полномочий, коэффициент Джини.

Abstract: as part of this work, an attempt has been made to determine the areas of authority of the subjects of the unified system of public authority within the framework of the implementation of the national goal to overcome inequality, expressed as a target for reducing the Gini coefficient in accordance with Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 No. 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to in 2036» Based on the mathematical parameters of the Gini coefficient, as well as the «classical» factors of inequalities formulated in the scientific literature the powers of the subjects of the unified system of public authority are grouped into blocks of directions reflecting the vector of state influence on overcoming inequality. The key conclusion of this work is the need to use a wide range of powers at all levels of the unified system of public authority. At the same time, the mechanisms of tax and budget policy in the current configuration of the budget system of the Russian Federation can produce rather short- and medium-term effects, while the impact on human and social capital and other factors of

inequality can be laid as the basis for long-term work to overcome inequality. The practical significance of the work lies in the developed list of powers of public authorities at all levels, which can form the basis for performance indicators of senior officials of the subjects of the Russian Federation and local governments in the framework of the formation of program and project documents to achieve national goals set by the President of the Russian Federation.

Key words: unified system of public power, inequality, division of powers, Gini coefficient.

Указ Президента от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ определил новую цель функционирования единой системы публичной власти, аналогии которой не устанавливались в качестве целеполагания публичной власти в рамках Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»², – преодоление неравенства.

В ныне утратившем силу Указе № 474 содержались задачи, отражающие повышение уровня дохода населения и ликвидацию бедности³, но задача по снижению неравенства как целевой показатель национальной цели впервые сформулирована в Указе № 309 – «снижение коэффициента Джини (индекс концентрации доходов) до 0,37 к 2030 г. и до 0,33 к 2036 г.» (подп. «л» п. 2). В то же время параметры Указа № 309 еще не нашли отражение среди показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и деятельности исполнительных органов субъектов РФ⁴, показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления⁵ (далее – ОМСУ) в актах Правительства РФ

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

³ Например, «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года», «обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции».

⁴ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 (ред. от 09.09.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 6. Ст. 966.

⁵ Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских

и федеральных органов исполнительной власти. При этом опыт реализации Указа № 474 демонстрирует, что показатели национальной цели часто декомпозируются на субъекты и муниципальные образования, как элементы единой системы публичной власти, в рамках государственных программ Российской Федерации и национальных проектов.

Таким образом, актуальным представляется анализ характера участия уровней публичной власти в достижении целевого показателя по преодолению неравенства с учетом их полномочий и реальных механизмов воздействия на переменные коэффициента Джини.

Вопрос снижения коэффициента Джини, а следовательно, и задач, которые стоят перед единой системой публичной власти, кроется в характеристике коэффициента и порядке его расчета.

Согласно методике Всемирного Банка, коэффициент Джини «измеряет степень, в которой распределение доходов среди отдельных лиц или домохозяйств внутри экономики отклоняется от совершенно равного распределения»⁶. Коэффициент принимает значения от «0» до «1», где приближение к «1» означает абсолютное неравенство, а приближение к «0» – полностью равное распределение доходов. Аналогичное определение используется и Федеральной службой государственной статистики при расчете коэффициента по Российской Федерации и ее субъектам⁷.

По данным Всемирного Банка значение коэффициента Джини в 2020 г. имел разброс от 0,24

округов и муниципальных районов : Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 (ред. от 11.06.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 18. Ст. 2003.

⁶ World Bank, Poverty and Inequality Platform. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2023&start=2023&view=bar> (дата обращения: 18.08.2024).

⁷ См.: Федеральная служба государственной статистики. Единая межведомственная информационно-статистическая система. «Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов): паспорт показателя». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения: 18.08.2024).

(Словения) до 0,535 (Колумбия), а общее количество стран, в которых значение коэффициента находилось ниже целевого для России уровня (0,37), составило 42⁸. Примечательно, что и сама Россия по данному показателю оказалась ниже значения 0,37: по данным Всемирного Банка, коэффициент в 2020 г. по России составил 0,36.

В то же время, по данным Федеральной службы государственной статистики, по итогам 2022 г. коэффициент Джини составил 0,398. Следовательно, на период до 2030 г. требуется снижение на 0,028 пунктов, что является существенной задачей публичной власти, поскольку динамика коэффициента за предыдущий шестилетний период (с 2017 г.) составила 0,013 пунктов (снижение с 0,411 до 0,398)⁹. Таким образом, сегодня требуется двукратная интенсификация государственной политики по преодолению неравенства.

Снижение коэффициента Джини возможно двумя способами: сокращение доли населения, относящегося к наиболее бедным доходным группам; перераспределение дохода от более высокодоходных групп в пользу низкодоходных групп.

Использование любого из способов обуславливается различными правовыми инструментами. Так, второй способ находится по большей части в зоне налогового и бюджетного законодательства. Например, согласно информации «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)», одобренной решением Конституционного Суда от 17 декабря 2020 г., юридическое равенство налогового бремени достигается путем «справедливого перераспределения доходов и дифференциации налогов и сборов при учете фактической способности их уплаты»¹⁰. В то же время исследовате-

ли отмечают, что так называемая «социальная функция» налога не работает «автоматически», но требует соблюдения ряда условий: во-первых, перераспределение должно иметь целеполагание на выравнивание социальной обстановки (истории известны примеры, когда налоговое бремя в большей степени ложилось на бедных либо когда установление прогрессивной шкалы налогообложения для богатых происходило не в целях перераспределения финансов, а в целях увеличения общих объемов бюджета)¹¹; во-вторых распределение налогов должно быть обращено в социальную сферу¹². Кроме того, С. А. Байзулаев, Б. В. Шорова, З. Х. Аттоева отмечают, что дополнительные налоговые изъятия приводят к низким темпам снижения бедности¹³.

В отношении сокращения доли населения, относящегося к наиболее бедным доходным группам, следует упомянуть Е. А. Стукаленко, которая обобщила факторы дифференциации доходов населения¹⁴. Факторы, определенные Е. А. Стукаленко, обобщают многие «классические» факторы неравенства, рассматриваемые также и другими авторами, например Д. В. Кадыровым, В. М. Булавинец и О. И. Заклеткой (личные факторы, факторы микроуровня и макроуровня), И. Ф. Загидуллиной и К. С. Гончаровой (эндогенные и экзогенные факторы), М. Ю. Малкиной (институциональные факторы), К. Р. Макконелл и С. Л. Брю (факторы дискриминации)¹⁵.

Перечисленные «классические» факторы Е. А. Стукаленко разделяет на три группы:

1) особенности социально-экономической среды: несовершенство рыночной конкуренции (в том числе рынка труда), региональные

2018–2020 годов)»: одобр. решением Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2020 г.

¹¹ См.: Макарова И. А. Функции налогов // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 304. С. 163–166.

¹² См.: Байзулаев С. А., Шорова Б. В., Аттоева З. Х. Экономическая сущность функций налогов // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2, № 8. С. 65–69. EDN WIUCJD.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Стукаленко Е. А. Дифференциация доходов населения : причины и последствия // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 183–187.

¹⁵ См.: Карпухно И. А., Гучмазова Д. А. Эконометрическая модель выявления факторов дифференциации доходов населения // Статистика и экономика. 2021. Т. 18, № 4. С. 48–60.

⁸ См.: World Bank, Poverty and Inequality Platform. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?nd=2023&start=2023&view=bar> (дата обращения: 18.08.2024).

⁹ См.: Федеральная служба государственной статистики. Единая межведомственная информационно-статистическая система. «Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов): паспорт показателя». URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения: 18.08.2024).

¹⁰ Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации

экономические диспропорции, экономическая цикличность, институциональные преимущества одних социальных слоев по отношению к другим, демографические факторы (влияние возраста, пола и национальности на уровень дохода), морально-этические нормы общества, система налогообложения;

2) индивидуальные особенности: наследственность и наследство, накопленный человеческий капитал, иждивенческая нагрузка, накопленный социальный капитал;

3) непредвиденные факторы: случайности и катаклизмы.

Связь между уровнем дохода и указанными факторами была определена также Р. Уилкинсоном и К. Пикетт на основе метода корреляционного анализа по группам стран и штатам США, классифицированным на основе коэффициента Джини¹⁶.

За исключением непредвиденных факторов, иные факторы непосредственно связаны с деятельностью публичной власти на разных уровнях, что говорит о наличии возможности снижения неравенства путем трансформации государственной политики. При этом, если перераспределение уровня доходов через систему налогообложения и бюджетной политики само по себе имеет среднесрочную эффективность, ее синергия с воздействием на представленные «классические» факторы может в большей степени повлиять на позитивную динамику коэффициента Джини.

Постановка цели по снижению неравенства произведена в рамках Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который по смыслу определяет цели социально-экономического развития, а следовательно, определяет также целеполагание единой системы публичной власти¹⁷.

¹⁶ См.: *Wilkinson R. G., Pickett K. E. Income Inequality and Social Dysfunction*. URL: <http://www.louischauvel.org/Wilkinson12.pdf>

¹⁷ См.: Абзац 4 п. 7 заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступле-

Таким образом, задачи по сокращению доли населения, относящегося к наиболее бедным доходным группам, и перераспределению дохода от более высокодоходных групп в пользу низкодоходных групп должны быть распределены между субъектами единой системы публичной власти. При этом распределение данных задач должно соответствовать существующему распределению полномочий между указанными субъектами публичной власти, поскольку иное будет означать, во-первых, подрыв конституционных принципов федерализма и самостоятельности местного самоуправления (далее – МСУ), и, во-вторых, снижение эффективности преодоления неравенства. Это особенно актуально, поскольку задача по снижению коэффициента Джини не привязана к ключевому инструменту достижения национальных целей – национальным проектам, согласно перечню поручений Председателя Правительства РФ от 2 августа 2024 г. № ММ-П6-25168. Это означает, что снижение неравенства будет достигаться кумулятивным эффектом от реализации государственной политики по различным направлениям, в рамках которых субъектам публичной власти будут установлены соответствующие показатели эффективности.

В первую очередь следует рассмотреть влияние налоговых и бюджетных механизмов единой системы публичной власти на преодоления неравенства. В отношении перераспределения средств следует обратиться к ст. 71 и 72 Конституции, согласно которым федеральный бюджет, федеральные налоги и сборы относятся к сфере исключительного ведения Российской Федерации, а установление общих принципов налогообложения и сборов – к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Кроме того, в соответствии со ст. 73 Конституции, бюджеты субъектов РФ относятся к сфере исключительного ведения субъектов РФ. Согласно ст. 132 Конституции ОМСУ самостоятельно формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы¹⁸.

Таким образом, существуют конституционные основания для участия в перераспреде-

ния в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

¹⁸ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лительной функции налога всех уровней единой системы публичной власти. В то же время бюджеты бюджетной системы РФ обладают различным потенциалом. Так, согласно данным Минфина России по состоянию на 1 января 2024 г. уровень бюджетной обеспеченности лишь для 21 субъекта РФ составил больше среднероссийского, а разрыв между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными регионами в 2024 г. составил 6,1 раз до дотационного выравнивания и 2,8 раз после¹⁹. Указанное означает, что неравенство в Российской Федерации имеет региональный разрез, а попытки обеспечить перераспределение средств на региональном уровне не могут гарантировать существенного повышения коэффициента Джини, поскольку бюджетной обеспеченности отстающих субъектов РФ попросту не хватит для полноценного распределения благ внутри населения регионов.

Аналогично и с местными бюджетами: по данным Минфина России, в 2017 г. в целом по Российской Федерации местные бюджеты исполнены с дефицитом²⁰, что говорит о невозможности использования местных бюджетов в целях перераспределения средств без существенного ущерба реализации полномочий муниципальных образований.

Федеральный уровень публичной власти ввиду особенностей бюджетной системы обладает куда большими возможностями перераспределения средств в пользу наименее обеспеченных групп населения. Более того, некоторые из таких мер уже предпринимаются по инициативе Президента как должностного лица, координирующего согласованное функционирование единой системы публичной власти²¹. Вместе с тем общий объем федерального бюджета на социальное обеспечение и иные выплаты населению в проекте Федерального закона «О фе-

деральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» демонстрирует рост с 1,75 трлн руб. в 2024 г.²² до 1,89 трлн руб. в 2025 г.; в 2026 и 2027 гг. также прогнозируется рост по данному виду расходов, который, тем не менее, не превышает темпов инфляции²³. Таким образом, в настоящее время параметры федерального бюджета не ориентированы на существенное изменение уровня доходов населения, что не позволит добиться значимого снижения коэффициента Джини в долгосрочной перспективе.

Отдельно следует отметить установление прогрессивной шкалы налогообложения для доходов физических лиц, установленной Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», согласно которому уровень ставки НДФЛ по основным доходам варьируется от 13 % до 22 %²⁴. При этом повышение налоговой ставки происходит для доходов свыше 2,4 млн руб. в год, что делает объектом повышения налога наиболее обеспеченные группы населения. Согласно пояснительной записке к принятому федеральному закону, объем налоговых поступлений за счет введения прогрессивной шкалы налогообложения составил дополнительно 533 млрд руб. в 2025 г.²⁵, что уже само по себе способствует снижению коэффициента

²² См.: Законопроект № 448554–8 «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // Система обеспечения законодательной деятельности.

²³ См.: Законопроект № 727320–8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Система обеспечения законодательной деятельности.

²⁴ См.: О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ (ред. от 29.10.2024).

²⁵ См.: Законопроект № 639663–8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности.

¹⁹ См.: Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Бюджетная обеспеченность субъектов Российской Федерации. URL: <https://budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ>

²⁰ См.: Минфин России. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2017 год. URL: https://minfin.gov.ru/GenHtml/?id=122980&fld=HTML_MAIN (дата обращения: 12.12.2024).

²¹ См.: Часть 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Джини за счет сокращения доходов наиболее богатых групп населения.

Вместе с тем подобное снижение коэффициента Джини является скорее подменой содержания реальных задач по борьбе с неравенством, поскольку сама по себе прогрессивная шкала налогообложения не повышает уровень благосостояния наименее обеспеченных групп населения.

В то же время все уровни публичной власти обладают полномочиями, чтобы влиять на факторы неравенства, обобщенные Е. А. Стукаленко.

Например, МСУ, как уровень единой системы публичной власти, в большей степени влияет на накопление человеческого капитала путем предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования²⁶ и создания условий для оказания медицинской помощи населению. Кроме того, МСУ может частично влиять на снижение несовершенства рынка путем дорожной деятельности и создания условий для предоставления транспортных услуг населению, что способствует росту экономической активности. К вопросам местного значения относятся обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактика межнациональных (межэтнических) конфликтов, что способствует снижению институциональных преимуществ одних групп населения над другими. Наконец, участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и защита населения и территории муниципального образования от чрезвычайных ситуаций являются вкладом МСУ в преодоление непредвиденных факторов неравенства.

Косвенно на повышение человеческого капитала также влияет и решение иных вопросов местного значения, предусмотренных Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ), таких как организация электро- и газоснабжения, организация охраны общественного порядка, участие в организации деятельности по накоплению, сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых комму-

нальных отходов, а также территориальное планирование.

В то же время следует отметить, что решение вопросов, прямо влияющих на накопление человеческого капитала, относится к сфере ведения так называемых муниципальных образований 1-го уровня – муниципального района, муниципального, городского округа.

Таким образом, при рассмотрении вопроса участия ОМСУ в достижении национальной цели по повышению коэффициента Джини в качестве показателей эффективности следует рассматривать эффективность деятельности организаций дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, а также медицинских организаций муниципальной системы здравоохранения.

Несколько большим спектром полномочий по развитию человеческого капитала обладают субъекты РФ. Так, в соответствии со ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – 414-ФЗ)²⁷, к полномочиям субъектов РФ относятся обеспечение государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного образования в муниципальных дошкольных образовательных организациях и муниципальных общеобразовательных организациях, организация предоставления общего образования в государственных образовательных организациях субъектов РФ, организация предоставления среднего профессионального образования, организация предоставления дополнительного образования детей, организация и обеспечение отдыха и оздоровления детей, организация развития физической культуры и спорта, организация оказания населению первичной медико-санитарной помощи, специализированной и скорой медицинской помощи. В перечень полномочий субъектов РФ входят задачи по снижению территориальных экономических диспропорций путем выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований.

В некоторой степени полномочия субъектов РФ по обеспечению государственных гаран-

²⁶ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

²⁷ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.

тий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, предотвращению любых форм ограничения прав и дискриминации способствуют сокращению институциональных преимуществ одних социальных слоев по отношению к другим, а также влияния демографических факторов на уровень дохода. Относительно демографических факторов субъектами РФ осуществляются также установление и выплата региональной социальной доплаты к пенсии пенсионерам.

В перечне полномочий субъектов РФ имеются даже те, которые способствуют преодолению неравенства ввиду неравенства наследственных факторов и вследствие иждивенческой нагрузки: в первом случае – обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; во втором случае – социальная поддержка и социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов, граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации и других социально незащищенных групп населения.

Можно приписать к полномочиям, направленным на устранение несовершенства рынков, организацию транспортного обслуживания населения, а также осуществление контроля (надзора) в отдельных отраслях экономики, таких как перевозки, строительство, тепло- и электроснабжение.

Наконец, отдельные полномочия субъектов РФ влияют на накопление человеческого и социального капитала таким способом, который в большей степени способен обеспечить снижение неравенства в краткосрочной перспективе: осуществление мероприятий по обеспечению профессиональной ориентации и осуществление мер в области содействия занятости населения.

Вклад федерального уровня публичной власти раскрывается в значительной мере через полномочия Правительства по различным направлениям деятельности²⁸. Так, в отношении несовершенства рыночной конкуренции Правительство обеспечивает единство экономического пространства и свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств и принимает меры по реализации трудовых прав граждан и обеспе-

чению их защиты. В отношении региональных экономических диспропорций Правительство обеспечивает совершенствование бюджетной системы, в том числе перераспределение средств бюджетной системы в субъекты РФ, обладающие меньшим уровнем бюджетной обеспеченности. Также Правительством реализуются меры по прогнозированию экономической цикличности путем прогнозирования социально-экономического развития страны. Кроме того, в качестве механизма влияния на демографический фактор Правительством осуществляется формирование системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений.

В отношении «индивидуальных» факторов неравенства Правительством РФ реализуются меры по накоплению человеческого капитала, отраженные в ст. 14–16 и 21 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее – 4-ФКЗ). К таким полномочиям можно отнести: социальное страхование, адресную социальную поддержку граждан; создание условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей; установление единых правовых основ системы здравоохранения в целях обеспечения оказания доступной и качественной медицинской помощи; проведение единой государственной политики в области образования и пр. Статья 15 данного закона устанавливает полномочия Правительства РФ по обеспечению условий для достойного воспитания детей в семье и содействию в решении проблем семьи, что может оказывать влияние на фактор иждивенческой нагрузки.

Наконец, к полномочиям Правительства РФ относится и прямая поддержка наименее обеспеченных групп населения: гарантии минимального размера оплаты труда, программы сокращения и ликвидации безработицы, проведение единой государственной социальной политики, реализация конституционного права граждан на социальное обеспечение.

В целом, основываясь на законодательстве, отражающем полномочия элементов единой системы публичной власти на разных уровнях, можно говорить о следующем их соотношении с факторами, влияющими на неравенство (см. таблицу).

²⁸ См.: О Правительстве Российской Федерации : федер. конституц. закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 45. Ст. 7061.

Т а б л и ц а
Распределение полномочий элементов единой системы публичной власти по факторам, влияющим на равенство, обобщенные Е. А. Стукаленко

Группа факторов	Фактор	Уровень публичной власти	Наличие полномочий
Особенности социально-экономической среды	Несовершенство рыночной конкуренции (в том числе рынка труда)	Местное самоуправление	+
		Субъекты РФ	+
	Региональные (территориальные) экономические диспропорции	Российская Федерация	+
		Местное самоуправление	-
	Экономическая цикличность	Субъекты РФ	+
		Российская Федерация	+
		Местное самоуправление	-
		Субъекты РФ	-
	Институциональные преимущества одних социальных слоев по отношению к другим	Российская Федерация	+
		Местное самоуправление	+
Субъекты РФ		+	
Российская Федерация		+	
Демографические факторы	Местное самоуправление	-	
	Субъекты РФ	+	
	Российская Федерация	+	
	Местное самоуправление	+	
Морально-этические нормы общества	Местное самоуправление	+	
	Субъекты РФ	+	
	Российская Федерация	+	
	Местное самоуправление	+	
Индивидуальные особенности	Наследственность и наследство	Местное самоуправление	-
	Накопленный человеческий и социальный капитал	Субъекты РФ	+
		Российская Федерация	+
		Местное самоуправление	+
Иждивенческая нагрузка	Субъекты РФ	+	
	Российская Федерация	+	
	Местное самоуправление	-	
	Субъекты РФ	+	
Непредвиденные факторы	Случайности и катаклизмы	Российская Федерация	+
	Случайности и катаклизмы	Местное самоуправление	+
		Субъекты РФ	+
		Российская Федерация	+

Более детально указанные направления, как и разграничение задач между уровнями единой системы публичной власти, можно найти в отраслевом законодательстве. Например, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»²⁹ относит к задаче федерального уровня публичной власти организацию предоставления высшего образования; к полномочиям субъектов РФ – организацию предоставления общего образования в государственных образовательных организациях субъектов РФ; к полномочиям МСУ – организацию предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования.

Аналогично, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к полномочиям федерального уровня публичной власти относит организацию оказания гражданам первичной медико-санитарной помощи, специализированной медицинской помощи, скорой медицинской помощи; к полномочиям субъектов РФ – организацию осуществления мероприятий по профилактике заболеваний и формированию здорового образа жизни у граждан, проживающих на территории субъекта РФ; к полномочиям МСУ – обеспечение организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях муниципальной системы здравоохранения.

Подводя итог, все уровни публичной власти обладают полномочиями, реализация которых может способствовать сокращению неравенства в том смысле, в котором оно интерпретируется при расчете коэффициента Джини.

Можно говорить о двух ключевых способах снижения данного коэффициента, оба из которых заключаются в повышении уровня дохода наименее состоятельных групп населения: непосредственное перераспределение финансовых средств в пользу наименее состоятельных групп населения и воздействие на факторы неравенства, обобщенные Е. А. Стукаленко. Вместе с тем параметры бюджетов бюджетной системы РФ в настоящее время не позволяют добиться целевого значения коэффициента Джини без рас-

ширения прогрессивной шкалы налогообложения и имеют скорее краткосрочный эффект, который может быть нивелирован в долгосрочной перспективе.

В то же время логика воздействия на факторы неравенства может иметь долгосрочный эффект при консолидации усилий всех уровней единой системы публичной власти, что может быть реализовано через распределение показателей эффективности для ОМСУ и высших должностных лиц субъектов РФ в соответствии с их полномочиями.

Анализ полномочий уровней публичной власти на основе ключевых нормативно-правовых актов, разграничивающих эти полномочия (4-ФКЗ, 131-ФЗ и 414-ФЗ), позволяет наметить основные вехи показателей эффективности элементов публичной власти, которые могут быть раскрыты и детализированы через отраслевое законодательство, например Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ и пр.

При этом все уровни публичной власти вносят вклад в динамику одних и тех же факторов неравенства через реализацию собственных полномочий. К таким факторам, в частности, относятся несовершенство рынков и человеческий и социальный капитал, случайности и катаклизмы, морально-этические нормы общества. Остальные же факторы неравенства по большей части находятся под влиянием двух уровней публичной власти – регионального и федерального, что говорит об их ведущей роли в вопросе преодоления неравенства и требует глубокого уровня кооперации.

Библиографический список

- Байзулаев С. А., Шорова Б. В., Аттоева З. Х. Экономическая сущность функций налогов // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2, № 8. С. 65–69. EDN WIUCJD.
- Карпунхо И. А., Гучмазова Д. А. Эконометрическая модель выявления факторов дифференциации доходов населения // Статистика и экономика. 2021. Т. 18, № 4. С. 48–60.
- Макарова И. А. Функции налогов // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 304. С. 163–166.
- Стукаленко Е. А. Дифференциация доходов населения: причины и последствия // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 183–187.
- Wilkinson R. G., Pickett K. E. Income Inequality and Social Dysfunction. URL: <http://www.louischauvel.org/Wilkinson12.pdf>

²⁹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

References

Baizulaev S. A., Shorova B. V., Attoeva Z. Kh. Economic value of the functions of the nalogov // Improvement of modern science and education. 2016. Vol. 2, No. 8. P. 65–69. EDN WIUCJD.

Karpukhno I. A., Guchmazova D. A. Econometric model of differentiation of factors in the population of the population // Statistics and economics. 2021. Vol. 18, No. 4. P. 48–60.

Makarova I. A. Functions of nalogov // Vestnik Tomsk State University. in UN. 2007. No. 304. P. 163–166.

Stukalenko E. A. Differentiation of the population of dokhodov : problems and postings // Vestnik Omg. Series: Economy. 2014. No. 1. P. 183–187.

Wilkinson R. G., Pickett K. E. Income Inequality and Social Dysfunction. URL: <http://www.louischauvel.org/Wilkinson12.pdf>

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Асланов Р. С., аспирант департамента публичного права, проект «Правовые механизмы преодоления неравенства»

E-mail: rsaslanov@hse.ru

Поступила в редакцию: 23.01.2024

Для цитирования:

Асланов Р. С. Разграничение полномочий элементов единой системы публичной власти в рамках достижения национальной цели по преодолению неравенства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/92-101>

National Research University «Higher School of Economics»

Aslanov R. S., Ph.D Student of the Department of Public Law, project «Legal mechanisms for overcoming inequality»

E-mail: rsaslanov@hse.ru

Received: 23.01.2024

For citation:

Aslanov R. S. Delineating the powers of the elements of unified system of public authority in the framework of achieving the national goal of overcoming inequality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/92-101>

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРАВА.
ИСТОРИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ. Часть I**

Н. А. Вовк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**SYSTEMATIZATION OF THE LEGAL POSITIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON THE EXAMPLE OF URBAN PLANNING LAW.
HISTORICAL AND PRACTICAL JUSTIFICATION
OF THE NEED FOR SYSTEMATIZATION. Part I**

N. A. Vovk

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: информационная доступность правового регулирования в современном мире не означает фактического восприятия всеми правоприменителями такого правового регулирования. Как показывает правоприменительная практика, одной из проблем является сложность восприятия субъектами права всего нормативного массива, формально доступного в цифровом пространстве. В связи с этим обосновывается важность выбора формы донесения до всех правоприменителей такой информации в виде составления систематизации, но с учетом современных тенденций в иерархии источников права, где судебная практика стала неотъемлемым элементом правового регулирования. Тем самым систематизация, как признанный в Новое время способ ознакомления всех субъектов права с законодательством в данных условиях, должна также способствовать ознакомлению всеми субъектами права с судебной практикой. Предлагается обоснование необходимости проведения систематизации практики Конституционного Суда Российской Федерации как высшего органа конституционного контроля с учетом исторической роли систематизации в континентальной Европе Нового времени. Избирается сфера для дальнейшей систематизации, а именно градостроительное право как кодифицированная отрасль в российской правовой системе, однако так и не получившая своего обоснования как самостоятельная отрасль права ни в доктрине, ни в самом тексте Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: систематизация, кодификация, Конституционный Суд Российской Федерации, правовая позиция, законодательство, судебная практика.

Abstract: the information accessibility of legal regulation in the modern world does not mean that all law enforcement agencies actually perceive such legal regulation. On the contrary, as law enforcement practice shows, one of the problems is the difficulty of legal subjects' perception of the entire regulatory array formally available in the digital space. In this regard, the author of the series of articles in the first part of the series offers a justification for the importance of choosing the form of communicating such information to all law enforcement officers in the form of systematization, but taking into account current trends in the hierarchy of sources of law, where judicial practice has become an integral element of legal regulation. Thus, systematization, as a method recognized by Modern times for familiarizing all subjects of law with legislation in these conditions, should also help all subjects of law to familiarize

themselves with judicial practice. The first article of the cycle provides a justification for the need to systematize the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation as the highest body of constitutional control, taking into account the historical role of systematization in Modern continental Europe, and also selects a field for further systematization, namely urban regulation as a codified branch in the Russian legal system, but it has not received any justification in the doctrine of how It is an independent branch of law, not in the very text of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: systematization, codification, Constitutional Court of Russian Federation, legal position, legislation, judicial practice.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд России, Суд) является высшим судебным органом конституционного контроля в России, осуществляя судебную власть в целях обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации (далее – Конституция России) на всей территории Российской Федерации, за время своей деятельности приняв десятки тысяч актов¹.

В связи с таким числом актов Суда рационально поставить вопрос: насколько доступно для восприятия каждому из правоприменителей содержание соответствующих решений? Фактическая доступность актов Суда уже была поставлена под сомнение сотрудниками Национального исследовательского университета «Высшая школа экономика» при работе над проектом «Рубрикатор правовых позиций Конституционного Суда России»².

Тем самым обилие информационных источников еще не означает, что знание методов толкования закона или самого законодательства для каждого гражданина стало обыденностью. Напротив, сложность в иерархии источников права, стадийность судопроизводства и пись-

менный характер судебного процесса, наличие судебной практики и многое другое являются объективными трудностями при овладении каждым содержанием современного правового регулирования.

Между тем для определенных отраслей права доступность таких решений во многом предопределяет понимание самих целей введения соответствующего правового регулирования, в частности для градостроительного права.

Специфика градостроительного права проявляется в том, что, будучи кодифицированной, она всё еще не признается научным сообществом самостоятельной отраслью права, как и не имеет своего упоминания в Конституции России. Сам Конституционный Суд России именуется данную отрасль «комплексной» как основанной на нормах законодательства различной отраслевой принадлежности. Последнее характерно и для научного дискурса. Так, в единственном из написанных учебников в России по градостроительному праву на настоящий момент данная отрасль именуется «комплексной», как существуют и иные теории относительно принадлежности данной отрасли³. По сути градостроительное законодательство сложилось в отсутствие собственной доктринальной традиции, так как обе кодификации в сфере градостроительства были приняты до появления первого учебника градостроительного права.

Конституционный Суд России неоднократно отмечал значение учета законодателем основных теоретических догматических понятий:

во-первых, законодательное регулирование должно учитывать актуальную отраслевую систему, общие принципы отраслей, социальные, экономические и иные факторы, определяю-

¹ Принято 55 860 актов в формах постановлений (940 постановлений), определений (54 820 определений), заключений (3 заключения), а также решений (91 решение с 4 февраля 1992 г. по 1 октября 1993 г.) и представлений (3 представления с 19 марта 1993 г. по 5 мая 1993 г.), по данным сайта Конституционного Суда России.

² «При этом доступность текстов решений Конституционного Суда РФ как на сайте самого суда, так и в справочных правовых системах не позволяет достаточно быстро и эффективно осуществить поиск правовых позиций и оценить возможность их использования, например при подготовке жалобы, поскольку правовые позиции могут не иметь четкой привязки к нормативному правовому акту, в силу их правовой природы они могут распространяться как на смежные отрасли права, так и иметь всеохватывающий характер». URL: Рубрикатор правовых позиций органов конституционного судебного контроля (дата обращения 16.07.2025).

³ См.: Болтанова Е. С., Романова О. А., Бандорин Л. Е. Градостроительное право. М.: Проспект, 2021. С. 12; Боголюбов С. А. К какой отрасли относится законодательство о градостроительной деятельности // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 66–69.

щие объективные пределы его конституционных полномочий⁴;

во-вторых, законодательные и правоприменительные органы должны обеспечивать взаимную согласованность предметно связанных между собой норм разной отраслевой принадлежности⁵;

в-третьих, понятия, заимствованные из других отраслей законодательства, должны применяться в том смысле, в котором они сформулированы в базовой для регулирования соответствующих правовых отношений отрасли⁶;

в-четвертых, недопустимость необоснованного распространения понятий одних отраслей законодательства на другие как вытекающего из требования обеспечения системного и непротиворечивого правового регулирования общественных отношений, которое является выражением принципа правового государства⁷;

в-пятых, для защиты общих интересов (общего блага) в той или иной сфере законодатель вправе, регламентируя соответствующие отношения, использовать сочетание частно- и публично-правовых элементов (правовых институтов, методов регулирования и др.)⁸;

в-шестых, Суд неоднократно ссыался на сложившуюся доктрину, отечественную доктрину и – для соответствующих вопросов – доктрину процессуального права при обосновании им своих правовых позиций⁹.

В соответствии с этим наличие ясного, недвусмысленного и четкого понимания места градостроительного права в системе российского права будет способствовать пониманию его специфики каждым правоприменителем, в частности законодателем, для целей его конституционно приемлемой модернизации.

Для градостроительного права данный подход особенно актуален, так как в Конституции России нет упоминания о градостроительном законодательстве, что дополнительно усложняет

⁴ См.: Абзац 2 п. 2 постановления Конституционного Суда России от 29 апреля 2020 г. № 22-П.

⁵ См.: Абзац 3 п. 2 постановления Конституционного Суда России от 17 февраля 2022 г. № 7-П.

⁶ См.: Абзац 4 п. 2 постановления Конституционного Суда России от 4 февраля 2020 г. № 7-П.

⁷ См.: Абзац 4 п. 4 постановления Конституционного Суда России от 5 июня 2012 г. № 13-П.

⁸ См.: Абзац 3 п. 2 постановления Конституционного Суда России от 2 июля 2024 г. № 34-П.

⁹ См.: Абзац 2 п. 4.1 постановления Конституционного Суда России от 31 марта 2015 г. № 6-П.

его квалификацию, становящуюся невозможной без учета правовых позиций инстанции конституционного нормоконтроля.

В свою очередь, именно систематизация является одним из признанных как самим Конституционным Судом России способом реализации принципа равенства в праве, так и историей и теорией права¹⁰.

Систематизация права в формате официальной кодификации или инкорпорации, распространяющейся на всю территорию суверенного государства, стала неотъемлемой чертой правового развития в XVIII–XIX вв. как зарубежных стран, так и России, без чего уже стало невозможным функционирование правовых систем, отныне развивающихся при обязательном действии кодификаций и инкорпораций законодательства.

Естественно-правовая доктрина Нового времени и выработанные ею идеи, в частности принципы избирательного права, разделения властей и основных прав человека, не могли существовать в рамках форм, предлагаемых феодализмом, известным сложностью своего правового регулирования, действующего, к примеру, в каждом конкретном городе («городское право») и как «местное право» («*ius proprium*»), и не знавшего форм систематизации или всеобъемлющих актов, подобных Конституции как основному закону государства и единому для каждого гражданина гражданского кодекса¹¹. «В Средние века никакого публичного права не знали», – так характеризуется развитие «*ius publicum*» исследователями¹².

Не случайно и в сфере частного права, на которое естественно-правовая доктрина не оказала такого влияния, имела место критика научно-

¹⁰ См.: Абзац 1 п. 2.3 постановления Конституционного Суда России от 29 июня 2004 г. № 13-П.

¹¹ См.: *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. С. 316.

¹² См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. С. 139 ; *Полдников Д. Ю.* Доктрины договорного права Западной Европы XI–XVIII вв. : учеб. пособие для студ. факультета права. М. : Высш. шк. экономики, 2012. С. 100. Дж. Х. Хэллоуэлл также утверждает: «В Средние века не существовало водораздела между частной и общественной сферами деятельности. Не было также государств в современном значении этого слова, а, следовательно, не разграничивались понятия “государство” и “общество”» (*Хэллоуэлл Дж. Х.* Демократия и либерализм. С. 1. URL: <http://rels.obninsk.com/Cd/Sdc/free/edu/Lm/Sup>).

го университетского сообщества, усложнившего восприятие римского права постоянным различием в его интерпретациях.

Достаточно вспомнить проекты Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы по утопическим представлениям об обществах, где законов немного, они «ясны и одинаковы» для каждого человека¹³. Франческо Петрарка также вспоминал о своем времени обучения юриспруденции как «семи потраченных годах», а ему вторили такие современники, как Джованни Боккаччо и Эразм Роттердамский. С этих же пор привычкой становится фраза: «Юрист – плохой католик»¹⁴.

Творчество же просветителей: Мабли, Морелли, Клода Адриана Гельвеция, де Ламетри – оказалось синтезом натурфилософских учений и их переложения на представления о власти и законодательстве¹⁵. Научное знание как явление переживало эпоху систематизации, что касалось всех понятий о природе и человеке, а это последнее повлекло рационализацию публичной власти, которая должна существовать на основании «разделения властей» (государство же, в котором не проведено разделения властей, не имеет Конституции в соответствии со ст. 16 Французской Конституции 1791 г.)¹⁶. Последнее отразилось на институте судей, которые трактовались Монтескье как призванные лишь воспроизводить законодательство, содержащее в себе ответы на все вопросы¹⁷.

Появление Декларации прав человека и гражданина, Конституций Франции 1791 и 1793 гг. обосновывалось необходимостью: «чтобы такая декларация, неизменно пребывая перед взорами всех членов общественного союза, постоянно напоминала им их права и обязан-

ности; ... чтобы притязания граждан, основанные отныне на простых и непререкаемых началах, устремлялись к соблюдению конституции и к всеобщему благополучию»¹⁸.

Отныне, когда феодализм уничтожен (на место «раздробленной собственности» пришла ее триединая форма как «распоряжения, владения и пользования» одним собственником), а свобода судей французских упразднена исключительной компетенцией Кассационного Суда Франции на толкование законов, и на место всех обычаев приходит так называемая «природа» как механизм со своей системой, никак не связанной с текущими человеческими страстями, то и государство ею ограничено («законами»)¹⁹.

Эта позитивистская революция вкупе с кодификационной активностью времен Наполеона привела к господству в правосознании так называемой школы экзегезы²⁰. Рене Давид в своем знаменитом труде так комментирует ситуацию: «...складывается представление, что отныне право и закон совпадают и что университетам остается лишь толковать новые кодексы... Профессора права вернулись к школе глоссаторов, занявшись комментированием новых кодексов. Таким образом, кодексы вопреки идее, которая вдохновляла их создание, вызвали к жизни юридической позитивизм»²¹.

Систематизация права в форме кодификации или инкорпорации, таким образом, исполняет функцию реализации принципа равен-

¹³ См.: Мор Т. Утопия : пер. с лат. М. : Наука, 1978. С. 20.

¹⁴ См.: Полдников Д. Ю. Указ. соч. С. 104.

¹⁵ Уже по одному названию главных трудов просветителей заметна тенденция к переложению идей естественно-научных на общество и его функционирование. См.: Морелли Э. Г. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 300 с. ; Ламетри Ж. О. де. Человек-машина / пер. со вступ. ст. и прим. В. Констанса. СПб. : Обществ. польза, 1911. 140 с. ; Мабли Г. Б. О законодательстве, или Принципы законов // Избр. произв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 39–166.

¹⁶ Венцом здесь стала знаменитая «Энциклопедия», где была произведена компиляция знаний по большинству известных наук.

¹⁷ См.: Монтескье Ш. Л. О духе законов / [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. М. : Мысль, 1999. С. 447.

¹⁸ «Дабы народ всегда имел перед глазами основы своей свободы и своего счастья, должностные лица – правила выполнения своих обязанностей, законодатель – предмет своего назначения. Вследствие этого он провозглашает перед лицом верховного существа следующую декларацию прав человека и гражданина» URL: Declaration of Human and Civic Rights Of 26 August 1789 (дата обращения: 16.07.2025).

¹⁹ Одним из требований революции стало создание законодательства, положения которого не подлежат расширительной интерпретации: «В государстве, где есть единая конституция, единое законодательство, судебная практика должна быть ничем иным, как выражением закона» (Grandeur et servitudes de la Cour de cassation // Revue internationale de droit comparé. 1980. Vol. 32, No. 2, Avril-juin. P. 294).

²⁰ См.: Захарова М. В. Экзегетический и социологический методы толкования как способы выявления и преодоления правотворческих ошибок : французский опыт решения проблемы // Юридический мир. 2009. № 7 (151). С. 54.

²¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. § 49.

ства, – действие единых для всех граждан правил, закрепленных в доступном для них акте, однажды принятом законодательной властью, – позволяет каждому соотносить с ним свое поведение, отталкиваясь от таких унифицированных стандартов. Неизбежным следствием продолжения такой цели систематизированного правила является необходимость опубликования такого акта (и закрепления правила, не позволяющего рассматривать как действующий такой акт, который не был опубликован).

В свою очередь, императивный, как правило, характер норм, закрепленных в таком акте, позволяет в еще большей степени достичь цели равного и единообразного действия для всех такого акта.

Принятая в некоторых странах идея недопустимости расширительного истолкования кодификации (недопустимость комментирования Дигест Юстиниана 533 г. н.э. и Прусского земского уложения 1794 г.) для целей недопущения нарушения равенства в регулировании, была направлена именно на поддержание такого равенства, хотя впоследствии и была подвержена ревизии, но в некотором аспекте сохранилась, в частности, в том, в котором все ординарные законы не должны противоречить такой кодификации, как и должны ей соответствовать²².

Максимумом проявления такой тенденции стала точка зрения, на которой стоял Кассационный Суд Франции, не допускавший восполнения законодательных пробелов ординарными судебными инстанциями, но всегда требовавший передачи таких дел для разрешения им самим²³.

Между тем данные политико-правовые тенденции были подвергнуты ревизии интеллектуальной традицией конца XIX – начала XX в., когда законодательная власть и идея закона подверглись научной обструкции.

Марксизм, социологическая школа права, школа свободного судебного усмотрения Франсуа Жени, психологическая теория права Льва Петражицкого, некоторые радикальные проекты переустройства своих обществ пред-

лагали иной взгляд, в том числе на иерархию источников права, где закон более не признавался средством, способным достигать возложенных на него задач по обеспечению верховенства прав человека, хотя бы в той степени, чтобы данные альтернативные версии не могли предлагать своих ставших известными альтернатив, отличительных от когда-то ставшей презумпцией идеи закона как средства решения всех проблем²⁴.

Наукой признана проблема, вызвавшая необходимость в активном использовании судебной практики в связи с невозможностью буквально-го применения норм закона, когда такие нормы закона не были признаны судами состоятельными для условий военного времени Первой мировой войны или последующих после войны лет²⁵.

Напомним, что в годы войны особое влияние приобрели абстрактные и оценочные категории, используемые именно судами, в частности «добросовестность», «добрые нравы», «публичные интересы», вступившие в коллизию с классическими нормами «договоры должны соблюдаться», когда потребовалось обоснование отступления от такого фундаментального правила и прекращения обязательства, ведь условия войны фактически не позволяли сторонам представить друг другу встречное предоставление, на которое они рассчитывали при вступлении в договорные отношения²⁶.

Развитие учения о конституционализме в это время происходило усилиями Ганса Кельзена, предложившего создание инстанции конституционного нормоконтроля. Признавая наличие кризисных тенденций в действии классического механизма разделения властей, Кельзен не остановился на его в той или иной мере радикальной критике или отказе от него, но предпринял наиболее институционально успешную из всех попыток выйти из интеллектуального кризиса, предложив создание Конституционного Суда с

²² Соответствующее правило сегодня включено во многие кодификации российской правовой системы, в частности в Гражданский кодекс России и Градостроительный кодекс России.

²³ См.: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I. С. 185.

²⁴ См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб. : Университет. издат. консорциум, 2011. С. 495 ; Gény F. Methode d'interprétation et sources en droit privé positif. 2nd ed. 1954. An english translation by Louisiana State Law Institute. 1963. P. 35 ; Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. 1908. Vol. 8. P. 605–623.

²⁵ См.: Каранетов А. Г. Борьба за признание судебного протворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. С. 288.

²⁶ См.: Там же. С. 142.

установлением пределов его деятельности относительно иных ветвей власти²⁷.

При этом Кельзену удалось привести не политическое, – нет, ученый был далек от этого, ведь его труд «Чистая теория права» начинается с признания проблемы междисциплинарности в юриспруденции, ее смешения с иными науками²⁸, – но основанное на классической юридической доктрине «*in nemo iudex in proxima causa*» («никто не может быть судьей в своем собственном деле») признание, что сам законодательный орган не может быть «судьей» в деле о признании принятого им самим закона²⁹. Тем самым Ганс Кельзен фактически обеспечил преемственность в развитии государств Нового и Новейшего времени, как не признавая отрицания теории разделения властей, так и признавая проблемы действия Конституции в условиях современного ему времени, предложив юридически конформный вариант «судебной гарантии Конституции» в виде инстанции конституционного нормоконтроля.

В связи с этим тенденции усиления судебной практики и появления судебной инстанции, правомочной признать ординарный закон не соответствующим Конституции, тем самым обязав законодательную власть внести в такой закон изменения, концептуально изменили подход к иерархии источников права, когда игнорировать судебную практику как способ разрешения коллизий стало не только фактически невозможным, но и нормативно недопустимым.

Представленный теоретико-исторический обзор не претендует на обоснование прецедентного характера правовых систем континентального права в связи со значительным усилением судебной практики в таких странах. Он призван допустить, что систематизация права в форме кодификации или инкорпорации не в меньшей мере позволит обеспечить реализацию принципа равенства в праве применительно к судебной практике, в частности к практике

Конституционного Суда Российской Федерации, чем это было сделано применительно к законодательству в эпоху Нового времени.

В условиях, когда судебная практика стала неотъемлемой частью юридической аргументации в рамках судебного разбирательства, т. е. самой сути реализации абсолютного права на судебную защиту, не может признаваться приемлемым знание одного лишь принятого в установленном порядке и опубликованного закона для целей реализации этого права, ведь неотъемлемой частью содержания закона является практика его применения, единообразия которой признано Конституционным Судом России неотъемлемым элементом равенства всех перед законом и судом (причем формулировка «перед законом и судом» звучит весьма определенно, не допуская взаимоисключающего подхода к «закону и суду»)³⁰.

Конституционный Суд России отмечал, что кодификация облегчает работу правоприменителя, поскольку «законодательство становится обозримым» и тем самым в правоприменении существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя³¹.

Данный вывод Конституционного Суда России соотносим с приведенными выше политико-правовыми мотивами принятия кодификаций в Новое время, однако потенциал систематизации практически не реализован применительно к судебной практике, ставшей неотъемлемой частью правового регулирования.

При этом частный или официальный характер такой кодификации в любом случае оказывал бы воздействие на правоприменение, выполняя по крайней мере информационную функцию, свойственную таким систематизациям.

Частные кодификации имеют опыт своего признания научным сообществом, например в англо-американской традиции, где систематизация прецедентной практики стала мейнстримом юридической литературы³².

²⁷ См.: Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973) : основные вехи интеллектуального пути // Право. 2013. № 1. С. 10.

²⁸ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. 2-е изд. СПб. : Алет-Пресс, 2015. С. 3.

²⁹ «Не существует гарантии правомерности, так же, как и гарантии конституционности, когда отмена неправомερных актов находится в компетенции органа, их издавшего». Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 8, 9 (автор перевода – Д. В. Даниленко).

³⁰ См.: Абзац 3 п. 3.4 постановления Конституционного Суда России от 21 января 2010 г. № 1-П ; абз. 2 п. 4.1 постановления Конституционного Суда России от 12 октября 2021 г. № 44-П.

³¹ См.: Абзац 1 п. 2.3 постановления Конституционного Суда России от 29 июня 2004 г. № 13-П.

³² См.: Дженкс Э. Английское право : (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / пер. с англ. Л. А. Лунц ; предисл. М. М. Исаева. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1947. 378 с.

Для европейской континентальной практики, в частности российской, аналогичные научные изыскания не вступали бы в противоречие с принципами верховенства закона и формальной определенности, так как сами высшие судебные инстанции отмечали обязательность для ординарных инстанций исполнения актов высших судебных инстанций³³.

В связи с этим систематизация судебной практики в виде кодификации или инкорпорации видится автору статьи неотъемлемым элементом дальнейшей пролонгации принципа равенства всех перед законом и судом в пределах государства, именуемого себя правовым. Высшая степень определенности нормативных предписаний достигается именно систематизацией, призванной обеспечить единообразие и согласованность нормативно-правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики, чем и обуславливается закрепление приоритета кодификации.

Необходимость первоочередной систематизации правовых позиций Конституционного Суда России обусловлена следующими причинами:

во-первых, юридическая сила правовых позиций Суда России преодолевает силу иных актов судебных инстанций, что напрямую зафиксировано в ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», где закреплена обязательность решений Конституционного Суда России для всех судебных органов государственной власти;

во-вторых, как объем правовых позиций Конституционного Суда России, так и их язык несопоставимы с иными разновидностями судебных решений, в частности с постановлениями Пленума Верховного и Высшего арбитражного судов Российской Федерации, которые, хотя и превосходят часто объемом решение Конституционного Суда России, но содержат в себе правовые выводы относительно десятков юридических казусов и институтов права, а не раскрывают аргументацию применительно к одной конкретной ситуации, как это имеет место в случае с правовой позицией Суда. Между тем в рамках разрешения конкретной правоприменительной ситуации оспариваемого законоположения Суд предлагает в своей правовой позиции и абстрактные разъяснения, распространяющиеся

³³ См.: Абзац 3 п. 3.4 постановления Конституционного Суда России от 21 января 2010 г. № 1-П.

на все институты права, когда дает толкование положениям Конституции России, в любом случае распространяющимся на все институты права;

в-третьих, языковые особенности решений Конституционного Суда России индивидуализируют данный вид решений от иных судебных решений, так как в немалой степени содержат непосредственное отражение всей цепи причинно-следственных связей, приведших инстанцию конституционного нормоконтроля именно к такому выводу в результате толкования Конституции России;

в-четвертых, на настоящий момент остается актуальной проблематика исполнения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, о чем точно еще в 2014 г. высказывались С. А. Белов и А. Е. Ястребов, говоря о проблеме интерпретации судами той или иной части решения Конституционного Суда России как правовой позиции, обязательной к учету³⁴.

Современный нам документ частично раскрывает данную особенность решений Конституционного Суда России, когда обосновывает методологические основания принятия решений инстанцией Судом, включающие в себя использование методов толкования, которые ординарным судам фактически недоступны (к примеру, аксио-телеологический)³⁵.

Перечисленные признаки говорят о том, что именно правовые позиции Конституционного Суда России должны быть систематизированы первоочередно, так как высшая юридическая сила его решений, обязательных для правоприменителей, с одной стороны, и фактическая труднодоступность для восприятия такими правоприменителями этих решений – с другой, обуславливают наличие значительной неопределенности в действии на всём суверенном пространстве Российской Федерации императивно обязательных к исполнению таких правовых позиций Конституционного Суда России.

³⁴ См.: URL: Соблюдение судами правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, связанных с толкованием действующего законодательства (дата обращения: 12.07.2025) ; Ястребов А. Е. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 77.

³⁵ См.: Информация Конституционного Суда России «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» : одобр. решением Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. С. 138.

Если судебная практика фактически является одним из источников нормативного регулирования, то не в меньшей степени может претендовать на систематизацию, чем это было сделано применительно к законодательству. Не случайно систематизация судебной практики стала неотъемлемой частью организационной структуры как ординарных судебных инстанций, так и высших судебных инстанций, однако информация таких структур не всегда является доступной в полном объеме, что делает необходимым создание частной кодификации, основанной на такой методологии, и позволила бы каждому знать правовые позиции Конституционного Суда России, тем самым расширяя пространство пределов действия решений Суда.

Перспективной задачей такой систематизации является всеобщее донесение информации о содержании своих прав и обязанностей до каждого субъекта права, так как значение решений Суда аналогично значению решений нормотворческого органа³⁶.

После определения правомерности проведения систематизации позиций Суда во второй части настоящего исследования будет проведено непосредственное обоснование методологии систематизации на примере специфики отрасли градостроительного права как части правовой системы России.

Библиографический список

Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973) : основные вехи интеллектуального пути // Право. 2013. № 1. С. 3–15.

Боголюбов С. А. К какой отрасли относится законодательство о градостроительной деятельности // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 66–69.

Болтанова Е. С., Романова О. А., Бандорин Л. Е. Градостроительное право. М. : Проспект, 2021.

Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 752 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. 320 с.

Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. 496 с.

Дженкс Э. Английское право : (Источники права. Судостройство. Судопроизводство. Уголовное

право. Гражданское право) / пер. с англ. Л. А. Лунц ; предисл. М. М. Исаева. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1947. 378 с.

Захарова М. В. Экзегетический и социологический методы толкования как способы выявления и преодоления правотворческих ошибок : французский опыт решения проблемы // Юридический мир. 2009. № 7 (151). С. 53–56.

Каранетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. 308 с.

Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 8, 9.

Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Алф-Пресс, 2015. 542 с.

Ламетри Ж. О. де. Человек-машина / пер. со вступ. ст. и прим. В. Констанса. СПб. : Обществ. польза, 1911. 140 с.

Мабли Г. Б. О законодательстве, или Принципы законов // Избр. произв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 39–166.

Мор Т. Утопия : пер. с лат. М. : Наука, 1978. С. 20.

Морелли Э. Г. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 300 с.

Монтескье Ш. Л. О духе законов / [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. М. : Мысль, 1999. 672 с.

Полдников Д. Ю. Доктрины договорного права Западной Европы XI–XVIII вв. : учеб. пособие для студ. факультета права. М. : Высш. шк. экономики, 2012. С. 100.

Хэллоуэлл Дж. Х. Демократия и либерализм. С. 1. URL: <http://rels.obninsk.com/Cd/Sdc/free/edu/Lm/Sup>

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I. 480 с.

Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова ; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб. : Университет. издат. консорциум, 2011. 704 с.

Ястребов А. Е. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 75–80.

Gény F. Methode d'interprétation et sources en droit privé positif. 2nd ed. 1954. An english translation by Louisiana State Law Institute. 1963. P. 35.

Grandeur et servitudes de la Cour de cassation // Revue internationale de droit comparé. 1980. Vol. 32, No. 2, Avril-juin. P. 293–301.

Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. 1908. Vol. 8. P. 605–623.

³⁶ См.: Абзац 2 п. 2.1 постановления Конституционного Суда России от 26 июня 2020 г. № 30-П.

References

Antonov M. V. Hans Kelsen (1881–1973) : the main milestones of the intellectual path // Right. 2013. No. 1. P. 3–15.

Bogolyubov S. A. To which branch does the legislation on urban development relate // Agrarian and land law. 2020. No. 7 (187). P. 66–69.

Boltanova E. S., Romanova O. A., Bendorin L. E. Urban planning law. Moscow : Prospekt, 2021.

Grafsky V. G. Universal History of Law and the State : textbook. for universities. 2nd ed., revised and additional M. : Norma, 2007. 752 p.

Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. 2nd ed., ispr. and add. M. : Iskusstvo, 1984. 320 p.

David R. Basic legal systems of modernity / translated from French. and the introductory article by V. A. Tumanov. Moscow : Progress, 1988. 496 p.

Jenks E. English Law : (Sources of law. Judicial system. Legal proceedings. Criminal law. Civil law) / translated from English by L. A. Lunts ; preface by M. M. Isaev. Moscow : Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1947. 378 p.

Zakharova M. V. Exegetical and sociological methods of interpretation as ways to identify and overcome law-making errors : the French experience of solving the problem // Legal World. 2009. No. 7 (151). P. 53–56.

Karapetov A. G. The struggle for the recognition of judicial lawmaking in European and American law. Moscow : Statute, 2011. 308 p.

Kelsen G. Judicial guarantee of the Constitution (constitutional justice) // Law and Politics. 2006. No. 8, 9.

Kelzen G. Pure doctrine of law / translated from German by M. V. Antonov and S. V. Lezov. 2nd ed. St. Petersburg : Alef-Press, 2015. 542 p.

Lametri J. O. de. Man-machine / trans. with the introduction of art. and note by V. Constance. St. Petersburg : Societies. benefit, 1911. 140 p.

Mabli G. B. On legislation, or Principles of laws // Izbr. proc. M. ; L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. P. 39–166.

Utopia : translated from Latin. Moscow : Nauka, 1978. p. 20.

Morelli E. G. The Code of Nature, or the True spirit of its laws. M. ; L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 300 p.

Montesquieu S. L. On the spirit of laws / [comp., trans. and commentary. note by author A. V. Mateshuk]. Moscow : Mysl, 1999. 672 p.

Poldnikov D. Y. Doctrines of contract law of Western Europe of the XI–XVIII centuries : textbook. student's handbook. Faculty of Law. Moscow : Higher School of Law. Economics, 2012.

Hallowell J. H. Democracy and Liberalism. p. 1. URL: <http://rels.obninsk.com/Cd/Sdc/free/edu/Lm/Sup>

Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law. Moscow, 2000. Vol. I. 480 p.

Ehrlich O. The Foundations of the sociology of law / translated from German by M. V. Antonov ; edited by V. G. Grafsky, Yu. I. Grevtsov. St. Petersburg : University. publisher. consortium, 2011. 704 p.

Yastrebov A. E. Problems of execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2014. No. 5 (35). P. 75–80.

Gény F. Methode d'interprétation et sources en droit privé positif. 2nd ed. 1954. An english translation by Louisiana State Law Institute. 1963. P. 35.

Grandeur et servitudes de la Cour de cassation // Revue internationale de droit comparé. 1980. Vol. 32, No. 2, Avril-juin. P. 293–301.

Pound R. Mechanical Jurisprudence // Columbia Law Review. 1908. Vol. 8. P. 605–623.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Вовк Н. А., аспирант департамента публичного права

E-mail: navovk@hse.ru

Поступила в редакцию: 21.07.2025

Для цитирования:

Вовк Н. А. Систематизация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на примере градостроительного права. Историческое и практическое обоснование необходимости систематизации. Часть I // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/102-110>

National Research University «Higher School of Economics»

Vovk N. A., Post-graduate Student of the Department of Public Law

E-mail: navovk@hse.ru

Received: 21.07.2025

For citation:

Vovk N. A. Systematization of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the example of urban planning law. Historical and practical justification of the need for systematization. Part I // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/102-110>

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГЕНОЦИД СОВЕТСКОГО (БЕЛОРУССКОГО) НАРОДА И КУЛЬТУРОЦИД: ОТ ДОКТРИНЫ К ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ¹

И. Э. Мартыненко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

RESPONSIBILITY FOR GENOCIDE OF SOVIET (BELARUSIAN) PEOPLE AND CULTURAL GENOCIDE: FROM DOCTRINE TO PRACTICE

I. E. Martynenko

Grodno State University named after Yanka Kupala

Аннотация: с самого начала и в период всей своей деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР были вскрыты многочисленные факты уничтожения на оккупированной территории СССР памятников истории и культуры, произведений искусства, других культурных ценностей. В предлагаемой работе доказывается, что уничтожение культурных ценностей охватывалось общей геноцидальной целью – война на уничтожение советского народа. Рассматриваются зарождение идеи ответственности за преступления геноцида и эволюция доктрины геноцида. Доказывается социальная обусловленность принятия новых правовых мер предотвращения геноцида и его разновидности культурного геноцида, выявляются новые признаки данного преступления.

Ключевые слова: ответственность за геноцид, культурные ценности, памятники военно-исторического наследия, Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», судебные процессы над нацистскими преступниками.

Abstract: from the very beginning and throughout its activities, the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities Committed by the German Fascist Invaders and Their Accomplices and the Damage Caused to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises, and Institutions of the USSR uncovered numerous facts of the destruction of historical and cultural monuments, works of art, and other cultural treasures in the occupied territories of the USSR. This paper argues that the destruction of cultural assets was part of a broader genocidal goal: the war to annihilate the Soviet people. The study used historical-legal, formal-logical, and comparative-legal methods, which allowed for a retrospective examination of the emergence of the idea of responsibility for crimes of genocide (which had no name for a long time) and the evolution of the doctrine of genocide are considered. The social conditioning of the adoption of new legal measures to prevent genocide and its variety cultural genocide is proved; new features of this crime are revealed.

Key words: responsibility for genocide, cultural values, monuments of military and historical heritage, UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, trials of Nazi criminals.

¹ Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

© Мартыненко И. Э., 2025

2025-й в Содружестве Независимых Государств объявлен годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне – годом мира и единства в борьбе с нацизмом. Поэтому весьма актуальной остается проблема как предотвращения проявления геноцида, так и обеспечения ответственности в случае совершения данного преступления; требуется новая оценка международных соглашений по вопросам предупреждения геноцида с учетом фактов, полученных в ходе расследования в 2021–2025 гг. в Беларуси и России уголовных дел о геноциде советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., что и предопределяет насущность настоящего исследования.

В этом контексте интересным может быть опыт Республики Беларусь – страны (БССР в составе СССР), в значительной степени пострадавшей в результате фашистской агрессии и перенесшей весь гнет оккупации. Доказательства этого многочисленны: по современным оценкам экономический ущерб составил свыше 2,3 трлн долл. США, или 43 тыс. т золота²; людские потери известны – каждый третий погибший белорус (до начала войны численность населения в современных границах составляла 8,9 млн человек, тогда как к 1945 г. этот показатель сократился до 6,86 млн; таким образом, численность населения уменьшилась на 2,23 млн человек³). На территории БССР было организовано 578 концентрационных лагерей и иных мест принудительного содержания граждан⁴, в которых посредством создания невыносимых условий (по нашему мнению, это и есть один из признаков геноцида) было истреблено значительное количество соотечественников. Например, только в лагере смерти Тростенец под Минском, самом

крупном на всей захваченной советской территории, фашисты убили не менее 546 тысяч человек. В ходе расследования уголовного дела по факту геноцида белорусского (советского) народа во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. только на территории Беларуси установлено 166 ранее не известных мест уничтожения и захоронения мирных жителей и военнопленных, более половины – массовые⁵.

Правовые меры предупреждения геноцида: опыт Республики Беларусь

В целях увековечения памяти о победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в Республике Беларусь приняты:

– Указ Президента Республики Беларусь от 24 марта 2016 г. № 109 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» (которым установлено, что одним из основных форм сохранения памяти о жертвах войн является государственный учет захоронений, внесение данных о жертвах войн, местах их захоронения в автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь»⁶);

– государственные программы, утвержденные постановлением Правительства: «Культура

⁵ См.: Генеральный прокурор Республики Беларусь Андрей Швед дал эксклюзивное интервью ИД «Беларусь сегодня» // Беларусь сегодня. 2025. 26 июня; Геноцид белорусского народа : информ.-аналит. материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2022. 175 с. ; Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск : Беларусь, 2024. 607 с. ; Микулина М. Д. Массовый геноцид советских граждан на оккупированных фашистами территориях // Многонациональный советский народ как фактор Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28 апреля 2025 г.). М. : Моск. междунар. ун-т, 2025. С. 58–65 ; Кикнадзе В. Г. Количество жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 1 (42) ; Нижник Н. С. Принуждение к проституции – преступление нацистов против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны // Вестник Урал. юрид. ин-та МВД России. 2025. № 2 (46). С. 32–41.

⁶ См.: Автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь». URL: <https://memory.mil.by/> (дата обращения: 15.08.2025).

² См.: Швед А. И. Правовые основы привлечения к ответственности за геноцид : современный опыт Республики Беларусь // Вестник Ун-та прокуратуры РФ. 2025. № 2 (106). С. 13–22.

³ См.: Боброва А. Г., Пилютик А. А., Мурашко О. Ю. Экономическая оценка демографических потерь вследствие геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ин-та экономики НАН Беларуси : сб. науч. статей / НАН Беларуси, Ин-т экономики. 2025. Вып. 10. С. 48.

⁴ См.: Боль памяти. Лагерь советских военнопленных на территории Гродненской области в годы Великой Отечественной войны : монография / Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы, прокуратура Гродненской области ; под ред. И. Ф. Китурко, А. Н. Скурата, Э. С. Ярмусика. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. 163 с.

Беларуси» на 2021–2025 гг. – от 29 января 2021 г. № 53; «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 гг. – от 26 февраля 2021 г. № 117; а также Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг. от 29 декабря 2021 г. № 773, Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773;

– директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» (в которой указано, что стимулирование активного участия граждан в сохранении исторической памяти и национальных ценностей – одна из основных задач идеологической работы).

Их реализация обеспечивает сохранение для настоящего и будущих поколений памятников военной истории и защиту **исторической правды**.

Итак, связи с социально обусловленными изменениями законодательства, защита исторической правды составляют новую задачу государства, важное направление государственной политики; «регулирование данного правового института осуществляется на национальном и международном уровнях»⁷. Государственный подход к данной проблеме уже проявился и в изменении законодательства с учетом вызовов (союзному) государству: по результатам Республиканского референдума 2022 г. ст. 15 Конституции Республики Беларусь дополнена новым важным положением о том, что государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (аналогично ст. 67.2 Конституции РФ гласит, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды).

Однако недружеские акции ряда государств, их объединений, направленные на дегероизацию победы советского народа в Великой Отечественной войне и дискредитацию Красной Армии – победительницы (умаление ее роли в победе и конкретных сражениях), в некоторых

случаях даже оправдывающие действия фашистов и их пособников, заставляют вновь обратиться к проблеме эффективности принятых правовых мер (в том числе и в рамках межгосударственных соглашений), направленных на предотвращение проявления геноцида и обеспечение наступления ответственности в случаях совершенных данного преступления, в том числе и в период фашистской оккупации части территории Советского Союза.

В связи с этим тогда, сразу после освобождения территории и СССР от фашистских захватчиков, как и сейчас, важна была деятельность по выявлению преступлений нацистов, в том числе и совершения ими актов (преступления) геноцида, причем во всех его формах и проявлениях. Известно, что первые факты чудовищных злодеяний нацистов на оккупированной территории СССР содержатся в официальных докладах и информационном материале *Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР*, которая была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. К этому документу неоднократно обращались исследователи, политики, граждане – он доступен, введен в научный оборот, поэтому нет необходимости приводить собранные и перечисленные факты зверств оккупантов⁸. Обратим внимание на важный практический аспект, непосредственно связанный с доказательственной деятельностью фактов геноцида: согласно ст. 21 *Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси* упомянутый выше Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными; также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций,

⁸ Подробную справочную информацию о документальных источниках геноцида против советского населения на территории БССР см.: Новиков С. Е. Источниковая база исследования последствий нацистского геноцида против мирного населения Беларуси в 1941–1944 гг. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в социальной памяти и современных реалиях (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Москва, 18 апреля 2025 г.). М. : Сам Полиграфист, 2025. С. 46–60.

⁷ Дорская А. А., Дорский А. Ю. Сохранение памяти о Второй мировой войне : проблема соотношения международного и национального правового регулирования // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 4. С. 48–62.

включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций.

А вот современное практическое подтверждение деятельности по обеспечению неотвратимости наказания за преступления геноцида:

«28 марта 2025 г. приговором Верховного Суда Республики Беларусь предатель и каратель Серафимович С. С., занимавший руководящую должность в различных подразделениях вспомогательной полиции⁹, признан виновным в геноциде – действиях, совершенных с целью планомерного уничтожения полностью белорусского народа как национальной и этнической группы, определенной на основе территориального, идеологического и других произвольных критериев, путем убийства членов такой группы и умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное физическое уничтожение такой группы, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 127 «Геноцид» УК Республики Беларусь. В связи со смертью обвинительный приговор в отношении Серафимовича С. С. постановлен без назначения наказания»¹⁰ (руководствуясь ч. 4 ст. 356 и ч. 3 ст. 468–24 УПК Республики Беларусь).

Как заметил А. Н. Савенков, «восстановление исторической правды иногда происходит спустя годы, но этот процесс необходим не только для того, чтобы не допустить повторения чудовищных злодеяний, но и для того, чтобы исто-

рическая справедливость восторжествовала»¹¹. В Беларуси в 2024–2025 гг. состоялось четыре судебных процесса¹², в которых обвинялись лица в совершении преступления геноцида в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., оказавших большое влияние на понимание сущности преступлений геноцида, направленные в том числе и на защиту исторической памяти и правды о героическом прошлом нашей общей страны и совместной победе над фашизмом: в марте 2024 г. вынесен приговор в отношении скончавшегося в 2015 г. в Канаде «палача Хатыни» В. Катрюка, признавший его виновным в геноциде белорусского народа во время Великой Отечественной войны; в конце декабря 2024 г. виновным в участии в массовом уничтожении белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, в том числе в деревне Хатынь, был признан фигурант дела о геноциде К. Смowski; в конце марта 2025 г. Верховный Суд Республики Беларусь признал пособника нацистов С. Серафимовича виновным в геноциде белорусского народа во времена Великой Отечественной войны; в августе 2025 г. в суд поступило уголовное дело в отношении умершего в 1997 г. О. Винницкого, обвиняемого в совершении карательных акций и участии в сожжении белорусских деревень.

При этом аргументация следствия, прокуратуры и суда сводится к следующему. Согласно ч. 3 ст. 1 УК Республики Беларусь основывается на Конституции Республики Беларусь и общепризнанных принципах, и нормах международного права. В ст. 6 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, принятого 8 августа 1945 г., сформулирован следующий общий принцип: руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в осуществлении общего плана на совершение

¹¹ Савенков А. Н. Геноцид советского народа : от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 14.

¹² О целесообразности судебного порядка рассмотрения виновности и невиновности лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и человечества, а также военных преступлениях, в отношении которых не применяются сроки давности, см.: Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности // Государство и право. 2024. № 3. С. 176–184 ; Мороз И., Русецкий О. Преступный вермахт : реабилитации не подлежит! // Законность и правопорядок. 2025. № 2 (74). С. 18–26.

⁹ См. подробнее о формах участия коллаборантов в преступлениях нацистов на оккупированной территории СССР: Смирнов М. Г., Гусева О. В. К вопросу международно-правового статуса коллаборантов, участвовавших в преступлениях нацистов на территории БССР // Образование и право. 2025. № 4. С. 775–778 ; Воснякова О. Ф. Уголовно-правовая оценка участия в геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны коллаборационистов – пособников нацистского режима // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 23 мая 2025 г.). Могилев : Могилев. ин-т М-ва внутренних дел Республики Беларусь, 2025. С. 456–461.

¹⁰ См.: Верховный Суд Республики Беларусь постановил приговор по уголовному делу в отношении Серафимовича С. С. по обвинению в геноциде белорусского народа Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/b1a50dedaa5042fb.html (дата обращения: 28.03.2025).

преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана.

В ст. 1 *Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* от 9 декабря 1948 г. подтверждено, что геноцид, независимо от того, совершается он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права. В соответствии со ст. 1 *Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества* от 26 ноября 1968 г. никакие сроки давности не применяются в том числе за преступления против человечества, а также за преступления геноцида, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены¹⁵. Далее следует отсылка к новому закону от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа», который установил, что совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются *геноцидом белорусского (советского) народа*.

Ответственность за отрицание геноцида белорусского народа

Итак, упомянутым выше законом от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» определено, что совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа (это советские граждане, проживавшие на территории Белорусской Советской Социалистической Республики в годы Великой Отечественной войны и (или) послевоенный период) путем убий-

ства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа.

И вот *отрицание геноцида белорусского народа*, содержащееся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, влечет уголовную ответственность по ст. 130-2 УК Республики Беларусь, введенной в Уголовный кодекс именно этим законом.

Подобная новация впервые появилась в законодательстве стран СНГ. И уже имеется первый опыт привлечения к ответственности за отрицание геноцида (белорусского народа, как определено ст. 130-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Фабула дела такова:

«54-летний минчанин С. – администратор группы одной из популярных социальных сетей с ноября 2021 г. размещал в сообществе посты на историческую тематику. Администратор публика имел свой собственный взгляд на события, которые произошли во времена Великой Отечественной войны. Мужчина активно рассказывал своим подписчикам, что зверства, учиненные на территории Беларуси, ошибочно приписаны нацистским оккупантам. Он утверждал, что всемирно известная «Хатынь»¹⁴ пострадала от рук партизан. Подозреваемый публиковал якобы собранные им «доказательства» и искал единомышленников, чтобы переписать хронографию прошлых лет. Согласно заключению лингвистической экспертизы, в его публикациях имеются утвердительные высказывания о том, что жители деревни Хатынь были сожжены не немецко-фашистскими захватчиками. В отношении этого мужчины было возбуждено уголовное дело за отрицание геноцида белорус-

¹⁴ См. подробнее: Хатынь. Трагедия и память : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко. Минск : НАРБ, 2014. 268 с. ; Кириллова Н. В., Селеменов В. Д. Хатынь – памятник трагедии и мужества // Юстиция Беларуси. 2014. № 5 (146). С. 17–20 ; Киселева А. О., Абовян Е. Н. Русская Хатынь : сожженные деревни на оккупированной территории РСФСР // Новые горизонты : XII науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. материалов и докладов (Брянск, 15 апреля 2025 г.). Брянск : Брянский гос. техн. ун-т, 2025. С. 1062–1065.

¹⁵ См.: Архив Верховного Суда Республики Беларусь за 2025 г. Дело по обвинению Серафимовича С. С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 127 УК Республики Беларусь.

ского народа (ч. 1 ст. 130-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь)¹⁵.

30 октября 2024 г. Минским городским судом обвиняемый С. признан виновным в отрицании геноцида белорусского народа, содержащемся в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года¹⁶.

Здесь мы обратимся к истории вопроса, этимологии некоторых понятий, рассмотрим зарождение концепции и выстроим понятийный ряд: термин «геноцид» образован в результате комбинации слов, происходящих от греческого слова «Γένος» (genos) – «род, племя» и латинского глагола «caedo» – «убиваю»¹⁷. В результате по задумке разработке концепции получается: «геноцид» – это намерения и действия умышленно убивать (вспомним «caedo») или иным способом уничтожать *группу людей* по объединяю-

¹⁵ Следователями столицы возбуждено уголовное дело за отрицание геноцида белорусского народа. Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь. URL: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-gminsk-ru/view/sledovateljami-stolitsy-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-za-otritsanie-genotsida-beloruskogo-naroda-13498> (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁶ Минским городским судом постановлен приговор по уголовному делу об отрицании геноцида белорусского народа в информации, размещенной в сети Интернет, а также публичном оскорблении Президента Республики Беларусь. Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/eada62e7baa54c27.html (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁷ Основоположник современной идеи геноцида Р. Лемкин, собственно, и предложивший данный термин (см.: *Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe : Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. [Publications of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, Washington] : Columbia University Press, 1944. 674 p.*), положенный в основу будущей концепции Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», проживал длительное время на территории Западной Белоруссии, остатки бывшего домовладения его родителей расположены на территории Зельвенского района Гродненской области. Автор данной статьи посетил эти места, изучал архивные документы, беседовал с местными жителями, постарался проникнуться атмосферой быта, в которой проживал известный юрист-международник. Разработанная Р. Лемкиным доктрина геноцида была реализована в международном соглашении – Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» 1948 г. См.: Архив учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» за 2021 г. Дело от 12 июля 2021 г. № 06/2537.

ществу их признаку расовой, национальной, этнической, религиозной принадлежности (что полностью отражено в нацистской теории расового превосходства); воспрепятствование деторождения в среде такой группы; умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы. Именно исходя из этой логики в законодательстве и установлена уголовная ответственность за геноцид; диспозиция соответствующей уголовно-правовой нормы содержит указанные выше признаки.

В дальнейшем с помощью данного подхода, были образованы этимологически схожие понятия, в том числе: экоцид, этноцид (или этногеноцид, совершение которого, по мнению исследователей, не преследует цели физического истребления людей, а больше направлено на уничтожение культуры (самобытности, менталитета, религиозных основ) народа и, как следствие, ведет к полному или частичному исчезновению посредством ассимиляции¹⁸); политицид (определяемый как политическое массовое убийство – продвижение, подразумеваемое согласие и/или осуществление правящей элитой или ее агентами последовательной политики, нацеленной на уничтожение, частично или полностью, общинной, политической или политизированной этнической группы); культурицид¹⁹ – к использованию последнего термина и наполнению его новым содержанием мы еще вернемся.

Данный подход к определению признаков геноцида не меняется уже на протяжении более семидесяти пяти лет. Мы предлагаем научное развитие этой концепции и ее реализацию в новых сферах. Аргументация сводится к следующему.

Культурный геноцид

Кроме уничтоженных человеческих жизней, от фашистского нашествия на нашу страну пострадала еще и культура. Были осквернены и раз-

¹⁸ См.: *Адибаева А. К.* Новые (современные) формы прямого геноцида и специальная конвенция ООН 1948 года // *Евразийский союз ученых.* 2015. № 4 (13). С. 24.

¹⁹ См. о некоторых случаях использования данного термина: *Бабаян М. Э.* Феномен культурного геноцида : история и современность // *Евразийская интеграция : экономика, право, политика.* 2020. № 3 (33). С. 102 ; *Гигинейшвили М. Т.* К вопросу о признании культуры в качестве объекта преступления геноцида в международном праве // *Общество : политика, экономика, право.* 2016. № 5. С. 124–126.

рушены тысячи объектов культурно-исторического наследия, произведений искусства, других культурно-исторических ресурсов (музеи, архивы, библиотеки). Как отмечается в исследованиях, в общей сложности на территории СССР в годы Великой Отечественной войны пострадало свыше 400 музеев, 4000 библиотек (погибло 115 млн изданий), архивы 19 областей (утрачено 17 млн дел). Общая сумма ущерба, причиненного памятникам и учреждениям культуры страны в период Великой Отечественной войны, составила 1268,8 млн рублей. На временно оккупированной территории Советского Союза из 991 музея было разграблено 427²⁰.

Данные факты свидетельствуют о том, что германская армия не просто вела войну на уничтожение советского народа, но и целенаправленно уничтожала объекты истории и культуры советского народа. В ходе подготовки и проведения военной агрессии против СССР руководством нацистской Германии были разработаны директивные документы, соединявшие в себе, с одной стороны, военно-стратегические и военно-экономические расчеты, а с другой – методы преступной идеологии войны, направленные на уничтожение мирного населения на восточных территориях²¹. Таким образом, известные ранее и вновь установленные факты разграбления и уничтожения культурных ценностей, надругательства над памятниками советского и древнерусского искусства являлись частью фашистской геноцидальной политики на оккупированной территории СССР и проводились в рамках генерального плана уничтожения советского народа, что дает основание выдвинуть утверждение о культурном геноциде, реализованном в данный период.

Это, как сказал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 10 июля 2025 г., на откры-

²⁰ См.: *Максакова Л. В.* Культура советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. 343 с. ; *Сиволап Т. Е., Маковкин А. В.* Судьба культурного наследия Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // *Война и мир в Отечественной и мировой истории : материалы Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г.)* : в 2 т. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2020. С. 561.

²¹ См.: *Новиков С. Е.* Германская экономическая политика на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) // *Российские и славянские исследования* : науч. сб. Вып. 2. / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. С. 52.

тии XXXIV Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске», «был настоящий культурный геноцид, стремление уничтожить наследие народа, лишить его основы»²². Во многом аналогичную оценку данным преступлениям дал и Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин, предложивший во время участия в работе Петербургского международного юридического форума в мае 2025 г. расширить понятие геноцида, включив в него уничтожение культурного наследия и запрет на использование национального языка²³. Соглашаясь с этими суждениями и подводя итог исследованию, приходим к следующему.

Признание факта, что уничтожение и разграбление войсками и другими формированиями фашистской Германии на оккупированной территории СССР культурных ценностей советского народа (памятников истории и культуры, произведений искусства, культовых зданий и сооружений, музеев, библиотек, архивов и др.), вандализм, а через эти действия попытка насаждения чуждой нацистской культуры и идеологии, онемечивание и дерусификация населения, включая изменение топонимических наименований, являются **частью нацистской политики геноцида советского народа**, направленной на уничтожение национальной (русской, белорусской), славянской этнической и религиозной группы, позволяет сформировать новую государственную (союзного государства Беларуси и России) позицию, заключающуюся в дополнении Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» еще одним (не определенным в этом соглашении) проявлением геноцида («культурный геноцид») по признаку осквернения, уничтожения памятников истории и культуры в целях умаления национальной идентичности советского народа.

Обеспечение ответственности за преступления геноцида, совершенные в годы временной оккупации территории Советского Союза во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., рассматриваем как одну из мер правовой защи-

²² См.: Открытие XXXIV Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». URL: <https://president.gov.by/ru/events/otkrytie-xxxiv-mezhdunarodnogo-festivala-iskusstv-slavanskij-bazar-v-vitebske> (дата обращения: 11.07.2025).

²³ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1976480> (дата обращения: 07.08.2025).

ты исторической правды о событиях тех лет, героическом прошлом наших братских стран – Беларуси и России. Предлагаем еще одно (новое в этом контексте) решение – конституционную новеллу – норму, обязывающую государство **принимать меры по возвращению в страну культурных ценностей, вывезенных с ее территории в разные исторические периоды**, в данном случае в результате оккупации во время Великой Отечественной войны (т. е. когда такое возвращение не состоялось, например в порядке реституции, в том числе компенсаторной, а также репарации либо репатриации, и ущерб от гибели памятников, культурных ценностей возмещен не был), что придаст системе законодательства об охране военно-исторического наследия более заверченный характер.

Говоря о трансляции знаний об объектах культурного наследия и исторических ценностях, связанных с увековечением памяти о победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и о жертвах геноцида, а также в целях патриотического воспитания считаем необходимым актуализировать образовательные программы, обеспечив получение будущими специалистами навыков юридической защиты исторической правды и памяти. В Беларуси такой опыт имеется: в рамках дисциплины «Правовая охрана историко-культурного наследия», разработанной автором данной статьи, рассматриваются вопросы ответственности за геноцид, изучаются возможности юридической защиты исторической памяти и правды с помощью современного правового практического инструментария.

Библиографический список

Адибаева А. К. Новые (современные) формы прямого геноцида и специальная конвенция ООН 1948 года // Евразийский союз ученых. 2015. № 4 (13). С. 23–25.

Бабаян М. Э. Феномен культурного геноцида : история и современность // Евразийская интеграция : экономика, право, политика. 2020. № 3 (33). С. 99–111.

Без срока давности. Беларусь : преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк (отв. ред.) [и др.]. Минск : Беларусь, 2024. 607 с.

Боброва А. Г., Пилюттик А. А., Мурашко О. Ю. Экономическая оценка демографических потерь вследствие геноцида белорусского народа в годы

Великой Отечественной войны // Вестник Ин-та экономики НАН Беларуси : сб. науч. статей / НАН Беларуси, Ин-т экономики. 2025. Вып. 10. С. 45–56.

Боль памяти. Лагеря советских военнопленных на территории Гродненской области в годы Великой Отечественной войны : монография / Гроднен. гос. ун-т им. Янки Купалы, прокуратура Гродненской области ; под ред. И. Ф. Китурко, А. Н. Скурата, Э. С. Ярмусика. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. 163 с.

Воспякова О. Ф. Уголовно-правовая оценка участия в геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны коллаборационистов – пособников нацистского режима // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Могилев, 23 мая 2025 г.). Могилев : Могилев. ин-т М-ва внутренних дел Республики Беларусь, 2025. С. 456–461.

Генеральный прокурор Республики Беларусь Андрей Швед дал эксклюзивное интервью ИД «Беларусь сегодня» // Беларусь сегодня. 2025. 26 июня.

Геноцид белорусского народа : информ.-аналит. материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск : Беларусь, 2022. 175 с.

Гигинейшвили М. Т. К вопросу о признании культуры в качестве объекта преступления геноцида в международном праве // Общество : политика, экономика, право. 2016. № 5. С. 124–126.

Дорская А. А., Дорский А. Ю. Сохранение памяти о Второй мировой войне : проблема соотношения международного и национального правового регулирования // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 4. С. 48–62.

Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности // Государство и право. 2024. № 3. С. 176–184.

Кикнадзе В. Г. Количество жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 1 (42).

Кириллова Н. В., Селеменев В. Д. Хатынь – памятник трагедии и мужества // Юстиция Беларуси. 2014. № 5 (146). С. 17–20.

Киселева А. О., Абовян Е. Н. Русская Хатынь : сожженные деревни на оккупированной территории РСФСР // Новые горизонты : XII науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. материалов и докладов (Брянск, 15 апреля 2025 г.). Брянск : Брянский гос. техн. ун-т, 2025. С. 1062–1065.

Максакова Л. В. Культура советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. 343 с.

Микулина М. Д. Массовый геноцид советских граждан на оккупированных фашистами террито-

риях // Многонациональный советский народ как фактор Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28 апреля 2025 г.). М. : Моск. междунар. ун-т, 2025. С. 58–65.

Мороз И., Русецкий О. Преступный вермахт : реабилитации не подлежит! // Законность и правопорядок. 2025. № 2 (74). С. 18–26.

Нижник Н. С. Принуждение к проституции – преступление нацистов против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны // Вестник Урал. юрид. ин-та МВД России. 2025. № 2 (46). С. 32–41.

Новиков С. Е. Германская экономическая политика на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. С. 52.

Новиков С. Е. Источниковая база исследования последствий нацистского геноцида против мирного населения Беларуси в 1941–1944 гг. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : в социальной памяти и современных реалиях (к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Москва, 18 апреля 2025 г.). М. : Сам Полиграфист, 2025. С. 46–60.

Савенков А. Н. Геноцид советского народа : от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

Сиволап Т. Е., Маковкин А. В. Судьба культурного наследия Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Война и мир в Отечественной и мировой истории : материалы Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г.) : в 2 т. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2020. С. 560–565.

Смирнов М. Г., Гусева О. В. К вопросу международно-правового статуса коллаборантов, участвовавших в преступлениях нацистов на территории БССР // Образование и право. 2025. № 4. С. 775–778.

Хатынь. Трагедия и память : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко. Минск : НАРБ, 2014. 268 с.

Швед А. И. Правовые основы привлечения к ответственности за геноцид : современный опыт Республики Беларусь // Вестник Ун-та прокуратуры РФ. 2025. № 2 (106). С. 13–22.

Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe : Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. [Publications of the Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, Washington] : Columbia University Press, 1944. 674 p.

References

Adibayeva A. K. New (modern) forms of direct genocide and the special Convention of 1948, LLC // Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 4 (13). P. 23–25.

Babayan M. E. The phenomenon of cultural genocide : history and modernity // Eurasian integration : Economics, Law, Politics. 2020. No. 3 (33). P. 99–111.

No statute of limitations. Belarus : crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the territory of the BSSR during the Great Patriotic War : documents and materials / comp.: V. D. Selemenov (hand) [et al.] ; editor: A. K. Demyanyuk (ed.) [and others]. Minsk : Belarus, 2024. 607 p.

Bobrova A. G., Pilyutyk A. A., Murashko O. Y. Economic assessment of demographic losses due to the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War // Bulletin of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus : collection of scientific papers. articles / NAS of Belarus, Institute of Economics. 2025. Issue 10. P. 45–56.

Pain of memory. Camps of Soviet prisoners of war in the Grodno region during the Great Patriotic War : a monograph / Grodno State University named after Yanka Kupala, Prosecutor's Office of the Grodno region ; ed. by I. F. Kiturko, A. N. Skurat, E. S. Yarmusik. Grodno : State State University named after Yanka Kupala, 2024. 163 p.

Vospyakova O. F. Criminal and legal assessment of the participation in the genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War of collaborators – accomplices of the Nazi regime // Legal culture in modern society : collection of scientific articles. Article VIII of the International Scientific and Practical Conference (Mogilev, May 23, 2025). Mogilev : Mogilev. Institute of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2025. P. 456–461.

Prosecutor General of the Republic of Belarus Andrey Shved gave an exclusive interview to the publishing house «Belarus Today» // Belarus Today. 2025. June 26.

The genocide of the Belarusian people : inform.-analyte. materials and documents / Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus ; under the general editorship of A. I. Shved. Minsk : Belarus, 2022. 175 p.

Gigineishvili M. T. On the issue of recognizing culture as an object of the crime of genocide in international law // Society : Politics, economics, Law. 2016. No. 5. P. 124–126.

Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu. Preservation of the memory of the Second World War : the problem of the correlation of international and national legal regulation // Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29, No. 4. P. 48–62.

Kamenetsky Yu.F. The essence and significance of the conviction of deceased Nazis for crimes without a statute of limitations // *State and law*. 2024. No. 3. P. 176–184.

Kiknadze V. G. The number of victims of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War // *Science. Society. Defense*. 2025. Vol. 13, No. 1 (42).

Kirillova N. V., Selemenev V. D. Khatyn – monument of tragedy and courage // *Justice of Belarus*. 2014. No. 5 (146). P. 17–20.

Kiseleva A. O., Abovan E. N. Russian Tatiana : married men in the occupied territory of the USSR // *New Horizons : III scientific and practical conference with international with participation : collection of materials and reports* (Bryansk, April 15, 2025). Bryansk : Bryansk State Technical University. Univ., 2025. P. 1062–1065.

Maksakova L. V. Culture of Soviet Russia during the Great Patriotic War. Moscow, 1977. 343 p.

Mikulina M. D. Mass genocide of Soviet citizens in the territories occupied by the Nazis // *Multinational Soviet people as a factor of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War) : proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (Moscow, April 28, 2025). Moscow : Moscow International University, 2025. P. 58–65.

Moroz I., Rusetsky O. Criminal Wehrmacht : not subject to rehabilitation! // *Legality and law and order*. 2025. No. 2 (74). P. 18–26.

Nizhnik N. S. Forced prostitution – a Nazi crime against the civilian population of the occupied territories during the Great Patriotic War // *Bulletin of the Urals. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 2 (46). P. 32–41.

Novikov S. E. German economic policy in the occupied territory of Belarus (1941-1944) // *Russian and Slavic Studies : scientific collection, Issue 2.* / editors:

A. P. Salkov, O. A. Yanovsky (editors) [and others]. Minsk : BSU, 2007. P. 52.

Novikov S. E. The source base for the study of the consequences of the Nazi genocide against the civilian population of Belarus in 1941-1944 // *The Great Patriotic War of 1941–1945 : in social memory and modern realities (on the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War) : proceedings of the International Scientific Conference* (Moscow, April 18, 2025). Moscow : The Politician Himself, 2025. P. 46–60.

Savenkov A. N. The genocide of the Soviet people : from history to law, without a statute of limitations // *State and law*. 2021. No. 9. P. 7–30.

Sivolap T. E., Makovkin A.V. The fate of Leningrad's cultural heritage during the Great Patriotic War // *War and peace in National and world history : proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War* (St. Petersburg, March 27, 2020) : in 2 volumes. St. Petersburg. : St. Petersburg State University of Industry. Technology and Design, 2020. P. 560–565.

Smirnov M. G., Guseva O. V. On the issue of the international legal status of collaborators who participated in Nazi crimes on the territory of the BSSR // *Education and Law*. 2025. No. 4. P. 775–778.

Khatyn. Tragedy and memory : documents and materials / comp. V. I. Adamushko. Minsk : NARB, 2014. 268 p.

Shved A. I. The legal basis for bringing to justice for genocide : the modern experience of the Republic of Belarus // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2025. No. 2 (106). P. 13–22.

Lemkin R. The rule of the Axis powers in occupied Europe: the laws of occupation, an analysis of government activities, and proposals to remedy the situation. [Publications of the Carnegie Endowment for International Peace, Department of International Law, Washington] : Columbia University Press, 1944. 674 p.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Мартыненко И. Э., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса

E-mail: i.martinenko@grsu.by

Поступила в редакцию: 15.09.2025

Grodno State University named after Yanka Kupala

Martynenko I. E., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure
E-mail: i.martinenko@grsu.by

Received: 15.09.2025

Для цитирования:

Мартыненко И. Э. Ответственность за геноцид советского (белорусского) народа и культурцид: от доктрины к практике применения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/111-121>

For citation:

Martynenko I. E. Responsibility for Genocide of Soviet (Belarusian) People and Cultural Genocide: from doctrine to practice // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/111-121>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ ВОСТОЧНОЙ КАНОНИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЗМА И УТИЛИТАРИЗМА

В. А. Минор

Воронежская православная духовная семинария

THE METHODOLOGICAL DUALISM OF EASTERN CANON LAW: PROBLEMS OF LEGALISM AND UTILITARIANISM

V. A. Minor

Voronezh Orthodox Theological Seminary

Аннотация: в статье реализована попытка осмысления важнейших этапов эволюционирования канонического права, главным из которых является противостояние двух оппонирующих школ. Их представители (церковные правоведаы, богословы) излагали крайне противоположные взгляды на содержание данного права, пути и подходы к решению возникающих методологических проблем, неразрывно связанных с богословием, православной догматикой, а также на то, какие принципы и критерии должны быть приоритетны в вопросах понимания и применения канонических правил для регулирования церковных правоотношений – юридические или экклезиологические. Как выход из дуалистического тупика в работе аргументируется эклектизм указанных подходов к решению методологических проблем Восточной канонистики.

Ключевые слова: каноническое право, обзор методологических проблем, юридический подход, утилитарный подход, эклектизм.

Abstract: the article attempts to comprehend the most important stages in the evolution of canon law, the most significant of which is the confrontation between two opposing schools, whose representatives (church lawyers and theologians) presented extremely contrasting views on the content of canon law, the ways and approaches to solving the emerging methodological problems, which are inextricably linked to theology and Orthodox dogma, as well as on the principles and criteria that should be prioritized in understanding and applying canon law to regulate church legal relations: legal or ecclesiological. As a way out of the dualistic impasse, the paper argues for the eclecticism of these approaches to solving the methodological problems of Eastern canon law.

Key words: canon Law, Overview of Methodological Issues, Legal Approach, Utilitarian Approach, Eclecticism.

Для понимания сути отечественной канонистики и тех проблем, которые еще предстоит решить, а также выбора правильного вектора пути на современном этапе развития науки необходимо не просто ее исторический линейно-хронологический дискурс, но осмысление глубинной сути основных этапов становления науки Церковного права.

Важнейшей вехой формирования канонического права является диспут двух оппонирующих научных школ, крайне противоположных

во взглядах на его содержание, пути и подходы к решению возникающих методологических проблем, которые неразрывно связаны с богословием, православной догматикой, а также на то, какие принципы и критерии должны быть приоритетны в вопросах понимания и применения канонических правил для регулирования церковных правоотношений – юридические или экклезиологические.

Одним из выразителей юридического подхода, который мы наблюдаем в трудах отечественных дореволюционных канонистов, был А. С. Павлов – с его параллелями и соотнесе-

нием церковного союза как сообщества с обществом вообще, церковного порядка с общественным порядком, с использованием принципа античного римского права «где есть общество, там есть право», с его логическим выводом о том, что «нарушение границ деятельности отдельных членов церковного общества... сопровождается такой же реакцией со стороны установленных блюстителей порядка, как и во всяком благоустроенном человеческом союзе», а следовательно, «церковному праву, как и всякому другому (должен быть. – В. М.) присущ характер принудительности в том смысле, что он возвышается над частной волей, действует на нее с силой необходимости»¹.

Всё это есть не что иное, как восхождение к юридическому позитивизму как особому эпистемологическому подходу, отождествляющему право и закон как норму, санкционированную государством, обеспеченную в аспекте ее исполнения средствами государственного принуждения.

Подобные тенденции, как отмечает И. В. Борщ, соотносятся с юридическим позитивизмом католической школы публичного права, традиционной для Западной канонистики после Триденского собора², а также косвенно подтверждают мнение о том, что отечественные правоведы «выступали последовательными учениками западных канонистов», заимствуя многие положения в авторские учебники церковного права.

Изучая исторические аспекты эволюционирования церковного права в трудах русских канонистов, современный правовед А. А. Дорская также приходит к выводу об отсутствии единого подхода к пониманию сути природы «канонического» и «правового», соотношению понятий «Церковь» и «право», вопросу о месте права в жизни Церкви и возможности решения этих вопросов эпистемологически либо богословски-экслезисологически, что позволило ей систематизировать школы отечественной церковно-правовой науки по направлениям.

А. А. Дорская выделяет три методологических подхода к осмыслению указанных проблем и путей их решения, а именно:

¹ Павлов А. С. Курс Церковного права. СПб. : Лан, 2002. С. 12–13.

² См.: Борщ И. В. Русская наука церковного права в первой половине XX века : поиск методологии. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 47.

1) богословский, т. е. догматический (митр. Филарет, митр. Макарий, прот. И. М. Скворцов, М. И. Богословский, П. А. Лошкарев, А. И. Алмазов);

2) юридический, заключающийся в отождествлении права и закона, акценте на принуждении и подчинении частной воли объективному нормированию, восходящий к юридическому позитивизму;

3) подход, объединяющий концепцию Н. А. Заозёрского, предлагающего «отказ от построения системы церковного права», а также работы М. П. Альбова и Н. С. Суворова и их «обращение к западным правовым системам»³.

Критический анализ современных теоретико-правовых взглядов на статус церковного права в системе права Российской империи конца XVIII – начало XX в. выходит за рамки данного исследования, однако следует указать на спорность предлагаемой автором дифференциации методологических подходов к церковному праву в трудах российских канонистов указанного периода.

Комплексный подход к изучению права Церкви вообще, а также метод синхронистического анализа канонического права Западной и Восточной его рецепций, в частности, позволяет сделать вывод о том, что критерием дифференциации поисков пути права Церкви русскими канонистами определялся двумя противоположными мировоззренческими концепциями, которые обуславливались экслезисологическим (богословским, догматическим) либо эпистемологическим (философским, научным, исследующим церковное право как право как таковое) акцентом научной мысли. В связи с этим уместным и справедливым представляется выделять всего *два подхода: юридический*, возводящий исследователя и право Церкви к юридическому позитивизму, и его преодоление. Последний, как подход, сводится к попытке избежать недостатка юридизма, рассматривающего Церковь лишь в социологическом аспекте (как если бы она была просто одним из сообществ, основанным на праве), библейски обосновывающего социально-юридическое измерение Церкви, «отыскивающего в Священном Писании базовые принципы философии государства, чтоб применить их к Церкви», использующего аргументацию, «ос-

³ Дорская А. А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2008. С. 21.

нованную на предвзятом светском философском походе к праву – подходе чуждом так называемым иерархическим выдержкам из Нового Завета и специфической природе церковной реальности»⁴. По сути дела, во-втором случае речь идет о **богословском** подходе, дистанцирующемся от всего узкого, сугубо правового.

В связи с этим выделение концепции канонического права Н. С. Суворова в отдельный подход и дистанцирование его от трудов представителей юридической школы в канонистике несправедливы, ибо, как было уже отмечено, многие из представителей юридического подхода, имена которых мы находим в классификации А. А. Дорской, также использовали аргументацию, восходящую к юридическому позитивизму, свойственную католической канонистке. Это нашло отражение почти во всех до-революционных учебниках церковного права, а Н. С. Суворов лишь один из первых на это указал, но об этом ниже.

В отношении концепции Н. А. Заозёрского следует сказать то, что она представляла собой попытку переосмысления Западной канонической науки, но в аспекте православной богословской традиции и являлась, по меткому замечанию И. Борщ, «компромиссной модификацией западного церковного правового учения с его юридической методологией»⁵, что более соотносится с указанным нами выше эпистемологическим мировоззренческим концептом. Следовательно, учение Н. А. Заозёрского можно считать ответвлением юридического подхода в отечественной канонистике.

Утилитаризм В. Ф. Кипарисова, не учтенный в классификации А. А. Дорской, а точнее, разработанный им, опять же, в попытке преодоления юрицизма в канонистике – «утилитарный подход», критерием устроения жизни который видит пользу, в отличие от юридического принципа всё определять правом и нормой (конечно если под «пользой» подразумевать прежде всего «сорботничество» канонов божественному праву с его целью спасения человека), можно отнести более к богословскому подходу или, точнее, к одному из его направлений. Но обо всём по порядку.

Итак, в числе представителей юридического подхода к решению проблем церковной жизни

необходимо назвать профессора Н. С. Суворова. Разрабатывая тему еще магистерской диссертации «О церковных наказаниях»⁶, он столкнулся с проблемой полного отсутствия исследований в этой области в отечественной канонической науке XIX в., к представителям которой ученый и принадлежал. Этот факт обуславливался тем, что вопрос о церковных наказаниях решался в аспекте критического исследования юрисдикции органов церковного управления, поэтому церковные правоведы по «политическим» соображениям не касались этой острой, вместе с тем и «щекотливой» темы.

Представители же светской юридической науки – специалисты в области уголовного права – не затрагивали данных проблем по целому ряду причин, важнейшая из которых заключалась в том, что церковные наказания были вне юрисдикции светского суда, а все церковные правонарушения в действующих на тот момент правовых сборниках были вынесены в отдельные главы и подлежали юрисдикции суда Церкви. Другой причиной являлось то, что светская власть не имела ни юрисдикционных полномочий, ни положительных оснований осуществлять правосудие в отношении лиц церковной иерархии, которые совершили правонарушения, предусмотренные исключительно каноническим законодательством, но не государственным уголовным законом.

Была и третья причина, исключительно канонического свойства, однако, учитываемая светской властью и общественной нравственностью того времени. Она заключалась в каноническом запрете творить мирянам правосудие над священнослужителями. Это представлялось оскорблением пастырского звания и унижением достоинства Церкви, так как предполагалось суждение о нравственных мотивах деяния, что дозволительно лишь лицам равного или более высокого иерархического звания.

В связи с этим важнейший принцип судебного разбирательства в церковном суде – «закрытость» (ст. 5 разд. I «Положение о церковном суде»). Это же и обуславливало политику, проводимую духовными властями Церкви, направленную на отстаивание неприкосновенности своей юрисдикции над духовными лицами, особенно по уголовным составам. Что в своей совокупно-

⁴ Борщ И. В. Указ. соч. С. 54.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Суворов Н. С. О церковных наказаниях : опыт исследования по церковному праву Н. Суворова. СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. 338 с.

сти и объясняло отсутствие у правоведов, особенно специалистов в области уголовного права, интереса к проблеме церковных наказаний как к предмету, не относящемуся к светской юриспруденции, а также в целом отсутствие научных трудов по этой проблематике.

Данный факт, в свою очередь, предопределял интерес русских правоведов к достижениям Западной канонистики, юридический подход которой к осмыслению природы Церкви и ее права насчитывал уже многовековую историю и был тщательно разработан. Этим же объясняется и исключительный юридизм исследований Н. С. Суворова, акцент которых был сделан не на богословско-догматическом понимании, а на правовом. В этом смысле его работа «О церковных наказаниях...» (см. выше) была по сути первым теоретико-правовым исследованием и, по мнению П. В. Гидулянова, русского и советского правоведа, отличалась от работ его современников.

Последовательное применение юридического подхода к исследованию проблем права Церкви проявлялось в том, что Н. С. Суворов использовал не только юридические разработки Западной канонистики, но, помимо изучения церковных канонов, обращался и к светскому законодательству.

С последовательной критикой взглядов Н. С. Суворова выступил А. С. Павлов, что, по всей видимости, послужило основанием для А. А. Дорской⁷ отнести научные взгляды этих правоведов к разным школам отечественной канонической науки. Однако укажем на то, что А. С. Павлов выступал не против юридизма в трудах Н. С. Суворова, данный подход он как раз разделял и был официальным оппонентом на защите докторской диссертации Н. С. Суворова, высоко ее оценивая. Но жесткую критику и неприятие со стороны А. С. Павлова вызывала идея Н. С. Суворова о влиянии на русское и юго-славянское церковное право в процессе его становления и развития, наряду с византийским, западного канонического права⁸.

⁷ См.: Дорская А. А. Указ. соч. С. 21–22.

⁸ Наиболее ярко это напряженное противостояние научных взглядов отражают работы Н. С. Суворова «Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права» (1888 г.), А. С. Павлова «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права» (1892 г.), а также ответ на критику А. С. Павлова – мо-

Юридический подход в русской науке церковного права наиболее ярко иллюстрирует мнение Н. С. Суворова о необходимости разделять «отвлеченное – религиозную сферу богословских вопросов» от «практической сферы церковного порядка»⁹. В сфере же церковного порядка Западной церкви Н. С. Суворов приписывает «не только самостоятельную правообразовательную деятельность, но и влияние на Восток вообще, и в частности на древнеславянское церковное право»¹⁰.

В аспекте логики проводимого исследования интересным представляется не сам предмет спора о влиянии Запада на Восток, но, если выйти за эти рамки, очевидными становятся синхронизированность юридических подходов названных ученых в отношении Церкви, права и места права в Церкви, а также тождество их взглядов на необходимость дифференциации богословской сферы от «практической сферы церковного порядка», т. е. того, что и аргументировал Н. С. Суворов.

Так, А. С. Павлов пишет: «...по своему содержанию наука церковного права находится, правда, в тесной связи с богословскими науками...но все заимствования из богословских наук не изменяют характера нашей науки как юридической...(она) все чисто богословские элементы в своем содержании подчиняет юридической точке зрения». И, далее, он указывает на необходимость разделять догматические богословские понятия, которые «не входят в круг предметов, подлежащих рассмотрению в науке церковного права», от исключительно правовых, раскрывающих порядок в Церкви, «как во внешнем человеческом союзе, имеющем свою особенную организацию и стоящем в известных отношениях к другим человеческим союзам»¹¹.

Таким образом, основоположники русской канонистики А. С. Павлов и Н. С. Суворов методо-

нография Н. С. Суворова «К вопросу о западном влиянии на древнерусское право» (1893 г.), еще раз обосновывающая имплементацию правовых концепций западной канонистики в отечественную церковно-правовую науку и влияние ее на последнюю.

⁹ См.: Томсинов В. А. Н. С. Суворов. Биографический очерк // Суворов Н. С. Учебник церковного права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. I–XIII.

¹⁰ Суворов Н. С. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. По поводу книги проф. А. С. Павлова «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права» от 1892 г. Ярославль, 1893. С. V.

¹¹ Павлов А. С. Указ. соч. С. 16–17.

логически реализовывали единый юридический подход к решению проблем в отечественной церковно-правовой науке. Следовательно, они оба, несмотря на существовавшую между ними дискуссию, восходили к юридическому позитивизму, свойственному именно Западной канонической науке, и подтверждали ее влияние на отечественную. Отображение этого факта можно найти и в трудах других русских канонистов (например, И. С. Бердников и др.).

Неким компромиссом или «модификацией западного церковно-правового учения с его юридической методологией»¹² явились труды профессора Н. А. Заозёрского¹³. По сути дела, концепция Н. А. Заозёрского – это не противопоставление Восточной канонистики Западной, но попытка ее переосмысления в традиционном аспекте, с учетом специфики православной канонической науки. Наиболее ярко его юридический подход к Восточной канонистике раскрывается в дискуссии с немецким церковным историком – профессором Р. Зомом, в которой он выступает против его идеи о несвойственности права как явления церковной природе. Напротив, в своих трудах Н. А. Заозёрский аргументировал имманентность юридического фактора – Церкви как союзу верующих, как одному из социальных институтов, утверждая, что божественное право совершенствует право человеческое.¹⁴ Интересным представляется его утверждение о том, что призванием Церкви или одной из целей ее социальной деятельности и миссий в этом мире является совершенствование правосознания общества.

Н. А. Заозёрский, признавая авторитет Западной канонистики, указывает на применимость ее разработок для отечественной лишь в определенной интерпретации, а «право пра-

¹² Борщ И. В. Указ. соч. С. 59.

¹³ См., например: *Заозёрский Н. А. О священной и правительственной власти и о формах устройства православной церкви*. М. : Университет. тип., 1891. 272 с. ; *Его же. Историческое обозрение источников права Православной Церкви* : науч. лит. Вып. 1 (канонические источники). М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1891. 275 с. ; *Его же. К вопросу об отношении между государством и церковью* // *Богословский вестник*. 1912. № 3. С. 637–646 ; *Его же. О церковной власти*. Сергиев Пасад : 2-я тип. А. И. Снегирёвой, 1894. 480 с.

¹⁴ См.: *Зом Р. Церковный строй в первые века христианства* / пер. с нем. А. Петровского, П. Флоренского // *Заозёрский Н. А. О сущности церковного права* : против воззрений проф. Р. Зомы. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 320 с.

вославной Греко-Восточной Русской Церкви как предмет специальной юридической науки» (здесь в контексте рассуждения воспроизводится название одного из фундаментальных трудов автора), несмотря на ее (науки), относительно Западной, молодость, считал ее (науку) уникальным правовым явлением, отличной от других правовых систем, обладающей своей спецификой, стилем и свойственными только ей особенностями. Среди проблем канонического права, которые и по сей день не решены, автор называет отсутствие кодификации нормативно-правового материала.

Оппонентом его взглядов выступал Н. С. Суворов, который строил свой критический анализ на фундаменте юрицизма права Церкви, но это не означало, что его научный «визави» в лице Н. А. Заозёрского в своем мировоззрении отошел от юридического подхода. Напротив, несмотря на попытки дистанцироваться от идеи западного влияния на право Восточной Церкви, системно доказывая уникальность отечественной канонической науки, Н. А. Заозёрский по своему мировоззрению являлся проводником юридического подхода. Однако, как справедливо отмечает И. В. Борщ, он не был последовательным учеником западных «учителей»,¹⁵ но, предприняв попытку переосмыслить западный подход к праву Церкви, безусловно, создал оригинальное, глубокое учение, вместе с тем не вышедшее за рамки юрицизма и ставшее его «компромиссной модификацией».

Заимствование отечественными церковными правоведами научных и методологических направлений, свойственных Западной канонической науке, привело к имплементации юридического подхода к праву в Восточную канонику, что породило другую крайность – утилитаризм в русской науке церковного права, провозглашающего как антипод детальной регламентации и организационно-дисциплинарному устройству правом жизнедеятельности Церкви пользу. Труды профессора В. Ф. Кипарисова явились не модификацией, как у Н. А. Заозёрского, но оригинальной попыткой действительного преодоления императивных тенденций юрицизма в отечественной, да и вообще общецерковной канонической науке.

В работах В. Ф. Кипарисова мы находим, как и у Н. А. Заозёрского (имеется в виду его под-

¹⁵ См.: *Борщ И. В. Указ. соч. С. 57.*

ход к проблеме изменчивости канонов), одну из первых попыток в отечественной канонистике отойти от догматизации канонов, восполнить отсутствие классификации предложением научно обоснованных критериев их систематизации с выделением групп тех, которые, как и в концепции Н. А. Заозёрского, имеют не абсолютный, но относительный, изменяемый характер.

Акцент на богословских и теоретических проблемах церковного права В. Ф. Кипарисов стал делать в ранних своих публикациях задолго до возникновения общецерковной дискуссии по этой проблематике. Несмотря на то что многие аспекты магистерской и докторской диссертаций В. Ф. Кипарисова имели преимущественно исторический характер, тем не менее они относятся к области церковного права, развитие отдельных институтов которого составляли основу его научной деятельности.

В особенности интерес представляет докторское исследование В. Ф. Кипарисова «О церковной дисциплине», посвященное вопросам разграничения «веры» и «дисциплины»¹⁶. Суть подхода к решению данной проблемы ученый видел в сущности церковной дисциплины, которая обуславливается порядком церковной жизни, формирующимся: 1) из порядка в общественной деятельности представителей церковной иерархии и представителей церковной власти; 2) из порядка в частной жизни всех членов церковного сообщества; этим порядком должны достигаться базовые цели, а именно «благообразие и благоустройство» церковной жизни, а также «польза» для Церкви вообще и каждого ее члена в частности.

Во-первых, очевидным представляется стремление В. Ф. Кипарисова преодолеть влияние западного юрицизма в праве попыткой не использовать юридическую терминологию, заменяя ее богословскими либо общими понятиями, например, не норма, закон, а дисциплина, порядок..., не законодательные и исполнительные органы, а «деятельность властных и служащих лиц» и т. д.

Во-вторых, если юридический подход ассоциирует право вообще с законом, закон – со справедливостью, – и во всём этом видит способ эффективной регламентации общественной жизни, а в праве Церкви именно с канона-

ми, т. е. с правовыми предписаниями, связывает возможность конструктивного устройства жизнедеятельности Церкви, то В. Ф. Кипарисов над всем этим определяющим критерием ставит «пользу» и «благообразие», очевидно, имея в виду слова Апостола Павла: «Всё должно быть благоугодно и чинно» (Ап. Павел 1 Кор. 14, 40.). (Поэтому, кстати говоря, И. Борщ предлагает назвать такой подход, где критерием и основным инструментом устроения жизни церковного сообщества является не право, а «польза», «утилитарным»¹⁷).

В-третьих, логическим следствием такого подхода к устроению жизни в Церкви стал вывод В. Ф. Кипарисова о неперменном свойстве дисциплины, которым является «изменяемость, обусловленная изменяемостью условий», т. е., по сути дела, речь идет о зависимости порядков Церкви от условий ее исторического развития, обуславливаемого «пользой». Это был симбиоз двух крайних точек зрения на правила Церкви, существовавшие в отечественной канонистике, а именно концепций «абсолютизации» канонов (Иоанн (Соколов) еп. Смоленский) и «относительности» канонов и их зависимости от условий «места» и «времени» (проф. И. В. Чельцов).

В. Ф. Кипарисов, в свою очередь, считал возможным в целях усовершенствования изменять церковную дисциплину, а следовательно, изменять либо отменять правила Церкви в связи с изменяющимися историческими обстоятельствами. Таким образом, ученый наряду с неизменяемыми правилами выделяет еще «прецедентные» и «административные», которые объединяет то, что их появление стало скорее реакцией на исторические обстоятельства «места» и «времени», а значит, они могут отменяться и считаться условными.

Подобный подход к каноническим правилам носит спорный характер, опровергаемый историей Церкви, так как если обстоятельства «места» и «времени» изменились, то это не значит, что они не повторятся, а следовательно, правило будет востребовано и применимо. В связи с этим сложно согласиться с верностью выбора критерия классификации канонов по признаку «изменяемости» как Н. А. Заозёрским, так и В. Ф. Кипарисовым, ибо над церковными канонами не должны довлеть обстоятельства «места» и «времени» в этом лихорадочно изменяющем-

¹⁶ См.: Кипарисов В. Ф. О церковной дисциплине / [Соч.] В. Кипарисова, проф. Моск. дух. акад. Сергиев Пасад : 2-я тип. А. И. Снегирёвой, 1897. С. 135.

¹⁷ См.: Борщ И. В. Указ. соч. С. 61.

ся мире. Представляется, что главным критерием, единственно допустимой формой «изменяемости» канонов в виде «отмены», т. е. прекращения их действия, должно быть несоответствие церковных правил нормам Божественного права. Историческим примером тому могут послужить постановления «Стоглава» («Уложение» – сборник церковных канонов, принятый главным церковным законодательным органом – Поместным Собором 1551 г. и разделенный по аналогии с «Судебником Ивана Грозного» на 100 глав), многие из которых, касающиеся богослужебной практики («о двуперстии», «о сугубой аллилуии»), были отменены Большим Московским Собором 1677 г., как не соответствующие учению Церкви и принятые «простотою и невежеством» отцов «Стоглава».

Если же каноны приняты в «духе и истине» норм божественного права, то Церковь не имеет права их отменять, даже если и изменились исторические условия жизни общества, нравственное состояние которого, к сожалению, характеризуется непрерывным «обмирщением», отступлением от веры и высоты соответствия нравственным предписаниям Церкви и духовной деградацией. Здесь отчасти хотелось бы согласиться с И. В. Борщ. Причем согласиться даже не в том, что вывод В. Ф. Кипарисова о применении икономии к канонам и акривии к нравам «вскрывает несостоятельность утилитарного подхода», как и не в том, что обстоятельства неиспользуемости или недействия канонов, которые уподобляются «мостам над высохшим руслом реки», свидетельствуют не о необходимости «исключать каноны из корпуса правил», а напротив, о необходимости возрождения практики их применения, т. е. «наполнение высохшего русла водой» и «возвращение реки в ее русло». Это очевидно, хотя звучит утопично. Мы согласны с тем, что данный подход несостоятелен, но именно в связи с его незаконченностью в редакции В. Ф. Кипарисова, а не с категоричностью его позиции о неприменимости утилитарного подхода к оценке канонов права Церкви – с этим согласиться сложно.

Идея о необходимости сохранять «лучшее и полезнейшее» в правилах, приспособляемая это к условиям новой жизни, приводит В. Ф. Кипарисова к выводу о том, что церковные порядки не могут существовать только сами для себя, «бесцельно». То есть порядок не самоцель, но средство. Иными словами, проблема изме-

няемости канонов привела ученого к проблеме критериев содержания церковной жизни и рассуждению о церковной пользе, а неразработанность понятия «польза», в свою очередь, привела к порядку, восходящему к божественному праву.

Данный вектор рассуждения заставляет обращаться к критериям содержания канонов, т. е. к проблеме, ставшей «камнем преткновения» в научных изысканиях В. Ф. Кипарисова, так и не разрешенной им, что привело его к развороту разрабатываемого им утилитарного, многообещающего по предполагаемым результатам подхода, к юридическому подходу, к которому в конечном счете ученый и вынужден был апеллировать.

На основании этого И. В. Борщ резюмирует, что утилитарный подход В. Ф. Кипарисова, пытаясь преодолеть крайности юрицизма, через безысходность крайности утилитаризма, пришел к выводам, предполагающим тот же юрицизм. Следовательно, критерий пользы, как и критерии права и власти не могут быть основанием для понимания и оценки церковных канонов. Но далее И. В. Борщ противоречиво рассуждает о том, что в выражениях «церковное право» и «церковная польза» акцент должен делаться на слово «церковная», а критерий оценки названных категорий должен быть экклезиологическим. Иными словами, все проблемы церковного права необходимо рассматривать «экклезиологически, на почве догматического учения о Церкви, через адекватное понимание природы Церкви»¹⁸.

Однако зададимся вопросом, разве адекватное познание природы Церкви не достигается восхождением к осмыслению тех целей и задач, которые преследовал Спаситель, основывая свою Церковь, и не соотносится ли введенное В. Ф. Кипарисовым понятие «пользы» с целями и задачами, которые стоят перед Церковью.

Ответ очевиден. Сошествие Спасителя, Его вочеловечивание, основание Им Церкви преследуют цель спасения человека. Следовательно, оценивать право Церкви, а также его содержание необходимо не только экклезиологически, но и сотериологически.

Всё, что содействует спасению человека, является полезным и должно быть критерием как церковных порядков, так и оценки содержания права Церкви, т. е. ее святых канонов, святость

¹⁸ Борщ И. В. Указ. соч. С. 63–64.

которых обуславливается их соответствием Заповедям Спасителя, это же и определяет их неизменяемость, как и то, что канон изначально – «правило веры», а затем уже «образец действия».

Чаще всего выходом из противостояния двух противоречивых концепций является компромисс – «золотая середина», которая не даром зовется «царским путем», так как он примиряет не крайние противоположности, не добро со злом и не является теми «двумя стульями», на которых, как известно, не усидишь, но связывает, сочетает два противостоящих, не схожих, но и не взаимоисключающих подхода. Именно к таким, на наш взгляд, относятся «юридический» и «утилитарный» подходы к каноническому праву Восточной Церкви. Таким образом, западная каноническая наука является апологией права Церкви в аспекте правовой методологии.

На Востоке от осознания уязвимости юридического подхода возникают попытки его преодоления в аспекте экклезиологического, т. е. догматического осмысления Церкви, ее задач и ее права. Вместе с этим определяется недопустимость восприятия Церкви как союза, основанного исключительно на естественном праве. В связи с этим выходом из дуалистического тупика видится эклектизм указанных подходов к решению методологических проблем Восточной канонистики.

Библиографический список

Борщ И. В. Русская наука церковного права в первой половине XX века : поиск методологии. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.

Дорская А. А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2008. 41 с.

Заозерский Н. А. Историческое обозрение источников права Православной Церкви : науч. лит. Вып. 1 (канонические источники). М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1891. 275 с.

Заозерский Н. А. К вопросу об отношении между государством и церковью // Богословский вестник. 1912. № 3. С. 637–646.

Заозерский Н. А. О священной и правительственной власти и о формах устройства православной церкви. М. : Университет. тип., 1891. 272 с.

Заозерский Н. А. О церковной власти. Сергиев Пасад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1894. 480 с.

Зом Р. Церковный строй в первые века христианства / пер. с нем. А. Петровского, П. Флоренского // Заозерский Н. А. О сущности церковного права : против воззрений проф. Р. Зома. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 320 с.

Кипарисов В. Ф. О церковной дисциплине / [Соч.] В. Кипарисова, проф. Моск. дух. акад. Сергиев Пасад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1897. 346 с.

Павлов А. С. Курс Церковного права. СПб. : Лан, 2002. 384 с.

Суворов Н. С. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. По поводу книги проф. А. С. Павлова «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права» от 1892 г. Ярославль, 1893. 296 с.

Суворов Н. С. О церковных наказаниях : опыт исследования по церковному праву Н. Суворова. СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. 338 с.

Томсинов В. А. Н. С. Суворов. Биографический очерк // Суворов Н. С. Учебник церковного права / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2004. С. I–XIII. 504 с.

References

Borsch I. V. The Russian science of Church law in the first half of the 20th century : a search for methodology. Moscow : LKI Publishing House, 2008. 224 p.

Dorskaya A. A. Church law in the legal system of the Russian Empire of the late XVIII – early XX centuries : dr. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2008. 41 p.

Zaozersky N. A. Historical review of the sources of law of the Orthodox Church : scientific lit. Issue 1 (canonical sources). Moscow : M. G. Volchaninov's Type, 1891. 275 p.

Zaozersky N. A. On the question of the relationship between the state and the Church // Theological Bulletin. 1912. No. 3. P. 637–646.

Zaozersky N. A. On sacred and governmental authority and on the forms of organization of the Orthodox Church. Moscow : University. tip., 1891. 272 p.

Zaozersky N. A. On Church Authority. Serгиеv Posad : 2nd type. A. I. Snegireva, 1894. 480 p.

Zom R. The Church system in the first centuries of Christianity / transl. from German by A. Petrovsky, P. Florensky // Zaozersky N. A. On the essence of Church law : against the views of Professor R. Zom. St. Petersburg : Oleg Abyshko Publishing House, 2005. 320 p.

Kiparisov V. F. On Church discipline / [Op.] V. Kiparisova, prof. Moscow spirit. akad. Serгиеv Posad : 2nd type. A. I. Snegireva, 1897. 346 p.

Pavlov A. S. Course of Church law. St. Petersburg : Lan, 2002. 384 p.

Suvorov N. S. On the question of Western influence on Ancient Russian Law. Concerning the book by Professor A. S. Pavlov «Imaginary traces of Catholic influence in the oldest monuments of South Slavic and Russian Church law» from 1892. Yaroslavl, 1893. 296 p.

В. А. Минор

Методологический дуализм Восточной канонистики: проблемы юридизма и утилитаризма...

Suvorov N. S. On church punishments : the experience of research on church law by N. Suvorov. St. Petersburg : Type. and chromolith. by A. Transhel, 1876. 338 p.

Tomsinov V. A. N. S. Suvorov. Biographical sketch // Suvorov N. S. Textbook of Church law / ed. by V. A. Tomsinov. Moscow : Zertsalo, 2004. P. I–XIII. 504 p.

Воронежская православная духовная семинария

Минор В. А., кандидат юридических наук, преподаватель

E-mail: v999tkk@yandex.ru

Voronezh Orthodox Theological Seminary

Minor V. A., Candidate of Law, Lecturer

E-mail: v999tkk@yandex.ru

Received: 01.10.2025

Поступила в редакцию: 01.10.2025

Для цитирования:

Минор В. А. Методологический дуализм Восточной канонистики: проблемы юридизма и утилитаризма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/122-130>

For citation:

Minor V. A. The methodological dualism of Eastern canon law: problems of legalism and utilitarianism // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/122-130>

СИОНИЗМ: ОТ ИДЕИ К ГОСУДАРСТВУ

А. В. Зырянов

Южно-Уральский государственный университет

ZIONISM: FROM IDEA TO STATE

A. V. Zyrianov

South Ural State University

Аннотация: исследуется история сионистского движения, определяются его факторы, идеологическая основа, а также изучается влияние идей сионизма на практику государствогенеза Израиля. Идеи сионизма стали фундаментом для израильского законодательства, на их основе формируется национальное конституционное правотворчество. Это позволяет говорить о том, что, с одной стороны, идеи сионизма остаются актуальными для израильского общества, с другой – что эти идеи и практика их реализации являются специальным предметом политико-правового анализа уникального опыта в новейшей истории, демонстрирующего истинность положения, касательно сущности государства, первичности идейно-организационной основы относительно территориального признака.

Ключевые слова: сионизм, история, политическое движение, идеология, еврейский народ, алия, Палестина, Государство Израиль.

Abstract: the article is devoted to the study of the history of the Zionist movement, the definition of its essence, ideological basis, as well as the study of the influence of the ideas of Zionism on the practice of the state of Israel. The ideas of Zionism became the foundation for Israeli legislation, and national constitutional law-making is being formed on their basis. This allows us to say that, on the one hand, the ideas of Zionism remain relevant to Israeli society, on the other hand, that these ideas, and the practice of their implementation, are a special subject of political and legal analysis of the unique experience in recent history, demonstrating the truth of the position concerning the essence of the state, about the primacy of the ideological and organizational basis regarding the territorial feature.

Key words: Zionism, history, political movement, ideology, Jewish people, Aliyah, Palestine, State of Israel.

Термин «сионизм» появился в 1890-х гг. и был впервые озвучен Натаном Бирнбаумом на собрании в Австрии¹, однако идея, заключенная в нем, возникла намного раньше. Слово «сионизм» происходит от названия горы Сион, являющейся частью западного холма Иерусалима. Само происхождение такого движения, как сионизм, имеет религиозную причину: образ Сиона является одним из символов иудаизма, занимает центральное положение в религиозных ритуалах евреев.

¹ См.: Шаповалов М. С. «Либеральный курс» британской политики в Палестине 1922–1928 годах // Исторический ежегодник. 2009. С. 7.

Кроме того, Палестина, на территории которой и был расположен Иерусалим, – это историческая родина еврейского народа, поэтому возникновение сионизма продиктовано не только религиозной подоплекой, но и идеей осознававших свое этническое и религиозное единство евреев вернуться на исконную родину. Несмотря на то что еврейский народ утратил собственную территорию и был рассеян по многим странам, его связь с исконными землями не была полностью разорвана: происходили постоянные миграции евреев в Палестину; в Иерусалиме, Сафед и других провинциях находились еврейские общины. Эти предпосылки стали основой для начала поселенческого сионизма.

Однако сионизм имеет и политическую составляющую. Возникновение, а также активная популяризация сионистского движения связаны с ростом антисемитских настроений в конце XIX в. Наиболее яркими проявлениями антисемитизма, вызвавшими общественный резонанс, стали еврейские погромы в России, происходившие в начале 1880-х гг., а также притеснения евреев во Франции, результатом которых стало дело Дрейфуса, в ходе которого французского офицера, еврея по национальности, несправедливо обвинили в шпионаже. Усиление дискриминации евреев по национальному признаку вызвало активизацию сионистского национально-освободительного движения.

Другой предпосылкой стала активизация деятельности интеллигенции в XVIII–XIX столетиях. Публикации на тему возвращения евреям исторической родины получили большое распространение в Англии, Франции и других европейских странах. Наиболее известными сторонниками этой идеи являлись Наполеон Бонапарт, обещавший евреям вернуть им земли Иерусалима, американский политический деятель Мануил Ной, предлагавший евреям основать собственный штат в Америке, голландский принц Карл де Линь, развивающий идею создания государства в Малой Азии. Свое распространение идеи сионизма получили и в России – наиболее активно их продвигал декабрист П. И. Пестель, поддерживавший ту же точку зрения, что и Карл де Линь².

Итогом роста популярности идей сионизма стало появление множества проектов по созданию еврейского государства. Наиболее известными трудами стали «В поисках Сиона» рава Цви-Гирша Калишера и «Рим и Иерусалим» Мозеса Гесса. Цви-Гирш Калишер³ распространял идею переселения евреев в Эрес-Израэль и называл возвращение евреев на эти земли важной миссией, возложенной на еврейский народ Богом.

Труд Мозеса Гесса⁴ стал реакцией на взрыв антисемитизма: в своей книге он изложил идеи сохранения национальной самобытности ев-

рейского народа, вытекающей из его высокой религиозности и морального облика. Позднее работа Мозеса Гесса стала классикой сионизма. Еврейский политический деятель Теодор Герцль, сыгравший большую роль в реализации идей сионизма, сказал о книге Мозеса Гесса: «Всё, что мы пытались сделать, есть в его книге». В. Лакер же отмечал, что труд Мозеса Гесса «значительно опередил свое время». Несмотря на то что публикация этих трудов не дала мгновенной реакции, позднее они привели к росту национального самосознания внутри еврейского народа.

Эти события, а также череда еврейских погромов, произошедших в странах Восточной Европы, стали причиной начала крупномасштабных миграций евреев в Палестину в 1882–1904 гг., в истории ставших известными как Первая алия⁵.

Началом формирования политического сионизма принято считать 1896 г. Именно в это время еврейский политический деятель Теодор Герцль поднял еврейский вопрос – путь Теодора Герцля начинается с издания книги «Еврейское государство». В своей работе Герцль выдвигает потрясшую общество мысль о том, что ассимиляция евреев в европейском мире провалилась, что полное слияние еврейского народа с европейским невозможно. Также он описывает предлагаемую им форму еврейского государства: начать создание страны он планировал с основания двух органов – «Еврейского общества», которое должно было выполнять функцию политического управления, и «Еврейской компании», выполняющей преимущественно экономическую функцию (ведение торговли, регулирование коммерческих отношений и т. д.).

Герцль рассматривал в качестве формы правления нового государства аристократическую республику или парламентскую монархию, он был противником теократии. Население Герцль наделял определенными правами и свободами – свободой вероисповедания, равенством каждого перед законом и др. Определил Герцль и государственную символику – флаг с семью звездами на белом полотне, на котором звезды символизировали семь рабочих часов, а белый цвет – «чистоту новой жизни».

В качестве решения земельного вопроса Герцль желал добиться международного одо-

² См.: Лакер В. История сионизма. М., 2000. С. 65.

³ См.: Черепанов А. С., Хазанов О. В. Сравнительный анализ взглядов М. Лайтмана и П. Полонского на еврейскую историю // Вестник С.-Петербург. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2020. С. 10–11.

⁴ См.: Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М., 2004. С. 55.

⁵ См.: Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-first-aliyah-1882-1903> (дата обращения: 11.01.2023).

брения перехода Палестины в полную собственность еврейского народа (сначала он также отмечал возможность перенести государство в Аргентину, но к маю 1896 г. отказался от этой идеи). Герцль отметил, что лишь следуя этому пути, можно создать полностью автономное государство.

Ученые В. Лакер и Ш. Авинери говорят о неоригинальности идей, изложенных в труде Теодора Герцля. Однако Ш. Авинери отмечает: «Историческое значение деятельности Герцля заключается не в оригинальности его идей. Истинная заслуга Герцля состоит в том, что он широко осветил еврейский вопрос, заставил общественность обратить на него внимание»⁶.

Теодор Герцль пытался распространить свои идеи несколькими способами. Первоначально он желал привлечь внимание к зарождающемуся движению с помощью денег, которые намеревался занять у богатых евреев, – Герцль запрашивал средства у Ротшильдов, у барона фон Гирша, но успеха не добился. Тогда Герцль решил создать союзнические отношения с наиболее могущественными державами мира. Чтобы добиться этой цели, Герцль совершал визиты в столицы Османской империи, Великобритании, Германии, Российской империи и других стран. Герцль стал добиваться встречи с Вильгельмом II, римским папой, эрцгерцогом Баденским, Витте, Плеве и другими ключевыми фигурами в мировой политике⁷. Первоначально эта кампания не была эффективна: политики шли на контакт неохотно, однако свою роль сыграли настойчивость и авантюризм Теодора Герцля – ему удалось заставить общественность заметить его и обратить внимание на сионистское движение.

В 1897 г., спустя полтора года после издания «Еврейского государства», Т. Герцль созвал Первый сионистский конгресс. Первый конгресс прошел в швейцарском городе Базель. Первоначально Т. Герцль планировал провести конгресс в Мюнхене, но осуществить это не удалось из-за несогласия верхов мюнхенской еврейской общины – они боялись «обвинений в отсутствии патриотизма»⁸.

Конгресс продолжался три дня, всего первый конгресс посетили 204 делегата из 17 стран. Большинство голосом президентом перво-

го конгресса был избран его основатель Теодор Герцль, ему же и было предоставлено вступительное слово. В своем выступлении Т. Герцль определил принципы и задачи сионистского движения. Главной задачей стало следующее: «Заложить краеугольный камень дома, который станет убежищем для еврейского народа».

Второй влиятельной фигурой на Первом сионистском конгрессе был Макс Нордау. М. Нордау стал вице-президентом конгресса, он выступил с докладом «Об общем положении евреев». Другими наиболее важными личностями явились Н. Бирнбаум и Д. Ц. Фарбштейн, выступившие с докладами о целях, задачах и основах сионизма.

Общими усилиями была разработана Базельская программа, легшая в основу последующей деятельности сионистского движения. Была основана Сионистская организация, объединившая всех сторонников сионистского движения, принят ее устав (его составил Г. Йорк-Стайнер). Первым президентом Всемирной сионистской организации был избран Т. Герцль.

Сионистский конгресс собирается по сей день. Позднее заседания сионистского конгресса проходили в различных городах мира. Начиная с 23-го Сионистского конгресса, проходившего в 1951 г. после объявления Израиля независимым государством, конгресс стал собираться в Иерусалиме.

В 1904–1914 гг. прошла вторая крупная волна миграций евреев, в истории получившая название «Вторая алия». Причиной массового переселения евреев в Палестину стали погромы в царской России. Наиболее примечательным погромом, большую роль в котором сыграло вмешательство российской власти (его возглавил глава жандармерии В. К. Плеве), стал Кишинёвский погром. Последствия погрома были разрушительными, он повлек за собой большое число жертв: «Было убито и изувечено несколько сот человек, разграблено и разрушено больше тысячи квартир и лавок»⁹.

В общей сложности в годы Второй алии в Палестину мигрировало около 35–40 тысяч евреев. Многие представители еврейской молодежи в то время были увлечены социалистическими идеями. Это и стало причиной зарождения киббуцного движения.

⁶ Авинери Ш. Указ. соч.

⁷ См.: Лакер В. Указ. соч. С. 141.

⁸ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона, Т. 3. М., 1991. С. 673.

⁹ Шмидт О. Ю. Большая советская энциклопедия. М., 1936. С. 517.

Идеология кибуцного движения состояла в сплетении идей социализма и библейских мотивов¹⁰. Иммигранты желали создать новое продуктивное общество, в котором люди помогали бы друг другу выжить, и одновременно с этим отвечавшее религиозным идеалам. Евреев, придерживающихся этой идеологии, называли халуццимами. Они стремились подавить в людях заложенный капиталистическим укладом эгоизм и жажду наживы. Так появились особые формы коллективной собственности – кибуцы. Для кибуцев характерны объединение средств производства, коллективизация имущества и равенство в потреблении.

Очередной шаг к международному признанию сионистского движения был сделан в 1917 г., когда Артур Бальфур¹¹, британский министр иностранных дел, издал письмо, которое положило начало союзническим отношениям между еврейской общиной и Великобританией. Одной из предпосылок создания этого документа стали притязания Великобритании на земли Палестины. Интересы Британской империи были отражены в меморандуме «Будущее Палестины», который был издан ранее – еще в 1915 г. В своем письме Артур Бальфур давал обещание оказать помощь евреям в создании на территории Палестины «национального дома для еврейского народа». Издавая в 1917 г. документ, позднее ставший известным в истории как Декларация Бальфура, Великобритания привлекала на свою сторону союзника в лице еврейского движения. Письмо А. Бальфура стало одной из причин арабо-израильского конфликта, который не разрешен по сей день.

В 1922 г., по итогам Первой мировой войны в Палестине был установлен британский мандат. После установления мандата и публикации письма А. Бальфура началась третья алия¹². Другими причинами стали очередные еврейские погромы в Венгрии и Польше, а также вспыхнувшая в России Октябрьская революция. По сути, третья алия являлась продолже-

нием второй, прерванной из-за начала Первой мировой войны.

В общей сложности в Палестину во время третьей алии мигрировало 40 тысяч евреев. К 1923 г. еврейское население Палестины возросло до 90 тысяч, несмотря на ограничительные меры, предпринятые британскими властями. Большинство мигрантов являлись халуццимами.

В ходе Третьей алии продолжилось развитие сельского хозяйства, были построены первые промышленные предприятия, основаны Гистатруд (Всеобщая федерация труда), Хагана (еврейская оборонная организация) и представительные учреждения – Выборное собрание и Национальный совет.

После получения Великобританией мандата на Палестину разжегся арабо-израильский конфликт. С целью решения арабо-израильского конфликта в 1925 г. было создано общество Брит Шалом. Члены общества подвергали сомнению права евреев на земли Палестины и в качестве решения проблемы предлагали сформировать тесные союзнические связи между евреями и арабами.

Взгляды Брит Шалом получили неодобрение среди представителей сионистского движения, поэтому вскоре их деятельность практически сошла на нет. Однако на смену Брит Шалом пришло другое общество с похожими идеями – Ихуд. Организация Ихуд просуществовала до середины 1960-х гг.

Следствием укрепления социалистических идеалов среди молодых евреев стало появление движений рабочих. Самыми первыми рабочими партиями были Хапоэль Хацаир, которую основал Шломо Цемах в 1905 г., и Ахдут Хавода на землях Эрец-Исраэль, а также Поалей Цион, созданная в 1900 г. на территории России еврейскими политическими деятелями Бером Бороховым и Шимоном Добиным. Позднее в партии Поалей Цион наступил раскол, партия разделилась на правую (украинскую) и левую (Еврейскую коммунистическую партию) фракции. Из правой фракции в 1919 г. сформировалась рабочая партия Ахдут Хавода. В 1930-е гг. партия Ахдут Хавода слилась с Хапоэль Хацаир в израильскую политическую партию МАПАЙ, которая просуществовала до 1968 г.

В 1924 г. началась Четвертая алия. Из-за антисемитской политики Польши и введения иммиграционных ограничений США в 1924–1929 гг. в Палестину прибыло около 82 тысяч евреев,

¹⁰ См.: Костинский Г. Д. Кибуц – дальний родственник колхоза // Первое сентября. 2002. С. 50.

¹¹ См.: Разумный В. В., Янченко Д. С. Истоки формирования арабо-израильского конфликта: от меморандума «Будущее Палестины» до декларации Бальфура // Архонт. 2019. С. 34–35.

¹² См.: Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-third-aliyah-1919-1923> (дата обращения: 11.01.2023).

23 тысячи из которых впоследствии покинули страну.

В 1929–1939 гг. началась пятая волна миграций евреев в Палестину. Всего за Пятую алию в Палестину переселилось около 250 тысяч евреев, четверть из которых мигрировали из Германии. Причиной этого явления стал нацистский геноцид еврейского населения.

В годы Холокоста количество миграций заметно возросло. Переселенцев было настолько много, что власти Великобритании наложили запрет на въезд в Палестину. Практически все государства закрыли свои границы. Однако волну миграций это не остановило: мигранты продолжали проникать на территорию Палестины нелегально.

Из-за невозможности покинуть Германию возросло число жертв среди еврейского народа. Однако миграции в Палестину удалось продолжить благодаря деятельности организации «Моссад ле-Алия Бет». Задача этой организации состояла в оказании поддержки еврейскому населению, предоставлении помощи в переселении в Палестину и спасении еврейского народа от геноцида¹³.

По-прежнему остро стояла проблема разногласий между арабским и еврейским населением. В 1939 г. в конфликт была вовлечена Великобритания. Поводом стал труд британского министра колоний Малькольма Макдональда, получивший название «Белая книга» (иначе – «Белый доклад»)¹⁴. «Белая книга» содержала ряд положений, не выгодных евреям: на территории Палестины предлагалось создать государство с двумя равноправными нациями – арабами и евреями, что противоречило Декларации Бальфура; вводилась жесткая квота на миграцию евреев, ограничивалось право евреев на покупку земли на территории Палестины. «Белая книга» ущемляла интересы сионистского движения, поэтому была отвергнута евреями. Следствием вовлечения Великобритании в конфликт стал кризис мандатной системы, что вынудило британские власти отказаться от мандата и предложить ООН право разрешать еврейский вопрос¹⁵.

¹³ См.: Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/aliyah-bet-1939-1948> (дата обращения: 11.01.2023).

¹⁴ См.: Шаповалов М. С. Указ. соч. С. 252.

¹⁵ См.: Разумный В. В., Янченко Д. С. Указ. соч. С. 34.

В 1947 г. ООН приняла план по разделу Палестины. Согласно плану, Палестина разделялась на два независимых, экономически самостоятельных государства – еврейское и арабское. Иерусалим же становился международной территорией, находящейся под контролем ООН. Так, 14 мая 1948 г. было образовано самостоятельное еврейское государство Израиль. В 1950 г. кнессетом (законодательный и представительный орган Израиля) принял «Закон о возвращении», позволяющий каждому представителю еврейского народа иммигрировать в Израиль.

План ООН получил одобрение со стороны евреев, однако был воспринят негативно арабским населением. Это стало причиной начала арабо-израильской войны 1947–1949 гг., в истории Израиля получившей название «Война за независимость». Однако арабское население не смогло отстоять свои интересы – победу в войне одержал Израиль. (Арабо-израильское противостояние продолжается и по сей день.)

Таким образом, сионизм сыграл важную роль в формировании государственности Израиля. Идеи сионизма стали фундаментом для израильского законодательства, израильского конституционного права: основы сионизма закреплены в Основных законах «Закон о возвращении», «Иерусалим, столица Израиля», «Израиль – национальное государство еврейского народа» и др. Это позволяет говорить о том, что, с одной стороны, идеи сионизма остаются актуальными для израильского общества, с другой – что эти идеи и практика их реализации являются предметом политико-правового анализа уникального, однако не завершенного опыта в новейшей истории.

Библиографический список

Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. М., 2004. 480 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона, М., 1991. Т. 3. 482 с.

Костинский Г. Д. Кибуц – дальний родственник колхоза // Первое сентября. 2002. 424 с.

Лакер В. История сионизма. М., 2000. 848 с.

Разумный В. В., Янченко Д. С. Истоки формирования арабо-израильского конфликта : от меморандума «Будущее Палестины» до декларации Бальфура // Архонт. 2019. С. 32–36.

Черепанов А. С., Хазанов О. В. Сравнительный анализ взглядов М. Лайтмана и П. Полонского на

еврейскую историю // Вестник С.-Петерб. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2020. С. 4–23.

Шановалов М. С. «Либеральный курс» британской политики в Палестине 1922–1928 годах // Исторический ежегодник. 2009. С. 243–257.

Шмидт О. Ю. Большая советская энциклопедия. М., 1936. 799 с.

Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewish-virtuallibrary.org/the-first-aliyah-1882-1903>

Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewish-virtuallibrary.org/the-third-aliyah-1919-1923>

Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewish-virtuallibrary.org/aliyah-bet-1939-1948>

References

Avineri S. The origin of Zionism. The main trends in Jewish political thought. Moscow, 2004. 480 p.

Brockhaus F. A., Efron I. A. The Jewish Encyclopedia of Brockhaus and Efron. Moscow, 1991. Vol. 3. 482 p.

Kostinsky G. D. Kibbutz is a distant relative of the collective farm // The first of September. 2002. 424 p.

Lacker V. The History of Zionism. Moscow, 2000. 848 p.

Razumny V. V., Yanchenko D. S. The origins of the Arab-Israeli conflict : from the memorandum «The Future of Palestine» to the Balfour Declaration // Archont. 2019. P. 32–36.

Cherepanov A. S., Khazanov O. V. A comparative analysis of the views of M. Laitman and P. Polonsky on Jewish history // Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies. 2020. P. 4–23.

Shapovalov M. S. «The liberal course» of British policy in Palestine in 1922–1928 // Historical Yearbook. 2009. P. 243–257.

Schmidt O. Y. The Great Soviet Encyclopedia. Moscow, 1936. 799 p.

Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewish-virtuallibrary.org/the-first-aliyah-1882-1903>

Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewish-virtuallibrary.org/the-third-aliyah-1919-1923>

Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewish-virtuallibrary.org/aliyah-bet-1939-1948>

Южно-Уральский государственный университет

Зырянов А. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, трудового права

E-mail: zav-nauka@mail.ru

Поступила в редакцию: 19.10.2023

Для цитирования:

Зырянов А. В. Сионизм: от идеи к государству // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 131–136. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/131-136>

South Ural State University

Zyrianov A. V. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Theory of State and Law, Labor Law

E-mail: zav-nauka@mail.ru

Received: 19.10.2023

For citation:

Zyrianov A. V. Zionism: from idea to state // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 131–136. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/131-136>

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЕМ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ*

А. И. Евстафьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ABUSE OF POWER IN PUBLIC LAW REGULATION: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

A. I. Evstafyev

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: исследуется категория «злоупотребление полномочием» в публично-правовом регулировании таких стран, как Франция, Германия и Англия. В процессе сравнения и анализа научных подходов, законодательства и судебной практики указанных государств выявляются ключевые позиции в оценке правового явления, предпосылки его возникновения и отличительные особенности.

Ключевые слова: злоупотребление правом, злоупотребление полномочием, конституционное право, административное право, пределы права.

Abstract: this article examines the concept of «abuse of power» in public law regulations in countries such as France, Germany, and England. Through a comparison and analysis of scholarly approaches, legislation, and case law in these states, it identifies key positions in the assessment of this legal phenomenon, the preconditions for its occurrence, and its distinctive features.

Key words: abuse of law, abuse of power, constitutional law, administrative law, limits of law.

Как следует из положений ст. 1 и 4 Конституции РФ, Российская Федерация является правовым государством, в котором провозглашено верховенство права¹. Учитывая, что верховенство права и доктрина правового государства выражают «функцию права по преодолению публичного и частного произвола и злоупотреблений»², эффективное противодействие

злоупотреблению выступает одним из важнейших аспектов развития отечественного законодательства.

Условиями, предопределяющими возможность существования злоупотребления правом, являются недостаточно конкретизированное правовое регулирование и, как следствие, размытость пределов реализации права.

Между тем в сфере публично-правового регулирования в целом и сфере конституционно-правового регулирования в частности, за редким исключением, не сложилось нормативного запрета на злоупотребление правом.

В числе ключевых проблем для действия такого запрета выступает сложность отграничения нормального использования права от использования права недобросовестным образом. В связи с этим формируется неопределенность вектора законодательного регулирования запрета злоупотребления правом.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1993. № 4. Ст. 410.

² *Виноградов В. А.* Правовое государство и верховенство права : доктрины, конкуренция юрисдикций, обеспечение правовой свободы. Позиции Конституционного Суда РФ в отношении правового государства // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сб. ст./отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М. : ЛУМ : Юстицинформ, 2013. С. 373.

© Евстафьев А. И., 2025

По причине отсутствия достаточного правового регулирования исследуемой категории в конституционно-правовой отрасли складывается такая ситуация, когда противостояние недобросовестной реализации прав (полномочий) практически невозможно³. Хотя вследствие особой значимости объектов конституционно-правового регулирования (основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина и др.) последствия злоупотребления правом в указанной сфере имеют серьезную опасность для общества и государства.

Соответствующая проблема характерна не для всех отраслей отечественного законодательства.

В частности, наибольшее развитие исследуемая категория получила в частноправовом регулировании. Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 10 содержит подробное описание правового явления: формы, виды и последствия⁴. Значительное развитие злоупотребление правом получило и в соответствующей судебной практике, а также в ряде цивилистических доктринальных исследований⁵.

В сфере публично-правового регулирования злоупотребление полномочием встречается в уголовном праве. В Уголовном кодексе Российской Федерации⁶ установлена ответственность, например за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285.4 УК РФ). Анализ статей УК РФ, устанавливающих ответственность за злоупотребление, показывает, что таковое в уголовном законодательстве рассматривается исключительно во взаимосвязи с коррупцией, что напрямую коррелирует с подп. «а» п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который устанавливает,

что коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды...»⁷.

Содержание статей УК РФ⁸, закрепляющих ответственность за злоупотребление полномочием, предусматривает, что соответствующее деяние должно быть совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, а также должно повлечь существенное нарушение прав и (или) законных интересов граждан или организаций, общества или государства.

Любое ли злоупотребление полномочием соответствует указанному описанию? На наш взгляд, нет. Коррупционные деяния, как верно отмечает А. В. Орлов, являются крайней степенью административного произвола и злоупотребления⁹. В связи с этим, по нашему мнению, эти деяния и подлежат рассмотрению в уголовно-правовой плоскости. Крайняя степень произвола и злоупотребления есть наиболее опасное для общества действие уполномоченного субъекта. Но если существует крайнее положение, то существует и менее крайнее, иначе говоря – менее общественно опасные действия, являющиеся по существу злоупотреблением.

Таким образом, формируется «серая зона», в которой отдельные акты реализации права или полномочия могут иметь признаки злоупотребления, но не будут подпадать под признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Более того, важно учитывать, что отдельные властные полномочия реализуются коллегиальными субъектами, что исключает возможность привлечения их к уголовной ответственности.

Учитывая изложенное, в целях определения возможности закрепления запрета на злоупотребление правом в сфере отечественного конституционно-правового регулирования полага-

³ См.: *Евстафьев А. И.* Злоупотребление правом в конституционном праве : постановка проблемы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4. С. 88–101.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ См. например: *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2001. 410 с. ; и др.

⁶ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

⁸ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁹ См.: *Орлов А. В.* Административное правосудие – важнейшее средство пресечения и профилактики злоупотребления властью // Административное право и процесс. 2018. № 11.

ем необходимым рассмотреть действие правовой категории «злоупотребление полномочием» в зарубежном регулировании.

В зарубежном административно-правовом регулировании исследуемое явление принято связывать с существованием у властных субъектов возможности выбора в поведении – дискреции¹⁰, что весьма обоснованно, поскольку дискрецию можно считать источником злоупотребления властью¹¹.

Дискреция также является и необходимым условием как для эффективного государственного управления, так и для осуществления власти в целом, хотя, очевидно, требует установления некоторых рамок (пределов).

С. Е. Тюрин¹², разделяя дискрецию на внутреннюю и внешнюю, указывает, что злоупотребление полномочием существует в пределах именно внутренней дискреции, границы которой выявляются в процессе толкования нормы права. Указанное логично, поскольку именно внутренняя дискреция «предполагает свободу выбора способов и средств реализации полномочий в рамках, установленных законом»¹³.

Как следствие – противодействие злоупотреблению полномочием можно считать разумным и необходимым ограничением усмотрения органов власти. В связи с этим во многих зарубежных правовых регулированиях выработаны институты по контролю именно за соответствием усмотрения уполномоченных субъектов определенным критериям в целях недопущения злоупотребления с их стороны.

Учитывая, что наибольшее развитие злоупотреблением правом получило в странах романо-германской правовой семьи, в которую входит и наше отечественное правовое регулирование, представляется крайне интересным рассмотреть действие правового явления во Франции и Германии. Для рассмотрения качественно иного подхода к соответствующей категории следует учитывать правовое регулирование, сложив-

шееся в Англии. В этом сравнительно-правовом контексте целесообразно рассматривать запрет на злоупотребление правом в рамках национального правового регулирования (право Совета Европы).

В административном праве Франции *détournement de pouvoir* (злоупотребление властью) возникает в том случае, когда уполномоченное лицо «использует свои полномочия в иных целях, нежели те, которые имел в виду закон, предоставивший полномочия»¹⁴. Отметим, что в контексте французского подхода категории «власть» и «полномочие» носят синонимичный характер.

Факт злоупотребления властью выступает в качестве основания для аннулирования нормативного акта вследствие превышения власти. Стоит отметить, что французское административное право содержит четыре соответствующих основания. Два из них апеллируют к формальным элементам акта – некомпетентность органа и погрешность формы акты, а два оставшихся к материальным – противоречие закону и злоупотреблению полномочием (властью) органом власти¹⁵.

Злоупотребление властью, как основание для аннулирования акта, по мнению Ж. Веделя, является «наиболее сложной и тонкой формой судебного контроля»¹⁶. С этим сложно не согласиться, ведь исследование судом акта на предмет наличия злоупотребления властью предполагает выявление субъективных намерений агента власти. Важно отметить, что за властными субъектами Франции установлена обязанность по мотивированию своих решений¹⁷, и это обстоятельство значительно упрощает последующий контроль над ними.

Сложность выявления злоупотребления подтверждается и тем, что французские суды в соответствующих делах часто обращаются к

¹⁴ Ведель Ж. Административное право Франции / пер. с фр. Л. М. Энтина ; под ред. М. А. Крутоголова. М. : Прогресс, 1973. С. 340.

¹⁵ См.: Беше-Головки К. Административная ответственность государства : опыт развития во французском праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1 (68). С. 79.

¹⁶ Ведель Ж. Указ. соч. С. 371.

¹⁷ Code des relations entre le public et l'administration (version consolidée au 1 janvier 2016). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000031366350/LEGISCTA000031367422/ (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁰ См. например: Брэбан Г. Французское административное право / пер. с фр. А. Н. Васильева, О. И. Карпович ; под ред. С. В. Боботова. М. : Прогресс, 1988. С. 193.

¹¹ См.: Стариков Ю. Н. Административное усмотрение – не «свое мнение», а правовое решение! // Административное право и процесс. 2024. № 12. С. 7.

¹² См.: Тюрин С. Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9.

¹³ Стариков Ю. Н. Курс общего административного права. М. : Норма, 2002. С. 456.

косвенным доказательствам, например: о наличии злоупотребления властью может свидетельствовать тот факт, что, отказав в выдаче санкции на открытие фармакологической лаборатории по причине их избытка, министр позднее выдает такое разрешение двум иным просителям, учитывая, что потребности населения не изменились¹⁸. Отметим, что приведенный пример в какой-то степени напоминает доктрину законных ожиданий, сложившуюся в англосаксонской правовой семье, однако рассмотрим ее позднее.

Злоупотребление властью во французском праве принято делить на три вида: 1) злоупотребления, возникающие в силу того, что уполномоченное лицо при реализации полномочий преследует цели, которые отличны от общественно полезных; 2) злоупотребления, когда уполномоченное лицо, реализуя полномочия, преследует общественно полезные цели, отличающиеся от тех, которые он уполномочен преследовать; 3) процессуальные злоупотребления, когда уполномоченное лицо в определенном случае намеренно использует не те процессуальные действия, которые надлежит использовать¹⁹.

Важно обратить внимание, что ключевым элементом при квалификации действия в качестве злоупотребления властью является цель реализации полномочия субъектом.

Порядок выявления злоупотребления властью, сложившийся во французском административном праве, заслуживает отдельного внимания и представляет из себя следующее²⁰.

Во-первых, соотношение цели действия уполномоченного лица с надлежащей целью, т. е. с той, которая предусмотрена законодателем при наделении уполномоченного лица властью. Важно отметить, что нормы права лишь за редким исключением описывают цель полномочий и по большей части, как ранее было отмечено, именно на судью ложится бремя ее выявления.

Целевой критерий реализации полномочий устанавливается на двух уровнях: 1) соответствие цели властных действий общественным интересам; 2) соответствие цели реализации власти определенной общественной цели, применимой к осуществляемым полномочиям.

К первому уровню относятся первичные злоупотребления властью – действия уполномоченных лиц в личных интересах, целях нанесения вреда третьим лицам, целях получения выгоды третьим лицом.

Ко второму уровню относятся вторичные злоупотребления властью – случаи, когда уполномоченный субъект, преследуя цели в интересах общества, ошибочно принял цель, для которой ему были представлены полномочия.

Во-вторых, наличие реального влияния злоупотребления полномочием на содержание административного порядка. Иначе говоря, злоупотребление полномочием должно позволить достигнуть актору поставленные им неправомерные цели.

Факт злоупотребления властью часто является основанием для отмены решений властных субъектов. Например, только за январь 2025 г. различными судами Франции было рассмотрено более 100 дел, в которых заявителями упоминался довод о злоупотреблении со стороны властного субъекта²¹. Конечно, не за каждым доводом следовало признание поведения *entaché de détournement de pouvoir* (запятнанным злоупотреблением властью), суды при таком доводе, как уже отмечалось, требуют наличия веских аргументов.

В одном из дел²² мэр города Монбризон-сюр-Лез санкционировал ремонт проселочной дороги с целью снижения численности диких кабанов, причиняющих большой ущерб фермерам и частным лицам. В результате ремонта дорога была не только отремонтирована, но и значительно расширена, что причинило ущерб собственнику участка, расположенного вдоль дороги.

Как установил суд, в настоящем случае мэр, будучи членом местной охотничьей организации, фактически осуществил ремонт дороги не в целях ее сохранения и снижения численности диких кабанов, а лишь с целью ее расширения для возможности проезда автомобилей членов охотничьей ассоциации. Изложенное, по мнению суда, является злоупотреблением. Интересно заметить, что одним из доказательств того, что настоящая цель мэра города

²¹ См.: По данным с портала. URL: <https://justice.pappers.fr/> (дата обращения: 01.02.2025).

²² См.: Tribunal administratif de Grenoble, 3ème Chambre. Décision du 27 septembre 2024, № 2103598. URL: <https://opendata.justice-administrative.fr/recherche> (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁸ См.: Ведель Ж. Указ. соч. С. 375.

¹⁹ См.: Там же. С. 374–375.

²⁰ См., например: *Auby J.-M. The Abuse of Power in French Administrative Law // The American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18, No. 3. P. 549–564.*

Монбризон-сюр-Лез являлась несоответствующей, оказалось его интервью, размещенное в местной газете о том, что ремонт дороги осуществлен по просьбе местной охотничьей организации.

Правовое регулирование Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) также признает злоупотребление полномочиями и рассматривает его в контексте усмотрения (дискреционных полномочий), которым наделен орган власти.

Й. Пуделька, раскрывая сущность усмотрения, отмечает, что «если какая-либо норма права предоставляет органу управления усмотрение (другими словами, дискреционные полномочия), то под этим подразумевается, что данный орган имеет определенный диапазон для самостоятельного принятия решений»²⁵, что, как мы уже отмечали, располагает к существованию злоупотребления.

Х.-Й. Шрамм, описывая абз. 3 ст. 20 Основного Закона ФРГ, согласно которому «Законодательство связано с конституционным строем, исполнительная власть и правосудие – законом и правом»²⁴, указывает на то, что «исполнительная власть обязана принимать меры только для достижения целей, установленных законом, и не злоупотреблять своими полномочиями в других целях (запрет на злоупотребление дискреционными полномочиями)»²⁵. Из изложенного можно сделать вывод, что в понимании немецкой доктрины злоупотребление полномочием – это нецелевая реализация полномочия агентом власти.

Развитие соответствующих положений встречается в параграфе 40 Закона ФРГ «Об административных процедурах», согласно которому, в случае когда «...орган уполномочен действовать по своему усмотрению, он должен осуществлять свое усмотрение в соответствии с целью предоставления полномочий и соблюдать установ-

ленные законом пределы своего усмотрения»²⁶. Право контроля за таким усмотрением, а также за соответствием его целям и пределами возложено на вышестоящие органы и суд. Важно отметить, что суд также вправе проверить и верность толкования органом власти неоднозначных юридических категорий (например, добросовестность, интерес и др.)²⁷, что вызвано существованием в немецкой науке и практике доктрины «неоднозначных юридических категорий».

Ошибки при реализации усмотрения органами власти в ФРГ разделяют на три группы: 1) превышение пределов усмотрения (когда властный субъект выбирает последствие, выходящее за рамки нормы); 2) злоупотребление свободой усмотрения (когда властный субъект руководствуется не исключительно целью нормы, которой установлено полномочие); 3) недостижение низшего порога усмотрения (когда властный субъект не применяет усмотрение)²⁸.

В контексте настоящей статьи *ermessensmissbrauch* (злоупотребление свободой усмотрения) представляет особый интерес.

По мнению О. Бахоф, такое злоупотребление ограничивается случаем, когда власть определяется незаконными или иным образом не имеющими отношения к делу мотивами: в этом случае орган власти злоупотребляет властью, на которую он имеет право, в целях, не одобренных правовой системой²⁹.

Проверка усмотрения, в частности, на предмет злоупотребления в немецкой практике происходит в два этапа: 1) выявление цели, с которой законодатель наделил властного субъекта полномочием (цель полномочия); 2) оценка конкретной ситуации на предмет соответствия цели агента власти цели полномочия³⁰.

²⁶ *Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVfG) vom 25. Mai 1976*. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/BjNR012530976.html> (дата обращения: 09.02.2025)

²⁷ См.: *Administrative law of the European Union, its member states and the United States : a comparative analysis / ed. by René Seerden*. 2nd ed. Antwerpen : Intersentia, 2007. P. 130.

²⁸ См.: *Грабенвартер К.* Доктрина свободного усмотрения // *Дайджест публичного права*. 2016. № 5 (1). С. 26–27.

²⁹ См.: *Bachof O.* Die Verwaltungsgerichtliche Ermessenskontrolle // *Süddeutsche Juristen-Zeitung*. 1948. Vol. 3, No. 12. P. 745–746.

³⁰ См.: *Административное право зарубежных стран : учебник / И. Ю. Богдановская, С. Ю. Данилов, А. Б. Зеленцов [и др.] ; под ред. А. Н. Козырина, М. А. Штатиной*. М. :

²⁵ *Пуделька Й.* Понятие усмотрения в административном праве Германии и его отграничение от судебного усмотрения // *Вестник СПбГУ. Серия 14. Право*. 2017. № 4. С. 444.

²⁴ *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949*. URL: <https://www.bundestag.de/gg> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁵ *Шрамм Х.-Й.* Принципы государственной организации Федеративной Республики Германия // *Ost/Letter*. 2020. URL: <https://www.ostinstitut.de/startseite> (дата обращения: 22.12.2024).

Так, Х. Маурер и К. Вальдхофф³¹, рассматривая злоупотребление и следуя решению Федерального административного суда ФРГ, приводят пример: роспуск незарегистрированного собрания возможен только в случае и в целях необходимости обеспечения общественного порядка и в случае, если роспуск собрания происходит с целью воспрепятствовать какому-либо политическому или идеологическому мнению, – это есть злоупотребление.

Вопросу о запрете злоупотребления властью уделяется внимание и Венецианской комиссией³². В контрольном списке вопросов для оценки соблюдения верховенства права одним из аспектов верховенства права выступает наличие правовых гарантий, направленных против произвола и злоупотребления полномочиями со стороны органов власти, и, что интересно, злоупотребление полномочием раскрывается через французский подход (*détournement de pouvoir*)³³.

Европейский суд по правам человека указывает, что «согласно устоявшейся прецедентной практике, акт становится недействительным ввиду злоупотребления властью, если на основе объективных, актуальных и последовательных доказательств становится ясно, что он был принят исключительно или в основном для других целей, чем та, ради которой была предоставлена соответствующая власть»³⁴.

Злоупотребление властью нашло отражение и в англосаксонской правовой семье.

Учитывая, что злоупотребление полномочием (властью) в большей части относится к административному праву, надлежит отметить, что соответствующая отрасль длительное время не признавалась в Англии в качестве самостоятельной³⁵. И только в 1970-е гг. суды решительно вы-

ступили в пользу судебного контроля за злоупотреблением полномочиями³⁶.

Между тем, по мнению англичан, «главная задача административного права – это поддержание равновесия между необходимостью иметь эффективную административную власть и защитой отдельных лиц и общества в целом от злоупотребления этой властью»³⁷.

В связи с этим вопросы контроля реализации дискреционных полномочий, вопросы возможности злоупотребления ими являются важными для английского административного права.

Учитывая прецедентную особенность британской правовой системы, отметим, что какого-либо однозначного перечня оснований для признания решений властных субъектов не сложилось.

Так, в деле *Council of Civil Service Unions v Minister for the Civil Service*³⁸ К. Дипломом были выделены такие основания для признания акта власти незаконным, как незаконность, иррациональность и процедурные нарушения (основания Диплома).

Среди доктринальных подходов английских исследователей также сложно встретить системную классификацию соответствующих оснований. Например, Э. Брэдли и К. Юинг разделяют основания для признания акта незаконным на: 1) существенные, включающие превышение власти (*ultra veris*), злоупотребление властью, невыполнение обязанностей, совершение фактической ошибки, совершений действий, несовместимых с правами, предусмотренными Европейской конвенцией по правам человека; 2) процессуальные основания; 3) нарушение законных ожиданий³⁹.

При этом авторы не разграничивают превышение власти и злоупотребление властью, рас-

Спарк, 2003. С. 325–326.

³¹ См.: *Maurer H., Waldhoff C.* Allgemeines Verwaltungsrecht, 19. Aufl., München, 2017. S. 148–149.

³² Европейская комиссия за демократию через право – это особый консультативный орган, созданный при Совете Европы в 1990 г., заключения которого носят рекомендательный (ненормативный) характер.

³³ См.: Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права. Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), 2016. URL: <https://www.venice.coe.int/> (дата обращения: 14.01.2025).

³⁴ Постановление ЕСПЧ от 28 ноября 2017 г. по делу «Мерабишвили против Грузии». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵ См.: Административное право зарубежных стран : учеб. пособие / Л. М. Гудошников, А. А. Жданов,

Е. Г. Пашенко [и др.] ; под ред. А. Н. Козырина. М. : Спарк, 1996. С. 51.

³⁶ См.: *Yardley D. C. M.* The Abuse of Powers and Its Control in English Administrative Law // *The American Journal of Comparative Law.* 1970. Vol. 18. No. 3. P. 565–566.

³⁷ Административное право зарубежных стран : учеб. пособие / Л. М. Гудошников, А. А. Жданов, Е. Г. Пашенко [и др.] ; под ред. А. Н. Козырина. М. : Спарк, 1996. С. 52.

³⁸ См.: *Council of Civil Service Unions v Minister for the Civil Service* [1984] UKHL 9. British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

³⁹ См.: *Bradley A. W., Ewing K. D.* Constitutional and administrative law. 14th ed. London : Longman, 2007. P. 725–756.

крывая основания для признания поведения соответствующим (например, неправомерная цель реализации полномочий, учет нерелевантных обстоятельств при принятии решений, несанкционированное делегирование полномочий другому субъекту и др.).

Как отмечает Е. А. Устюжанинова, «данное различие не имеет особого значения, так как злоупотребление дискреционными полномочиями и превышение их пределов ведут к одному и тому же правовому результату – признанию решения или действия незаконным, или *ultra vires*»⁴⁰.

В представлении судов Англии злоупотребление властью со стороны уполномоченных лиц есть высшая форма несправедливости. Так, в одном из дел, описывая злоупотребление властью, судья С. Браун отметил: «Несправедливость, достигающая злоупотребление властью... является незаконной... потому что для государственного органа нелогично или безнравственно... действовать с явной несправедливостью и в этом смысле злоупотреблять своей властью»⁴¹. В другом деле судья Д. Дайсон применительно к поведению властного субъекта указал: «...Поведение настолько несправедливо, что может быть приравнено к злоупотреблению властью»⁴².

При этом в качестве злоупотребления властью суды рассматривают самые различные нарушения в реализации полномочий.

В деле *Pulhofer and Another v. Hillingdon Borough Council* указано, что «основанием, по которому суды будут рассматривать осуществление административного усмотрения, является злоупотребление властью, например, недобросовестность, ошибка в толковании пределов полномочий, процессуальное нарушение или

неразумность в смысле Веднесбери...»⁴³. В связи с этим можно сделать вывод о весьма широком, если не всеобъемлющем понимании судами Англии исследуемого феномена, что значительным образом отличается от подходов, применяемых во французском и немецком праве.

Учитывая подход к злоупотреблению полномочиями, применяемый во Франции и Германии, проанализируем реализацию полномочий, которая расходится с целью их предоставления властным субъектам.

У. Уэйд отмечает, что «установленная законом власть, предоставленная для общественных целей, предоставляется как бы по доверию, а не абсолютно, т. е. она может быть законно использована только правильным и надлежащим образом, который, как предполагается, имел в виду Парламент, предоставляя ее»⁴⁴.

В деле *Magill v. Porter*⁴⁵ консерваторы в местном совете Лондона (Вестминстер) приняли решение о продаже государственного жилья со значительной скидкой в некоторых округах. Как установил суд, они считали, что люди, которые купят эти дома, с большей вероятностью будут голосовать за консерваторов на выборах, чем арендаторы из социального жилья.

Суд признал такое решение незаконным, указав, что полномочия местных властей должны использоваться только для общественного блага, а не для помощи своей партии в получении голосов на выборах.

Применительно к целям реализации полномочия, также важно отметить, что в случае их множественности ключевой для выявления злоупотребления является именно главенствующая цель, т. е. если она является соответствующей той цели, с которой властный субъект наделен полномочием, можно говорить о законности такого решения⁴⁶. В этой части стоит отметить сходство с подходами в ранее рассмотренных правовых регулированиях.

⁴⁰ Устюжанинова Е. А. Основания для оспаривания решений, действий или бездействия органов публичного управления Великобритании в порядке судебного контроля // Вестник ВятГУ. 2011. № 4-1. С. 97.

⁴¹ *R v IRC, ex p MFK Underwriting Agencies Ltd* [1989] STC 873 // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴² *In Paponette v AG of Trinidad and Tobago* [2010] UKPC 32, [2012] 1 AC 1 // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴³ *Pulhofer and Another v. Hillingdon Borough Council* [1986] 1AC 484 // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴⁴ *Wade H. W. R. Administrative Law*. 5th ed. Oxford : Clarendon Press, 1982. P. 355–357.

⁴⁵ См.: *Magill v. Porter* [2001] UKHL 67 // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴⁶ См.: *Wade H. W. R., Forsyth C. Administrative Law*. 10th ed. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 349.

Отдельно хочется упомянуть доктрину законных ожиданий. Указанная доктрина в настоящее время встречается и в странах континентальной правовой семьи, однако на ее действие мы обращаем внимание именно при исследовании английского регулирования, поскольку считается, что ее первое применение случилось в деле *Schmidt & Anor v Secretary of State for Home Affairs*⁴⁷.

Доктрина законных ожиданий предполагает следующее нормативное требование (закрепление): когда властный субъект создал у гражданина или организации обоснованные ожидания (через обещания, установившуюся практику или публичные заявления), он не может произвольно отступить от них без веских причин и соблюдения процедурной справедливости.

Обычной практикой для государственного органа является объявление политики, которой он намерен следовать по какому-либо вопросу: пока эта политика действует, люди могут обоснованно ожидать, что политика будет применяться к ним, а не будет просто игнорироваться⁴⁸.

Действие доктрины встречается как в материальном, так и процессуальном аспектах английского права⁴⁹.

В одном из дел отмечается: «Если государственный орган берет на себя обязательство провести процесс определенным образом, вызывающим законное ожидание, что процесс будет проведен именно таким образом, то, если только нет веских причин, по которым ему следует позволить отказаться от этого обещания, суд потребует, чтобы это обещание было выполнено. В противном случае государственный орган мог бы злоупотребить своими государственными полномочиями»⁵⁰.

Таким образом, непоследовательное поведение органа власти – это злоупотребление властью, а доктрина правовых ожиданий – способ

защиты граждан и организаций от такого поведения.

Всё сказанное выше дает возможность сделать следующие выводы.

Злоупотребление полномочием (властью) является развитой категорией публично-правового регулирования как в странах романо-германской правовой семьи (Франция, Германия), так и в странах англосаксонской правовой семьи (Англия). Запрет на злоупотребление полномочием (властью) встречается и в правовом регулировании Совета Европы, а правовые гарантии против него являются одним из аспектов для оценки соблюдения верховенства права.

Общим признаком злоупотребления полномочием (властью) в исследованных правовых регулированиях является отклонение цели реализации полномочия властным субъектом от цели, с которой властный субъект этим полномочием наделен. Условным исключением служит правовое регулирование Англии по причине отсутствия разграничения таких категорий, как «превышение пределов власти» и «злоупотребление властью», между тем подход, связанный с соотношением целей, в нем также применяется.

Запрет на злоупотребление полномочием (обязанность действовать властным субъектам в соответствии с целью, с которой субъект наделен властью) является нормативно закрепленным в немецком и французском административном законодательстве.

Наибольший интерес представляет подход, сложившийся во Франции и выражающийся в оценке поведения властных субъектов на предмет соответствия цели в широком смысле (соответствие цели общественным интересам) и в узком смысле (соответствии цели той цели, с которой полномочия властному субъекту предоставлены).

Изложенные подходы, по-нашему мнению, могут быть восприняты в качестве ориентирующих для развития правовой категории в отечественном публично-правовом регулировании.

Библиографический список

Административное право зарубежных стран : учебник / И. Ю. Богдановская, С. Ю. Данилов, А. Б. Зеленцов [и др.] ; под ред. А. Н. Козырина, М. А. Штатиной. М. : Спарк, 2003. 464 с.

Административное право зарубежных стран : учеб. пособие / Л. М. Гудошников, А. А. Жданов, Е. Г. Пашенко [и др.] ; под ред. А. Н. Козырина. М. : Спарк, 1996. 229 с.

⁴⁷ См.: *Schmidt & Anor v Secretary of State for Home Affairs* [1968] EWCA Civ 1 // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴⁸ См.: *Bradley A. W., Ewing K. D., Knight C. J. S. Constitutional and Administrative Law*. 16th ed. Oxford : Oxford University Press, 2022. P. 651.

⁴⁹ См.: Там же. P. 650.

⁵⁰ *Flatley, R (on the application of) v Hywel DDA University Local Health Board & Anor (Rev 1)* [2014] EWHC 2258 // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). URL: <https://www.bailii.org/> (дата обращения: 30.01.2025).

Беше-Головко К. Административная ответственность государства : опыт развития во французском праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1 (68). С. 68–82.

Брэбан Г. Французское административное право / пер. с фр. А. Н. Васильева, О. И. Карпович ; под ред. С. В. Боботова. М. : Прогресс, 1988. 488 с.

Ведель Ж. Административное право Франции / пер. с фр. Л. М. Энтина ; под ред. М. А. Крутоголова. М. : Прогресс, 1973. 512 с.

Виноградов В. А. Правовое государство и верховенство права : доктрины, конкуренция юрисдикций, обеспечение правовой свободы. Позиции Конституционного Суда РФ в отношении правового государства // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М. : ЛУМ : Юстицинформ, 2013. С. 373–395..

Грабенвартер К. Доктрина свободного усмотрения // Дайджест публичного права. 2016. № 5 (1). С. 1–40.

Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2001. 410 с.

Евстафьев А. И. Злоупотребление правом в конституционном праве : постановка проблемы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4. С. 88–101.

Орлов А. В. Административное правосудие – важнейшее средство пресечения и профилактики злоупотребления властью // Административное право и процесс. 2018. № 11.

Пуделька Й. Понятие усмотрения в административном праве Германии и его отграничение от судебного усмотрения // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2017. № 4. С. 443–451.

Старилов Ю. Н. Административное усмотрение – не «свое мнение», а правовое решение! // Административное право и процесс. 2024. № 12. С. 7–13.

Старилов Ю. Н. Курс общего административного права. М. : Норма, 2002. 585 с.

Тюрин С. Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9.

Устюжанинова Е. А. Основания для оспаривания решений, действий или бездействия органов публичного управления Великобритании в порядке судебного контроля // Вестник ВятГУ. 2011. № 4-1. С. 96–101.

Шрамм Х.-Й. Принципы государственной организации Федеративной Республики Германия // Ost/Letter. 2020. URL: <https://www.ostinstitut.de/startseite>

Administrative law of the European Union, its member states and the United States : a comparative

analysis / ed. by René Seerden. 2nd ed. Antwerpen : Intersentia, 2007. 419 p.

Auby J.-M. The Abuse of Power in French Administrative Law // The American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18, No. 3. P. 549–564.

Bachof O. Die Verwaltungsgerichtliche Ermessenskontrolle // Süddeutsche Juristen-Zeitung. 1948. Vol. 3, No. 12. P. 745–746.

Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and administrative law. 14th ed. London : Longman, 2007. 922 p.

Bradley A. W., Ewing K. D., Knight C. J. S. Constitutional and Administrative Law. 16th ed. Oxford : Oxford University Press, 2022. 759 p.

Maurer H., Waldhoff C. Allgemeines Verwaltungsrecht, 19. Aufl., München, 2017. 784 S.

Wade H. W. R. Administrative Law. 5th ed. Oxford : Clarendon Press, 1982. 892 p.

Wade H. W. R., Forsyth C. Administrative Law. 10th ed. Oxford : Oxford University Press, 2009. 898 p.

Yardley D. C. M. The Abuse of Powers and Its Control in English Administrative Law // The American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. No. 3. P. 565–574.

References

Administrative law of foreign countries : textbook / I. Y. Bogdanovskaya, S. Y. Danilov, A. B. Zelentsov [et al.] ; ed. by A. N. Kozyrin, M. A. Shtatina. Moscow : Spark, 2003. 464 p.

Administrative law of foreign countries : studies. manual / L. M. Gudoshnikov, A. A. Zhdanov, E. G. Pashchenko [and others] ; ed. by A. N. Kozyrin. Moscow : Spark, 1996. 229 p.

Beshe-Golovko K. Administrative responsibility of the state : the experience of development in French law // Comparative Constitutional Review. 2009. No. 1 (68). P. 68–82.

Braban G. French administrative law / transl. from french by A. N. Vasilyev, O. I. Karpovich ; ed. by S. V. Bobotov. Moscow : Progress, 1988. 488 p.

Vedel J. Administrative law of France / transl. from french by L. M. Entin ; ed. by M. A. Krutogolov. Moscow : Progress, 1973. 512 p.

Vinogradov V. A. The rule of law and the rule of law : doctrines, competition of jurisdictions, ensuring legal freedom. The positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in relation to the rule of law // Doctrines of the rule of law and the rule of law in the modern world : collection of articles / ed. by V. D. Zorkin, P. D. Barenboim. Moscow : LUM : Justicinform, 2013. P. 373–395.

Grabenvarter K. The doctrine of free discretion // Digest of public law. 2016. No. 5 (1). P. 1–40.

Gribanov V. P. Implementation and protection of civil rights. Moscow : Statute, 2001. 410 p.

Evstafyev A. I. Abuse of law in constitutional law : problem statement // Theoretical and applied jurisprudence. 2024. No. 4. P. 88–101.

Orlov A. V. Administrative justice is the most important means of suppressing and preventing abuse of power // Administrative Law and Process, 2018, No. 11.

Poodle Y. The concept of discretion in German administrative law and its separation from judicial discretion // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14. Right. 2017. No. 4. P. 443–451.

Starilov Yu. N. Administrative discretion is not «your opinion», but a legal decision! // Administrative law and Process. 2024. No. 12. P. 7–13.

Starilov Yu. N. Course of general administrative law. Moscow : Norm, 2002. 585 p.

Tyurin S. E. The concept of public law abuse (abuse of power) // Constitutional and municipal law. 2021. No. 9.

Ustyuzhaninova E. A. Grounds for challenging decisions, actions or omissions of UK public administration bodies by way of judicial review // Bulletin of Vyatka State University. 2011. No. 4-1. P. 96–101.

Rama.-Acting Head of the State Administration of the Republic of Germany // Ost/Letter. 2020. URL: <https://www.ostinstitut.de/startseite>

Administrative law of the European Union, its member States and the United States : a comparative analysis / ed. Rene Sirden. 2nd ed. Antwerp : Intersentia, 2007. 419 p.

Obi J.-M. Abuse of power in French administrative law // American Journal of Comparative Jurisprudence. 1970. Vol. 18, No. 3. P. 549–564.

Bachoff O. The Law on State control // Suddeutsche Juristen-Zeitung. 1948. Vol. 3, No. 12. P. 745–746.

Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and administrative law. 14th ed. London : Longman, 2007. 922 p.

Bradley A. W., Ewing K. D., Knight K. J. S. Constitutional and administrative law. 16th ed. Oxford : Oxford University Press, 2022. 759 p.

Maurer H., Waldhoff K. Universal Legal Law, 19. Aufl., Munich, 2017. 784 p.

Wade H. V. R. Administrative law. 5th ed. Oxford : Clarendon Press, 1982. 892 p.

Wade H. W. R., Forsythe S. Administrative Law. 10th ed. Oxford : Oxford University Press, 2009. 898 p.

Yardley D. K. M. Abuse of authority and control over them in English administrative law // American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. No. 3. P. 565–574.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Евстафьев А. И., аспирант департамента публично-права факультета права
E-mail: aievstafev@hse.ru

Поступила в редакцию: 15.03.2025

Для цитирования:

Евстафьев А. И. Злоупотребление полномочием в публично-правовом регулировании: сравнительно-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 137–146. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/137-146>

National Research University «Higher School of Economics»

Evstafyev A. I., Post-graduate Student of the Department of Public Law of the Faculty of Law
E-mail: aievstafev@hse.ru

Received: 15.03.2025

For citation:

Evstafyev A. I. Abuse of power in public law regulation: a comparative legal aspect // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 137–146. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/137-146>

СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ В КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ¹

В. С. Горбань, А. С. Конопий

Институт государства и права Российской академии наук

MEANING-MAKING IN THE CHINESE POLITICAL-LEGAL TRADITION

V. S. Gorban, A. S. Konopiy

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Аннотация: статья посвящена проблематике осмысления китайской политико-правовой традиции, понимание которой не представляется полноценным и всесторонним без учета китайской логики мысли и китайского языка как определяющих оснований китайского правового мировоззрения. Китайское мышление оперирует суждениями, находящими свое разрешение в идее гармонии, ставшей главной ценностью и идеалом в процессе государственно-правового строительства. Особое внимание уделено роли иероглифической письменности в формировании китайской политической философии и философии права.

Ключевые слова: историография, политико-правовая мысль Китая, история политико-правовой мысли, политико-правовые учения.

Abstract: this article is devoted to the problem of understanding the Chinese political and legal tradition, the understanding of which does not seem to be complete and comprehensive without taking into account the Chinese logic of thought and the Chinese language as the defining foundations of the Chinese legal worldview. The Chinese thinking operates with judgments that find their resolution in the idea of harmony, which has become the core value and ideal in the process of state and legal development. Particular attention is paid to the role of hieroglyphic writing in shaping the unique spirit of Chinese political philosophy and legal philosophy.

Key words: historiography, political and legal thought of China, history of political and legal thought, political and legal studies.

В настоящее время внимание исследователей всё более сосредотачивается на совершенствовании историографических подходов к изучению и интерпретации отечественных и зарубежных политико-правовых учений. Развитие историографических подходов способствует не только уточнению накопленного научно-теоретического капитала, но и восполнению существующих

пробелов, исключению различного рода неточностей и фальсификаций, а также качественно-му изменению уровня отечественной историографической традиции.

В этом контексте особую ценность приобретает обращение к исследованию иных политико-правовых традиций, не похожих на европейскую. Одной из наиболее самобытных в этом отношении является китайская политическая и правовая мысль. Привычные нам инструментарию оказываются недостаточными для ее понимания. Китайская правовая действительность опирается на иную культурную основу, сформированную под влиянием богатого древнего философского наследия и уникальной языковой традиции.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

© Горбань В. С., Конопий А. С., 2025

Большинство полученных нами знаний о праве Китая построены через призму европейского сознания, содержательно наполнены категориями и представлениями, свойственными западной теории и философии права. Безусловно, «оценивать Древний Восток с позиции и с помощью конструкций римской юриспруденции возможно, но точных научных знаний это не прибавляет, вероятно, давая основания для общих предположений»². Более того, такой подход неизбежно приводит к искажению специфики китайской политико-правовой мысли, попыткам поместить принципиально иную культуру правопонимания в рамки европейского мировоззрения.

Это методологическое ограничение особенно очевидно при исследовании таких фундаментальных категорий китайской философии права, как *Ли* (lǐ 礼) и *Фа* (fǎ 法). Не имея аналогов в западном понятийно-терминологическом аппарате, они требуют принципиально иного методологического подхода. В данном контексте особое значение приобретает понимание логики китайской мысли и логики китайского языка как определяющих оснований китайского правового мировоззрения.

А. В. Смирнов убедительно доказывает, что каждая «большая культура», создавшая свою цивилизацию, систему права, этики, социального устройства и политики, опирается на свою собственную логику смыслополагания. В арабо-мусульманском мире это процессуальная логика, в которой право выстраивается вокруг идеи протекания действий и их возведения к перводействителю, что радикально отличается от субстанциальной логики Запада, сосредоточенной на категориях сущности и бытия³. По аналогии с этим китайская правовая мысль должна осмысливаться через призму собственной логики, а не через западную философскую традицию. Такой подход открывает возможность понимания китайского права, основанного на собственной логике смыслополагания и не сводимого к западным правовым парадигмам. Как отмечает В. И. Кузищин, изучение стран Древнего Востока с использованием тра-

диций и методов, присущих европейской науке, привело к переносу из античной и европейской истории понятий и представлений, таких как «феодализм», «республика», «рабство»⁴, что не всегда соответствуют восточным историко-культурным реалиям.

Для полноценного осмысления китайской логики необходимо обратиться к ее истокам, восходящим к глубокой древности, времени зарождения первых древнекитайских философских школ. Именно в этот период в результате развития философских учений начали формироваться особенности китайского мировоззрения, определившие дальнейшее развитие политико-правовой мысли Китая. Между тем, как отмечает классик китайской философии Фэн Юлань, «поскольку обсуждаемое философией есть не что иное, как “внутренняя мудрость и внешняя царственность”, из этого следует, что философия неотделима от политической мысли. Вне зависимости от различий между китайскими школами, философия каждой из них представляет одновременно и ее политическую мысль»⁵.

Древнекитайская философская мысль, расцвет которой приходится на VI в. до н. э., не строится на основополагающих категориях онтологии западной философской традиции и вместе с тем не опирается на основы европейской субстанциальной логики. Академик РАН А. Н. Савенков справедливо отмечает, что «философия – это прежде всего культура мышления, которая стремится ответить на вопросы о сущности и значении человека и мира, в котором он живет. Поэтому философия всегда имеет определенные черты, определенный интеллектуально-духовный и культурный облик»⁶.

Более того, понятийно-категориальный аппарат китайской философии формировался в лоне различных школ, среди которых конфуцианство, даосизм, легизм, каждая из которых развивала собственные фундаментальные понятия. В отечественной и зарубежной литера-

² Горбань В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 110.

³ См.: Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания : приглашение к размышлению. 2-е изд. М. : Издат. дом ЯСК, 2021. С. 58.

⁴ См.: Историография истории Древнего Востока : Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. проф. В. И. Кузищина. СПб. : Алетей, 2002. С. 6–7.

⁵ Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. на рус. Р. В. Котенко ; науч. ред. Е. А. Торчинов. СПб. : Евразия, 1998. С. 30.

⁶ Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации : монография. М. : Наука, 2024. С. 322.

туре неоднократно предпринимались попытки определить основной категориальный аппарат китайской философии⁷. Однако среди понятий и категорий древнекитайских школ трудно выделить универсальные, вокруг которых могла бы быть выстроена вся философская традиция Китая. К тому же подобная задача не входит в рамки данного исследования. В связи с этим мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых ключевых категорий, необходимых для решения поставленных исследовательских задач.

Так, одним из оснований древнекитайской философии выступали онтологические оппозиции «наличия» (yǒu 有) / «отсутствия» (wú 无). В даосском учении пустота является изначальным принципом, первоосновой мира, из которой возникает сущность, проявленное⁸. При этом категории yǒu 有 и wú 无 не противопоставляются, а находятся в динамическом взаимодействии: yǒu 有 обозначает конкретное, проявленное, обладающее формой и качествами, тогда как wú 无 – непроявленное, потенциальное, лишённое определенности. Однако в отличие от западной философии, в которой «бытие» и «небытие» представлены противоречивыми понятиями, китайская мысль понимает категории «наличия» / «отсутствия» не как антагонистические полюсы, а как взаимодействующие состояния единого процесса. Так, в одном из выдающихся памятников китайской мысли «Дао дэ цзин» написано: «Все вещи под небом рождаются из yǒu 有; yǒu 有 рождается из wú 无»⁹.

Китайская диалектика не воспринимает противоположности как антагонистические полюсы. Иными словами, китайская философия использует логику смысла, в которой категории европейской метафизики («бытие» и «небытие») не работают; диалектическое взаимодействие

выражается не через отрицание, а через преобразование состояний.

В отличие от западного мышления, организованного бинарными оппозициями (добро/зло, истина/ложь), Китай мыслит в русле единства противоположностей (инь и ян yīnyáng 阴阳), что отражается во всех сферах, в том числе философии, праве и политике. Истоки такого самобытного мышления восходят еще к шанскому периоду (ок. 1600–1050 гг. до н.э.). В частности, американский китаевед Дэвид Ноэль Кейтли демонстрирует это на примере практики шанских гадательных надписей¹⁰. Исследуя логику построения гадательных формул, ученый показывает, что в шанской культуре такие противоположности, как успех/неуспех, благо/несчастье, да/нет, не образуют бинарных оппозиций и не исключают друг друга. Вместо законов тождества и противоречия, характерных для западной традиции, шанское мышление оперирует суждениями, находящими свое разрешение в идее гармонии (hé 和), служившей главной ценностью и идеалом общественного устройства.

В китайском праве особенно ярко эта тенденция проявилась в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), когда в процессе синтеза конфуцианских и легистских идей сформировалась уникальная ханьская модель права, основанная на гармоничном сосуществовании конфуцианских идей и легистских принципов¹¹. Данный принцип отражает фундаментальную особенность китайской философской традиции, которая не признает абсолютных антитез в западном смысле. Здесь антагонистичные начала не вступают в борьбу, а дополняют друг друга, образуя гармоничное единство. Так, в ханьский период утвердился один из основополагающих принципов права – «соединения строгости и мягкости» (kuānměngxiāngjì 宽猛相济). Легистская система наказаний по-прежнему составляла основу ханьского права, однако под влиянием конфуцианских идей она претерпела существенные изменения. Суровые меры наказания сохранялись, но их применение осуществлялось через призыв конфуцианских ценностей.

⁷ См.: Кобзев А. И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур. М.: Вост. лит. РАН, 2001. С. 220–243; *Его же*. Основные подходы к изучению категорий китайской философии и культуры // Народы Азии и Африки. 1983. № 3. С. 62–67, 86–92; *Graham A. C.* Disputers of the Tao: philosophical argument in ancient China. La Salle, Ill.: Open Court. 1989; *Hall David L. & Ames Roger T.* Thinking through Confucius. SUNY Press, 1987. 393 p.

⁸ См.: *Karl-Heinz Pohl*. The Wisdom of the unsayable in the chinese tradition // *Wisdom and Philosophy*. 2015. P. 25–50.

⁹ См.: Ван Би [王弼]. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин: (версия на упрощенном китайском) [老子道德經 (简体中文版)]. 2018. Изд-во «Ия» [艺雅出版社]. 365 с.

¹⁰ См.: *Keightley David N.* Shang Divination and Metaphysics // *Philosophy East and West*. 1988. Vol. 38. No. 4. P. 367–397.

¹¹ См.: Цзинь Вэнь [晋文]. Управление страной с помощью классических текстов и законов династии Хань [以经治国与汉代法律] // *Цзяньхай* [江海学刊]. 1991. № 3. С. 73–77 (на кит. яз.).

В период правления династии Тан (618–907 гг.) синтез легистских и конфуцианских начал получил дальнейшее развитие в одном из важнейших уголовно-правовых памятников Китая – «Тан люй шу и»¹². Нормы средневекового уголовного законодательства, наряду с характерной для легистской традиции суровостью наказаний, включали положения, отражающие влияние конфуцианского учения. Как отмечает В. М. Рыбаков, законодатели танского Китая в рамках представлений о том, что есть забота, бережное отношение к людям и обязанности народа перед страной, отыскивали баланс между реалиями социального строя и правилами человечности, издревле сформулированными мудрецами¹³.

Данный подход не исчез с падением династии Тан, многие положения танского кодекса были восприняты и развиты в законодательстве последующих династий. Они отразились, в частности, в кодифицированных сводах законов XIV в. династии Мин «Да Мин люй» и XVII в. династии Цин «Да Цин люй ли», действовавших на территории Китая до 1911 г. Это свидетельствует о долговременном влиянии конфуцианско-легистского синтеза на развитие китайской правовой традиции. В результате влияния конфуцианской и легистской школ «преступление в законодательстве трактовалось как проявление преступной воли человека, его низости, а духовное состояние виновного обуславливало тяжесть наказания. В основе выделения смягчающих наказание обстоятельств также лежали конфуцианские максимы, согласно которым необходимо было оказывать особое отношение к престарелым, проявлять сострадание к детям, беременным женщинам и т. д.»¹⁴.

Конфуцианско-легистский синтез не ограничился эпохой Тан и был воспринят и последующими правящими династиями, что сыграло фундаментальную роль в формировании правовой традиции Китая. Данный подход демонстриру-

¹² См.: Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8. Введение / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб. : Петерб. Востоковедение, 1999. 384 с.

¹³ См.: Рыбаков В. М. Конфуцианское человеколюбие и уголовное право традиционного Китая // Российское право : образование, практика, наука. 2016. № 5 (95). С. 26.

¹⁴ Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева ; пер. с кит. Хуан Даосю. М. : Контракт, 2017. С. 4.

ет устойчивость китайской правовой традиции, в которой конфуцианско-легистский симбиоз выступает не временным явлением, а основанием китайского уголовного права на протяжении многих веков. Принятие и развитие положений кодекса эпохи Тан в законах династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) свидетельствует о том, что нравственные конфуцианские представления о человеке, долге, сострадании и заботе не были утрачены в легистской концепции государственного управления.

В этом смысле китайское право выступает не просто как система общеобязательных правил поведения, установленных государством и обеспеченных силой принуждения, а как средство выражения ценностей китайского общества и его моральных идеалов. Тем самым поиск гармонии между законом и нравственностью задает вектор развития китайского права и становится одним из отличительных признаков китайской правовой традиции.

Безусловно, так было не всегда. В истории китайской политико-правовой мысли отмечаются периоды серьезного противоборства конфуцианского и легистского воззрений¹⁵. Тем не менее на протяжении длительного времени проявляется устойчивая тенденция к возрождению и закреплению идеи сосуществования и взаимодействия этих двух начал в китайском праве. Даже в периоды внешних и внутривнутриполитических вызовов идеал «середины» и гармонии оставался базовым ориентиром китайской политико-правовой мысли, способствовавшим соединению идей школы законников с конфуцианскими принципами.

Вместе с тем стремление к гармонии или срединному пути и избеганию крайностей, выраженное в концепции Чжун Юн («Учении о срединном и неизменном»¹⁶ zhōngyōng 中庸), является одной из основополагающих категорий конфуцианской философии. Описанный в одноименном трактате, входящем в конфуцианское «Четверокнижие»¹⁷ (sìshū 四书), данный принцип

¹⁵ См.: Chenglin Liu. Confucius and the Chinese Legal Tradition // Michigan State International Law Review. 2020. Vol. 28.3. P. 477–533.

¹⁶ См.: Конфуцианский трактат «Чжун юн» : переводы и исследования / под ред. М. Л. Титаренко. М. : Вост. лит., 2003. 250 с.

¹⁷ См.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы-Шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова (отв. ред.), П. С. Попова. М. : Вост. лит., 2004. 432 с.

занимает центральное место в политико-правовой мысли Китая, задавая направление для поиска гармонии в управлении государством и обществом.

Стремление к гармонии, середине зашифровано в самом названии Китая (Zhōngguó 中国), что буквально переводится как «Срединное государство». Идея «золотой середины» – это не просто географическое положение, а, как отмечается, главная характеристика китайской культуры¹⁸. Эта идея также лежит в основе китайской политики и права, где умеренность и согласие считаются основанием стабильности и процветания государства. Таким образом, само название Zhōngguó (中国) символически связывает культуру Китая с философией середины.

Эффективное управление в таком обществе должно основываться на гармоничном сочетании различных средств и механизмов, которые не противостоят друг другу, а образуют единую систему, стремящуюся к нахождению правильного пути. Именно такое равновесие и выражает суть принципа середины, направленного на достижение того самого срединного состояния, гармонии в государстве.

Примечательно, что в этом контексте важное значение придается не только ритуалам и закону, но и музыке, что также подчеркивает особенности китайского мировоззрения. Как отмечает В. А. Рубин, Конфуций большей частью употребляет *Ли* в паре со словом *Юэ*, которое принято переводить как «музыка» и которое столь же мало поддается точному переводу на современные европейские языки, как и *Ли*¹⁹. Согласно выдержке из труда историографа империи Хань Сыма Цяня «Исторические записки»; «прежние [мудрые] ваны были очень внимательны к тому, что возбуждало чувства людей, и поэтому с помощью обрядов и ритуала они направляли желания людей, с помощью музыки они приводили в гармонию звуки их мелодий, с помощью управления они объединяли действия людей, наказаниями предупреждали их пороки. [Таким образом], обряды, музыка, наказания и управление становились единными в своих целях, и этим [ваны] объединяли сердца народа

и вели его по истинному пути управления... в [хорошо] управляемом обществе мелодии спокойны и доставляют радость, а управление там гармонично. В неупорядоченном обществе мелодии злобны и вызывают гнев, а управление там извращенное; в гибнущем государстве мелодии печальны и вызывают тоску, а народ его в трудном положении. Путь развития музыки – ее звуков и мелодий – имеет общее с путем управления [страной]»²⁰.

Отвечая на вопрос, почему музыка важна в управлении государством, отечественный исследователь приходит к выводу, что музыка выступает как инструмент контроля за настроениями в обществе, «правильная» музыка может породить нужную эмоцию у народа, а единая эмоция становится мощным рычагом управления²¹.

Музыка в древнекитайском мышлении рассматривается не просто как искусство, но как инструмент гармонизации общества, средство управления настроениями людей. Сочетание ритуала, музыки и закона показывает, что в китайской политико-правовой культуре есть сильный символический и эмоциональный пласт. Музыка мыслится неотделимой от ритуала и выступает одним из средств формирования внутреннего согласия и гармонии в государстве. Это задает модель, в которой музыка и ритуал формируют внутреннюю дисциплину и согласие, тогда как закон обеспечивает защиту и порядок. Наказания в данном случае выполняют превентивную функцию, препятствуя нарушению установленной гармонии, будучи средством, к которому прибегают для защиты ритуально-нравственного строя. В результате достигается согласованность внутреннего или нравственно-эмоционального и внешнего порядков, что является условием гармонии в обществе.

В вопросе современного государственного-правового строительства китайское государство также стремится к гармонии, соединяя «верховенство закона» (*yīfǎ zhìguó* 依法治国) с «верховенством морали» или же «управления государством на основе нравственных норм» (*yí dé zhì guó* 以德治国).

¹⁸ См.: Feifei Yan. The Evolution of the Doctrine of The Golden Mean's «Zhong He» Thought And Its Influence // International Journal of Humanities Social Science and Management (IJHSSM). Vol. 4. Issue 5. 2024. P. 26.

¹⁹ См.: Рубин В. А. Личность и власть в древнем Китае : собр. трудов. М. : Вост. лит. РАН, 1999. С. 15.

²⁰ Сыма Цянь. Исторические записки. М. : Вост. лит., 1986. Т. IV, гл. 24.

²¹ См.: Рыков С. Ю. Древнекитайская философия : курс лекций / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФРАН, 2012. С. 56.

Это отражено в ст. 53 Конституции КНР²², закрепляющей обязанность граждан соблюдать Конституцию и законы, уважать нормы общественной морали (shèhuì gōngdé 社会公德), что придает нравственным предписаниям конституционно значимый статус. Конституционная норма ярко демонстрирует стремление Китая к согласию и гармонии между законом и морально-нравственными категориями.

В западной правовой традиции нормы морали, выступая в качестве правил поведения, существуют преимущественно в общественном сознании, подкрепляются лишь мерами общественного порицания и не обеспечены силой государственного принуждения. В китайской же правовой традиции соблюдение морально-нравственных предписаний является обязанностью, закрепленной на конституционном уровне.

Последовательная реализация указанного подхода прослеживается и в отраслевом законодательстве, прежде всего в Гражданском кодексе КНР²³. Статья 8 ГК прямо устанавливает, что участники гражданских правоотношений, осуществляя деятельность, не должны нарушать закон, общественный порядок и добрые нравы, тем самым подчеркивая правовую значимость морально-нравственных категорий.

Все эти положения отражают глубинную специфику китайской правовой мысли, сформировавшуюся под влиянием конфуцианских и легистских идей. Они представляют собой ее устойчивое наследие, без понимания которого всестороннее исследование китайской политико-правовой традиции представляется крайне затруднительным.

К числу особенностей, обусловленных господством идеи гармонии в китайском обществе, можно также отнести преобладание общего над частным, приоритет обязанностей над правами, стремление к примирению, строгую иерархию и, как следствие, патернализм. По мнению Ю. В. Сорокиной, все эти черты являются следствием того, что идея гармонии занимает

центральное место в китайском общественном сознании²⁴.

Не меньшее значение в формировании самобытной логики китайского мышления играет китайская письменность, специфику которой также важно учитывать при исследовании китайской политико-правовой традиции. Это обусловлено прежде всего тем, что китайский иероглиф не является знаком, обозначающим звук или понятие в привычном для индоевропейских языков смысле. В отличие от алфавитных систем письма, где графический знак фиксирует фонетическую единицу, китайский письменный знак представляет собой идеографический символ, в котором заложен определенный образ, сформированный еще в древности. Каждый иероглиф несет в себе смысл, корнями уходящий в архаические представления о мире, что усложняет понимание иероглифического письма без знания архетипических компонентов традиционной китайской культуры.

Иероглиф представляет собой свернутую динамику, которая разворачивается в зависимости от контекста употребления. Значение иероглифа не закреплено в качестве неизменного и постоянного, а напротив, раскрывается в процессе его использования, приобретая смыслы в зависимости от позиции в высказывании, взаимодействия элементов, исторического периода и культурного контекста. Эта особенность иероглифического типа письма формирует принципиально иной тип мышления по сравнению с западной традицией. Если европейские языки тяготеют к абстрактным дефинициям и фиксированным понятиям, то китайское мышление оперирует образами и динамическими состояниями.

В частности, в китайской правовой традиции графический знак *Ли* (lǐ 礼) не обозначает, а проявляет смысл, разворачиваясь в зависимости от ситуации, контекста. В классических древнекитайских текстах категория *Ли* выступает не только обрядом или ритуалом, но и регулятором отношений. Как отмечается филологом-востоковедом, «Ли – не только правила вежливости и благопристойного поведения, но и религиозный ритуал, ритуал охоты, дипломатии, управления»²⁵. В отечественной²⁶ юридиче-

²² См.: Конституция КНР // Официальный информационный ресурс Всекитайского собрания народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/gjxfz/2014-12/03/content_1888093.htm

²³ См.: Гражданский кодекс КНР // Официальный информационный ресурс Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-06/01/content_5516649.htm

²⁴ См.: Там же.

²⁵ См.: Сорокина Ю. В. Правовая система Китая // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 3 (99). С. 56.

²⁶ Рубин В. А. Указ. соч. С. 15.

ской науке, как и в зарубежной, отмечается отсутствие однозначного и единообразного понимания данной категории, содержащей одновременно моральный, обрядовый и социально-политический смыслы.

Вместе с тем китайская философия не выработала развернутых дефиниций основополагающих категорий политической философии и философии права. Вместо этого мыслители предпочитали выражать идеи через метафоры, аналогии и примеры, апеллируя к интуитивному постижению смысла. Как справедливо заметил китайский философ Фэн Ю-лань, «в некоторых философских сочинениях, например, принадлежащих Мэн-цзы и Сюнь-цзы, можно найти систематические рассуждения и аргументацию. Но в сравнении с западными философскими трудами они недостаточно четко сформулированы. Для китайских философов было обычным выражать свои мысли в форме афоризмов, апофегм, намеков, примеров. Ведь “Дао-дэ цзин” состоит из афоризмов, а многие главы “Чжуан-цзы” полны намеков и сравнений»²⁷.

С указанным наблюдением трудно не согласиться. Ярким подтверждением служат рассуждения о фундаментальной идее «исправления имен» (*zhèngmíng* 正名), лежащей в основе конфуцианского политико-философского учения. В классическом трактате «Беседы и суждения» данная концепция выражена через реплики и рассуждения Конфуция, которые фиксировали его непосредственные ответы на вопросы учеников в форме диалогов и отдельных изречений. Так, отвечая на вопрос о том, почему управление государством следует начинать с «исправления имен», Конфуций объяснял: «... Если имя неправильно (не соответствует действительности), то слово противоречит делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено, а если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать, а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильными, а когда наказания будут извращены, то народ не будет знать, как ему ве-

сти себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы имя он непременно мог сказать и слово исполнить и чтобы в словах его не было ничего бесчестного (недобросовестного)»²⁸.

Аналогично в сборнике приводится афористичное рассуждение о способах регулирования общественных отношений: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться»²⁹.

Легистская традиция выражала идеи иным, но столь же метафорическим образом. Так, в главе VI трактата «Хань Фэй-цзы» написано: «Закон не должен делать исключения для знатных людей подобно тому, как отвес не изменяет своей прямизне из-за изгиба дерева»³⁰. В данном случае идея равенства всех перед законом передается не путем раскрытия смысла и содержания, а через образное сравнение, позволяющее интуитивно уловить смысл.

Такое образное и афористичное изложение отражает сам дух китайской политической философии и философии права, в которых содержание терминов, теорий и концепций раскрывается не путем придания строго фиксированного смысла, а в примерах и метафорах, побуждающих к внутреннему осмыслению. Отсюда возникает методологическое требование для понимания китайской политико-правовой мысли обращаться к традиционным основаниям, восходящим к древности, где складывался особый способ осмысления права и политики.

При этом специфика древнекитайского мышления отразилась и на юридической терминологии, что имеет важное значение для интерпретации китайских политических и правовых воззрений. Основные понятия и категории сформировались в лоне философских учений, что придало языку китайского права собственную категориальную систему и внутреннюю логику. Иными словами, древнекитайские философские школы в значительной мере структурировали правовой язык, заложив основания самобытной китайской правовой терминологии.

²⁸ Фэн Ю-лань. Указ. соч. С. 32.

²⁹ Конфуций. Беседы и суждения. СПб. : СЗКЭО, 2020. С. 258–259.

³⁰ Там же. С. 24.

²⁷ См.: Мартыненко Н. П. «Ли» и «Фа» – полярные категории китайской социальной философии // Вестник Моск. ун-та. Серия 7, Философия. 2015. № 1. С. 51–63 ; Hutton Eric L. On ritual and legislation // European journal for philosophy of religion. Vol. 13, No. 2. P. 45–64 ; Nam K-H. Li (禮), or Ritual Propriety : A Preface to a Confucian Philosophy of Human Action // Diogenes. 2015. № 62(2). P. 71–80.

Таким образом, китайская традиция подчеркивает целостность и взаимосвязь явлений, их изменение и становление, концентрируется на единстве противоположностей, рассматривая гармонию как динамическую согласованность, а не статическое состояние, в отличие от европейской традиции, сконцентрированной на субстанциальных состояниях и бытии как таковым. Понимая китайскую самобытную логику, становится возможным глубже осмыслить особенности китайской политико-правовой мысли, объяснить ее уникальность и ориентацию на морально-этические и культурно-исторические ценности.

Нельзя не отметить влияние, которое оказывала и всё еще продолжает оказывать западная политико-правовая мысль на право и политику Китая. Под этим воздействием право Китая претерпело значительные трансформации, восприняв отдельные черты континентальной правовой семьи. В частности, это проявилось в том, что китайское законодательство во многом стало опираться на западные образцы. Закреплено признание нормативно-правового акта в качестве основного источника права. Под влиянием западной правовой мысли Китаем была воспринята концепция прав человека, что ранее было не свойственно традиционной китайской правовой культуре.

Однако, несмотря на эти заимствования, Китай сохраняет присущую ему самобытность и специфику, сложившуюся еще в древности и бережно передаваемую из поколения в поколение. Попытки разрушить традиционные устои не только не увенчались успехом, но, напротив, укрепили позиции китайского традиционализма в национальном сознании. Многие заимствованные политические и правовые идеи, попадая в культурное пространство Китая, неизбежно проходят процесс «китаизации».

Такая «китаизация» не сводится к простому переименованию. Напротив, предполагается наполнение заимствованных идей новым смыслом и содержанием, обусловленными историко-культурной спецификой китайской правовой традиции. Так было с марксизмом, теорией прав человека, концепцией правового государства и многими другими теориями и идеями. Представляется, что осмысление китайской политико-правовой мысли требует принципиально нового методологического подхода, который способен учитывать не только специфику древ-

некитайских философских воззрений, но и особенности текстовой традиции, основания логики китайского мышления, а также характер китайской письменности, истоки которой восходят к глубокой древности.

Библиографический список

Ван Би [王弼]. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин : (версия на упрощенном китайском) [老子道德經 (简体中文版)]. 2018. Изд-во «Ия» [艺雅出版社]. 365 с.

Горбань В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 107–127.

Историография истории Древнего Востока : Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. проф. В. И. Кузищина. СПб. : Алетейя, 2002. 303 с.

Кобзев А. И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур. М. : Вост. лит. РАН, 2001. С. 220–243.

Кобзев А. И. Основные подходы к изучению категорий китайской философии и культуры // Народы Азии и Африки. 1983. № 3. С. 62–67, 86–92.

Конфуцианский трактат «Чжун юн» : переводы и исследования / под ред. М. Л. Титаренко. М. : Вост. лит., 2003. 250 с.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы-Шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова (отв. ред.), П. С. Попова. М. : Вост. лит., 2004. 432 с.

Конфуций. Беседы и суждения. СПб. : СЗКЭО, 2020. 432 с.

Малявин В. В. Искусство управления. М. : Аст, 2003. 432 с.

Мартыненко Н. П. «Ли» и «Фа» – полярные категории китайской социальной философии // Вестник Моск. ун-та. Серия 7, Философия. 2015. № 1. С. 51–63

Рубин В. А. Личность и власть в древнем Китае : собр. трудов. М. : Вост. лит. РАН, 1999. 384 с.

Рыбаков В. М. Конфуцианское человеколюбие и уголовное право традиционного Китая // Российское право : образование, практика, наука. 2016. № 5 (95). С. 24–27.

Рыков С. Ю. Древнекитайская философия : курс лекций / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФРАН, 2012. С. 56.

Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации : монография. М. : Наука, 2024. 739 с.

Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания : приглашение к размышлению. 2-е изд. М. : Издат. дом ЯСК, 2021. 448 с.

- Сорокина Ю. В.* Правовая система Китая // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 3 (99). С. 55–66.
- Сыма Цянь.* Исторические записки. М. : Вост. лит., 1986. Т. IV, гл. 24.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1-8. Введение / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб. : Петерб. Востоковедение, 1999. 384 с.
- Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева ; пер. с кит. Хуан Даосю. М. : Контракт, 2017. 312 с.
- Фэн Ю-лань.* Краткая история китайской философии / пер. на рус. Р. В. Котенко ; науч. ред. Е. А. Торчинов. СПб. : Евразия, 1998. 376 с.
- Цзинь Вэнь [晋文]. Управление страной с помощью классических текстов и законов династии Хань [以经治国与汉代法律] // Цзяньхай [江海学刊]. 1991. № 3. С. 73–77. (на кит. яз.)
- Chenglin Liu.* Confucius and the Chinese Legal Tradition // Michigan State International Law Review. 2020. Vol. 28.3. P. 477–533.
- Feifei Yan.* The Evolution of the Doctrine of The Golden Mean's «Zhong He» Thought And Its Influence // International Journal of Humanities Social Science and Management (IJHSSM). Vol. 4. Issue 5. 2024. P. 24–26.
- Graham A. C.* Disputers of the Tao : philosophical argument in ancient China. La Salle, Ill.: Open Court. 1989.
- Hall David L. & Ames Roger T.* Thinking through Confucius. SUNY Press, 1987. 393 p.
- Hutton Eric L.* On ritual and legislation // European journal for philosophy of religion. Vol. 13, No. 2. P. 45–64.
- Karl-Heinz Pohl.* The Wisdom of the unsayable in the chinese tradition // Wisdom and Philosophy. 2015. P. 25–50.
- Keightley David N.* Shang Divination and Metaphysics // Philosophy East and West. 1988. Vol. 38. No. 4. P. 367–397.
- Nam K-H.* Li (禮), or Ritual Propriety : A Preface to a Confucian Philosophy of Human Action // Diogenes. 2015. № 62(2). P. 71–80.
- References**
- Wang Bi [王弼]. Lao Tzu. Tao Te Ching : (Simplified Chinese version) [老子道德經 (简体中文版)]. 2018. Publishing house «Iya» [艺雅出版社]. 365 p.
- Gorban V. S.* The role of historiography in the philosophy of law and the formation of the conceptual language of modern legal theory // Antinomies. 2025. Vol. 25, issue 1. P. 107–127.
- Historiography of the history of the Ancient East : Iran, Central Asia, India, China / ed. by Professor V. I. Kuzishchin. St. Petersburg : Aleteya, 2002. 303 p.
- Kobzev A. I.* Categories and basic concepts of Chinese philosophy and culture // Universals of Oriental cultures. Moscow : East. lit. RAS, 2001. P. 220–243.
- Kobzev A. I.* Basic approaches to the study of categories of Chinese philosophy and culture // Peoples of Asia and Africa. 1983. No. 3. P. 62–67, 86–92.
- The Confucian treatise «Zhong Yun» : translations and research / ed. by M. L. Titarenko. Moscow : East lit., 2003. 250 p.
- The Confucian «Four Books» («Si-Shu») / transl. from the Chinese and commentary by A. I. Kobzev, A. E. Lukyanova, L. S. Perelomova (ed.), P. S. Popova. Moscow : East lit., 2004. 432 p.
- Confucius. Conversations and judgments. St. Petersburg : NWCEO, 2020. 432 p.
- Malyavin V. V.* The art of management. Moscow : Ast, 2003. 432 p.
- Martynenko N. P.* «Li» and «Fa» – polar categories of Chinese social philosophy // Bulletin of Moscow. un-ta. Episode 7, Philosophy. 2015. No. 1. P. 51–63.
- Rubin V. A.* Personality and power in ancient China : collected works. Moscow : East lit. RAS, 1999. 384 p.
- Rybakov V. M.* Confucian philanthropy and the criminal law of traditional China // Russian law : education, practice, science. 2016. No. 5 (95). P. 24–27.
- Rykov S. Y.* Ancient Chinese philosophy : a course of lectures / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. Moscow : IFRAN, 2012. P. 56.
- Savenkov A. N.* Philosophy of law and the formation of the Russian state-civilization : a monograph. Moscow : Nauka, 2024. 739 p.
- Smirnov A. V.* Logic of meaning as a philosophy of consciousness : an invitation to reflection. 2nd ed. Moscow : Izdat. YASK House, 2021. 448 p.
- Sorokina Yu. V.* The legal system of China // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (99). P. 55–66.
- Sima Qian.* Historical notes. M. : East. Literature, 1986. Vol. IV, ch. 24.
- The criminal regulations of Tang with explanations («Tang lu shu yi»). Juan 1-8. Introduction / transl. from Chinese and commentary by V. M. Rybakov. St. Petersburg : Petersburg Oriental Studies, 1999. 384 p.
- The Criminal Code of China / ed. by A. I. Korobeev, A. I. Chuchaev ; transl. from Chinese by Huang Daoxu. Moscow : Kontrakt, 2017. 312 p.
- Feng Yu-lan.* A brief history of Chinese Philosophy / translated into Russian by R. V. Kotenko ; scientific ed. by E. A. Torchinov. St. Petersburg : Eurasia, 1998. 376 p.
- Jin Wen [晋文]. Governing the country with the help of classical texts and laws of the Han Dynasty [以经治国与汉代法律] // Jianghai [江海学刊]. 1991. No. 3. P. 73–77. (in Chinese).

Chenglin Liu. Confucius and the Chinese Legal Tradition // Review of International Law of the State of Michigan. 2020. Vol. 28.3. P. 477–533.

Feifei Yan. The Evolution of the «Zhong He» Golden Mean Doctrine and its influence // International Journal of Humanities, Social Sciences and Management (IJHSSM) Vol. 4. Issue 5. 2024. P. 24–26.

Graham A. S. Disputants about Tao : Philosophical Debate in ancient China. La Salle, Illinois : Open Court, 1989.

Hall David L. and Ames Roger T. Reflecting through Confucius. SUNY Press, 1987. 393 p.

Hutton Eric L. On Ritual and Legislation // European Journal of Philosophy of Religion. Vol. 13, No. 2. P. 45–64.

Karl-Heinz Paul. The Wisdom of the ineffable in the Chinese tradition // Wisdom and Philosophy. 2015. P. 25–50.

Keightley David N. Shang's Predictions and metaphysics // Philosophy of East and West. 1988. Vol. 38. No. 4. P. 367–397.

Nam K.-H. Li (禮), or Ritual Propriety : a Preface to the Confucian Philosophy of Human Activity // Diogenes. 2015. No. 62(2). P. 71–80.

Институт государства и права Российской академии наук

Горбань В. С., доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований

E-mail: gorbantv@gmail.com

Конопий А. С., кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права

E-mail: konopy-anna@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.11.2025

Для цитирования:

Горбань В. С., Конопий А. С. Смыслополагание в китайской политико-правовой традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 147–156. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/147-156>

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Gorban V. S., Doctor of Law, Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies

E-mail: gorbantv@gmail.com

Konopy A. S., PhD in Law, Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law

E-mail: konopy-anna@mail.ru

Received: 10.11.2025

For citation:

Gorban V. S., Konopy A. S. Meaning-making in the chinese political-legal tradition // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 147–156. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/147-156>

ИНСТИТУТ АНАЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ¹

Э. И. Лескина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

INSTITUTE OF ANALOGY IN INFORMATION LAW OF RUSSIA

E. I. Leskina

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: скорость развития и распространения цифровых технологий с каждым годом лишь увеличивается, как и расширяются сферы их применения. Системы искусственного интеллекта решают задачи творческого характера, предиктивная аналитика применяется в правоохранительных органах, не остаются без внимания такие области, как здравоохранение, транспорт, образование и многие другие сферы. Часть общественных отношений при этом нуждается в принятии необходимых правовых норм, и здесь приходится констатировать, что право отстает от стремительного процесса цифровизации. Одним из универсальных правовых средств, применяемых при наличии пробелов в праве, является применение норм или принципов по аналогии. Цифровые технологии выступают средством поиска пробелов в праве или норм, регулирующих сходные правоотношения. Становится возможным использование программного кода, алгоритмов как средства преодоления пробелов в праве. Институт аналогии в информационном праве должен получить дальнейшее развитие в силу отсутствия на данный момент действенных механизмов по защите слабой стороны в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, большие данные, аналогия закона, аналогия права, персональные данные, информационные правоотношения.

Abstract: the speed of development and distribution of digital technologies increases every year, as do the areas of their application. Artificial intelligence systems solve creative problems, predictive analytics are used in law enforcement agencies, and such areas as healthcare, transport, education and many other areas do not go unnoticed. At the same time, part of public relations requires the adoption of the necessary legal norms, and here it must be noted that the law lags behind the rapid process of digitalization. One of the universal legal means used in the presence of gaps in the law is the application of norms or principles by analogy. Digital technologies act as a means of finding gaps in the law or norms regulating similar legal relations. It becomes possible to use program code and algorithms as a means of overcoming gaps in the law. The institute of analogy in information law should be further developed due to the current lack of effective mechanisms to protect the weaker party in the digital space.

Key words: digital technologies, artificial intelligence, big data, analogy of law, analogy of law, personal data, information legal relations.

Скорость развития и распространения цифровых технологий с каждым годом лишь увеличивается, как и расширяются сферы их применения. Системы искусственного интеллекта решают задачи творческого характера, предиктивная

аналитика применяется в правоохранительных органах, не остаются без внимания такие области, как здравоохранение, транспорт, образование и многие другие сферы. Часть общественных отношений, возникающих в связи с применением цифровых технологий, не требует правового регулирования, многие вопросы решаются саморегулированием. Однако другая часть общественных отношений нуждается в принятии необходимых правовых норм, и здесь приходится

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00698 (<https://rscf.ru/project/25-18-00698/>).

© Лескина Э. И., 2025

констатировать, что право отстает от стремительного процесса цифровизации.

На эту проблему обращают внимание многие ученые². Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис справедливо отмечают, что неурегулированность общественных отношений, связанных с применением цифровых технологий, объясняется не только скоростью технологических изменений, но и высокой степенью неопределенности самих отношений и рисков, которые могут быть связаны с их цифровизацией³. Хотя отдельные ученые подчеркивали, что право не только не должно отставать от темпов научно-технологического прогресса, но и идти с опережением, создавая необходимую основу для внедрения цифровых технологий⁴, всё же отставание права от научно-технологического прогресса является традиционным положением⁵. Одним из универсальных правовых средств, применяемых при наличии пробелов в праве, выступает применение норм или принципов по аналогии. Справедливо высказывание о серьезном влиянии на правовую реальность процесса цифровизации, в результате чего реализация отношений переходит в информационное пространство⁶. В связи с этим исследование возможности применения института аналогии является весьма актуальным.

Понятие и условия применения института аналогии в информационном праве

Под правовой аналогией (анalogией в праве) понимается применение нормы закона, регулирующей сходные правоотношения (аналогия за-

² См.: *Безбородов Ю. С., Халафян Р. М.* Международное право и мировой правопорядок : девальвация или трансформация? // *Закон.* 2022. № 8. С. 13–29 ; *Блажеев В. В.* Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 8 ; *Минбалеев А. В.* Трансформация регулирования цифровых отношений // *Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина.* 2019. № 12. С. 32 ; *Сидорова В. Н.* Применение цифровых технологий как проблема гражданского законодательства // *Право и цифровая экономика.* 2020. № 4. С. 18–24 ; и др.

³ См.: *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Pacing problem и возрождение судебного нормотворчества // *Закон.* 2021. № 6. С. 122–138.

⁴ См.: *Гриб В. Г., Тюнис И. О.* Промышленная революция и борьба с преступностью // *Рос. следователь.* 2022. № 11. С. 45–48.

⁵ См.: *Мохов А. А.* О Совете при Президенте Российской Федерации по этике // *Актуальные проблемы российского права.* 2020. № 12. С. 23–31.

⁶ См.: *Ефремов А. А.* Проблема субъектности в информационном праве // *Журнал рос. права.* 2025. Т. 29, № 8. С. 93–104.

кона), либо в случае отсутствия такой нормы – основополагающих принципов права (аналогия права). При этом применение института аналогии не должно противоречить существу соответствующих общественных отношений.

Аналогию называют институтом⁷, методом⁸, принципом⁹ – в зависимости от понимания сущности главных аспектов этого понятия или разных его сторон.

Институт аналогии необходимо отличать от расширительного толкования, хотя иногда даже суды рассматривают указанные понятия в качестве идентичных по своему смыслу и правовым последствиям¹⁰. Так, в деле ООО «ВКонтакте» против ООО «ДАБЛ» данные, хранящиеся у ООО «ВКонтакте», были квалифицированы в качестве базы данных. Между тем Гражданский кодекс РФ включает в качестве элементов базы данных определенные по свойствам элементы и материалы, а то время как динамичность, обновляемость сведений в рамках рассматриваемого дела не попадала под установленные законодательством признаки содержания базы данных¹¹.

Применение аналогии прямо предусмотрено многими нормативно-правовыми актами

⁷ См.: *Василевская Л. Ю.* Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав : проблемы и перспективы развития // *Гражданское право.* 2024. № 2. С. 2–5 ; *Фидаров В. В.* Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 9–10 ; и др.

⁸ См.: *Микрюков В. А.* Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М. : Статут, 2021. 164 с. ; *Петровский Н. А.* Метод аналогии и концепции беспробельности права // *Пробелы в российском законодательстве.* 2012. № 3. С. 31–36 ; и др.

⁹ См.: *Рехтина И. В.* Принципы гражданского процессуального права : сохранить основы // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2024. № 2. С. 4–8 ; *Зайцев И. А.* Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации. Часть 2. Возможные риски и угрозы // *Административное право и процесс.* 2023. № 2. С. 33–37 ; и др.

¹⁰ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. № 14-УД21-10-К1.

¹¹ Подробнее см.: *Гончарова В. А.* О необходимости комплексного подхода при определении режима больших данных (big data) в отечественном законодательстве // *Предпринимательское право.* 2024. № 4. С. 8–12 ; *Сергеев А. П., Терещенко Т. А.* Большие данные : в поисках места в системе гражданского права // *Закон.* 2018. № 11. С. 106–123.

Российской Федерации, например п. 1, 2 ст. 6, п. 2 ст. 421 ГК РФ, ст. 5 СК РФ, ч. 1, 2 ст. 7 ЖК РФ, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, ч. 5 ст. 3 АПК РФ, ч. 4 ст. 2 КАС РФ и др.

Иногда закон не содержит ни разрешения, ни запрета на применение института аналогии. Часто судебная практика в таких случаях неединообразна. Но фактически, исходя из содержания и сущности конкретных правоотношений такая аналогия может быть применена. В частности, речь идет о трудовом законодательстве, где, безусловно, защита слабой стороны, да и само предназначение трудового права не подразумевают применение по аналогии норм, например, регулирующих гражданские договоры или позволяющих по аналогии устанавливать штрафные санкции в качестве дисциплинарных взысканий. В целом, если институт аналогии приводит к ухудшению положения работника, то суды признают такую аналогию неуместной¹². Однако ряд институтов трудового права не препятствует применению института аналогии (например, это касается компенсации морального вреда). Существуют, хоть и редкие, примеры применения норм ТК РФ по аналогии¹³.

Фактически, без прямого указания на то в КоАП РФ применяется аналогия и в административном законодательстве¹⁴, за исключением ситуаций, когда суд приходит к выводу о различии пробельного правоотношения с ситуацией, которая урегулирована нормой права¹⁵.

Сходная ситуация наблюдается в налоговых отношениях. Так, согласно позиции Президиума ВАС РФ налоговое законодательство не допу-

скает применения норм закона по аналогии¹⁶. Вместе с тем арбитражные суды достаточно часто применяют налоговое законодательство по аналогии¹⁷, и такое применение закреплено и в утвержденном Президиумом ВС РФ обзоре судебной практики¹⁸. Думается, в первой ситуации суд счел, что именно условия применения аналогии не соблюдаются, а точнее, характер отношений не позволяет судить о сходности таких отношений. Это подтверждается делом, когда отказано в применении норм налогового законодательства по аналогии вследствие особенностей рассматриваемых правоотношений¹⁹.

В уголовном праве институт аналогии не допустим. Часть 2 ст. 3 УК РФ напрямую запрещает применять уголовный закон по аналогии, и это является одним из способов реализации принципа законности.

Таким образом, если законодательство напрямую не закрепляет возможности применения аналогии, это не свидетельствует о том, что такая аналогия не может быть применена. Вместе с тем в указанных нормативно-правовых актах прямое закрепление возможности применения института аналогии приводит к тому, что не существует обязанности применять норму по аналогии, хотя это существенным образом может повлиять на складывающиеся отношения. Если речь идет о процессуальной аналогии, то действия правоприменителя по внутреннему

¹⁶ См.: Обзор практики применения арбитражными судами законодательства, регулирующего особенности налогообложения банков : информ. письмо Президиума ВАС РФ от 31 мая 1999 г. № 41 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

¹⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 марта 2021 г. № Ф04-523/2021 по делу № А75-8844/2020 ; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 февраля 2021 г. № Ф02-6649/2020 по делу № А78-2657/2020 ; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 марта 2021 г. № Ф07-3007/2021 по делу № А44-6365/2020 ; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 июля 2023 г. № Ф10-2643/2023 по делу № А36-354/2020.

¹⁸ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 марта 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1 ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. // Там же. 2016. № 9 (извлечение).

¹⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 января 2024 г. № Ф05-32380/2023 по делу № А40-3479/2023.

¹² См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 13 ноября 2013 г. по делу № 33-13962/2013 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 февраля 2023 г. № Ф04-7958/2022 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 16 февраля 2017 г. по делу № 33-5336/2017 ; и др.

¹³ См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 26 октября 2011 г. № 33-16020/2011.

¹⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2003 г. № 33-В02-12 ; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 августа 2022 г. № С01-437/2022 по делу № А32-28515/2021 ; Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2016 г. № 71-ААД16-1.

¹⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 113-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 27. Ст. 2971 ; **Постановление** Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2020 г. № 11АП-3806/2020 по делу № А65-38705/2017.

убеждению в этом случае не будут признаваться незаконными. Так, повторное составление административным органом протокола с соблюдением установленных требований к его содержанию и извещению заинтересованных лиц вместо применения по аналогии норм о внесении изменений в протокол об административном правонарушении не является нарушением законодательства²⁰. Сказанное в полной мере относится ко всем отраслям, где законодатель однозначно не ответил на вопрос о допустимости применения института аналогии. В частности, несмотря на явный запрет аналогии уголовного закона, нормы уголовно-процессуального права могут быть применены по аналогии²¹.

Суды отказывают в применении нормативно-правовых актов по аналогии в следующих случаях:

- 1) различается характер сравниваемых правоотношений²²;
- 2) сравниваются общие и специальные нормы²³;
- 3) аналогия ухудшает положение слабой стороны правоотношения²⁴;
- 4) недопустимо расширительное толкование диспозиций состава правонарушений²⁵.

Возможность применения института ана-

²⁰ См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 26 сентября 2014 г. по делу № А33-5611/2014.

²¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2022 г. № 1453-О.

²² См.: Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 октября 2015 г. № 16АП-3733/2015 по делу № А15-994/2015; Постановление ФАС Поволжского округа от 16 января 2014 г. по делу № А65-24377/2012; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2012 года: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 октября 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1; и др.

²³ См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2020 г. № 11АП-3806/2020 по делу № А65-38705/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 февраля 2020 г. № Ф05-21876/2018 по делу № А40-39560/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 декабря 2019 г. № Ф07-16294/2019 по делу № А56-42110/2018.

²⁴ См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11 ноября 2022 г. № 07АП-8725/2022 по делу № А03-1412/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 16 февраля 2017 г. по делу № 33-5336/2017.

²⁵ См.: Постановление Верховного Суда Республики Карелия от 24 ноября 2017 г. № 4А-345/2017.

логии в информационном праве напрямую не закреплена в действующем законодательстве. На наш взгляд, это обусловлено публично-правовой природой отрасли информационного права, значительным количеством императивных норм, а также отсутствием единого кодифицированного акта в рассматриваемой сфере. Несмотря на активные дискуссии и слова Президента РФ В. В. Путина о необходимости принятия Цифрового кодекса РФ²⁶, этот процесс достаточно длителен и усложняется, в том числе отсутствием общего взгляда ученого сообщества на перспективы кодификации информационного законодательства, предмет и методологию этого процесса.

Несмотря на то что закон прямо не предусматривает применение аналогии к информационным правоотношениям, мы полагаем, что ее использование возможно и в некоторых ситуациях необходимо.

Случаи применения института аналогии в информационной сфере

Л. К. Терещенко справедливо отмечает наличие терминологических пробелов в информационном законодательстве²⁷. И дальнейшее развитие цифровизации будет лишь увеличивать количество таких пробелов²⁸. Т. В. Шатковская обоснованно указывает на стремительность развития общественных отношений в цифровом пространстве, с одной стороны, и отсутствие не только правового регулирования, но и правоприменительной практики – с другой. В результате ученый приходит к выводу о том, что в цифровой среде нежелательное отсутствие правовой нормы является безусловным пробелом, который, однако, сложно устранить вследствие динамично меняющейся реальности²⁹.

Пробелы в информационном законодательстве возникают в различных общественных отношениях, но в большинстве случаев они связаны с использованием информационных технологий. Так, А. В. Минбалеев говорит о проблемах законности обработки персональных дан-

²⁶ См.: URL: <https://ria.ru/20241210/putin-1988415451.html> (дата обращения: 06.0.2025).

²⁷ См.: Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал рос. права. 2022. № 12. С. 98–110.

²⁸ См.: Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залойло. М., 2022. 472 с.

²⁹ См.: Там же.

ных, используемых при разработке алгоритмов, и справедливо отмечает необходимость применения при этом положений законодательства о персональных данных, в том числе по аналогии³⁰. Так, ученый указывает, что при включении персональных данных в онтологию системы можно по аналогии применять правила охраны персональных данных, содержащихся в базе данных или в информационной системе.

Большой пласт правоотношений, в которых может быть использован институт аналогии, находится в сфере данных. Несмотря на публично-правовой характер многих отношений, аналогия закона и права будет здесь применима. Это касается, например, определения терминов (персональные данные муниципального служащего должны по аналогии пониматься через общую категорию персональных данных). Вместе с тем требования к обезличиванию персональных данных, установленные для государственных и муниципальных органов, не могут быть применены по аналогии к требованиям по обезличиванию персональных данных частными организациями³¹.

Интересно в связи с этим дело в области закупок, когда УФАС требовал разместить приложение к контракту, а представители заказчика сослались на то, что это невозможно сделать, не нарушив законодательство о персональных данных. Суд указал, что в этом случае следует применить аналогию права (хотя речь должна идти об аналогии закона) и обезличить персональные данные, как это предполагает законодательство о контрактной системе в иных ситуациях³².

Феномен больших данных, не получив должного правового регулирования, также может быть примером сферы применения правовой аналогии. Так, комплексность явления больших данных предполагает в каждой ситуации идентифицировать ту или иную сторону этого явления. Если имеет место понимание больших дан-

ных как массива сведений, то чаще всего, особенно когда речь идет о массивах структурированной информации, по аналогии применяется законодательство о базах данных, хотя эти институты не являются идентичными. Справедливая позиция относительно различий Big Data и базы данных не должна означать отсутствие в защите прав лиц, если возможно применить аналогию закона или аналогию права. Если большие данные понимаются как единый объект, аккумулирующий сведения, программное обеспечение, технические средства, то будут применяться нормы, регулирующие информационные системы.

Важной особенностью применения аналогии в информационном праве является активное использование для преодоления пробелов цифровых технологий, информационных систем, программного кода. И отсюда вытекают важные моменты.

Во-первых, классическим субъектом преодоления пробела в праве посредством применения института аналогии считается суд, а субъектом устранения пробелов в праве является законодатель. Между тем, если правовой пробел устраняется применением технических средств, программного кода, в результате функционирования информационных систем и иным подобным образом, то суд перестает быть единственным субъектом. В частноправовых отношениях, диспозитивных началах преодоление пробелов посредством программного кода можно рассматривать как вариант дополнительного нормотворчества, возникающего, например, при договорно-правовом регулировании³³. Безусловно, в этом варианте программный код получает возможность преодоления пробелов в праве в силу договоренности сторон, признание такого положения пользователями. Впоследствии трансформация может привести и к признанию программного кода в качестве источника права³⁴. Однако определенную перемену в субъектности преодоления пробелов можно отметить уже сейчас. Речь здесь не идет о том, что искусственный

³⁰ См.: Минбалеев А. В., Сторожакова Е. Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 71–79.

³¹ См.: Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных : приказ Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. № 996. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70451476/paragraph/1:2>

³² См.: Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу от 17 февраля 2017 г. № 11-42/17. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

³³ См.: Кожокарь И. П. К вопросу об отдельных способах устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования обязательственных отношений // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 55–60.

³⁴ См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023.

интеллект может преодолевать пробелы, применяя аналогию закона или аналогию права, подобно судье³⁵. Но субъекты, не являющиеся правоприменителями и закладывающие алгоритмы и программный код в искусственный интеллект, по сути преодолевают пробелы в правовом регулировании.

Во-вторых, меняется понимание самого пробела в праве. Являются ли неурегулированными ситуации, когда они фактически разрешаются посредством функционирования информационных систем, их регулирование заложено в программный код приложения и т. п.? Особенно это актуально, если пользователь не имеет возможности реализовать свои права вне взаимодействий с технологиями и по сути вынужден подчиняться правилам, заложенным в программном коде. На наш взгляд, указанная ситуация всё же должна признаваться правовым пробелом, особенно в случае активного волеизъявления человека, который не считает легитимными автоматически применяемые к нему правила. В этой ситуации суды должны применять аналогию до решения вопроса законодателем.

В-третьих, цифровые технологии можно использовать для поиска самих пробелов или поиска наиболее приемлемой нормы, регулирующей сходные правоотношения. О. А. Иванюк справедливо указывает на использование цифровых возможностей в установлении сходства урегулированных и пробельных отношений³⁶.

Достаточно сложным является вопрос о пределах аналогии в информационном праве. Полагаем, здесь вполне актуальными будут общие доктринальные положения, касающиеся пределов применения института аналогии. Недопустимо применение аналогии:

- в случаях прямого, нормативно установленного запрета;
- при установлении юридической ответственности;
- для взыскания дополнительных платежей (налогов, сборов и т. п.);
- при наличии публичных правоотношений, обусловленных императивным методом право-

³⁵ См.: Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой ; Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2020.

³⁶ См.: Пробелы в праве в условиях цифровизации : сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

вого регулирования и спецификой норм, регулирующих возникновение особых прав и обязанностей у субъектов³⁷.

Например, применение института аналогии к сфере привлечения к ответственности является, на наш взгляд, необоснованным. При этом мы вполне согласны с позицией о том, что владельцы определенных видов роботов при причинении вреда жизни и здоровью должны отвечать как владельцы источника повышенной опасности³⁸. Однако до принятия внесения соответствующих изменений в действующее законодательство применять повышенные меры ответственности в отношении всех систем искусственного интеллекта по аналогии не допустимо.

Нельзя применять институт аналогии закона для расширения обязанностей субъектов, особенно это касается обязанностей граждан.

Тем не менее в области информационных отношений человек (пользователь) часто становится слабой стороной правоотношения, что требует особого подхода для защиты его прав. Нормы об ограничении применения цифровых технологий, решений, принятых на основании использования технологий, находятся в настоящее время в зачаточном состоянии. Так, рост объема данных, собираемых о гражданах, в сочетании с непрозрачностью технологий их обработки, особенно в отношении систем искусственного интеллекта, приводит к непредсказуемости последствий результатов аналитики таких данных. Возможности Big Data применяются в различных сферах как частными, так и публичными субъектами. Однако системное регулирование управления данными, включая особенности применения алгоритмов в различных правоотношениях и сервисах, в ближайшей перспективе не предвидится. В связи с этим институт аналогии мог бы стать временным механизмом для защиты слабой стороны в информационных правоотношениях.

Здесь мы разделяем предложение В. Б. Наумова о принятии норм, устанавливающих обя-

³⁷ См.: Фидаров В. В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 228 с.

³⁸ См.: Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники : основные подходы // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708.

занность получить согласие человека на цифровое взаимодействие по аналогии с институтом согласия на обработку персональных данных, включая право на отзыв такого согласия³⁹. Считаем, что такие положения должны быть прямо закреплены в законодательстве, как и презумпция того, что пользователь не согласен с применением в отношении него цифровых технологий по умолчанию. Однако до принятия такого положения возможно использовать такую конструкцию (презумпцию) по аналогии. Так, в одном деле суд указал, что ответчик должен в ручном режиме накладывать штраф за неисполнение обязательств по договору, а не применять искусственный интеллект⁴⁰.

Информационное законодательство стремительно развивается, что обусловлено в том числе развитием новых технологий. Право при этом отстает от технологического развития, поэтому многие общественные отношения не получают должного регулирования. В связи с этим возникают вопросы о возможности применения существующих правовых норм, регулирующих сходные правоотношения, для новых явлений.

Институт аналогии имеет важное значение в стремительно развивающемся цифровом пространстве. Применение аналогии закона и аналогии права способствовало бы защите прав и свобод человека и гражданина в случае наличия пробелов в праве. Цифровые технологии выступают средством поиска пробелов в праве или норм, регулирующих сходные правоотношения. Это направление представляется перспективным ввиду активного применения машиночитаемого права. Использование программного кода, алгоритмов как средства преодоления пробелов в праве считаем возможным лишь при информировании заинтересованных субъектов о фактическом регулировании и согласии таких субъектов. Институт аналогии в информационном праве должен получить дальнейшее развитие в силу отсутствия на данный момент действенных механизмов по защите слабой стороны в цифровом пространстве.

³⁹ См.: *Наумов В. Б.* Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 26–36.

⁴⁰ См.: Решение Арбитражного суда Московской области от 6 сентября 2023 г. по делу № А41-43556/2023.

Библиографический список

Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 280 с.

Безбородов Ю. С., Халафян Р. М. Международное право и мировой правопорядок : девальвация или трансформация? // Закон. 2022. № 8. С. 13–29.

Блажеев В. В. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 488 с.

Василевская Л. Ю. Деликтная ответственность за нарушение цифровых прав : проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 2. С. 2–5.

Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Racing problem и возрождение судебного нормотворчества // Закон. 2021. № 6. С. 122–138.

Гончарова В. А. О необходимости комплексного подхода при определении режима больших данных (big data) в отечественном законодательстве // Предпринимательское право. 2024. № 4. С. 8–12.

Гриб В. Г., Тюнис И. О. Промышленная революция и борьба с преступностью // Рос. следователь. 2022. № 11. С. 45–48.

Ефремов А. А. Проблема субъектности в информационном праве // Журнал рос. права. 2025. Т. 29, № 8. С. 93–104.

Зайцев И. А. Права и обязанности физического лица, привлекаемого к административной ответственности, в условиях развития цифровой коммуникации. Часть 2. Возможные риски и угрозы // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 33–37.

Кожокарь И. П. К вопросу об отдельных способах устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования обязательственных отношений // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 55–60.

Микрюков В. А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М. : Статут, 2021. 164 с.

Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 31–36.

Минбалеев А. В., Сторожакова Е. Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 71–79.

Мохов А. А. О Совете при Президенте Российской Федерации по этике // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 23–31.

Наумов В. Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 26–36.

Петровский Н. А. Метод аналогии и концепции беспробельности права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 31–36.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой ; Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2020.

Пробелы в праве в условиях цифровизации : сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2022. 472 с.

Рехтина И. В. Принципы гражданского процессуального права : сохранить основы // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 4–8.

Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные : в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

Сидорова В. Н. Применение цифровых технологий как проблема гражданского законодательства // Право и цифровая экономика. 2020. № 4. С. 18–24.

Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал рос. права. 2022. № 12. С. 98–110.

Фидаров В. В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

Фидаров В. В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 228 с.

Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники : основные подходы // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708.

References

Amelin R. V., Channov S. E. The evolution of law under the influence of digital technologies : a monograph. Moscow : Norm : INFRA-M, 2023. 280 p.

Bezborodov Yu. S., Khalafyan R. M. International law and the global legal order : devaluation or transformation? // Law. 2022. No. 8. P. 13–29.

Blazheev V. V. Digital law : textbook / under the general editorship of V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow : Prospekt, 2020. 488 p.

Vasilevskaya L. Y. Tort liability for violation of digital rights : problems and prospects of development // Civil Law. 2024. No. 2. P. 2–5.

Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Pacing problem and the revival of judicial rulemaking // Law. 2021. No. 6. P. 122–138.

Goncharova V. A. On the need for an integrated approach in determining the big data regime in domestic legislation // Business Law. 2024. No. 4. P. 8–12.

Grib V. G., Tyunis I. O. The industrial Revolution and the fight against crime // Russian investigator. 2022. No. 11. P. 45–48.

Efremov A. A. The problem of subjectivity in information law // Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29, No. 8. P. 93–104.

Zaitsev I. A. The rights and obligations of an individual brought to administrative responsibility in the context of the development of digital communication. Part 2. Possible risks and threats // Administrative law and process. 2023. No. 2. P. 33–37.

Kozhokar I. P. On the issue of individual ways to eliminate defects in the mechanism of civil law regulation of binding relations // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2015. Issue 2 (28). P. 55–60.

Mikryukov V. A. Analogy of law and analogy of law in the practice of resolving family law disputes. Moscow : Statute, 2021. 164 p.

Minbaleev A. V. Transformation of regulation of digital relations // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2019. No. 12. P. 31–36.

Minbaleev A. V., Storozhakova E. E. Problems of legal protection of personal data in the process of using neural networks // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2023. No. 2. P. 71–79.

Mokhov A. A. On the Council under the President of the Russian Federation on Ethics // Actual problems of Russian Law. 2020. No. 12. P. 23–31.

Naumov V. B. The right to abandon digital technologies in the field of artificial intelligence // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2024. No. 10. P. 26–36.

Petrovsky N. A. Method of analogy and the concept of lawlessness // Gaps in Russian legislation. 2012. No. 3. P. 31–36.

Legal regulation of artificial intelligence in the context of a pandemic and infodemia / under the general editorship by V. V. Blazheev, M. A. Egorova ; the O. E. Kutafin University (MGUA). Moscow : Prospekt, 2020.

Gaps in law in the context of digitalization : collection of scientific papers / under the general editorship by D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo. Moscow, 2022. 472 p.

Rekhtina I. V. Principles of civil procedural law : to preserve the foundations // Arbitration and civil procedure. 2024. No. 2. P. 4–8.

Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. Big data : in search of a place in the system of civil law // Law. 2018. No. 11. P. 106–123.

Sidorova V. N. Application of digital technologies as a problem of civil legislation // Law and the digital economy. 2020. No. 4. P. 18–24.

Tereshchenko L. K. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization // Journal of Russian Law. 2022. No. 12. P. 98–110.

Fidarov V. V. Limits of the permissibility of using the Institute of analogy of law and analogy of law in the legal system of Russia : cand. legal sci. dis. abstr. Tambov, 2009. 24 p.

Fidarov V. V. The limits of the permissibility of the application of the Institute of analogy of law and analogy of law in the legal system of Russia : cand. legal sci. dis. Tambov, 2009. 228 p.

Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Civil liability in the development and application of artificial intelligence and robotics systems : basic approaches // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2022. Issue 58. P. 683–708.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Лескина Э. И., кандидат юридических наук, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права
E-mail: elli-m@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.09.2025

Для цитирования:

Лескина Э. И. Институт аналогии в информационном праве России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 157–165. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/157-165>

National Research University «Higher School of Economics»

Leskina E. I., PhD in Law, Associate Professor of the School of Digital Law and Bio-Law
E-mail: elli-m@mail.ru

Received: 16.09.2025

For citation:

Leskina E. I. Institute of analogy in information law of Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 157–165. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/157-165>

ИСКУССТВЕННОЕ ДРОБЛЕНИЕ ЗАКУПОК КАК СПОСОБ УХОДА ОТ КОНКУРЕНТНЫХ ПРОЦЕДУР

О. А. Берзинь, Р. В. Кечин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ARTIFICIAL DIVISION OF PURCHASES AS A WAY TO AVOID COMPETITIVE PROCEDURES

O. A. Berzin, R. V. Kechin

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: исследуются проблемы искусственного дробления государственных и муниципальных закупок как способа ухода от обязательных конкурентных процедур. Авторы анализируют противоречивость судебной практики и позиций контролирующих органов по вопросам квалификации дробления закупок, выявляя отсутствие единых критериев и законодательно закрепленного определения данного правонарушения. В работе систематизированы основные подходы к пониманию искусственного дробления закупок, сформулированные в решениях арбитражных судов и актах ФАС России. На основе анализа правоприменительной практики авторы предлагают собственное определение искусственного дробления закупок и обосновывают необходимость его законодательного закрепления. Исследование содержит рекомендации по совершенствованию системы предотвращения дробления закупок, включая развитие автоматизированных систем мониторинга и внедрение международных методик оценки коррупционных рисков.

Ключевые слова: дробление закупок, закон о закупках, судебная практика, ФАС России, конкурентные процедуры.

Abstract: the article is devoted to the study of the problem of artificial fragmentation of state and municipal procurement as a way to avoid mandatory competitive procedures. The authors analyze the contradictory nature of judicial practice and positions of supervisory authorities on issues of qualification of procurement fragmentation, revealing the absence of unified criteria and a legislatively established definition of this violation. The work systematizes the main approaches to understanding artificial procurement fragmentation, formulated in decisions of arbitration courts and acts of the Federal Antimonopoly Service of Russia. Based on the analysis of law enforcement practice, the authors propose their own definition of artificial procurement fragmentation and substantiate the necessity of its legislative consolidation. The study contains recommendations for improving the system of preventing procurement fragmentation, including the development of automated monitoring systems and the implementation of international methods for assessing corruption risks.

Key words: fragmentation of procurement, procurement law, judicial practice, FAS of Russia, competitive procedures.

Государственные и муниципальные закупки занимают центральное место в экономической-правовой системе России и служат одним из ключевых инструментов повышения эф-

фективности деятельности органов государственной власти.

Обеспечение конкуренции при проведении государственных закупок является одним из законодательно закрепленных принципов их реализации согласно ст. 6 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной сис-

теме в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон № 44-ФЗ).

На наднациональном уровне данный принцип также нашел свое закрепление в решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2018 г. № 183 (принципы закупок в рамках ЕАЭС): «Государственные закупки должны проводиться на принципах открытости, прозрачности, равноправия, справедливости и эффективной конкуренции». Такое пристальное внимание к обеспечению конкуренции правовыми средствами объясняется основными целями проведения государственных закупок, которые призваны одновременно обеспечивать и экономии бюджетных средств, и качество получаемых товаров, работ, услуг (далее – ТРУ). На это также указывают некоторые ученые, утверждая, что «принцип конкуренции в Законе № 44-ФЗ направлен на достижение баланса между экономией бюджетных средств и качеством исполнения контрактов, поскольку по мере увеличения НМЦК происходит значительное снижение конкуренции²», а также на создание равных условий для участников закупки и устранение необоснованных ограничений их числа заказчиками³.

Исходя из законодательного определения конкуренция представляет собой соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке⁴.

Одним из непрямых показателей нарушения принципа конкуренции при осуществлении государственных закупок является увеличение количества их участников. Например,

согласно сведениям из ежеквартального отчета Министерства финансов по результатам мониторинга закупок ТРУ для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок ТРУ отдельными видами юридических лиц за III квартал 2024 г.⁵ количество участников закупок увеличилось на 11,6 % по сравнению с базисным периодом и достигло 822 169. Число субъектов малого и среднего предпринимательства выросло на 6,9 % — до 638 479. Количество заказчиков составляет 86 270 и растет незначительно. Еще одним показательным значением является уменьшающееся количество поданных участниками закупок заявок на участие в закупках (-10,4 % в суммовом варианте – 439 790 заявок). Эти данные могут указывать на возможные нарушения принципа конкуренции при осуществлении государственных закупок. В свою очередь, законодатель стремится регулярно адаптировать нормативно-правовую базу в этой сфере к складывающейся экономической ситуации, что негативно отражается на возможности соблюдения принципа конкуренции. Например, в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 был расширен перечень оснований для закупок (без проведения конкурентных процедур) по п. 9 ч. 1 ст. 93, а предельная сумма контрактов увеличилась со 100 тыс. до 600 тыс. рублей⁶.

Но наряду с вынужденными изменениями частые изменения Закона № 44-ФЗ приводят к увеличению числа случаев формального соблюдения требований законодательства, когда разрешенный отказ от конкурентных процедур⁷ может повлечь за собой различные правовые последствия от признания сделки ничтожной до привлечения к административной ответственности. Одним из таких способов ухода от конку-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. С. 1652.

² Волков А., Малых С., Герасимова Е., Голдина А. Бюллетень о развитии конкуренции «Конкуренция в сфере государственных и муниципальных закупок» // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2020. Вып. 29. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82_20_web.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

³ См.: Борзенко Ю. А., Тарасова Н. М. Конкуренция как фактор эффективности государственных закупок // Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 45–50.

⁴ См.: Пункт 7 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

⁵ См.: URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases?id_57=309289-ezhekvaralniyi_otchet_po_rezultatam_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obespecheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_a_takzhe_zakupok_tovarov_rabot_uslug_otdelnymi_vidami_yuridicheskikh lits_za_iii_kvartal_2024_g (дата обращения: 16.07.2025).

⁶ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции : федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 17. С. 2702.

⁷ Например, в п. 2 ст. 24 ФЗ № 44 указаны виды способов определения поставщика.

ренции является искусственное дробление закупок. По мнению экспертов, дробление закупок – одна из самых распространенных схем ухода от конкурентных процедур⁸. Это подтверждается и правоприменительной практикой, например в постановлении АС Северо-Кавказского округа от 12 мая 2023 г. № Ф08-4152/2023 по делу № А32-30974/2022 указано, что Заказчик вместо проведения конкурентной процедуры заключил 92 аналогичных контракта с единственным поставщиком на услуги обслуживания систем сигнализации и видеонаблюдения. Суд признал эти действия дроблением закупки и указал, что объединение подобных объемов в один лот позволило бы участвовать крупным поставщикам, а дробление закупки привело к ограничению конкуренции.

Отметим, что прямого запрета на дробление закупок в самом Законе № 44-ФЗ не содержится, однако указанные действия могут повлечь административную ответственность по ст. 7.29 КоАП РФ (при заключении контрактов до 1 марта 2025 г.). Таким образом, дробление закупок можно считать полноценным правонарушением, влекущим ответственность по КоАП РФ. Как отмечают авторы, нормы административного законодательства, закрепляющие ответственность в сфере закупок, направлены на защиту конкуренции как публичного интереса, подчеркивая, что «ответственность за уход от конкурентных процедур носит не компенсационный, а карательный характер»⁹.

Необходимо отметить, что как отдельный состав правонарушения по ст. 7.29 КоАП РФ упразднен с 1 марта 2025 г., однако в настоящее время административная ответственность за искусственное дробление закупок может наступить по ч. 4 ст. 7.30.1 КоАП РФ. Как показывает практика, для привлечения к ответственности необходимо однозначное понимание самого понятия «дробление», а также его основных признаков. Затруднения при отделении правомерных действий от неправомερных при искусственном дроблении закупок во многом заключаются в том, что до настоящего времени не существует его нормативно закреπленного определения, а

также не обозначены четкие критерии дробления закупок как правонарушения. Так, с момента вступления в силу Закона № 44-ФЗ и по настоящее время понятие «дробление закупки» в нем отсутствует.

Сложившаяся практика показывает, что определение понятия «дробление закупок» формируется в решениях контролирующих органов и судов. Это прослеживается с момента опубликования одного из постановлений Президиума ВАС РФ № 2518/11 от 12 июля 2011 г., обобщившего судебную практику реализации положений предшественника Закона № 44-ФЗ – Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд»¹⁰. В данном документе искусственное дробление закупки предлагалось понимать в виде разделения единого (крупного) заказа на группу однородных (мелких), сумма по каждому из которых не превышает предельного размера расчетов наличными деньгами¹¹.

В современной судебной практике также можно встретить определение «искусственного дробления закупки». Например, одно из них предлагает под ним понимать сознательные действия, направленные на уход от соблюдения процедуры торгов¹². Указывая при этом на то, что отсутствие в законе ограничения возможности заключения с одним и тем же поставщиком нескольких договоров на приобретение одних и тех же товаров предполагает соблюдение порядка, предусмотренного Законом № 44-ФЗ¹³.

Практика рассмотрения дел о дроблении закупок остается противоречивой.

Так, Арбитражный суд Курганской области рассматривал дело о заключении четырех договоров на поставку медицинских товаров для ГБУ «Курганская БСМП» с ООО «ЛИНКОС МК». Суд отметил, что Закон № 44-ФЗ не ограничивает количество договоров, не превышающих максимальную цену, даже если они заключаются по одному и тому же товару с одним поставщиком в течение любого календарного периода.

⁸ См.: Манько А. Н. Проблемы дробления закупок // Госзаказ в вопросах и ответах, 2022. № 5.

⁹ Кокоева Л. Т., Станкевич Г. В. Гражданско-правовая ответственность в сфере закупок : особенности применения // Экономика. Право. Общество. 2022. № 7 (3). С. 25–30.

¹⁰ См.: Рос. газета. 2005. № 3832.

¹¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 12 июля 2011 г. № 2518/11 .

¹² См.: Решение Арбитражного суда Курганской области от 6 марта 2019 г. по делу № А34-15236/2018.

¹³ См.: Там же.

Однако, признавая сделки ничтожными, суд сослался на ч. 2 ст. 8 Закона № 44-ФЗ, запрещающую любые действия заказчиков, противоречащие закону, в том числе приводящие к ограничению конкуренции и необоснованному сокращению числа участников закупок.

Ответчик утверждал, что поставленные товары не являются идентичными, поскольку отличаются техническими и качественными характеристиками. Однако суд отметил, что все товары предназначены для медицинских нужд и направлены на достижение единой цели – обеспечение экстренной и скорой медицинской помощи населению в соответствии с задачами ГБУ «Курганская БСМП».

Кроме того, Верховный Суд неоднократно указывал, что Закон № 44-ФЗ направлен на обеспечение конкуренции и преимущественно предусматривает конкурентные способы закупки, и на то, что закупка у единственного поставщика должна производиться в исключительных случаях, предусмотренных ст. 93 Закона № 44-ФЗ.¹⁴ А в отдельных случаях суды признали незаконным решение регионального УФАС, не установившего в действиях заказчика признаков дробления закупки на более мелкие лоты для заключения прямых договоров с единственным поставщиком (подрядчиком) по п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ без проведения конкурентных торгов¹⁵.

ФАС России отмечала, что неоднократное приобретение одноименных товаров, работ или услуг у единственного поставщика по п. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ не является нарушением, если такие действия не связаны с антиконкурентным соглашением (ст. 16 Закона о защите конкуренции)¹⁶. Эта позиция подтверждается рядом судебных решений¹⁷.

¹⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 17 июля 2023 г. № 303-ЭС23-11867 по делу № А73-19465/2021.

¹⁵ См.: Постановление 18 арбитражного апелляционного суда РФ от 11 июня 2021 г. по делу № А07-30809/2020 ; Определение ВС РФ от 19 января 2022 г. № 309-ЭС21-26288.

¹⁶ См.: О порядке применения пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : письмо ФАС России от 14 ноября 2019 г. № ИА/100041/19.

¹⁷ См.: Решения Ставропольского Краевого суда от 23 мая 2018 г. по делу № 7-339/2018, Владимирского об-

Следует отметить, что в указанном письме ФАС России фактически подтверждала актуальность позиции, изложенной в письме от 2017 г.¹⁸, и указывала на возможность заключения договоров с одним контрагентом (даже в течение одного дня) нескольких контрактов с одним предметом. Но некоторые территориальные органы имели свою, особую позицию по этому вопросу и признавали нарушения в действиях заказчиков при схожих условиях¹⁹.

Позиция ведомства была поддержана Минфином России, указавшим на отсутствие в Законе № 44-ФЗ требований о недопустимости осуществления заказчиком нескольких закупок одноименных товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) на основании п. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ: нарушение принципа обеспечения конкуренции при осуществлении таких закупок на основании указанных пунктов отсутствует, поскольку отсутствует требование, противоречие, которое бы допустил заказчик²⁰.

Однако это противоречит мнению, высказанному Минфином России ранее, указавшим на то, что осуществление закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) является исключительным случаем осуществления закупок. Указанный способ должен применяться лишь в тех случаях, когда невозможно применять иные способы осуществления закупок товаров (работ, услуг)²¹.

Особого внимания заслуживает постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 апреля 2024 г., оставившего в силе ре-

ластного суда от 2 марта 2018 г. по делу № 11-39/2018, Смоленского областного суда от 18 июня 2017 г. по делу № 21-236/2017, Верховного Суда Республики Алтай от 5 июня 2014 г. по делу № 21-35/2014.

¹⁸ См.: О рассмотрении обращения : письмо ФАС России от 25 апреля 2017 г. № РП/27902/17.

¹⁹ См.: Определение Верховного Суда от 5 июля 2018 г. № 309-КГ18-8614.

²⁰ См.: Письмо Минфина России от 8 июня 2022 г. № 24-01-07/54275 по вопросам заключения нескольких контрактов, предусматривающих закупку одноименных товаров, работ, услуг и Письмо Минфина России от 24 июля 2017 г. № 24-05-09/47113 «О применении положений Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»».

²¹ См.: Письмо Минфина России от 24 января 2014 г. № 02-02-08/2657.

шения предыдущих инстанций и отказавшего в требованиях прокурора в признании ничтожными трех договоров на поставку товара для учебных мастерских, заключенных с единственным поставщиком, и процитировавшего письмо²² 2016 г. от органа, не наделенного компетенцией по разъяснению законодательства Российской Федерации, – Министерства экономического развития РФ²³.

Проведенный анализ практики позволяет выделить следующие варианты определения искусственного дробления закупок:

1) действия заказчика, приводящие к разделению единой потребности в ТРУ на несколько закупок с целью: избежания применения конкурентных способов определения поставщика; создания преимуществ отдельным участникам закупки.

2) разделение технологически и экономически обоснованной единой закупки на части без объективных причин, подтвержденное: идентичностью предметов закупки; совпадением сроков исполнения; возможностью объединения в один лот без ущерба для исполнения.

3) дробление имеет место, когда заказчик заключает в один период несколько закупок с однородными товарами при отсутствии обстоятельств, свидетельствующих о невозможности заключить государственный либо муниципальный контракт в установленном порядке.

Обобщение имеющихся определений позволяет говорить о том, что основой искусственного дробления закупок является неправомерное разделение одного большого заказа на несколько мелких. Все остальные критерии больше подходят в качестве целей такого разделения либо самостоятельных признаков, по которым можно установить сам факт дробления.

Что касается научных определений, то многие авторы ограничиваются тем, что просто перечисляют признаки искусственного дробления, не концентрируя свое внимание на их определении. Таким образом, дробление – это стратегия дезагрегации закупочной процедуры, при которой нарушается принцип пропорциональности

(соразмерности объема закупки ее целям); создаются искусственные барьеры для участников, способных выполнить полный объем; достигается квазиконкурентный результат при фактическом ограничении конкуренции.

Как показал проведенный анализ, на практике наиболее значимыми критериями, указывающими на дробление закупки, считаются: количественные, ценовые и временные параметры. Примером количественного параметра можно назвать две и более закупки одного товара (работы, услуги). Ценовой порог указан в законодательстве, и, соответственно, суммарная цена контрактов раздробленных закупок, как правило, превышает разрешенный порог заключения в 600 тыс. руб. О временном параметре могут свидетельствовать размещенные в ЕИС сведения о заключенных контрактах с интервалом ≤5 рабочих дней (методика ФАС, 2023). Аналогичными параметрами руководствуются и судебные инстанции при решении вопросов о дроблении закупок²⁴.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что для снижения неопределенности в оценке правомерности действий заказчиков со стороны судов, ФАС России и Министерства финансов России и с целью выработки единых подходов к правоприменению необходимо дополнить ст. 3 Закона № 44-ФЗ еще одним понятием – «искусственное дробление закупок (разделения заказов)». В качестве рабочего определения можно использовать следующее: «искусственное дробление закупок представляет собой неправомерное разделение крупного заказа на несколько мелких заказов, и влечет за собой привлечение виновного должностного лица к административной ответственности».

Дополнительно хотелось бы отметить, что решение проблемы искусственного дробления контрактов требует комплексного подхода и не должно ограничиваться только разработкой и закреплением в законе его определения. Необходимо совершенствовать планирование закупок, обеспечивая заказчикам возможность грамотно формировать и исполнять план-гра-

²² См.: О разъяснении положений Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ: письмо Министерства экономического развития РФ от 23 декабря 2016 г. № Д28и-3530.

²³ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа по делу № А21-5955/2023.

²⁴ См.: Верховным Судом Российской Федерации в определении от 22 мая 2019 г. № 305-ЭС19-6610 по делу № А40-208115/2018, определении от 19 января 2022 г. по делу № 309-ЭС21-26288, постановлении от 7 октября 2019 г. № 73-АД19-2.

фик. Важную роль играет повышение квалификации сотрудников контрактных служб, включая регулярную аттестацию и усиление персональной ответственности за выбор способа определения поставщиков. Кроме того, следует развивать автоматизированные информационные системы мониторинга закупок на основе алгоритмов машинного обучения, позволяющие выявлять паттерны искусственного дробления в режиме реального времени и предотвращать заключение соответствующих контрактов. Дополнительной мерой может стать включение критерия «обнаружение дробления закупок» при отнесении субъекта контроля к определенной категории риска согласно Правилам осуществления контроля²⁵. Это позволит планировать и осуществлять, эффективнее проводить контрольные мероприятия на основе международного опыта, в частности с использованием методологии анализа «красных флажков» – Индекса риска коррупции (CRI), представляющего собой среднее арифметическое индивидуальных индикаторов риска (красных флагов), исчисляемое от 0 (самый низкий наблюдаемый риск коррупции) до 1 (самый высокий наблюдаемый риск коррупции)²⁶.

Вместе с тем ключевым фактором, способствующим добросовестному поведению заказчиков, является формирование однозначной позиции как со стороны контролируемых, так и су-

дебных органов. В первую очередь это касается унификации понятийного аппарата и выработки четких критериев, позволяющих однозначно идентифицировать признаки искусственного дробления закупок.

Библиографический список

Волков А., Малых С., Герасимова Е., Голдина А. Бюллетень о развитии конкуренции «Конкуренция в сфере государственных и муниципальных закупок» // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2020. Вып. 29. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82_20_web.pdf

Борзенко Ю. А., Тарасова Н. М. Конкуренция как фактор эффективности государственных закупок // Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 45–50.

Манько А. Н. Проблемы дробления закупок // Госзаказ в вопросах и ответах. 2022. № 5.

Кокоева Л. Т., Станкевич Г. В. Гражданско-правовая ответственность в сфере закупок : особенности применения // Экономика. Право. Общество. 2022. № 7 (3). С. 25–30.

Fazekas M., Kocsis G. Uncovering high-level corruption : cross-national objective corruption risk indicators using public procurement data // British Journal of Political Science. 2017. Vol. 50. No. 1. P. 1–10.

References

Volkov A., Malykh S., Gerasimova E., Goldina A. Bulletin on the development of competition «Competition in the field of state and municipal procurement» // Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 2020. Issue 29. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82_20_web.pdf

Borzenko A. A., Tarasova N. M. Competition as an actor-oriented state order // Mathematics of the IV century. Scientific and Practical Conference. Moscow, 2020. P. 45–50.

Manko A. N. Problems of fragmentation of procurement // State order in questions and answers. 2022. No. 5.

Kokoeva L. T., Stankevich G. V. Civil liability in the field of procurement : application features // Economics. Right. Society. 2022. No. 7 (3). P. 25–30.

Fazekas M., Kocish G. High-level corruption detection : international objective indicators of corruption risks using public procurement data // British Journal of Political Science. 2017. Vol. 50. No. 1. P. 1–10.

²⁵ См.: Об утверждении Правил осуществления контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг в отношении заказчиков, контрактных служб, контрактных управляющих, комиссий по осуществлению закупок товаров, работ, услуг и их членов, уполномоченных органов, уполномоченных учреждений, специализированных организаций, операторов электронных площадок, операторов специализированных электронных площадок, банков, государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», региональных гарантийных организаций и о внесении изменений в Правила ведения реестра жалоб, плановых и внеплановых проверок, принятых по ним решений и выданных предписаний, представлений : постановление Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1576 (ред. от 27.01.2022).

²⁶ См.: *Fazekas M., Kocsis G.* Uncovering high-level corruption : cross-national objective corruption risk indicators using public procurement data // British Journal of Political Science. 2017. Vol. 50. No. 1. P. 1–10.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Берзинь О. А., доктор юридических наук, доцент, профессор, профессор департамента публичного права

E-mail: oberzin@hse.ru

Кечин Р. В., аспирант, начальник отдела контроля в сфере закупок контрольно-ревизионного управления Министерства финансов Нижегородской области

E-mail: rvkechin@gmail.com

Поступила в редакцию: 16.07.2025

Для цитирования:

Берзинь О. А., Кечин Р. В. Искусственное дробление закупок как способ ухода от конкурентных процедур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 166–172. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/166-172>

National Research University «Higher School of Economics»

Berzin O. A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Public Law

E-mail: oberzin@hse.ru

Kechin R. V., Post-graduate Student, Head of the Procurement Control Department of the Audit Department of the Ministry of Finance of the Nizhny Novgorod Region

E-mail: rvkechin@gmail.com

Received: 16.07.2025

For citation:

Berzin O. A., Kechin R. V. Artificial division of purchases as a way to avoid competitive procedures // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 166–172. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/166-172>

ФАКТИЧЕСКОЕ ПРИНЯТИЕ НАСЛЕДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Н. В. Ростовцева, С. К. Булгакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ACTUAL ACCEPTANCE OF INHERITANCE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

N. V. Rostovtseva, S. K. Bulgakova

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: исследуется институт фактического принятия наследства (неформального способа) в наследственном праве России. С опорой на законодательство, доктрину и практику анализируется правовая природа фактического принятия наследства, а также выявляются проблемы, возникающие на практике в связи с принятием наследства неформальным способом.

Ключевые слова: принятие наследства, фактическое принятие наследства, презумпция фактического принятия наследства, неформальный способ принятия наследства.

Abstract: the article examines the institution of actual acceptance of inheritance (informal method) in the inheritance law of Russia. The authors, relying on legislation, doctrine and practice, analyze the legal nature of actual acceptance of inheritance, and also identify problems that arise in practice in connection with the acceptance of inheritance in an informal way.

Key words: acceptance of inheritance, actual acceptance of inheritance, presumption of actual acceptance of inheritance, informal method of accepting inheritance.

В России для приобретения наследства наследник должен его принять согласно п. 1 ст. 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Данное положение сформулировано в духе римской традиции, т. е., как отмечал известный русский цивилист В. И. Синайский, системы принятия, которая отличалась от германской системы, системы отречения, «согласно коей наследование происходит непосредственно в силу закона в момент открытия наследства; причем наследнику предоставляется, однако, право отречься от наследства в течение известного срока»². В современной доктрине приня-

тие наследства с точки зрения российского законодательства рассматривается как «лежачий камень», который нужно «поднять», выполнив ряд активных действий по приобретению сокрытых там богатств»³.

Принятие наследства наследником возможно двумя способами: формальным – путем обращения к нотариусу по месту открытия наследства с заявлением о принятии наследства или о выдаче свидетельства о праве на наследство (п. 1 ст. 1153 ГК РФ) и так называемым неформальным или фактическим – путем совершения действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства.

Перечень действий, которые закон рассматривает в качестве фактического принятия наследства, перечислен в п. 2 ст. 1153 ГК РФ. Речь

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

² Синайский В. И. Русское гражданское право (пособие к изучению т. X ч. 1 и сенатской практики). Киев : Тип. А. М. Пономарева при участии И. И. Врублевского, 1912. С. 390.

© Ростовцева Н. В., Булгакова С. К., 2025

³ Наследственное право : постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М. : М-Логос, 2018. С. 332–333 (автор коммент. к ст. 1152 ГК РФ – И. Г. Ренц).

идет, в частности, о следующих действиях наследника: вступление во владение или в управление наследственным имуществом; принятие мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц; произведение за свой счет расходов на содержание наследственного имущества; оплата за свой счет долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитающихся наследодателю денежных средств. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении дополнительно разъясняет, что это могут быть действия «по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии, в которых проявляется отношение наследника к наследству как к собственному имуществу»⁴. В постановлении также отмечаются такого рода действия: вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания), обработка наследником земельного участка, осуществление оплаты коммунальных услуг, иные действия по владению, пользованию и распоряжению наследственным имуществом. При этом такие действия согласно указанному постановлению могут быть совершены как самим наследником, так и, по его поручению, другими лицами. Подобные действия должны быть совершены в течение срока принятия наследства, установленного ст. 1154 ГК РФ⁵.

Настоящая статья посвящена исследованию теоретических и практических проблем, возникающих в связи с фактическим принятием наследства (неформальным способом принятия наследства). Авторами предпринята попытка определения юридической природы фактического принятия наследства, а также выявления проблем, возникающих в судебной практике при неформальном способе принятия наследства.

Правовая природа фактического принятия наследства. В доктрине общепризнанным является мнение о том, что принятие наслед-

ства – это односторонняя сделка⁶, не требующая согласования действий с кем бы то ни было и порождающая правовые последствия в виде установления прав наследника на наследственное имущество. Так, А. В. Бегичев отмечает: «принятие наследства представляет собой односторонний волевой акт лица, призванного к наследованию, направленный на возникновение у указанного лица прав и обязанностей в отношении наследственного имущества»⁷.

Правовая природа принятия наследства как односторонней сделки поддерживается и Верховным Судом РФ: «Принятие наследства по своей юридической природе представляет собой одностороннюю сделку, посредством которой наследник, призванный к правопреемству после умершего лица, принимает причитающееся ему наследственное имущество и становится его собственником»⁸.

Вместе с тем такой единодушный подход в определении правовой природы принятия наследства закрепился только в отношении формального способа принятия наследства.

Подобного единства взглядов мы не обнаруживаем, если речь идет о фактическом принятии наследства, которое нередко рассматривается не как сделка, а как юридический поступок. В научной литературе проводится следующее отличие между данными юридическими фактами: если в сделках «воля непосредственно направлена на юридически значимые последствия, то в юридических поступках воля лица направлена лишь на совершение самого действия, с которым уже закон связывает определенные правовые последствия независимо от того, хотело ли лицо наступления таких правовых последствий. В юридических поступках воля хотя и имеется,

⁶ См., например: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юристъ, 2002. С. 205 (автор коммент. к ст. 1152 ГК РФ – О. Ю. Шилохвост) ; Наследственное право : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. О. Ю. Ильиной, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Н. Д. Эриашвили, Т. В. Дерюгиной. 9-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 214.

⁷ См.: Бегичев А. В. Наследственное право России : учеб. пособие. М. : Логос, 2020. С. 86.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. по делу № 33-КГ17-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Пункт 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Рос. газета. 2012. № 127.

⁵ См.: Пункт 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Рос. газета. 2012. № 127.

но направлена не на правовые последствия, а на совершение самих действий, с которыми закон связывает определенные последствия»⁹.

Ю. К. Толстой отмечает, что такие действия наследника, как вступление во владение и управление наследственным имуществом, принятие мер к сохранению имущества, к защите его от посягательств или притязаний третьих лиц, производство за свой счет расходов на содержание имущества, могут выражаться в совершении не только сделок, но и юридических поступков, т. е. таких действий, которые вызывают правовые последствия независимо от того, была ли направлена воля совершающего их лица на достижение указанных последствий или нет¹⁰.

С. Ю. Чашкова, относя фактическое принятие наследства к юридическому поступку, добавляет аргумент в пользу данной позиции, обращая внимание на специальный порядок опровержения факта принятия наследства: «не через признание его недействительным, а через заявление о том, что действия были совершены с иной целью, т. е. опровергается сама цель совершения указанных действий, презюмируемая как принятие наследства в силу п. 2 ст. 1153 ГК РФ, а не оспаривается совершенный поступок»¹¹.

Тем не менее в судебной практике принятие наследства признается «осознанным актом поведения наследника, совершаемым намеренно в целях принятия наследства, в результате которого наследник замещает наследодателя во всей совокупности имущественных прав и обязанностей, иных имущественных состояний, участником которых при жизни был наследодатель»¹². Известный русский цивилист

В. И. Серебровский придерживался аналогичной позиции, отмечая, что «для неформального принятия наследства требуется, чтобы конкретные действия наследника явно свидетельствовали о его намерении принять наследство»¹³. Как указывал В. И. Серебровский, не являются принятием наследства действия призванного к наследованию лица, направленные только к охране наследства, но не свидетельствующие о прямом желании наследника принять наследство¹⁴.

С учетом изложенного полагаем, что фактическое принятие наследства есть сделка, т. е. волевое действие, направленное на создание правовых последствий. Правильным видится вывод Н. Ю. Рассказовой о том, что фактическое принятие наследства отвечает признакам сделки: «в основе приобретения наследства *gestione pro herede* лежит идея о том, что наследник, во-первых, *желает* принять наследство, а во-вторых, приобретает его именно в силу своего желания. Если наследник не намерен наследовать, ему достаточно заявить о своей истинной воле, и независимо от совершаемых им действий правовые последствия в виде приобретения наследственного имущества не возникнут»¹⁵.

Полагаем, что формальный и неформальный способы принятия наследства должны иметь одинаковую правовую природу (сделочную). Иное привело бы к тому, что у наследников, принявших наследство формальным и неформальным способом, возникали бы разные правовые возможности для осуществления своих прав. Так, если считать фактическое принятие наследства юридическим поступком, то придется признать допустимость совершения такого рода действия и недееспособным гражданином. Однако такой вывод представляется спорным. То же мнение высказано и в доктрине¹⁶.

Итак, фактическое принятие наследства по своей правовой природе является сделкой. Действия лица, принимающего наследство неформальным способом, имеют осознанный во-

⁹ Щепин Д. С. Теория фактических договорных отношений : история становления и критика // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 82.

¹⁰ См.: Сергеев А. П., Толстой Ю. К., Елисеев И. В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть третья / под общ. ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2002. С. 112–113 (автор коммент. к ст. 1153 ГК РФ – Ю. К. Толстой).

¹¹ Чашкова С. Ю. Правовая природа и виды односторонних волеизъявлений, совершаемых после открытия наследства // Законы России : опыт, анализ, практика, 2017. № 12. С. 23–29.

¹² Решение Октябрьского районного суда города Белгорода от 19 мая 2025 г. по делу № 2-2517/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: Решение Люблинского районного суда города Москвы от 19 марта 2025 г. № 2-1350/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение Первомайского районного суда города Ростова-на-Дону

от 19 ноября 2024 г. № 2-3752/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2003. С. 185.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ Рассказова Н. Ю. Фактическое принятие наследства // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 71.

¹⁶ См., например: Читаева Л. Е. Фактическое принятие наследства как один из способов его принятия // Нотариус. 2021. № 2. С. 36.

левой характер и преследуют определенную цель, которая состоит в обращении имущества наследодателя в свою собственность. Способом выражения волеизъявления лица, совершающего такую сделку, будут являться конклюдентные действия: согласно п. 2 ст. 158 ГК РФ из поведения лица может явствовать его воля на совершение сделки. В нашем случае таким поведением является, в частности, пользование наследником вещами умершего или вселение наследника в принадлежащее наследодателю жилое помещение.

Конечно, выявить действительную юридически значимую волю лица при совершении наследником действий, а также доказать, что у лица действительно было намерение стать наследником, достаточно сложно. Но эта проблема возникает не только в связи с фактическим принятием наследства, она касается института конклюдентных действий вообще.

Кроме того, действия наследника, указанные в ГК РФ, презюмируются принятием наследства, «пока не доказано иное» (п. 2 ст. 1153 ГК РФ). Следовательно, наследник вправе опровергнуть эту презумпцию, заявив об установлении факта непринятия наследства.

Бездействие наследника: правовая квалификация. Бывают ситуации, когда наследник не совершает никаких действий, считая себя принявшим наследство фактическим способом в силу того, что он является сособственником общего с наследодателем имущества. Однако в судебной практике сформировался иной подход по этому вопросу. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, наличие совместного с наследодателем права общей собственности на имущество, доля в праве на которое входит в состав наследства, само по себе не свидетельствует о фактическом принятии наследства¹⁷.

Более того, бездействие наследников может привести даже к выморочности наследственного имущества. Иллюстрацией к сказанному является следующий пример из практики. Гражданин при жизни заключил кредитный договор с ОАО «Сбербанк России». После его смерти наследственное дело заведено на основании извещения кредитора. Дочь наследодателя за оформлением наследства не обращалась. В судебные заседания она также не являлась, «возражений на иск и о

своих правах на наследственное имущество не заявляла, с заявлением о принятии наследства к нотариусу не обращалась, с наследодателем в спорном жилом помещении зарегистрирована не была»¹⁸, т. е. сведений о фактическом принятии наследства тоже не было. Другие наследники к нотариусу за оформлением наследственных прав не обращались. Срок принятия наследства на момент рассмотрения дела истек. Суд пришел к выводу, что, несмотря на наличие наследника первой очереди, оставшееся после смерти гражданина имущество является выморочным. Муниципальное образование, в собственность которого перешло выморочное имущество (городской округ город Воронеж), должно было отвечать перед ОАО «Сбербанк России» по долгам наследодателя¹⁹.

По той же причине суды исходят из того, что факт наличия регистрации в квартире по последнему месту жительства наследодателя не является основанием фактического принятия наследства, если такой гражданин в квартире не проживал и не нес расходы по оплате коммунальных услуг.

Так, в одном из дел суд установил, что нотариус выдал наследнику, не проживавшему в квартире наследодателя, но зарегистрированному в ней, свидетельство о праве на наследство, восприняв регистрацию наследника по месту жительства в качестве подтверждения фактического принятия наследства.

Другой наследник представил доказательства того, что зарегистрированный в квартире наследник фактически не проживал в квартире наследодателя, заявление о принятии наследства нотариусу не подавал и просил суд признать его не принявшим наследство, а также признать недействительным свидетельство о праве на наследство. Суд исковое требование удовлетворил, указав: «сам по себе факт того, что ответчик Х. К. на момент открытия наследства (как и на дату рассмотрения судом настоящего спора), был зарегистрирован по месту жительства в квартире, принадлежавшей наследодателю Х.Л., при отсутствии доказательств совершения им иных допустимых п. 2 ст. 1153 ГК РФ (во взаимосвязи с разъяснениями, содержащимися в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая

¹⁷ См.: Пункт 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Рос. газета. 2012. № 127.

¹⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 24 ноября 2015 г. по делу № 14-КГ15-12. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹⁹ См.: Там же.

2012 г. № 9) действий, не свидетельствует о фактическом принятии ответчиком наследства. Доказательств проживания в спорной квартире на день открытия наследства, а равно совершения иных действий по фактическому принятию наследства, ответчиком суду не представлено»²⁰.

Вместе с тем сформировавшаяся практика судов, касающаяся регистрации наследника в жилом помещении, принадлежавшем наследодателю, видимо, будет уточняться в связи с позицией Конституционного Суда РФ, высказанной в постановлении от 27 мая 2024 г. № 25-П: когда регистрация по месту жительства наследника сохраняется в жилом помещении после истечения срока принятия наследства вплоть до момента возникновения спора, касающегося статуса жилого помещения как выморочного имущества, и при этом из обстоятельств дела следует, что наследник тем самым исходил из сохранения своих прав на соответствующее жилое помещение и не предпринимал действий, явно свидетельствующих об отказе от принятия наследства, наличие у него регистрации по месту жительства может – в совокупности имеющихся доказательств – свидетельствовать о намерении гражданина владеть и пользоваться данным жилым помещением²¹.

В судебной практике можно обнаружить и другие проблемы установления факта принятия наследства неформальным способом. Перейдем к их рассмотрению.

О направленности действий наследника на сохранение и защиту наследственного имущества. Одним из проблемных вопросов является выявление относимости совершения перечисленных в законе действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, к наследственному имуществу. Иными словами, важно, чтобы совершенные действия, предусмотренные п. 2 ст. 1153 ГК РФ и п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9, были связаны с наследственным имуществом, фактическое принятие которого наследник желает доказать.

²⁰ Решение Ленинского районного суда города Комсомольска-на-Амуре от 11 марта 2025 г. по делу № 2-49/2025(2-1927/2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1152 и пункта 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Простякова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2024 г. № 25-П Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Иллюстрацией к сказанному является следующий пример из практики. Согласно обстоятельствам дела, женщина завещала свою квартиру двум наследникам И.Ю. и А.В. в размере 1/2 каждому. После ее смерти наследник А.В. принял наследство формальным способом, получив свидетельство о праве на наследство. Наследник И.Ю. обратился к нотариусу с заявлением о принятии наследства спустя 8 месяцев после открытия наследства. Поскольку нотариус отказал наследнику в выдаче свидетельства о праве на наследство по причине пропуска срока для его принятия, И.Ю. обратился в суд с иском об установлении факта принятия наследства, признании права собственности на долю в праве на жилое помещение в размере 1/2 в порядке призвания к наследованию по завещанию. Действия наследника И.Ю., заключающиеся в оплате ритуальных услуг и поминальных обедов, суд не признал фактическим принятием наследства, поскольку такого рода действия не были направлены на обеспечение сохранности наследственного имущества. Кроме того, суд не воспринял довод наследника И.Ю. о распоряжении личными вещами наследодателя после его смерти, поскольку наследник И.Ю. не предоставил доказательств, подтверждающих нахождение данных вещей в квартире наследодателя (в течение 6 месяцев со дня открытия наследства), а также их принадлежность наследодателю.

Учитывая то, что наследник И.Ю. не смог суду представить доказательств, подтверждающих фактическое принятие наследства, в удовлетворении его требований было отказано²².

Таким образом, при неформальном способе принятия наследства важно не просто совершить предусмотренные законом действия: совершаемые наследником действия должны непосредственно относиться к наследственному имуществу.

Между тем бесспорным признается принятие наследственного имущества фактическим способом в случаях, когда наследник: проживает в квартире наследодателя на день открытия наследства и пользуется его вещами²³; обраба-

²² См.: Решение Перовского районного суда г. Москвы от 14 февраля 2023 г. по делу № 2-351/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 24 апреля 2025 г. № 33-17496/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение Ржевского городского суда Тверской области

тывает земельный участок, принадлежавший наследодателю²⁴; несет расходы по содержанию наследственного имущества²⁵ и принимает меры по сохранению наследственного имущества.²⁶

Об основании наследования при фактическом принятии наследства одновременно несколькими лицами. В практике встречаются ситуации, когда несколько наследников, призываемых по разным основаниям наследования, заявляют в суд требование об установлении фактического принятия наследства. Однако суды не всегда учитывают, что возможность быть призванным к наследованию зависит от основания наследования.

Показательным является следующий пример из практики. После смерти гражданина И. остались супруга, сын и две дочери. При жизни гражданин И. завещал всё свое имущество сыну.

После смерти гражданина И. никто из наследников к нотариусу с заявлением о принятии наследства не обращался. Супруга заявила о том, что является наследником по закону, более того, она – единственная, принявшая наследство фактическим способом, поскольку после смерти своего мужа она «продолжила проживать в их доме, обрабатывала земельный участок, принимала меры по сохранению наследственного имущества»²⁷. В свою очередь, сын наследодателя также заявил о фактическом принятии наследства по завещанию, так как он «вступил во владение наследственным имуществом, произвел в жилом доме ремонт, собрал урожай в огороде, оплатил долги отца»²⁸. Апелляционная и кассационная инстанции признали за сыном и супругой «в порядке наследования по закону право собственности за каждым по 1/2 доли в праве общей долевой

собственности»²⁹. Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что сын является наследником как по завещанию, так и по закону. Значит, он имел право выбрать основание наследования. Сын наследодателя «заявлял о фактическом принятии наследства и о признании за ним права собственности на имущество именно в порядке наследования по завещанию»³⁰. Соответственно, при принятии наследства наследником по завещанию (в случае, когда всё имущество завещано) исключается возможность призвания к наследованию наследника по закону.

Таким образом, при разрешении спора о неформальном принятии наследства несколькими наследниками судам необходимо учитывать основание наследования.

О конкуренции формального и неформального способов принятия наследства.

После смерти гражданина при наследовании по закону могут остаться несколько наследников по закону одной очереди. При этом одни обратятся с заявлением о принятии наследства к нотариусу и получат свидетельство о праве на наследство, а другие – примут то же наследство неформальным способом и обратятся к нотариусу уже после истечения шестимесячного срока за получением свидетельства о праве на наследство. Возникает вопрос: конкурируют ли между собой формальный и неформальный способы принятия наследства?

В 2019 г. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что неформальный способ принятия наследства не уступает по юридическим последствиям формальному способу.

Так, согласно факту одного из дел, после смерти брата между сестрой Е. и сестрой Б. – наследницами второй очереди – возник спор относительно права собственности на однокомнатную квартиру. Е. проживала с наследодателем в спорной квартире, «осуществляла за братом уход, по выданной им генеральной доверенности распоряжалась всеми денежными средствами, своими средствами оплатила ремонт в квартире»³¹.

После смерти брата Е. продолжила проживать в спорной квартире, считая, что приняла наследство. По истечении шестимесячного сро-

от 18 декабря 2024 г. № 2-1043/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Решение Даниловского районного суда Волгоградской области от 13 февраля 2025 г. по делу № 2-33/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Решение Головинского районного суда города Москвы от 31 марта 2025 г. по делу № 2-279/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ См.: Решение Центрального районного суда города Воронежа от 7 февраля 2025 г. по делу № 2-894/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 31-КГ23-2-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-83. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ка на принятие наследства Е. обратилась к нотариусу с заявлением о принятии наследства и получила отказ в связи с истечением установленного законом срока. Между тем сестра Б. своевременно подала заявление о принятии наследства. Остальные имеющиеся наследники (две сестры и брат) отказались от наследства в пользу Б. Таким образом, Б. оформила право собственности на квартиру на свое имя. Е., считая, что фактически приняла наследство после смерти брата, обратилась в суд.

Верховный Суд РФ постановил, что «поскольку на момент открытия наследства Е. вступила во владение и пользование наследственным имуществом, выбрав место жительства в спорной квартире и неся бремя содержания спорного имущества от принятия наследства не отказывалась, то она считается принявшей наследство»³². При этом получение Е. свидетельства о праве на наследство – это ее право, а не обязанность³³.

Считаем выводы Верховного Суда РФ важными для практического применения института фактического принятия наследства.

Во-первых, Определение подтверждает вывод о том, что формальный и неформальный способы принятия наследства равны по юридической силе, ни один из способов не имеет преимущества перед другим.

Во-вторых, Верховным Судом РФ было справедливо указано, что пропуск срока на обращение к нотариусу с заявлением о принятии наследства не влияет на права фактически принявшего наследство наследника, поскольку получение свидетельства о праве на наследство лишь право наследника. Следовательно, даже если наследник, принявший наследство неформальным способом, не обратится к нотариусу с заявлением о принятии наследства в установленный в законе срок, права такого наследника на наследственное имущество сохранятся.

Практическими последствиями данного вывода могут стать следующие: уже выданные свидетельства о праве на наследство аннулируются, а доли наследников, принявших наследство формальным способом, перераспределяются с

учетом прав фактически принявших наследство наследников.

Нижестоящие суды восприняли позицию Верховного Суда РФ. Так, через несколько лет после проанализированного определения Верховного Суда РФ было рассмотрено следующее дело.

После смерти гражданина осталось три наследника по закону. Два наследника обратились к нотариусу с заявлением о принятии наследства, им были выданы свидетельства о праве на наследство по закону в виде доли в праве на квартиру³⁴. Однако третий наследник по закону в установленный законом срок к нотариусу с заявлением о принятии наследства не обратился, «так как отсутствовала материальная возможность оплатить услуги нотариуса»³⁵. При этом наследник, принявший наследство фактическим способом, заявлял о необходимости перераспределить доли в наследственном имуществе и аннулировать выданные свидетельства о праве на наследство по закону, ссылаясь на фактическое принятие наследства. Он пояснил, что в «его владение перешли принадлежащие наследодателю напольный ковер и шаль. Кроме того, он помогал содержать квартиру после смерти матери, делать ремонт»³⁶. Суд согласился с фактом принятия наследства третьим наследником, признав за ним 1/3 доли в праве общей долевой собственности. Решение суда явилось основанием для внесения соответствующих изменений в ЕГРН о правах на объект недвижимого имущества.

Таким образом, приходим к заключению о равенстве юридических последствий фактического и формального способов принятия наследства. Пропуск наследником, принявшим наследство неформальным способом, срока на обращение с заявлением о принятии наследства к нотариусу и отсутствие у такого наследника свидетельства о праве на наследство не влекут уменьшения его прав по сравнению с наследником, принявшим наследство формальным способом. Свидетельство о праве на наследство выдается, согласно п. 1 ст. 1163 ГК РФ, в любое время по истечении шести месяцев со дня открытия наследства.

³² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-83.

³³ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-83; Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Рос. газета. 2012. № 127.

³⁴ Решение Новосибирского районного суда Новосибирской области от 24 июня 2021 г. по делу №2-2531/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие основные выводы.

1. Фактическое принятие наследства по своей правовой природе является сделкой, совершаемой конклюдентными действиями. В то же время такие действия обязательно должны быть осознанными и волевыми, направленными на достижение цели, состоящей в обращении наследственного имущества в собственность наследника. Бездействие наследника о фактическом принятии наследства не свидетельствует.

2. Наследникам необходимо иметь в виду, что предусмотренные законом действия, признаваемые фактическим принятием наследства, должны непосредственно относиться к наследуемому имуществу, принятому фактическим способом.

3. При разрешении спора между несколькими наследниками, заявляющими о фактическом принятии наследства, судам необходимо обращать внимание на основания наследования. Так, если один из заявляющих о фактическом принятии наследства лиц является наследником по завещанию, которому завещано всё имущество, то он в силу приоритета наследования по завещанию унаследует имущество в полном объеме, несмотря на наличие наследника по закону, также заявившего о фактическом принятии наследства.

4. У наследника, фактически принявшего наследство, сохраняются права на наследственное имущество даже при пропуске срока подачи заявления нотариусу о принятии наследства или выдаче свидетельства о праве на наследство. Получение свидетельства о праве на наследство – это право, а не обязанность наследника.

5. В случае если наследник не имеет возможности принять наследство формальным способом в установленный срок вследствие отсутствия материальной возможности оплаты государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве на наследство, то можно посоветовать наследнику, фактически принявшему наследство, обратиться к нотариусу в течение срока, установленного для принятия наследства, с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство, предоставив документы, запрошенные нотариусом.

Получить свидетельство о праве на наследство наследник сможет в любое (в том числе продолжительное) время по истечении установленного для принятия наследства срока, напри-

мер когда у наследника появится возможность оплатить государственную пошлину за совершение нотариальных действий. Но в этом случае интересы наследника, фактически принявшего наследство, не пострадают, так как нотариусу придется выдать свидетельство о праве на наследство другим наследникам с учетом доли наследника, принявшего наследство фактическим способом.

Библиографический список

Бегичев А. В. Наследственное право России : учеб. пособие. М. : Логос, 2020. 168 с.

Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юристъ, 2002. 538 с.

Наследственное право : постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М. : М-Логос, 2018. 656 с.

Наследственное право : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. О. Ю. Ильиной, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Н. Д. Эриашвили, Т. В. Дерюгиной. 9-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 399 с.

Расказова Н. Ю. Фактическое принятие наследства // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 68–109.

Сергеев А. П., Толстой Ю. К., Елисеев И. В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть третья / под общ. ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2002. 304 с.

Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2003. 558 с.

Синайский В. И. Русское гражданское право (пособие к изучению т. X ч. 1 и сенатской практики). Киев : Тип. А. М. Пономарева при участии И. И. Врублевского, 1912. 427 с.

Чашкова С. Ю. Правовая природа и виды односторонних волеизъявлений, совершаемых после открытия наследства // Законы России : опыт, анализ, практика, 2017. № 12. С. 23–29.

Читаева Л. Е. Фактическое принятие наследства как один из способов его принятия // Нотариус. 2021. № 2. С. 33–36.

Щепин Д. С. Теория фактических договорных отношений : история становления и критика // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 59–98.

References

Begichev A. V. Inheritance law of Russia : textbook. manual. Moscow : Logos, 2020. 168 p.

Commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by A. L. Makovsky, E. A. Sukhanov. Moscow : Jurist, 2002. 538 p.

Inheritance law : an article-by-article commentary on Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by E. Y. Petrov. Moscow : M-Logos, 2018. 656 p.

Inheritance law : studies. student's handbook. universities studying in the field of «Jurisprudence» / under the scientific editorship of O. Y. Ilyina, R. A. Kurbanov ; under the general editorship of N. D. Eriashvili, T. V. Deryugina. 9th ed., revised and additional Moscow : UNITY-DANA, 2023. 399 p.

Rasskazova N. Y. The actual acceptance of inheritance // Bulletin of Civil Law. 2016. No. 5. P. 68–109.

Sergeev A. P., Tolstoy Yu. K., Eliseev I. V. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (article-

by-article). Part three / under the general editorship of A. P. Sergeev. Moscow : Prospekt, 2002. 304 p.

Serebrovsky V. I. Selected works on inheritance and insurance law. 2nd ed., ispr. Moscow : Statute, 2003. 558 p.

Sinaisky V. I. Russian civil law (a manual for the study of vol. X part 1 and Senate practice). Kiev : A. M. Ponomarev Publishing House with the participation of I. I. Vrublevsky, 1912. 427 p.

Chashkova S. Y. The legal nature and types of unilateral expressions of will made after the discovery of inheritance // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2017. № 12. P. 23–29.

Chitaeva L. E. The actual acceptance of inheritance as one of the ways of its acceptance // Notary. 2021. № 2. P. 33–36.

Shchepin D. S. Theory of actual contractual relations : history of formation and criticism // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 6. P. 59–98.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ростовцева Н. В., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права
E-mail: nrosto@hse.ru

Булгакова С. К., студент факультета права
E-mail: skbulgakova@edu.hse.ru

Поступила в редакцию: 17.06.2025

Для цитирования:

Ростовцева Н. В., Булгакова С. К. Фактическое принятие наследства: проблемы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 173–181. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/173-181>

National Research University «Higher School of Economics»

Rostovtseva N. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Private Law
E-mail: nrosto@hse.ru

Bulgakova S. K., Student of the Faculty of Law
E-mail: skbulgakova@edu.hse.ru

Received: 17.06.2025

For citation:

Rostovtseva N. V., Bulgakova S. K. Actual acceptance of inheritance: problems of theory and practice // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 173–181. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/173-181>

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В АМЕРИКАНСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

К. А. Яжборовский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

THE FORMATION OF THE PRINCIPLE OF INTERNATIONAL COMITY IN AMERICAN JUDICIAL PRACTICE

K. A. Yazhborovskiy

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: исследуются развитие принципа международной вежливости и его становление в американской судебной практике. Вежливость рассматривается сквозь призму исторических событий и идей тех, кто оказал наибольшее влияние на ее развитие. Анализируются исторические предпосылки международной вежливости в США, а также руководящие прецеденты, сформированные в американской судебной практике. Делается вывод о том, что принцип вежливости имеет бессистемную эволюцию в США, он претерпел изменения в ходе своей истории, изменились его значение, объект, а практика его применения в разных штатах является непоследовательной.

Ключевые слова: международная вежливость, принцип, правовая помощь, международный гражданский процесс, американская судебная практика, развитие.

Abstract: this article examines the development of the principle of international comity and its establishment in American judicial practice. In this article, comity is viewed through the prism of historical events and the ideas of those who had the greatest influence on its development. The author analyzes the historical background of international comity in the United States, as well as the guiding precedents established in American judicial practice. The article concludes that the principle of comity has evolved haphazardly in the United States, undergoing changes throughout its history, with its meaning and scope changing and its application in different states being uncertain.

Key words: international comity, principle, legal assistance, international civil procedure, American judicial practice, formation.

Принцип международной вежливости известен различным правовым системам уже на протяжении многих веков и является важной основой в вопросах гражданского судопроизводства с участием иностранных лиц в разных государствах, в частности в вопросах правового статуса документов, исходящих от иностранных органов, судебных поручений, вопросах предоставления бесплатной юридической помощи, экзекватуре решений иностранных судов и т. д. Судебные органы различных государств часто применяют в своей практике рассматриваемое начало даже в отсутствие прямого закрепления вежливости в национальном законодательстве.

Принцип вежливости мало изучен в науке, особенно должным образом не оценена американская специфика понимания принципа международной вежливости. Более того, значение международной вежливости до настоящего времени остается неопределенным, неясны основания и границы для применения рассматриваемого начала в международном гражданском процессе, национальные и иностранные судебные органы не совсем представляют сущность и правовую природу вежливости¹, что приво-

¹ См.: Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Понимание категорий взаимности и международной вежливости в российской судебной практике // Международное правосудие. 2023. № 1 (45). С. 94–119.

дит к вынесению незаконных и необоснованных судебных актов, несмотря на частое применение судебными органами рассматриваемого начала. Так, в правовой доктрине, а также в судебной практике международная вежливость характеризуется как «принцип международного права»², «синоним международного частного права»³, «выбор применимого права»⁴, «международное обыкновение»⁵, «обходительность»⁶, «принцип уважения к иностранному праву»⁷, «моральное обязательство»⁸, «взаимность»⁹, «целесообразность»¹⁰, «дипломатичность»¹¹. Кроме того, нет даже согласия в том, что вежливость вообще является нормой права¹². Причиной этому во многом служит отсутствие определения рассматриваемых принципов или в национальном законодательстве, или в региональных, универсальных соглашениях, или в резолюциях-рекомендациях международных организаций (акты *lex mercatoria*), а также отсутствие разъяснений в актах высших судебных органов государств по рассматриваемому вопросу.

Целью настоящего исследования является внесение вклада в раскрытие понятия международной вежливости через анализ ее становления в правовой системе США, где рассматри-

² См.: Елисеев Н. Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России : опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78.

³ См.: Joseph H. Beale. A Treatise on the Conflicts of Law. Harvard University Press. 1935.

⁴ См.: Baxter, Ian F. G. Essays on Private Law : Foreign Law and Foreign Judgments. University of Toronto Press. 1966. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.3138/j.ctt15jccq4>

⁵ См.: Неишатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140 ; Ерылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Указ. соч.

⁶ См.: Francis Wharton. A Treatise on the Conflict of Laws 5 (2d ed. 1881).

⁷ См.: Hilton v. Guyot. 159 U.S. 113, 163-64 (1895).

⁸ См.: J. Story. Commentaries on the Conflict of Laws. 33 (1834).

⁹ См.: Hilton v. Guyot. Op. cit.

¹⁰ См.: Somportex, Ltd. v. Philadelphia Chewing Gum Corp., 453 F.2d 435, 440 (3d Cir. 1971).

¹¹ См.: Harold Maier. Interest Balancing and Extraterritorial Jurisdiction, 31 AM. J. COMP 579, 589 (1983).

¹² См.: Joel R. Paul. Comity in International Law. 32 Harv. Int'l L.J. 1 (1991). URL: http://repository.uchastings.edu/faculty_scholarship/625

ваемый принцип получил свое становление и развитие в вопросах судопроизводства с участием иностранных лиц. Американский подход к пониманию вежливости повлиял на развитие доктрины и способствовал дальнейшему развитию принципа в других странах как инструмента, способного облегчить проблемы глобального характера.

Анализ развития международной вежливости в разные исторические периоды, исследование руководящих прецедентов в американской судебной практике по рассматриваемой теме важны при определении понятия, сущности, правовой природы вежливости, могут послужить основой для принятия разъяснений высшими судебными органами по вопросу применения рассматриваемого начала в международном гражданском процессе, что обосновывает актуальность настоящей темы.

Исторические предпосылки международной вежливости в США: от теории статутов к трудам голландских юристов

Дж. Р. Пол утверждал, что истоки доктрины международной вежливости неясны, но вежливость возникла как ответ на существовавшую до этого систему международного частного права, известную как «теория статутов»¹³. Однако, например, Судья Верховного Суда США, профессор права Гарвардского университета Джозеф Стори, а также ряд других авторов утверждали, что истоки вежливости проистекают из римского права¹⁴.

Вместе с тем еще в XIV в., задолго до развития теории государственного суверенитета, итальянские юристы разработали доктрину статутов (подход к разрешению правовых конфликтов между вольными городами и провинциями в Италии) как теорию определения применимо-

¹³ См.: Ibid.

¹⁴ См.: Ernest G Lorenzen. Story's Commentaries on the Conflict of Laws : One Hundred Years After. Harvard Law Review. 1934. Vol. 15. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/4096> ; Hessel E. Yntema. The Historic Bases of Private International Law, The American Journal of Comparative Law. Vol. 2, Issue 3. Summer 1953. P. 297–317 ; Childress III, Donald Earl, Comity as Conflict : Resituating International Comity as Conflict of Laws. UC Davis Law Review. Vol. 44, November 2010, Pepperdine University Legal Studies Research Paper No. 2010/9. URL: <https://ssrn.com/abstract=1576633>

го права¹⁵. Данная теория строилась на том, что суд может самостоятельно определить пространственную сферу действия статута, т. е. возможности его применения за границей. При отсутствии государственного суверенитета, представляющего исключительные территориальные права, теория статутов не нуждалась в обосновании того, как законы одного государства будут применяться в другом. Но с развитием теории государственного суверенитета выявилась проблема в применении теории статутов. И данная теория не могла объяснить, как одно государство имело полномочия законодательно издавать правило, применяемое в другом государстве, так как теория не раскрывала механизма легитимного действия иностранного законодательства. Доктрина вежливости возникла как попытка прояснить неопределенность теории статутов.

Развитию доктрины вежливости способствовал и исторический контекст. Вежливость возникла в период радикальных международных перемен. Республика Соединенных провинций Нидерландов являлась одним из государств, которое силой отстаивало свой суверенитет. Так, в результате Нидерландской революции второй половины XVI – начала XVII в., когда Республика Соединенных провинций Нидерландов добилась своей свободы от испанской монархии, в практике голландских судов возникли вопросы о применимости иностранного права. В это время также существовала напряженность между различными провинциями и между дворянскими и торговыми интересами, соперничавшими за большее влияние на правительство. Голландцам нужна была теория, способствующая объединению провинций и созданию основания для применения голландского права и отказа от применения испанского права в судах в период до обретения полной независимости.

Среди голландских юристов, которые пытались найти наиболее практичный и гибкий подход к разрешению конфликтов о применимом праве, который бы укрепил идеи суверенитета, следует отметить Пауля и Иоанна Вута, Кристиана Роденбурга и, особенно, Ульриха Губера. Профессор Кембриджского университе-

та А. Миллс писал, что цель, поставленная этими юристами, была достигнута благодаря применению разработанной в трудах Гуго Гроция доктрины государственного суверенитета¹⁶.

По утверждению ряда научных исследователей, «отцом международной вежливости» является голландский юрист П. Вут¹⁷. Он первым предложил, что государства могут признавать иностранное право из вежливости: «Когда люди из вежливости уважают обычаи своих соседей и избегают возможных конфликтных ситуаций, действие статутов может распространяться за пределы территории законодателя»¹⁸. В своей работе «*De statutis eorumque concursu liber singularis*» П. Вут развил концепцию вежливости как дискреционного принципа, который государства могут использовать для признания иностранного права¹⁹.

Идея П. Вута о вежливости была поддержана его сыном И. Вутом (1647–1713), который в своей работе «*Commentarius ad pandectas*» развил концепцию вежливости как принципа, основанного на усмотрении. Считая, что всё право по своей природе является территориальным, а все государства – суверенными, И. Вут полагал, что любое признание иностранной власти находится на усмотрении каждого государства²⁰.

У. Губер в своей небольшой диссертации «*De Conflictu Legum Diversarum in Diversis Imperiis*» формулирует три принципа (аксиомы), которыми необходимо руководствоваться в случае возникновения конфликта законов, а именно: принцип территориальности, принцип «временного подчинения» и принцип вежливости²¹. Принцип территориальности предполагал применение законов государства только в отношении подданных и имущества, находящегося в пределах территории государства; принцип «вре-

¹⁶ См.: *Alex Mills. The Private History of International Law. International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. P. 1–50*; *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Указ. соч.*

¹⁷ См.: *Пиленко А. А. Очерки по систематике частного международного права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. С. 5–12.*

¹⁸ Цит. по.: *Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Указ. соч.*

¹⁹ Цит. по.: *Schultz Thomas and Mitchenson Jason. Op. cit.*

²⁰ Цит. по.: Там же.

²¹ Цит. по.: *Гетьман-Павлова И. В. Понятие «вежливость» в коллизионной доктрине Ульриха Губера // Право : журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 38–63.*

¹⁵ См.: *Schultz Thomas and Mitchenson Jason. The History of Comity (June 17, 2019). Forthcoming, Jus Gentium – Journal of International Legal History. Vol 5. 2019. King's College London Law School Research Paper Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3405341> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3405341>; *Ernest G Lorenzen. Op. cit.**

менного подчинения» предусматривал распространение закона на всех людей, постоянно или временно проживающих в пределах территории государства. Относительно вежливости У. Губер писал, что суверены «действуют в порядке вежливости так, что права, приобретенные в пределах власти одного правительства, сохраняют свою силу повсюду, при условии, что не наносят ущерба полномочиям или правам такого правительства или его подданных»²².

Впервые выражение *comitas gentium*, что дословно означает «любезность государств», У. Губер употребил для описания обоснования применения иностранного права²³. Несмотря на то что он считал, что вежливость является принципом международного права, он был уверен, что принятие решения о применении иностранного права возлагается на само государство как акт свободного волеизъявления²⁴. У. Губер рассматривал всё право как территориальное по своей природе, в связи с чем именно суд был вправе решать, возможно ли применять иностранное право на его территории и не нарушает ли это права граждан и не наносит ли ущерба интересам самого государства, в чьей юрисдикции находится суд. В основе идеи вежливости лежит уважение одного суверена к другому. В своей диссертации У. Губер использовал яркую метафору для объяснения вежливости: «Высшие власти каждой страны протягивают друг другу руку»²⁵.

Таким образом, опираясь в той или иной степени на доктрину «суверенитета» и вежливости, голландские юристы разработали новое средство для разрешения конфликтов. Следовательно, возникновение вежливости надо понимать как реакцию на эти изменения – рост суверенного государства, необходимость развития международной торговли и неспособность статутного подхода разрешить конфликты в новых политико-правовых реалиях. Для голландской школы вежливость была средством решения проблемы развития суверенитета без ущерба для международной торговли. Главная идея работ голландских юристов заключалась в том,

что государства могут действовать из вежливости, признавая иностранную власть на своей территории, поскольку международная торговля способствует процветанию всех наций. Идея о том, что государства должны действовать из вежливости «по соображениям справедливости», была развита лишь позднее, когда этот принцип был перенесен в традицию общего права и получил в ней развитие.

В XVIII и XIX вв. вежливость развивалась как разрешительная доктрина, поскольку давала судам право решать, в каких случаях применять иностранное право, а когда это будет противоречить публичному порядку суда и стоит воздержаться от его применения.

Нельзя сказать, что У. Губер оказал сильное влияние на дальнейшее развитие сформулированных им коллизионных принципов, но его идеи были продолжены лордом Мэнсфилдом, судьей королевской скамьи в Англии, который в XVIII в. ввел вежливость в английское право. Мэнсфилд рассматривал вежливость как дискреционное право, в соответствии с которым суды должны применять иностранное право, если оно не противоречит принципу естественной справедливости или не противоречит публичному порядку, например в случае наличия запрета на торговлю рабами²⁶. По мнению Мэнсфилда, государства должны поступать вежливо, признавая авторитет, не потому, что это коммерчески выгодно для них, а потому, что чаще всего будет более справедливо, если спор будет разрешен на основании иностранного, а не национального права. Позиции лорда Мэнсфилда не всегда придерживались другие британские суды.

Становление и развитие вежливости в американской судебной практике

По мере роста внешней торговли росла и потребность в решении вопроса о том, какое право ее регулирует. В Соединенных Штатах Америки коллизия законов также возникла в связи с торговлей между штатами. После «Луизианской сделки»²⁷ территория США расширилась, в связи с чем возникли противоречия между свободными и рабовладельческими штатами, что подтолкнуло к попыткам сформулировать последовательную доктрину коллизионного права.

²² См.: Paul J. R. The Transformation of International Comity. Law and Contemporary Problems, (2008), 71(3), 19–38. URL: <http://www.jstor.org/stable/27654664> ; Гетьман Павлова И. В. Указ. соч.

²³ См.: Lorenzen Ernest G. Huber's de conflictu legume. Illinois Law Review. 1918–1919. V. 13.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ См.: The Case of James Sommersett, 20 How. St. Tr. 1, 3–4 (К.В. 1772) ; Paul J. R. Op. cit.

²⁷ Сделка по приобретению Соединенными Штатами французских владений в Северной Америке в 1803 г.

В 1828 г. Сэмюэл Ливермор, адвокат из Луизианы, написал первый американский трактат о коллизиях, в котором он стремился возродить теорию статутов и прямо отрицал идеи Мэнсфилда о вежливости. Ливермор говорил, что «вежливость неприятна для слуха, когда она исходит от суда»²⁸. Согласно Ливермору, международное право не позволяет судам по своему усмотрению решать, применять ли иностранное право²⁹. Вместо этого суды обязаны в соответствии с международным правом применять тот же закон, который применил бы иностранный суд. Ключевой фигурой в развитии вежливости в США был судья Верховного Суда Соединенных Штатов Америки, профессор права Гарвардского университета, Джозеф Стори. Он вопреки идее Ливермора сформулировал кардинально противоположную позицию³⁰. Тезис судьи Стори стал основой для американского коллизионного права.

Стори в своих «Комментариях к конфликтовому праву» позаимствовал доктрину международной вежливости непосредственно у Губера и Мэнсфилда. Стори утверждал, что вежливость должна быть взаимной, а не обязательной. Со временем, когда государства будут добровольно применять законы друг друга, это будет способствовать взаимности и большему доверию. Стори надеялся, что его система коллизионных норм снизит риск гражданской войны между штатами³¹. Он утверждал, что каждое государство имеет право по своему усмотрению определять характер и степень своего обязательства действовать вежливо, т. е. определять, как и когда именно оно будет проявлять вежливость.

Судья Стори охарактеризовал вежливость как основу коллизионных принципов. Стори, как Мэнсфилд и Губер, представлял себе доктрину международной вежливости как разрешение судам не применять иностранное право, если оно противоречит публичному порядку страны. Каждый из них считал, что принцип вежливости позволял судам решать, следует ли руководствоваться иностранным законодательством из уважения к иностранному суверену или же внутренняя государственная политика должна «одержать победу над вежливостью».

²⁸ Цит. по: Paul J. R. Op. cit.

²⁹ См.: Ibid.

³⁰ См.: Paul J. R. Op. cit.

³¹ См.: J. Story. Op. cit.

Т. Шульц и Дж. Митченсон отмечают в своей работе, что судебные решения Соединенных Штатов, принятые сразу после публикации «Комментариев Стори», свидетельствуют о том, что вежливость была воспринята судами положительно³². Всего через пять лет после публикации Верховный Суд США принял концепцию вежливости Стори в деле «*Bank of Augusta v. Earle*»³³ и с тех пор вместе с судами низших инстанций применял этот принцип. Суды уделяли меньше внимания идее о том, что источником их обязанности действовать вежливо является взаимная коммерческая выгода государств. Скорее, они использовали принцип вежливости для признания иностранной власти «по соображениям справедливости». Многие авторы отмечали, что решение по делу «*Bank of Augusta v. Earle*» являлось «подлинным первоисточником права, регулирующего деятельность юридических лиц, учрежденных не в Америке, но ведущих в ней деятельность (иностранных юридических лиц)»³⁴. В данном решении указано, что международная вежливость, в силу добровольности по своей природе, неприменима в ситуациях, когда она может причинить какой-либо вред, но приветствуется, когда способствует установлению «справедливости между частными лицами и дружеских отношений между суверенными государствами»³⁵.

В конце XIX в. в деле «*Hilton v. Guyot*» Верховный Суд США высказался о вежливости³⁶. В указанном деле истцом было подано заявление в Федеральный суд США о признании решения, вынесенного во Франции, которым были удовлетворены требования о взыскании убытков к гражданину США. Французский суд обладал юрисдикцией, и ответчик явился в суд после получения повестки. Суд первой инстанции вынес решение в пользу истца, не рассматривая дело по существу. После подачи жалобы в Верховный Суд США ответчики утверждали, что нерасмотрение дела по существу является ошибкой.

В указанном деле судья Грей, выступая от имени большинства в пять голосов против четы-

³² См.: Schultz Thomas and Mitchenson Jason. Op. cit.

³³ См.: Bank of Augusta v. Earle, 38 U.S. 519 (1839).

³⁴ См.: Henderson G. C. The Position of Foreign Corporations in American Constitutional Law : a Contribution to the History and Theory of Juristic Persons in Anglo-American Law, Cambridge, 1918. P. 42.

³⁵ Bank of Augusta v. Earle, 38 U.S. 519 (1839).

³⁶ См.: Hilton v. Guyot. Op. cit.

рех, объявил, что данная проблема относится к международному частному праву, регулируется доктриной вежливости, и высказал свое мнение о том, что «вежливость в юридическом смысле не является ни вопросом абсолютной обязательности, с одной стороны, ни простой вежливости и доброй воли – с другой. Вежливость – это признание, которое одна нация допускает на своей территории в отношении законодательных, исполнительных или судебных актов другой нации, которое учитывает как международный долг и удобство, так и права своих собственных граждан или других лиц, находящихся под защитой ее закона»³⁷.

Таким образом, к концу XIX в. утвердилась концепция, что в основе сущности международной вежливости лежит уважение, которое один суверен оказывает другому.

После исчерпывающего анализа авторитетных источников суд признал общим правилом следующее: «Если за границей была возможность провести полное и справедливое судебное разбирательство в суде, обладающем соответствующей юрисдикцией, с соблюдением надлежащей процедуры, после надлежащего вызова или добровольной явки ответчика, и в рамках судебной системы, способной обеспечить беспристрастное отправление правосудия между гражданами своей страны и гражданами других стран, и нет ничего, что свидетельствовало бы о предвзятости суда или системы законов, или что при вынесении решения имело место мошенничество, или что существуют какие-либо другие особые причины, по которым международная вежливость этой страны не должна позволять ему в полной мере вступить в силу, то по существу дело не должно быть рассмотрено заново»³⁸.

Однако Суд постановил, что, поскольку Франция не приводит в исполнение американские решения, то решение Апелляционного суда Парижа не будет иметь значения в настоящем деле. Соответственно, в рассматриваемом прецеденте было установлено требование взаимности исполнения американских судебных решений в качестве предварительного условия для признания иностранных решений в американских судах. Это предопределило двойственную природу вежливости посредством введения критерия взаимности. Как верно отмечает ряд ав-

торов, такая двойственная природа вежливости приводит к проблеме судейского произвола при применении вежливости³⁹.

Особенностью в вопросе экзекватуры иностранных судебных решений в США является то, что вежливость может выступать самостоятельным основанием для признания иностранных судебных решений, о чем свидетельствует судебная практика, которая будет подробно изложена далее. Но прецедент в деле «Hilton v. Guyot» установил требование взаимности как дополнение к вежливости, что в итоге стало решающим вопросом в этом деле. В данном случае в американской судебной практике видится серьезной проблема применения вежливости как основания для экзекватуры иностранных судебных решений, а именно – предполагает ли вежливость соблюдение взаимности или может быть основанием для экзекватуры независимо от нее. Однако в настоящее время многие федеральные суды и суды штатов отвергают требование взаимности как дополнение к вежливости при признании иностранных судебных решений.

Так, в 1926 г. Апелляционный суд Нью-Йорка прямо отказался от доктрины взаимности как предварительного основания для признания иностранных судебных решений в судах Нью-Йорка⁴⁰. Житель Нью-Йорка подал иск в связи с предполагаемой недопоставкой товара ответчиком, пароходным перевозчиком. Ответчик в качестве возражений предъявил решение Торгового трибунала в Париже по тому же иску. Нижестоящие суды отказались приводить в исполнение решение французского суда на основании дела «Hilton v. Guyot». Апелляционный суд отменил решение, признав французское решение. Выступая от имени суда, судья Паунд указал, что «судебные решения судов соседнего штата имеют законную силу и признаются судами других штатов в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов, но судебные решения иностранных судов признаются в соответствии с принципом международной вежливости, который является частью нашего внутреннего права»⁴¹.

Судья Паунд также, рассуждая на тему обязательности применения дела «Hilton v. Guyot»,

³⁹ См.: Paul J. R. Op. cit. ; Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Указ. соч.

⁴⁰ Johnston v. Compagnie Generale Transatlantique, 242 N.Y. 381, 152 N.E. 121 (1926).

⁴¹ Johnston v. Compagnie Generale Transatlantique. Op. cit.

³⁷ Hilton v. Guyot. Op. cit.

³⁸ Ibid.

указал, что «вопрос применения решения по делу «Hilton v. Guyot» в настоящем деле относится скорее к частному, чем к публичному международному праву, к частным правам, а не к публичным отношениям, и наши суды признают частные права, приобретенные в соответствии с иностранным законодательством, а также достаточность доказательств, подтверждающих такие права. Право, приобретенное в соответствии с иностранным судебным решением, может быть установлено в этом штате без ссылки на правила доказывания, установленные судами Соединенных Штатов. Вежливость – это не норма права, а правило практики, удобства и целесообразности. Это нечто большее, чем просто вежливость, которая подразумевает лишь уважение к мнению других, поскольку она имеет существенную ценность для обеспечения единообразия решений и предотвращения повторных судебных разбирательств по одному и тому же вопросу. Поэтому она основана не на взаимности, а скорее на убедительности иностранного судебного решения»⁴².

Суд указал, что поскольку нет оснований для отказа в признании французского решения, а все факты были исследованы компетентными французскими судами честно и с намерением прийти к правильному решению в надлежащей процедуре, то сторона, обратившаяся в иностранный суд против резидента Франции, не должна вновь иметь право просить американский суд выступить в качестве апелляционной инстанции по отношению к суду, вынесшему решение.

В настоящий момент в США вопрос применения взаимности как дополнения к вежливости в судебной практике является неопределенным. Суды некоторых штатов⁴³ отказались от применения взаимности как дополнения к вежливости и выступили против дела «Hilton v. Guyot», а есть те, которые согласились с решением и его применяют⁴⁴. Между тем Верховный Суд США с 1895 г. более не высказывался о взаимности как условии применения принципа вежливости по вопросу признания иностранных решений в американских судах.

⁴² Johnston v. Compagnie Generale Transatlantique. Op. cit.

⁴³ См.: Coulborn et al. v. Joseph. 14511. Supreme Court of Georgia. April 14, 1943 ; Truscon Steel Co. v. Biegler, 306 Ill. App. 180, 28 N.E. (2d) 623 (1940).

⁴⁴ См.: Traders' Trust Co. v. Davidson, 146 Minn. 224, 178 N.W. 735 (Minn. 1920).

Как итог – вежливость до сих пор применяется судами⁴⁵, но отсутствует единый подход в применении рассматриваемого начала, судебная практика по этому вопросу носит неопределенный характер. Также в настоящий момент в США некоторые штаты напрямую закрепляют данный принцип в качестве самостоятельного основания для признания иностранных судебных решений в качестве нормы права⁴⁶, что, безусловно, ставит ряд вопросов, связанных с границами применения рассматриваемого начала.

Проанализировав исторические предпосылки, а также развитие международной вежливости в судебной практике США, можно сделать вывод о том, что эволюция принципа международной вежливости в США носит бессистемный характер вследствие совокупности факторов: во-первых, его прецедентной природы в отсутствие единого законодательства, во-вторых, вследствие наличия конфликта между национальным суверенитетом и глобальной взаимозависимостью, а также вследствие широкой судебной дискреции, основанной на множестве гибких доктрин.

В данной статье предпринята попытка исследовать происхождение и историю применения принципа вежливости в американской судебной практике. Вежливость рассматривается сквозь призму исторических событий и идей тех, кто оказал наибольшее влияние на ее развитие. Принцип вежливости имеет бессистемную эволюцию в США, что является следствием современной оценки данной доктрины как неточной и запутанной. Опираясь на концепцию вежливости, голландские юристы стремились разрешить сложный вопрос о том, как и при каких обстоятельствах формально равные суверенные государства должны признавать власть друг друга на своей территории. С момента своего создания вежливость претерпела значительные изменения. Первоначально международная вежливость была дискреционной доктриной, которая позволяла судам решать, когда применять иностранное право из уважения к иностранным сувере-

⁴⁵ См.: Sung Hwan Co. v. Rite Aid Corp., 850 N.E.2d 647, 650-51 (N.Y. 2006).

⁴⁶ См.: Свод статута штата Флорида. Раздел 6. Гражданское судопроизводство и гражданский процесс. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2023/02/22/2033893785/Свод%20Статута%20Флориды%20.pdf> ; Статья 1723 Гражданского процессуального кодекса штата Калифорния // URL: <https://law.justia.com/codes/california/code-csp/part-3/title-11/chapter-2/section-1723/>

нам. Позднее она превратилась в несовершенно обязательство, вытекающее из обязанности государства отправлять правосудие по отношению к тем, кто находится под его властью. Также изменился и объект вежливости. Если раньше суды обосновывали применение иностранного права уважением к иностранным суверенам, то позже они стали обосновывать свои решения уважением к автономии воли частных лиц. Принцип международной вежливости был разработан как гибкий принцип, поскольку он принимает различные формы в зависимости от целей, которые необходимо достичь. Действительно, история вежливости свидетельствует о том, что суды действуют или должны действовать вежливо, признавая полномочия друг друга исключительно «по соображениям справедливости». Вежливость до сих пор применяется судами в США, но отсутствует единый подход в применении рассматриваемого начала, а двойственная природа вежливости приводит к проблеме судейского произвола при его применении.

Библиографический список

Гетьман-Павлова И. В. Понятие «вежливость» в коллизионной доктрине Ульрика Губера // Право : журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 38–63.

Елисеев Н. Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России : опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78.

Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Понимание категорий взаимности и международной вежливости в российской судебной практике // Международное правосудие. 2023. № 1 (45). С. 94–119.

Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. С. 124–140.

Пилленко А. А. Очерки по систематике частного международного права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. С. 5–12.

Alex Mills. The Private History of International Law. International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. P. 1–50.

Baxter, Ian F. G. Essays on Private Law : Foreign Law and Foreign Judgments. University of Toronto Press. 1966. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.3138/j.ctt15jjcq4> (accessed: 12 February 2025).

Childress III, Donald Earl, Comity as Conflict : Resituating International Comity as Conflict of Laws. UC Davis Law Review. Vol. 44, November 2010,

Pepperdine University Legal Studies Research Paper No. 2010/9. URL: <https://ssrn.com/abstract=1576633>

Ernest G Lorenzen. Story's Commentaries on the Conflict of Laws : One Hundred Years After. Harvard Law Review. 1934. Vol. 15. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/4096>

Ernest Lorenzen G. Huber's de conflictu legume // Illinois Law Review. 1918–1919. V. 13.

Francis Wharton. A Treatise on the Conflict of Laws 5 (2d ed. 1881).

Harold Maier. Interest Balancing and Extraterritorial Jurisdiction, 31 AM. J. COMP 579, 589 (1983).

Henderson G. C. The Position of Foreign Corporations in American Constitutional Law : a Contribution to the History and Theory of Juristic Persons in Anglo-American Law, Cambridge, 1918.

Hessel E. Yntema. The Historic Bases of Private International Law, The American Journal of Comparative Law. Vol. 2, Issue 3. Summer 1953. P. 297–317.

Hilton v. Guyot. 159 U.S. 113, 163–64 (1895).

Joel R. Paul. Comity in International Law. 32 Harv. Int'l L.J. 1 (1991). URL: http://repository.uchastings.edu/faculty_scholarship/625

Joseph H. Beale. A Treatise on the Conflicts of Law. Harvard University Press. 1935.

J. Story. Commentaries on the Conflict of Laws. 33 (1834).

Lorenzen Ernest G. Huber's de conflictu legume. Illinois Law Review. 1918–1919. V. 13.

Paul J. R. The Transformation of International Comity. Law and Contemporary Problems, (2008), 71(3), 19–38. URL: <http://www.jstor.org/stable/27654664>

Schultz Thomas and Mitchenson Jason. The History of Comity (June 17, 2019). Forthcoming, Jus Gentium – Journal of International Legal History. Vol 5. 2019. King's College London Law School Research Paper Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3405341> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3405341>

Somportex, Ltd. v. Philadelphia Chewing Gum Corp., 453 F.2d 435, 440 (3d Cir. 1971).

References

Getman-Pavlova I. V. The concept of «politeness» in the conflict of laws doctrine of Ulrik Huber // Law : Journal of the Higher School of Economics. 2013. No. 1. P. 38–63.

Eliseev N. G. The principle of international courtesy as a prerequisite for the enforcement of foreign judgments // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2006. No. 7. P. 73–78.

Erpyleva N. Y., Getman-Pavlova I. V., Kasatkina A. S. Understanding the categories of reciprocity and international courtesy in Russian judicial practice // International justice. 2023. No. 1 (45). P. 94–119.

Neshataeva T. N. The Court and generally recognized principles and norms of international law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. No. 3. P. 124–140.

Pilenko A. A. Essays on the systematics of private international law. St. Petersburg : M. M. Stasyulevich Publishing House, 1911. P. 5–12.

Alex Mills. The Private History of International Law. International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. P. 1–50.

Baxter, Ian F. G. Essays on Private Law : Foreign Law and Foreign Judgments. University of Toronto Press. 1966. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.3138/j.ctt15jjc94>

Childress III, Donald Earl, Comity as Conflict : Resituating International Comity as Conflict of Laws. UC Davis Law Review. Vol. 44, November 2010, Pepperdine University Legal Studies Research Paper No. 2010/9. URL: <https://ssrn.com/abstract=1576633>

Ernest G Lorenzen. Story's Commentaries on the Conflict of Laws : One Hundred Years After. Harvard Law Review. 1934. Vol. 15. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/4096>

Ernest Lorenzen G. Huber's de conflictu legume // Illinois Law Review. 1918–1919. V. 13.

Francis Wharton. A Treatise on the Conflict of Laws 5 (2d ed. 1881).

Harold Maier. Interest Balancing and Extraterritorial Jurisdiction, 31 AM. J. COMP 579, 589 (1983).

Henderson G. C. The Position of Foreign Corporations in American Constitutional Law : a Contribution to the History and Theory of Juristic Persons in Anglo-American Law, Cambridge, 1918.

Hessel E. Yntema. The Historic Bases of Private International Law, The American Journal of Comparative Law. Vol. 2, Issue 3. Summer 1953. P. 297–317.

Hilton v. Guyot. 159 U.S. 113, 163–64 (1895).

Joel R. Paul. Comity in International Law. 32 Harv. Int'l L.J. 1 (1991). URL: http://repository.uchastings.edu/faculty_scholarship/625

Joseph H. Beale. A Treatise on the Conflicts of Law. Harvard University Press, 1935.

J. Story. Commentaries on the Conflict of Laws. 33 (1834).

Lorenzen Ernest G. Huber's de conflictu legume // Illinois Law Review. 1918–1919. V. 13.

Paul J. R. The Transformation of International Comity. Law and Contemporary Problems, (2008), 71(3), 19–38. URL: <http://www.jstor.org/stable/27654664>

Schultz Thomas and Mitchenson Jason. The History of Comity (June 17, 2019). Forthcoming, Jus Gentium – Journal of International Legal History. Vol 5. 2019. King's College London Law School Research Paper Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3405341> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3405341>

Somportex, Ltd. v. Philadelphia Chewing Gum Corp., 453 F.2d 435, 440 (3d Cir. 1971).

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Язборовский К. А., аспирант департамента правового регулирования бизнеса, приглашенный преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения

E-mail: yazhborovikr@yandex.ru

Поступила в редакцию: 22.09.2025

Для цитирования:

Язборовский К. А. Становление принципа международной вежливости в американской судебной практике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/182-190>

National Research University «Higher School of Economics»

Yazhborovskiy K. A., Post-graduate Student of the Department of Legal Regulation of Business, Visiting Lecturer of the Department of Theory of Law and Comparative Law

E-mail: yazhborovikr@yandex.ru

Received: 22.09.2025

For citation:

Yazhborovskiy K. A. The formation of the principle of international comity in american judicial practice // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/182-190>

ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

В. В. Васюков

Воронежский государственный университет

LEGAL PROCEDURES FOR USING MATERNAL (FAMILY) CAPITAL FUNDS

V. V. Vasyukov

Voronezh State University

Аннотация: рассмотрено, какие социальные процедуры функционируют при использовании средств материнского (семейного) капитала. Проанализированы направления для использования средств федерального материнского (семейного) капитала и регионального материнского капитала, которые закреплены в федеральном и региональном законодательстве. Отдельно рассмотрено такое направление в федеральном законодательстве, как улучшение жилищных условий. Представлены проблемы, с которыми приходится сталкиваться заявителям, часто зависящим от конкретных территориальных органов Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Предлагается улучшение правового регулирования правовых процедур при использовании средств материнского (семейного) капитала.

Ключевые слова: право социального обеспечения, семейное право, материнский (семейный) капитал, правовая процедура, юридическая процедура, процедура в праве.

Abstract: this article examines the social procedures that operate when using maternal (family) capital. The directions for using federal maternal (family) capital and regional maternal capital, which are enshrined in federal and regional legislation, are analyzed. Such a direction in federal legislation as improving housing conditions is considered separately. The problems that applicants have to face, who often depend on specific territorial bodies of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation, are presented. Improvement of legal regulation of legal procedures when using maternal (family) capital is proposed.

Key words: social security law, family law, maternity (family) capital, legal procedure, legal procedure, procedure in law.

Оказание помощи социально незащищенным категориям населения – одна из самых главных задач государства. К таким категориям относятся семьи, имеющие детей (либо ребенка). Для оказания необходимой помощи данной категории законодателем была предусмотрена социальная выплата, получившая название «материнский (семейный) капитал». Правовое регулирование этой социальной выплаты осуществляется на основании Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон о материнском (семейном) капитале).

В ст. 3 Закона о материнском (семейном) капитале закреплен перечень лиц, которые имеют право на указанную ранее выплату, а также закреплены основания, по которым соответствующие лица не смогут воспользоваться правом на использование средств материнского (семейного) капитала (т. е. могут быть лишены его)¹.

Федеральное и региональное законодательство закрепляет направления, по которым можно распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала и регионального материнского капитала.

¹ См.: О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Рос. газета. 2006. 31 дек.

Первое направление связано с улучшением жилищных условий. Оно является полностью необходимым, так как семьям, имеющим детей (ребенка), необходимо отдельное недвижимое имущество для проживания в нем. Также семьи, упомянутые в Законе о материнском (семейном) капитале, могут использовать средства материнского (семейного) капитала для погашения ипотечных средств, ведь периодически семьи, имеющие детей (ребенка), приобретают недвижимость за счет ипотечных (кредитных) средств. Согласно ч. 3 ст. 10 Закона о материнском (семейном) капитале, жилое помещение, которое приобретается семьей с ребенком (детьми), обязательно должно находиться на территории Российской Федерации. Данное требование указанного ранее Закона является полностью правильным и абсолютно обоснованным с точки зрения целей российского законодательства. Руководствуясь ч. 6 ст. 7 Закона о материнском (семейном) капитале, для подачи заявления, для того чтобы распорядиться средствами материнского (семейного) капитала, необходимо, чтобы ребенку исполнилось 3 года. Но, согласно ч. 6.1 той же статьи, право на распоряжение средствами материнского (семейного) капитала по некоторым основаниям возникает до достижения ребенком 3-летнего возраста (в том числе погашения долга по ипотечному кредиту). Следует изменить ч. 6 ст. 7 Закона о материнском (семейном) капитале в плане того, что всем семьям должна предоставляться возможность использовать средства материнского (семейного) капитала до того, как ребенок достигнет 3-летнего возраста.

Второе направление – получение образования ребенком (детьми). Оно также является необходимым и позволяет реализовать обязанность по получению основного общего образования (ч. 4 ст. 43 Конституции Российской Федерации²) и право на получение образования ребенком, обучающимся в ссузах и вузах.

Третье направление связано с формированием накопительной пенсии для тех лиц, что указаны в ч. 1 ст. 3 Закона о материнском (семейном) капитале. Из этой нормы есть исключение – это лица, осуществившие перевод средств пенсионных накоплений на формирование пенсионных резервов в качестве единовременного взноса по договору долгосрочных сбережений в соответствии с Федеральным законом «О негосударственных пенсионных фондах». Это направление является обоснованным с точки зрения правоприменитель-

² См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной практики – неоднократно происходили случаи, когда негосударственные пенсионные фонды прекращали свое функционирование, а их основатели с деньгами будущих пенсионеров скрывались от правосудия. Однако вызывает вопрос – почему возможность направить средства материнского (семейного) капитала законодательно закреплена лишь на такой вид направления, как формирование накопительной пенсии, но законодатель не предусмотрел возможность распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала для накопления других видов пенсий? Семьям, указанным в Законе о материнском (семейном) капитале, должно быть предоставлено право направить средства указанной ранее социальной выплаты на другие виды пенсионного обеспечения (например, страховой или по государственному пенсионному обеспечению).

Четвертое направление связано с приобретением товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов. Оно также является полностью обоснованным и правильным, так как детям-инвалидам необходима поддержка.

Последнее, пятое направление – получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет. Возникает вопрос – как рассчитывается сумма этой ежемесячной выплаты? Есть еще один вопрос – как выплачивать ежемесячную выплату, если был усыновлен ребенок в возрасте 2 лет?

Рассматривая указанные ранее основания, следует упомянуть, что Закон о материнском (семейном) капитале позволяет использовать часть средств материнского (семейного) капитала на одно из направлений, а оставшуюся часть средств потратить на другое направление. А в некоторых случаях (ч. 1 ст. 11.3 Закона о материнском (семейном) капитале) можно получить единовременную выплату. При этом все указанные ранее направления являются социально важными для всех семей, проживающих на территории Российской Федерации.

Отдельно нужно рассмотреть реализацию одного из направлений – улучшения жилищных условий. Важность этого направления можно подтвердить, исходя из позиции Ф. Н. Багаутдинова и А. Д. Исхакова, тем, что главная цель Закона о материнском (семейном) капитале – это обеспечение жильем детей, не достигших 18-летнего возраста, а основным направлением траты средств материнского капитала является как раз улучшение жилищных условий³. Подтверждается это статисти-

³ См.: Багаутдинов Ф. Н., Исхаков А. Д. Некоторые вопросы использования средств материнского (семейного) капитала на приобретение жилого помещения //

кой. М. А. Андреева со ссылкой на статистику Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации пишет, что за 2021 г. 1 281 471 семья распорядилась средствами (или частью) материнского (семейного) капитала, а 741 657 семей направили указанный капитал на улучшение жилищных условий⁴. Иная позиция у А. Н. Давыдова, который со ссылкой на С. В. Рымаря пишет, что цель Закона о материнском (семейном) капитале «заключается в закреплении конкретной меры социальной поддержки семьям с детьми в виде государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, установленный в твердой сумме на вышеобозначенные меры поддержки»⁵.

Руководствуясь ч. 4 ст. 10 Закона о материнском (семейном) капитале, семьи, имеющие ребенка (детей), обязаны разделить приобретенное жилое помещение по долям, а само жилое помещение должно быть приобретено в общую собственность. Предельный размер выделяемой доли законодательно не закреплён, хотя есть исключения, которые будут рассмотрены в дальнейшем. Н. Ю. Рассказова считает, что эта норма неудачна, так как она приспособлена лишь для решения «идеальной ситуации», при которой недвижимость была оплачена полностью средствами материнского капитала матерью, имеющей супруга и двоих детей, и сразу оформившей квартиру в общую долевую собственность с равными долями⁶.

В дальнейшем в настоящей публикации вместо категории «жилое помещение» будет использована категория «недвижимое имущество», поскольку на практике происходят случаи, когда семьями, имеющими детей, приобретается земельный участок с домом на нем, в связи с чем земельный участок, как и дом, оформляется в собственность родителей и детей (сам земельный участок жилым помещением не является).

Нужно обратиться к акту толкования Закона о материнском капитале – письму Федеральной нотариальной палаты от 1 июля 2016 г. № 2305/03-16-3 «О применении положений Федерального закона “О дополнительных мерах государственной

поддержки семей, имеющих детей”» (далее – письмо ФНП). В соответствии с ним разъяснено, что для владельца сертификата, его супруга (супруги) и детей видом собственности является общая долевая собственность⁷. Другой акт толкования в данной сфере – письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 15 июля 2020 г. № 12/79244-МБ «О виде и форме сделки, заключаемой во исполнение обязательства получателя государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, по приобретению объекта недвижимости в общую долевую собственность супруга и детей» (далее – письмо Минюста). В нем также указано, что у всех сособственников доли должны быть выделены в общую долевую собственность⁸. Этой же позиции придерживается Верховный Суд Российской Федерации в п. 12 Обзора судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал⁹ (далее – Обзор судебной практики).

В связи с приобретением супругами недвижимого имущества возникают определенные сложности. Рассмотрим две разные ситуации и, тем самым, два разных подхода к правовому регулированию использования средств материнского (семейного) капитала. В первой ситуации семья, состоящая из родителей и ребенка, лишь за средства материнского (семейного) капитала приобретает недвижимое имущество. Каждому из членов семьи должно быть выделено по 1/3 в праве общей долевой собственности. Во второй ситуации семья в том же составе за средства материнского (семейного) капитала и за средства, приобретенные родителями в браке, приобрела недвижимое имущество. Соотношение средств материнского (семейного) капитала к средствам родителей составляет 1 к 10. В таком случае ребенку будет выделена 1/10 в пра-

⁷ См.: О применении положений Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: письмо Федеральной нотариальной палаты от 1 июля 2016 г. № 2305/03-16-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025 г.).

⁸ См.: О виде и форме сделки, заключаемой во исполнение обязательства получателя государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, по приобретению объекта недвижимости в общую долевую собственность супруга и детей: письмо Министерства юстиции РФ от 15 июля 2020 г. № 12/79244-МБ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025 г.).

⁹ См.: Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025 г.).

Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 2. С. 52.

⁴ См.: Андреева М. А. Практические аспекты исполнения требований законодательства в отношении жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2024. № 2 (157). С. 177.

⁵ Давыдов А. Н. Материнский капитал как мера социальной поддержки семьи: нормативно-правовые аспекты // Форум молодых ученых. 2018. № 10 (26). С. 335.

⁶ См.: Кичева П. С. Проблемы получения и использования материнского (семейного) капитала в российском правовом порядке // Академия права. 2024. № 1 (4). С. 115.

ве общей долевой собственности, а родителям – 9/10 в праве общей совместной собственности (если договор был составлен в простой письменной форме). Почему такая разница в выделении долей в праве общей долевой собственности? В первой ситуации и родителям, и ребенку выделяются равные доли, так как для приобретения недвижимого имущества были использованы лишь средства материнского (семейного) капитала (п. 14 Обзора судебной практики). Во второй ситуации доля ребенка в праве собственности у ребенка будет меньше, так как использованы и средства материнского (семейного) капитала, и средства родителей, а доля последних средств была больше (ч. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ¹⁰). Получается, размер выделяемой доли в праве общей долевой собственности для родителей и детей определяется исходя из того, каково соотношение сумм материнского (семейного) капитала и сумм, заработанных родителями (п. 13 Обзора судебной практики и Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2017 г. № 4-КГ16-73¹¹).

Руководствуясь ч. 2 ст. 38 Семейного кодекса РФ, раздел общего имущества супругов осуществляется на основании нотариального соглашения между супругами (эти же положения упоминаются и в письме ФНП, и в письме Минюста). Однако часто супруги приобретают недвижимое имущество и за средства материнского (семейного) капитала, и за средства, накопленные супругами во время брака, а затем, до перечисления продавцу средств социальной выплаты, в договоре выделяют доли для себя и детей. В связи с тем, что договоры купли-продажи, в соответствии с которыми используются указанные выше выплаты, заключаются в простой письменной форме, доля родителей выделяется в общую совместную собственность. При этом сами средства материнского (семейного) капитала не являются совместно нажитым имуществом супругов, так как, согласно ч. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ, эти средства имеют специальное целевое назначение.

В связи с такой сложившейся практикой на рынке недвижимости ст. 38 Семейного кодекса РФ нужно дополнить ч. 2.1, в которой будет закреплено следующее положение: «Раздел общего недвижимого имущества супругов (долей в нем) может

осуществляться в простой письменной форме, если это недвижимое имущество приобретается с использованием средств материнского (семейного) капитала, что прямо отображено в договоре о приобретении недвижимого имущества». Причиной такой корректировки является экономия средств семей, имеющих детей, – ведь, получается, что, составив в простой письменной форме договор купли-продажи недвижимого имущества, супругам потом придется обращаться к нотариусу для разделения долей.

В рамках данной работы нельзя обойти стороной одну из проблем, возникающих в сфере недвижимости, – существуют определенные сложности при приобретении недвижимого имущества, которое ранее было приобретено за счет средств материнского (семейного) капитала. Дело в том, что такую информацию можно запросить лишь при обращении собственника недвижимого имущества в соответствующее государственное учреждение, а именно – в территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Обратиться необходимо с просьбой о выдаче справки об использовании средств материнского (семейного) капитала при приобретении недвижимого имущества. После рассмотрения обращения собственнику будет выдана соответствующая справка. В Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» нужно внести корректировку, касающуюся того, что территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, в который обратились с целью распоряжения средствами материнского (семейного) капитала, обязан передать в Единый государственный реестр недвижимости информацию о том, что при приобретении недвижимого имущества были использованы средства материнского (семейного) капитала. После передачи данных в Единый государственный реестр недвижимости последний обязан внести в реестр запись о том, что недвижимое имущество было приобретено полностью либо частично за счет средств материнского (семейного) капитала. Эта поправка в законодательный акт поможет обеспечить родителями их обязанности по выделению детям долей в праве общей долевой собственности. О. А. Ковалёва предлагала внести в уже утративший силу Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» следующую формулировку для подобных ситуаций: «Проведенная государственная регистрация договоров и иных сделок с использованием средств материнского (семейного) капитала, установленного Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря

¹⁰ См.: Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Рос. газета. 1996. 27 янв.

¹¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2017 г. № 4-КГ16-73. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2025 г.).

2006 г. № 256-ФЗ, удостоверяется посредством совершения специальной регистрационной надписи на свидетельстве о государственной регистрации прав на недвижимое имущество»¹².

При обращении в территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации могут происходить ситуации, которые прямо не продиктованы Законом о материнском (семейном) капитале. Одной из таких является ситуация, когда территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, находящийся в определенном регионе Российской Федерации, по собственной инициативе обязывает стороны договора купли-продажи квартиры (одного из видов жилых помещений) указывать следующую формулировку, но лишь при условии, что квартира приобретается за ипотечные средства и средства материнского (семейного) капитала, а последние были использованы в качестве первоначального взноса для приобретения квартиры): «Часть стоимости Квартиры в сумме [...] рублей [...] копейки оплачивается Покупателем Продавцу в счет первоначального взноса по Кредитному договору № [номер кредитного договора] от ДД.ММ.ГГГГ г. на приобретение жилья денежными средствами, выделяемыми по Государственному сертификату на материнский (семейный) капитал[...]». То есть для некоторых государственных учреждений (территориальных органов Фонда пенсионного и социального страхования) наличие соответствующей формулировки является строго обязательным для перечисления средств материнского (семейного) капитала. В то же время другие территориальные органы в других субъектах Российской Федерации не требуют таких формулировок. Необходимо прекратить практику использования отделениями разных субъектов Российской Федерации различных формулировок в договорах купли-продажи для более эффективной работы рынка недвижимости и устранения проблем при составлении договоров. Существует два варианта того, как разрешить возникший вопрос: 1) утвердить правила, касающиеся того, что необходимо указывать в договорах о приобретении недвижимого имущества; 2) запретить подобные требования. Лучший вариант – запретить требовать внесения определенных корректировок в договоры, так как это ограничивает возможности для семей использовать соответствующую выплату.

¹² Ковалёва О. А. Приобретение жилого помещения с использованием ипотечного кредитования и средств материнского капитала : актуальные проблемы правоприменения // Известия Оренбург. гос. аграрного ун-та. 2015. № 1 (51). С. 251.

Другая ситуация связана с проблемами при подаче заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала через кредитные организации. Руководствуясь абзацем вторым п. 6 Правил подачи заявления о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала (приложение № 1 к приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 марта 2020 г. № 149н), заявители могут подать заявление, направленное на распоряжение средствами материнского (семейного) капитала, и могут представить документы в территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации через кредитную организацию¹³. Однако не все территориальные органы Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации принимают такие заявления, а потому по прошествии 30 дней с момента подачи заявления через кредитную организацию заявителям приходится звонить в соответствующий территориальный орган, чтобы узнать, что их заявление не было принято и что они должны заново подать заявление, но уже лично либо каким-то иным способом, но не через кредитную организацию. Такое требование предъявляют не все территориальные органы Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации.

Запрет на подобного рода необоснованные требования закреплен в ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, но подобные деяния наказываются лишь штрафом в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей¹⁴. Для того чтобы избежать подобных проблем при подаче заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала, следует увеличить минимальный размер штрафа до двадцати тысяч рублей, а максимальный – до пятидесяти тысяч рублей.

Следует проанализировать нормы, касающиеся регионального материнского капитала, чтобы сравнить направления федерального и регионального видов социальных выплат. Важно отметить, что все субъекты Российской Федерации, которые

¹³ См.: Об утверждении Правил подачи заявления о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала и перечня документов, необходимых для реализации права распоряжения средствами материнского (семейного) капитала : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 марта 2020 г. № 149н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2025 г.).

¹⁴ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 дек.

предоставляют региональный материнский капитал, самостоятельно устанавливают требования, для получения этой социальной выплаты (например, ограничения по доходу, сроку проживания на территории региона, возрасту матери при рождении ребенка)¹⁵.

Начать следует с рассмотрения Закона Воронежской области «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Воронежской области» (далее – Закон Воронежской области). В ч. 1 ст. 43.5 Закона Воронежской области закреплены направления, по которым можно полностью либо частично распорядиться средствами регионального материнского капитала¹⁶.

Первое из них предлагает улучшить жилищные условия при обязательном приобретении недвижимого имущества на территории Воронежской области. Такое требование является оправданным, так как средства регионального материнского капитала выплачиваются из бюджета субъекта Российской Федерации, а потому власти субъекта Российской Федерации заинтересованы в том, чтобы лица, имеющие право на региональный материнский капитал, приобретали недвижимое имущество на территории этого региона.

Второе направление связано с получением образования детьми (ребенком) в любой образовательной организации, которая расположена на территории Российской Федерации и имеет право на оказание соответствующих образовательных услуг. Это направление правильно с точки зрения права и морали, поскольку детям бывает необходимо обучение в другом регионе Российской Федерации в связи с различными условиями, одним из которых является наличие специальных обучающих условий для детей-инвалидов. Обоснованным выступает требование регионального законодателя о наличии соответствующего права на оказание образовательной деятельности.

Третье направление – получение платных медицинских услуг ребенком (детьми) в медицинских организациях, расположенных на территории Российской Федерации и имеющих право на осуществление медицинской деятельности. Это направление также является правильным и с точки зрения права, и с точки зрения морали. Здесь нужно отметить, что решение регионального законодателя обоснованно, так как забота о здоровье де-

тей важна не только для государства, но и для общества. Правильным и обоснованным является и то, что подобного рода организация должна иметь соответствующее право на оказание медицинской деятельности.

Четвертое направление коррелирует с первым, но связано с улучшением бытовых условий в том жилом помещении, где проживает семья с детьми. Региональный законодатель выделяет направления улучшения бытовых условий, но является ли этот список исчерпывающим? Скорее да. Указание открытого перечня направлений улучшения может участить случаи обращения в суд, в связи с чем в любом случае будут необходимы определенного рода пояснения, на что можно тратить средства регионального материнского капитала, а на какие – нельзя.

Пятое направление (приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов) совпадает с направлением из Закона о материнском (семейном) капитале. И про него можно сказать то же самое, что и про указанное выше направление из федерального законодательства.

Следующим регионом с региональным материнским капиталом является Липецкая область. В ст. 8 Закона Липецкой области от 27 декабря 2021 г. № 60-ОЗ «О социальных, поощрительных выплатах и мерах социальной поддержки в сфере семейной и демографической политики, а также лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией и Липецкой областью» (далее – Закон Липецкой области) закреплено, что в Липецкой области действует областной материнский капитал – единовременная социальная выплата в связи с рождением (усыновлением) третьего и последующих детей или детей-близнецов. Исходя из этого и положений ч. 1 ст. 8 Закона Липецкой области областной материнский капитал положен в случае рождения (усыновления) третьего и последующих детей и в случае рождения (усыновления) детей-близнецов¹⁷. Отдельного внимания заслуживает ст. 9 Закона Липецкой области, в которой закреплены основания для получения единовременной социальной выплаты при рождении троих или более детей. Получается, в Липецкой области действуют две выплаты, связанные с рождением детей, но обе имеют ограниченные основания для

¹⁵ См.: Мусин Э. Р. Региональный материнский капитал в России : анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении // ДЕМИС : демографические исследования. 2024. Т. 4. № 3. С. 39.

¹⁶ См.: О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Воронежской области : закон Воронежской области от 14 ноября 2008 г. № 103-ОЗ. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 10.03.2025 г.).

¹⁷ См.: О социальных, поощрительных выплатах и мерах социальной поддержки в сфере семейной и демографической политики, а также лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией и Липецкой областью : закон Липецкой области от 27 декабря 2021 г. № 60-ОЗ. URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/15838123/modid/81> (дата обращения: 16.03.2025).

получения необходимой социальной выплаты семьям, имеющим детей.

Часть 4 ст. 4 Закона Санкт-Петербурга «О материнском (семейном) капитале в Санкт-Петербурге» закрепляет направления использования средств материнского (семейного) капитала в Санкт-Петербурге¹⁸. Каждое необходимо проанализировать отдельно. Первое направление связано с улучшением жилищных условий, в том числе использованием средств социальной выплаты для погашения ипотечного займа, на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Это направление является полностью правильным, так как необходимо поддерживать приобретение недвижимого имущества в том регионе, где выдается материнский (семейный) капитал. Второе направление связано со строительством и иными работами, в частности с капитальным ремонтом садового дома или жилого дома и приобретением земельного участка для целей, указанных в Законе Санкт-Петербурга. Третье направление связано с направлением средств для получения детьми (ребенком) образования. Четвертое направление позволяет получить за средства материнского (семейного) капитала в Санкт-Петербурге лицам, указанным в п. 1 ст. 2 Закона Санкт-Петербурга, профессиональное образование, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование. Пятое направление связано с получением медицинской помощи. Шестое направление также касается медицинской помощи: лица, указанные в п. 1 ст. 2 Закона Санкт-Петербурга, могут направить средства материнского (семейного) капитала в Санкт-Петербурге на оказание платных медицинских стоматологических и офтальмологических услуг. Седьмое направление посвящено уплате страховых взносов на добровольное медицинское страхование ребенка и (или) получение ребенком платных медицинских услуг в медицинских организациях, расположенных на территории Российской Федерации и имеющих право на осуществление медицинской деятельности. Восьмое направление позволяет направлять средства материнского (семейного) капитала на приобретение пассажирского автомобильного транспортного средства, но лишь при условии, что это транспортное средство было произведено на территории Российской Федерации. Девятое направление такое же, как и в Законе о материнском (семейном) капитале и Законе Воронежской области, касается товаров и услуг для реабилитации и

абилитации детей-инвалидов (ребенка-инвалида). Десятое направление связано с газификацией домовладений, расположенных на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Одиннадцатое направление закреплено в законе со следующей формулировкой: «На выполнение работ по изготовлению, доставке и установке (замене) оконных блоков, входных дверей, остеклению балконов, лоджий в жилом помещении, расположенном на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, с соблюдением технических требований, обеспечивающих безопасность детей при эксплуатации оконных и балконных конструкций».

Анализируя положения указанных ранее региональных законов, можно прийти к двум выводам: 1) положения этих законов соответствуют положениям Закона о материнском (семейном) капитале, т. е. федеральному законодательству; 2) региональные законы конкретизируют направления, по которым можно распоряжаться средствами региональной социальной выплаты.

В заключение необходимо понять правовую природу обязательств лиц, распоряжающихся средствами материнского (семейного) капитала и регионального материнского капитала. Как стало ясно, родители обязаны выделить детям доли в праве на недвижимое имущество, но перед кем отвечают родители в случае неисполнения обязанностей – перед государством или перед детьми и супругом (супругой)? Обязанности, исходя из трактовки Закона о материнском (семейном) капитале, возникают не только перед государством, так как оно в случае нарушения прав детей и супруга (супруги) имеет возможность через соответствующие органы и учреждения обратиться в суд для защиты нарушенных прав (это же касается регионального материнского капитала и субъекта Российской Федерации), но и перед детьми и супругом (супругой), поскольку положенные доли необходимо выделить и им. Обязательства по выделению соответствующих долей возникают и перед государством (субъектом Российской Федерации), и перед детьми и супругом (супругой).

Библиографический список

Андреева М. А. Практические аспекты исполнения требований законодательства в отношении жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. 2024. № 2 (157). С. 176–183.

Багаутдинов Ф. Н., Исхаков А. Д. Некоторые вопросы использования средств материнского (семейного) капитала на приобретение жилого помещения // Ученые записки Казанского университе-

¹⁸ См.: О материнском (семейном) капитале в Санкт-Петербурге : закон Санкт-Петербурга от 6 декабря 2011 г. № 810-151. URL: <https://docs.cntd.ru/document/891860338> (дата обращения: 16.03.2025).

та. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 2. С. 51–58.

Давыдов А. Н. Материнский капитал как мера социальной поддержки семьи : нормативно-правовые аспекты // Форум молодых ученых. 2018. № 10 (26). С. 334–338.

Кичева П. С. Проблемы получения и использования материнского (семейного) капитала в российском правовом порядке // Академия права. 2024. № 1 (4). С. 111–121.

Ковалёва О. А. Приобретение жилого помещения с использованием ипотечного кредитования и средств материнского капитала : актуальные проблемы правоприменения // Известия Оренбург. гос. аграрного ун-та. 2015. № 1 (51). С. 248–251.

Мусин Э. Р. Региональный материнский капитал в России : анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении // ДЕМИС : демографические исследования. 2024. Т. 4. № 3. С. 37–48.

References

Andreyeva M. A. Practical aspects of compliance with legal requirements regarding residential premises

acquired using maternity (family) capital // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. No. 2 (157). P. 176–183.

Bagautdinov F. N., Iskhakov A. D. Some issues of using maternity (family) capital for the acquisition of residential premises // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2021. Vol. 163. No. 2. P. 51–58.

Davydov A. N. Maternity capital as a measure of social support for the family : regulatory and legal aspects // Forum of young scientists. 2018. No. 10 (26). P. 334–338.

Kichyeva P. S. Problems of obtaining and using maternity (family) capital in the Russian legal order // Academy of Law. 2024. No. 1 (4). P. 111–121.

Kovalyova O. A. Acquisition of residential premises using mortgage lending and maternity capital funds : current problems of law enforcement // Bulletin of the Orenburg State Agrarian University. 2015. No. 1 (51). P. 248–251.

Musin E. R. Regional maternity capital in Russia : analysis of differences in the conditions of provision, amount, target direction // DEMIS. Demographic studies. 2024. Vol. 4. No. 3. P. 37–48.

Воронежский государственный университет
Васюков В. В., аспирант кафедры трудового права
E-mail: iamviktorvasyukov@gmail.com

Поступила в редакцию: 03.06.2025

Для цитирования:

Васюков В. В. Правовые процедуры при использовании средств материнского (семейного) капитала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 191–198. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/191-198>

Voronezh State University
Vasyukov V. V., Post-graduate Student of the Department of Labor Law
E-mail: iamviktorvasyukov@gmail.com

Received: 03.06.2025

For citation:

Vasyukov V. V. Legal procedures for using maternal (family) capital funds // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 191–198. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/191-198>

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Н. С. Ганчурина

Правовой департамент Аппарата ФНПР

LABOUR RELATIONS OF EMPLOYEES WITH FAMILY RESPONSIBILITIES: TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION

N. S. Ganchurina

Legal Department of the FNPR Office

Аннотация: анализируются некоторые проблемы, вызванные цифровизацией, с которыми лица с семейными обязанностями вынуждены были столкнуться в рамках трудовых правоотношений, рассматриваются пути разрешения возникших проблемных ситуаций, а также пути дальнейшего реформирования трудового законодательства в данной сфере. Цифровизация стала ключевым фактором, обусловившим широкое распространение дистанционных форм образовательного процесса, что не могло не повлечь за собой дополнительные сложности при выполнении работниками с семейными обязанностями своих трудовых функций. Проведенный анализ действующего законодательства и имеющихся правовых механизмов показал, что существующие варианты разрешения проблемных ситуаций обладают ограниченным компенсаторным потенциалом, а в ряде случаев лишь усугубляют социальную уязвимость работников рассматриваемой категории. В ходе проведенного исследования было выявлено, что предоставление дополнительных гарантий лицам, с семейными обязанностями, позволяющих скорректировать образовавшийся дисбаланс, может быть реализовано посредством внесения соответствующих изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, а именно – в главу 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников», что соотносится с ее названием и содержанием.

Ключевые слова: трудовые отношения, цифровизация, лица с семейными обязанностями, дистанционный труд, дискриминация, трудовое законодательство.

Abstract: this article analyses some of the problems caused by digitalisation that have arisen for employees with family responsibilities recognised within labor relations. It also examines ways to resolve these problematic situations, as well as emerging avenues for further reform of labor legislation in this area. Digitalisation has become a key factor in the widespread disparities in formal education processes, preventing the creation of additional difficulties for employees with family responsibilities in their work functions. An analysis of current legislation and current sound principles revealed that these solutions offer limited compensatory potential and, in some cases, only exacerbate the vulnerability of this category. The study found that additional guarantees for individuals with family responsibilities authorised to correct the resulting imbalance can be implemented by amending the Labor Code of the Russian Federation, specifically Chapter 49.1, which relates to its title and content.

Key words: labor law relations, digitalisation, employees with family responsibilities, remote work, discrimination, labor legislation.

Миновавшая существенное время назад пандемия COVID-19 ускорила реформы в области трудового законодательства, направленные на регулирование дистанционно-

го труда, что во многом способствовало разрешению законодательных противоречий в данной сфере. Но на современном этапе, в контексте цифровизации, трудовое законодательство продолжает сталкиваться с новыми вызовами.

Наряду с предоставлением огромного потенциала для улучшения качества жизни людей и развития экономики¹ четвертая промышленная революция ставит перед правовыми науками немало вызовов. Цифровизация стала одним из главных источников угроз и возможностей нашего времени².

В Разъяснениях (методических рекомендациях) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» под цифровизацией понимается «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов»³.

Нельзя не согласиться с утверждением А. А. Бережнова о том, что цифровизация экономики уже оказывает значительное влияние на трудовое право и не остается незамеченной законодателем⁴.

При анализе проблем правового регулирования труда лиц с семейными обязанностями в контексте цифровизации представляется необходимым определить понятие данного субъекта.

Следует отметить, что законодательство не содержит легальной дефиниции данного понятия, но из содержания главы 41 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) можно сделать вывод о том, что лица с семейными обязанностями – это лица, осуществляющие обязанности по воспитанию и развитию ребенка или члена семьи, нуждающегося в уходе в соответствии с медицинским заключением.

Как отмечает Н. Ф. Звенигородская, «выделяя женщин, лиц с семейными обязанностями

в отдельную категорию работников, законодатель учитывает психофизиологические особенности женского организма, природой предназначенного выполнить главное предназначение женщины – рождение ребенка, а также наличие семейных обязанностей, которые выполняет не только она, став матерью, но и члены ее семьи либо семьи рожденного ею ребенка»⁵.

Указанные в упомянутой выше главе ТК РФ случаи сопряжены с фактическими обстоятельствами, делающими положение лиц, упомянутых в главе 41 ТК РФ, более уязвимым (в сравнении с другими категориями работников).

Сформировавшаяся судебная практика свидетельствует о многочисленных злоупотреблениях со стороны работодателей в части нарушения гарантий, предусмотренных главой 41 ТК РФ⁶.

ТК РФ также не содержит определения понятия социально-уязвимых категорий граждан в рамках трудовых отношений, но п. 4 ст. 2 Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»⁷, в свою очередь, содержит перечень граждан, испытывающих трудности при поиске работы, куда, в частности, относятся одинокие и многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов и т. д.

Согнано постановлению Пленума Верховного суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершенно-

¹ См.: Ганчурина Н. С. Анализ общемировых нарастающих тенденций, оказывающих влияние на регулирование труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 46.

² См.: Макаров В. Л., Лугачев М. И. По волнам цифровизации // Вестник Моск. ун-та. Серия 6: Экономика. 2019. № 6. С. 3.

³ Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2025).

⁴ См.: Бережнов А. А. Цифровизация в сфере труда и ее влияние на повышение производительности труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 11–12.

⁵ Звенигородская Н. Ф. Проблема определения понятия «лица с семейными обязанностями» // Глаголь правосудия. 2016. № 1 (11). С. 15–20. С. 17.

⁶ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2024 г. № 88-16042/2024; Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2024 г. № 88-3211/2024; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2022 г. № 88-19438/2022 по делу № 2-4715/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июля 2022 г. № 88-14078/2022 по делу № 2-4555/2021; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2022 г. по делу № 88-12870/2022; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2024 г. № 1-КГ23-13-К3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (даты обращений: 25.08.2025; 30.08.2025).

⁷ См.: Рос. газета. 2023. 18 дек.

нолетних»⁸, к лицам с семейными обязанностями стоит относить:

1) работника, имеющего обязанности по воспитанию ребенка (родитель, усыновитель, опекун, попечитель);

2) другого родственника ребенка, фактически осуществляющего уход за ним, в случаях, предусмотренных законом;

3) работника, имеющего обязанности в отношении других членов своей семьи, нуждающихся в установленных случаях в уходе или помощи.

В период пандемии лица с семейными обязанностями столкнулись с трудностями при осуществлении своих трудовых функций дистанционно. Из-за традиционной роли женщины в семье в большей степени с этим столкнулись работающие матери, которые были вынуждены совмещать выполнение своих трудовых функций с обязанностями по воспитанию и уходу за детьми⁹.

Следует отметить, что наряду с широким распространением применения дистанционного труда среди последствий пандемии COVID-19 можно также выделить повсеместное распространение дистанционных форм обучения, что не могло не повлечь за собой сложности в осуществлении работниками с семейными обязанностями (в частности, работниками, имеющими детей в возрасте до 14 лет) своих трудовых функций.

Нормы, закрепляющие возможность использования дистанционных образовательных технологий, а также электронного обучения, содержатся в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰.

В настоящее время широкое распространение получила практика проведения уроков у школьников (в частности, младших школьников) в форме дистанционного обучения.

Таким образом, возникает ситуация, при которой ребенок работника, по инициативе образовательной организации, в принудительном порядке по тем или иным причинам переводится на дистанционное обучение, в то время

как правовые основания перевода работника на дистанционный режим работы в подобных случаях законодательство не содержит.

В рамках ТК РФ (наряду с другими мерами поддержки данной категории работников) в ч. 2 ст. 93 предусматривается обязанность работодателя устанавливать неполное рабочее время по просьбе беременной женщины, одного из родителей (опекуна, попечителя), имеющего ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет), а также лица, осуществляющего уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением. В рамках данной статьи рассматривается именно 14-летний возраст ребенка, в связи с чем можно предположить, что это обусловлено тем фактом, что ребенок в этом возрасте, согласно законодательству, приобретает ограниченную дееспособность, соответственно, уже в большей степени способен позаботиться о себе, отдавать отчет своим действиям.

Этот способ выхода из сложившейся ситуации является для работника одним из возможных вариантов поведения. Наряду с этим он может попробовать перенести ежегодный оплачиваемый отпуск на другое время. Кроме того, в соответствии со ст. 128 ТК РФ работник вправе реализовать право на отпуск без сохранения заработной платы при условии, если работодатель сочтет причину заявленной работником просьбы убедительной (заслуживающей внимания).

Все из перечисленных выше способов не лишены существенных недостатков.

Работодатель не может отказать работнику, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет, в установлении неполного рабочего времени. Вероятно, это обусловлено невозможностью малолетнего в должной мере позаботиться о себе, не подвергая свою жизнь опасности, находясь в одиночестве продолжительное время, а также тем, что образовательный процесс в образовательной организации занимает не восемь часов (нормальная продолжительность рабочего дня наемного работника), а примерно половину от этого времени. Но в случае с дистанционным обучением речь уже не может идти о неполной продолжительности, так как ребенок нуждается в присмотре на протяжении всего рабочего дня, а не его части. К тому же механизм применения данной нормы является достаточно громоздким для использования его в подобных случаях, но подходящим вариантом, когда

⁸ См.: Рос. газета. 2014. 7 февр.

⁹ См.: *Katsabian Tammy*. The Telework Virus : How the COVID-19 Pandemic Has Affected Telework and Exposed Its Implications for Privacy and Equality (September 1, 2020). P. 37. URL: <https://ssrn.com/abstract=3684702> (date of access: 25.08.2025).

¹⁰ См.: Рос. газета. 2012. 31 дек.

речь идет о более длительных процессах. Также не стоит забывать о том, что при неполной продолжительности рабочего времени (в отличие от сокращенной продолжительности рабочего времени) оплата производится пропорционально, исходя из выполненного объема работ или отработанного времени.

Перенос ежегодного оплачиваемого отпуска на дни дистанционного обучения детей не отвечает целям предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска, а также несет в себе определенные процедурные трудности, как то, что согласно ст. 136 ТК РФ отпускные должны быть выплачены работнику не позднее, чем за три дня до наступления отпуска.

При предоставлении на период дистанционного обучения ребенка отпуска без сохранения заработной платы также нельзя рассматривать в качестве предпочтительного варианта, так как во-первых, работник теряет часть своего дохода (ситуация особо усугубляется, когда работником-родителем оказывается одинокая мать или отец), во-вторых, предоставление в подобном случае такого рода отпусков является правом, а не обязанностью работодателя, т. е. отпуск может быть вообще не предоставлен, в-третьих, согласно ст. 121 ТК РФ, в случае, если продолжительность отпуска без сохранения заработной платы превышает 14 дней в течение календарного года, то количество дней, превышающее указанную продолжительность, не зачитывается в трудовой стаж работника, который дает работнику право на ежегодный основной оплачиваемый отпуск.

Таким образом, все рассмотренные варианты, которые в настоящий момент содержит действующее законодательство, делают положение лиц с семейными обязанностями еще более уязвимым, что не соответствует целям государственной политики.

«Выработка эффективных способов по смягчению негативных последствий технологического перехода в отношении наименее защищенных граждан»¹¹, предоставление мер социальной поддержки лиц с семейными обязанностями видится приоритетным направлением законотворческой деятельности, учитывая, что

¹¹ Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Особенности трансформации прав лиц с семейными обязанностями на социальные выплаты в условиях перманентного научно-технологического развития // Образование и право. 2023. №8. С. 246.

согласно ст. 7 Конституции РФ¹² обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, которая, в свою очередь, является приоритетным направлением государственной политики. Предоставление мер социальной поддержки лиц с семейными обязанностями может быть реализовано посредством внесения соответствующих изменений в ТК РФ, а именно – в главу 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников», что соотносится с ее названием и содержанием. Предлагаем дополнить ТК РФ ст. 312.10 «Порядок временного перевода работника на дистанционную работу по инициативе работника» следующего содержания: «Работодатель обязан временно перевести работника, являющегося лицом с семейными обязанностями, на дистанционную работу по его письменному заявлению, при наличии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости подобного перевода, предоставлении необходимых подтверждающих документов и наличии возможности выполнения трудовой функции дистанционно».

Оставление данного вопроса без внимания вносит определенного рода дискриминационный характер в правовое регулирование обозначенных проблем, так как лица с семейными обязанностями оказываются в более уязвимом положении по сравнению с бездетными работниками, что противоречит положениям ст. 3 ТК РФ и нарушает баланс оптимального соотношения трудовых ресурсов.

Библиографический список

Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Особенности трансформации прав лиц с семейными обязанностями на социальные выплаты в условиях перманентного научно-технологического развития // Образование и право. 2023. №8. С. 245-258.

Бережнов А. А. Цифровизация в сфере труда и ее влияние на повышение производительность труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 11–12.

Ганчурина Н. С. Анализ общемировых нарастающих тенденций, оказывающих влияние на регулирование труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 46–48.

¹² См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2025).

Звенигородская Н. Ф. Проблема определения понятия «лица с семейными обязанностями» // Глаголь правосудия. 2016. № 1 (11). С. 15–20.

Макаров В. Л., Лугачев М. И. По волнам цифровизации // Вестник Моск. ун-та. Серия 6: Экономика. 2019. № 6. С. 3–8.

Katsabian Tammy. The Telework Virus : How the COVID-19 Pandemic Has Affected Telework and Exposed Its Implications for Privacy and Equality (September 1, 2020). P. 37. URL: <https://ssrn.com/abstract=3684702>

References

Antonova N. V., Eremina O. Yu. Features of the transformation of the rights of persons with family responsibilities to social benefits in the context of permanent scientific and technological development // Education and Law. 2023. No. 8. P. 245–258.

Berezhnov A. A. Digitalization in the sphere of labor and its impact on increasing labor productivity // Labor law in Russia and abroad. 2022. No. 2. P. 11–12.

Ganchurina N. S. Analysis of global growing trends affecting labor regulation // Labor law in Russia and abroad. 2023. No. 2. P. 46–48.

Zvenigorodskaya N. F. The problem of defining the concept of "persons with family responsibilities" // Verb of justice. 2016. No. 1 (11). P. 15–20.

Makarov V. L., Lugachev M. I. On the waves of digitalization // Moscow Bulletin. un-ta. Series 6: Economics. 2019. No. 6. P. 3–8.

Katsabian Tammy. Remote Work Virus: How the COVID-19 pandemic has affected remote work and revealed its implications for privacy and equality (September 1, 2020). P. 37. URL: <https://ssrn.com/abstract=3684702>

Правовой департамент Аппарата ФНПР
Ганчурина Н. С., руководитель группы по нормотворческой работе
E-mail: ganchurina.ns@gmail.com

Поступила в редакцию: 29.09.2025

Для цитирования:

Ганчурина Н. С. Трудовые отношения лиц с семейными обязанностями: трансформация под влиянием цифровизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 199–203. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/199-203>

Legal Department of the FNPR Office
Ganchurina N. S., Head of the Normative Work Group
E-mail: ganchurina.ns@gmail.com

Received: 29.09.2025

For citation:

Ganchurina N. S. Labour relations of employees with family responsibilities: transformation in the context of digitalisation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 199–203. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/199-203>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

А. Н. Сенюков

Воронежский государственный университет

LEGAL REGULATION OF ATTESTATION OF SCIENTIFIC EMPLOYEES

A. N. Senyukov

Voronezh State University

Аннотация: проводится анализ нормативных правовых актов, посвященных аттестации научных работников. Проведен сравнительный анализ нормативной базы, регламентирующей порядок аттестации научных работников. Результаты исследования показали, что действующий порядок дает больше возможностей усмотрения на локальном уровне в регулировании некоторых этапов аттестации научных работников.

Ключевые слова: аттестация, научные работники, квалификация, аттестационная комиссия, научная деятельность, критерии оценки результативности труда.

Abstract: the article analyzes the regulatory legal acts devoted to the attestation of scientific employees. A comparative analysis of the regulatory framework governing the attestation of scientific employees has been carried out. The results of the study showed that the current procedure gives more discretion at the local level in regulating some stages of certification of researchers.

Key words: attestation, scientific employees, qualification, attestation commission, scientific activity, criteria for evaluating work performance.

Мировая практика свидетельствует, что отсутствие эффективной системы подготовки и использования в обществе научных кадров чревато торможением его развития, отставанием в использовании новейших знаний прогрессивных технологий, а также научных достижений¹.

Оценка уровня квалификации работников, включая научных, и комплексная проверка их деловых качеств необходимы в любой отрасли экономической жизни для ее дальнейшего развития. Аттестация работников является одним из наиболее эффективных механизмов, направленных на проверку деловых качеств работника и уровня его квалификации².

¹ См.: *Каширцева А. Ю.* Роль научных кадров в формировании эффективной социально-экономической политики государства // *Вестник Академии права и управления.* 2017. № 2 (47). С. 117.

² См.: *Кучмин А. Ю.* Правовое регулирование аттестации работников // *Проблемы экономики и юридической практики.* 2018. № 4. С. 143.

© Сенюков А. Н., 2025

Существование требований к квалификации, соответствие которым выявляется в ходе аттестации, стимулирует непрерывное обучение работника, совершенствование его знаний и навыков. Кроме того, наличие этих требований обеспечивает формирование трудового коллектива, полностью состоящего из специалистов высокой квалификации. Соответственно, применительно к научной деятельности аттестация способствует повышению эффективности и результативности проводимых исследований и разработок³.

Однако аттестация работников как явление сферы труда имеет весьма слабо очерченные контуры. Отсутствие единых стандартов проведения аттестации работников влечет проблемы узкого понимания ее сущности и предназначения. Анализ и сопоставление нормативных правовых актов, в том числе определяющих поряд-

³ См.: *Самарина Ю. С.* Труд научных работников: применимо ли нормирование? // *Наука. Инновации. Образование.* 2017. Т. 12, № 3. С. 71.

док проведения аттестации отдельных категорий работников, свидетельствуют о необходимости совершенствования правовых решений для устранения имеющихся дефектов дифференцированного подхода⁴.

В Трудовом кодексе Российской Федерации⁵ (далее – ТК РФ) законодатель упоминает аттестацию отдельных категорий работников в различных аспектах. Например, п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ позволяет работодателю расторгнуть трудовой договор по основанию несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, что подтверждено результатами аттестации. А в ст. 173 и 174 ТК РФ упоминается промежуточная аттестация, выступающая в качестве элемента образовательного процесса работников, совмещающих работу с обучением, и дающая им право на дополнительные оплачиваемые отпуска.

В свою очередь, ст. 336.1 ТК РФ предусматривает проведение аттестации научных работников. Следует отметить, что аттестация работников на соответствие занимаемой должности обязательна для научных сотрудников (ст. 336.1 ТК РФ).

Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁶ раскрывает следующие понятия:

– «научный работник (исследователь)» – гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью;

– «научная (научно-исследовательская) деятельность» – деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, поисковые научные исследования;

– «научно-техническая деятельность» – деятельность, направленная на получение, приме-

нение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

Для выявления специфики научной деятельности необходимо представлять, что составляет содержание такого сложного, комплексного понятия, как «наука». В общем виде наука определяется как сфера человеческой деятельности, направленная на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний о действительности. Основу этой деятельности составляют сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и на этой базе синтез новых знаний или обобщений, которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи и, как следствие, прогнозировать⁷.

Таким образом, научный работник – это человек, имеющий соответствующую квалификацию и профессионально занимающийся научно-исследовательской деятельностью в рамках академической, вузовской либо отраслевой науки, участвующий в производстве новых теоретических знаний и (или) практических разработок в какой-либо научной области⁸.

Должности научных работников предусматриваются в научных организациях, организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также в иных организациях, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность.

Должности научных работников, подлежащих аттестации, также установлены Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 5 августа 2021 г. № 715⁹ (далее – Приказ

⁴ См.: *Парамонова С. В.* Аттестация работников : дефекты дифференцированного подхода // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 31.

⁵ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: *Бочарников Д. А.* Специфика научной деятельности как основание дифференциации правового регулирования трудовых отношений научных работников // Журнал российского права. 2014. № 2 (206). С. 102.

⁸ См.: *Воронцовская Л. Г.* Определение понятий «научный работник» и «рынок труда научных работников» // Экономика. Управление. Инновации. 2019. № 1 (5). С. 18.

⁹ См.: Об утверждении перечня должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, и порядка проведения указанного конкурса : приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 5 августа 2021 г. № 715. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 715), за исключением должностей, которые по закону замещаются только по срочному трудовому договору, а также за исключением научных работников, трудовые договоры с которыми заключены на определенный срок по соглашению сторон при соблюдении условий, установленных ст. 59 ТК РФ.

Кроме того, аттестации не подлежат беременные женщины, женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам, работники, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, независимо от срока трудового договора. Причем перечисленные сотрудники, находящиеся в отпуске по беременности и родам, в отпуске по уходу за ребенком, могут пройти аттестацию не ранее чем через 1 год после выхода из отпуска.

В силу ст. 81 ТК РФ порядок проведения аттестационных мероприятий устанавливается как трудовым законодательством, так и иными нормативно-правовыми актами, а также локальными актами организации. Итак, на законодательном уровне общий порядок проведения аттестации не установлен, каждая организация прописывает свои правила в соответствующем положении.

Однако в ст. 336.1 ТК РФ прописано, что «в целях подтверждения соответствия работника занимаемой им должности научного работника (за исключением научных работников, трудовые договоры с которыми заключены на определенный срок) проводится аттестация в сроки, определяемые локальным нормативным актом, но не чаще одного раза в два года и не реже одного раза в пять лет», и «порядок проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников, устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда». Таким образом, организация самостоятельно разрабатывает собственные локальные акты, регулирующие проведение аттестации, но на основании документов, разработанных Учредителем¹⁰.

¹⁰ См.: *Пирумова Л. Н.* Особенности проведения аттестации кадров в научной отраслевой библиотеке //

В соответствии с ч. 8 ст. 336.1 ТК РФ, Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 5 августа 2021 г. № 714¹¹ (далее – Приказ № 714) был утвержден по согласованию с Министерством труда и социальной защиты РФ Порядок проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников (далее – Порядок).

Порядок определяет правила, основные задачи и принципы проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников в научных организациях, организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также в иных организациях, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность.

В соответствии с п. 2 Приказа № 714 аттестация проводится с целью подтверждения соответствия работников занимаемым ими должностям научных работников на основе оценки результатов их профессиональной деятельности.

Решение о проведении аттестации работников, дате, месте и времени ее проведения принимается руководителем организации (уполномоченным им лицом) и доводится до сведения работников, подлежащих аттестации, не позднее чем за 30 календарных дней до дня проведения аттестации способом, принятым в организации, в том числе под подпись, а также с помощью отправки работнику электронного сообщения (п. 5 Приказа № 714).

При проведении аттестации научных работников объективно оцениваются:

– результаты научной деятельности работников и (или) результаты деятельности возглавляемых ими подразделений (научных групп) в динамике за период, предшествующий аттестации, в том числе достигнутые работниками количественные показатели результативности труда;

– личный вклад работников в развитие науки, решение научных проблем в соответствующей области знаний и влияние такого вклада на результативность и развитие организации;

Культура : теория и практика. 2022. № 3 (48). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/125/1537/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹¹ См.: Об утверждении Порядка проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников : приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 5 августа 2021 г. № 714. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– повышение личного профессионального уровня и (или) профессионального уровня научных работников, возглавляемых работниками подразделений (научных групп).

В ходе реализации правоприменительной практики органы судебной власти осуществляют контроль соблюдения действующего законодательства в сфере проведения аттестации научных работников.

В соответствии с законодательством (ст. 81, 336.1 ТК РФ) образовательные (научные) организации принимают локальные акты, регулирующие порядок проведения аттестации сотрудников данных учреждений. Составление подобных локальных актов требует значительных знаний действующего законодательства и соответствующего уровня подготовки в сфере юриспруденции, однако в образовательных учреждениях далеко не всегда в штате имеются подобные специалисты. Несогласие с рядом положений либо их применением на практике становятся предметом судебных разбирательств в порядке административного судопроизводства¹².

Так, сотрудник ФГБУН Мурманского морского биологического института КНЦ РАН обжаловал в суд локальный порядок проведения аттестации научных работников, полагая его несоответствие федеральному законодательству. В частности, административный истец работал в должности младшего научного сотрудника. Отсутствие опубликованных трех и более научных статей в научных журналах «высокой» категории, выявленное в ходе проведения аттестации, стало основанием для перевода истца с занимаемой должности на должность лаборанта кафедры. Научный работник полагала, что требования локального акта работодателя не соответствуют действующему законодательству, как устанавливающие дополнительные требования, не предусмотренные федеральными нормативными правовыми актами.

Вместе с тем решением Октябрьского районного суда города Мурманска¹³ в удовлетворении административного искового заявления

было отказано. Суд обратил внимание, жалобы от иных научных сотрудников, вопреки доводам административного истца, не поступали, а сложившийся юридический конфликт имеет черты индивидуального трудового спора, разрешение которого производится не в рамках административного судопроизводства по оспариванию локального акта научной организации о порядке проведения аттестации научных работников, а в порядке предъявления иска к работодателю в порядке гражданского судопроизводства.

В рамках иного гражданского дела, рассмотренного Советским районным судом г. Новосибирска¹⁴, истцу удалось добиться удовлетворения предъявленных требований. Заявитель являлся сотрудником ФГБУН Института математики имени С.Л. Соболева Сибирского отделения РАН, доктором физико-математических наук, профессором, работал ведущим научным сотрудником лаборатории дифференциальных уравнений. В отношении него была проведена аттестация, по результатам которой заявитель был признан не соответствующим занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, выявленной в ходе проведенной аттестации. Комиссия работодателя обосновывала свой вывод тем, что научному работнику было необходимо опубликовать не менее семи научных трудов на протяжении последних пяти лет, что подтверждает результативность научной деятельности. Аттестационная комиссия признала таковыми лишь два научных труда, при этом еще 13 трудов (методические пособия, задачи и т. д., являющиеся комплектующими элементами включенных в федеральный перечень учебников) не были квалифицированы в качестве научных трудов. Не соглашаясь с указанным обстоятельством, научный работник обратился в федеральный суд.

Признавая незаконным решение аттестационной комиссии, суд отметил, что заявитель являлся членом профсоюза, а принятое на локальном уровне Положение об аттестации научных работников не было согласовано с профсоюзной организацией, что само по себе исключало применение такого несогласованного положения в

¹² См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

¹³ См.: Решение Октябрьского районного суда города Мурманска от 1 ноября 2023 г. № 2а-4872/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kgXNoAtY8EYP> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁴ См.: Решение Советского районного суда г. Новосибирска от 14 июля 2023 г. № 2-921/2023. URL: https://sovetskynsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=46475_8178&case_uid=ee6d8af2-d35a-4602-bb10-f3b8103ec007&delo_id=1540005 (дата обращения: 01.05.2025).

отношении научного работника. Кроме того, в соответствии с уставом научного учреждения решение аттестационной комиссии подлежит утверждению ученым советом. При этом решение комиссии, принятое в отношении истца ученым советом, не утверждалось по причине затянувшегося формирования очередного состава ученого совета. Было установлено, что полномочия сформированного ранее состава ученого совета на день принятия решения аттестационной комиссией были прекращены, велась процедура подготовки выборов в ученый совет.

Кроме того, судом было отмечено, что Приказ № 714 закрепляет необходимость учитывать не только количественные показатели, изучением и анализом которых фактически ограничилась аттестационная комиссия, но и результаты научной деятельности работника в целом, его личный вклад в развитие науки, решение научных проблем в соответствующей области знаний.

Таким образом, при проведении научного и практического анализа порядка проведения аттестации научных работников возникает ряд дискуссионных вопросов. В частности, наиболее распространенной является выработка критериев оценки результатов деятельности научных работников на основе количественных показателей научно-исследовательского труда, не отражающих объективно научную ценность отдельно взятой работы. Оценка личного профессионального уровня также является спорным и формальным критерием, поскольку, например, прохождение курсов по повышению квалификации, направленной на приобретение дополнительных прикладных навыков, объективно не способствует повышению профессионального уровня научного работника как ученого-исследователя, но при этом отражается как количественный показатель.

В целях проведения аттестации для каждого научного работника организация определяет основные задачи, а также на основании примерного перечня количественных показателей результативности труда устанавливает индивидуальный перечень количественных показателей результативности труда, применяемый в целях проведения аттестации. Примерный перечень количественных показателей результативности труда приведен в приложении к Приказу № 714.

Указанный примерный перечень не является исчерпывающим, предоставляет широкую возможность административного усмотрения на

локальном уровне, что создает неравные условия оценивания результатов труда научных работников в зависимости от конкретной научной организации, выступающей в качестве работодателя для научного работника, а также способствует формированию коррупциогенных факторов, создает возможность злоупотребления полномочиями со стороны руководства образовательных (научных) организаций, наделенных властными и распорядительными функциями в отношении научных сотрудников возглавляемых ими коллективов.

Так, одним из критериев, содержащихся в Положении о порядке аттестации научных работников Оренбургского государственного университета, выступает «привлечение работником финансовых ресурсов в организацию»¹⁵. Однако это скорее является задачей самого научного учреждения и его руководящих органов, которые призваны создать условия для проведения исследований научных работников, оградив их от решения административных, хозяйственных и иных вопросов, участие в которых не позволяет в прежнем объеме осуществлять научную деятельность.

По сравнению со старым перечнем, приведенным в приложении к Приказу Министерства образования и науки РФ от 27 мая 2015 г. № 538¹⁶ (далее – Приказ № 538), в новый перечень добавлен еще один показатель – объем услуг (в стоимостном выражении), оказанных по заказу общенационального научно-образовательного интерактивного энциклопедического портала «Знание»¹⁷.

Значения соответствующих количественных показателей результативности труда устанавливаются организацией не позднее чем за два года до проведения очередной аттестации с учетом значений, достигнутых референтной группой, в которую входит организация согласно Правилам оценки и мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих

¹⁵ Положение о порядке аттестации научных работников ОГУ. URL: <http://www.osu.ru/doc/4882> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁶ См.: Об утверждении Порядка проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников : приказ Министерства образования и науки РФ от 27 мая 2015 г. № 538. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Морозова Л. Новые правила аттестации научных работников // Учреждения образования : бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 11. С. 55.

научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утвержденным постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. № 312¹⁸. Для каждого из видов показателей результативности труда научная организация вправе определить критерии качества результатов.

Организация в соответствии с условиями трудового договора обязана ознакомить научного работника с установленным для него индивидуальным перечнем количественных показателей результативности труда и критериями качества результатов.

Количественные показатели результативности труда могут быть достигнуты лично научным работником либо возглавляемым им подразделением (научной группой).

Для проведения аттестации в организации создается аттестационная комиссия. Ее состав формируется с учетом необходимости исключения возможности конфликта интересов, который мог бы повлиять на принимаемые комиссией решения (п. 10 Приказа № 714).

При этом фактически исключить полностью конфликт интересов не представляется возможным в связи с работой членов комиссии с аттестуемыми работниками в одном коллективе, пусть и при отсутствии непосредственного подчинения.

В состав аттестационной комиссии включаются руководитель организации, представители выборного органа соответствующей первичной профсоюзной организации, некоммерческих организаций, являющихся получателями и (или) заинтересованными в результатах (продукции) организации, а также ведущие ученые, приглашенные из других организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, инновационную деятельность сходного профиля.

Председателем аттестационной комиссии является руководитель организации. Функции секретаря аттестационной комиссии исполняет уполномоченный работник организации, обеспечивающий внесение сведений о результатах аттестации в информационную базу. Этот же работник в ходе аттестации проводит сопостав-

ление достигнутых количественных показателей результативности труда количественным показателем результативности труда, определенным для работника в индивидуальном перечне. Если при сопоставлении установлено достижение (превышение) запланированных количественных показателей результативности труда, работник соответствует занимаемой должности.

Проверку полноты и достоверности сведений о результатах аттестации, содержащихся в информационной базе, осуществляет сам работник, который при обнаружении неактуальных сведений о себе вправе обратиться в организацию с просьбой об устранении неточностей и (или) внести изменения самостоятельно. Указанную проверку, а при необходимости корректировку сведений, содержащихся в информационной базе, работник обеспечивает в течение 20 календарных дней со дня оповещения его о проведении аттестации.

Аттестационная комиссия может давать рекомендации о поощрении работников за достигнутые успехи, переводе их на вышестоящую должность, либо, напротив, по улучшению деятельности аттестуемого работника, о переводе его на нижестоящую должность.

Однако следует обратить внимание, что существует другой вид оценки квалификации работников – это избрание по конкурсу. Специфика конкурсного замещения должностей научных работников исключает возможность их перевода на другую конкурсную должность. Подобный перевод невозможен, поскольку приведет к нарушению конкурсного порядка подбора научных работников, установленного Приказом № 715, который закрепляет, что при переводе на должности научных работников проводится конкурс, равно как и на замещение соответствующих должностей научных работников.

При вынесении аттестационной комиссией решения о возможности перевода научного работника на вышестоящую должность по результатам аттестации необходимо вновь проходить близкую аттестации процедуру конкурсного избрания.

Следовательно, мы подходим к выводу о нецелесообразности замены конкурсного подбора кадров, проводимого в соответствии с устанавливаемыми сроками таким авторитетным органом научной организации или вуза, как ученый

¹⁸ См.: Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения : постановление Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. № 312. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совет, на аттестацию, осуществляемую аттестационной комиссией, создаваемой руководителем организации¹⁹.

По результатам аттестации руководитель научной организации принимает решение о поощрении отдельных работников за достигнутые успехи, а в других случаях – о переводе на нижестоящую должность, соответствующую квалификации работника, путем конкурсного избрания. При отказе работника от перевода на нижестоящую должность трудовые отношения с ним прекращаются по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. В любом случае работник вправе обжаловать результаты аттестации, в том числе увольнение, в соответствии с законодательством РФ²⁰.

Необходимо отметить, что в Порядке не прописана процедура принятия аттестационной комиссией решений.

В отличие от действующего Порядка, в соответствии с п. 13 порядка проведения аттестации научных работников, установленного недействующим Приказом № 538, было определено, что решения принимаются большинством голосов присутствующих на заседании членов аттестационной комиссии. Заседание аттестационной комиссии считается правомочным, если на нем присутствуют не менее 2/3 ее членов. При равенстве голосов окончательное решение принимает председательствующий на аттестационной комиссии.

Также в Порядке не установлено, принимается ли решение открытым или закрытым голосованием.

Однако положение об аттестационной комиссии, ее персональный состав и порядок работы определяются организацией и размещаются на официальном сайте организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п. 10 Приказа № 714).

Представляется, что закрытое голосование противоречит одному из основных принципов аттестации, предполагающему гласный и демократичный характер, доступность процедуры

¹⁹ См.: Соколова Т. В. Особенности аттестации научных работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 54.

²⁰ См.: Особенности проведения аттестации научно-педагогических работников / Н. Н. Реутов, Н. А. Локтюшов, С. М. Шаповалов, Л. К. Жданова // Экономика. Общество. Человек : межвуз. сб. науч. трудов (Белгород, 19–23 мая 2014 г.) / Белгород. гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова. Белгород : Белгород. гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова, 2014. Т. XXII. С. 163.

оценки, утрата которых снижает уровень доверия к данной процедуре и разрушает атмосферу научного творчества.

Так, в соответствии с п. 3.4 Положения об организации и проведении аттестации работников Воронежского государственного университета, решение и рекомендации аттестационной комиссии принимаются в отсутствие аттестуемого Работника и его непосредственного руководителя открытым голосованием простым большинством голосов присутствующих на заседании членов аттестационной комиссии и оформляется протоколом. При равном количестве голосов работник признается соответствующим занимаемой должности²¹.

В целом новый Порядок содержит те же положения, что и прошлый порядок проведения аттестации, установленный Приказом № 538, но в усеченном варианте. Таким образом, действующий Порядок дает больше возможностей усмотрения на локальном уровне в регулировании некоторых этапов аттестации научных работников, что само по себе носит дискуссионный характер в свете практической целесообразности с учетом складывающейся судебной практики по обжалованию принятых решений аттестационными комиссиями.

Библиографический список

Бочарников Д. А. Специфика научной деятельности как основание дифференциации правового регулирования трудовых отношений научных работников // Журнал рос. права. 2014. № 2 (206). С. 101–109.

Воронежская Л. Г. Определение понятий «научный работник» и «рынок труда научных работников» // Экономика. Управление. Инновации. 2019. № 1 (5). С. 17–20.

Каширцева А. Ю. Роль научных кадров в формировании эффективной социально-экономической политики государства // Вестник Академии права и управления. 2017. № 2 (47). С. 117–122.

Кучмин А. Ю. Правовое регулирование аттестации работников // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 143–148.

Морозова Л. Новые правила аттестации научных работников // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 11. С. 54–59.

²¹ См.: Положение об организации и проведении аттестации работников Воронежского государственного университета. URL: <http://www.tqm.vsu.ru/ndocs-rf> (дата обращения: 01.05.2025).

Особенности проведения аттестации научно-педагогических работников / Н. Н. Реутов, Н. А. Локтюшов, С. М. Шаповалов, Л. К. Жданова // Экономика. Общество. Человек : межвуз. сб. науч. трудов (Белгород, 19–23 мая 2014 г.) / Белгород. гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова. Белгород : Белгород. гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова, 2014. Т. XXII. С. 159–164.

Парамонова С. В. Аттестация работников : дефекты дифференцированного подхода // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 31–34.

Пирумова Л. Н. Особенности проведения аттестации кадров в научной отраслевой библиотеке // Культура : теория и практика. 2022. № 3 (48). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/125/1537/>

Самарина Ю. С. Труд научных работников : применимо ли нормирование? // Наука. Инновации. Образование. 2017. Т. 12, № 3. С. 61–75.

Соколова Т. В. Особенности аттестации научных работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 51–54.

References

Bocharnikov D. A. Specifics of scientific activity as a basis for differentiation of legal regulation of labor relations of researchers // Journal of Russian Law. 2014. No. 2 (206). P. 101–109.

Voronetskaya L. G. Definition of the concepts «researcher» and «labor market of researchers» // Economy. Management. Innovation. 2019. No. 1 (5). P. 17–20.

Kashirtseva A. Y. The role of scientific personnel in the formation of effective socio-economic policy of the state // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2017. No. 2 (47). P. 117–122.

Kuchmin A. Y. Legal regulation of employee certification // Problems of economics and legal practice. 2018. No. 4. P. 143–148.

Morozova L. New rules for the certification of researchers // Educational institutions: accounting and taxation. 2021. No. 11. P. 54–59.

Features of certification of scientific and pedagogical workers / N. N. Reutov, N. A. Loktyushov, S. M. Shapovalov, L. K. Zhdanova // Economy. Society. Person : Interuniversity collection of scientific works (Belgorod, May 19–23, 2014) / Belgorod State Technical University. V. G. Shukhov University. Belgorod : Belgorod State Technical University. V. G. Shukhov University, 2014. Vol. XXII. P. 159–164.

Paramonova S. V. Certification of employees : defects of a differentiated approach // Labor law in Russia and abroad. 2022. No. 4. P. 31–34.

Pirumova L. N. Features of personnel certification in the scientific branch library // Culture : theory and practice. 2022. № 3 (48). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/125/1537/>

Samarina Y. S. The work of researchers : is rationing applicable? // Science. Innovation. Education. 2017. Vol. 12, No. 3. P. 61–75.

Sokolova T. V. Features of certification of researchers // Labor law in Russia and abroad. 2020. No. 2. P. 51–54.

Воронежский государственный университет
Сенюков А. Н., аспирант кафедры трудового
права
E-mail: senyukovanton2011@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.06.2025

Для цитирования:

Сенюков А. Н. Правовое регулирование аттестации научных работников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 204–211. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/204-211>

Voronezh State University
Senyukov A. N., Post-graduate Student of the
Department of Labor Law
E-mail: senyukovanton2011@mail.ru

Received: 25.06.2025

For citation:

Senyukov A. N. Legal regulation of attestation of scientific employees // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 204–211. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/204-211>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Ю. Соколов, О. А. Лакаев

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

LEGAL REGULATION OF THE INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE FIELD OF SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC-TECHNICAL ACTIVITIES

A. Yu. Sokolov, O. A. Lakaev

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Аннотация: текущий этап развития государства характеризуется необходимостью повышения эффективности правовой политики в сфере научной и научно-технической деятельности, одним из условий которого является организация надлежащего уровня взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти. В то же время такое взаимодействие крайне обобщенно закреплено в законодательстве о науке и государственной научно-технической политике, ограниченно отражена роль органов местного самоуправления, полномочия которых в данной сфере не имеют нормативного обособления. В связи с этим формулируется вывод о целесообразности законодательного установления форм, методов, механизма организации и осуществления взаимодействия субъектов публичной власти в сфере научной и научно-технической деятельности, соответствующих полномочий федеральных и региональных государственных органов, органов местного самоуправления.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственное управление, органы публичной власти, научная деятельность, взаимодействие, органы исполнительной власти.

Abstract: the current stage of development of the state is characterized by the need to increase the effectiveness of legal policy in the field of scientific and scientific-technical activities, one of the conditions of which is the organization of an appropriate level of interaction between bodies that are part of a single system of public authority. At the same time, such interaction is extremely generalized in the legislation on science and state scientific and technical policy, and the role of local governments, whose powers in this area do not have a regulatory separation, is limited. In this regard, the conclusion is formulated about the expediency of legislative establishment of forms, methods, mechanism of organization and implementation of interaction of subjects of public authority in the field of scientific and scientific-technical activities, the corresponding powers of federal and regional state bodies, local governments.

Key words: legal regulation, public administration, public authorities, scientific activity, interaction, executive authorities.

Взаимодействие органов публичной власти, представляющих различные ее уровни и ветви государственной власти, является фактором повышения эффективности ее функционирования. Вместе с тем такого рода взаимодействие допустимо в конституционно установленных

пределах и формах, учитывающих самостоятельность каждого органа публичной власти, которая определяется его нормативно установленной компетенцией¹. Кроме того, взаимо-

¹См.: *Малаякина Н. В.* Взаимодействие и самостоятельность органов публичной власти // *Вестник государственного и муниципального управления.* 2013. № 1. С. 82.

действие является организационно-правовым способом решения общих задач, стоящих перед органами публичной власти. Сложение их усилий должно обеспечивать синергетический эффект, улучшая результаты функционирования соответствующей сферы жизнедеятельности социума по сравнению с тем форматом реализации публичной власти, когда составляющие ее органы действуют обособленно. В связи с этим взаимодействию уделяется внимание в Конституции РФ², положения которой основаны не только на принципе разделения ветвей государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а уровней публичной власти – на федеральный, региональный и местный, но и на их системном единстве, чему призвано способствовать в числе прочего и их взаимодействие. Поэтому его ключевые аспекты установлены в Конституции РФ, прежде всего в части, касающейся полномочий Президента РФ и Государственного Совета РФ, призванных обеспечивать такое взаимодействие.

Научная и связанная с ней научно-техническая деятельность образуют самостоятельную отрасль публичного администрирования, состояние которой зависит не только от эффективности реализации федеральной государственной политики, но и от вклада в ее развитие и иных субъектов, в первую очередь региональных органов государственной власти. На это ориентирует п. «е» ст. 72 Конституции РФ, относящий общие вопросы науки к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

Взаимодействие органов публичной власти рассматривается законодателем как основополагающее начало организации управления научной и научно-технической деятельностью, что отражено в ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) «О науке и государственной научно-технической политике»³. Указанная норма, если исходить из ее смысла, призвана объединить усилия федеральных и региональных органов государственной власти и органов публичной власти федеральной территории «Сириус» в данном на-

правлении. Они не только определяют в рамках своих полномочий приоритетные направления научно-технологического развития и обеспечивают реализацию достижений науки и техники, развитие форм интеграции науки и производства, разработку и реализацию научных и научно-технических проектов и программ, но и осуществляют иные виды деятельности, которые невозможны без организации взаимодействия органов публичной власти. Речь идет о межотраслевой координации научной и научно-технической деятельности и формировании системы научных организаций.

С точки зрения социологии управления координации присуща горизонтальная упорядоченность, основанная на тождественности, равновеликости частей, элементов и сторон одной и той же социальной общности. При их взаимодействии друг на друга не возникает состояния односторонней зависимости и подчиненности. В данном случае равными возможностями и воздействиями обеспечивается равновесие между ними, а функционирование каждого из них упорядочивается сообразно деятельности других⁴. Координация научной и научно-технической деятельности, с одной стороны, предполагает приведение в надлежащее состояние соответствующей отрасли государственного управления, при котором создаются условия для раскрытия потенциала каждой научной организации или образовательной организации высшего образования через выявление их роли и возможностей по обеспечению научного и научно-технического развития. С другой стороны, такая координация, проводимая в числе прочего и на межотраслевой основе, неизбежно влечет взаимодействие органов государственной власти, представляющих различные ее уровни и отрасли публичного администрирования. Прежде всего, оно имеет место в системе федеральных органов исполнительной власти, в ведении которых имеются подобные организации. Ключевую роль в данном случае играет профильный орган (Минобрнауки России), взаимодействующий на основе горизонтальных связей с иными органами, для которых научные и образовательные организации являются одним из системообразующих элементов в соответствующей отрасли или сфере государственного управления, обеспечи-

² См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137; 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3489.

⁴ См.: Бурганова Л. А. Социология управления : учебник. Казань, 2007. С. 139–140.

вая их прогрессивное развитие за счет осуществления различного рода научных разработок.

Кроме того, законодатель говорит о формировании системы научных организаций. Это не простая их совокупность, а такое их состояние, которое характеризуется целостностью, устойчивостью, наличием структурной организации, взаимосвязей и взаимозависимости между элементами, целенаправленностью функционирования. Учитывая, что у целого ряда органов исполнительной власти имеется потребность в научном обеспечении их деятельности посредством создания собственных научных организаций, данный процесс должен носить скоординированный характер, с тем чтобы была обеспечена возможность проведения соответствующих исследований в достаточном объеме. Вместе с тем недопустима избыточность научных организаций, параллельно осуществляющих однородные научные исследования, поскольку это может привести к нерациональному распределению финансовых ресурсов вместо их концентрации в единых научных структурах по соответствующим направлениям и снижению эффективности науки как отрасли государственного управления. Формирование системы научных организаций – общая задача органов государственной власти различного уровня, требующая их слаженной работы. В этом отношении важно отметить, что право учреждения государственных научных организаций, согласно названному выше Закону, принадлежит и федеральным, и региональным органам государственной власти, однако отсутствуют нормы, непосредственно направленные на обеспечение декларируемой им системности таких организаций, что фактически остается за рамками Закона, за исключением единственного упоминания о «межотраслевой координации научной и (или) научно-технической деятельности».

Между тем взаимодействию государственных органов в сфере научной и научно-технической деятельности большое внимание уделяется на уровне стратегического планирования. Основополагающей для данной сферы является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации⁵. В первую очередь, в ней делается акцент на ключевом направлении вза-

имодействия, в качестве которого выступает построение эффективной системы согласованного развития науки, технологий и производства в целях ускоренного внедрения соответствующих достижений в различные области функционирования социума, наращивания потенциала наукоемкого предпринимательства. Для этого необходимо преодолеть существенный недостаток указанной сферы в виде слабой синхронизации сектора научных разработок и исследований с потребностями сектора товарного рынка и невысокого уровня коммерциализации технологий.

В связи с этим в сфере функционирования публичной власти требуется проведение комплекса правовых и организационных мер по укреплению межведомственного взаимодействия и горизонтальных связей в части обеспечения научно-технологического развития хозяйственных и социокультурных отраслей, а также формирования эффективного механизма государственно-частного партнерства с перспективой завоевания задействованными в этом субъектами экономического лидерства на международном и внутригосударственном уровнях.

Организация рассматриваемого взаимодействия предполагает реализацию координирующей функции ряда субъектов – Президента РФ, Правительства РФ и органов межведомственного взаимодействия (Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации). В целом сложившиеся в данной сфере механизмы координации предполагают задействование всех ее видов, разработанных науками управленческого цикла. Имеются в виду: 1) координация в чистом виде, обеспечивающая взаимосвязь между абсолютно самостоятельными организационными элементами; 2) соподчинение, для которого характерно наличие общего руководящего центра, определяющего деятельность управляемых элементов и способствующего их согласованному функционированию; 3) жесткая координация, имеющая наиболее интенсивный характер, что обуславливает максимальную сопряженность соподчиненных элементов⁶.

В качестве руководящего центра в этой системе выступает Президент РФ, выполняющий конституционно установленное полномочие по

⁵ См.: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

⁶ См.: Керженцев П. М. Принципы организации (избранные произведения). М., 1968. С. 86–87.

определению основных направлений внутренней политики, к которой относится в числе прочего научная и научно-техническая политика. Он определяет векторы совершенствования деятельности государства в области обеспечения научно-технологического прогресса.

На Правительство РФ, в свою очередь, возложена обязанность по осуществлению мер, направленных на реализацию государственной политики в данной области в ракурсе тех целей и задач, которые заложены Президентом РФ на уровне стратегического планирования.

Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию является совещательным органом, вырабатывающим приоритетные направления научно-технологического развития на основе долгосрочного прогноза, определяющим перечень критических наукоемких технологий и предлагающим решения, ориентированные на обеспечение стратегического развития сферы науки и технологий.

Широкий круг направлений деятельности предусмотрен для Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации, которая: 1) координирует функционирование федеральных органов исполнительной власти, принимающих участие в реализации государственной политики в области научно-технологического развития, включая содействие в определении перечней критических наукоемких технологий и приоритетных направлений научно-технологического развития; 2) вырабатывает инструменты и меры, обеспечивающие формирование условий для исполнения принятых Президентом РФ или Советом при Президенте Российской Федерации по науке и образованию решений, которые затрагивают организацию стратегического развития сферы науки и технологий; 3) направляет проекты перечней критических наукоемких технологий и приоритетных направлений научно-технологического развития в Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию; 4) координирует работу должностных лиц федеральных органов исполнительной власти и заместителей руководителей субъектов Российской Федерации, на которых возложена обязанность по обеспечению научно-технологического развития.

Практика организации государственного управления в сфере науки отражает ведущую роль Президента РФ, который задействует другие координирующие субъекты для обеспече-

ния согласованного функционирования и взаимодействия различных государственных органов. Глава государства, выражая свою волю в области формирования основных направлений внутренней политики, издает акты управления, особая роль среди которых принадлежит поручениям, которые относятся к числу наиболее значимых форм его волеизъявления⁷. В них выражается функция распорядительства, благодаря которой оперативно проводятся в жизнь ключевые для общества и государства решения в различных отраслях и сферах публичного администрирования⁸, включая сферу научной и научно-технической деятельности. Как правило, соответствующие поручения формулируются по итогам заседаний Совета по науке и образованию, а их первичным исполнителем является Правительство РФ, которое, в свою очередь, координирует деятельность соответствующих федеральных органов исполнительной власти, с реализацией полномочий которых связано то или иное поручение.

Кроме того, их адресатами могут быть и иные государственные органы, в том числе регионального уровня. В частности, согласно Перечню поручений по итогам заседания Совета по науке и образованию и встречи с получателями мегагрантов и ведущими учеными от 30 июля 2024 г. перед Правительством РФ, Администрацией Президента РФ и исполнительными органами субъектов Российской Федерации поставлена задача разработать и осуществить меры по привлечению ведущих специалистов и исследователей (включая иностранных) к участию в научных разработках и изысканиях, в том числе в проектах, направленных на создание уникальных научных установок (например, класса «мегасайенс») и проведение исследований с их применением⁹.

Тем не менее необходимо отметить ряд неоднозначных вопросов организации взаимодействия органов публичной власти в сфере научной и научно-технической деятельности, кото-

⁷ См.: Гришконец А. А. К вопросу о поручении Президента Российской Федерации (теория и практика) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 155.

⁸ См.: Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж, 2016. Ч. 1. С. 44.

⁹ См.: Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74689> (дата обращения: 23.09.2025).

рые требуют обсуждения с точки зрения определения направлений возможного совершенствования нормативно-правового регулирования.

Во-первых, рассматриваемое взаимодействие крайне обобщенно отражено в законодательстве о науке и государственной научно-технической политике. На вывод о его необходимости наводит лишь анализ отдельных положений соответствующего Закона в отсутствие четко сформулированных норм об этом. Например, в части обеспечения научных разработок гражданского назначения законодатель указывает на совместное решение соответствующих задач Минобрнауки России и иными федеральными органами исполнительной власти. Между тем организация взаимодействия публично-властных органов является инструментом повышения эффективности их функционирования и одним из факторов укрепления единства системы публичной власти. Оно может осуществляться и в отсутствие соответствующего законоположения, прежде всего на основе реализации Президентом РФ возможности действовать по усмотрению в рамках крайне широко сформулированного полномочия по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. В то же время наличие законодательных норм, устанавливающих формы, методы, механизм организации и осуществления взаимодействия субъектов публичной власти в сфере научной и научно-технической деятельности, соответствующие полномочия центральных государственных органов, могло бы способствовать достижению стратегических ориентиров научно-технологического развития и укреплению связей между элементами единой системы публичной власти в исследуемой сфере. Следует отметить, что законодательная регламентация такого взаимодействия не может быть излишне детализированной, поскольку требуется оставление возможностей для принятия решений по усмотрению в нормативно установленных пределах.

Во-вторых, тот раздел Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, которым установлен «Порядок взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и организаций при реализации государственной политики в области научно-технологического развития», не приспособлен для решения вопросов нормативного характера, так

как документы стратегического планирования не входят в число нормативных правовых актов. Вместе с тем соответствующие положения указанной Стратегии сформулированы по схеме, по которой традиционно излагаются обязывающие нормы права. Представляется, однако, что prerogative Президента РФ и Правительства РФ в рассматриваемой сфере должны устанавливаться законодательством о науке и государственной научно-технической политике, а координационно-совещательных структур, создаваемых по инициативе главы государства (советов, комиссий), – его нормативным указом.

В-третьих, в законодательстве о науке и государственной научно-технической политике крайне ограниченно отражена роль органов местного самоуправления, полномочия которых в рассматриваемой сфере не имеют нормативного обособления в отличие от полномочий государственных органов. О наличии у органов местного самоуправления соответствующей компетенции можно судить по содержанию ряда норм вышеназванного закона, в соответствии с которыми они могут осуществлять поддержку инновационной деятельности в различных формах и финансовое обеспечение научной и научно-технической деятельности, чем она, собственно, и исчерпывается. Однако такое состояние законодательства не отвечает современным потребностям научно-технического развития, нуждающимся в консолидации усилий органов, представляющих все уровни публичной власти, по формированию надлежащих условий для практического внедрения достижений науки и техники в целях интенсификации социально-экономического развития страны. Как указано в Стратегии, данные органы, используя все доступные им инструменты, призваны обеспечивать единство и целостность научно-технологического развития, что требует их согласованного функционирования и взаимодействия. В связи с этим круг полномочий органов местного самоуправления в сфере научной и научно-технической деятельности требует законодательного обособления и уточнения, поскольку четко обозначенный их перечень одновременно будет ориентировать на возможные направления взаимодействия с федеральными и региональными органами государственной власти.

Таким образом, следует заключить, что взаимодействие органов, входящих в единую си-

стему публичной власти, в сфере научной и научно-технической деятельности является необходимым условием повышения ее эффективности, способствуя внедрению соответствующих разработок в производство, их активному применению в иных областях жизнедеятельности социума. Однако такое взаимодействие характеризуется наличием отдельных недостатков нормативно-правового регулирования, снижающих возможности такого взаимодействия. В связи с этим целесообразно законодательно установить формы, методы, механизм организации и осуществления взаимодействия субъектов публичной власти в сфере научной и научно-технической деятельности, соответствующие полномочия федеральных и региональных государственных органов, органов местного самоуправления.

Библиографический список

Бурганова Л. А. Социология управления : учебник. Казань : Изд-во КГТУ, 2007. 253 с.

Гришковец А. А. К вопросу о поручении Президента Российской Федерации (теория и практика) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 154–172.

Керженцев П. М. Принципы организации (избранные произведения). М. : Экономика, 1968. 464 с.

Малявкина Н. В. Взаимодействие и самостоятельность органов публичной власти // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 79–83.

Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 760 с.

References

Burganova L. A. Sociology of management : textbook. Kazan : KSTU Publishing House, 2007. 253 p.

Grishkovets A. A. On the issue of the instruction of the President of the Russian Federation (theory and practice) // Legal policy and legal life. 2023. No. 3. P. 154–172.

Kerzhentsev P. M. Principles of organization (selected works). Moscow : Ekonomika, 1968. 464 p.

Malyavkina N. V. Interaction and independence of public authorities // Bulletin of State and Municipal Administration. 2013. No. 1. P. 79–83.

General administrative law : textbook : in 2 hours / ed. by Yu. N. Starilov. 2nd ed., revised and supplemented. Voronezh : VSU Publishing House, 2016. Part 1. 760 p.

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

Соколов А. Ю., доктор юридических наук, профессор, директор
E-mail: aysokolov@mail.ru

Лакаев О. А., кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
E-mail: olegoleg81@mail.ru

Поступила в редакцию: 24.09.2025

Для цитирования:

Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовое регулирование взаимодействия органов публичной власти в сфере научной и научно-технической деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 212–217. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/212-217>

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Sokolov A. Yu., Doctor of Law, Professor, Director
E-mail: aysokolov@mail.ru

Lakaev O. A., Candidate of Law, Senior Researcher
E-mail: olegoleg81@mail.ru

Received: 24.09.2025

For citation:

Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. Legal regulation of the interaction of public authorities in the field of scientific and scientific-technical activities // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 212–217. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/212-217>

ОПЕРАТОР СИНТЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Ю. И. Головизнина, И. А. Синьков

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

THE OPERATOR OF SYNTHETIC DATA IN EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF THEIR USE

Yu. I. Goloviznina, I. A. Sinkov

Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Аннотация: в статье рассматриваются особенности правового статуса оператора синтетических данных, дается их классификация по различным основаниям и критериям. Особое внимание уделяется операторам синтетических данных в органах исполнительной власти – государственным служащим. Делается вывод о необходимости формирования цифровой компетенции государственных служащих в области эксплуатации технологии генеративного искусственного интеллекта и созданию синтетических данных. Сформулированы основные права, обязанности, гарантии государственного служащего, которые отражают правовой статус оператора синтетических данных в рамках экспериментального правового режима цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации. На основе представленного правового статуса формулируются функции оператора синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти. **Ключевые слова:** синтетические данные, оператор синтетических данных, генеративный искусственный интеллект, правовой режим, орган исполнительной власти, государственное управление, государственный служащий, цифровые компетенции.

Abstract: the article examines the features of the legal status of the synthetic data operator, and provides their classification according to various grounds and criteria. Special attention is paid to synthetic data operators in executive authorities – government employees. It is concluded that it is necessary to form the digital competence of civil servants in the field of using generative artificial intelligence technology and creating synthetic data. The basic rights, duties, and guarantees of a civil servant are formulated, which reflect the legal status of a synthetic data operator within the framework of the experimental legal regime of digital and technological innovations in the Russian Federation. Based on the presented legal status, the functions of the synthetic data operator in the activities of executive authorities are formulated.

Key words: synthetic data, synthetic data operator, generative artificial intelligence, legal regime, executive authority, public administration, civil servant, digital competencies.

В настоящее время развитие цифровых технологий приобретает стремительный и всеобъемлющий характер. Высокие темпы цифровиза-

ции общества, внедрение информационных систем в экономике, развитие решений на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ) формируют новые вызовы правового, социального и даже философского характера². Одним из клю-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00491. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00491/>

© Головизнина Ю. И., Синьков И. А., 2025

² См.: Минбалева А. В. Правовая природа искусственного интеллекта // Право в эпоху искусственного интел-

чевых элементов трансформации российского общества становится внедрение генеративного ИИ во все сферы человеческой жизни, в том числе в сферу публичного управления.

Следует констатировать, что искусственный интеллект является одной из самых важных технологий, которые доступны человеку в настоящее время. Уже сейчас благодаря искусственному интеллекту происходит рост мировой экономики, ускорение инноваций во всех областях науки, повышение качества жизни населения, доступности и качества медицинской помощи, качества образования, производительности труда и качества отдыха³.

Несмотря на то что технологии ИИ активно используются во многих областях уже много лет, «появление приложений генеративного ИИ, таких как ChatGPT, Gemini, Jasper или DALL-E, считается прорывом на пути ускорения применения технологий ИИ благодаря простоте их использования и интуитивно понятному интерфейсу»⁴. Однако на современном этапе генеративный ИИ преимущественно используется в частном секторе (банковская деятельность, медицина и здравоохранение, бизнес и маркетинг, развлечения и игры, образование), а государственное управление только начинает его постепенное внедрение в отдельные сферы, такие как финансы и налоги.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, не используется термин «генеративный искусственный интеллект», однако дается определение термину «большие генеративные модели» – это модели искусственного интеллекта, способные интерпретировать (предоставлять информацию на основании запросов, например об объектах на изображении или о проанализированном тексте) и создавать мультимодальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и т. п.) на уровне, сопоставимом

лекта : перспективные вызовы и современные задачи : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума. Тюмень, 2024. С. 10–13.

³ См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁴ Столяров А. Д., Абрамов В. И., Абрамов А. В. Генеративный искусственный интеллект для инноваций бизнес-моделей : возможности и ограничения // Beneficium. 2024. № 3 (52). С. 44.

с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их (подп. «н» п. 4 Национальной стратегии)⁵.

Как отмечают многие передовые разработчики в области ИИ, искусственный интеллект приближается к исчерпанию доступных для обучения новых больших языковых моделей данных⁶. Эта ситуация может повлечь за собой сокращение темпов прогресса в обучении новых моделей, в том числе через резкое увеличение стоимости использования ИИ.

Возможным способом решения обозначенной проблемы являются синтетические данные, представляющие собой искусственно сгенерированные данные, предназначенные для максимально точной имитации реальных данных, сохраняющие статистические свойства и закономерности исходных источников и не содержащие персонально идентифицируемую информацию⁷.

Использование таких данных уже сейчас становится наиболее перспективным способом развития технологии генеративного ИИ, однако сгенерированные ИИ данные также порождают новые угрозы и вызовы. К примеру, обучение генеративного ИИ на основе синтетических данных приводит к низкому качеству результатов при решении поставленной ему задачи⁸. Другими

⁵ См.: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁶ См.: AI has already run out of training data – but there's more waiting to be unlocked, Goldman's data chief says. URL: <https://www.businessinsider.com/ai-training-data-shortage-slop-goldman-sachs-2025-10> (дата обращения: 01.10.2025) ; РБК : в интернете закончился текст для обучения нейросетей. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/11/26/1077372-rbk-v-internete-zakonchilsya> (дата обращения: 01.10.2025) ; The Data That Powers A.I. Is Disappearing Fast. URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/technology/ai-data-restrictions.html> (дата обращения: 01.10.2025) ; OpenAI reportedly developing new strategies to deal with AI improvement slowdown. URL: <https://techcrunch.com/2024/11/09/openai-reportedly-developing-new-strategies-to-deal-with-ai-improvement-slowdown/> (дата обращения: 01.10.2025).

⁷ См.: Jordon James, Szpruch Lukasz, Houssiau Florimond, Bottarelli Mirko, Cherubin Giovanni, Maple Carsten, Cohen Samuel, Weller Adrian. (2022). Synthetic Data – what, why and how? URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.03257>

⁸ См.: Shumailov I, Shumaylov Z, Zhao Y, Papernot N, Anderson R, Gal Y. (2025) AI models collapse when trained on recursively generated data. Nature. Doi: 10.1038/s41586-024-07566-y.

проблемами являются сохранность и защищенность исходной информации, лежащей в основе генерации синтетических данных, обеспечение ее конфиденциальности и анонимности при обнародовании синтетических данных⁹. Ученые отмечают возможные системные и технические барьеры, недостаточность знаний о синтетических данных, этические и правовые барьеры, непостоянство технологической поддержки¹⁰.

Использование ИИ в сфере государственного управления и принятие управленческих решений на его основе – мировой тренд, который находит свое отражение в самых разных странах мира, в том числе в Российской Федерации.

Согласно национальному проекту «Экономика данных и цифровая трансформация государства», *достижение к 2030 г. «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления* за счет автоматизации большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта *является национальной целью*, которое должно способствовать обеспечению национальной и кибербезопасности России¹¹.

Таким образом, необходимым ресурсом для дальнейшей цифровизации государства становятся большие данные. При этом их использование в государственном управлении, а также в ключевых отраслях экономики и социальной сферы представляется невозможным без генерации синтетических данных. Как отмечает П. Ли, «будущее искусственного интеллекта – синтетическое. Некоторые из наиболее важных технических и юридических проблем искусственного интеллекта вытекают из необходимости накапливать огромные объемы реальных данных для обучения моделей машинного обу-

чения»¹². «Синтетические данные могут смягчить многие технические и юридические проблемы реальных данных. Реальные данные дорого собирать, они полны ошибок и часто должны быть помечены вручную, чтобы системы машинного обучения могли правильно учиться на них. Однако генераторы синтетических данных могут производить бесконечное количество дешевых, высококачественных данных с автоматически прикрепленными точными метками»¹³.

На данный момент регулирование генерации и использования синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти характеризуется «правовым вакуумом», где при легальной возможности их использования на основе актов стратегического планирования в Российской Федерации¹⁴ не определены основания, пределы и сферы их использования, руководящие принципы, меры ответственности за вред, причиненный системами ИИ, меры обеспечения информационной безопасности при их использовании, требования этики при эксплуатации таких технологий со стороны должностных лиц.

Вместе с тем одной из ключевых и первоочередных задач при внедрении генеративного ИИ в деятельности органов исполнительной власти является определение особенностей правового статуса оператора синтетических данных.

Несмотря на то что синтетические данные создаются генеративным ИИ, таковыми их признает пользователь компьютерной программы. Человек контролирует и подтверждает результаты работы ИИ, что придает им официальный статус, в силу чего синтетические данные считаются действительными и корректными благодаря взаимодействию человека и машины.

В связи с этим такого пользователя следует определять как субъекта – оператора, под которым понимается лицо, осуществляющее трудо-

⁹ См.: Gal M. S., Lynskey O. Synthetic Data : Legal Implications of the Data-Generation Revolution // Iowa Law Review. 2024. Vol. 109. P. 1091, 1092, 1093, 1122, 1138, 1143.

¹⁰ См.: Calcraft P., Thomas I., Maglicic M., Sutherland A. Accelerating public policy research with synthetic data. ADR UK, Economic and Social Research Council, 2021. P. 9, 10, 23, 27.

¹¹ См.: Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения: 01.10.2025).

¹² Lee P. Synthetic data and the future of AI. 110 Cornell Law Review (Forthcoming), 2024. P. 1.

¹³ Lee P. Op. cit. P. 4.

¹⁴ См., например: О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700 ; Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Там же. 2020. № 35. Ст. 5593.

вую или хозяйственную деятельность, основу которой составляет взаимодействие с техническими компонентами машины и внешней средой опосредованно, т. е. через информационную модель и органы управления¹⁵.

Оператором синтетических данных могут выступать различные субъекты права – физические лица, индивидуальные предприниматели, юридические лица (его представители и сотрудники), органы публичной власти (их должностные лица). Их правовой статус должен определяться за счет владения технологиями генеративного ИИ и источниками получения реальных данных (информации) для эксплуатации и обучения ИИ.

Операторов синтетических данных можно подразделить по следующим критериям:

1. По субъекту сбора информации и владению технологиями генеративного ИИ:

– частные субъекты (физические лица, юридические лица, индивидуальные предприниматели, IT-компании, банки, инновационные компании, компании в области электронной коммерции: Яндекс, Сбербанк, Ozon);

– публичные субъекты (органы государственной и муниципальной власти, публично-правовые образования, государственные корпорации и компании, государственные и муниципальные учреждения и предприятия: Федеральная налоговая служба, Центральный банк России, Роскосмос, РЖД);

– некоммерческие и социальные субъекты (некоммерческие организации, общественные движения, образовательные и научные учреждения: Фонд «Кристалл роста», НОЦ «Искусственный интеллект», Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации).

2. По сфере применения генеративного ИИ и синтетических данных:

– IT и программное обеспечение (Касперский, МАХМА; ИКС Холдинг);

– финансовый сектор (Альфа-банк, Т-банк);

– промышленность и производство (Газпром, Западно-Сибирский металлургический комбинат, Ростсельмаш, Оргхим);

– здравоохранение и медицина (Европейский медицинский центр, МедИнвестГрупп, УГМК-здоровье);

– маркетинг и реклама (MegaResearch, Агентство промышленной информации, Research Consulting Group);

– государственный сектор (ВЭБ.РФ, Росатом, Правительство РФ).

3. По масштабу обработки:

– субъекты малого и среднего предпринимательства, физические лица (лица, осуществляющие генерацию синтетических данных на основе небольших объемов реальной информации, часто ограниченные конкретной сферой: GINC, СБТех, ФинТехДокументы);

– крупные корпорации и организации, государственные органы и учреждения (субъекты, генерирующие синтетические данные на основе больших объемов реальной информации: Касперский, СофтЭксперт, Smart Consulting, Ростех, Минцифры, Министерство Финансов РФ).

4. В зависимости от типа и содержания реальных данных, используемых для генерации синтетических данных:

– оператор персональных данных;

– оператор государственных информационных систем;

– оператор платежных систем;

– оператор цифровых платформ;

– оператор связи;

– оператор финансовых платформ;

– оператор дата-центров;

– оператор электронных торговых площадок;

– оператор рекламных данных и др.

5. По функциональному назначению:

– разработчики, инженеры и обработчики данных (лица, создающие синтетические данные и применяющие их в своей деятельности);

– аналитики и исследователи (лица, генерирующие данные для аналитических моделей и научных целей);

– эксперты по безопасности и конфиденциальности (лица, занимающиеся созданием синтетических данных для обеспечения анонимности и соответствия нормам защиты данных).

6. По типу исполнителя:

– человек (оператор-человек) (лица, которые вручную или с использованием инструментов ИИ формируют синтетические данные);

– гибридные субъекты (человек + машина) (совместная работа автоматических систем и человека-оператора, где человек контролирует, корректирует или направляет процесс генерации синтетических данных).

¹⁵ См.: ГОСТ 26387-84. Система «человек-машина». Термины и определения // Информационная технология. Термины и определения : сб. ГОСТов. М. : Стандартинформ, 2005. С. 209.

Правовой статус оператора синтетических данных в частной сфере определяется локальными актами, нормы которых регулируют трудовые правоотношения между работодателем и работником. В связи с этим представляет интерес анализ правового статуса оператора синтетических данных в публичной сфере, а именно в деятельности органов исполнительной власти и непосредственного пользователя технологии генеративного ИИ – государственного служащего.

В связи с цифровизацией публичного управления одним из актуальных требований, предъявляемых к государственным служащим, становится наличие особых навыков работы с информацией в цифровой среде и способностей использовать цифровые технологии, инструменты коммуникации или сети для получения доступа к информации, управления ею, интеграции, оценивания, создания и передачи информации с соблюдением этических и правовых норм, для того чтобы успешно жить и трудиться в условиях общества знаний¹⁶.

В связи с этим необходимо разграничивать правовой статус государственного служащего (в том числе специалистов в области информационных систем, цифровизации и защиты информации в органах исполнительной власти)¹⁷ и оператора синтетических данных. Первый определяет положение должностного лица при реализации возложенных на него полномочий, а также функций органа власти в сфере государственно-служебных отношений; второй определяет положение должностного лица по отношению к создаваемым синтетическим данным и обладателя реальных данных; возможные действия и ограничения при эксплуатации техноло-

гии ИИ, генерирующих синтетические данные, а также меры ответственности за несоблюдение требований информационной безопасности.

Таким образом, статус оператора синтетических данных является составной частью правового статуса государственного служащего, в должностные обязанности которого входит эксплуатация технологии генеративного ИИ и включает в себя права, обязанности и гарантии.

Действующее законодательство о государственной гражданской службе содержит положение об обеспечении государственным служащими конфиденциальности информации, ставшей ему известной в связи с исполнением должностных обязанностей, затрагивающей частную жизнь, честь и достоинство граждан, а также сведений, составляющих персональные данные, государственную, служебную и иные виды тайн¹⁸.

Указанная информация может составлять большую долю сведений, выступающих исходной информацией для генерации синтетических данных, в силу чего для обеспечения их защиты и сохранности государственный служащий должен обладать цифровой компетенцией по использованию генеративного ИИ.

В целом текущий уровень цифровых компетенций государственных служащих оценивается как низкий¹⁹, что служит фактором, препятствующим цифровой трансформации страны. Это обстоятельство послужило основанием для включения повышения компетенций сотрудников государственного сектора в сфере цифровизации в России в перечень целей национального проекта «Цифровая экономика»²⁰.

Однако на данный момент принимаемые государственные программы по повышению цифровой компетенции государственных служащих

¹⁶ См.: Digital Transformation – A Framework for ICT Literacy. A Report of the International ICT Literacy Panel. Educational Testing Service, 2002. URL: <https://www.ets.org/Media/Research/pdf/ICTREPORT.pdf>

¹⁷ См., например: Должностной регламент главного специалиста отдела информационных систем и компьютерных технологий управления информационных систем, цифровизации экономики и защиты информации Министерства экономического развития Республики Крым. URL: <https://minek.rk.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025); Должностной регламент федерального государственного гражданского служащего, замещающего должность главного специалиста – эксперта отдела информационных технологий и защиты информации Волжско-Окского Управления Ростехнадзора : утв. руководителем Волжско-Окского управления Ростехнадзора 10 декабря 2018 г. URL: <http://volok.gosnadzor.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁸ См., например: Пункт 7, ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

¹⁹ См.: Шклярчук М. С., Гаркуши Н. С. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления. М. : Изд-во РАНХиГС, 2020. 84 с. ; Карапетян Н. С., Каунов Е. Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. 2020. № 14 (6). С. 993–1010.

²⁰ См.: Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/#section-description> (дата обращения: 01.10.2025).

не учитывают стремительного роста развития технологий, в том числе искусственного интеллекта, а также не имеют единых методических подходов к определению структуры и содержания подготовки кадров²¹.

Как отмечает О. В. Гречкина, классификацию компонентов цифровой грамотности государственных служащих следует разделять на три составляющие:

1) алгоритмические навыки – способность гражданского служащего исполнять свои профессиональные обязанности посредством цифровых технологий исключительно в рамках заранее определенной и прописанной последовательности действий;

2) практико-технические навыки – способность гражданского служащего применять в своей профессиональной деятельности компьютерные и цифровые технологии без заранее заданного алгоритма, с использованием ограниченного спектра функций или программ;

3) теоретико-технические навыки – способность гражданского служащего свободно ориентироваться в работе компьютерных и цифровых технологий, информационных систем и программном обеспечении, необходимых и достаточных не только для осуществления профессиональной деятельности, с пониманием теоретических основ и принципов работы таких технологий, систем и программного обеспечения, но и для превенции возможных угроз информационной безопасности личности и государства²².

При этом следует согласиться с О. В. Гречкиной, что освоение исключительно одного или

двух компонентов не является достаточным уровнем цифровой грамотности должностного лица, так как при таких обстоятельствах гражданский служащий при осуществлении им профессиональной деятельности не может в полной мере гарантировать ни собственной безопасности в цифровой и информационной среде, ни безопасности государственных интересов²³.

На наш взгляд, помимо представленных навыков, современная подготовка и требования к государственным служащим должны включать в себя навыки и знания в области использования генеративного ИИ, а именно: изучение методов и техник генерации синтетических данных, навыки и умения по обеспечению конфиденциальности и безопасности реальных данных, методик по проверке качества и реалистичности сгенерированных данных. Только при наличии соответствующих знаний и навыков должностное лицо органа исполнительной власти может иметь допуск к эксплуатации технологии генеративного ИИ и созданию синтетических данных. В противном случае повышается риск разглашения информации ограниченного доступа, ответственность за которое установлена действующим законодательством.

Важным шагом на пути определения правового статуса оператора синтетических данных является формирование нормативных основ, регулирующих обеспечение безопасной генерации и использования синтетических данных. Представляется, что при отсутствии единого законодательства о цифровой среде говорить о комплексном регулировании правового статуса оператора генеративного ИИ преждевременно. В силу этого, а также учитывая серьезность рисков и негативных последствий применения синтетических данных в сфере обеспечения национальной безопасности, представляется важным закрепление правового статуса оператора синтетических данных в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций в области предоставления государственных и муниципальных услуг и осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

На наш взгляд, к числу основных прав оператора синтетических данных в рамках данного режима следует отнести:

²¹ См.: Frolova N. N., Pravdina O. A., Rasskazova A. A. A new approach to the skills of state and municipal employees in the framework of digital transformation // Digital Transformation of Public Administration. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 25–27 September 2019) / S. N. Bolshakov (ed.). St. Petersburg : Pushkin Leningrad State University Publ. House, 2020. P. 31–35 ; Сладкова Н. М., Ильченко О. А., Степаненко А. А., Шапошников В. А. Особенности оценки компетенций по информационной безопасности государственных и муниципальных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 122–149 ; Овчинников С. С. Технология формирования цифровых компетенций государственных служащих // Социодинамика. 2024. № 2. С. 58–66.

²² См.: Гречкина О. В. Кадровая политика в системе государственной службы на страже обеспечения защищенности личности от информационных угроз в цифровой среде // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 93.

²³ См.: Гречкина О. В. Там же. С. 93.

– доступ в установленном порядке к технологиям генеративного ИИ, осуществляющий создание синтетических данных;

– генерация синтетических данных на основе исходных информационных массивов по поручению руководителя;

– получение в установленном порядке информации и материалов, необходимых для генерации синтетических данных;

– использование сгенерированных синтетических данных при принятии управленческих решений и реализации, возложенных на должностное лицо полномочий;

К числу обязанностей оператора синтетических данных следует отнести:

– осуществление организации и контроля процесса обработки и хранения синтетических данных;

– обеспечение соответствия процедур использования данных стандартам безопасности;

– обеспечение функционирования технологий ИИ и принятие оперативных мер по устранению возникающих в процессе работы неисправностей и сбоев;

– обеспечение защиты реальных данных и сведений конфиденциального характера, в том числе сведений, составляющих государственную тайну и персональные данные.

В свою очередь, гарантии выступают важной мерой обеспечения национальной безопасности, безопасности самого государственного служащего и обеспечивают баланс между эффективным использованием современных технологий в государственном управлении и защитой прав и свобод граждан, а также предотвращают возможные злоупотребления или негативные последствия от их применения. Наличие гарантии при использовании синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти способно обеспечивать правильное, безопасное и этичное использование таких данных, а также должно выступать средством защиты прав и интересов граждан и организаций.

К примеру, Европейский союз (далее – ЕС) в 2024 г. принял документ, устанавливающий свод руководящих принципов по использованию генеративных технологий искусственного интеллекта для органов власти и учреждений ЕС²⁴. Согласно ему сотрудники органов власти

ЕС должны придерживаться как минимум пяти ключевых принципов при использовании генеративного искусственного интеллекта:

– сотрудник не имеет права раскрывать или передавать информацию с использованием генерирующего искусственного интеллекта, которая не является общедоступной или не находится в открытом доступе;

– результаты, полученные с помощью генеративного ИИ, должны быть критически оценены на предмет точности и релевантности, а также на наличие противоречий или ложной информации;

– также важно применять критический подход к использованию общедоступных технологий генерации искусственного интеллекта (с открытым исходным кодом), чтобы избежать нарушения прав интеллектуальной собственности;

– генеративный искусственный интеллект не может быть использован для создания юридически обязательных документов;

– генеративный ИИ не следует использовать для критически важных и чувствительных ко времени процессов.

Таким образом, наличие гарантий в правовом статусе оператора синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти выступают конкретными мерами, обеспечивающими реализацию и соблюдение принципов в области использования генеративного ИИ. К таким гарантиям следует относить:

– обязательный контроль доступа к синтетическим данным;

– шифрование и анонимизацию реальных данных на всех этапах генерации синтетических данных;

– регулярные аудиты и протоколирование всех операций с данными;

– внедрение систем реагирования на инциденты, связанные с утечками или искажением данных;

– генерацию синтетических данных должностным лицом, которая может происходить исключительно в целях реализации полномочий и функции органа исполнительной власти.

Подводя итог, можно сформулировать ряд логических выводов, которые имеют решающее значение для успешного формирования правовых основ использования генеративного ИИ в

²⁴ См.: First EDPS Orientations for ensuring data protection compliance when using Generative AI systems, European Data Protection Supervisor. URL: https://www.edps.europa.eu/system/files/2024-06/24-06-03_genai_orientations_en.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

деятельности органов исполнительной власти в контексте определения правового статуса оператора синтетических данных.

Роль оператора синтетических данных является ключевой в обеспечении национальной безопасности при использовании инновационных цифровых технологий. Четкое определение статуса, полномочий оператора, а также внедрение гарантий безопасности и ответственности создает эффективный механизм защиты исходных данных, а также исключает возможность принятия управленческих решений на основе ошибочных сведений. Кроме того, определение правового статуса оператора синтетических данных способствует повышению уровня информационной безопасности и устойчивости государственных органов к современным информационным угрозам и вызовам.

Под оператором синтетических данных следует понимать государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие сбор реальной информации для создания синтетических образов данных (информации) генеративными моделями ИИ, и использующие их в качестве синтетических данных.

Операторы синтетических данных подразделяются по таким критериям, как: по субъекту сбора информации и владения технологиями генеративного ИИ; по функциональному назначению; по типу исполнителя; по масштабу обработки; по сфере применения генеративного ИИ и синтетических данных; в зависимости от типа и содержания реальных данных, используемых для генерации синтетических данных.

Исходя из представленного правового статуса, оператор синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти в рамках экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций должен выполнять следующие функции:

- создавать и верифицировать синтетические данные, обеспечивать их достаточный уровень достоверности и защищенности;
- обеспечивать безопасность путем проведения технических и организационных мероприятий для предотвращения несанкционированного доступа и использования синтетических данных;
- осуществлять контроль обучения и совершенствования генеративного ИИ;

- анализировать и оценивать риски и угрозы, связанные с применением синтетических данных;

- реализовывать возложенные на него полномочия и принимать управленческие решения на основе сгенерированных синтетических данных.

На наш взгляд, в условиях отсутствия нормативно-правовых основ правового режима синтетических данных порядок их генерации и использования должен определяться экспериментальными правовыми режимами в сфере цифровых и технологических инноваций, где помимо определения правового статуса оператора синтетических данных должны быть определены основные направления применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти, принципы, правила поведения внутри режима для его участников, меры обеспечения информационной и кибербезопасности.

Библиографический список

Гречкина О. В. Кадровая политика в системе государственной службы на страже обеспечения защищенности личности от информационных угроз в цифровой среде // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 90–96.

Каранетян Н. С., Каунов Е. Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. 2020. № 14 (6). С. 993–1010.

Минбалеев А. В. Правовая природа искусственного интеллекта // Право в эпоху искусственного интеллекта : перспективные вызовы и современные задачи : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума. Тюмень, 2024. С. 10–13.

Овчинников С. С. Технология формирования цифровых компетенций государственных служащих // Социодинамика. 2024. № 2. С. 58–66.

Сладкова Н. М., Ильченко О. А., Степаненко А. А., Шапошников В. А. Особенности оценки компетенций по информационной безопасности государственных и муниципальных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 122–149.

Столяров А. Д., Абрамов В. И., Абрамов А. В. Генеративный искусственный интеллект для инноваций бизнес-моделей : возможности и ограничения // Beneficium. 2024. № 3 (52). С. 43–51.

Шклярчук М. С., Гаркуши Н. С. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления. М. : Изд-во РАНХиГС, 2020. 84 с.

Calcraft P., Thomas I., Maglicic M., Sutherland A. Accelerating public policy research with synthetic data. ADR UK, Economic and Social Research Council, 2021. 42 p.

Frolova N. N., Pravdina O. A., Rasskazova A. A. A new approach to the skills of state and municipal employees in the framework of digital transformation // Digital Transformation of Public Administration. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 25–27 September 2019) / S. N. Bolshakov (ed.). St. Petersburg : Pushkin Leningrad State University Publ. House, 2020. P. 31–35.

Gal M. S., Lynskey O. Synthetic Data : Legal Implications of the Data-Generation Revolution // Iowa Law Review. 2024. Vol. 109. P. 1087–1156.

Jordon James, Szpruch Lukasz, Houssiau Florimond, Bottarelli Mirko, Cherubin Giovanni, Maple Carsten, Cohen Samuel, Weller Adrian. (2022). Synthetic Data – what, why and how? URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.03257>

Lee P. Synthetic data and the future of AI. 110 Cornell Law Review (Forthcoming), 2024. 52 p.

Shumailov I., Shumaylov Z., Zhao Y., Papernot N., Anderson R., Gal Y. (2025) AI models collapse when trained on recursively generated data. Nature. Doi: 10.1038/s41586-024-07566-y

References

Grechkina O. V. Personnel policy in the public service system on the guard of ensuring personal security from information threats in the digital environment // Bulletin of Nizhny Novgorod. N. I. Lobachevsky University. 2024. No. 3. P. 90–96.

Karapetyan N. S., Kaunov E. N. Transformation of civil servants' competencies in the context of digital technology development // Creative Economy. 2020. No. 14 (6). P. 993–1010.

Minbaleev A. V. The legal nature of artificial intelligence // Law in the era of artificial intelligence : promising challenges and modern tasks : collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical the forum. Tyumen, 2024. P. 10–13.

Ovchinnikov S. S. Technology of formation of digital competencies of civil servants // Sociodynamics. 2024. No. 2. P. 58–66.

Sladkova N. M., Ilchenko O. A., Stepanenko A. A., Shaposhnikov V. A. Features of assessment of information security competencies of state and municipal employees // Issues of state and municipal management. 2021. No. 1. P. 122–149.

Stolyarov A. D., Abramov V. I., Abramov A. V. Management tool for business : opportunities and enrichment // Beneficiary. 2024. No. 3 (52). P. 43–51.

Shklyaruk M. S., Garkushi N. S. The competence model of the digital transformation team in the public administration system. Moscow : RANHiGS Publishing House, 2020. 84 p.

Calcraft P., Thomas I., Maglicic M., Sutherland A. Accelerating public policy research with synthetic data. ADR UK, Economic and Social Research Council, 2021. 42 p.

Frolova N. N., Pravdina O. A., Rasskazova A. A. A new approach to professional development of state and municipal employees within the framework of digital transformation // Digital transformation of public administration. Materials of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, September 25–27, 2019) / S. N. Bolshakov (ed.). St. Petersburg : Publishing House of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Dom, 2020. P. 31–35.

Gal M. S., Lynskey O. Synthetic Data : the Legal Consequences of the Data Creation Revolution // Iowa Law Review. 2024. Vol. 109. P. 1087–1156.

Jordon James, Shruh Lukas, Ussio Florimond, Bottarelli Mirko, Cherubin Giovanni, Maple Karsten, Cohen Samuel, Weller Adrian (2022). Synthetic data – what, why and how? The URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.03257>

Lee P. Synthetic data and the future of artificial intelligence. 110 Cornell Law Review (forthcoming), 2024. 52 p.

Shumailov I., Shumailov Z., Zhao Yu., Papernot N., Anderson R., Gal Yu. (2025) Artificial intelligence models are destroyed when learning from recursively generated data. Nature. Doi: 10.1038/s41586-024-07566-y

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Головизнина Ю. И., младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры административного и финансового права

E-mail: jlia_goloviznina_96@mail.ru

Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Goloviznina Yu. I., Junior Researcher, Senior Lecturer at the Department of Administrative and Financial Law

E-mail: jlia_goloviznina_96@mail.ru

Синьков И. А., кандидат юридических наук, младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры административного и финансового права

E-mail: Sinkov_ia@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Для цитирования:

Головизнина Ю. И., Синьков И. А. Оператор синтетических данных в органах исполнительной власти в механизме обеспечения национальной безопасности их использования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 218–227. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/218-227>

Sinkov I. A., Candidate of Law, Junior Researcher, Senior Lecturer at the Department of Administrative and Financial Law

E-mail: Sinkov_ia@mail.ru

Received: 17.11.2025

For citation:

Goloviznina Yu. I., Sinkov I. A. The operator of synthetic data in executive authorities in the mechanism of ensuring national security of their use // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 218–227. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/218-227>

ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ЗАКУПОК

К. А. Никитин

Саратовская государственная юридическая академия

QUESTIONS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATIONS OF LEGISLATION ON THE CONTRACT SYSTEM WHEN PLANNING PURCHASES

K. A. Nikitin

Saratov State Law Academy

Аннотация: рассматриваются особенности административных правонарушений, связанных с планированием публичных закупок. Сформулировано теоретическое определение нарушения законодательства о контрактной системе при планировании закупок. Предложено внести в ст. 7.30.1 КоАП РФ изменения, способствующие обеспечению принципов справедливости назначения административного наказания и его неотвратимости в рамках привлечения к административной ответственности в соответствующей сфере.

Ключевые слова: публичные закупки, планирование, административная ответственность, общественное обсуждение, дисквалификация.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the features of administrative offenses related to the planning of public procurement. A theoretical definition of the violation of the legislation on the contract system in the planning of procurement is formulated. It is proposed to amend Art. 7.30.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to ensure the principles of fairness in the appointment of administrative punishment and its inevitability in the context of bringing to administrative responsibility in the relevant area.

Key words: public procurement, planning, administrative responsibility, public discussion, disqualification.

В числе этапов публичных закупок ключевое место принадлежит планированию. Это первоначальный этап закупки, в связи с чем допущенные в его рамках ошибки непосредственно влияют на возможность достижения ее результатов. Именно поэтому в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон № 44-ФЗ) процессу

планирования уделено особое внимание в рамках специальной главы.

Определение планирования нормативно не закреплено. В ст. 16 Закона № 44-ФЗ лишь указано, что оно осуществляется посредством формирования, утверждения и ведения планов-графиков. Закупки, не предусмотренные ими, не могут быть осуществлены. Тем не менее содержание гл. 2 Закона № 44-ФЗ позволяет сделать вывод, что планирование включает совокупность последовательных действий, в числе которых обоснование закупки. На этапе планирования также осуществляется общественное обсуждение закупки, имеющее целью определение ее соответствия требованиям нормативных правовых актов о контрактной системе.

¹ См.: О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652 ; 2024. № 53 (ч. 1. Ст. 8494).

© Никитин К. А., 2025

Ранее закрепленная в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ)² ст. 7.29.3, посвященная регламентации ответственности в рассматриваемой сфере, не предусматривала никаких административных наказаний, помимо административного штрафа. В данном аспекте следует поддержать позицию ученых, которые отмечают недопустимость установления безальтернативного характера санкций, что свидетельствует об их репрессивности³. При этом не могут быть учтены смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства. Значительный размер административного штрафа при отсутствии возможности выбора иных наказаний приводит к несоблюдению принципов справедливости и индивидуализации применения мер административной ответственности.

В настоящее время в КоАП РФ включена новая ст. 7.30.1. Административной ответственности за правонарушения на этапе планирования закупки посвящены отдельные ее части. Так, диспозиция ч. 1 ст. 7.30.1 КоАП РФ прежде всего подразумевает совершение деяния, связанного с нарушением порядка формирования, утверждения планов-графиков закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и внесения в них изменений. Кроме того, нарушение может быть связано с несоблюдением установленного порядка размещения планов-графиков закупок в единой информационной системе, либо отсутствием размещенного в соответствии с необходимым порядком плана-графика. В ч. 2 рассматриваемой статьи установлена ответственность за нарушение требований к закупаемым товарам, работам, услугам и (или) нормативных затрат. Планирование закупки также подразумева-

ет определение и обоснование начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком, начальной цены единицы товара, работы, услуги или начальной суммы их цен. Нарушение правил, в соответствии с которыми они должны быть определены и обоснованы, влечет назначение административного штрафа по ч. 3 первой статьи.

Субъектом административного правонарушения по ст. 7.30.1 КоАП РФ выступают только должностные лица государственного или муниципального заказчика. Это обусловлено тем, что в соответствии со ст. 16 Закона № 44-ФЗ на них возложена обязанность по формированию плана-графика закупок. В ч. 2 ст. 12 Закона № 44-ФЗ специально указано, что должностные лица заказчиков несут персональную ответственность за соблюдение требований, установленных законодательством о контрактной системе в сфере закупок и нормативными правовыми актами.

С субъективной стороны административное правонарушение в сфере планирования закупок может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Так, в одном из рассмотренных дел доказательством неосторожности должностного лица – руководителя контрактной службы было признано непринятие всех зависящих от него мер по соблюдению срока утверждения плана-графика на очередной финансовый год, и отсутствие доказательств, подтверждающих наличие объективных обстоятельств, препятствующих соблюдению требований законодательства⁴.

Отмечается, что объектом административного правонарушения в сфере планирования закупок выступают «общественные отношения, связанные с обеспечением государственных и муниципальных нужд в товарах, работах, услугах за счет средств соответствующих бюджетов»⁵. Однако в данном случае речь идет прежде всего о родовом объекте, который является общим для всех административных правонарушений, посягающих на установленный поряд-

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 ; 2025. № 31. Ст. 4656.

³ См., например: *Морозова Н. А.* Безальтернативные административные санкции // Журнал рос. права. 2019. № 3. С. 129 ; *Смоляков П. Н.* Проблемы индивидуализации наказания за преступления и административные правонарушения в сфере публичных закупок // Рос. юрид. журнал. 2020. № 4 (133). С. 113 ; *Верина Г. В.* Актуальные вопросы обратной силы уголовно-правовых норм о наказании в спектре новелл Федерального закона от 7 декабря 2011 г. // Уголовное право. 2012. № 5. С. 39.

⁴ См.: Решение Черногорского городского суда Республики Хакасия от 28 июня 2017 г. по делу № 12-64/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ByLiyi3EBVbt/?ysclid=mepdup2yp2265975678> (дата обращения: 26.08.2025).

⁵ Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая. Главы 1–8 / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. М. : Росбух, 2019. Т. 1. С. 454.

док функционирования контрактной системы. Рассматриваемая же категория правонарушений характеризуется наличием видового объекта, а именно общественных отношений, связанных с соблюдением порядка планирования публичных закупок.

Объективная сторона деяния, в свою очередь, связана с несоблюдением установленных правил, регламентирующих порядок планирования закупок. Противоправное деяние может быть совершено как посредством действия, так и выражаться в бездействии. Так, законодательство прямо указывает, что факт неразмещения плана-графика закупок образует состав правонарушения по ч. 1 ст. 7.30.1 КоАП РФ. При этом с точки зрения последствий все составы, связанные с нарушением законодательства при планировании закупок, следует отнести к формальным, поскольку они не предполагают обязательности наступления какого-либо вреда или ущерба, выраженного материально. Их вредные последствия выражаются в дезорганизации общественных отношений в сфере планирования закупок.

А. В. Ганин констатирует важность эффективной системы оценки закупки на этапе ее планирования⁶. А. Н. Сухаренко называет обязательное общественное обсуждение закупок способом контроля расходов в сфере государственных закупок⁷.

Одним из этапов планирования закупок выступает общественное обсуждение, которое проводится лишь в предусмотренных законодательством случаях. Как правило, это касается закупок дорогостоящих товаров, работ, услуг, что может потребоваться, например, в рамках капитального строительства, в том числе объектов инфраструктуры. Их результаты оказывают существенное влияние на общество.

Справедливо отмечается, что институт обязательного общественного обсуждения закупок повышает общественное доверие в вопросах, касающихся противодействия коррупции⁸.

⁶ См.: Ганин А. В. Некоторые аспекты управления взаимодействием органов власти и бизнес-структур в экономике региона // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 26.

⁷ См.: Сухаренко А. Н. Декриминализация системы госзакупок в России // Безопасность бизнеса. 2017. № 1. С. 42.

⁸ См.: Коломыцева Е. А., Устинова В. В. Институт обязательного общественного обсуждения закупок: соотношение теории и практики // Юрист – Правоведь. 2018. № 4. С. 42.

Это форма участия гражданского общества в осуществлении субъектами публичной власти своих функций. Если общественное обсуждение в соответствии с законом является обязательным, то заказчик не вправе осуществлять закупку без его проведения.

Ранее за нарушение порядка или сроков проведения общественного обсуждения закупок либо его непроведение была установлена ответственность в отдельной части ст. 7.29.3 КоАП РФ. Данное деяние влекло наступление ответственности уполномоченного должностного лица в виде административного штрафа размером в тридцать тысяч рублей.

В настоящее время аналогичной части новая ст. 7.30.1 КоАП РФ не предусматривает. Однако общественное обсуждение не утратило своего значения, в связи с чем данный шаг законодателя вызывает сомнения. Он снижает качество правового регулирования административной ответственности, в то время как его повышение является ключевой задачей правоохранительной политики в сфере противодействия административной деликтности⁹. Поэтому целесообразно дополнить ст. 7.30.1 КоАП РФ соответствующей ч. 1.1. К нарушениям, совершение которых должно повлечь наступление административной ответственности, следует отнести проведение без общественного обсуждения закупки, для которой оно обязательно, а также несоблюдение сроков или порядка обсуждения.

При этом цена контракта, при достижении которой должно быть проведено общественное обсуждение, и прежний размер административного штрафа вряд ли могут быть признаны сопоставимыми. Более корректным было бы установить ответственность виновного должностного лица в виде административного штрафа, составляющего один процент начальной (максимальной) цены контракта соответствующего конкурса и аукциона, но не более пятидесяти тысяч рублей.

Еще один аспект планирования публичных закупок состоит в том, что в его рамках должен обязательно учитываться принцип стимулирования инноваций. На это прямо указывает ст. 10 Закона № 44-ФЗ. Так, обеспечение государственных и муниципальных нужд должно осуществ-

⁹ См.: Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности: основные тенденции и вопросы модернизации // Государство и право. 2022. № 12. С. 102.

вляться путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции. Принцип стимулирования инноваций выступает частью национального режима с сфере закупок. Его несоблюдение может привести к срыву национальных проектов, способствовать неэффективному расходованию бюджетных средств.

С. С. Санникова подчеркивает, что Закон № 44-ФЗ подлежит дополнению указанием на обязанность заказчика при планировании закупки ориентироваться именно на отечественную высокотехнологичную и инновационную продукцию¹⁰.

Судебная практика свидетельствует о том, что неприменение принципа стимулирования инноваций может служить основанием для обжалования действий заказчика¹¹. Однако законодатель при формулировании ст. 7.30.1 КоАП РФ не закрепил специального состава, связанного с нарушением требования закупки инновационной продукции, в том числе отечественного происхождения. В данном аспекте соответствующий принцип тесно связан с принципом представления национального режима, который закреплен в ст. 14 Закона № 44-ФЗ.

С. М. Рукавишников обоснованно указывает на необходимость закрепления состава правонарушения, связанного с несоблюдением национального режима в сфере закупок¹². Не подвергая сомнениям соответствующее суждение, следует отметить, что принцип стимулирования инноваций в настоящее время имеет самостоятельное значение, в связи с чем ответственность за его несоблюдение не может быть включена в состав правонарушения, связанного с несоблюдением национального режима. Поэтому предлагается ввести отдельную ч. 1.2 ст. 7.30.1 КоАП РФ, предусматривающую ответственность именно за несоблюдение положений нормативных

актов, конкретизирующих порядок применения данного принципа.

В настоящее время ч. 1 ст. 7.30.1 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение порядка формирования и утверждения планов-графиков в виде предупреждения или административного штрафа от пяти до десяти тысяч рублей. Повышенный размер ответственности за несоблюдение принципа стимулирования инноваций при планировании закупок будет ориентировать должностных лиц заказчиков на недопущение нарушений, в связи с чем размер административного штрафа за нарушение ч. 1.2 ст. 7.30.1 КоАП РФ должен составлять от десяти до двадцати тысяч рублей.

Важным этапом планирования публичных закупок выступает обоснование цены контракта. Так, согласно ст. 22 Закона № 44-ФЗ начальная (максимальная) цена контракта, а в специально установленных законом случаях – цена контракта, заключаемого с единственным поставщиком, в обязательном порядке определяются и обосновываются заказчиком. Требование обоснования цены контракта связано с тем, что это обеспечивает экономию бюджетных средств при условии высокого качества выполнения поставщиком принятых на себя обязательств.

Ответственность за административные правонарушения, связанные с обоснованием цены контракта, установлена ч. 3 ст. 7.30.1 КоАП РФ. Анализируя данную норму, стоит отметить, что в новой статье вместо фиксированных размеров административного штрафа введены санкции, предусматривающие определенный диапазон. При этом вариантом относительно определенной санкции выступает установление зависимости штрафа от размера цены, однако в рамках установленного диапазона. Указанное обстоятельство свидетельствует о возросшем внимании законодателя к обеспечению принципа справедливости назначения наказания. Значимой новеллой выступает и закрепление возможности применения предупреждения, которое назначается за впервые совершенное нарушение и при отсутствии вреда или угрозы его причинения.

В данном аспекте следует согласиться с позицией В. В. Аржанова, который отмечает, что «чрезмерная строгость наказания не способствует эффективному применению законодательства, поскольку несоответствие размеров санкций должностным окладам субъектов, привле-

¹⁰ См.: Санникова С. С. Правовая политика по совершенствованию нормативного правового регулирования контрактной системы в целях обеспечения закупок российской высокотехнологичной продукции // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 105.

¹¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 мая 2025 г. № Ф04-1156/2025 по делу № А81-7030/2024. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Рукавишников С. М. Административная ответственность за нарушение национального режима в сфере закупок // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 232.

каемых к административной ответственности, способно привести к тому, что лица будут отказываться входить в состав конкурсной или единой комиссии, вплоть до увольнения с работы»¹³. Различие уровня бюджетного финансирования заказчиков, а также специфики конкретных государственных или муниципальных нужд обуславливает существенную разницу в цене контрактов, поэтому законодатель установил максимальный размер административного штрафа, который не может превышать пятидесяти тысяч рублей. Данный подход заслуживает поддержки.

Тем не менее стоит отметить, что установление верхней границы санкции в отдельных случаях не способствует эффективной превенции административных правонарушений. Так, различный размер заработной платы должностных лиц, ответственных за планирование закупок, непосредственно отражается на субъективном восприятии ими строгости административного наказания. Штраф в размере пятидесяти тысяч рублей для работника крупного учреждения, осуществляющего закупки в соответствии с Законом № 44-ФЗ, может не иметь существенного значения, в отличие, например, от должностного лица органа местного самоуправления. Поэтому до настоящего времени остается открытым вопрос об обеспечении действенных гарантий справедливости административного наказания.

В рассматриваемом аспекте необходимо обратить внимание на установленный КоАП РФ срок давности привлечения к ответственности за административные правонарушения, связанные с планированием публичных закупок. В соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ он составляет один год. Если речь идет об обычном административном правонарушении, срок исчисляется с момента его совершения, в то время как срок давности для длящихся деяний исчисляется со дня их обнаружения уполномоченным должностным лицом.

КоАП РФ закрепляет лишь критерии определения правонарушения как одномоментного или длящегося. Однако окончательное решение вопроса об отнесении конкретного правонарушения к соответствующей категории является обязанностью рассматривающего дело субъекта административной юрисдикции. Судебная

¹³ Аржанов В. В. О целесообразности ужесточения наказания как способа обеспечения законности // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 61.

практика свидетельствует о том, что составы правонарушений, совершенных при планировании публичных закупок, признаются обычными (одномоментными)¹⁴. Тем не менее важно отметить, что их выявление в большинстве случаев возможно лишь после уже состоявшейся закупки, что ставит под сомнение возможность привлечения к административной ответственности виновного должностного лица ввиду значительного времени, прошедшего со дня совершения правонарушения.

Требуется учитывать то обстоятельство, что уровень общественной вредности деяния по ч. 3 ст. 7.30.1 КоАП РФ находится в зависимости от цены контракта. Крупные закупки задействуют больший объем бюджетных средств, в связи с чем последствия нарушения порядка определения соответствующей цены имеют долговременный характер, обусловленный неэффективным расходованием материальных ресурсов. Ввиду недопустимости увеличения верхнего предела административного штрафа, предусмотренного ч. 3 ст. 7.30.1 КоАП РФ, логично предложить установление различного срока давности привлечения к ответственности, обусловленного уровнем цены (суммы цен) единиц товара, работы, услуги.

Так, срок давности в один год следует сохранить для контрактов, цена которых составляет до одного миллиона рублей. В случае цены контракта от одного до десяти миллионов рублей срок давности привлечения к административной ответственности должен составлять два года; от десяти до ста миллионов рублей – три года, от ста миллионов до одного миллиарда рублей – четыре года, более миллиарда рублей – пять лет. Реализация указанного предложения позволит обеспечить превентивный характер административного наказания, поскольку будет способствовать удержанию должностных лиц заказчиков от совершения правонарушения, снизит возможность избежать ответственности за наиболее общественно вредные деяния, связанные с планированием закупок, по причине истечения срока давности привлечения к ней.

При этом в рамках анализа ст. 7.30.1 КоАП РФ нельзя не обратить особое внимание на преобладание административного штрафа в санкциях ее частей. Административное наказание в виде

¹⁴ См., например: Решение Фрунзенского районного суда г. Владивостока. URL: https://vladivostok.roskazna.gov.ru/upload/iblock/6f5/reshenie-ot-29.01.2020-_11_94_127_17_04_2020_ver1_.pdf (дата обращения: 29.08.2025).

предупреждения может быть назначено по ч. 1 соответствующей статьи, что обусловлено незначительным уровнем общественной вредности правонарушения. Однако стоит отметить, что она существенно возрастает в случае неоднократного совершения деяния. Это свидетельствует о том, что наказание не достигло своей цели, а подвергнутое ему лицо сознательно допускает причинение вреда охраняемым законом отношениям. Поэтому факт повторного совершения аналогичного правонарушения должен выступать квалифицирующим признаком, влияющим на тяжесть наказания. Особое значение имеет предотвращение противоправных деяний именно на этапе планирования публичной закупки, поскольку это позволяет избежать вредных последствий в дальнейшем. Таким образом, необходимо закрепить в рассматриваемой статье КоАП РФ отдельную ч. 12, устанавливающую ответственность в виде дисквалификации должностного лица заказчика за повторное нарушение законодательства о контрактной системе при планировании закупок.

Подводя итог, представляется возможным сделать следующие основные выводы:

1) нарушение законодательства о контрактной системе при планировании закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд – это противоправное, виновно совершенное действие или бездействие должностного лица заказчика, выразившееся в нарушении закрепленных законодательством о контрактной системе правил, устанавливающих порядок формирования, утверждения и ведения планов-графиков, обоснования закупок, их общественного обсуждения;

2) одним из этапов публичных закупок является общественное обсуждение. Предлагается закрепить ч. 1.1 ст. 7.30.1 КоАП РФ, устанавливающую ответственность должностного лица заказчика за проведение без общественного обсуждения закупки, для которой оно обязательно, а также за несоблюдение сроков или порядка общественного обсуждения, в виде административного штрафа, составляющего один процент начальной (максимальной) цены контракта соответствующего конкурса и аукциона, но не более пятидесяти тысяч рублей;

3) Закон № 44-ФЗ указывает на необходимость обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции. Предлагается

ввести отдельную ч. 1.2 ст. 7.30.1 КоАП РФ, предусматривающую ответственность должностного лица заказчика за несоблюдение принципа стимулирования инноваций при планировании закупок, в виде административного штрафа в размере от десяти до двадцати тысяч рублей;

4) обоснована необходимость корректировки законодательно установленных сроков давности по ч. 3 ст. 7.30.1 КоАП РФ. Крупные закупки задействуют большой объем бюджетных средств, в связи с чем последствия нарушения порядка определения соответствующей цены имеют долговременный характер, обусловленный неэффективным расходованием материальных ресурсов. Поэтому годичный срок давности следует сохранить для контрактов, цена которых составляет до одного миллиона рублей. В случае цены контракта от одного до десяти миллионов рублей срок давности привлечения к административной ответственности должен составлять два года; от десяти до ста миллионов рублей – три года, от ста миллионов до одного миллиарда рублей – четыре года, более миллиарда рублей – пять лет;

5) предлагается ввести новую ч. 12 ст. 7.30.1 КоАП РФ, устанавливающую ответственность в виде дисквалификации должностного лица заказчика за повторное нарушение законодательства о контрактной системе при планировании закупок.

Библиографический список

Аржанов В. В. О целесообразности ужесточения наказания как способа обеспечения законности // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 61–63.

Верина Г. В. Актуальные вопросы обратной силы уголовно-правовых норм о наказании в спектре новелл Федерального закона от 7 декабря 2011 г. // Уголовное право. 2012. № 5. С. 39–41.

Ганин А. В. Некоторые аспекты управления взаимодействием органов власти и бизнес-структур в экономике региона // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 26–29.

Коломыцева Е. А., Устинова В. В. Институт обязательного общественного обсуждения закупок: соотношение теории и практики // Юристы – Правоведь. 2018. № 4.

Морозова Н. А. Безальтернативные административные санкции // Журнал рос. права. 2019. № 3. С. 129–138.

Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая. Главы 1–8 / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. М.: Росбух, 2019. Т. 1. 1120 с.

Рукавишников С. М. Административная ответственность за нарушение национального режима в сфере закупок // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2. С. 232–239.

Санникова С. С. Правовая политика по совершенствованию нормативного правового регулирования контрактной системы в целях обеспечения закупок российской высокотехнологичной продукции // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 105–114.

Смоляков П. Н. Проблемы индивидуализации наказания за преступления и административные правонарушения в сфере публичных закупок // Рос. юрид. журнал. 2020. № 4 (133). С. 99–103.

Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правоохранительная политика в сфере противодействия административной деликтности : основные тенденции и вопросы модернизации // Государство и право. 2022. № 12. С. 99–105.

Сухаренко А. Н. Декриминализация системы госзакупок в России // Безопасность бизнеса. 2017. № 1. С. 42–45.

References

Arzhanov V. V. On the feasibility of tightening punishment as a way to ensure legality // Administrative law and process. 2015. No. 6. P. 61–63.

Verina G. V. Actual issues of retroactive effect of criminal law norms on punishment in the spectrum of innovations of the Federal Law of December 7, 2011 // Criminal law. 2012. No. 5. P. 39–41.

Ganin A. V. Some aspects of managing the interaction of government bodies and business structures in the regional economy. Problems

of Economics and Legal Practice. 2017. No. 5. P. 26–29.

Kolomytseva E. A., Ustinova V. V. Institute of mandatory public discussion of procurement : the relationship between theory and practice // Jurist – Pravoved. 2018. No. 4. P. 41–46.

Morozova N. A. Non-Alternative Administrative Sanctions // Journal of Russian Law. 2019. No. 3. P. 129–138.

Article-by-Article Commentary to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Part 1. Chapters 1–8 / ed. by L. V. Chistyakova. Moscow: RosBukh, 2019. Vol. 1 1120 p.

Rukavishnikov S. M. Administrative Liability for Violating the National Regime in the Sphere of Procurement // Legal Policy and Legal Life. 2025. No. 2. P. 232–239.

Sannikova S. S. Legal Policy for Improving the Normative Legal Regulation of the Contract System in Order to Ensure the Procurement of Russian High-Tech Products // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 4. P. 105–114.

Smolyakov P. N. Problems of individualization of punishment for crimes and administrative offenses in the field of public procurement // Russian Law Journal. 2020. No. 4 (133). Pp. 99–103.

Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. Law enforcement policy in the field of combating administrative tort : main trends and modernization issues // State and Law. 2022. No. 12. P. 99–105.

Sukharensko A. N. Decriminalization of the public procurement system in Russia // Business Security. 2017. No. 1. P. 42–45.

Саратовская государственная юридическая академия

Никитин К. А., аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина

E-mail: advokat@nikitin-kirill.ru

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Для цитирования:

Никитин К. А. Вопросы административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе при планировании закупок // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 228–234. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/228-234>

Saratov State Law Academy

Nikitin K. A., Post-graduate Student of the Department of Administrative and Municipal Law named after of Professor Vasily Mikhailovich Manokhin
E-mail: advokat@nikitin-kirill.ru

Received: 17.11.2025

For citation:

Nikitin K. A. Questions of administrative liability for violations of legislation on the contract system when planning purchases // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 228–234. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/228-234>

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Т. М. Алексеева, А. А. Трефилов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

CRIMES AGAINST JUSTICE IN CRIMINAL LAW KAZAKHSTAN AND RUSSIA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

T. M. Alekseeva, A. A. Trefilov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: на основе нормативных и доктринальных источников произведен сравнительно-правовой анализ системы преступлений против правосудия в уголовном праве Казахстана и России. Раскрыты общие подходы казахского и российского законодателя к установлению уголовной ответственности за различные деяния, посягающие на установленный порядок рассмотрения уголовных, гражданских, административных и других дел. Исследованы наиболее значимые различия между ними, в частности криминализация в Казахстане незаконного отказа от регистрации преступления, выделение в данном правопорядке в самостоятельный состав разглашения данных закрытого судебного разбирательства, отсутствие уголовной ответственности за отказ потерпевшего от прохождения освидетельствования, установление в УК Казахстана поощрительного примечания, согласно которому, если лицо, совершившее побег, в семидневный срок возвратилось в место лишения свободы, оно не подлежит уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовное право Казахстана, преступления против правосудия, побег из мест лишения свободы, разглашение данных закрытого судебного разбирательства, уголовное право зарубежных стран.

Abstract: the authors of this article, based on normative and doctrinal sources, conduct a comparative legal analysis of the system of crimes against justice in the criminal law of Kazakhstan and Russia. The general approaches of the Kazakh and Russian legislators to the establishment of criminal liability for various crimes against justice are revealed. The authors examine the most significant differences between them, in particular, the establishment in the Criminal Code of Kazakhstan, which includes the criminalization of illegal refusal to register a crime, the allocation of a separate offence of disclosure of data from a closed trial, the absence of criminal liability for the victim's refusal to undergo an examination, the establishment of an incentive note, according to which, if a person who has escaped returns to the place of imprisonment within 7 days, he is not subject to criminal liability.

Key words: criminal law of Kazakhstan, crimes against justice, escape from places of imprisonment, disclosure of data from closed court proceedings, criminal law of foreign countries.

Конституция Казахстана 1995 г. и Конституция РФ 1993 г. устанавливают основы системы правоохранительных органов (прежде всего, судов), провозглашают наиболее важные принципы правосудия, закрепляют основные права участников судебного процесса (обвиняемого,

потерпевшего, свидетеля). В этом проявляется тенденция конституционализации уголовного процесса и уголовного права.

Для построения демократического правового государства, среди прочего, необходимо разделение властей. Последнее предполагает не только функционирование независимой систе-

мы судов, но и надлежащую уголовно-правовую защиту установленного порядка рассмотрения гражданских, административных, уголовных и других дел от преступных посягательств. Таким образом, «уголовное судопроизводство и правосудие, призванные охранять и защищать общество от правонарушителей, сами становятся в случае совершения против них преступлений объектом уголовно-правовой охраны»¹.

В настоящее время основным источником уголовного права Казахстана является Уголовный кодекс 2014 г.² Некоторые содержащиеся в нем институты близки к тем, которые закрепляет Уголовный кодекс РФ 1996 г. Отметим, что оба правовых акта испытали заметное влияние советских правовых традиций, поскольку ранее на территории КазССР и РСФСР действовали принятые в период восстановления социалистической законности Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик 1958 г.

В настоящей статье с опорой на действующие Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК Казахстана) будут рассмотрены компаративно значимые сходства и различия системы преступлений против правосудия в уголовном праве Казахстана и России.

Основные сходства

Сопоставление преступлений против правосудия в Казахстане и России позволяет выявить следующие общие черты.

1. И казахский, и российский законодатели включили в систему Особенной части уголовного права самостоятельную главу «Преступления против правосудия» (гл. 37 УК Казахстана, гл. 31 УК РФ). Тем самым подчеркиваются особая значимость правосудия в системе конституционных и уголовно-правовых ценностей, его особая роль в защите прав и свобод человека и гражданина.

Данный подход близок к тому, который сложился в уголовном праве Швейцарии, Австрии, Лихтенштейна³, где уголовные кодексы содер-

¹ Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М. : Юрид. лит., 1968. С. 4.

² См.: Уголовное право Казахстана и России. Общая часть : учебник / под ред. Р. М. Абдрашева, С. В. Маликова, А. И. Чучаева. М. : Городец, 2022. С. 26–30.

³ В Швейцарии преступления против правосудия включены в главу 17, в Австрии и в Лихтенштейне – в главу 21.

жат самостоятельные главы о преступлениях против правосудия, и одновременно с этим не близок к уголовному праву Германии, где самостоятельная глава о преступлениях против правосудия отсутствует, а соответствующие составы распределены между тремя различными главами кодекса⁴.

Представляется, что подход, принятый в России и Казахстане, заслуживает поддержки, поскольку правосудие в случае посягательства на предусмотренный законом порядок рассмотрения уголовных, гражданских и иных дел, является основным объектом уголовно-правовой охраны, а другие блага – дополнительным⁵.

2. Перечень преступлений против правосудия в Казахстане и России во многом является сходным. Оба законодателя криминализовали такие деяния как воспрепятствование отправлению правосудия (ст. 407 УК РБ, ст. 294 УК РФ), принуждение к даче показаний (ст. 415 УК Казахстана, ст. 302 УК РФ), фальсификация доказательств (ст. 416 УК Казахстана, ст. 303 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 419 УК Казахстана, ст. 306 УК РФ), укрывательство преступлений (ст. 432 УК РБ, ст. 316 УК РФ)⁶. Рассматриваемые нормы с незначительными изменениями перешли в данные кодексы из советского уголовного законодательства. Они имеют весьма устойчивый характер, присущи большинству современных правопорядков, и можно предположить, что в ближайшее время они не будут подвергаться каким-либо значительным изменениям.

Основные различия

Сопоставление преступлений против правосудия в рассматриваемых правопорядках позволяет установить наиболее значимые различия между ними.

⁴ В Германии преступления против правосудия сосредоточены между разделом IX «Дача ложных показаний без принесения присяги и лжеприсяга» (*Falsche uneidliche Aussage und Meineid*), разделом X «Ложное подозрение» (*Falsche Verdächtigung*) и разделом XXX Уголовного кодекса «Должностные преступления» (*Straftaten im Amt*).

⁵ См.: Горелик А. С., Лобанова Т. В. Преступления против правосудия. СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 296.

⁶ Можно утверждать, что данные составы образуют «ядро» института преступлений против правосудия, поскольку остальные уголовно наказуемые деяния так или иначе производны от них.

1. В Казахстане гл. 17 УК озаглавлена «Уголовные правонарушения⁷ против правосудия и порядка исполнения наказаний, конституционно-судопроизводства». Глава 31 УК РФ именуется «Преступления против правосудия».

Представляется, что подход, принятый в Казахстане, является более точным, поскольку такие преступления, как побег (ст. 313 УК РФ), уклонение от отбывания ограничения, свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера (ст. 314), уклонение от административного надзора (ст. 314.1), посягают не на правосудие (оно к этому времени уже свершилось), а на уголовно-исполнительные правоотношения с участием осужденного и органами исполнительной власти.

Указание на Конституционный Суд в главе 17 УК Казахстана подчеркивает, что правосудие, осуществляемое данным органом власти, также является объектом уголовно-правовой охраны. Конституционное правосудие имеет большую значимость для функционирования демократического правового государства, поэтому оно должно быть обозначено в названии гл. 31 УК РФ.

2. УК Казахстана предусматривает такие составы, которые не выделены в УК РФ: неповиновение законным требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения (ст. 428), умышленное уничтожение или повреждение системы видеонаблюдения, а равно ее компонентов в учреждениях уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, следственных изоляторах, изоляторах временного содержания (ст. 428.1), воспрепятствование конфискации имущества (ст. 420), воспрепятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также оказанию юридической помощи физическим и юридическим лицам (ст. 435), воспрепятствование гражданину исполнять обязанности присяжного заседателя (ст. 436).

На наш взгляд, нет необходимости дополнить ими УК РФ 1996 г.

Если осужденный не повинует законным требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения, то к нему могут быть применены меры взыскания, предусмотренные

⁷ Отметим, что в Казахстане все главы Особенной части Уголовного кодекса содержат в своем названии термин «уголовные правонарушения».

в ст. 115 УИК РФ (выговор, помещение в штрафной изолятор и др.). Если же его действия образуют состав преступления (например, угроза убийством, причинение вреда здоровью), то его действия квалифицируются по соответствующим составам Особенной части УК РФ.

Умышленное уничтожение или повреждение системы видеонаблюдения, а равно ее компонентов, в учреждениях уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, СИЗО, ИВС в России должно квалифицироваться в рамках более общего состава преступления – умышленного уничтожения чужого имущества (ст. 167). Для выделения специального состава, на наш взгляд, нет криминологических оснований. Не ясно, почему УК Казахстана не содержит отдельной статьи, предусматривающей ответственность за разбитие окна, порчу замка, повреждение решеток в пенитенциарном учреждении?

Аргументы против выделения в самостоятельный состав воспрепятствования законной деятельности адвокатов близки аргументам против выделения в отдельный состав воспрепятствования отправлению правосудия (ст. 294 УК РФ). Как справедливо отмечает С. А. Денисова, «она содержит лишь самые общие указания на сущность данного преступления, говорит о любой форме вмешательства в деятельность суда. На практике это означает возможность совершения самых безобидных актов поведения, которые могут быть расценены как вмешательство в деятельность суда»⁸.

Если законодатель Казахстана криминализовал воспрепятствование гражданину исполнять обязанности присяжного заседателя (ст. 436), то не совсем ясно, почему не криминализовано создание препятствий для исполнения гражданином других обязанностей (платить налоги, проходить военную службу, беречь памятники истории и культуры)?

УК Казахстана предусматривает уголовную ответственность за умышленное укрытие уголовного проступка или преступления от регистрации, совершенное уполномоченным должностным лицом путем обмана, уговора, угрозы или иных неправомерных действий в отношении лица, обратившегося с заявлением или общением о достоверно готовящемся или совершенном уголовном правонарушении, либо

⁸ Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малягина. СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2017. Т. 28: Преступления против правосудия. С. 118.

путем уничтожения или сокрытия любым иным способом обращения указанного лица (ст. 433). На наш взгляд, такой состав целесообразно добавить в УК РФ, поскольку на практике нередки случаи, когда сотрудники правоохранительных органов, не желая портить статистику, под разными предлогами отказываются регистрировать заявление о преступлении, если дело явно не имеет судебной перспективы или будет затруднительно обнаружить виновное лицо. Это приводит к появлению «субъективно обусловленной латентной преступности, скрываемой правоохранительными и контрольными органами от учета»⁹. Данное явление подрывает авторитет государственной власти, противоречит самому назначению уголовного судопроизводства.

3. В УК Казахстана отсутствуют некоторые составы, предусмотренные в УК РФ. Так, ч. 3 ст. 299 УК РФ криминализовала незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности, либо причинение крупного ущерба. На наш взгляд, нет необходимости в данном составе, поскольку, во-первых, само по себе возбуждение уголовного дела не может помешать предпринимательской деятельности (ей препятствуют меры процессуального принуждения, предусмотренные в УПК РФ); во-вторых, данный состав ставит лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в более выгодное положение, чем лиц, осуществляющих другие виды экономической деятельности (например, трудовую деятельность, деятельность, осуществляемую по договорам гражданско-правового характера), что не соответствует равенству всех перед законом и судом; в-третьих, данное деяние в полном объеме охватывается составом превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

4. Сравнительно-правовой анализ позволяет установить различия между признаками отдельных составов преступлений, посягающих на правосудие в УК РФ и в УК Казахстана:

а) оба законодателя криминализовали угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ,

ст. 409 УК Казахстана). При этом УК Казахстана в данном составе устанавливает квалифицированные признаки, отсутствующие в УК РФ: совершение деяния в условиях чрезвычайной ситуации или в ходе массовых беспорядков (п. 2 ч. 3), в местности, где объявлено чрезвычайное положение, или в зоне проведения антитеррористической операции (п. 3 ч. 3); посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет (п. 4 ч. 3); в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника (п. 2 ч. 5).

На наш взгляд, нет необходимости дополнить ст. 296 УК РФ данными признаками. По мнению Л. Л. Кругликова, при конструировании квалифицированных признаков необходимо исходить из того, что «обстоятельство, претендующее на включение в число квалифицирующих признаков, должно существенно влиять на степень общественной опасности и являться распространенным (типичным) для преступлений определенного вида, т. е. не должно носить единичный характер»¹⁰;

б) казахский законодатель криминализовал разглашение данных не только предварительного расследования (досудебного производства), но и закрытого судебного заседания (ст. 423 УК РК). УК РФ, напротив, не предусматривает самостоятельного состава, связанного с разглашением информации, относящейся к судебному разбирательству, закрытому для публики. Если имеет место разглашение охраняемой уголовным законом тайны, то лицо может нести ответственность соответственно по ст. 155, 183, 283, 310, 311, 320 УК РФ. В ином случае лица, права и законные интересы которых нарушены, могут потребовать возмещения морального вреда в соответствии с нормами ГК РФ.

На наш взгляд, опыт Казахстана заслуживает внимания со стороны российского законодателя, поскольку разглашение сведений, относящихся к судебному разбирательству, может причинить значительный вред правам и законным интересам его участников (например, при рассмотрении дела о преступлении против половой неприкосновенности, о преступлении, совершенном лицом, не достигшим 16 лет, и др.);

⁹ Криминология : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 96.

¹⁰ Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малягина. Т. 28. С. 711.

в) в отличие от УК Казахстана, УК РФ устанавливает уголовную ответственность не только за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, но и за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (ст. 308)¹¹. Рассматриваемая норма подвергается обоснованной критике в российской научной литературе. По мнению В. Б. Малинина, «это жестокое и необоснованное решение законодателя»¹²; ученый справедливо полагает, что «не следует превращать потерпевшего в обвиняемого»¹³.

На наш взгляд, принятый в Казахстане подход в большей степени отвечает гуманистическим началам уголовного права и уголовного процесса, поэтому российскому законодателю необходимо вернуться к формулировке состава, предусмотренного в ст. 308 УК РФ, которая имела место до принятия ФЗ от 28 декабря 2013 г.;

г) УК Казахстана предусматривает ответственность за провокацию любого преступления (ст. 412.1), в то время как УК РФ – только за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304)¹⁴. Представляется, что провокация любого другого преступления (должностного, в сфере экономической деятельности и др.) не менее опасна, поэтому необходимо соответствующим образом расширить объективную сторону состава, предусмотренного в ст. 304 УК РФ;

д) в составе, предусматривающем ответственность за незаконное задержание, УК Казахстана специально выделяет «умышленное неуведомление родственников подозреваемого о факте его задержания и месте нахождения, незаконный отказ в предоставлении информации о месте содержания под стражей лица гражданину, имеющему право на получение такой информации, а равно фальсификация времени со-

ставления протокола задержания или времени фактического задержания» (ч. 4 ст. 414). На наш взгляд, данный подход заслуживает внимания со стороны российского законодателя, поскольку мотивирует должностное лицо, которое произвело задержание, добросовестно выполнять свои процессуальные обязанности, а также в большей степени гарантирует информационные права родственников задержанного и заключенного под стражу;

е) УК Казахстана криминализировал фальсификацию не только доказательств и результатов ОРД, как российский законодатель в ст. 303 УК РФ, но и фальсификацию контрразведывательных материалов (ч. 3 ст. 416 УК РК). Поскольку контрразведывательная деятельность является одним из способов противодействия преступности¹⁵ и обеспечения национальной безопасности, а ее результаты могут являться поводом для возбуждения уголовного дела, представляется необходимым расширить объективную сторону состава, предусмотренного в ст. 303 УК РФ, посредством установления ответственности за фальсификацию результатов контрразведывательной деятельности, как это сделал казахский законодатель;

ж) в составе заведомо ложного доноса законодатель Казахстана, в отличие от российского законодателя, выделил такой квалифицированный признак, как совершение данного деяния в интересах преступной группы¹⁶ (ч. 5 ст. 419). На наш взгляд, такой подход заслуживает внимания, поскольку вполне можно представить ситуацию, когда преступное сообщество, используя свое влияние и свои ресурсы, не только совершает уголовно наказуемое деяние, но и стремится возложить ответственность за него невиновного человека, ставя в опасность его благополучие и его свободу. Выделение данного квалифицированного признака вполне обоснованно;

з) УК Казахстана устанавливает уголовную ответственность не только за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в

¹¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ.

¹² Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. Т. 28. С. 743.

¹³ Там же.

¹⁴ В УК Туркменистана 1997 г. объективная сторона данного деяния сформулирована еще более узко: провокация взятки или коммерческого подкупа (ст. 218).

¹⁵ См.: Уголовный процесс : учеб. для юрид. вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. М. : Зерцало, 2007. С. 1.

¹⁶ В уголовном праве Казахстана, в отличие от УК РФ, понятие «преступная группа» включает в себя организованную группу и преступное сообщество (ч. 3 ст. 31 УК РК). См.: Алауханов Е. О. Правовой генезис организованной преступности в Республике Казахстан : учеб. пособие. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2018. С. 65.

отношении судьи и участников уголовного процесса, но и за разглашение информации об обращении лица к вышестоящему руководителю и (или) руководству государственного органа либо организации, работником которой оно является (являлось), и (или) в уполномоченные государственные органы в целях сообщения о факте коррупционного правонарушения (ч. 1 ст. 424 УК РФ). Таким образом, если какое-либо лицо узнало, что другое лицо сообщало в правоохранительные органы или директору компании о фактах коррупции, а затем распространило данную информацию (например, в сети «Интернет»), то оно подлежит за данные действия уголовной ответственности.

Данный подход также представляет интерес для российского законодателя, поскольку направлен на обеспечение безопасности лиц, проявивших гражданскую позицию и не побоявшихся сообщить в уполномоченные органы информацию о взяточничестве и других коррупционных преступлениях в целях противодействия указанным негативным социальным явлениям;

и) в УК Казахстана норма, предусматривающая ответственность за побег, содержит поощрительное примечание, согласно которому лицо, добровольно возвратившееся в семидневный срок с момента совершения побега в место заключения или под стражу, освобождается от уголовной ответственности за побег, если оно не совершило иного нового уголовного правонарушения, и если побег не был сопряжен с действиями, предусмотренными пунктами в ч. 2 ст. 426 УК РК.

На наш взгляд, необходимо дополнить ст. 313 УК РФ данным положением, поскольку оно, во-первых, мотивирует лицо, совершившее побег, добровольно вернуться в пенитенциарное учреждение и продолжить отбывание уголовного наказания, во-вторых, снимает дискуссию о том, будет ли иметь место состав побега, когда лицо на незначительное время самовольно покинуло колонию-поселение (например, чтобы проведать семью или приобрести алкоголь в магазине), а затем попыталось незаметно вернуться обратно¹⁷;

¹⁷ Представляется правильной позиция тех ученых, которые считают, что совершить побег без субъективного намерения уклониться от отбывания уголовного наказания невозможно (См.: Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. Т. 28. С. 813). Это противоречит самой природе побега. Такие действия представ-

к) УК Казахстана криминализовал уклонение лица от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 427). УК РФ устанавливает ответственность за уклонение от отбывания еще одного наказания – ограничения свободы (ч. 1 ст. 314). На наш взгляд, в случае уклонения лица от отбывания ограничения свободы было бы эффективнее произвести замену ранее назначенного ему наказания на более строгое в пределах санкции статьи, предусматривающей ответственность за деяние, за совершение которого оно ранее осуждено. При таком подходе нет необходимости заново возбуждать уголовное дело, производить расследование, предъявлять лицу обвинение, передавать дело в суд.

Краткие выводы по теме проведенного исследования:

1) и в Казахстане, и в России преступления против правосудия выделены в самостоятельную главу Уголовного кодекса. Тем самым законодатели в рассматриваемых правовых порядках подчеркивают особую значимость уголовно-правовой охраны установленного законом порядка рассмотрения гражданских, административных, уголовных и других категорий дел;

2) Уголовный кодекс Казахстана предусматривает ответственность за «укрытие уголовного проступка или преступления от регистрации, совершенное уполномоченным должностным лицом путем обмана, уговора, угрозы или иных неправомерных действий в отношении лица, обратившегося с заявлением» (ст. 433 УК РК). Учитывая высокую распространенность данного явления в России, можно отметить достаточные криминологические основания установить в УК РФ уголовную ответственность за данные действия, объективно препятствующие защите прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, и подрывающие его веру в правосудие;

3) принимая во внимание опыт Казахстана, необходимо установить в России уголовную ответственность за разглашение данных, относящихся к закрытому судебному разбирательству¹⁸. Данная норма, выполняя охранительную функцию, удержит журналистов и других лиц от распространения информации, которая в интересах

ляют собой проступок, влекущий применение мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных в УИК РФ.

¹⁸ Предлагаемое изменение касается всех видов судопроизводства, которые предусмотрены в ст. 118 Конституции РФ.

правосудия и его участников не должна становиться достоянием общественности;

4) на наш взгляд, в России необходимо декриминализовать уголовную ответственность за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. Превращать лицо из потерпевшего в обвиняемого только потому, что он в силу определенных психологических причин не желает участвовать в соответствующем следственном действии, несправедливо. Применение к такому лицу мер процессуального принуждения, предусмотренных в УПК РФ, будет эффективно способствовать выполнению указанными лицами их процессуальных обязанностей. Подход, принятый в УК Казахстана, представляется более обоснованным и справедливым;

5) с учетом опыта Казахстана представляется необходимым дополнить ст. 313 УК РФ «поощрительным примечанием», согласно которому лицо, совершившее побег, освобождается от уголовной ответственности за данное деяние, если в течение семи суток возвратится в место заключения. Данная норма будет стимулировать сбежавшего заключенного вернуться в учреждение уголовно-исполнительной системы и прекратить совершение противоправных действий.

Библиографический список

Алауханов Е. О. Правовой генезис организованной преступности в Республике Казахстан : учеб. пособие. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2018. 216 с.

Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М. : Юрид. лит., 1968. 134 с.

Горелик А. С., Лобанова Т. В. Преступления против правосудия. СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2005. 489 с.

Криминология : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. 629 с.

Уголовное право Казахстана и России. Общая часть : учебник / под ред. Р. М. Абдрашева, С. В. Маликова, А. И. Чучаева. М. : Городец, 2022. 528 с.

Уголовный процесс : учеб. для юрид. вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. М. : Зерцало, 2007. 707 с.

Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2017. Т. 28: Преступления против правосудия. 1123 с.

Reference

Alaukhanov E. O. The legal genesis of organized crime in the Republic of Kazakhstan : training manual. St. Petersburg : Legal Center Press, 2018. 216 p.

Vlasov I. S., Tyazhkova I. M. Responsibility for crimes against justice. Moscow : Jurid. lit., 1968. 134 p.

Gorelik A. S., Lobanova T. V. Crimes against justice. St. Petersburg : Publishing house of R. Aslanov : Jurid. Center Press, 2005. 489 p.

Criminology : textbook for universities / ed. by N. F. Kuznetsova, V. V. Luneev. 2nd ed., revised and additional. Moscow : Volters Kluwer, 2004. 629 p.

Criminal law of Kazakhstan and Russia. General part : textbook / ed. by R. M. Abdrashev, S. V. Malikov, A. I. Chuchaev. Moscow : Gorodets, 2022. 528 p.

Criminal procedure : textbook for lawyers universities and faculties / ed. by K. F. Gutsenko. Moscow : Zertsalo, 2007. 707 p.

Encyclopedia of Criminal Law / ed. by V. B. Malinin. St. Petersburg : Interregional Institute of Economics and Law at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 2017. Vol. 28: Crimes against justice. 1123 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Алексеева Т. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса

E-mail: t-belozerskaya@mail.ru

National Research University «Higher School of Economics»

Alekseeva T. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure

E-mail: t-belozerskaya@mail.ru

Трефилов А. А., кандидат юридических наук, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики

E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Поступила в редакцию: 04.07.2025

Для цитирования:

Алексеева Т. М., Трефилов А. А. Преступления против правосудия в уголовном праве Казахстана и России: сравнительно-правовой анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 235–242. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/235-242>

Trefilov A. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics

E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Received: 04.07.2025

For citation:

Alekseeva T. M., Trefilov A. A. Crimes against justice in criminal law Kazakhstan and Russia: comparative legal analysis // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 235–242. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/235-242>

**ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ
И ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
(СТАТЬЯ 294 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ):
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ**

Е. А. Мельников

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

**OBSTRUCTION OF JUSTICE AND PRELIMINARY INVESTIGATION
(ARTICLE 294 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION):
PROBLEMATIC ISSUES OF THE OBJECT AND THE OBJECTIVE SIDE**

E. A. Melnikov

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Аннотация: рассмотрены отдельные проблемные вопросы, которые возникают в доктрине и правоприменительной практике в связи с «эластичностью» норм, содержащихся в ст. 294 УК РФ. Формулировки, которые использует законодатель в основном составе преступления (ч. 1 ст. 294 УК РФ), носят неконкретный характер, что ведет к тому, что к вмешательству в осуществление правосудия и производству предварительного расследования на практике относится значительный круг разнохарактерных деяний. В ряде случаев такое вмешательство может никак реально не отражаться на ходе уголовного судопроизводства, однако формально объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, будет выполнена. В связи с этим в статье обосновывается необходимость исключения ст. 294 УК РФ из законодательства с одновременной криминализацией отдельных деяний, направленных на создание реальных условий, препятствующих осуществлению правосудия либо делающих его осуществление невозможным, а также посягающих на авторитет или независимость органов и должностных лиц, вовлеченных в сферу его осуществления *ex officio* (судьи, следователи, прокуроры и др.) либо в силу профессиональных обязанностей (защитник, эксперт и др.).

Ключевые слова: правосудие, воспрепятствование осуществлению правосудия, предварительное расследование, способ совершения преступления, судья, следователь, прокурор, участники уголовного судопроизводства, совокупность преступлений.

Abstract: the article examines certain problematic issues that arise in the doctrine and in law enforcement in connection with the "elasticity" of the norms contained in art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation. The wording used by the legislator in the main part of the crime (Part 1 of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation) is vague, which leads to the fact that interference with the administration of justice and the conduct of a preliminary investigation in practice includes a significant range of diverse acts. In some cases, such interference may not really affect the course of criminal proceedings, however, the formally objective side of the crime provided for in Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation will be fulfilled. In this regard, the article justifies the need to exclude art. 294 of the Criminal Code of the Russian Federation from legislation with simultaneous criminalization of certain acts aimed at creating real conditions that impede the administration of justice or make its implementation impossible, as well as infringing on the authority or independence of bodies and officials involved in its *ex officio* implementation (judges, investigators, prosecutors, etc.) or by virtue of professional duties (defender, expert, etc.).

Key words: justice, obstruction of justice, preliminary investigation, method of committing a crime, judge, investigator, prosecutor, participants in criminal proceedings, a set of crimes.

Несложно заметить, что название ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» не соответствует диспозиции норм, закрепленных в ч. 1–2 указанной статьи, в которых используется термин «вмешательство».

В толковом словаре русского языка термин «воспрепятствование» раскрывается следующим образом: «не допустить кого-нибудь, сделать что-нибудь, помешать кому-нибудь в чем-нибудь, не допустить чего-нибудь»¹, – а «вмешательство» – как «непрощенное или насильственное участие в чужих делах, отношениях; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого»².

Таким образом, вмешательство предполагает незаконное вторжение в деятельность соответствующего лица, противоречащее самостоятельности или независимости такого лица. Так, отменяя обвинительный приговор по ч. 1 ст. 294 УК РФ, суд отметил, что «вмешательство предполагает вторжение в деятельность суда по осуществлению правосудия»³. В другом случае суд указал, что «диспозиция ст. 294 ч. 3 УК РФ предусматривает вмешательство в деятельность следователя, но не воздействие на свидетеля»⁴. В то же время воспрепятствование такой деятельности может происходить и без такого вторжения, в том числе путем бездействия.

Фактически название ст. 294 УК РФ отражает цель вмешательства в осуществление правосудия и производство предварительного расследования, достижение которой находится за пределами данного состава преступления. По нашему мнению, это, в частности, приводит к тому, что в ряде случаев, когда само деяние попадает под признаки вмешательства в осуществление правосудия и производство предварительного рас-

следования, цель воспрепятствования отдельно судами не устанавливается, а как бы презюмируется. В этом плане показателен пример, когда суд апелляционной инстанции оправдал лицо, которое в ходе производства предварительного расследования разорвало ряд документов из материала уголовного дела. Свое решение суд обосновал тем, что указанные действия не воспрепятствовали уголовному делу, так как уничтоженные документы были быстро восстановлены, а главное – указанные действия осужденного были обусловлены не желанием воспрепятствовать предварительному расследованию, а его эмоциональным состоянием, вызванным отказом следователя в удовлетворении его ходатайства. Верховный Суд РФ не согласился с данной позицией и отменил решение суда апелляционной инстанции. В своем постановлении он указал, что «состав указанного преступления формальный, и оно считается оконченным с момента совершения указанных действий, независимо от наступивших последствий ожидаемого результата вмешательства, установление которых, применительно к составу преступления по ч. 2 ст. 294 УК РФ, не является обязательным» (что, безусловно, верно); а также, что «уничтожение процессуальных документов, составляющих часть материалов уголовного дела, вне зависимости от мотивов виновного образует объективную сторону вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность следователя с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела»⁵. Последний тезис представляется нам сомнительным и подтверждает наличие обозначенной нами проблемы.

Конструкция ст. 294 УК РФ вызывает и ряд других вопросов относительно объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ⁶.

¹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>

² Там же.

³ Трофимов В. Н. Подборка судебных решений за 2012 год. Статья 294: Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования УК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 3 апреля 2003 г. № 51-КПо03-16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 45-УДП23-5-К7. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14022023-n-45-udp23-5-k7/>

⁶ См.: Ковалев М. В. Категория «воспрепятствование» в составах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 3. С. 165.

Ввиду наличия неопределенности относительно соотношения названия статьи с диспозицией норм, закрепленных в ней, в ряде случаев объективные стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ, предлагается толковать расширительно⁷.

Так, отмечается, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», следует понимать таким образом, что «вмешательство может заключаться не только в каком-либо психическом или физическом воздействии непосредственно на лиц, принимающих участие в отправлении правосудия, но и в любом ином создании препятствий для осуществления этими лицами своих служебных полномочий»⁸.

Однако расширительное толкование объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ, на практике приводит к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности абсолютно за любые проступки, которые как-то связаны с производством по делу.

Так, судом апелляционной инстанции был оправдан адвокат, который в ходе производства по делу в отношении своей подзащитной представил в суд справку, содержащую недостоверные сведения, о нахождении его доверительницы вместе с ребенком в определенный день в медцентре, а также чек обслуживания в кафе данного центра. Спорную справку адвокату представила подзащитная. Данная справка была предоставлена защитником в суд при рассмотрении вопроса об изменении его подзащитной меры пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу.

Отменяя приговор, суд указал, что адвокат Лебедев не «оказывал какое-либо воздействие на председательствующего по делу с целью склонения его к принятию определенного решения

⁷ См.: *Сирик М. С., Васильев А. М.* О необходимости совершенствования ст. 294 УК РФ // *Право и политика*. 2008. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Ким В. В.* Уголовно-правовое обеспечение независимой и безопасной деятельности по отправлению правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 169–170; *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. Т. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

⁸ *Сирик М. С., Васильев А. М.* Указ. соч.

в форме активных действий: дачи указания или «настоятельного совета», высказывания угроз, шантажа, обещания каких-либо благ, совершения посягательств на судью, его родственников или его имущество»⁹, ввиду чего объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, отсутствует.

В специальной литературе приводятся возможные объяснения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ. В частности, отмечается, что формами вмешательства могут быть: просьбы, уговоры, советы, обещание оказать услуги, шантаж, похищение судебных и следственных дел и вещественных доказательств и т. д.¹⁰ Аналогично вмешательство понимается и в письме ФССП России от 30 марта 2017 г. № 00043/17/27998-ДА «О Памятке дознавателя ФССП России».

Анализ правоприменительной практики также показал, что в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, входит довольно широкий спектр деяний.

Например, по ст. 294 УК РФ были квалифицированы следующие деяния: приказ руководителя сотруднику организации о форматировании видеозаписей во время производства следственного действия¹¹; приказ руководителя сотруднику организации задержать следственную группу на КПП административного здания¹²; уничтожение свидетелем во время допроса мобильного телефона, изъятого следователем во время обыска¹³; кража подозреваемым (обвиняемым) материалов уголовного дела с последующим повреждением или уничтожением¹⁴ или без тако-

⁹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 июля 2020 г. по делу № 10-3287/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/af375cd5-2cef-4eb1-8c84-d9c4265b6329?respondent>

¹⁰ См.: *Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2005.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Апелляционное постановление от 22 августа 2024 г. по делу № 1-32/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5ZHriAxPSQrv/>

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Приговор от 19 июня 2024 г. по делу № 1-506/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tHZwW2OvXPWL/>

¹⁴ См.: Приговор от 21 марта 2024 г. по делу № 1-18/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gctqwZogsWNn/>; Приговор от 10 июля 2024 г. по делу № 1-80/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nPSyVSfn005x/>; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 45-УДП23-

вого¹⁵; вырывание обвиняемым листа из материалов уголовного дела без его уничтожения¹⁶; поджог судебного участка мирового судьи с целью уничтожения материалов дела об административном правонарушении (по совокупности с ч. 2 ст. 167 УК РФ)¹⁷; публикация материалов о личной жизни судьи в целях его устранения из процесса¹⁸; изготовление фальшивой аудиозаписи телефонного разговора, содержащей разговор, который ставил под сомнение объективность судьи, рассматривающего дело, направление этой аудиозаписи помощнику этого судьи и последующий самоотвод судьи¹⁹; действия лица, который во время проведения в его квартире обыска требовал вызвать других понятых, а потом обвинил должностных лиц, производящих следственные действия, в краже денежных средств и вызвал наряд милиции²⁰; действия лица, которое препятствовало во время проведения следственного действия открытию запертых на замок распашных ворот ограды дома, где находился автомобиль²¹.

Из приведенных примеров видно, что вмешательство в деятельность лиц, указанных в ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ, может происходить в абсолютно любых формах.

5-K7. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14022023-n-45-udp23-5-k7/>

¹⁵ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 ноября 2018 г. № 41-АПУ18-14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Приговор Ульяновского областного суда от 7 февраля 2013 г. по делу № 2-1/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: URL: <https://legal.report/utverzhdhen-prigovor-po-delu-o-podzhoge-sudebnogo-uchastka-mirovogo-sudii/>

¹⁸ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2007 г. по делу № 35-006-81. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 28 ноября 2017 г. по делу № 1-466/17. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/criminal/details/d1e37f99-99f8-40ae-9f22-f8d67fcbe03c?caseNumber=1-466/17>

²⁰ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда России от 1 февраля 2011 г. по делу № 50-О10-86. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Приговор от 25 октября 2023 г. по делу № 1-143/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/UFSR9INJAQIN/?page=14®ular-txt=®ular-case_doc=%E2%84%96+1-143%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow-stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=

Круг лиц, в чью деятельность может быть осуществлено вмешательство, определен в ч. 1, 2 ст. 294 УК РФ. Анализ правоприменительной практики показал, что какие-либо спорные вопросы в этой части отсутствуют. Тем не менее в доктрине данному вопросу уделено большое внимание. В частности, отмечается, что вмешательство в целях воспрепятствования осуществлению правосудия может быть осуществлено в деятельность руководителя следственного органа, начальника органа дознания и т. д.²² Данные замечания заслуживают внимания. В других работах отмечается, что по ст. 294 УК РФ не могут быть привлечены лица, осуществляющие вмешательство в деятельность судей третейского суда, Международного коммерческого арбитражного суда, Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и иных арбитражных учреждений, не входящих в судебную систему Российской Федерации²³. С данными замечаниями также стоит согласиться.

Большинство посягательств, связанных с воспрепятствованием осуществлению правосудия, представляет собой посягательства на динамику процесса – практически все они связаны с созданием условий, затрудняющих достижение целей и задач уголовного судопроизводства.

Однако деяния, связанные, например, с публикацией материалов о личной жизни судьи в целях его устранения из процесса; изготовлением фальшивой аудиозаписи телефонного разговора, содержащей разговор, который ставит под сомнение объективность судьи, рассматривающего дело, направление этой аудиозаписи помощнику этого судьи и последующий самоотвод судьи; угрозы, шантаж судьи в целях его устранения из процесса представляют собой группу посягательств на статику процесса – на общественные отношения, характеризующие неза-

²² См.: Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2023. С. 148.

²³ См.: Чекмезова Е. И. Преступления против правосудия : монография. Омск : Сиб. юрид. ун-т, 2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 2 ; Анисимова И. А., Вишиницкая М. А. Проблема определения понятия «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия» в диспозиции статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2019. № 23-1 (77). С. 65.

висимость судебной власти. Вряд ли к данной группе посягательств можно отнести деяние, связанное с уничтожением официальных документов из материалов уголовного дела.

Преступление, предусмотренное ст. 294 УК РФ, охватывает круг деяний, посягающих на различные объекты. В связи с этим основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, по нашему мнению, определить довольно проблематично. В целом его можно определить как общественные отношения, характеризующие нормальное осуществление уголовного судопроизводства в его «статике и динамике»²⁴.

Вместе с этим ряд специалистов отмечают, что основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, являются именно общественные отношения, характеризующие независимость и процессуальную самостоятельность суда²⁵. Поэтому нам представляется более правильной позиция специалистов, которые определяют основной непосредственный объект данного преступления укрупненно – как общественные отношения, характеризующие нормальное осуществление правосудия судом²⁶.

²⁴ Подробнее об общественных отношениях, характеризующих «статическую» и «динамическую» уголовный судопроизводства, а также об определении понятия «статика» и «динамика» уголовного судопроизводства см.: Мельников Е. А. Методологические подходы к систематизации преступлений против правосудия // Право и управление. 2025. № 4. С. 216–222; *Его же*. Процессуальный критерий систематизации преступления против правосудия: посягательства на статику и динамику процесса. Обоснование выбора критерия // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 145–153.

²⁵ См.: Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ): монография / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 140; Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 75–76; Скакун А. И. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 8; Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: преступление против правосудия. М., 2008. С. 116; Рожнов А. П. Актуальные вопросы применения статьи 294 УК РФ // Проблемы уголовного законодательства. Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 217–220.

²⁶ См.: Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Велби: Проспект, 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Тепляшин П. В. Вопросы квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству пред-

Объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ, во многих случаях определяется как общественные отношения, характеризующие независимость и процессуальную самостоятельность соответствующих должностных лиц (прокурора, следователя, дознавателя)²⁷. В данном случае, по нашему мнению, объект определяется в принципе неверно. В силу административного устройства органов дознания, следственных органов и прокуратуры говорить о самостоятельности и независимости дознавателей, следователей и прокуроров наравне с судьями можно весьма условно. Поэтому нам представляется более правильной позиция, когда объект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ, определяется как общественные отношения, характеризующие охрану органов прокуратуры, предварительного следствия или дознания от незаконного вмешательства в деятельность, направленную на независимое, всестороннее, полное и объективное расследование дела²⁸.

Ситуацию, когда преступление, предусмотренное ст. 294 УК РФ, охватывает деяния, одни из которых посягают на статику процесса, а другие на динамику, считаем неверной. Представляется правильным, что воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования нуждается в разукрупнении и детализации путем введения в гл. 31 УК РФ специальных составов преступлений. Существование такого, с одной стороны, «всеобъемлющего» состава преступления, с другой – не охватывающего таких очевидных и распространенных форм воспрепятствования осуществлению правосудия, как укрывательство должностными лицами преступлений от учета и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, является не вполне обоснованным.

На воспрепятствовании осуществлению правосудия путем укрывательства должностными лицами преступлений от учета или путем выне-

варительного расследования // Сиб. юрид. вестник. 2004. № 2. С. 87; Гармышев Я. В. Преступление против правосудия: учеб. пособие. Иркутск: Издат. дом БГУ, 2021. С. 11.

²⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. Т. 2; Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 147; Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой.

²⁸ См.: Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. Т. 28. С. 1090.

сения заведомо незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела хотелось бы остановиться отдельно. В рассматриваемых случаях должностные лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 294 либо по иной статье гл. 31 УК РФ (за исключением возможности привлечения в ограниченном числе случаев к уголовной ответственности по ст. 316 УК РФ). До внесения изменений в 2022 г.²⁹ в ст. 286 УК РФ, которыми был введен квалифицированный вид превышения должностных полномочий – из корыстной или иной личной заинтересованности (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ), указанные деяния в основном квалифицировались в зависимости от мотива по ст. 285 УК РФ (корыстный мотив или иная личная заинтересованность) либо ст. 286 УК РФ (например, ложно понятые интересы службы)³⁰. Более того, ст. 286 УК РФ вменялась в тех случаях, когда отсутствовала возможность доказать наличие корыстного мотива или иной личной заинтересованности. Возможность альтернативного вменения ст. 285 или 286 УК РФ обусловлена тем, что из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» говорится, что превышение должностных полномочий в том числе заключается в совершении действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (п. 19). Аналогичную трактовку Верховный Суд РФ дал и злоупотреблениям должностных полномочий – совершение должностным лицом действий, входящих в круг его должностных полномочий при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (п. 15), указав, что такие действия должны быть совершены из корыстной или иной личной заинтересованности. Например, отказать в возбуждении уголовного дела следователь (дознаватель) может только при отсутствии в деянии признаков

преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Таким образом, вынесение решения об отказе в возбуждении уголовного дела можно одновременно рассматривать как совершение действий в отсутствие особых условий (п. 19), так и совершение действий при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (п. 15).

После внесения в 2022 г. изменений в ст. 286 УК РФ аналогичное деяние с учетом сформировавшейся правоприменительной практики может быть квалифицировано как по ч. 1 ст. 285 УК РФ, так и по п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Однако, если первое преступление относится к категории средней тяжести, то последнее – к тяжкому, за совершение которого может быть назначено наказание от 3 до 10 лет лишения свободы.

Полагаем, что если укрывательство должностными лицами преступлений от учета или вынесение заведомо незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела будут совершены с корыстной или иной личной заинтересованностью, то квалификация останется прежней – по ч. 1 ст. 285 УК РФ, а при отсутствии данного мотива – по ч. 1 ст. 286 УК РФ. Это соответствовало бы логике установления уголовной ответственности, например за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ). Так, за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, может быть назначено наказание до 4 лет лишения свободы, т. е. аналогичное тому, которое может быть назначено за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ.

В юридической науке встречается дискуссия относительно того, могут ли укрывательство должностными лицами преступлений от учета и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, если они совершены по мотивам ложно понятых интересов службы, в принципе рассматриваться как уголовно наказуемое деяние³¹. Вопрос возникает потому, что, очевидно, данные деяния не могут рассматриваться как халатность (ст. 293 УК РФ) в тех случаях, когда они совершаются умышленно, а объективная сторона превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) заключается в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его пол-

²⁹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5274.

³⁰ См.: Шиханов В. Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 82 ; Яни П. Укрытие преступлений от учета : действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 12.

³¹ См.: Лимарь А. С., Михайлова И. А. Особенности квалификации превышения должностных полномочий // Вестник Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И. Д. Путилина. 2023. № 2. С. 39–44 ; Яни П. Указ. соч. С. 12.

номочий. В рассматриваемых же случаях лицо фактически бездействует. Квалификация по ст. 286 УК РФ становится возможной, если рассматривать такое фактическое бездействие через призму других действий, которые совершаются в целях последующего служебного бездействия, либо юридических действий. Например, в случае отказа в возбуждении уголовного дела выносится соответствующее постановление, т. е. совершается юридически значимое действие.

С учетом обозначенных выше дискуссионных моментов, а также что укрывательство должностными лицами преступлений от учета и незаконный отказ в возбуждении уголовного дела посягают на общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия, представляется вполне обоснованным, что в гл. 31 УК РФ должны быть предусмотрены специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за подобные деяния.

Последнее имеет непосредственное отношение и к преступлению, предусмотренному ст. 294 УК РФ.

В большинстве источников указывается, что данное деяние может быть совершено только в форме активных действий³². В обоснование данной позиции отмечается, что само значение термина «вмешательство» позволяет утверждать, что объективная сторона данного преступления может быть выражена только в форме действия³³.

Вместе с этим существует мнение, что преступление, предусмотренное ст. 294 УК РФ, может быть совершено в форме бездействия³⁴.

Отмечается, что такое бездействие, например, имеет место в случае, когда секретарь суда утаивает важную для разрешения дела корреспонденцию³⁵. В данном случае подобного рода

«утаивание» можно также рассмотреть как совершение определенных действий, связанных с сокрытием документа.

Так, по ч. 3 ст. 294 УК РФ были квалифицированы действия помощника мирового судьи, который умышленно утратил материалы административного дела в целях воспрепятствования осуществлению правосудия³⁶. В данном деле не конкретизировано, каким образом было утрачено дело. Указано, что оно было принято по реестру и в последующем умышленно утрачено. Очевидно, что такая утрата произошла путем совершения ряда действий, направленных на сокрытие материалов данного дела.

В контексте рассматриваемого вопроса представляет интерес следующее дело о привлечении судьи по ч. 3 ст. 294 УК РФ за неисполнение запроса о направлении материалов дела в суд вышестоящей инстанции. По версии стороны защиты, судья не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ. Кроме этого, состав указанного преступления не образует бездействие судьи – неисполнение запроса о направлении в суд вышестоящей инстанции в целях предотвращения отмены вынесенных им решений. Как указал суд, судья изъясил из суда рассмотренное им гражданское дело и удерживал его у себя, желая избежать пересмотра вынесенных им решений судом вышестоящей инстанции. Поэтому, вопреки доводам стороны защиты, в данном случае идет речь не о бездействии судьи, а о его активных действиях³⁷.

По одному из дел по ч. 1 ст. 294 УК РФ был привлечен секретарь судебного заседания за то, что умышленно не изготовил и не подписал протокол судебного заседания с целью наступления неблагоприятных последствий для судьи К.И.А. (ввиду их личных неприязненных отношений) в виде отмены приговора в отношении К.Т.³⁸ Приговор был отменен судом вышестоящей инстанции. При рассмотрении дела суд указал на

³² См.: Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой ; Мальцев В. В. Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Законность. 1997. № 12. С. 12 ; Чекмезова Е. И. Указ. соч. ; Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 152.

³³ См.: Сирик М. С., Васильев А. М. Указ. соч.

³⁴ См.: Научно-практический комментарий к УК РФ / под ред. П. Н. Панченко : в 2 т. Н. Новгород, 1996. Т. 2. С. 293.

³⁵ См.: Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (рубрика «Прокурор разъясняет»). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_40/activity/legal-education/explain?item=36674345

³⁶ См.: Апелляционное постановление от 8 августа 2024 г. № 22-2454/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rsGT7fbg5HVo/>

³⁷ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 ноября 2018 г. № 41-АПУ18-14. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21112018-n-41-apu18-14/>

³⁸ См.: Апелляционный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 21 ноября 2018 г. № 22-6645/2018 по делу № 1-851/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

недоказанность наличия у Э. умысла на совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ, а также что протокол не был изготовлен своевременно ввиду объективных причин – болезни Э. Однако при рассмотрении данного дела суд исходил из того, что преступление, предусмотренное ст. 294 УК РФ, может быть совершено и в форме подобного бездействия. По нашему мнению, даже если бы судом было установлено наличие у Э. умысла на неизготовление протокола в целях отмены приговора вышестоящим судом из-за личных неприязненных отношений Э. к судье К.И.А., то в данном случае речь может идти лишь о дисциплинарном правонарушении, но не о преступлении. В конечном счете протокол мог изготовить сам судья, при условии, что секретарь не предпринял действий, направленных, например, на уничтожение или сокрытие аудиозаписи судебного заседания.

Возможны и иные ситуации, связанные с вмешательством в осуществление правосудия или производство предварительного расследования в форме фактического бездействия. УПК РФ предусматривает ряд случаев, когда следователь вправе дать дознавателю обязательные к исполнению поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, производстве иных процессуальных действий, организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым (п. 4, 4.1 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152, ч. 4 ст. 157, ч. 1 ст. 210 УПК РФ). Например, в ходе исполнения поручения дознаватель получает информацию, избличающую в совершении преступления его родственника, знакомого и т. д. В связи с этим дознаватель решает эту информацию утаить от следователя. Представляется, что подобная ситуация не выглядит абстрактно и может периодически встречаться на практике. Действия дознавателя в подобной ситуации, по нашему мнению, должны быть квалифицированы по соответствующей части ст. 285 и по ч. 3 ст. 294 РФ⁵⁹.

⁵⁹ В данном случае подобное утаивание информации не может рассматриваться как фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности и быть квалифицировано по ч. 4 ст. 303 УК РФ ввиду отсутствия специальных целей: незаконного уголовного преследования лица, которое заведомо не причастно к совершению преступления, либо причинение вреда чести, до-

Подобное утаивание информации, т. е. фактическое бездействие, в данном случае следует также рассматривать через призму юридически значимых действий – предоставление недостоверной (неполной) информации в сообщении о результатах оперативно-розыскной деятельности.

Представляется правильным, что воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования нуждается в разукрупнении и детализации путем введения в гл. 31 УК РФ специальных составов преступлений. Криминализации должны подлежать лишь отдельные, наиболее опасные формы вмешательства в осуществление правосудия и производство предварительного расследования, которые создают реальные препятствия для его осуществления либо посягают на авторитет или независимость органов и должностных лиц, вовлеченных в сферу его осуществления *ex officio* (судьи, следователи, прокуроры и др.) или в силу профессиональных обязанностей (защитник, эксперт и др.).

Библиографический список

Анисимова И. А., Вишинецкая М. А. Проблема определения понятия «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия» в диспозиции статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2019. № 23-1 (77). С. 64–68.

Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи : преступление против правосудия. М., 2008. 557 с.

Гармьшев Я. В. Преступление против правосудия : учеб. пособие. Иркутск : Издат. дом БГУ, 2021. 155 с.

Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.

Ким В. В. Уголовно-правовое обеспечение независимой и безопасной деятельности по отправлению правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 169–170. 204 с.

Ковалев М. В. Категория «воспрепятствование» в составах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 3. С. 164–167.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под ред.

стоинству и деловой репутации данного или другого лица (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»).

А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. Т. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Лимарь А. С., Михайлова И. А. Особенности квалификации превышения должностных полномочий // Вестник Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И. Д. Путилина. 2023. № 2. С. 39–44.

Мальцев В. В. Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Законность. 1997. № 12. С. 12–16.

Мельников Е. А. Методологические подходы к систематизации преступлений против правосудия // Право и управление. 2025. № 4. С. 216–222.

Мельников Е. А. Процессуальный критерий систематизации преступления против правосудия : посягательства на статику и динамику процесса. Обоснование выбора критерия // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 145–153.

Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рапог. М. : Велби : Проспект, 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научно-практический комментарий к УК РФ / под ред. П. Н. Панченко : в 2 т. Н. Новгород, 1996. Т. 2. 624 с.

Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (рубрика «Прокурор разъясняет»). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_40/activity/legal-education/explain?item=36674345

Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2023. 560 с.

Рожнов А. П. Актуальные вопросы применения статьи 294 УК РФ // Проблемы уголовного законодательства. Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 212–222.

Сирик М. С., Васильев А. М. О необходимости совершенствования ст. 294 УК РФ // Право и политика. 2008. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Скакун А. И. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 178 с.

Тепляшин П. В. Вопросы квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Сиб. юрид. вестник. 2004. № 2. С. 87–90..

Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>

Трофимов В. Н. Подборка судебных решений за 2012 год. Статья 294: Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования УК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Чекмезова Е. И. Преступления против правосудия : монография. Омск : Сиб. юрид. ун-т, 2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Шиханов В. Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. М. : Волтерс Клувер, 2011. 176 с.

Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2017. Т. 28: Преступления против правосудия. 1124 с.

Яни П. Укрытие преступлений от учета : действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 10–12.

References

Anisimova I. A., Vishnivetskaya M. A. The problem of defining the concept of «another person involved in the administration of justice» in the disposition of Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of Science and Education. 2019. No. 23-1 (77). P. 64–68.

Brilliantov A.V., Kosevich N. R. The judge's desk book : a crime against justice. Moscow, 2008. 557 p.

Garmyshev Ya. V. Crime against justice : textbook. stipend. Irkutsk : Publishing House. BSU house, 2021.155 p.

Gorelik A. S., Lobanova L. V. Crimes against justice. St. Petersburg : Legal Center Press, 2005. 491 p.

Kim V. V. Criminal law support for independent and safe activities in the administration of justice : cand. legal sci. dis. Moscow, 2003. 204 p.

Kovalev M. V. The category of «obstruction» in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation // Education and Law. 2018. No. 3. P. 164–167.

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) : in 2 volumes / ed. by A. V. Brilliantov. Moscow : Prospekt, 2015. Vol. 2. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Limar A. S., Mikhailova I. A. [Peculiarities of qualification of abuse of office] // Bulletin of Belgorod. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2023. No. 2. P. 39–44.

Maltsev V. V. Responsibility for obstruction of justice and the conduct of a preliminary investigation // Legality. 1997. No. 12. P. 12–16.

Melnikov E. A. Methodological approaches to the systematization of crimes against justice // Law and management. 2025. No. 4. P. 216–222.

Melnikov E. A. Procedural criterion for the systematization of crimes against justice : encroachments on the statics and dynamics of the process. Justification of the criterion selection // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. P. 145–153.

The desktop book of a judge in criminal cases / ed. by A. I. Rarog. Moscow : Velbi : Prospekt, 2007. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by P. N. Panchenko : in 2 volumes. N. Novgorod, 1996. Vol. 2. 624 p.

Responsibility for obstruction of justice and preliminary investigation (heading «Prosecutor clarifies»). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_40/activity/legal-education/explain?item=36674345

Crimes against justice / ed. by A.V. Galakhova. Moscow : Norma, 2005. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation) : a monograph / ed. by N. A. Lopashenko, Moscow, 2023. 560 p.

Rozhnov A. P. Actual issues of the application of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation // Problems of criminal legislation. Bulletin of Volgograd State University, Ser. 5: Jurisprudence. 2012. No. 2 (17). P. 212–222.

Sirik M. S., Vasiliev A. M. On the need to improve Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Politics. 2008. No. 5. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Skakun A. I. Criminal liability for obstruction of justice and preliminary investigation : cand. legal sci. dis. Omsk, 2008. 178 p.

Teplyashin P. V. Issues of qualification of obstruction of justice and preliminary investigation // Siberian Law. the messenger. 2004. No. 2. P. 87–90.

Explanatory dictionary of the Russian language : in 4 volumes. Moscow : Soviet Encyclopedia : OGIZ, 1935-1940. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>

Trofimov V. N. A selection of court decisions for 2012. Article 294: Obstruction of justice and preliminary investigation of the Criminal Code of the Russian Federation. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Chekmezova E. I. Crimes against justice : a monograph. Omsk : Sib. jurid. University, 2024. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Shikhanov V. N. Criminal and legal characteristics of crimes against state power, interests of public service and service in local government. Moscow : Volters Kluwer, 2011. 176 p.

Encyclopedia of Criminal Law / ed. by V. B. Malinin. St. Petersburg : Interregional Institute of Economics and Law at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 2017. Vol. 28: Crimes against Justice. 1124 p.

Yani P. Hiding crimes from accounting : action or inaction? // 3 legality. 2008. No. 2. P. 10–12.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Мельников Е. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых исследований

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.04.2025

Для цитирования:

Мельников Е. А. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (статья 294 Уголовного кодекса Российской Федерации): проблемные вопросы объекта и объективной стороны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 243–252. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/243-252>

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Melnikov E. A., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Received: 03.04.2025

For citation:

Melnikov E. A. Obstruction of justice and preliminary investigation (article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and the objective side // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 243–252. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/243-252>

СОУЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И. В. Миронюк¹, С. Н. Безуглый², Е. А. Першина¹

¹*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,*
²*Институт правоведения Российского государственного гуманитарного университета*

COMPLICITY IN CRIMINAL LAW: MODERNITY AND PROSPECTS

I. V. Mironyuk¹, S. N. Bezugly², E. A. Pershina¹

¹*Belgorod State National Research University,*
²*Institute of Law of the Russian State University for the Humanities*

Аннотация: предлагается анализ норм института соучастия в отечественном уголовном законодательстве. Рассматриваются наиболее острые с точки зрения теории уголовного права и практики его применения проблемы института соучастия, а именно: полярные между собой концепции акцессорности соучастия и самостоятельной ответственности соучастников, приходящие на практике к компромиссу; вопросы квалификации соучастия со специальным субъектом преступления, в рамках которого возможно соисполнительство в отдельных случаях; требования к добровольному отказу соисполнителя преступления; вопрос о формах соучастия в части отграничения организованной группы от преступного сообщества (преступной организации) и внесенных законодателем изменений в дефиницию преступного сообщества (преступной организации); а также наметившаяся тенденция по дальнейшей криминализации новых видов организационной деятельности.

Ключевые слова: соучастие, преступление, соисполнитель, квалификация, уголовное право.

Abstract: the article offers an analysis of the norms of the institution of complicity in domestic criminal legislation. The authors of the article examine the most acute problems of the institution of complicity from the point of view of the theory of criminal law and the practice of its application, namely: polar concepts of accessory complicity and independent responsibility of accomplices, which in practice come to a compromise, issues of qualification of complicity with a special subject of a crime, within the framework of which co-perpetrator is possible in certain cases, analyzed the requirements for the voluntary refusal of a co-perpetrator of a crime, the issue of forms of complicity was considered in terms of delimiting an organized group from a criminal community (criminal organization) and changes made by the legislator to the definition of a criminal community (criminal organization) and the emerging trend towards further criminalization of new types of organizational activities.

Key words: complicity, crime, co-perpetrator, qualification, criminal law.

Соучастие в отечественном уголовном праве является одним из сложнейших институтов, нормы которого тесно взаимодействуют с положениями о субъекте преступления, вине, нормами о добровольном отказе, назначении наказания и т. д. В то же время отдельные аспекты

соучастия вызывают затруднения в ходе правоприменительной практики и оживленную научную дискуссию.

В соответствии со ст. 32 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Необходимо обратить внимание на то, что в указанной дефиниции отсутствует

упоминание о наличии признаков субъекта преступления у соучастников¹.

В определении сущности соучастия в отечественной теории уголовного права, на наш взгляд, наиболее важны концепции акцессорности соучастия и самостоятельной ответственности соучастников. Сторонники акцессорной теории соучастия полагают, что ключевую роль в соучастии играет исполнитель, и от его действий зависит ответственность организатора, подстрекателя или пособника². У акцессорной теории есть существенный недостаток: ее положения не учитывают ситуации, когда в преступлении участвует не один исполнитель. Сторонники самостоятельной ответственности соучастников утверждают, что соучастник должен нести ответственность, как индивидуально действующее лицо, при определении ответственности соучастников отсутствует жесткая зависимость между исполнителем и другими соучастниками³.

Современные уголовно-правовые нормы о соучастии сочетают в себе обе приведенные выше концепции. Центральной фигурой в соучастии является исполнитель. Без действий исполнителя соучастие невозможно. Такой подход разделяется и в судебной практике (организатора побега из-под стражи не привлекли к ответственности, так как исполнитель не имел умысла на побег)⁴. В то же время квалификация действий организатора, подстрекателя и пособника не зависит от действий исполнителя (например, истинные мотивы организатора убийства, о которых не был осведомлен исполнитель, не были учтены при квалификации исполнителю убий-

ства и его организатору)⁵. Указанные примеры из судебной практики иллюстрируют возможность констатации соучастия лишь при наличии преступного поведения исполнителя преступления и самостоятельность квалификации действий каждого из соучастников в зависимости от их вины, характера и степени участия в совместном совершении общего для них преступления⁶.

Отдельного внимания заслуживает вопрос соучастия со специальным субъектом. В соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. Уголовный закон напрямую не делает никаких исключений из данного правила. Вместе с тем судебная практика знает примеры, когда в составе преступления со специальным субъектом выполнить объективную сторону или хотя бы ее часть может неспециальный субъект. Так, субъектом преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 УК РФ, выступает не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов Правил, лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением⁷. Еще пример: действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального харак-

¹ См.: Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России : история и современность : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М. М. Сперанского / под ред. Е. Е. Тонкова и В. Ю. Туранина. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 86.

² См.: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск, 1960. Ч. 1: Понятие соучастия. С. 101–102.

³ См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 104, 126.

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 января 2016 г. по делу № 5-УД15-82.

⁵ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 августа 2016 г. по делу № 20-АПУ16-14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия : опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал рос. права. 2018. № 8 (260). С. 111.

⁷ См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 // Рос. газета. 2008. 26 дек.

тера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера⁸. Насилие или угрозу может применить к потерпевшей и лицо женского пола (выполнив часть объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ), таким образом, быть соисполнителем мужчине, который совершит половое сношение с потерпевшей.

В научной литературе сформулированы предложения по изменению ч. 4 ст. 34 УК РФ: «Лицо, не обладающее признаками социального статуса или роли, специально указанными в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя или пособника. Действия такого лица, непосредственно направленные на совершение указанного преступления, подлежат оценке как соисполнительские, если судом установлены основания для этого»⁹. По нашему мнению, подобные изменения в части включения в рассматриваемую норму «признаков социального статуса или роли...», с одной стороны, необоснованно ограничивают возможное разнообразие ситуаций соучастия со специальным субъектом и оснований, по которым лицо признается специальным субъектом преступления, с другой – дополнительно затруднят применение рассматриваемых законоположений. Полагаем, для подобных ситуаций судам необходимо исходить из того, имеется ли в диспозиции статьи уголовного закона такой признак объективной стороны состава преступления, который может быть выполнен лицом, не обладающим признаком специального субъекта (например, способ – с применением насилия или угрозы его применения, как в примере с изнасилованием). Для сложных случаев существует проверенный вариант преодо-

ления пробелов – разъяснения высшей судебной инстанции.

Еще одним проблемным вопросом института соучастия является добровольный отказ соисполнителя преступления. Общие правила для добровольного отказа законодатель закрепил в ч. 1–3 ст. 31 УК РФ. Определенные особенности для добровольного отказа организатора и подстрекателя заключаются в том, что им необходимо своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратить доведение преступления исполнителем до конца. А пособник должен предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (ч. 4 ст. 31 УК РФ). Вместе с тем, если действия организатора или подстрекателя, предусмотренные ч. 4 настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания (ч. 5 ст. 31 УК РФ). Таким образом, законодатель демонстрирует дифференцированный подход к добровольному отказу лиц в зависимости от выполняемой ими роли в процессе совершения преступления. В то же время уголовный закон не содержит каких-либо указаний относительно соисполнителя.

Проблемной видится ситуация, когда добровольно отказаться от совершения преступления решает один из соисполнителей. Если придерживаться обозначенного подхода законодателя, к соисполнителю, как наиболее опасной фигуре в соучастии, должны предъявляться требования активных действий по предотвращению совершения преступления другим исполнителем (исполнителями), если даже пособник для добровольного отказа должен сделать всё от него зависящее, чтобы предотвратить совершение преступления. Однако такой нормы в уголовном законе нет.

Интересной выглядит позиция, согласно которой требования к добровольному отказу соисполнителя зависят от того, приступил ли он сам к выполнению объективной стороны (или хотя бы ее части) или нет. При этом, если еще не приступил, то добровольный отказ возможен и путем пассивной формы (воздержания от действий). Если же приступил, то имеет значение, облегчили ли его действия доведение преступления до конца другими соисполнителями. Если нет, то достаточно также прекратить вы-

⁸ См.: О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

⁹ *Караваева Ю. С.* Соучастие специального и неспециального (общего) субъектов преступления в свете криминологического-правового подхода // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 434. С. 190.

полнение объективной стороны, если облегчили – для добровольного отказа необходимо предотвратить доведение преступления до конца другими участниками или иным образом устранить результат собственных действий (бездействия)¹⁰. Подчеркнем, что для реализации подобного подхода к определению добровольного отказа соисполнителя преступления необходима соответствующая редакция ст. 31 УК РФ.

Отдельного внимания в рамках анализа норм института соучастия заслуживает вопрос о формах соучастия. В 2009 г. законодатель изменил дефиницию преступного сообщества (преступной организации) в ч. 4. ст. 35 УК РФ¹¹. Действующая редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ определяет преступное сообщество как структурированную организованную группу или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Подобные изменения были вызваны необходимостью уйти от оценочной категории «сплоченность», которую на практике приходилось отграничивать от другого оценочного понятия «устойчивость», характеризующего организованную группу.

Вместе с тем в юридической литературе справедливо отмечается, что термин «сплоченность», который попытался детализировать законодатель в действующей редакции ч. 4 ст. 35 УК РФ, не есть «структурированность»; критических замечаний заслуживает цель совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды: для организованных групп характерна вариативность преступной деятельности и совершение любых категорий преступлений, поэтому применение указанного признака для отграничения организованной группы от преступного сообщества невозможно¹². Кроме

того, введение в уголовное законодательство понятий террористического и экстремистского сообщества разрушает понимание организованной преступности, основанное на концепции соучастия: участники экстремистского сообщества, в частности, могут преследовать политические цели (а не финансовые, как это необходимо для преступного сообщества, исходя из его дефиниции), а деяния, ими совершаемые, могут относиться к категориям небольшой и средней тяжести, например, предусмотренным п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ или ст. 148 УК РФ¹³.

В настоящее время наблюдается тенденция по дальнейшей криминализации новых видов организационной деятельности (в частности, в конце декабря 2022 г. в уголовном законе появилась ст. 281.3 УК РФ «Организация диверсионного сообщества и участие в нем»)¹⁴. Как отмечено выше, это не способствует решению уже имеющихся проблем, связанных с применением норм о формах соучастия. Помимо этого, появляются дополнительные сложности, связанные с отграничением этих форм друг от друга, вопросы о самостоятельной квалификации отдельных преступлений, совершаемых участниками рассматриваемых организованных групп и преступных сообществ. В теории уголовного права на этот счет есть предложения по декриминализации статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за организационные преступления, либо закреплению в УК РФ правила, согласно которому, если участники и организаторы преступной группы совершили преступление, ради которого такая группа создавалась, то они подлежат уголовной ответственности только за совершение этого преступления, и дополнительной квалификации за организационную деятельность не требуется¹⁵.

ступных сообществ (преступных организаций) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегород. акад. МВД России. 2013. № 21. С. 140–142.

¹³ См.: Клейменов М. П., Клейменов И. М., Козловская М. Г. Нормативный подход к организованной преступности // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 1. С. 167–177.

¹⁴ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ // Рос. газета. 2009. 6 нояб.

¹⁵ См.: Грачева Ю. В. Уголовная ответственность за организационную деятельность : прошлое, настоящее, будущее // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С. 23–33.

¹⁰ См.: Орлова А. И. Добровольный отказ от преступления : проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 147–148.

¹¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ // Рос. газета. 2009. 6 нояб.

¹² См.: Петров С. В. Современное состояние законодательного обеспечения борьбы с деятельностью пре-

Проведенный анализ может позволить решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной практике в связи с применением норм о соучастии в преступлении.

Библиографический список

Грачева Ю. В. Уголовная ответственность за организационную деятельность : прошлое, настоящее, будущее // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С. 23–33.

Каравалева Ю. С. Соучастие специального и неспециального (общего) субъектов преступления в свете криминологического-правового подхода // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 434. С. 187–192.

Клейменов М. П., Клейменов И. М., Козловская М. Г. Нормативный подход к организованной преступности // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 1. С. 167–177.

Ковалев М. И. Соучастие в преступлении / под ред. М. А. Ефимова. Свердловск, 1960. Ч. 1: Понятие соучастия. 288 с.

Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России : история и современность : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М. М. Сперанского / под ред. Е. Е. Тонкова и В. Ю. Туранина. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 84–86.

Орлова А. И. Добровольный отказ от преступления : проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 197 с.

Петров С. В. Современное состояние законодательного обеспечения борьбы с деятельностью преступных сообществ (преступных организаций) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегород. акад. МВД России. 2013. № 21. С. 140–142.

Пудовочкин Ю. Е. Концепция соучастия : опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал рос. права. 2018. № 8 (260). С. 102–112.

Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. 158 с.

References

Gracheva Yu. V. Criminal responsibility for organizational activities : past, present, future // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2018. No. 12 (52). P. 23–33.

Karavaeva Yu. S. Complicity of special and non-special (general) subjects of crime in the light of the criminal law approach // Bulletin of the Tomsk State University. 2018. No. 434. P. 187–192.

Kleimenov M. P., Kleimenov I. M., Kozlovskaya M. G. A normative approach to organized crime // OmSU Bulletin. Series: Law. 2019. Vol. 16, No. 1. P. 167–177.

Kovalev M. I. Complicity in crime / ed. by M. A. Efimov. Sverdlovsk, 1960. Part 1: The concept of complicity. 288 p.

Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. The quality of the Criminal Code of the Russian Federation and the prospects for its improvement // Actual problems of state and legal transformations in Russia : history and modernity : collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 250th anniversary of the birth of the outstanding statesman, reformer and scientist M. M. Speransky / ed. by E. E. Tonkov and V. Y. Turanin. Belgorod : Publishing house «BelSU» NRU «BelSU», 2022. P. 84–86.

Orlova A. I. Voluntary renunciation of crime : problems of theory and practice : cand. legal sci. dis. Krasnoyarsk, 2007. 197 p.

Petrov S. V. The current state of legislative support for combating the activities of criminal communities (criminal organizations) // Legal science and practice : Bulletin of Nizhny Novgorod. akad. The Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 21. P. 140–142.

Pudovochkin Yu. E. The concept of complicity : the experience of theoretical development and normative consolidation // Journal of Russian Law. 2018. No. 8 (260). P. 102–112.

Trainin A. N. The doctrine of complicity. Moscow, 1941. 158 p.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Миронюк И. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса

E-mail: mironyuk@bsu.edu.ru

Belgorod State National Research University
Mironyuk I. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
E-mail: mironyuk@bsu.edu.ru

Институт правоведения Российского государственного гуманитарного университета

Безуглый С. Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичной власти и правового положения личности, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук

E-mail: bezugly.sn@rggu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Першина Е. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса

E-mail: kupryashina@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию: 28.02.2024

Для цитирования:

Миронюк И. В., Безуглый С. Н., Першина Е. А. Соучастие в уголовном праве: современность и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/253-258>

Institute of Jurisprudence of Russian State University for the Humanities

Bezugly S. N., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Authority and the Legal Status of the Individual, Senior Researcher of the Science Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences

E-mail: bezugly.sn@rggu.ru

Belgorod State National Research University

Pershina E. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure

E-mail: kupryashina@bsu.edu.ru

Received: 28.02.2024

For citation:

Mironyuk I. V., Bezugly S. N., Pershina E. A. Complicity in criminal law: modernity and prospects // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/253-258>

ВВЕДЕНИЕ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАТЕГОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА: ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. И. Титов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ADDING THE MISDEMEANOUR CATEGORY TO RUSSIAN CRIME LEGISLATION: WAYS AND PROSPECTS

V. I. Titov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: статья посвящена анализу основных принципов и способов введения в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка, а также затрагиваемых институтов уголовного и уголовно-процессуального права России, нуждающихся в связи с этим в дополнении и изменении.

Ключевые слова: уголовный проступок, уголовное право, уголовно-процессуальное право.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the main principles and methods of adding the misdemeanor category to Russian crime legislation, and the affected institutions of crime law and criminal procedure law also needed to be supplemented and amended in this regard.

Key words: misdemeanor, crime law, criminal procedure law.

Процесс введения в законодательство РФ категории уголовного проступка имеет несколько вариантов, но необходима выработка общих принципов проведения реформы.

Составы для формирования категории проступка должны быть отобраны вручную. Опыт ФРГ и Французской Республики показывает, что подобные изменения должны либо сопровождаться корректированием санкций, либо принятием нового уголовного закона. Одновременно существует негативный опыт Верховного Суда, предлагавшего автоматический перенос деяний в качестве основного инструмента наполнения проступков, что активно критиковали и ученые-криминалисты, и Правительство РФ, поскольку это привело бы к включению в данную категорию деяний со спорной низкой общественной опасностью¹. В даль-

нейшем Верховный Суд РФ предлагал применить точечный перевод конкретных составов из Особенной части Уголовного кодекса РФ в уголовные проступки, но инструмент остался вспомогательным, и большую часть категории уголовного проступка всё равно предлагалось наполнить, применив автоматический перенос по принципу наказуемости². Для эффективного введения уголовного проступка в УК РФ уголовный закон нуждается в переработке Особенной части, чтобы подогнать санкции соответствующих составов под критерии отнесения деяния к

ской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», утв. постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 // Официальный сайт ВС РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/24308/>

² См.: Пункт 1 ст. 1 проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», утв. постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 // Официальный сайт ВС РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/24308/>

¹ См.: Пункт 1 ст. 1 проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Россий-

© Титов В. И., 2025

уголовным проступкам, содержащие сущностную (зависимость от степени опасности деяния) и формальную (зависимость от предполагаемой санкции) характеристики. Возможно принятие нового УК РФ, что потребует бóльшей работы, но позволит снизить риск возникновения коллизий в смежных институтах общей части уголовного права.

Уголовный проступок должен заменить собой преступления небольшой и средней тяжести. Уголовное законодательство располагает достаточным (а по мнению некоторых исследователей, даже избыточным³) количеством инструментов для смягчения последствий для лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести и проявляющих одобряемое поведение, поэтому нет необходимости в уголовном проступке как более мягкой категории преступлений либо отличном от преступлений виде уголовного правонарушения.

Наиболее популярной концепцией уголовного проступка является его полное отделение от преступления при существовании с выделением общей категории уголовного правонарушения, однако в условиях современных российских реалий, когда уголовное законодательство не может позволить себе глубинных революционных преобразований, предложенный подход является наиболее оптимальным, нежели идея разведения проступка и преступления, которая потребует принятия нового уголовного закона целиком.

Полный отказ от категоризации преступлений в уголовном законодательстве РФ пока невозможен ввиду излишней радикальности этого шага и наличия институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания, базирующихся на категориях преступлений. Логично будет разделить преступления на особо тяжкие, тяжкие и уголовные проступки.

Введение уголовного проступка должно служить гуманизации уголовной политики. Любой уголовный проступок должен быть таковым в силу установления закона, а не решения правоохранительных и судебных органов, которое касается только конкретного случая.

Совершение уголовного проступка не должно влечь судимость правонарушителя. Институт судимости заключается в официальном наложе-

нии на лицо, закончившее отбывать наказание, ряда негативных ограничений, а также влияет на многие сферы жизни человека, в том числе связанные с трудоустройством и межличностными отношениями. Это способствует стигматизации всех лиц, осужденных за совершение каких бы то ни было преступлений. Социализация, через которую проходят люди в местах лишения свободы, негативные официальные последствия и боязливое отношение к ним других членов общества укореняют в сознании человека отношение к самому себе как к неисправимому преступнику и повышают риск рецидива. Институт судимости не должен распространять свое действие на лиц, совершивших уголовные проступки. Законодательством должны быть предусмотрены смягченные последствия совершения уголовного правонарушения, что положительно скажется на восприятии правонарушителя как обществом, так и самим собой. Вместе с тем следует предусмотреть понятие повторности. Правонарушитель, совершивший проступок, должен иметь шанс исправиться, но система также нуждается в механизме привлечения к более серьезной ответственности в случае совершения нового проступка – наказуемости уголовного проступка, совершенного в течение определенного срока после принятия судом решения в связи с совершением предыдущего. Кроме того, необходимо дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ новым обстоятельством, отягчающим наказание, – совершение преступления в упомянутый период.

Совершение уголовного проступка впервые не должно влечь за собой наказание, поскольку представляется возможным ограничиться освобождением от уголовной ответственности с одновременным применением альтернативных негативных мер к правонарушителю. Представляется возможным позаимствовать предложение ВС РФ по освобождению совершивших уголовный проступок впервые от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, общественных работ или ограниченно оплачиваемых работ. Последние представляют собой аналоги обязательных работ и исправительных работ, укороченные вдвое – от 30 до 240 часов и от 1 месяца до 1 года соответственно.

Сущностное сходство этих мер и названных видов наказания также критикуется некоторыми учеными, поскольку это, по их мнению, противоречит отношению к уголовному проступку

³ См.: Капинус О. С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка : критический анализ // Рос. юстиция. 2021. № 3. С. 25–29.

как к менее опасному деянию⁴. С этой точкой зрения нельзя согласиться в полной мере – сроки предлагаемых мер сокращены вдвое, а учитывать при сравнении следует не только качественный аспект меры государственного принуждения, но и количественный. Кроме того, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях также знает несколько административных наказаний, которые существенно похожи на уголовные (административный штраф, дисквалификация, обязательные работы).

Освобождение лица, совершившего проступок, от уголовной ответственности может привести к злоупотреблениям и систематическому совершению уголовных проступков. Для избежания этого представляется разумным применение к лицу, повторно совершившему уголовный проступок, наказания, как это реализовано во Французской Республике. Таким образом, под совершением уголовного проступка впервые должно пониматься отсутствие у нарушителя неснятой или непогашенной судимости, а также факта освобождения от уголовной ответственности за совершение уголовного проступка в течение предшествующего совершению этого деяния одного года.

Нельзя также игнорировать существующие составы преступлений с административной преюдицией, которые считаются уголовно наказуемыми только в случае совершения соответствующего деяния в течение года после привлечения к административной ответственности за предыдущее аналогичное деяние (ст. 116.1, 151.1, 171.4 УК РФ и др.). Перенос таких составов в категорию уголовного проступка приведет к появлению своеобразной лестницы деяний, без прохождения которой не может быть назначено наказание – сперва правонарушителя необходимо будет привлечь к административной ответственности, затем (в случае повторного нарушения в течение года) освободить от уголовной ответственности за совершение проступка и только потом (опять же в случае повторного нарушения в течение года) – к уголовной ответственности за совершение повторного уголовного проступка.

Об опасности человека для общества можно судить уже по второму противоправному деянию, а потому необходимо сделать из этой трех-

ступенчатой лестницы двухступенчатую, криминализовав соответствующие административные правонарушения и перенеся их в категорию уголовных проступков. Механизма назначения уголовного наказания за совершение повторного проступка будет хорошим аналогом административной преюдиции.

Поскольку для наполнения категории уголовного проступка предполагается объединить преступления небольшой и средней тяжести, актуальным также становится вопрос о сроках давности, которые предлагается усреднить до четырех лет.

Существуют две модели уголовного проступка, на которые можно ориентироваться при введении в УК РФ и которые предусматривают одинаковую сущностную характеристику уголовного проступка.

Французская модель строится на идее *уникальных видов наказания*, назначаемых за совершение разных уголовных правонарушений.

Разделять эти две большие группы видов наказания, называя одну из них уголовными, в настоящее время представляется невозможным, равно как и устанавливать, что преступления караются наказаниями, а уголовные проступки – иными мерами государственного принуждения, имеющими отличное наименование. В таком случае УК РФ станет Кодексом о публичных правонарушениях, и тогда придется пересматривать всю концепцию материального административного права, которое сольется с нынешним уголовным в единую отрасль.

Это коррелирует с позицией некоторых ученых-административистов, которые выступают за «очищение» административного права от составов деяний, представляющих собой мягкие аналоги преступлений, оставив в КоАП РФ только те составы, объект посягательства которых связан с общественными отношениями в сфере исполнительно-распорядительной деятельности, что будет соответствовать государственно-управленческой природе назначения административной ответственности⁵. Однако это будет требовать достаточного времени и полного переосмысления обеих отраслей права, выделения новых принципов и четкого разграничения отношения законодателя и правоохранитель-

⁴ См.: *Щербаков А. Д.* Уголовный проступок : никто к ветхой одежде не приставляет заплату из небеленой ткани // Рос. следователь. 2021. № 5. С. 69–72.

⁵ См.: *Агеев А. А.* О необходимости введения понятия «уголовный проступок» // Человек : преступление и наказание. 2015. № 3. С. 128–129.

ных органов к разным видам публичных правонарушений.

Таким образом, в настоящих условиях пока представляется более рациональным разделить все виды наказаний на наказания, назначаемые лицам, совершившим преступление и совершившим уголовный проступок.

Так как дифференциация преступлений и уголовных проступков в рамках французской модели проходит на основе разных видов наказаний, будет логично предположить, что в этих деяниях будет удобнее ориентироваться, если Особенная часть Уголовного кодекса РФ будет переработана и поделена на два раздела – «Преступления» и «Уголовные проступки». Такой подход встретит одобрение обывателей и практикующих юристов за счет более четкого разделения этих двух видов уголовного правонарушения. Однако подобная структура Особенной части УК РФ – далеко не идеальный вариант, поскольку она неизбежно породит как идеологические, так и юридико-технические проблемы. Во-первых, такое построение Особенной части УК РФ разрушит выстроенную лестницу объектов уголовно-правовой охраны, на вершине которой – человек, его права и основные свободы. Скорее всего, в категорию уголовного проступка попадут составы, в настоящее время находящиеся в разных разделах Особенной части УК РФ. Во-вторых, установление преступности повторного совершения уголовного проступка потребует добавления в Особенную часть соответствующих санкций, что потребует продублировать составы из раздела «Уголовные проступки» в раздел «Преступления» и приведет к искусственному и значительному увеличению объемов УК РФ.

Таким образом, французская модель может похвастаться своей простотой и понятностью, а ее бескомпромиссность может быть исправлена некоторыми инструментами. Однако в то же время она идет вразрез с некоторыми традициями российского уголовного права последних нескольких десятилетий, которым потребуются пересмотр.

Вторая модель, которую условно можно назвать *немецкой*, базируется на том, что с формальной точки зрения преступления и уголовные проступки различаются *допустимыми видами наказания*, которые назначаются за их совершение.

В основу данной модели положен тезис о том, что наказание всегда конкретно и неразрывно

связано с совершенным уголовным правонарушением, а потому наиболее полное представление о любом виде наказания можно получить, не только проникнув в самую сущность ограничений, с которыми оно связано, но и изучив соответствующие нормы Общей части, которые устанавливают ограничения, связанные с назначением наказания определенным лицам и его предельными сроками, а также нормы Особенной части, устанавливающие сроки отбывания наказания за совершение конкретных деяний.

Такой подход вкуче с переработанными санкциями Особенной части УК РФ будет способствовать более мягкому отношению к уголовным проступкам.

Структура Особенной части УК РФ в рамках описанной модели, на наш взгляд, не подлежит изменению, т. е. деление на главы и разделы будет зависеть в первую очередь от основного объекта посягательства уголовных правонарушений, а не от их сущности (являются ли они преступлениями или уголовными проступками). Таким образом, оба вида уголовных правонарушений будут перемешаны по всей Особенной части УК РФ.

Такой подход к ее построению имеет очевидные недостатки. Во-первых, при поверхностном бытовом анализе будет сложно судить о том, какие уголовные правонарушения являются преступлениями, а какие – уголовными проступками, и об их примерном соотношении. Во-вторых (и это проблема уже более высокого порядка), нахождение составов проступков среди преступных не способствует продвижению идеи о том, что эти два вида правонарушений заслуживают разного к себе отношения.

В то же время нельзя сказать, что у подобной структуры Особенной части нет своих достоинств, которые нельзя игнорировать. Во-первых, она является более привычной как для обывателей, так и для практикующих юристов, оставаясь неизменной последние несколько десятилетий. Во-вторых, такая структура означает, что механизм становления квалифицированных составов уголовных проступков (то же касается повторных деяний) преступными будет гораздо проще: достаточно будет указать его санкцию в соответствующей части (пункте) статьи Особенной части; таким образом, одна такая статья может содержать информацию как об основных составах проступков, так и о тех его квалифицированных видах, которые являются достаточно обществен-

но опасными, чтобы считаться преступлениями – эта информация будет заложена в соответствующих санкциях. В-третьих, подобная структура позволит сохранить традиционный принцип построения Особенной части УК РФ, в соответствии с которым она представляет собой лестницу охраняемых уголовным законом объектов, отражающую в себе приоритеты демократического правового государства Российская Федерация, которая высшей ценностью признает человека, а также его права и свободы.

Таким образом, немецкая модель является более приспособленной к применению более гибких инструментов юридической техники, помимо прочего, более близкой к современной российской модели в вопросах структуры Особенной части Уголовного кодекса.

Переходя к процессуальным аспектам обсуждаемой проблемы, мы считаем, что необходим отказ от применения в отношении лица, совершившего уголовный проступок, меры пресечения в виде заключения под стражу. Соответствующие дела должны рассматриваться мировыми судьями. С одной стороны, важно подчеркнуть меньшую опасность проступков для общества, но с другой – заседания, связанные с рассмотрением таких дел, не должны становиться излишне быстрыми.

Можно утверждать, что успех реформы уголовно-процессуального законодательства будет зависеть не только от качественного формулирования правовых норм, но и от отношения судей, которые должны будут проявить весь свой профессионализм, чтобы российская судебная практика не столкнулась с американскими проблемами.

Кроме того, с темой уголовного проступка тесно связан вопрос медиации. Прежде всего, для возможности применения данной процедуры на правоотношения, складывающиеся в связи с совершением проступка, необходимо внесение изменений в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», распространяющий свое действие только на споры, возникающие из гражданских, административных и иных публичных правоотношений (при указании на то в законе), в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споры, возникающие из трудовых правоотношений и семейных право-

отношений⁶. При внедрении данной процедуры в производство по уголовным делам о проступках также стоит учесть, что она не может быть обязательной ввиду одного из фундаментальных принципов медиативного урегулирования споров – добровольности с обеих сторон конфликта (к тому же эффективно применяться медиация может только в случае спора между нарушителем и потерпевшим – физическими лицами). Учитывая, что предлагаемая нами модель уголовного проступка предусматривает освобождение от уголовной ответственности, если деяние совершено впервые, а также обязательное возмещение вреда потерпевшему, применение медиации в данном случае будет выступать не столько как форма проявления восстановительного правосудия или инструмент, препятствующий стигматизации правонарушителя, но больше как второстепенная и необязательная процедура, способствующая разрешению конфликта на межличностном уровне.

Таким образом, реформа по введению категории уголовного проступка, которая, казалось бы, должна затронуть только УК РФ и свести к минимуму свое влияние на УПК РФ (как предлагалось в законопроектах Верховного Суда РФ), может дать мощный импульс к переосмыслению некоторых институтов российского уголовного процесса и его усовершенствованию в целом. Считаем, что проведение реформы уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствии с предложенными нами положениями, будет способствовать не только гуманизации уголовной политики государства, но и разрешению некоторых насущных проблем, выделенных на доктринальном уровне.

Библиографический список

Агеев А. А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» // Человек : преступление и наказание. 2015. № 3. С. 128–129.

Капинус О. С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка : критический анализ // Рос. юстиция. 2021. № 3. С. 25–29.

⁶ См.: Части 2–3 ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019 ФЗ № 193-ФЗ) // Рос. газета. 2010. № 168.

Щербаков А. Д. Уголовный проступок : никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани // Рос. следователь. 2021. № 5. С. 69–72.

References

Ageev A. A. On the need to introduce the concept of «criminal offense» // Man : crime and punishment. 2015. No. 3. P. 128–129.

Kapinus O. S. Legislative initiatives on the regulation of criminal misconduct in the Criminal Code of the Russian Federation : a critical analysis // Russian Justice. 2021. No. 3. P. 25–29.

Shcherbakov A. D. Criminal offense : no one puts patches of unbleached cloth on old clothes // Russian investigator. 2021. No. 5. P. 69–72.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Титов В. И., аспирант, помощник судьи Преображенского районного суда города Москвы, советник юстиции 3-го класса

E-mail: amdv.96@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2025

Для цитирования:

Титов В. И. Введение в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка: пути и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 259–264. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/259-264>

National Research University «Higher School of Economics»

Titov V. I., Post-graduate Student, Judge Assistant of the Preobrazhensky District Court of Moscow, 3rd class counselor of justice

E-mail: amdv.96@yandex.ru

Received: 10.09.2025

For citation:

Titov V. I. Adding the misdemeanour category to Russian crime legislation: ways and prospects // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 259–264. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/259-264>

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ МИГРАНТОВ КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

В. М. Яковлева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORGANIZED CRIME OF MIGRANTS AS A NEW SECURITY CHALLENGE IN EUROPE AND AMERICA

V. M. Yakovleva

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: рассматриваются причины и условия формирования организованной преступности мигрантов, анализируется ситуация с нелегальной миграцией в странах Запада, приводятся предложения по противодействию данному виду преступности с учетом особенностей международного и национального законодательства. Отмечается рост организованной преступности мигрантов, указываются причины формирования данного вида преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, миграция, нелегальная миграция, преступность мигрантов.

Abstract: the article examines the causes and conditions of the formation of organized crime among migrants, analyzes the situation with illegal migration in Western countries, and provides proposals for countering this type of crime, taking into account the specifics of international and national legislation. There is an increase in organized crime among migrants, and the reasons for the formation of this type of crime are indicated.

Key words: organized crime, migration, illegal migration, migrant crime.

Вопрос незаконной миграции как обратной стороны легальных миграционных процессов неразрывно связан с экономической и политической ситуацией в мире. Являясь, по сути, неотъемлемой частью развития государств, миграция может нести в себе не только положительные черты, но и создавать реальную угрозу безопасности, которая в последние десятилетия всё чаще становится проблемой на международном уровне.

Мигранты, являясь лицами, не относящимися к гражданству той страны, куда они въехали, могут оставаться на территории государства по различным причинам и основаниям как законным, так и незаконным. Последствия нелегального пребывания на территории страны уже давно обозначены криминологами – это развитие преступности, появление преступных

сообществ, сформированных по этническому признаку, повышение уровня преступности в отдельных сферах, которые делят между собой выходцы из разных регионов, нарастание межнациональной и межрасовой вражды с коренным населением принимающей страны, и т. д.

Миграционный кризис, который накрыл Европу в 2015 г., стал следствием несовершенного миграционного законодательства, а также широкого толкования права человека на свободное перемещение и пересечение границ других государств. Ослабление позиций национального законодательства многих ведущих стран ЕС способствовало тому, что огромные потоки мигрантов в поисках лучшей жизни отправились в Европу. Увеличение миграционных потоков привело к тому, что мигранты стали дешевой рабочей силой, готовой на любые условия, лишь бы остаться в стране пребывания. Опасность нелегальных мигрантов заключается еще и в том, что,

не имея возможности трудоустроиться на официальные рабочие места, многие стали выбирать более легкий путь для заработка – криминал¹.

Объединяясь в преступные группы по национальному или этническому признаку, мигранты становятся серьезной угрозой для безопасности государства, что много раз подчеркивали не только исследователи, но и официальные лица стран Евросоюза².

Поскольку нелегальная миграция имеет явную теневую направленность и плохо регулируется законодательством, транснациональные преступные группы быстро взяли под свой контроль большую часть процессов, связанных с перемещением людей через границы государств, поскольку эта деятельность приносит колоссальную прибыль. И речь здесь идет не только о получении денег непосредственно за перевозку и устройство мигрантов на новом месте, но и вовлечение их в занятие такими видами преступной деятельности, как общая криминальная направленность, наркоторговля, работоторговля, секс-индустрия, террористическая деятельность, торговля оружием и т. д.

Один из наиболее интенсивных каналов перевозки мигрантов проходит через границу Белоруссии, где регулярно обнаруживают попытки нелегалов из Азии и Африки попасть на территорию ЕС через Литву и Польшу. Пути проникновения мигрантов через границу постоянно меняются, власти не всегда могут отследить перемещение нелегалов. Их маскируют в машинах и автобусах, а количество лиц, вовлеченных в цепочку перевозок, достаточно велико. И большая их часть – также мигранты из разных стран, которые сделали эту деятельность своим источником дохода.

Например, в августе 2021 г. в Литве был осужден гражданин Узбекистана, который решил «подзаработать» тем, что перевозил нелегалов через литовско-белорусскую границу. Гражданин Узбекистана находился в Литве на законных основаниях, имел рабочую визу, что помогало ему беспрепятственно перемещаться по стране. Чуть позже в той же Литве задержали

членов организованной преступной группы, состоящей из выходцев из Польши, Азербайджана, Грузии и Ирака. Преступная группа в течение нескольких лет занималась перевозкой нелегалов на автомобилях, зарегистрированных в Польше и Российской Федерации³.

Активная деятельность организованных преступных групп мигрантов на границе Латвии привела к тому, что в сентябре 2025 г. ужесточены меры миграционного контроля, которые действуют в отношении граждан, прибывающих из стран вне Евросоюза. Согласно новым правилам, лицо, въехавшее в страну, обязано в течение двух суток заполнить онлайн-анкету, в которой указываются цели визита, срок пребывания, маршрут передвижения внутри страны, а также адрес места жительства на эти сроки. Отсутствие заполненной анкеты может повлечь штраф в размере до 2 тысяч евро⁴.

В Европе уже открыто говорят о том, что нелегальная миграция оказалась в руках криминального мира, а перевозки мигрантов поставлены на поток. Большинство лиц, которые были арестованы в связи с помощью нелегальным мигрантам, сами являются мигрантами; членами преступных групп также могут являться и граждане стран Евросоюза. Это вызывает глубокую озабоченность у политиков и правоохранительных органов, которые не могут выйти на организаторов и руководителей преступных групп, перевозящих мигрантов из Сирии, Ирана, Ирака, Афганистана и других стран. Мигрантов перевозят в специальных автобусах, которые оборудованы таким образом, чтобы маскировать нахождение там людей. Известно, что поиск лиц, желающих переехать таким образом в Европу, проводят через рекламные объявления о туристических турах, работе и найме жилья. Стоимость одной такой путевки составляет от 10 до 20 тыс. долларов⁵.

³ См.: *Веретенников В.* Обращайте проводника : криминал помогает беженцам пробраться в Евросоюз // Известия. 2021. URL: <https://iz.ru/1248342/vladimir-veretennikov/obrashchaite-provodnika-kriminal-pomogaet-bezhentcam-probratsia-v-evrosoiuz>

⁴ См.: *Хасанов Р.* Латвия с сентября ужесточит правила въезда для россиян и других иностранцев // Аргументы и факты. 2025. URL: <https://aif.ru/politics/latviya-s-sentyabrya-uzhestochit-pravila-vezda-dlya-rossiyan-i-drugih-inostrancev>

⁵ См.: *Die meisten Schleuser leben in Deutschland.* URL: <https://www.n-tv.de/politik/Die-meisten-Schleuser-leben-in-Deutschland-article22922850.html>

¹ См.: *Ястребова А. Ю.* Международно-правовые механизмы регулирования миграции : доктринальные подходы и опыт Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 34.

² См.: Венгрия отказалась следовать новой миграционной политике Евросоюза. URL: <https://iz.ru/1623622/2023-12-20/vengriia-otkazalas-sledovat-novoi-migratsionnoi-politike-evrosoiuz>

Неконтролируемые потоки мигрантов создают в стране приема социальные проблемы, расшатывают экономическое положение, поскольку возрастают расходы бюджета на содержание мигрантов, социальную и культурную адаптацию и т. д. По данным исследователей, только в период 2014–2020 гг. на организацию миграционных потоков было потрачено более 13 млрд евро⁶. Несложно представить, какой оборот может создавать теневой рынок нелегальной миграции и насколько могущественными могут быть организованные преступные группы, формирующиеся по этническому принципу.

По данным ООН, в 2016 г., на пике миграционного кризиса в страны Европы переселилось более 850 тыс. человек из стран Восточной Азии, Восточной Европы, Африки. Среди местного населения начались недовольство и протесты, перетекавшие в стычки с мигрантами. Многие страны были вынуждены вносить изменения в национальное законодательство, регулирующие вопросы миграции. Например, Швеция прекратила режим «свободных границ» с Данией, введя паспортный контроль и жесткий досмотр транспортных средств. Дания, в свою очередь, восстановила контрольно-пропускные пункты на границе с Германией. Это вызвало негативную реакцию не только у местного населения, которое оказалось не готовым к таким резким переменам в вопросах перемещения между странами, но и, естественно, среди мигрантов, которые застряли на границе. Начались стычки с местным населением и полицией, которые в ряде случаев перетекали в неприкрытое преступное поведение: мигранты начали грабить местных жителей, нападать и насиловать женщин, число пострадавших от сексуального насилия за месяц дошло до 600 человек (те, кто обратился за помощью в правоохранительные органы)⁷. Волна преступности и насилия со стороны мигрантов поднялась по всей Европе. Нелегалы стали совершать кражи и грабежи, насиловать женщин, а в Швеции было совершено два убийства.

Западные криминологи отмечают, что большую часть преступлений в странах Европы со-

вершают лица без гражданства и иностранные граждане, что обусловлено низким социальным положением приезжих, отсутствием должного уровня правовой культуры и образования, а также стремлением получить деньги и прочие блага более простым путем⁸. Большинство европейских стран отмечают статистику увеличения количества преступлений мигрантами и организованными преступными группами мигрантов по сравнению с количеством преступлений, совершаемых местным населением. Основные виды преступлений – это кражи, разбои, грабежи, незаконный оборот наркотических средств, незаконная торговля оружием, изнасилования, массовые беспорядки, организация незаконной миграции. При этом уровень латентности преступлений, совершаемых незаконными мигрантами, по данным института М. Бланка, составляет почти 90 %, что является беспрецедентным значением для европейских стран⁹.

Крайне остро проблема нелегальной миграции стоит на границе Европейского союза с Грузией. После того, как в 2017 г. был отменен визовый режим с Грузией, в Европу хлынули потоки мигрантов, желающих найти хорошо оплачиваемую работу. По данным миграционной статистики ЕС, из 300 тысяч человек, въехавших в страны Европы из Грузии, почти 70 тысяч не вернулись обратно, а большая часть осталась в Германии и Греции.

Наибольшие опасения в Евросоюзе вызвало то, что вместе с трудовыми мигрантами и туристами в страны ЕС активно поехали и лица, связанные с криминалом. Активную роль начали играть организованные преступные группы, сформированные из представителей местного криминалитета и этнических грузин. Французские правоохранительные органы отмечали, что грузинские организованные группы достаточно быстро вытеснили местные группировки (в большей части состоящие из представителей албанской мафии), взяли под контроль порты и пути перевозки контрабандных товаров. После Франции влияние грузинских ОПГ перешло в Испанию, Грецию и Германию, а количе-

⁶ См.: С преступниками – бороться, мигрантов – защищать // Сеть ООН по вопросам миграции. URL: <https://migrationnetwork.un.org/ru/statements/countering-criminals-protecting-migrants>

⁷ См.: Борисов Т. Нападения мигрантов на женщин в Кельне стали шоком для немцев // Рос. газета. 2016. № 5 (6873). URL: <https://rg.ru/2016/01/14/germaniya.html>

⁸ См.: Исаева М. Х. Международно-правовые аспекты сотрудничества государств по борьбе с незаконной перевозкой мигрантов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 192 с.

⁹ См.: Багреева Е. Г. Компаративный анализ актуальных тенденций преступности в европейских странах // Евразийская адвокатура. 2024. № 3 (68). С. 70–73.

ство преступлений, совершаемых грузинскими мигрантами в составе организованных преступных групп, возросло в несколько раз¹⁰.

Грузинские мигранты составляют один из наиболее распространенных этносов, формирующих организованные преступные группы в южных странах Европы. Эти группы очень мобильны, хорошо организованы, специализируются на мошенничестве, контрабанде, вымогательстве, способствуют организации незаконной миграции и наносят серьезный ущерб безопасности стран Евросоюза¹¹. Организованные преступные группы мигрантов выходят на уровень транснациональной преступности, объединяясь и сотрудничая с ОПГ из других стран (Китай, Индонезия, страны Африки).

В настоящее время наблюдаются сращивание преступности нелегальных мигрантов с организованной преступностью и переход ее в транснациональную преступность, поскольку мигранты, расселяясь по разным странам Европы, а также Америки (в США и Канаду), сохраняют между собой связь, поддерживают коммуникацию и держат свои группы закрытыми от влияния культуры и общественных ценностей страны-реципиента.

Различия в культурных, религиозных и социальных взглядах на жизнь приводят к тому, что незаконные мигранты не ассимилируются с европейским населением, не перенимают западные ценности, а остаются в рамках своей культуры, которую они защищают более агрессивно, чем западные люди. Многие мигранты из стран Востока и Азии исповедуют ислам и часто становятся приверженцами радикальных его форм, что приводит к готовности совершать террористические акты, религиозно окрашенные атаки на местное население, а любые попытки удерживать их в рамках закона воспринимаются как посягательство на свободу вероисповедания.

Не менее сложной является ситуация с преступностью мигрантов и в США, где уровень на-

силственных преступлений всегда был достаточно высок, однако в последние годы выросло количество преступлений, совершаемых нелегалами, в первую очередь приезжающими из стран Латинской Америки. В США и Канаде, по данным статистических исследований, представители этнических преступных групп и диаспор причастны к 80 % преступлений против половой неприкосновенности, 85 % корыстно-насильственных преступлений, 80 % преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия¹². В последнее время идет активная работа по ужесточению законодательства, тысячи мигрантов выселены из страны, вносятся изменения в национальное законодательство, поскольку правовых актов международного уровня, которые бы регулировали вопросы противодействия нелегальной миграции и организованной преступности мигрантов, не существует.

Развитие процессов международной интеграции создало условия для развития организованной преступности, расширения сфер влияния преступных групп и сообществ, упрочнения международных криминальных связей и контактов как между рядовыми участниками криминальной среды, так и лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии. Наиболее активно процесс глобализации и превращения преступности в транснациональную начался с развития таких криминальных рынков, как торговля наркотиками, оружием, людьми, сексуальная индустрия, легализация доходов, добытых преступным путем, поскольку эти направления уже существовали и именно выход на международный уровень позволил криминалитету существенно повысить доходы от преступной деятельности¹³.

Незаконная миграция является проблемой международного характера, которая тесно связана с организованной преступностью и ростом количества преступлений. Нелегальные мигранты становятся основой для развития транснациональной преступности, формируя при этом и свой собственный пласт преступности, которая обретает особые характеристики и развивается с учетом влияния общей криминальной ситуации в мире и отдельных регионах.

¹² См.: *Мюррей Т.* Реальна ли этническая преступность? URL: <http://canadafreepress.com/index.php/article/1697>

¹³ См.: Основы борьбы с организованной преступностью / ред. В. С. Овчинский, В. Е. Эминов, Н. П. Яблоков. М., 1996. С. 18–51.

¹⁰ См.: *Одинцов В.* Грузинские ОПГ активно захватывают Европу // *Neo*. 2019. URL: <https://journal-neo.su/ru/2019/09/15/gruzinskie-opg-aktivno-zahvaty-vayut-evropu/>

¹¹ См.: Fifth report on EU visa-free regime Western Balkans Eastern Partnership countries // Официальный сайт Еврокомиссии. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/fifth-report-eu-visa-free-regime-western-balkans-eastern-partnership-countries_en?fbclid=IwAR14_zYetTaYc_-tHwh3u3ibyrasPcSfYXNghJ6PwvsTd0dE5MdX8Rpy1fpw

Следует учитывать, что незаконная миграция в целом контролируется организованной преступностью, поскольку является источником колоссального дохода, занимая третье место по прибыльности после торговли наркотиками и оружием¹⁴. Организация незаконной миграции создает предпосылки для того, чтобы нелегалы, попав в страну назначения, оказались в криминальной среде, поскольку многие вынуждены «отрабатывать» стоимость их перевозки, оформления документов и размещения на месте. Способы «отработки» могут быть разнообразными: от проституции до наркокурьерства¹⁵.

Технический прогресс, развитие технологий, электроники и оружия позволяют преступным группам охватывать большие территории, осваивать новые направления криминальной деятельности, а увеличивающиеся миграционные потоки помогают вовлекать в свои сети всё большее количество новых членов, что только усиливает влияние преступных групп.

Исследователи отмечают, что преступность мигрантов охватывает все основные виды преступной деятельности, от которой можно получить доход: это торговля наркотиками, оружием, организация незаконной миграции, торговля людьми, экономические преступления, преступления в сфере кибербезопасности, терроризм, экстремизм¹⁶.

Учитывая транснациональный характер, следует выделить основные направления противодействия организованной преступности мигрантов. Опорой для этого могут стать следующие меры:

- усиление межгосударственного сотрудничества по вопросам борьбы с преступностью мигрантов, приоритет международной работы над национальной;

- усиление взаимодействия между правоохранительными органами разных государств, в том числе через передачу разведывательной информации и сведений о лицах, которые мо-

гут являться членами организованных преступных групп;

- направление особого внимания на разрушение криминальных рынков, которыми управляют организованные преступные группы мигрантов, поскольку в противном случае при сохранении самих направлений деятельности криминалитета уничтожение отдельных преступных групп или их лидеров является лишь временной мерой, поскольку на их место придут новые преступники;

- усиление работы по противодействию коррупции, поскольку возможности для организации преступной деятельности в международном масштабе проявляются в основном благодаря коррумпированности чиновников разного уровня, закрывающих глаза на преступную деятельность и злоупотребления в центрах размещения мигрантов;

- меры по ужесточению миграционного контроля для лиц, не являющихся гражданами стран Евросоюза.

Полагаем, что только совокупность таких мер может способствовать уменьшению организованной преступности мигрантов, снижению потоков нелегальной миграции и, как следствие, снижению роста преступности мигрантов.

Библиографический список

Багреева Е. Г. Компаративный анализ актуальных тенденций преступности в европейских странах // *Евразийская адвокатура*. 2024. № 3 (68). С. 70–73.

Багреева Е. Г., Куцев В. В. Незаконная миграция как фактор распространения наркотических средств // *Вопросы безопасности*. 2023. № 2. С. 57–66.

Борисов Т. Нападения мигрантов на женщин в Кельне стали шоком для немцев // *Рос. газета*. 2016. № 5 (6873). URL: <https://rg.ru/2016/01/14/germaniya.html>

Венгрия отказалась следовать новой миграционной политике Евросоюза. URL: <https://iz.ru/1623622/2023-12-20/vengriia-otkazalas-sledovat-novoi-migratcionnoi-politike-evrosoiuza>

Веретенников В. Обращайте проводника : криминал помогает беженцам пробраться в Евросоюз // *Известия*. 2021. URL: <https://iz.ru/1248342/vladimir-veretennikov/obrashchaite-provodnika-kriminal-pomogaet-bezhentcam-probratsia-v-evrosoiuz>

Исаева М. Х. Международно-правовые аспекты сотрудничества государств по борьбе с незаконной перевозкой мигрантов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 192 с.

Макошин П. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Незаконная миграция как основной источник ор-

¹⁴ См.: *Макошин П. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н.* Незаконная миграция как основной источник организованной этнической преступности // *Криминологический журнал*. 2019. № 3. С. 16–21.

¹⁵ См.: *Багреева Е. Г., Куцев В. В.* Незаконная миграция как фактор распространения наркотических средств // *Вопросы безопасности*. 2023. № 2. С. 57–66.

¹⁶ См.: *Омелин В. Н.* Некоторые вопросы совершенствования оперативно-розыскного законодательства по борьбе с организованной преступностью // *Закон и право*. 2019. № 4. С. 24–30.

ганизованной этнической преступности // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 16–21.

Мюррей Т. Реальна ли этническая преступность? URL: <http://canadafreepress.com/index.php/article/1697>

Одинцов В. Грузинские ОПГ активно захватывают Европу // Нео. 2019. URL: <https://journal-neo.su/ru/2019/09/15/gruzinskie-opg-aktivno-zahvaty-vayut-evropu/>

Омелин В. Н. Некоторые вопросы совершенствования оперативно-розыскного законодательства по борьбе с организованной преступностью // Закон и право. 2019. № 4. С. 24–30.

Основы борьбы с организованной преступностью / ред. В. С. Овчинский, В. Е. Эминов, Н. П. Яблоков. М. : ИНФРА-М, 1996. 397 с.

С преступниками – бороться, мигрантов – защищать // Сеть ООН по вопросам миграции. URL: <https://migrationnetwork.un.org/ru/statements/countering-criminals-protecting-migrants>

Хасанов Р. Латвия с сентября ужесточит правила въезда для россиян и других иностранцев // Аргументы и факты. 2025. URL: <https://aif.ru/politics/latviya-s-sentyabrya-uzhestochit-pravila-vezda-dlya-rossiyan-i-drugih-inostrancev>

Ястребова А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции : доктринальные подходы и опыт Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 580 с.

Die meisten Schleuser leben in Deutschland. URL: <https://www.n-tv.de/politik/Die-meisten-Schleuser-leben-in-Deutschland-article22922850.html>

Fifth report on EU visa-free regime Western Balkans Eastern Partnership countries // Официальный сайт Еврокомиссии. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/fifth-report-eu-visa-free-regime-western-balkans-eastern-partnership-countries_en?fbclid=IwAR14zYetTaYC_-tHwh3u3ibyrapcSfYXNgHj6PwvsTd0dE5MdX8Rpy1fpw

References

Bagreeva E. G. Comparative analysis of current crime trends in European countries // Eurasian Advocacy. 2024. No. 3 (68). P. 70–73.

Bagreeva E. G., Kutsev V. V. Illegal migration as a factor in the spread of narcotic drugs // Security issues. 2023. No. 2. P. 57–66.

Borisov T. The attacks of migrants on women in Cologne came as a shock to the Germans // Russian Newspaper. 2016. № 5 (6873). URL: <https://rg.ru/2016/01/14/germaniya.html>

Hungary refused to follow the new migration policy of the European Union. URL: <https://iz.ru/1623622/2023-12-20/vengriia-otkazalas-sledovat-novoi-migratsionnoi-politike-evrosoiuza>

Veretennikov V. Pay attention to the guide : crime helps refugees to get into the European Union // Izvestia. 2021. URL: <https://iz.ru/1248342/vladimir-veretennikov/obrashchaite-provodnika-kriminal-pomogaet-bezhentcam-probratsia-v-evrosoiuz>

Isaeva M. H. International legal aspects of cooperation between States to combat the illegal transportation of migrants : cand. legal sci. dis. Moscow, 2019. 192 p.

Makoshin P. V., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Illegal migration as the main source of organized ethnic crime // Criminological Journal. 2019. No. 3. P. 16–21.

Murray T. Is ethnic crime real? URL: <http://canadafreepress.com/index.php/article/1697>

Odintsov V. Georgian organized criminal groups are actively taking over Europe // Нео. 2019. URL: <https://journal-neo.su/ru/2019/09/15/gruzinskie-opg-aktivno-zahvaty-vayut-evropu/>

Omelin V. N. Some issues of improving operational-investigative legislation to combat organized crime // Law and Pravo. 2019. No. 4. P. 24–30.

Fundamentals of the fight against organized crime / ed. by V. S. Ovchinsky, V. E. Eminov, N. P. Yablokov. Moscow : INFRA-M, 1996. 397 p.

To fight criminals, to protect migrants // The UN Migration Network. URL: <https://migrationnetwork.un.org/ru/statements/countering-criminals-protecting-migrants>

Hasanov R. Latvia will tighten entry rules for Russians and other foreigners starting in September // Arguments and Facts. 2025. URL: <https://aif.ru/politics/latviya-s-sentyabrya-uzhestochit-pravila-vezda-dlya-rossiyan-i-drugih-inostrancev>

Yastrebova A. Y. International legal mechanisms for regulating migration : doctrinal approaches and the experience of the Russian Federation : dr. legal sci. dis. Moscow, 2017. 580 p.

The most traffickers live in Germany. URL: <https://www.n-tv.de/politik/Die-meisten-Schleuser-leben-in-Deutschland-article22922850.html>

Fifth report on EU visa-free regime Western Balkans Eastern Partnership countries // Official website of the European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/fifth-report-eu-visa-free-regime-western-balkans-eastern-partnership-countries_en?fbclid=IwAR14zYetTaYC_-tHwh3u3ibyrapcSfYXNgHj6PwvsTd0dE5MdX8Rpy1fpw

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Яковлева В. М., заместитель руководителя департамента уголовного права, процесса и криминалистики

E-mail: vm.yakovleva@hse.ru

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Для цитирования:

Яковлева В. М. Организованная преступность мигрантов как новый вызов безопасности в странах Европы и Америки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 265–271. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/265-271>

National Research University «Higher School of Economics»

Yakovleva V. M., Deputy Head of the Department of Criminal Law, Procedure, and Criminalistics

E-mail: vm.yakovleva@hse.ru

Received: 15.01.2026

For citation:

Yakovleva V. M. Organized crime of migrants as a new security challenge in Europe and America // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 265–271. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/265-271>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

М. М. Алексеева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

COUNTERING TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME WITHIN THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION

M. M. Alekseeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Аннотация: проанализированы правовые и институциональные механизмы Организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия отдельным видам транснациональных преступлений, предложены пути повышения эффективности международного сотрудничества государств – членов Организации в сфере обеспечения безопасности от транснациональных преступных угроз.

Ключевые слова: транснациональная организованная преступность, правовые и институциональные механизмы противодействия преступности, модельное законодательство, терроризм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконная миграция, киберпреступность.

Abstract: the article analyzes the legal and institutional mechanisms of the Collective Security Treaty Organization in the field of countering certain types of transnational crimes and proposed ways to improve the effectiveness of international cooperation of the Member States of the Organization in the field of ensuring security against transnational criminal threats.

Key words: transnational organized crime, legal and institutional mechanisms for countering crime, model legislation, terrorism, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, illegal migration, cybercrime.

В настоящее время транснациональная организованная преступность (далее – ТОП) стала серьезной угрозой государствам и международному сообществу. Транснациональные преступные группы активно используют в своей деятельности современные технологии (интернет, искусственный интеллект и др.), что еще более осложняет противодействие им. Так, в 2020-х гг. ИГИЛ и другие террористические организации начали применять социальные медиаплатформы для кибертерроризма, что предопределило необходимость разработки механизмов для обеспечения информацион-

ной безопасности и противодействия киберпреступности.

Оценивая ситуацию в целом, эксперт Фил Уильямс в своем труде «Пятая волна организованной преступности в 2040 году» приходит к выводу, что если не начать предпринимать более активные меры по противодействию преступности, то одним из возможных сценариев развития станет «криминальная нирвана»².

В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.³ нет

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

© Алексеева М. М., 2025

² См.: Williams P. The fifth wave organized crime in 2040. Geneva : The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2024. P. 25.

³ См.: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. URL:

дефиниции «транснациональная организованная преступность». Однако в ст. 3 определены критерии отнесения преступлений к транснациональным, требующим международного сотрудничества.

В настоящее время наиболее эффективным является сотрудничество по противодействию ТОП в рамках региональных организаций. На территории Центрально-Азиатского региона такой структурой является Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ).

Как известно, в 1992 г. был заключен Договор о коллективной безопасности. Это соглашение было сфокусировано на противодействии «традиционным» угрозам безопасности – межгосударственным конфликтам, агрессии, распространению ядерного оружия и т. д. Однако позже стала очевидна необходимость противодействия и «новым» угрозам, в числе которых ТОП. С учетом новых вызовов в 2002 г. было принято решение о создании ОДКБ и подписан ее Устав⁴.

Многопрофильный мандат ОДКБ, сочетающий две «корзины» функций (противодействие традиционным внешним военным угрозам и новым вызовам – транснациональной преступности), является результатом логики становления Организации⁵.

С течением времени угрозы безопасности государств – членов ОДКБ возросли. Согласно данным «Глобального индекса организованной преступности» 2023 г., в Азии отмечается самый высокий уровень преступности (5,47 балла из 10)⁶. Постоянное совершенствование механизмов противодействия таким транснациональным преступлениям, как терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, незаконная миграция, стало насущной задачей ОДКБ.

В соответствии со ст. 8 Устава ОДКБ государства – члены обязуются согласовывать и консо-

лидировать свои усилия по противодействию терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступности и нелегальной миграции.

В Шанхайской Организации Сотрудничества (далее – ШОС), в рамках ОДКБ, к числу уставных функций которой также относится противодействие ТОП, начиная с 2001 г. был разработан целый ряд международных договоров в данной сфере. ОДКБ пошла по другому пути, используя механизм гармонизации права государств-членов посредством принятия модельных законов и рекомендаций. При этом основой для них во многом послужили положения модельных законов и рекомендательных актов, разработанных и принятых в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). В силу совпадения состава государств – членов СНГ и ОДКБ такой подход является наиболее целесообразным. Разработка модельного законодательства также стимулирует развитие правовой инфраструктуры внутри организации. Оно создает основу для формирования нормативных актов на национальном уровне, что способствует гармонизации правовых систем стран-участников. В результате создается единое правовое пространство, в рамках которого реализуются совместные программы и проекты по обеспечению безопасности региона.

Особо отметим, что модельное законодательство способствует укреплению международного сотрудничества за счет унификации подходов и процедур. Это позволяет снизить риски правовой неопределенности и конфликтов при реализации совместных инициатив. Кроме того, наличие согласованных нормативных актов повышает эффективность взаимодействия правоохранительных органов, служб безопасности и других структур участников организации.

Важным фактором является также обеспечение гибкости и возможности адаптации модельных нормативных актов под конкретные условия каждой страны. Это позволяет учитывать особенности национальных правовых систем без ущерба для целей сотрудничества внутри ОДКБ. Такой подход способствует более широкому принятию и внедрению национальных нормативных актов.

В настоящее время существует проблема, связанная с отсутствием полномасштабных соглашений в сфере оперативного обеспечения

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ См.: Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkbcsto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 01.06.2025).

⁵ См.: Никитин А. И. ОДКБ : эволюция функций и структур обеспечения безопасности // Ежегодник СИПРИ – 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : ИМЭМО РАН, 2017. С. 910–927.

⁶ См.: Global Organized Crime Index 2023 // The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Geneva, 2023. P. 71.

коллективной безопасности государств – членов ОДКБ. С целью гармонизации национального права в данной области в 2023 г. принято модельное Руководство компетентных органов государств – членов ОДКБ в сфере оперативно-разыскного обеспечения коллективной безопасности⁷. В нем содержатся рекомендации по сближению и гармонизации государств – членов ОДКБ в указанной области. Определяющим для модельного Руководства на ближайшую перспективу являются: расширение перечня ОРМ за лидерами преступной среды, условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, а также лицами, имеющими непогашенную судимость за совершение особо тяжких и тяжких преступлений; законодательное разграничение лиц, конфиденциально сотрудничающих с компетентными органами на контрактной основе, и лиц, конфиденциально им содействующих; защита сведений в сфере ОРД, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну; ограничений на сроки хранения материалов, полученных в результате проведения ОРМ, и др.

В рамках ОДКБ особое значение для определения целей и задач в области противодействия преступности имеют документы стратегического планирования. На данный момент ключевым актом является Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г.⁸ К основным угрозам безопасности отнесены: «деятельность экстремистских и террористических организаций и отдельных лиц, направленная на дестабилизацию внутривосточной ситуации в государствах – членах ОДКБ; пропаганда и финансирование терроризма, вербовка граждан государств – членов ОДКБ в ряды международных террористических и религиозно-экстремистских организаций; деятельность организованных транснациональных преступ-

ных группировок в сферах наркобизнеса и организации незаконной миграции».

Стратегия определяет перечень действий, направленных на противодействие им: «развитие системы предупреждения вызовов и угроз и реагирования на них; совершенствование информационного обмена; повышение эффективности международного сотрудничества; укрепление потенциала ОДКБ по противодействию транснациональной организованной преступности <...>; развитие систем и органов управления соответствующими силами коллективной безопасности, повышение уровня их боеготовности, оснащение современным вооружением и специальной техникой; совершенствование совместной подготовки подразделений специального назначения органов внутренних дел (полиции), внутренних войск (Национальной гвардии), органов безопасности и специальных служб, выделенных в состав сил коллективной безопасности ОДКБ и др.».

Стратегия также содержит перечень мероприятий по противодействию терроризму; экстремизму; незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров; незаконной миграции и преступлениям в сфере информационных технологий.

В последние годы основной угрозой для государств ОДКБ стали терроризм и экстремизм⁹. Террористические организации стремятся расширить зону своего влияния на государства ОДКБ. Для противодействия им в рамках ОДКБ были сформированы специальные институциональные механизмы.

Прежде всего, это Совет коллективной безопасности (далее – СКБ), к компетенции которого относится определение ключевых направлений международного сотрудничества по противодействию ТОП. Так, на основании Решения СКБ от 25 мая 2001 г. были сформированы Коллективные силы быстрого развертывания (далее – КСБР) общей численностью 5 тыс. человек¹⁰. Кроме того, оперативная обстановка в регионе предопределила необходимость создания силового механизма реагирования на транс-

⁷ См.: Модельное Руководство компетентных органов государств – членов ОДКБ в сфере оперативно-разыскного обеспечения коллективной безопасности. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnoe-rukovodstvo-kompetentnyh-organov-gosudarstv-chlenov> (дата обращения: 25.06.2025).

⁸ См.: Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. : утв. Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 г. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy-bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy-bezopasnosti_na_period_do_/?ysclid=m8cxw8v9mo63676749#loaded (дата обращения: 01.06.2025).

⁹ См.: *Ву Чи-ян*. Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ // Постсоветские исследования. 2022. № 6. С. 635–646.

¹⁰ См.: Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности. URL: <https://www.jscsto.org/security/crdf-car/> (дата обращения: 01.06.2025).

национальные преступные угрозы. В частности, в 2009 г. было подписано Решение Совета коллективной безопасности «О Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» (далее – КСОР). В числе их задач, в том числе, «участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, другими видами транснациональной организованной преступности»¹¹. Цель создания этих двух силовых структур заключается в обеспечении оперативного реагирования ОДКБ в случае внешней агрессии, а также в проведении антитеррористических операций на международном и региональном уровнях. С 2009 г. проводятся ежегодные учения «Взаимодействие», направленные на проверку боеготовности КСОР. При этом основное внимание в части противодействия преступности было сосредоточено на таком направлении, как проведение мероприятий по ликвидации незаконных вооруженных формирований. В рамках решения частных задач, например, в период учений «Взаимодействие-2023» отрабатывалось предотвращение террористической угрозы на объекте критической инфраструктуры¹².

Комитет секретарей советов безопасности (далее – КССБ) участвует «в организации и координации деятельности органов Организации и государственных органов государств-членов с целью выполнения решений Совета коллективной безопасности <...> по вопросам совместной борьбы против международного терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, оружия, транснациональной организованной преступности, нелегальной миграции и других угроз безопасности»¹³. Так, в 2004 г. при Комитете создана

рабочая группа экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом, основными задачами которой являются «выработка предложений, направленных на совершенствование мер борьбы с терроризмом и экстремизмом и связанных с ними вызовами и угрозами коллективной безопасности; осуществление экспертно-правовой проработки проектов решений КССБ и материалов, обосновывающих их принятие; анализ, оценка и подготовка информации, необходимой для выполнения возложенных на КССБ задач по вопросам координации взаимодействия государств – членов Организации в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом»¹⁴.

В 2005 г. при Совете министров иностранных дел была учреждена Рабочая группа по Афганистану. Ее основными направлениями деятельности выступают анализ текущей ситуации в Афганистане и подготовка на его основе рекомендаций для определения мер по противодействию соответствующим вызовам и угрозам, а также непосредственно взаимодействие с афганской стороной.

С 2018 г. введена практика проведения совместных заседаний рабочих групп¹⁵, в рамках которых основной обсуждаемый вопрос – угроза безопасности, исходящая с территории Афганистана. Деятельность указанных групп сфокусирована в основном на информационно-аналитической поддержке ключевых органов ОДКБ.

Отработка практических навыков противодействия терроризму и экстремизму реализуется в рамках проводимых на постоянной основе в ОДКБ операций и учений. В частности, в ходе

odkb-csto.org/framework/polozhenie-o-kssb/#loaded (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁴ См.: В соответствии с Решением комитета секретарей советов безопасности ОДКБ о создании при Комитете секретарей советов безопасности Организации Договора о коллективной безопасности рабочих групп экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и незаконной миграцией от 30 ноября 2004 г. URL: <https://antiterror.odkb-csto.org/workgroup/> (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁵ См.: Рабочие группы по Афганистану при СМВД ОДКБ и по борьбе с терроризмом при КССБ на совместном заседании 19 апреля обсудили военно-политическую ситуацию в ИРА и предпринимаемые ОДКБ меры по минимизации угроз безопасности, исходящих с территории Афганистана. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/rabochie_gruppy_po_afganistanu_pri_smid_odkb_i_po_borbe_s_terrorizmom_pri_kssb_na_sovmestnom_zasedan/#loaded (дата обращения: 25.06.2025).

¹¹ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=201067297&collection=1&ysclid=m8cryvwfls375848725 (дата обращения: 01.06.2025).

¹² См.: «Взаимодействие-2023»: подразделения сил специального назначения провели антитеррористическую операцию. URL: <https://odkb-csto.org/training/other/vzaimodeystvie-2023-podrazdeleniya-sil-spetsialnogo-naznacheniya-proveli-antiterroristicheskuyu-oper/#loaded> (дата обращения: 25.06.2025).

¹³ Положение о Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ: утв. Решением Совета коллективной безопасности от 28 апреля 2003 г. URL: <https://antiterror.org>

операции «Кобальт» отрабатывались совместные действия правоохранителей государств-членов по уничтожению террористических диверсионных групп¹⁶. Целью операции «Наемник» пресекались каналы вербовки граждан государств ОДКБ в международных террористических и экстремистских организациях. «Рубеж» использовался для оперативного развертывания коллективных сил в ответ на гипотетическую террористическую угрозу, исходящую из Афганистана или Центральной Азии¹⁷. В свою очередь, маневры «Поиск» предназначены для совершенствования разведывательных операций, выявления террористических групп и других деструктивных элементов с использованием авиации, сухопутных войск и специальных подразделений ОДКБ.

В ОДКБ сформирован Перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах ОДКБ¹⁸. На настоящий момент в список включены 92 организации, деятельность которых представляет угрозу международной безопасности («Ансоруллох», «Аум Сенрике», «Аль-Каида», «Боз Гурд», «Братья Мусульмане»¹⁹ и др.). Данный перечень обеспечивает скоординированные действия по выявлению и пресечению деятельности террористических и экстремистских организаций в регионе ответственности ОДКБ.

Представляется, что для поддержания высокого уровня эффективности сотрудничества в указанной сфере Организации необходимо нарастить темпы разработки опережающих возможностей террористических и экстремистских групп мер профилактики и способов оперативного реагирования на исходящие от них угрозы.

¹⁶ См.: Коллективные силы ОДКБ под руководством Росгвардии отработали действия по борьбе с терроризмом в рамках учения «КОБАЛЬТ-2024». URL: <https://rosguard.gov.ru/News/Article/kollektivnye-sily-odkb-pod-rukovodstvom-rosgvardii-otrabotali-dejstviya-po-borbe-s-terrorizmom-v-ramkam-ucheniya-kobalt2024--video> (дата обращения 25.06.2025).

¹⁷ См.: Коллективные силы выходят на новые рубежи. URL: <http://odkb.gov.ru/u/azk.htm> (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁸ См.: О Перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах – членах Организации Договора о коллективной безопасности : решение Комитета секретарей Советов безопасности ОДКБ от 8 июня 2016 г. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/?ysclid=mcbxbnje2m3027037 (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁹ Данные организации признаны в Российской Федерации экстремистскими, и их деятельность на территории государства запрещена (здесь и далее по тексту).

Это может быть достигнуто, в частности, путем: а) перекрытия каналов вербовки и переброски граждан государств – членов ОДКБ в зоны вооруженных конфликтов и обратно; б) реализации мероприятий по выявлению и перекрытию каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности; в) развития системы подготовки кадров для подразделений правоохранительных органов, непосредственно вовлеченных в противодействие терроризму и экстремизму. В сфере профилактики идеологии терроризма необходимо внедрять курсы противодействия радикализации в образовательных учреждениях, активно проводить работу с молодежью для снижения влияния экстремистских субкультур, выполнять блокировку ресурсов, осуществляющих преступную пропаганду, и распространять антитеррористический контент через СМИ и социальные сети.

В рамках ОДКБ особое место занимает противодействие незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ. В 2021 г. была разработана Антинаркотическая стратегия государств – членов ОДКБ на 2021–2025 гг.²⁰ Она содержит комплекс мер, направленных на значительное уменьшение количества незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и противодействие внешней наркоугрозе. В то же время Стратегия нуждается в совершенствовании. В частности, следовало бы провести четкую дифференциацию между угрозами и вызовами, поскольку в ряде случаев для противодействия вызовам и угрозам необходимы различные системы мер и действий. Как справедливо отмечается в литературе, в документах стратегического планирования «допустимо развивать идею классификации вызовов и угроз по различным критериям, что в целом позволит высветить наиболее актуальные и востребованные направления деятельности компетентных органов ОДКБ и, в частности, четче определить перспективы реализации Стратегии»²¹. Кроме того, в действу-

²⁰ См.: Антинаркотическая стратегия государств – членов ОДКБ на 2021–2025 годы : принята Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 20 февраля 2021 г. URL: https://cstorussia2020.mid.ru/upload/iblock/a53/a533ecfd4cf8_b0f660d46ee265444176.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

²¹ Тепляшин П. В. Криминологический анализ перспектив реализации антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021–2025 годы // Научный компонент. 2022. № 2 (14). С. 116–123.

ющей редакции Антинаркотической стратегии отсутствуют какие-либо индикаторы наркоситуации. Это не позволяет «измерить» то, в какой мере положения данной стратегии были реализованы и была ли достигнута поставленная цель. Для оценки достижения поставленных в рассматриваемой области целей предлагается предусмотреть в Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ на 2026–2030 гг. конкретные количественные показатели, которыми могли бы стать: количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; объемы изъятых при пресечении преступной деятельности веществ; выявление и пресечение незаконного оборота новых видов наркотических средств и психотропных веществ и др.

Для противодействия наркоугрозе был создан и институциональный механизм. В ОДКБ действует Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ. Он координирует подготовку и проведение антинаркотической операции «Канал», которая проводится ежегодно, начиная с 2008 г. (с 2008 г. имеет статус постоянно проводимой антинаркотической региональной операции ОДКБ) и является самой крупномасштабной и эффективной в части предупреждения наркоугрозы из Афганистана. Ежегодно объединенными усилиями правоохранителей государств ОДКБ перекрываются каналы наркотрафика из других регионов (Латинская Америка, Европейский Союз, Азиатско-Тихоокеанский регион и др.) в Центральную Азию, пресекается деятельность нарколабораторий, ведется борьба с легализацией доходов от преступной деятельности. В частности, были успешными проведенные операции «Канал – Дальневосточный рейд» (2024 г.)²² и «Канал – Горный форпост» (2025 г.)²³, что способствовало решению практических за-

дач по стабилизации ситуации в зоне ответственности ОДКБ.

В 2005 г. создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (далее – КСОНП). К основным направлениям деятельности Совета отнесены: совершенствование и гармонизация внутригосударственных нормативно-правовых актов; координация деятельности компетентных государственных органов по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; анализ исполнения решений ОДКБ и международных договоров по противодействию наркоугрозе; координация взаимодействия ОДКБ с другими региональными международными организациями.

Не менее серьезную угрозу для безопасности государств ОДКБ представляет незаконная миграция. В частности, в 2008 г. учрежден Координационный совет руководителей компетентных органов государств – членов ОДКБ по вопросам противодействия незаконной миграции. Создана Рабочая группа, состоящая из руководителей подразделений пограничных, миграционных служб, служб безопасности и органов внутренних дел. С 2008 г. проводится операция «Нелегал» (с 2018 г. ее статус изменен на постоянно действующий), в целях пресечения нарушений миграционного законодательства. Так, в ходе операции «Нелегал-2024» «пресечено свыше 134,6 тыс. нарушений миграционного законодательства, в административном порядке выдворены и депортированы из государств – членов Организации более 23,7 тыс. иностранных граждан, возбуждено 4148 уголовных дел за организацию незаконной миграции»²⁴.

В 2024 г. государствами – членами было принято решение о необходимости углубления сотрудничества в данной сфере. С этой целью была разработана Концепция миграционной безопасности государств – членов ОДКБ. Она определяла приоритеты в области миграционной безопасности, в числе которых была гармонизация соответствующих нормативных актов государств. Координационный совет руководителей компетентных органов государств – чле-

²² См.: О субрегиональной антинаркотической операции «Канал – Дальневосточный рейд». URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kg/1961326/> (дата обращения: 25.06.2025).

²³ См.: Подведены предварительные итоги субрегиональной антинаркотической операции ОДКБ «Канал – Горный форпост». URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/podvedeny-predvaritelnye-itogi-subregionalnoy-antinarkoticheskoy-operatsii-odkb-kanal-gornyy-forpost/#loaded (дата обращения: 25.06.2025).

²⁴ Итоги проведения постоянно действующей региональной операции государств – членов ОДКБ по противодействию незаконной миграции (операция «Нелегал») в 2024 г. URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24009#loaded (дата обращения: 25.06.2025).

нов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией стал действенным институциональным механизмом противодействия данному преступлению. Тем не менее это направление сотрудничества ОДКБ является одним из наименее известных, что негативно сказывается на противодействии нелегальной миграции. В связи с этим представляется необходимым совершенствовать механизмы информирования, а также выстраивать практико-ориентированное сотрудничество с другими международными организациями.

Государства ОДКБ, оперативно реагируя на возникновение новых угроз, налаживают сотрудничество и в борьбе с киберпреступностью. В 2006 г. создана Рабочая группа по вопросам информационной политики и информационной безопасности с целью выявления общих угроз для государств – членов ОДКБ в сфере информационной безопасности и противодействия им. Информационные технологии стали использоваться для пропаганды экстремистских и террористических идей, вербовки, распространения наркотиков. Киберпреступники начали совершать «компьютерные нападения» на сайты крупных компаний, государственных органов. С целью противодействия «киберугрозам» в 2020 г. была принята Концепция плана действий и инструментария в вопросах противодействия кибервызовам и угрозам²⁵. В ходе борьбы с IT-преступлениями с 2014 г. на постоянной основе проводится операция «Прокси». Ее основной целью является противодействие информационным потокам, угрожающим национальной и коллективной безопасности государств ОДКБ. В ближайшей перспективе основные усилия операции «ПРОКСИ» будут сосредоточены на противодействии: использованию Интернета для распространения информации, которая наносит ущерб национальным и общим интересам государств Организации; использованию Интернета для вовлечения граждан государств-членов в преступную деятельность, связанную с совершением актов терроризма, неза-

конным распространением наркотиков, электронным мошенничеством; компьютерным атакам на информационную инфраструктуру²⁶.

Положительно сказаться на развитии международного сотрудничества в данной области может и принятие в 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности²⁷. Этот договор вступит в силу после того, как будет ратифицирована 40 государствами, что планируется обеспечить к концу 2025 г. Он укрепит взаимодействие профильных институтов государств ОДКБ, поскольку предполагает создание международной сети контактных центров, в рамках которых будет осуществляться взаимный обмен информацией, необходимой для расследования киберпреступлений. Кроме того, Конвенция предусматривает поддержку государств в части укрепления цифровой инфраструктуры. В настоящее время перспективным представляется создание системы рабочих органов по координации и согласованию информационной политики, выявлению реальных и прогнозированию потенциальных угроз информационным интересам личности, общества и государства.

Эффективность противодействия ТОП – важный показатель способности ОДКБ поддерживать стабильность и безопасность в регионе. Сотрудничество государств ОДКБ по борьбе с транснациональной преступностью расширяется, диверсифицируется, качественно прогрессирует. В настоящее время оно образует самостоятельную опору системы коллективной безопасности ОДКБ, обладающую значительным объединяющим потенциалом. Успехи ОДКБ в этой области привлекают заинтересованных в обмене опытом и передовыми практиками государства, включая Иран, КНР и др. Важнейшим инструментом укрепления

²⁶ См.: Состоялось заседание руководителей национальных штабов по проведению операции «ПРОКСИ». URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-zasedanie-rukovoditeley-natsionalnykh-shtabov-po-provedeniyu-operatsii-proksi/?ysclid=mcemrbdox583049005#loaded (дата обращения: 25.06.2025).

²⁷ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям от 24 декабря 2024 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 01.06.2025).

²⁵ См.: О проекте Концепции плана действий и инструментария в вопросах противодействия кибервызовам и угрозам : постановление № 13-5.4 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности : принято в г. Москве 30 ноября 2020 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc& base=INT&n=67754#fznKKpU8t95Clwrz> (дата обращения: 25.06.2025).

политических позиций ОДКБ на евразийском контуре с перспективой укрепления коллективной безопасности ОДКБ должно стать вовлечение максимально широкого круга дружественных государств в разноформатное взаимодействие с ОДКБ через механизмы мягкого участия. Большинство государств региона проводят многовекторную политику, поэтому представляется целесообразным разработать различные формы участия государств в деятельности ОДКБ (помимо членства). В настоящее время принято Положение о статусе наблюдателя при ОДКБ, однако ни одно государство или международная организация им не обладает, хотя такие страны, как Иран, Монголия, Индия и Пакистан, проявляли интерес к более тесному взаимодействию с ОДКБ.

Помимо статуса наблюдателя предлагается использовать иные формы аффилиации с ОДКБ, успешно апробированные другими международными организациями: партнер по диалогу (как в ШОС), ассоциированный член (как в Организации американских государств) и др., диверсифицировав их по характеру, степени интенсивности и формам участия в работе ОДКБ.

Важным направлением деятельности ОДКБ должно стать сотрудничество с иными международными организациями при главенствующей роли ООН.

В завершение можно сделать следующие выводы.

1. ТОП как ключевая угроза безопасности оказала существенное влияние на становление ОДКБ. Хотя Договор о КБ в первую очередь был нацелен на противодействие «традиционным» угрозам – вооруженным конфликтам и т. д., обусловленная распадом СССР нестабильность стала толчком для развития в государствах – участниках Договора терроризма и экстремизма, наркотизма, незаконной миграции. За последние десятилетия на первый план вышла проблема противодействия киберпреступности. Во многом именно необходимость противодействия «новым» вызовам стала причиной трансформации ДКБ в полноценную организацию – ОДКБ. В ее рамках борьба с ТОП стала одним из ключевых направлений деятельности.

2. Для обеспечения эффективного сотрудничества государств ОДКБ по противодействию преступности были созданы правовые и институциональные механизмы. При этом особенностями правового регулирования в данной

области являются отказ от разработки региональных конвенций и проведение вместо этого планомерной работы по гармонизации законодательства государств – членов путем разработки и принятия модельных законов. Особое распространение получили документы стратегического планирования, определяющие актуальные направления деятельности Организации как в целом, так и в определенных областях (Стратегия коллективной безопасности ОДКБ, Антинаркотическая стратегия ОДКБ и др.).

3. Для углубления сотрудничества в дополнение к основным органам (СКБ, КССБ и др.) были созданы и вспомогательные – координационные советы и рабочие группы. Однако единого органа ОДКБ, осуществляющего комплексную координирующую деятельность государств по противодействию преступности или иной функционирующей не на постоянной, но на регулярной основе специальной площадки (например, форума ОДКБ по противодействию преступности), к настоящему времени не создано.

4. В рамках ОДКБ налажено сотрудничество с международными организациями как на универсальном уровне (ООН), так и на региональном (в частности, ШОС, СНГ). Тем не менее значительное негативное влияние на сотрудничество в области борьбы с преступностью оказывают действия недружественных государств (членов ЕС, США и др.). Их деятельность содействует росту организованной преступности, обострению межнациональных и межконфессиональных конфликтов в государствах, деструктивно воздействует на общественное сознание. Переход от однополярного мира к многополярному сопровождается открытой дипломатической и военно-политической конфронтацией. Коллективный Запад использует механизмы политического, экономического, идеологического и военного давления независимо от того, соответствуют ли применяемые средства и методы принципам и нормам международного права. Давление НАТО, США и западных стран на ОДКБ по всем направлениям будет усиливаться пропорционально росту эффективности деятельности ОДКБ.

5. ОДКБ активно участвует в построении новой архитектуры евразийской безопасности, поэтому подвергается серьезному санкционному давлению со стороны западных стран. Несмотря на это государства – члены ОДКБ продолжают деполитизированное взаимодействие в борьбе

с преступностью. Наравне с предпринимаемыми усилиями по укреплению военного и военно-политического компонентов системы коллективной безопасности, а также инструментов противодействия транснациональным вызовам и угрозам, включая организованную преступность, неотъемлемой частью системы коллективной безопасности ОДКБ должны стать технологии «мягкой силы»: ведение когнитивной войны, активная публичная дипломатия, повышение международного авторитета ОДКБ, демонстрация государствами – членами ОДКБ высокого уровня единства целей, задач, приоритетов в обеспечении коллективной безопасности в регионе и визуализация достигнутых успехов через СМИ, иные публичные информационно-коммуникационные источники, особенно в части борьбы с террористическими и экстремистскими ячейками, наркотиками, незаконной миграцией, киберпреступностью.

Библиографический список

Бу Чи-ян. Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ // Постсоветские исследования. 2022. № 6. С. 635–646.

Никитин А. И. ОДКБ : эволюция функций и структур обеспечения безопасности // Ежегодник

СИПРИ – 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : ИМЭМО РАН, 2017. С. 910–927.

Тепляшин П. В. Криминологический анализ перспектив реализации антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021–2025 годы // Научный компонент. 2022. № 2 (14). С. 116–123.

Williams P. The fifth wave organized crime in 2040. Geneva : The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2024.

References

Wu Chi-yang. Interaction of the participating countries within the framework of the CSTO // Post-Soviet studies. 2022. No. 6. P. 635–646.

Nikitin A. I. The CSTO : the evolution of security functions and structures // CIPRI Yearbook 2016. Armaments, disarmament and international security. Moscow : IMEMO RAS, 2017. P. 910–927.

Tepliyashin P. V. Criminological analysis of the prospects for the implementation of the anti-drug strategy of the member states of the Collective Security Treaty Organization for 2021–2025 // Scientific component. 2022. No. 2 (14). P. 116–123.

Williams P. The fifth wave organized crime in 2040. Geneva : The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2024.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Алексеева М. М., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права юридического факультета имени М. М. Сперанского института права и национальной безопасности

E-mail: alekseeva-mm@ranepa.ru

Поступила в редакцию: 23.07.2025

Для цитирования:

Алексеева М. М. Противодействие транснациональной организованной преступности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 272–280. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/272-280>

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Alekseeva M. M., Ph.D, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Integration Law of Faculty of Law named after M. M. Speransky Institute of Law and National Security

E-mail: alekseeva-mm@ranepa.ru

Received: 23.07.2025

For citation:

Alekseeva M. M. Countering transnational organized crime within the Collective Security Treaty Organization // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 272–280. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/272-280>

МЕКСИКАНСКИЙ АРБИТРАЖ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЕВРОПЕЙСКИМ АРБИТРАЖНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ В ЭПОХУ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Я. С. Бутакова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

MEXICAN ARBITRATION AS AN ALTERNATIVE TO EUROPEAN ARBITRATION INSTITUTIONS IN THE ERA OF SANCTIONS RESTRICTIONS

Ya. S. Butakova

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: представлены результаты исследования института арбитража в Мексиканских Соединенных Штатах и его перспектив в качестве альтернативы европейскому. Автор приходит к выводу, что несмотря на то что мексиканские арбитражные учреждения можно считать беспристрастными в отношении споров с участием российских лиц, в целом арбитраж в Мексике находится в процессе своего становления, содержит ряд правовых механизмов чуждых российскому и европейскому арбитражному регулированию и не готов в полной мере стать альтернативой европейским арбитражным институтам. Научная новизна статьи обусловлена отсутствием исследований института современного арбитража в Мексике в условиях новых санкционных реалий. Целью работы является построение системно-комплексного представления об институте мексиканского арбитража, его достоинствах и недостатках.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования основных ее положений при обращении к институту мексиканского арбитража, при признании и исполнении как мексиканских арбитражных решений, так и решений иностранных арбитражных судов на территории Мексики, а также при разрешении споров с соответствующим иностранным элементом.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, арбитраж в международном частном праве, Мексика МЧП, арбитраж в Мексике, международные экономические санкции.

Abstract: the paper presents the results of a study of the institute of arbitration in the United Mexican States and its prospects as an alternative to European arbitration. The author concludes that despite the fact that Mexican arbitration institutions can be considered impartial in relation to disputes involving Russian persons, in general, arbitration in Mexico is in the process of its formation, contains a number of legal mechanisms alien to Russian and European arbitration regulation, and is not ready to fully become an alternative to European arbitration institutions. The scientific novelty of the work is due to the lack of research conducted by the institute of modern arbitration in Mexico in the context of new sanctions realities. The purpose of the work is to build a systemically integrated understanding of the institution of arbitration in Mexico, its advantages and disadvantages.

The practical significance of the article lies in the possibility of using its main provisions when applying to the institute of Mexican arbitration, in the recognition and enforcement of both Mexican arbitral awards and foreign arbitral awards in Mexico, as well as in resolving disputes with the relevant foreign element.

Key words: international commercial arbitration, arbitration in private international law, Mexico PIL, arbitration in Mexico, international economic sanctions.

Беспрецедентные санкционные¹ вызовы, с которыми столкнулась Россия, побуждают ответственные компании постоянно адаптироваться к новым условиям и формировать новые правовые решения для эффективного функционирования бизнеса. Экспортные компании, утратив свободный выход на европейский рынок, стали рассматривать Латинскую Америку как новый рынок сбыта продукции, что способствовало созданию дочерних, аффилированных структур в «дружественном» регионе². Заключение экспортных сделок российскими компаниями с контрагентами из латиноамериканских юрисдикций актуализировало вопрос выбора оптимальных арбитражных центров для урегулирования потенциальных споров. Одновременно возникла проблема «переориентации» российских компаний с европейских арбитражных учреждений на арбитражи в «дружественных» юрисдикциях. В качестве подобной альтернативы представляется возможным рассмотреть мексиканские арбитражные учреждения. В указанном контексте в отдельном анализе также нуждается политика арбитражей в отношении антироссийских санкций и споров с участием «российского элемента»³.

Имплементация результатов исследования возможна непосредственно в учебный процесс, в том числе в рамках дисциплины «Международное частное право» и блока специальных дисциплин, а также в профессиональную практику юристов.

1. Становление международного коммерческого арбитража в Мексике.

Мексиканский арбитраж является одним из древнейших способов разрешения коммерче-

ских споров, который начал свою историю более 500 лет назад как независимый способ разрешения торговых споров между племенами коренных жителей. В современную эпоху арбитраж практически полностью был вытеснен системой государственных судов. Латинская Америка получила репутацию региона враждебного международному коммерческому арбитражу ввиду господствующей доктрины Кальво (названа в честь аргентинского дипломата и правоведа)⁴. Указанная доктрина получила закрепление в ст. 13, 14 и 17 Конституции Мексики 1917 г.⁵, которые устанавливают исключительную юрисдикцию государственных судов.

В 1993 г. была проведена первая реформа Федерального торгового кодекса 1889 г. (далее – «Торговый кодекс»)⁶, в который были включены положения Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (далее – «Модельный закон ЮНСИТРАЛ»), были учтены некоторые положения Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ, что стало важным шагом в развитии арбитража в стране. Мексика также стала участником Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.⁷ (далее – «Нью-Йоркская конвенция») и Межамериканской конвенции о международном коммерческом арбитраже 1975 г.⁸ (далее – «Панамская конвенция»).

Но, несмотря на формирующуюся правовую базу для арбитража, Конституция Мексики всё также содержит положения об исключительной подсудности государственных судов. Таким образом, могла бы возникнуть парадоксальная ситуация, когда огромный массив правовых норм не смог бы применяться в виду его противоречия Основному закону. Но данный правовой

¹ Для удобства восприятия автор употребляет термины «санкции», «международные экономические санкции», «односторонние меры» и производные от них как синонимы, подразумевая односторонние ограничительные меры (непосредственно антироссийские санкционные ограничения), анализ содержания которых находится за пределами темы исследования.

² См.: URL: <https://fedpress.ru/article/3266045> https://www.uralkali.com/ru/press_center/press_releases/item45525/?ysclid=md4mgxhdg9409242995 <https://www.forbes.ru/biznes/450599-put-v-braziliu-zacem-evrohim-rassiraet-prisutstvie-v-latinskoj-amerike?ysclid=md4mhjyd83476691300> (дата обращения: 17.07.2025).

³ Необходимо заметить, что латиноамериканские страны в последнее десятилетие преодолели негативные последствия доктрины Кальво, что позволяет рассматривать их арбитражные учреждения наравне с арбитражами с более длительной историей. См.: *Finizio S., Narancio V. Commercial Dispute Resolution. Brazil, 2013. P. 65.*

⁴ См.: *Garza M. F. El arbitraje en México. Ciudad de México, 2013. P. 2.*

⁵ См.: URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Mexico_2015?lang=es (дата обращения: 17.07.2025).

⁶ См.: *Código de Comercio Federal de México 1889 (ed. 2018). URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/80144/CODIGO_4.pdf* (дата обращения: 17.07.2025).

⁷ См.: Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 10 июня 1958 г. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 17.07.2025).

⁸ См.: *Convención Interamericana sobre arbitraje comercial internacional de 30.01.1975. URL: https://www.oas.org/es/sla/ddi/docs/arbitraje_comercial_publicaciones_Convenciones_Interamericanas_12-03-12.pdf* (дата обращения: 17.07.2025).

пробел, а вместе с ним и последствия доктрины Кальво были устранены Верховным Судом (отметим, что прецедент является источником права в Мексике). Так, в 1999 г. суд указал, что несмотря на то что в Конституции закреплен только судебный способ разрешения споров (государственными судами), Мексикой ратифицированы международные соглашения, допускающие альтернативные способы разрешения споров. И вместе с тем в ст. 133 Конституции не установлена иерархия национальных законов над международными соглашениями. Иными словами, Верховный Суд допустил применение Нью-Йоркской и Панамской конвенций⁹.

Таким образом, к началу XXI в. в Мексике сформировалась современная правовая база для функционирования коммерческого арбитража, основанная на знакомом и привычном российскому юридическому сообществу международном регулировании.

2. Особенности мексиканского коммерческого арбитража.

Правовое регулирование. Единственным национальным актом, регулирующим арбитраж в Мексике, является Торговый кодекс 1889 г. Так, ст. 1415–1480 практически дословно воспроизвели положения Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. (условия заключения арбитражного соглашения; порядок назначения и компетенцию арбитров; процессуальные правила ведения разбирательства; признание и исполнение арбитражных решений). Примечательно, что совокупность этих статей, ввиду своей явной обособленности, получила неофициальное название Закона об Арбитраже¹⁰ и статус независимого акта благодаря судебному толкованию и практике¹¹. Подобный подход, когда в акте гражданской кодификации содержится отдельный специализированный закон, выраженный в форме совокупности отдельных статей (теку-

щей порядковой нумерации), применяемых независимо от остальных норм этого акта кодификации, уникален¹².

Как было указано выше, Мексика является участницей Нью-Йоркской конвенции и Панамской конвенции, что обеспечивает признание и исполнение иностранных арбитражных решений на ее территории. Но заметим, что участие Мексики в двух указанных выше конвенциях вызывает определенные сложности. Например, конвенции содержат различия в процедурах признания и исполнения арбитражных решений. Так, Панамская конвенция предусматривает более детализированные процедуры и условия для признания и приведения в исполнение арбитражных решений, включая специальные требования к форме и содержанию документов, в то время как Нью-Йоркская конвенция более кратко и обобщенно регулирует эти вопросы¹³. Также отличаются основания для отказа в признании и приведения в исполнение арбитражных решений по Панамской конвенции от тех, что предусмотрены в Нью-Йоркской конвенции (например, отличия имеются в части определения публичного порядка). Указанные различия фактически создают конфликт норм, неоднозначное толкование и юридическую неопределенность, что не может быть оценено положительно. Отдельный вопрос вызывает приоритет применения конвенций Мексикой, ответ на который не дается ни в доктрине, ни в судебной практике¹⁴. Здесь оптимальным решением представляется формирование отдельных разъяснений на уровне высших судебных инстанций.

Мексика также является участницей Соглашения между США, Мексикой и Канадой 2020 г.¹⁵, ст. 31.22 которого призывает к созданию и поддержанию арбитража – «консультативного комитета по частным коммерческим спорам, ко-

⁹ См.: *Bermudez Abreu Y., Esis Villaroel I.* La Ley Modelo de Arbitraje Comercial Internacional de la CNUDMI su impacto en el ordenamiento jurídico Venezolano // *Revista de Derecho*. 2008. Vol. 29. P. 245.

¹⁰ На уровне профессиональной письменной и устной коммуникации правовое сообщество Мексики использует название «Закон об Арбитраже», общепринято подразумевая ст. 1415–1480 Торгового кодекса.

¹¹ См.: *Miñoz E.* La resolución alternativa de controversias como herramienta para superar las barreras de acceso a la justicia y la disfunción institucional en México // *International Arbitration Review. Young Arbitration Review*. 2024. No. 10. P. 58–62.

¹² Но при этом существуют вводные законы о МЧП к акту кодификации гражданского права (Египет, Испания).

¹³ См.: *Trigueros L., Vázquez P.* La Convención Interamericana sobre Arbitraje Comercial Internacional // *Revista de Investigaciones Jurídicas*. 2008. No. 8. P. 40.

¹⁴ См.: *Silva J. A.* Arbitraje comercial internacional Mexicano : (compendio de un curso). Ciudad Juárez, Chihuahua : Universidad Autónoma de Ciudad Juárez, 2015. P. 104.

¹⁵ См.: Acuerdo Estados Unidos-México-Canadá 01.07.2020. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (дата обращения: 17.07.2025).

торый будет поощрять, способствовать и продвигать через образование применение арбитража для разрешения споров».

Отметим, что мексиканское регулирование не разделяет внутренний и международный арбитраж, что обеспечивает единообразие подходов и положительно оценивается доктриной¹⁶, но является непривычным для российской правовой школы международного частного права.

Действующие арбитражные учреждения.

В настоящий момент в Мексике действует несколько институциональных арбитражных учреждений. Центр арбитража Мексики (СAМ)¹⁷ с более чем 25-летним опытом, Центр медиации и арбитража Торгово-промышленной палаты Мехико (CANACO)¹⁸, Международный арбитражный суд Международной торговой палаты (ICC Мексика)¹⁹, Федеральный трибунал по примирению и арбитражу (TFCA)²⁰. Также в Мексике действует Комиссия по защите внешней торговли – «квази-арбитраж» (COMPROMEX-BANCOMEX), учрежденная в соответствии со специальным законом 1956 г. и наделенная полномочиями по разрешению внешнеэкономических споров при условии ее выбора сторонами в качестве компетентного учреждения²¹.

Наиболее популярным арбитражным учреждением является САМ, который хорошо себя зарекомендовал и получил статус одного из лучших арбитражных учреждений в Мексике²². Арбитражный центр не публикует точные ежегодные данные о делах на своем официальном сайте, но в среднем арбитражное разбирательство в САМ длится около 14 месяцев, а средняя

сумма спора составляет около 11 миллионов долларов США²³. Наиболее современным, приверженным инновационным технологиям, является центр CANACO, который продвигает использование искусственного интеллекта в арбитраже (онлайн-заседания, подача документов через электронные ресурсы, современные формы оплаты арбитражных расходов и пр.).

Отметим, что расходы в мексиканских арбитражах сопоставимы с европейскими арбитражными центрами (так, усредненный арбитражный сбор составляет 20 000 рублей и более)²⁴. К сожалению, учреждения не публикуют статистику рассмотрения споров, и нельзя однозначно судить о наличии у учреждений опыта рассмотрения споров с российскими лицами.

Арбитражное соглашение. Согласно мексиканскому регулированию, какие-либо принципиальные отличия (от европейского), особенности и дополнительные требования к арбитражным соглашениям отсутствуют. Соглашение должно быть заключено в письменной форме, но допускаются различные способы выражения согласия сторон (в том числе обмен письмами, электронными сообщениями), а также действует принцип независимости арбитражной оговорки.

Вместе с тем Мексика приняла принципы функциональной эквивалентности и использования продвинутых электронных подписей, предусмотренных Модельным законом ЮНСИТРАЛ (ст. 7), что допускает использование электронных коммуникаций и документов в арбитражных процессах. Электронные документы и соглашения, подписанные с помощью электронных подписей, имеют полную юридическую силу и признаются в арбитражном процессе в Мексике.

Исполнение решений мексиканских арбитражей. Арбитражное решение, вынесенное мексиканским арбитражным учреждением, является окончательным и обязательным для исполнения сторонами. Согласно Нью-Йоркской конвенции, решения мексиканских арбитражей подлежат исполнению не только в Мексике, но и в других странах – участниках конвенции, что

¹⁶ См.: Ballina P. M., Patricio E. C. Estructura jurídica y jurisprudencial del arbitraje comercial en México // Revista RBD. 2023. No. 37. P. 45–67.

¹⁷ См.: Centro de Arbitraje de México. URL: <http://camex.com.mx> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁸ См.: Centro de Mediación y Arbitraje de la Cámara de Comercio de la Ciudad de México. URL: <http://arbitrajecanaco.com.mx> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁹ См.: Corte Internacional de Arbitraje de la Cámara de Comercio Internacional. URL: <http://iccmex.mx> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁰ См.: Tribunal Federal de Conciliación y Arbitraje (TFCA). URL: <http://tfca.gob.mx/> (дата обращения: 17.07.2025).

²¹ См.: Maxim G. S. Carrasco. El Arbitraje En El Derecho Civil Y Mercantil Mexicano. México, 2023. P. 55.

²² См.: Manzano M., Mariano Gómez-Vallín M. Tendencias recientes sobre la institución del árbitro en la judicature Mexicana // Revista Jurídica del Centro de Arbitraje de México. 2024. No. 2. P. 134.

²³ См.: Centro de Arbitraje de México (CAM). Arbitraje Internacional desde la Perspectiva Iberoamericana. Ciudad de México, 2024. P. 30.

²⁴ См.: URL: [https://camex.com.mx/#:~:text=Tasa%20administrativa%20\(Reglas%202022\)%20%3A%20%2427%2C840.00%20\(IVA%20incluido\)](https://camex.com.mx/#:~:text=Tasa%20administrativa%20(Reglas%202022)%20%3A%20%2427%2C840.00%20(IVA%20incluido)) (дата обращения: 17.07.2025).

является безусловным достоинством. Процедура признания и исполнения решения соответствует международным стандартам и позволяет обращаться в национальные суды для принудительного исполнения, если одна из сторон не исполняет решение добровольно.

Обеспечительные меры. Безусловным достоинством мексиканского арбитражного законодательства является то, что государственные суды вправе применять обеспечительные меры в поддержку арбитража (как национального, так и иностранного), включая выдачу исполнительных листов на постановления арбитражного суда об обеспечительных мерах²⁵. Так, ст. 1433 Закона об Арбитраже позволяет стороне арбитража обратиться в государственный суд для получения обеспечительных мер. При этом стороны могут исключить подобную возможность непосредственно в арбитражном соглашении, могут ходатайствовать перед государственным судом о принятии обеспечительных мер как до, так и во время арбитражного разбирательства. Наличие подобного механизма необходимо оценить положительно.

Конфиденциальность. В иностранной практике чаще всего арбитраж автоматически предполагает конфиденциальность, но в Мексике законодательство не содержит четких норм о ней, что создает неопределенность и формирует отличия от более развитых стандартов международного арбитража. В этой части участникам рекомендуется максимально подробно указывать условия конфиденциальности и публикации арбитражных решений непосредственно в арбитражной оговорке.

Арбитражные расходы. Необходимо отметить, что положения Закона об Арбитраже основаны на фактически утратившем силу Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ от 15 декабря 1976 г.²⁶, а не на Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Среди наиболее существенных отличий по сравнению с последним – ст. 1416 Торгового кодекса, которая определяет арбитражные затраты как

«гонорар арбитражного суда; командировочные расходы и другие расходы, понесенные арбитрами; расходы на консультацию эксперта или любую другую помощь, требуемую арбитражным судом; транспортные расходы и другие расходы свидетелей, при условии, что такие расходы одобрены арбитражным судом; расходы на юридическое представительство и юридическую помощь выигравшей стороны, если такие расходы были заявлены в ходе арбитражного разбирательства, и только в той мере, в какой арбитражный суд сочтет их разумными; сборы и расходы арбитражного учреждения, назначившего арбитров».

Таким образом, Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ определяет затраты преимущественно в контексте арбитражного процесса и его издержек, в то время как Типовой закон ЮНСИТРАЛ дает более широкое и детализированное определение затрат и убытков, включая их распределение, возможность их сокращения и ответственность за отказ в их компенсации.

Механизм конституционной защиты ампаро. Но наиболее существенной особенностью мексиканского арбитража является наличие конституционного механизма защиты прав лиц – процедуры ампаро (*«recurso de amparo»* – *«возбуждения дела в порядке приказа о защите прав»*), согласно ст. 107 Конституции²⁷. Это уникальный институт мексиканского права, обеспечивающий защиту конституционных прав от неправомερных действий органов власти, включая судебные органы. Ампаро может использоваться для обжалования решений, связанных с признанием и приведением в исполнение решений арбитражных судов, в том числе иностранных²⁸.

Несмотря на то что действующая редакция Закона об Арбитраже установила границы возможного вмешательства государственных судов в арбитражный процесс (государственные

²⁷ См.: Ley De Amparo, Reglamentaria De Los Artículos 103 y 107 De La Constitución Política De Los Estados Unidos Mexicanos 2013. URL: <https://mexico.justia.com/federales/leyes/ley-de-amparo/> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁸ См.: Клишас А. А. Компетенция органов судебной власти в Мексике по рассмотрению дел в рамках «процедуры ампаро» // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2002. № 2. С. 45–53; *Его же*. Процедура «прямого ампаро»: правовые основы организации и конституционно-правовой юрисдикции // Рос. следователь. 2006. № 5. С. 58–64; *Его же*. «Прямое ампаро» как один из видов конституционного контроля и конституционного правосудия в Мексике: проблемы доктринального характера // Там же. 2006. № 6. С. 12–16.

²⁵ В России целесообразность закрепления подобного механизма является предметом множественных дискуссий. Например, законопроект, включающий подобные меры, был разработан Минюстом России и вынесен на обсуждение 11 июля 2025 г. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=157920> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁶ См.: URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=17442&ysclid=md01zpmzyw743069423> (дата обращения: 17.07.2025).

суды не могут пересматривать решения арбитражных судов по процедуре ампаро), непосредственно решения, выносимые судьями в рамках процедуры признания (отказа) и исполнения арбитражного решения, являются актами государственной власти, которые могут быть обжалованы посредством ампаро. В таком случае судья должен проанализировать, как нижестоящий суд исследовал основания для отмены или отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, но не должен пересматривать арбитражное решение по существу, изменять его или привлекать арбитров к какой-либо ответственности²⁹.

В мексиканской доктрине сформировалось положительное отношение к ампаро как важному инструменту для защиты прав сторон в арбитраже, обеспечивая баланс между автономией арбитража и контролем со стороны судебной системы³⁰. В то же время наличие процедуры ампаро создает риск затягивания исполнения арбитражных решений, что часто становится предметом критики как препятствие для оперативного разрешения споров. Сторонами спора ампаро иногда применяется как способ затягивания процесса, поскольку он добавляет дополнительный уровень судебного контроля над арбитражными решениями³¹.

Можно утверждать, что ампаро, хотя и не нивелирует институт арбитража и его процедурную автономию, но вместе с тем данный механизм может служить способом злоупотребления и затягивания исполнения арбитражного решения. На наш взгляд, процедуры ампаро в арбитраже являются чрезмерными и могли бы быть полностью заменены институтом публичного порядка. Так, действующий Гражданский кодекс 1928 г.³² закрепляет публичный порядок (его нарушение) как основание для отказа в применении ино-

странного права, недействительности сделок и ограничений прав. А в Законе об Арбитраже нарушение публичного порядка является основанием для отмены решения арбитражного суда (ст. 1457), а также для отказа в признании или приведении в исполнение решения арбитража, независимо от страны, в которой оно было вынесено (ст. 1462). На наш взгляд, данные положения в полном объеме реализуют цели механизма ампаро³³.

Таким образом, рассмотренный конституционный механизм является неудобным инструментом для целей арбитража, несет в себе потенциальный риск затягивания арбитражного процесса, а также делает мексиканский арбитраж существенно отличающимся от европейской модели, что в целом нельзя оценить положительно.

3. Нормативные позиции органов власти Мексики в отношении международных экономических санкций (односторонних ограничительных мер).

Мексика является членом ООН и признает международные санкции, введенные только в рамках процедур ООН³⁴. Несмотря на то что мексиканские правоведы, безусловно, правильно утверждают, что односторонние ограничительные меры противоречат международному праву и нарушают права лиц³⁵, на уровне государства отсутствуют какие-либо формальные запреты на соблюдение мексиканскими лицами и институтами иностранных санкций³⁶.

²⁹ В мексиканских академических кругах, а также в профессиональной среде какие-либо изменения Конституции вызывают резкое неприятие, а механизм ампаро воспринимается как неотъемлемая конституционная гарантия защиты от произвола властей.

³⁴ См.: *Peña Haller E. P., Sánchez J. M. Contreras* La implementación en México de sanciones selectivas de las Naciones Unidas Implementation of United Nations Selective Sanctions in Mexico // *Revista Mexicana de Política Exterior*. 2017. No. 109. P. 125–161.

³⁵ См.: *Tamayo J.* Las sanciones unilateralis impuestas for Estados Unidos son la maxima violación de derechos humanos contra los países en desarrollo. URL: OPINIÓN DE INVITADO: Las sanciones unilaterales impuestas por Estados Unidos son la máxima violación de derechos humanos contra los países en desarrollo|Spanish.xinhuanet.com ; Sanciones Internacionales Mayo 2025. URL: <https://lupicinio.com/sanciones-internacionales-%C2%B7-mayo-2025/> (дата обращения: 03.07.2025).

³⁶ См.: *González-Chaves R.* Las sanciones internacionales y su implicación en los programas de compliance. URL: <https://diariolaley.laleynext.es/dll/2024/12/12/las-sanciones-internacionales-y-su-implicacion-en-los-programas-de-compliance> (дата обращения: 03.07.2025).

²⁹ См.: *International Arbitration Laws and Regulations 2025 – Mexico* Free Online Access Published: 07/04/2025. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/international-arbitration-laws-and-regulations/mexico/> (дата обращения: 17.07.2025).

³⁰ См.: *Arbitraje Comercial Internacional : El Reconocimiento y la Ejecución de Sentencias y Laudos Arbitrales Extranjeros*. Ciudad de México, 2024. P. 622.

³¹ См.: *Rojas G. Edwin Stevan.* Arbitraje internacional contenidos : un estudio desde el Convenio de Washington en relación con el sistema jurídico Mexicano. Monterrey : Universidad Autónoma de Nuevo León, 2023. P. 120.

³² См.: URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0302?ysclid=md7j8gifas471995199> (дата обращения: 17.07.2025).

Мексика официально не признает и не поддерживает международные санкции против России, а органы власти последовательно занимают позицию неприсоединения к антироссийским санкциям. Эта позиция сохраняется с 2014 г. и подтверждается как на уровне политических заявлений, так и в экономической практике: между Россией и Мексикой осуществляются прямые торговые отношения, а товарооборот продолжает расти, несмотря на санкционные ограничения³⁷. Отметим, что в Мексике более ста российских компаний работает в государственном секторе, а еще сотни – в различных коммерческих секторах³⁸.

Заметим, что на уровне национальных регуляторов имеются схожие подходы. Так, в Справочнике Банка внешней торговли Мексики (Bancomext), предназначенном для национальных компаний и предпринимателей, закреплено, что последние должны соблюдать только национальные законы, а также международные соглашения и договора ратифицированные Мексикой³⁹. В Инструкции Департамента глобальной экономической разведки (UIEG), отвечающего за развитие экспорта и привлечение иностранных инвестиций в Мексике, прямых указаний для мексиканских компаний о необходимости соблюдения односторонних международных санкций (например, санкций США или ЕС) также не содержится. Основной рекомендацией для предпринимателей является необходимость анализировать политико-экономическую ситуацию, соблюдать национальное законодательство и международные торговые правила⁴⁰. Вместе с тем в Руководстве для малых и средних предприятий 2020 г. Министерства экономики рекомендуется учитывать, не находится ли страна-импортер под экономическими санкциями или эмбарго, а также политические риски, которые могут повлиять на торговлю⁴¹.

³⁷ См.: URL: <https://elespectador.mx/mexico-no-impondra-sanciones-economicas-a-rusia/> (дата обращения: 03.07.2025).

³⁸ См.: URL: <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-03-01/por-que-mexico-no-impondra-sanciones-a-rusia-por-invasion-de-ucrania> (дата обращения: 03.07.2025).

³⁹ См.: Guía Básica del Exportador La presente edición es propiedad del Banco Nacional de Comercio Exterior, S.N.C. 2022. P. 298.

⁴⁰ См.: Unidad de Inteligencia Económica Global. *Decídete a Exportar*, 2020. P. 40.

⁴¹ См.: Guía para la Internacionalización de la PyME 2020. Secretaría de Economía, 2021.

Таким образом, несмотря на то что Мексика официально не признает односторонние санкции, в том числе против российских лиц, на уровне национальных компаний они воспринимаются как фактор коммерческого риска, что способствует развитию системы учета и соблюдения односторонних санкций (системы санкционного комплаенса).

4. Влияние международных экономических санкций (односторонних ограничительных мер) на коммерческий арбитраж в Мексике.

В доктрине присутствует непопулярное мнение, что арбитраж по своей правовой сути является коммерческой услугой, предоставляемой сторонам спора, однако большинство исследователей утверждает, что, несмотря на независимый характер, арбитраж выполняет квазисудебную функцию и, следовательно, выходит за рамки санкций, направленных на коммерческую деятельность. Но нельзя отрицать практические трудности, с которыми сталкиваются российские лица (как подсанкционные так и нет) при обращении в арбитражное учреждение⁴².

К настоящему времени ведущие европейские и азиатские арбитражные учреждения декларируют свою беспристрастность в контексте современной санкционной политики. Так, Арбитражным институтом Торговой палаты Стокгольма (SCC) опубликованы правила ведения споров с подсанкционными лицами⁴³, которые закрепляют, что подсанкционное лицо должно уведомить арбитражное учреждение о своем санкционном статусе до подачи запроса на арбитраж⁴⁴. Вместе с тем еще в 2022 г. SCC, VIAC, FAI, DIS и SCAI выпустили совместное заявление, в котором отдельно процитировали и прокомментировали исключения из санкционных запретов для арбитражей⁴⁵.

⁴² См.: Кроль К. Право на защиту и справедливое судебное разбирательство : к вопросу о морали и предубеждении в международном коммерческом арбитраже // Санкции в международном арбитраже. 2022. № 2. С. 17–23.

⁴³ См.: URL: <https://sccinstitute.com/our-services/eu-sanctions/> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴⁴ Например, Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) принял собственную политику в отношении подсанкционных лиц (URL: <https://www.hkiac.org/arbitration/sanctions-policy> (дата обращения: 17.07.2025)).

⁴⁵ См.: URL: https://sccinstitute.com/media/1843377/joint-statement-7th-sanctions-package-26-july-2022_final.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

Но мексиканские арбитражные учреждения к настоящему моменту не разработали каких-либо специальных положений и не сделали официальных заявлений в отношении своей беспристрастности в рамках дел с санкционным элементом. И, хотя, по общему правилу, презюмируются независимость и беспристрастность арбитража, отсутствие публичной позиции создает эффект неопределенности, что сложно оценить положительно. Так, САМ, на который прямо или косвенно ориентируются все остальные арбитражные учреждения Мексики, прямо не исключает и не ограничивает участие российских компаний в арбитражах, администрируемых центром⁴⁶. Не менее авторитетный центр CANACO соблюдает принципы беспристрастности и нейтральности, а также работает в соответствии с мексиканским законодательством и международными арбитражными нормами, фактически не вводя ограничений, связанных с односторонними санкциями других стран или государственных образований. Но ни одно из арбитражных учреждений никак официально не прокомментировало введение санкций и прямо не заверило в беспристрастности в этом отношении.

В данной части можно рекомендовать мексиканским арбитражным учреждениям официально сформировать и декларировать свою позицию в части разрешения споров с подсанкционными лицами (лицами из подсанкционных юрисдикций), а именно – гарантировать соблюдение принципов беспристрастности и независимости в спорах с санкционным элементом. Это помогло бы повысить уровень доверия.

Несмотря на то что Мексика прямо не признает односторонние санкции, действующее законодательство не содержит запрета на их исполнение национальными компаниями. Последние же формируют и развивают локальные политики, направленные на уменьшение потенциальных санкционных рисков, что в ряде случаев может включать и непосредственное соблюдение односторонних ограничительных мер.

Что касается системы мексиканских арбитражей, то она в части своего отношения к спорам с российским элементом, в том числе санкционным, сохраняет некую неопределенность, если даже не двойственность. Так, ведущие арбитражные учреждения, хотя прямо и не деклари-

ровали свою беспристрастность к подобным спорам и российским лицам в целом (в отличие от ряда европейских и азиатских учреждений), но и не допускали заявлений, позволивших бы их скомпрометировать в связи с этим. Здесь можно рекомендовать арбитражам публично высказать однозначную приверженность стандартам независимости и беспристрастности в отношении лиц и дел с подсанкционным и российским элементом.

Обратим внимание, что нельзя положительно оценить отсутствие публикаций статистики рассмотрения дел мексиканскими арбитражными учреждениями. По этой причине представляется невозможным однозначно выявить количество рассмотренных дел с участием российских лиц. Также в Мексике нет практики опубликования арбитражных решений (их ключевых положений), что затрудняет формирование единых подходов и может снижать прозрачность процедур⁴⁷. В регулировании мексиканского арбитража имеется ряд существенных отличий от европейского, что может вызвать определенные затруднения. Так, с толку может сбить отсутствие отдельного (в общеупотребимом смысле) закона о коммерческом арбитраже, а также отсутствие разграничения между внутренним и международным арбитражем. Последнее позволяет применять однородные нормы ко всем арбитражам, в то время как в международной практике обычно существуют отдельные правила и процедуры для международного арбитража. Вместе с тем мексиканское законодательство допускает назначение четного числа арбитров, что может привести к тупиковым ситуациям при разногласиях между ними. Последнее необходимо предусматривать на этапе составления арбитражной оговорки.

К существенному недостатку мексиканского арбитража допустимо отнести наличие конституционного механизма ампаро, который может превратиться в инструмент затягивания процесса и подрыва эффективности арбитража. Передача дела в мексиканский арбитраж подразумевает, что при уважении принципов *lex*

⁴⁶ См.: URL: <https://camex.com.mx/en/> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴⁷ См.: Fortier Y. The Occasionally Unwarranted Assumption of Confidentiality // Revista Latinoamericana de Derecho Comercial Internacional. Vol. 3. 2015. No. 2. P. 215 ; Daffir G., Monroy M. Arbitraje internacional : de la confidencialidad. Tesis que para obtener el grado de licenciado en derecho. Rich Media Ciudad Universitaria. Cd. Mx., 2023. P. 217.

voluntatis и pacta sunt servanda могут существовать различные случаи судебного контроля. На наш взгляд, исключение арбитража из периметра действия механизма ампаро, в том числе его замена институтом публичного порядка (ст. 1457, 1462 Гражданского кодекса 1928 г.) могло бы иметь положительный эффект. Вместе с тем не будем критиковать данный механизм и ту идею, которую он в себе реализует уже больше столетия, а обратим внимание, что в контексте современного арбитража он является непривычным для сторонников европейских арбитражных систем.

Особняком стоит проблема конфиденциальности. В мексиканском законодательстве отсутствует четкая регламентация принципа конфиденциальности арбитражного процесса и выносимых решений, тогда как в большинстве европейских стран этот принцип урегулирован подробно.

Положительно необходимо оценить наличие полномочий у государственных судов применять обеспечительные меры в поддержку арбитража. Заметим, что мексиканские арбитражные институты, такие как CAM и CANACO, считаются компетентными и получают всё больший авторитет в регионе, предлагая всё более эффективные процедуры и квалифицированных специалистов⁴⁸.

В качестве вывода отметим, что мексиканский арбитраж обладает хорошим потенциалом и не выражает явной «недружественности» к российским лицам, а также к спорам с санкционным элементом. Но на настоящий момент он всё еще находится на этапе своего становления и не может быть признан полноценной альтернативой европейскому, в том числе для рассмотрения споров с участием российских лиц, как подсанкционных, так и нет.

Библиографический список

Клишас А. А. Компетенция органов судебной власти в Мексике по рассмотрению дел в рамках «процедуры ампаро» // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2002. № 2. С. 45–53.

Клишас А. А. Процедура «прямого ампаро» : правовые основы организации и конституционно-правовой юрисдикции // Рос. следователь. 2006. № 5. С. 58–64.

Клишас А. А. «Прямое ампаро» как один из видов конституционного контроля и конституцион-

ного правосудия в Мексике : проблемы доктринального характера // Рос. судья. 2006. № 6. С. 12–16.

Кроль К. Право на защиту и справедливое судебное разбирательство: к вопросу о морали и предубеждении в международном коммерческом арбитраже // Санкции в международном арбитраже. 2022. № 2. С. 17–23.

Arbitraje Comercial Internacional : El Reconocimiento y la Ejecución de Sentencias y Laudos Arbitrales Extranjeros. Ciudad de México, 2024. P. 622.

Ballina P. M., Patricio E. C. Estructura jurídica y jurisprudencial del arbitraje comercial en México // Revista RBD. 2023. No. 37. P. 45–67.

Bermudez Abreu Y., Esis Villaroel I. La Ley Modelo de Arbitraje Comercial Internacional de la CNUDMI su impacto en el ordenamiento jurídico Venezolano // Revista de Derecho. 2008. Vol. 29. P. 237–266.

Daffir G., Monroy M. Arbitraje internacional : de la confidencialidad. Tesis que para obtener el grado de licenciado en derecho. Rich Media Ciudad Universitaria. Cd. Mx., 2023. P. 217.

Finizio S., Narancio V. Commercial Dispute Resolution. Brazil, 2013. P. 65–69.

Fortier Y. The Occasionally Unwarranted Assumption of Confidentiality // Revista Latinoamericana de Derecho Comercial Internacional. Vol. 3. 2015. No. 2. P. 215.

Garza M. F. El arbitraje en México. Ciudad de México, 2013. P. 45.

González-Chaves R. Las sanciones internacionales y su implicación en los programas de compliance. URL: <https://diariolaley.laleynext.es/d11/2024/12/12/las-sanciones-internacionales-y-su-implicacion-en-los-programas-de-compliance>

Manzano M., Mariano Gómez-Vallín M. Tendencias recientes sobre la institución del árbitro en la judicatura Mexicana // Revista Jurídica del Centro de Arbitraje de México. 2024. No. 2. P. 134.

Maxim G. S. Carrasco. El Arbitraje En El Derecho Civil Y Mercantil Mexicano. México, 2023. P. 55.

Muñoz E. La resolución alternativa de controversias como herramienta para superar las barreras de acceso a la justicia y la disfunción institucional en México // International Arbitration Review. Young Arbitration Review. 2024. No. 10. P. 58–62.

Peña Haller E. P., Sánchez J. M. Contreras La implementación en México de sanciones selectivas de las Naciones Unidas Implementation of United Nations Selective Sanctions in Mexico // Revista Mexicana de Política Exterior. 2017. No. 109. P. 125–161.

Silva J. A. Arbitraje comercial internacional Mexicano : (compendio de un curso). Ciudad Juárez, Chihuahua : Universidad Autónoma de Ciudad Juárez, 2015. P. 104.

Tamayo J. Las sanciones unilaterales impuestas for Estados Unidos son la máxima violación de derechos humanos contra los países en desarrollo. URL:

⁴⁸ См.: URL: <https://ciarglobal.com/los-numeros-del-arbitraje-en-america-latina/> (дата обращения: 17.07.2025).

OPINIÓN DE INVITADO: Las sanciones unilaterales impuestas por Estados Unidos son la máxima violación de derechos humanos contra los países en desarrollo | Spanish.xinhuanet.com

Trigueros L., Vázquez P. La Convención Interamericana sobre Arbitraje Comercial Internacional // Revista de Investigaciones Jurídicas. 2008. No. 8. P. 40.

References

Klishas A. A. Competence of judicial authorities in Mexico to consider cases under the «amparo procedure» // Bulletin of the RUDN University. Ser.: Legal Sciences. 2002. No. 2. P. 45–53.

Klishas A. A. The procedure of «direct amparo» : the legal foundations of the organization and constitutional jurisdiction // Russian investigator. 2006. No. 5. P. 58–64.

Klishas A. A. «Direct amparo» as one of the types of constitutional control and constitutional justice in Mexico : problems of a doctrinal nature // Russian Judge. 2006. No. 6. P. 12–16.

Krol K. The right to protection and fair trial : on the issue of morality and prejudice in international commercial arbitration // Sanctions in international arbitration. 2022. No. 2. P. 17–23.

International Commercial Arbitration : the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Judgments and Awards. Mexico City, 2024. P. 622.

Ballina P. M., Patricio E. C. Legal and jurisprudential structure of commercial arbitration in Mexico // RBD Magazine. 2023. No. 37. P. 45–67.

Bermudez Abreu Y., Esis Villaroel I. The UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration its Impact on the Venezuelan legal system // Law Review. 2008. Vol. 29. P. 237–266.

Daffir G., Monroy M. International arbitration : of confidentiality. Thesis than to obtain the degree of Bachelor of laws. Rich Media University City. CD. Mx., 2023. P. 217.

Finizio S., Narancio V. Commercial Dispute Resolution. Brazil, 2013. P. 65–69.

Fortier Y. The Occasionally Unwarranted Assumption of Confidentiality // Revista Latinoamericana de Derecho Comercial Internacional. Vol. 3. 2015. No. 2. P. 215.

Garza M. F. Arbitration in Mexico. Mexico City, 2013. P. 45.

González-Chaves R. International sanctions and their implication in compliance programs. URL: <https://diariolaley.laleynext.es/d11/2024/12/12/las-sanciones-internacionales-y-su-implicacion-en-los-programas-de-compliance>

Apple tree M., Mariano Gómez-Vallin M. Recent trends on the institution of the arbitrator in the Mexican judiciary // Revista Juridica del Centro de Arbitraje de México. 2024. No. 2. P. 134.

Maxim G. S. Carrasco. Arbitration In Mexican Civil And Commercial Law. Mexico, 2023. P. 55.

Muñoz E. Alternative dispute resolution as a tool to overcome barriers to access to justice and institutional dysfunction in Mexico // International Arbitration Review. Young Arbitration Review. 2024. No. 10. P. 58–62.

Peña Haller E. P., Sánchez J. M. Contreras The implementation of United Nations targeted sanctions in Mexico of the United Nations Targeted Implementation of Sanctions in Mexico // Mexican Journal of Foreign Policy. 2017. No. 109. P. 125–161.

Silva J. A. International Mexican commercial arbitration : (compendium of a course). Ciudad Juárez, Chihuahua : Universidad Autónoma de Ciudad Juárez, 2015. P. 104.

Tamayo J. The unilateral songs imposed for the United States are the maximum violation of human rights against developing countries. URL: GUEST REVIEW: The unilateral sanctions imposed by the United States are the maximum violation of human rights against developing countries | English.xinhuanet.com

Trigueros L., Vázquez P. The Inter-American Convention on International Commercial Arbitration // Journal of Legal Research. 2008. No. 8. P. 40.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Бутакова Я. С., соискатель, преподаватель департамента правового регулирования бизнеса, руководитель направления международных рисков департамента международно-правовой работы АО «ОХК «УРАЛХИМ»

E-mail: yanabutakova@yandex.ru

National Research University «Higher School of Economics»

Butakova Ya. S., Candidate of Law Degree, Lecturer of the Department of Business Legal Regulation, Head of the International Risks Department of the International Legal Work Department of JSC «URALCHEM»

E-mail: yanabutakova@yandex.ru

Поступила в редакцию: 19.07.2025

Received: 19.07.2025

Для цитирования:

Бутакова Я. С. Мексиканский арбитраж как альтернатива европейским арбитражным учреждениям в эпоху санкционных ограничений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 281–291. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/281-291>

For citation:

Butakova Ya. S. Mexican arbitration as an alternative to european arbitration institutions in the era of sanctions restrictions // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 281–291. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/281-291>

НЕПРИЗНАННЫЕ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

О. Р. Кондрашов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

UNRECOGNISED AND PARTIALLY RECOGNISED STATES AS PARTICIPANTS IN INTERNATIONAL RELATIONS: THE INTERNATIONAL LEGAL PERSPECTIVE

O. R. Kondrashov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: правовой статус так называемых непризнанных и частично признанных государств остается загадкой международного права. То же касается их отношений с признанными государствами, фактическое наличие и развитие которых всё так же сталкивается со значительной юридической неопределенностью. В статье проводится обзор стратегий опосредованного участия таких территориальных образований в международных отношениях, в том числе характеризующихся отказом от традиционных дипломатических регалий и заключением соглашений фактически договорного характера. Анализируется связанная практика национальных судов признанных государств, характеризующаяся значительным прагматизмом и признанием за соответствующими образованиями определенного юридически значимого существования. Отмечается необходимость дальнейшего исследования вопроса с учетом многообразия существующих интересов при особом внимании к соблюдению сложившихся международно-правовых ценностей и принципов.

Ключевые слова: непризнанные государства, частично признанные государства, международная правосубъектность, критерии государственности, признание, эффективность.

Abstract: the legal status of the so-called unrecognised and partially recognised States remains an enigma of international law. The same applies to their relations with recognised States, the actual existence and development of which still face considerable legal uncertainty. The article reviews strategies of indirect participation of such territorial entities in international relations, including those characterised by the abandonment of traditional diplomatic regalia and the conclusion of agreements of a *de facto* conventional nature. It also analyses the related practice of the national courts of recognised States, which is characterised by considerable pragmatism and the recognition of a certain legally significant existence for the relevant entities. The need for further study of the issue is noted, which must take into account the diversity of existing interests, with particular attention to the observance of established international legal values and principles.

Key words: unrecognised States, partially recognised States, international legal personality, criteria of statehood, recognition, effectiveness.

Современная международно-правовая доктрина, центральным и связующим ядром которой остается суверенное государство, в значительной мере основана на принципе и этике

автономии воли, соображениях консенсуальности и свободы построения отношений равных с равными. При этом наблюдается постепенное расширение круга существующих субъектов и даже «прав участия» и компетенций акторов, еще не способных претендовать в полной мере

на такой статус.¹ В то же время «на периферии» международно-правовой науки остается целое измерение существующих правоотношений, касающихся так называемых «непризнанных» и «частично признанных» государств (далее – «*de facto* образования»)². Данные правоотношения несравненно более близки к тому, что традиционно наблюдается между государствами; тем не менее в силу различных внешних (например, политических соображений) и внутренних (например, опасений, связанных с нерушимостью принципа территориальной целостности) предпосылок они сохраняют статус своеобразной «серой зоны» международного права³.

Реальное существование и даже многообразии таких правоотношений всё более актуа-

¹ См.: *Ryngaert C. Non-State Actors: Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System // Netherlands International Law Review. 2016. Vol. 63. P. 183–195.*

² Территориальные образования, отличающиеся *de facto* удовлетворением всем или значительной части общепризнанных критериев государства, но ввиду различных причин не удостоенных признания, достаточного для полноценной и полноправной интеграции в международную жизнь. Подобрать единый термин для таких образований сейчас можно лишь условно. Указанный термин автор применяет исключительно из соображений краткости. Специалистами в данной тематике используется целый ряд различных объединяющих понятий, отдельные из которых отличаются своей эмоциональной окраской, отражающей настроения того или иного общества. См.: *Катков Д. Проблема международно-правового признания и феномен непризнанных государств в современном научном дискурсе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 30–33.*

³ В отечественной академической литературе можно найти детальное описание особенностей международного положения, внутренней организации и политико-правовой жизни некоторых таких образований и их стратегий интеграции в международное пространство. См., например: *Маркедонов С. СНГ-2. Непризнанные государства на постсоветском пространстве : к определению природы феномена // Гуманитарная мысль Юга России. 2015. № 1. С. 118–126 ; Петрова С. Внешняя политика непризнанных государств (на примере Республики Абхазия) // Вестник Сочинского гос. ун-та туризма и курортного дела. 2011. № 2 (16). С. 233–236 ; Толстых В. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Рос. юрид. журнал. 2020. № 5. С. 135–151 ; Толстых В., Григорян М., Коваленко Т., Халабуденко О. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств // Там же. 2018. № 3 (12). С. 36–44 ; Их же. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств (окончание) // Там же. № 4 (121). С. 43–55 ; Основы политической власти Приднестровской Молдавской Республики : учеб. пособие / [И. Галинский и др.]. Тирасполь, 2016. 160 с.*

лизируют вопрос их международно-правового статуса. С одной стороны, его отсутствие означает существенный правовой вакуум, сохранение которого отражает продолжающееся отставание международного права от объективной реальности, не говоря о проблемах этического характера.⁴ Вместе с тем нельзя сказать, что государства совершенно исключают *de facto* образования из международной жизни. Как отмечал Дж. Кроуфорд, это в том числе означало бы исключение для таких образований любых международно-правовых обязательств, что, очевидно, не соответствует интересам государств; означало бы это и полную свободу вмешательства в их внутренние дела, отказ в самых базовых правах, что также не соответствовало бы интересам международного права⁵. Данный вопрос требует очень взвешенного подхода.

Данная работа кратко суммирует особенности положения *de facto* образований в международной системе в современный период. Будут проанализированы стратегии фактического участия таких субъектов в международных отношениях, в том числе в договорной сфере, особенности такого участия, определяющие его уникальность с точки зрения международного права. Кроме того, будет рассмотрен подход к таким образованиям национальных судов не признающих государств, неожиданно ориентированный на соображения правовой целесообразности. Поскольку соответствующие проблемы совмещены с многообразием не только правовых, но в первую очередь политико-экономических факторов (почему до сих пор они в основном рассматривались политологами, а не юристами), данная работа будет придерживаться междисциплинарного подхода.

Модели участия *de facto* образований в межгосударственных отношениях

Очевидно, что возможности непризнанных и частично признанных государств в сфере между-

⁴ См.: *Crawford J. The Creation of States in International Law (2nd edition). Oxford University Press, 2007. P. 145*

⁵ См.: *Crawford J. Op. cit. P. 17–18.* В частности, это предполагает международную изоляцию, что подразумевает значительные ограничения во вступлении в различные жизненно важные правоотношения. См., например: *Старовойтова Ю. К вопросу об основаниях и значении международно-правового признания государства : теоретико-правовой аспект // Признание государств и правительств : проблемы и перспективы, барьеры и возможности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Луганск ; Кострома, 2018. С. 137–138.*

народного общения ограничены и характеризуются существенной изоляцией во многих ключевых для признанных государств областях. Тем не менее некоторые из этих образований смогли приспособиться к такому существованию. Более того, можно отметить и определенные экономические успехи⁶, что в условиях современной глобализации и торговой интеграции очень непросто. Это подразумевает и самые разные методы опосредованной интеграции в международные, в первую очередь экономические, процессы. С. Пегг, один из ключевых исследователей проблемы *de facto* образований и их места в международных процессах, выделил несколько моделей такой интеграции⁷.

Так называемую «тайваньскую модель»⁸ характеризует поддержание экономических, торговых, технологических, культурных отношений. Среди сопутствующих черт можно отметить (а) выраженный номенклатурный прагматизм (избегание традиционных для межгосударственного взаимодействия дипломатических регалий, иных факторов, подразумевающих политическую самостоятельность субъек-

та); (б) активное участие формально не признающих государств, в том числе с изданием законодательства, допускающего такое взаимодействие и регулирующего его порядок (например, Закон США об отношениях с Тайванем 1979 г. – *Taiwan Relations Act*)⁹; (в) осуществление дипломатических функций через контролируемые, но формально частные организации («культурные центры», НКО, иные)¹⁰. Подобные представительства Тайвань имеет в десятках государств¹¹, включая Россию (Московско-Тайбейская и Тайбейско-Московская координационные комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству). Такая практика в определенной мере обусловлена достаточной привлекательностью экономического взаимодействия с конкретным непризнанным образованием – в данном отношении Тайвань, как технологический гигант и одна из крупнейших экономик Азии, фактически находится в привилегированном положении¹². «Тайваньскую модель» воспроизводят с различным успехом и другие *de facto* образования, например ТРСК и Сомалиленд¹³.

⁶ Хрестоматийный пример – Тайвань, признанный лидер по экспорту капитала и полупроводниковых технологий. При несравненно меньшей международной поддержке и практически в отсутствие внешнего признания Турецкая Республика Северного Кипра (далее – ТРСК) смогла установить торговые связи с десятками стран и преуспевает в туристической сфере, Приднестровская Молдавская Республика (далее – ПМР) смогла реализовать свои достоинства как развитого промышленного региона, а Сомалиленд оказался успешен в сельскохозяйственном экспорте. См.: Pegg S. *De Facto States in the International System*. Vancouver : Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. P. 4. На постсоветском пространстве выделяется, например, уровень развития политических институтов таких образований. См.: Чернашкина Т. Проблема международного признания независимости самопровозглашенных государств на территории постсоветского пространства // Вестник Омского ун-та. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 216–217.

⁷ Поскольку описать всю существующую практику в рамках одной краткой статьи невозможно, за основу взят именно пример Тайваня – на удивление, этот случай практически универсален и в определенной мере задействовал все возможные существующие механизмы.

⁸ Как эту модель охарактеризовал С. Пегг, на самом деле, с тем или иным успехом ее задействуют любые *de facto* образования, для которых она является наиболее доступной и интуитивной опцией, в то время как сам Тайвань в той или иной мере задействует каждую из представленных моделей.

⁹ Закон США об отношениях с Тайванем, по сути, «консервирует» и развивает отношения, возникшие между США и Тайванем на момент отзыва признания 1 января 1979 г., несмотря на отсутствие признания и дипломатических отношений с последним. Законы США применяются к Тайваню так же, как применялись на эту дату, как и все действовавшие на тот момент (и сохраняющие действие) договоры с их участием. Закон также распространяет на Тайвань действие всего законодательства США, применяемого по отношению к зарубежным странам (Секция 4).

¹⁰ См.: Pegg S. (1998). *Op. cit.* P. 10 ; Geldenhuys D. *Contested States in World Politics*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. P. 210–220 (суммирует соответствующую практику Тайваня).

¹¹ Например, Американский институт на Тайване по контракту с Государственным департаментом, по сути, осуществляет те же функции, что и прежнее посольство США. Функции его аналога выполняет Тайбэйское представительство по экономическим и культурным связям в США (г. Вашингтон), а также целых 12 представительств в других городах. См. ROC Ministry of Foreign Affairs. ROC Embassies and Missions Abroad. URL: https://www.tmeccc.org/portalOfDiplomaticMission_en.html (дата обращения: 15.06.2025).

¹² См.: Pegg S. (1998). *Op. cit.* P. 1.

¹³ См.: Turkish Republic of Northern Cyprus Ministry of Foreign Affairs. Missions Abroad. URL: <https://mfa.gov.ct.tr/consular-info/missions-abroad/> (дата обращения: 15.06.2025) ; Embassy Pages. Somaliland Representations and Consulates. URL: <https://www.embassypages.com/somaliland> (дата обращения: 15.06.2025).

Кроме того, практикуется *вхождение в экономические организации, членство в которых не ограничено государствами* (например, в рамках ВТО – «таможенные территории»¹⁴, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества¹⁵ – «экономики»). В случае Тайваня это не обходится без определенного компромисса: Тайвань отказывается от вступления в такие организации под наименованиями, которые могли бы однозначно указывать на его самостоятельность (так, в ВТО, ВОЗ, МОК, АТЭС и других используется наименование «Китайский Тайбэй»)¹⁶. Возможность вхождения в подобные организации объясняется их специфическими целями, подталкивающими к задействию «функционального» подхода к членству, когда оно исходит не из наличия у претендентов статуса государства, а из их способности осуществлять определенную функцию, отвечающую цели и интересам организации.

Третьей является «эфиопская» модель. В данном случае материнское государство само дает одобрение для участия в развитии *de facto* образования зарубежных гуманитарных организаций, инвесторов и правительств. Делается это при том условии, что территориальный вопрос в любом случае будет разрешен. Например, исходя в том числе из интересов развития региона, президент Эфиопии указал на ее открытость для прямого взаимодействия государств с (на тот момент непризнанной) Эритреей, но без дипломатического признания, в ожидании проведения референдума который окончательно разрешит бы правовой статус данной территории. Данная модель применима и к ситуации с Тайванем, чья широкая экономическая кооперация в целом допускается Китаем, исходя из соображений ее меньшей чувствительности для вопро-

сов суверенитета, а также согласия с политикой «одного Китая»¹⁷. Здесь, однако, следует помнить и о специфике ситуации: Тайвань позиционирует себя как истинное правительство Китая, а не претендует на самостоятельную от материкового Китая государственность. В то же время отдельные авторы, напротив, склонны рассматривать эту модель как стратегию консолидации суверенного статуса *de facto* образования¹⁸.

Заключение международных соглашений с *de facto* образованиями

Международное взаимодействие государств с *de facto* образованиями, даже такого ограниченного характера, не могло не сопровождаться стремлением формально зафиксировать взаимные обязательства, в частности посредством заключения взаимно обязывающих соглашений, несмотря на высочайшую политическую чувствительность данного вопроса. Такие договоры сейчас уже не являются редкостью. Как указывает А. Исполинов, между одной Южной Осетией и Россией уже заключено более 120 соглашений по самым разным вопросам¹⁹. На счету Косово более сотни двусторонних соглашений с государствами в различных областях, от защиты инвестиций и исключения двойного налогообложения до экстрадиции, пассажирских и грузоперевозок²⁰. Тайвань заключил два договора о зонах свободной торговли (с Сингапуром и Новой Зеландией) и по меньшей мере 32 двусторонних инвестиционных соглашения, наиболее современные из которых (с Вьетнамом, Филиппинами и Индией) даже отметились внедрением некоторых передовых договорных практик²¹. В целом

¹⁷ См.: Lo M. An Unrecognized State as an International Investment Law Actor : the Innovation of Taiwan's New International Investment Treaties // Minnesota Journal of International Law. Vol. 31. 2022.

¹⁸ См., например: Lo M. Op. cit. (в отношении Тайваня); Qerimi Q., Krasniqi S. Theories and Practice of State Succession to Bilateral Treaties : the Recent Experience of Kosovo // German Law Journal. Vol. 14. No. 9. 2013. P. 1645–1646 (в отношении Косово).

¹⁹ См.: Исполинов А. Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 87.

²⁰ См. Qerimi Q., Krasniqi S. Op. cit. P. 1645. Ознакомиться с данными соглашениями можно на сайте Официальной газеты Республики Косово. URL: <https://gzk.rks-gov.net/InternationalAgreementsList.aspx> (дата обращения: 15.06.2025, необходим VPN).

²¹ Среди прочего они учитывают публичные интересы, включают исключения по вопросам безопасности по

¹⁴ Три из 22 изначальных договаривающихся сторон ГАТТ (Бирма (ныне Мьянма), Шри Ланка, Южная Родезия (ныне Зимбабве)) не рассматривались в качестве суверенных государств на момент составления соглашения. Из более поздних участников можно также назвать Гонконг и Макао (китайские специальные административные районы, пользующиеся широкой автономией). См.: Pegg S. (1998). Op. cit. P. 9.

¹⁵ АТЭС имеет более свободный статус, нежели полноправная международная организация, в том числе не имеет устава.

¹⁶ См.: Pegg S. (1998). Op. cit. P. 9–10 ; Hsieh P. L. An Unrecognized State in Foreign and International Courts : the Case of the Republic of China on Taiwan // Michigan Journal of International Law. Vol. 28. 2006. P. 766–767, 806.

можно констатировать, что количество подобных договоров уже весьма значительно.

Следует отметить, что такое взаимодействие исторически вполне допускалось: до примерно середины XIX в. считалось совершенно обыденным заключать международные договоры с широким кругом территориальных сообществ, демонстрировавших социальную структуру²², например с индейскими племенами, автономия воли которых была очевидна и считалась достаточной даже несмотря на отнюдь не гуманное к ним обращение²³. Не стояло вопроса о каком-либо особенном правовом статусе таких соглашений, который отделял бы их от межгосударственных. В наши дни можно говорить о том, что такой инструмент не может быть «договором» с точки зрения права международных договоров, ведь он не будет отвечать определению статьи 2(1)(а) Венской конвенции о праве международных договоров («ВКПМД»), резервирующей этот термин для письменных соглашений, сторонами которых являются именно государства. Такое несоответствие будет означать лишь то, что ВКПМД не будет применяться к этому инструменту, а ведь ключевые ее положения, как известно, в любом случае имеют обычный характер²⁴. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что ВКПМД не отвечает на вопрос о том, что следует признавать «государствами» для целей ее применения, соответственно, нельзя сделать вывод, какой подход к роли признания (декларативный или конститутивный) будет более обоснован.

Не ясно также, какое право должно применяться к таким соглашениям. Определенно не далек от истины пока лишь один ответ: правовой режим *inter partes* может быть таков, каким его определяют стороны. То, как должны обеспе-

образцу ГАТТ, предлагают руководящие принципы в отношении стандартов ведения бизнеса инвесторами, отражают тенденции современной реформы инвестиционного арбитража и включают принцип системной интеграции из ВКПМД, чтобы исключить коллизии с другими договорами. См.: *Lo M.* (2022). *Op. cit.*

²² См.: *Brownlie I.* *The Expansion of International Society : Consequences for the Law of Nations // Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson.* Oxford : Clarendon Press, 1984. P. 362.

²³ Наиболее знаковым в данном отношении является трактат Ф. де Витория, посвященный проблемам взаимоотношений с индейскими племенами в плоскости этики и права. *De Vitoria F.* *De Indis.* 1532.

²⁴ См.: *Dörr O., Schmalenbach K.* *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary* (2nd edition). Springer, 2018. P. 15, para. 16.

чиваться соответствующие обязательства, к сожалению, еще менее ясно.

В многосторонней сфере ситуация также сложна. Хотя *prima facie* термин «государство» отсылает к его общепринятому международно-правовому значению, некоторые специализированные договоры демонстрируют так называемый «функциональный» подход к членству, уже упоминавшийся ранее. Такие договоры допускают большую свободу в определении круга допустимых участников (e.g. «государство» для целей данного договора), нежели договоры, предполагающие обязательства более общего характера (e.g. статья 4(1) Устава ООН)²⁵. Один из примеров данного подхода – присоединение Косово к Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов 1961 г. Еще один классический пример – статья XII Марракешского соглашения, открывающая ВТО для «таможенных территорий», что соответствует ключевой цели соглашения – максимальной либерализации торговли.

Подход национальных судов не признающих государств

Наконец, судебная практика государств также не отрицает за *de facto* образованиями некоего, хоть и неопределенного, юридически значимого существования. Если в том, что касается международных органов, всё достаточно ясно – способности непризнанных субъектов здесь прямо пропорциональны их ограниченной возможности стать участником соответствующего договора или организации, – то подход национальных судов не признающих государств отличается значительным прагматизмом.

Общепринятой практикой, потенциально достигшей характера обычной нормы, является отказ непризнанным государствам и правительствам в праве обращаться с иском в суды не признающего государства²⁶. Иногда решение данного вопроса делегируется судам на основании специальных актов, позволяющих рассматривать конкретный субъект как «правовую территорию» (т. е. признавать ее законодательство) для целей конкретных правоотношений,

²⁵ См.: *Crawford J.* *Op. cit.* P. 42–43.

²⁶ См.: *Starke J. G.* *Introduction to International Law* (7th edition). London : Buttersworths, 1972. P. 144 ; *Shen J.* *Revisiting the Disability of the Non-Recognized in the Courts of the Non-Recognizing States and Beyond : the Departure of the In Re Guanghua Liao Courts from the Rules // Florida Journal of International Law.* Vol. 5. No. 3. 1990. P. 414–420.

что, хоть и в ограниченной мере, позволяет отделить непризнание от его правовых последствий. Например, Закон США об отношениях с Тайванем позволяет последнему выступать стороной открываемых в США производств и признает действительными его законы в тех случаях, когда от их применения или соблюдения зависит применение законов США²⁷. В целом же, решая вопрос действительности иска, даже в частных спорах, судам принято следовать позиции исполнительной власти и не вмешиваться в ее компетенцию²⁸.

Очевидно, что, когда речь идет о претензиях на одну территорию сразу нескольких (признанного и непризнанного) правительств, привилегия доступа в национальные суды отдается признанному правительству. Тем самым, даже когда ясно, что *de facto* контроль над территорией обрело непризнанное правительство, для него оказывается невозможным обратиться в не признающей юрисдикции не только на государственную собственность, закрепленную за своим предшественником, но и на собственные средства, что может стать источником существенных внутрисударственных и международных сложностей для обеих сторон²⁹.

В то же время суд вполне может счесть, что для рассмотрения конкретного дела признание не требуется либо не имеет решающего значе-

²⁷ Закон США об отношениях с Тайванем, секции 4(2) (d) и (g).

²⁸ Изначально, если такое право доступа признавалось привилегией признанных правительств, то его распространение на непризнанное правительство могло выступить как *casus belli*, что, очевидно, не отвечало интересам национальной безопасности. В революционных ситуациях подобное могло также обернуться претензиями со стороны соответствующего государства в случае, если воцарившееся в нем непризнанное правительство рухнет и будет сменено. Наконец, такое могло и подорвать на практике интересы, которое государство преследовало, удерживая признание. Подробнее см.: *Houghton N. D. The Position of Unrecognized Governments Before the Courts of Foreign States // Indiana Law Journal. Vol. 4. No. 8. 1929. P. 521–526.*

²⁹ Например, в *Russian Socialist Federated Soviet Republic v. Cibrario* правительство РСФСР закупило киноаппаратуру и сопутствующие товары, за что передало миллион долларов торговому атташе США в Петрограде, после чего потребовало отчитаться по средствам по подозрению в мошенничестве. Апелляционный суд отказал рассмотреть дело, отведя доступ к судам США к вопросу международной вежливости, которая не может иметь место в отсутствие дипломатических отношений.

ния³⁰. Например, если не признается не само государство, а лишь конкретное правительство, акт непризнания может быть рассмотрен судом как скорее политический по своей природе и не имеющий материального значения для разрешения конкретного спора³¹. В ряде ситуаций суды рассматривали коммерческие споры, инициированные непризнанными образованиями или связанными с ними организациями, обстоятельства которых, по мнению данных судов, не затрагивали вопросы суверенитета и не противоречили внешней политике не признающего государства³². В таких случаях бывало даже, что суды признавали *de facto* существование государства или правительства как юридический факт³³, в особенности если его суверенитет над соответствующей территорией не оспаривался иной эффективной властью, и тем самым соответствующее правительство фактически оказы-

³⁰ В ряде случаев позиция исполнительной власти однозначно будет иметь определяющее значение даже в коммерческих спорах: например, когда от признания зависит правомерность действий, на которых основан иск, либо если на данной территории признается суверенитет другого правительства или государства. См., например: *Dickinson E. D. The Unrecognized Government or State in English and American Law // Michigan Law Review. Vol. 22. No. 2. 1923. P. 118–122.*

³¹ В деле *Government of Mexico v. Fernandez* суд США постановил продлить обеспечительные меры на крупную сумму денег, вывезенную в США служащим мексиканского казначейства до революции. Суду было очевидно, что данные средства принадлежат Мексике как государству и (потенциально временное) не поддержание отношений с ее текущим правительством не имело реального значения.

³² В *Amtorg Trading Corp. v. United States* Апелляционный суд Соединенных Штатов по таможенным и патентным делам допустил иск подконтрольной тогда еще не признанному советскому правительству компании, так как та была инкорпорирована в США. В *Upright v. Mercury Business Machines Co.* Палата по апелляционным делам Верховного Суда штата Нью-Йорк не нашла препятствий рассмотреть иск компании, созданной властями ГДР, до тех пор, пока это не противоречит внешней политике США и истцом не является само правительство ГДР. В данном случае фактически существовало два отдельных государства, не имеющих конкурирующих территориальных притязаний (ГДР и ФРГ), при этом активную торговлю США вели с обоими.

³³ В *«Exportchleb» Ltd. v. Goudekiet* истец, доверенное лицо Торгового представительства России в Берлине, не сумев получить разрешение на исполнение арбитражного решения, инициировал разбирательство в голландском суде. Суд решил, что непризнание советского *de facto* правительства не означало его неспособность представлять Россию в гражданских делах.

валось единственно способным представлять население территории³⁴.

Аналогичный прагматизм можно отметить и в вопросе иммунитетов, хотя и с противоположным эффектом. Если условием для предоставления дипломатического иммунитета является наличие у субъекта дипломатического статуса, что зависит от признания субъекта и его представителей исполнительной властью противоположного государства, то практика в отношении юрисдикционных иммунитетов часто учитывала *de facto* сложившуюся ситуацию. Готовность судов признавать такой иммунитет обуславливает элементарный юридический казус: даже если такой шаг политически неоднозначен, часто еще более неоднозначным для суда было бы принять иск, что означало бы его вовлечение в тонкие политические материи, чего сам институт признания как таковой был призван избежать³⁵.

Таким образом, хотя в целом в отношении непризнанных субъектов национальные суды предпочитают придерживаться позиции исполнительной власти, они могут принимать во внимание *de facto* существование непризнанного образования, когда это соответствует (или не противоречит) национальным интересам их страны.

Вопрос правового статуса *de facto* образований мог бы игнорироваться правом в целом, если бы не имел столь отчетливого и объемного измерения в реальных взаимоотношениях государств. На текущем же этапе сложно отри-

цать существенное отставание международного права от уже сложившейся политико-экономической реальности. Неоспоримо наличие явного пробела, вобравшего в себя целую плеяду правоотношений, правовая природа которых очевидна, но до сих пор не обличена в какую-либо определенную правовую концепцию. Разгорающиеся вокруг данной ситуации споры указывают на наличие самой настоящей «болевого точки» международного права, восходящей к самым фундаментальным его вопросам и обусловленной всем многообразием обстоятельств его становления и развития. Разумеется, в интересах юристов-международников как возможно более пристально изучить сложившуюся договорную и судебную практику, нащупать общие закономерности международного существования *de facto* субъектов и выработать устойчивые международно-правовые подходы к урегулированию фактически сложившихся правоотношений. Эти подходы могут быть разными, исходить из различных позиций и интересов, но в первую очередь должны обеспечивать достаточность, конкретность и прозрачность международно-правового регулирования. Безусловно, такой концепт должен отвечать основополагающим ценностям и принципам международного права и стремиться к соблюдению должного баланса между ними посредством выработки внутренне непротиворечивых объективных норм и критериев. Представляется, что в недалеком будущем мы будем иметь куда более ясное представление об этой стороне – если угодно, *terra incognita* – международного права.

Библиографический список

Исполинов А. Принцип территориальной целостности государств и право на защитную сецессию // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 72–94.

Катков Д. Проблема международно-правового признания и феномен непризнанных государств в современном научном дискурсе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 27–52.

Маркедонов С. СНГ-2. Непризнанные государства на постсоветском пространстве: к определению природы феномена // Гуманитарная мысль Юга России. 2015. № 1. С. 118–126.

Основы политической власти Приднестровской Молдавской Республики: учеб. пособие / [И. Галинский и др.]. Тирасполь, 2016. 160 с.

³⁴ В *Sokoloff v. National City Bank* ответчик аргументировал неспособность выполнить свои финансовые обязательства из-за закрытия офиса в Петрограде и конфискации активов советским правительством. Истец обосновывал несостоятельность такой защиты непризнанностью советского правительства. Суд же счел обоснованным принять во внимание реальности ситуации в России и не посчитал возможным отказать в защите на основании презумпции анархии в стране.

³⁵ В *Wulfsohn v. Russian Socialist Federated Soviet Republic* Верховный Суд США отказал в юрисдикционном иммунитете ответчику (РСФСР). В апелляционной же инстанции решение отменили с тем обоснованием, что иск касался *de facto* самостоятельного субъекта, юрисдикция которого на собственной территории была исключительна и абсолютна. Такое фактическое положение дел было общеизвестным вне зависимости от факта признания, а посягательство на интересы РСФСР угрожало бы международному миру. Поддержку такой позиции можно также найти в *Oliver Trading Co. v. Government of Mexico* (в отношении Мексиканского правительства) и *Nankivel v. Omsk All Russian Government* (в отношении уже не существовавшего на момент разбирательства Колчаковского правительства).

Петрова С. Внешняя политика непризнанных государств (на примере Республики Абхазия) // Вестник Сочинского гос. ун-та туризма и курортного дела. 2011. № 2 (16). С. 233–236.

Старовойтова Ю. К вопросу об основаниях и значении международно-правового признания государства : теоретико-правовой аспект // Признание государств и правительств : проблемы и перспективы, барьеры и возможности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Луганск ; Кострома, 2018. С. 129–141.

Толстых В. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Рос. юрид. журнал. 2020. № 5. С. 135–151.

Толстых В., Григорян М., Коваленко Т., Халабуденко О. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств // Рос. юрид. журнал. 2018. № 3 (120). С. 36–44.

Толстых В., Григорян М., Коваленко Т., Халабуденко О. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств (окончание) // Рос. юрид. журнал. 2018. № 4 (121). С. 43–55.

Чернашук Т. Проблема международного признания независимости самопровозглашенных государств на территории постсоветского пространства // Вестник Омского ун-та. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 214–218.

Brownlie I. The Expansion of International Society : Consequences for the Law of Nations // Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford : Clarendon Press, 1984. P. 362.

Crawford J. The Creation of States in International Law (2nd edition). Oxford University Press, 2007. 870 p.

Dickinson E. D. The Unrecognized Government or State in English and American Law // Michigan Law Review. Vol. 22. No. 2. 1923. P. 118–134.

Dörr O., Schmalenbach K. Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary (2nd edition). Springer, 2018. 1535 p.

Geldenhuis D. Contested States in World Politics. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. 295 p.

Houghton N. D. The Position of Unrecognized Governments Before the Courts of Foreign States // Indiana Law Journal. 1929. Vol. 4, No. 8. P. 519–532.

Hsieh P. L. An Unrecognized State in Foreign and International Courts : the Case of the Republic of China on Taiwan // Michigan Journal of International Law. 2006. Vol. 28. P. 765–814.

Lo M. An Unrecognized State as an International Investment Law Actor : the Innovation of Taiwan's New International Investment Treaties // Minnesota Journal of International Law. Vol. 31. 2022. P. 97–155.

Pegg S. De Facto States in the International System. Vancouver : Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. 26 p.

Qerimi Q., Krasniqi S. Theories and Practice of State Succession to Bilateral Treaties : the Recent Experience of Kosovo // German Law Journal. 2013. Vol. 14, No. 9. 2013. P. 1639–1660.

Ryngaert C. Non-State Actors : Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System // Netherlands International Law Review. 2016. Vol. 63. P. 183–195.

Shen J. Revisiting the Disability of the Non-Recognized in the Courts of the Non-Recognizing States and Beyond : the Departure of the In Re Guanghua Liao Courts from the Rules // Florida Journal of International Law. 1990. Vol. 5, No. 3. P. 401–470.

Starke J. G. Introduction to International Law (7th edition). London : Buttersworths, 1972. 631 p.

References

Ispolinov A. The Principle of Territorial Integrity of States and the Right to a Protective Secession // Comparative Constitutional Review. 2023. Vol. 32. No. 1. P. 72–94.

Katkov D. The Problem of Recognition of States in International Law and the Phenomenon of Unrecognized States in Modern Scientific Discourse // The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 27–52.

Markedonov S. CIS-2. Unrecognised States in the Post-Soviet Space : to the Definition of the Nature of the Phenomenon // Humanitarian Thought of the South of Russia. 2015. No. 1. P. 118–126.

Fundamentals of the political power of the Pridnestrovian Moldavian Republic : textbook. the manual / [I. Galinsky et al.]. Tiraspol, 2016. 160 p.

Petrova S. Foreign Policy of Unrecognised States (on the Example of the Republic of Abkhazia) // Bulletin of Sochi State University of Tourism and Resort Business. 2011. Vol. 3. No. 16. P. 233–236.

Starovoitova Y. To the Question of the Grounds and Significance of International Legal Recognition of the State : Theoretical and Legal Aspect. Recognition of States and Governments : Problems and Prospects, Barriers and Opportunities. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Lugansk ; Kostroma, 2018. P. 129–141.

Tolstykh V. Recognition and Non-Recognized States at the Beginning of the XXI Century // Russian Juridical Journal. 2020. No. 5. P. 135–151.

Tolstykh V. L., Grigoryan M. A., Kovalenko T. S., Khalabudenko O. A. Problems of Formation and Functioning of Legal Systems of Unrecognized States // Russian Juridical Journal. 2018. Vol. 3. No. 120. P. 36–44.

Tolstykh V. L., Grigoryan M. A., Kovalenko T. S., Khalabudenko O. A. Problems of Formation and Functioning of Legal Systems of Unrecognized States (the Ending). *Russian Juridical Journal*. 2018. Vol. 4. No. 121. P. 43–55.

Chernashkina T. The Problem of International Recognition of the Independence of Self-Proclaimed States in the Territory of the Post-Soviet Space. *Herald of Omsk University. Historical Studies*. 2018. Vol. 4. No. 20. P. 214–218.

Brownlie I. The Expansion of International Society : Consequences for the Law of Nations // *Expansion of International Society* / ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford : Clarendon Press, 1984. P. 362.

Crawford J. *The Creation of States in International Law* (2nd edition). Oxford University Press, 2007. 870 p.

Dickinson E. D. The Unrecognized Government or State in English and American Law // *Michigan Law Review*. Vol. 22. No. 2. 1923. P. 118–134.

Dörr O., Schmalenbach K. *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary* (2nd edition). Springer, 2018. 1535 p.

Geldenhuis D. *Contested States in World Politics*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. 295 p.

Houghton N. D. The Position of Unrecognized Governments Before the Courts of Foreign States // *Indiana Law Journal*. 1929. Vol. 4, No. 8. P. 519–532.

Hsieh P. L. An Unrecognized State in Foreign and International Courts : the Case of the Republic of China on Taiwan // *Michigan Journal of International Law*. 2006. Vol. 28. P. 765–814.

Lo M. An Unrecognized State as an International Investment Law Actor : the Innovation of Taiwan's New International Investment Treaties // *Minnesota Journal of International Law*. Vol. 31. 2022. P. 97–155.

Pegg S. *De Facto States in the International System*. Vancouver : Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. 26 p.

Qerimi Q., Krasniqi S. Theories and Practice of State Succession to Bilateral Treaties : the Recent Experience of Kosovo // *German Law Journal*. 2013. Vol. 14, No. 9. 2013. P. 1639–1660.

Ryngaert C. Non-State Actors : Carving Out a Space in a State-Centred International Legal System // *Netherlands International Law Review*. 2016. Vol. 63. P. 183–195.

Shen J. Revisiting the Disability of the Non-Recognized in the Courts of the Non-Recognizing States and Beyond : The Departure of the In Re Guanghua Liao Courts from the Rules // *Florida Journal of International Law*. 1990. Vol. 5, No. 3. P. 401–470.

Starke J. G. *Introduction to International Law* (7th edition). London : Buttersworths, 1972. 631 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кондрашов О. Р., аспирант департамента международного права

E-mail: okpm@mail.ru

Поступила в редакцию: 24.09.2025

Для цитирования:

Кондрашов О. Р. Непризнанные и частично признанные государства как участники международных отношений: международно-правовой аспект // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/292-300>

National Research University «Higher School of Economics»

Kondrashov O. R., Post-graduate Student of the Department of International Law

E-mail: okpm@mail.ru

Received: 24.09.2025

For citation:

Kondrashov O. R. Unrecognised and partially recognised states as participants in international relations: the international legal perspective // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2025. No. 4 (63). P. 292–300. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/292-300>

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ О БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

И. Г. Саприн

Воронежский государственный университет

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL NORMS ON COMBATING ILLEGAL ARMS TRAFFICKING IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. G. Saprin

Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются вопросы имплементации норм международного права в национальное законодательство в сфере оборота оружия. Исследуются нормы права ООН, ЕС, регулирующие оборот оружия, нормы законодательства зарубежных стран. Внимание уделяется и современным тенденциям регулирования оборота оружия на универсальном, региональном и локальных уровнях в международном праве. Проводится обзор современного состояния регулирования оборота оружия в России и его соответствия современным требованиям цифровизации процессов.

Ключевые слова: гражданское огнестрельное оружие, регулирование оборота оружия, борьба с незаконным оборотом оружия, право ЕС, национальное законодательство.

Abstract: the article discusses the issues of the implementation of the norms of international law in the national legislation in the field of arms trafficking. The article examines the norms law of the UN, the EU governing arms trafficking and the norms of legislation of foreign countries. Attention is also paid to current trends in regulating arms trafficking at the universal, regional and local levels in international law. An overview of the current state of regulation of arms trafficking in Russia and its compliance with modern requirements of digitalization processes is conducted.

Key words: civilian firearms, arms control, fight against illicit arms trafficking, EU law, national legislation.

В настоящее время незаконный оборот оружия (далее – НОО) представляет реальную угрозу национальной безопасности РФ. Преступники используют новые технологии для производства, переделки, транспортировки и реализации оружия. При этом деяния в сфере НОО часто носят транснациональный характер: совершаются группой граждан из нескольких государств, с трансграничным финансированием, перевозкой оружия через границу.

В отечественной юриспруденции проблемы противодействия НОО исследуются в дискурсе нескольких наук.

© Саприн И. Г., 2025

В рамках административного права существует несколько направлений. Одним из них является история регулирования правил регистрации оружия в России и обращения с ним¹. При этом работы часто носят описательный характер, что легко объяснимо. Оружейное зако-

¹ См.: Морозков В. А. Регулирование гражданского оборота огнестрельного оружия в России в историко-правовой ретроспективе // Общество : политика, экономика, право. 2022. № 5 (106). С. 77–85 ; Никитинский К. А. Исторический аспект развития правового регулирования оборота оружия в России // Актуальные вопросы теории и истории государства и права : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД РФ, 2024. С. 45–47 ; и др.

нодательство устоялось; долгое время корректировались незначительные моменты. При этом выделяется общая тенденция к ужесточению законодательства в данной области². Вторым направлением является деятельность органов МВД и Росгвардии по выявлению правонарушений и привлечению виновных к административной ответственности³. Третий блок исследований посвящен зарубежному праву и сравнению его с российским⁴.

Наука уголовного права занимается вопросами ответственности за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение *оружия*, основных частей *оружия* и боеприпасов⁵.

В криминалистике можно выделить блоки *оружиеведения*⁶ и методики расследования преступлений с использованием *оружия* и его оборотом⁷.

² См.: Юсупова О. А., Сериков С. Н. Проблемы лицензирования гражданского оружия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(13). С. 155–160 ; Гилев А. М., Тухфатуллин А. Н. Ограничения, устанавливаемые на использование оружия гражданами в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе : сб. тезисов Междунар. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. Т. 2. С. 1521–1525 ; и др.

³ См.: Анализ нововведений законодательства Российской Федерации, регулирующего оборот оружия : учеб. пособие. Ижевск, 2023. 67 с.

⁴ См.: Бекетов О. И., Майле А. Д., Гоман О. С., Сургутсков В. И. Модели правового регулирования оборота гражданского оружия в иностранных государствах (на примере США, Германии и Японии) // Юридические исследования. 2020. № 11. С. 39–51 ; Сакун Е. Ю., Кожевников А. К. Сравнительный анализ законодательства об оружии в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки // NovaInfo.Ru. 2024. № 143. С. 110–115 ; и др.

⁵ См.: Муркишис М. И. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту оружия : учеб. пособие. М. : Статут, 2019. 328 с. ; Бычков В. В. Криминальный оборот оружия и боеприпасов : понятие, уголовно-правовое и криминалистическое противодействие : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2025. 476 с.

⁶ См.: Кокин А. В. Теория и практика криминалистической идентификации нарезного огнестрельного оружия по выстреленным пулям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 213 с. ; Криминалистическое оружиеведение : учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Бирюкова. 3-е изд. М. : Юрайт, 2025. 241 с. ; и др.

⁷ См.: Столбова Н. А. Методика расследования незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2024. 243 с. ; Егоров Н. Н., Ищенко Е. П.

Вместе с тем в работах по указанным дисциплинам практически отсутствует международно-правовой дискурс противодействия НОО.

В доктрине международного права НОО исследуется в аспекте противодействия всем формам международной преступной деятельности⁸. В учебной литературе НОО рассматривается в качестве отдельного вида преступлений международного характера⁹. Соответствующие вопросы затрагиваются в работах, посвященных международному полицейскому сотрудничеству (Интерпол, Европол, Амерпол, Африпол)¹⁰, однако и в них практически не анализируется рецепция международных норм в национальном правовом порядке.

Таким образом, комплексного исследования современных проблем борьбы с НОО в аспекте взаимодействия международного и российского права не проводилось. Между тем в настоящее время противодействие НОО в России регулируется как национальным законодательством, так и международным правом. При этом международные нормы и правила либо являются ориентиром для законодательства РФ, либо носят вспомогательный характер, дополняя его, либо напрямую регулируют отношения в «оружейной» сфере.

Основной акцент в статье будет сделан на гражданском огнестрельном оружии. Вопросы попадания в незаконный оборот военных образцов крупнокалиберных вооружений, стрелкового армейского вооружения и участия глобальных оружейных концернов в наращивании объемов незаконного оружия на черном рынке требуют отдельного исследования.

Криминалистика : учеб. и практикум для вузов. 4-е изд. М. : Юрайт, 2025. 617 с. ; и др.

⁸ См.: Астахова Е. А. Современные виды транснациональной преступности // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 88–96.

⁹ См.: Бирюков П. Н. Международное право : учеб. для бакалавров. 11-е изд. М. : Юрайт, 2025. 640 с. ; Международное право : учебник / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 656 с. ; и др.

¹⁰ См.: Губернская А. А. Правовое регулирование деятельности международных полицейских организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 29 с. ; Мысина А. И. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 35 с.

Международные нормы о правовом режиме оружия

Исследование международных норм о статусе оружия, его обращении и борьбе с НОО дает представление относительно: 1) криминализации деяния; 2) уровня разработанности мер по борьбе с НОО; 3) эффективности применяемых мер по борьбе с НОО и др.

Ввоз в Россию и вывоз из России оружия и боеприпасов осуществляются в соответствии с требованиями права Евразийского экономического союза (прежде всего Таможенного кодекса ЕАЭС). На это прямо указывают ст. 14 и 17 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – ФЗ № 150).

Вместе с тем не все нормы МП стали основой для формирования отечественного регулирования оборота оружия. В частности, Россия не участвует в Протоколе против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющем Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2001 г.¹¹ (далее – Протокол 2001 г.). Стоит отметить, что в Протоколе 2001 г. не участвуют также США, Израиль, Индия, Пакистан и некоторые другие государства. Между тем в ст. 3 Протокола дается расшифровка категории НОО – это «ввоз/вывоз, приобретение, продажа, доставка, перемещение или передача огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему с территории или по территории одного Государства-участника на территорию другого Государства-участника, если любое из заинтересованных Государств-участников не дает разрешения на это согласно положениям настоящего Протокола или если огнестрельное оружие не имеет маркировки, нанесенной в соответствии со статьей 8 настоящего Протокола».

Вместе с тем в Российской Федерации не используется термин «незаконный оборот оружия». Статья 222 УК РФ пошла по пути описания соответствующих преступных деяний.

¹¹ См.: Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2001 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimepro.shtml (дата обращения: 22.09.2025).

Понятие «оборот оружия» в Уголовном кодексе шире, чем в Протоколе; соответственно, правила Протокола не будут полностью коррелировать с действующим в России законодательством.

При этом Россия отдает предпочтение сотрудничеству по борьбе с НОО в рамках принятой в том же 2001 г. Программы действий ООН (ПД) по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбе с ней¹², это отражено в открытых источниках МИД России.

В 2015 г. ЮНОДК опубликовал Типовой закон о борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему¹³ (далее – Типовой закон), который, вероятнее всего, оказал существенное влияние на отечественное законодательство в части ввоза-вывоза оружия и боеприпасов. В частности, в 2016–2020 гг. в ст. 17 ФЗ № 150 было внесено несколько изменений, отражающих содержание этого документа. Так, ч. 9–12 ст. 17 УК, введенные в действие в 2020 г., предусматривают упрощенную процедуру временного ввоза оружия для использования в охоте на территории государств-членов ЕАЭС. Рекомендации о применении государствами такого механизма отражают содержание гл. 18 Типового закона.

Правда, в международных документах недостаточное внимание уделено требованиям к физическим и юридическим лицам, желающим приобрести оружие. Они отнесены к компетенции государств. В этом аспекте упоминания заслуживает Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением оружия частными лицами 1982 г.¹⁴, которая была подписана Россией в 1999 г., но не ратифицирована. Положения Конвенции предусматривают со-

¹² См.: Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблеме незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями A/Conf.192/15. URL: [https://docs.un.org/ru/A/CONF.192/15\(SUPP\)](https://docs.un.org/ru/A/CONF.192/15(SUPP)) (дата обращения: 20.09.2025).

¹³ См.: Типовой закон о борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему 2015 г. URL: https://www.unodc.org/documents/firearms-protocol/15-01148_R_ebook.pdf

¹⁴ См.: Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением оружия частными лицами 1982 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901751649> (дата обращения: 23.08.2025).

трудничество государств в пресечении НОО перемещаемого с территории одного государства в другое. По договору стороны обмениваются информацией по сделкам физлиц, связанным с оружием, что повышает прозрачность контроля за перемещением легального оружия. Одной из причин, почему Конвенция не вступила в силу для России, является термин «огнестрельное оружие» в Приложении 1 к Конвенции, содержание которого значительно шире, чем в отечественном законодательстве.

Правовой режим оружия Российской Федерации: общие положения

Основу правового режима огнестрельного оружия (далее – ОО) в России образуют два нормативных акта: ФЗ № 150 и постановление Правительства РФ № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» от 21 июля 1998 г.¹⁵ (далее – ПП № 814). Вместе с тем в «оружейной» сфере действуют и иные документы (Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 2009 г.¹⁶ и др.).

Уполномоченным органом в сфере контроля за оборотом оружия является Росгвардия, чья деятельность регламентируется ФЗ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹⁷. Росгвардия также принимает участие в нормотворчестве в сфере ОО. Так, 11 ноября 2021 г. был издан приказ Росгвардии № 417 «Об утверждении положения о Координационном совете по вопросам совершенствования механизма учета оружия и кон-

троля за его оборотом на территории Российской Федерации при Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» (далее – Координационный совет).

ФЗ № 150 регламентирует правоотношения, которые возникают при обороте гражданского, служебного и боевого ручного стрелкового оружия, его основных частей, а также оборот боеприпасов. В ст. 1 даются понятия оружия, его видов, оборота и т. д. В ст. 2 закона определяются гражданское, служебное и боевое ручное стрелковое оружие. Акцент будет сделан на гражданском оружии (далее – ГО), поскольку именно оно наиболее распространено среди физических и юридических лиц в России. Анализ позволит выявить основные проблемы статуса ГО в нашей стране, предложить меры по предотвращению попадания ОО в нелегальный оборот и изъятию его из оборота.

Классификация оружия в Российской Федерации

К гражданскому оружию относятся образцы, которые предназначены для использования гражданами в целях обеспечения личной безопасности, занятий спортом, например спортивной стендовой стрельбой, а также применение в охоте, культурных и образовательных целях.

ГО подразделяется на категории, в которых присутствуют подкатегории, а именно: 1) оружие самообороны (например, огнестрельное длинноствольное оружие с гладким стволом (далее – ОГДО) и патроны к нему; огнестрельное оружие ограниченного поражения (далее – ООПО) и др.); 2) спортивное оружие; 3) охотничье оружие; 4) сигнальное и т. д.

При разработке закона его авторы внимательно изучали положения зарубежного законодательства и международного права. В частности, прослеживается частичное копирование положений документов ООН и Директивы 91/477/ЕЕС. Так, положения в отечественном законодательстве аналогичны требованиям ст. 5, 6, 10 Директивы. При этом происходило осмысление международных норм с учетом результатов их применения и особенностей регулирования оборота оружия в России. Это, в частности, отразилось в изменении категоризации оружия в законодательстве РФ. Разветвленная система видов оружия определяет сложность регулирования вопросов владения, пользования и распоряжения

¹⁵ См.: О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 (ред. от 26.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19504 (дата обращения: 17.06.2025).

¹⁶ См.: Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89923 (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁷ См.: О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506 (дата обращения: 15.03.2025).

и, как следствие, различные пути попадания его в нелегальный оборот.

Классификация ограничений относительно оружия

Законодатель предусмотрел ряд ограничений режима оружия, направленных на повышение общественной безопасности. Так, ГО должно исключать возможность ведения огня в автоматическом режиме и иметь емкость элемента боепитания не более 10 патронов. Для целей охоты и спорта реальной необходимости для ведения стрельбы очередями нет; подобные запреты не ограничивают эффективность применения такого оружия по назначению. Все ГО, а также патроны для него, должны соответствовать установленным Криминалистическим требованиям (см. Приказ МВД России от 7 июня 2022 г. № 403).

Законодательством предусмотрены и иные ограничения, которые распространяются на гражданское и служебное оружие. Так, правила ст. 6 ФЗ № 150 обусловлены, в первую очередь, мерами по обеспечению безопасности и пресечения использования оружия для совершения преступлений.

Сведения о гражданском и служебном оружии, патронах, разрешенных к обороту на территории РФ, содержатся в Кадастре¹⁸. Порядок его администрирования регламентирован Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему (ПП № 814). Информация об отечественном оружии, находящемся в Кадастре, соответствует сведениям в Справочной таблице огнестрельного оружия Интерпола (IFRT), которая содержит перечень моделей, единиц и прочего оружия для их идентификации.

Упомянутые запреты и ограничения не являются единственными; их полный перечень закреплен в ст. 6 ФЗ № 150. Сами правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ регулируются и постановлением Правительства РФ № 814.

Требования к лицу для приобретения оружия

Требования к гражданам России, предъявляемые к желающим получить право на приобретение и владение оружием, закреплены в ст. 13

¹⁸ См.: Государственный кадастр гражданского и служебного оружия и патронов к нему. URL: <https://sccw.rst.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2025).

ФЗ № 150. Поскольку эта статья является весьма громоздкой, рассмотрим ее подробнее.

Возрастной ценз – один из популярных способов препятствования преступности во многих странах (Германия, Мексика, Испания и др.). В России приобрести оружие вправе граждане, достигшие возраста 18 лет. Особая группа граждан, которая относится к коренным малочисленным народам России, занимается профессиональной охотой, имеет право на приобретение ОО по достижению 18 лет.

Право на приобретение ООП, охотничьего оружия, ОГДО для самообороны имеют граждане РФ: 1) достигшие возраста 21 года; 2) не достигшие возраста 21 года, но проходящие или прошедшие военную службу; 3) не достигшие возраста 21 года, но имеющие воинские, специальные звания, классные чины юстиции.

Возможность снижения возраста, по достижении которого возможно приобрести охотничье гладкоствольное длинноствольное оружие, но не более чем на 2 года по решению законодательного органа субъекта РФ. Например, закон Самарской области «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов в Самарской области» (ст. 14) предусматривает право получения разрешения и хранения охотничьего оружия с 16 лет. Интересно, что в законе Воронежской области «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов на территории Воронежской области» 2010 г. возможность снижения возраста для приобретения охотничьего оружия не закреплена.

Медицинское освидетельствование. Оружие изначально предназначено для поражения живой или иной цели. Рекомендации относительно обследования будущего владельца оружия на предмет соответствия требованиям медицинских показаний содержатся в Типовом законе ЮНОДК 2015 г. Отечественные правила соответствуют предложенным рекомендациям и идут еще дальше. В частности, в России обязательно медицинское освидетельствование на наличие противопоказаний к владению оружием.

Статья 6.1 ФЗ № 150 регламентирует основные положения о медицинском освидетельствовании. Требование отсутствия медицинских противопоказаний к владению оружием закреплены в большинстве законов государств (например, в Законе об оружии Норвегии¹⁹).

¹⁹ См.: Lov om våpen, skytevåpen, våpendelar og ammunisjon (våpenlova) 01.06.2021. URL: <https://lovdata.no/>

Наличие медицинского заключения необходимо для получения разрешения на приобретение ГО и в законодательстве Республики Беларусь²⁰.

Медицинское освидетельствование включает в себя психиатрическое исследование лица и химико-токсикологические исследования. Перечень заболеваний, наличие которых у обследуемого лица будет являться противопоказанием к владению оружием, был установлен и закреплен в постановлении Правительства РФ от 19 февраля 2015 г. № 143²¹. Данный Перечень полностью скоординирован с Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-й версии (МКБ-10) ВОЗ.

Порядок проведения медицинского освидетельствования закреплен Приказом Минздрава России от 26 ноября 2021 г. № 1104н²². В результате медицинской организацией формируются и направляются данные в Росгвардию и вносятся в единую государственную систему в сфере здравоохранения. Медицинское обследование владельцев оружия проводится не реже одного раза в пять лет, что позволяет осуществлять оперативный контроль за изменением физического и психического состояния человека.

Полагаем, что по достижении определенного возраста (65 лет) следует рассмотреть возможность более частого прохождения медицинского освидетельствования – через каждые три года. Это обусловлено повышенными рисками возникновения как физических, так и психических противопоказаний к владению оружием.

На практике встречаются случаи некачественного медицинского освидетельствования. Трагические события в Казани 11 мая 2021 г. и стрельба в Пермском государственном университете 20 сентября того же года показали, что в

ходе обследования не было выявлено медицинских противопоказаний к владению оружием. Эти факты свидетельствуют о низком уровне проведения указанных мероприятий, а не о доступности оружия и недостаточном регулировании оборота оружия и всей процедуры получения лицензии на приобретение оружия.

Процедура выдачи лицензии гражданину

Положения о лицензировании закреплены в ст. 9 ФЗ № 150 и приказе Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 18 августа 2017 г. № 359. Они устанавливают процедуру выдачи лицензий, определяют сроки и последовательность административных процедур. В данной сфере имеются и другие регламенты, например приказ Росгвардии от 20 марта 2019 г. № 93 и др.

Анализ процедуры лицензирования в структуре административно-правового режима приобретения физическими лицами гражданского ОО указывает на ее объективность²³. Обозначен запрет на требования от заявителей осуществления действий, согласований, не предусмотренных регламентом.

Приводится исчерпывающий перечень документов для приобретения спортивного или охотничьего ОГДО, охотничьего пневматического оружия и спортивного пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж и патронов к нему: 1) медицинское заключение; 2) документы, подтверждающие прохождение обучения обращению с оружием (за исключением граждан, проходящих службу в государственных военизированных организациях и т. д.); 3) охотничий билет; 4) документ, подтверждающий занятие видами спорта, связанными с использованием огнестрельного оружия; 5) документ, подтверждающий прохождение службы и наличие званий, для категории граждан, имеющих такие документы; 6) паспорт гражданина РФ.

Сам процесс включает в себя комплекс административных процедур. Требования, применимые к гражданам РФ, закреплены в постановлении Правительства РФ № 814. Они включают в себя обязательность хранения оружия, патронов по месту жительства гражданина, с соблю-

no/dokument/NL/lov/2018-04-20-7 (дата обращения: 15.03.2025).

²⁰ См.: Об оружии : Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-3. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/blr50602.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

²¹ См.: Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых противопоказано владение оружием : постановление Правительства РФ от 19 февраля 2015 г. № 143. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

²² См.: Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием : приказ Минздрава России от 26 ноября 2021 г. № 1104н. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

²³ См.: Горшков И. С. Модели лицензирования приобретения гражданского огнестрельного оружия физическими лицами // NB : Административное право и практика администрирования. 2021. № 4. С. 55–64.

дением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, любых других, кроме владельца.

Зарубежная практика идет по аналогичному пути. Так, ст. 20 Закона Италии об оружии²⁴ предусматривает правила обеспечения сохранности ОО, используя термины «со всей тщательностью» и «эффективные меры», которые уточняются уполномоченными органами. В России также встречаются случаи расширительного толкования должностными лицами «условий, обеспечивающих сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц». Проверка условий хранения проводится уполномоченным сотрудником Росгвардии лично либо участковым уполномоченным ОВД (особая удаленность места хранения и др.)²⁵.

Важным этапом является направление межведомственного запроса с целью удостоверения личности заявителя, сведений о привлечении к административной ответственности, сведений о судимости и (или) факте уголовного преследования или его прекращении, о нахождении в розыске.

Решение об отказе будет вынесено в случаях не предоставления заявителем необходимых сведений либо неверной информации, при невозможности обеспечения сохранности оружия, не обеспечения этих условий. Кроме того, основаниями для отказа будут положения ст. 13 ФЗ № 150: 1) недостижение претендентом установленного возраста; 2) лицо, не имеющее медицинского заключения; 3) наличие неснятой или непогашенной судимости за умышленное преступление, тяжким, особо тяжким, средним преступлением и т. д. (п. 3–3.7 ст. 13); 4) лицо, отбывающее наказание; 5) повторное привлечение в течение года к административной ответственности за совершение правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность, связанных с нарушением правил охоты и др.

Интересным нововведением является формирование заключения в отношении лица от

ОВД и (или) ФСБ о наличии опасности нарушения прав и свобод граждан, угрозы государственной или общественной безопасности. Выявление такой опасности является основанием для отказа заявителю. Это очень схоже с термином «надежность», содержащимся, в частности, в законодательстве Франции (С. L312-3-1)²⁶.

В России для выдачи лицензии используются специальные защищенные бланки. После получения лицензии лицо может приобрести единицу оружия. Иным способом стать владельцем будет дарение. В Законе об оружии Казахстана²⁷ предусмотрены аналогичные процедуры.

Стаж владения оружием. По смыслу ФЗ № 150 гражданин РФ имеет право приобрести: 1) ОГДО (для самообороны или охоты) с более чем двумя стволами или магазином (барабаном) только по истечении двух лет владения одноствольной или двуствольной моделью ОГДО без магазина; 2) охотничьего ОДНС только после того, как в течении пяти лет непрерывно владели охотничьим ОГДО. По сути, стаж имеет функцию проверки порядочности и законопослушности гражданина, его умений обращения с оружием и его надежности. Нарезное оружие в сравнении с гладкоствольным имеет большую прицельную дальность поражения цели, большую точность, большую пробивную способность, что делает его, по мнению законодателя, более опасным. Помимо этого, такая мера дает возможность сократить попадание гражданского ОО в незаконный оборот. В странах ЕАЭС «стаж владения оружием» также используется (например, Закон «Об оружии» Республики Армения²⁸).

Регистрация оружия и постановка его на учет

После приобретения оружия в собственность его необходимо поставить на учет, для чего в те-

²⁶ См.: Code de la sécurité intérieure. Titre Ier : Armes et munitions (Articles L311-2 à L317-12). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000025503132/LEGISCTA000025505570/ (дата обращения: 26.05.2025).

²⁷ См.: О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия : Закон Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-І (ред. 2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1011889 (дата обращения: 15.07.2025).

²⁸ См.: Об оружии : Закон Республики Армения 1998 г. (в ред. 2024 г.). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1712&lang=rus> (дата обращения: 15.03.2025).

²⁴ См.: Legge 18 aprile 1975, n. 110 «Norme integrative della disciplina vigente per il controllo delle armi» // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 1975. № 113.

²⁵ См.: Торгерсен А. С. О некоторых актуальных вопросах участия участковых уполномоченных полиции в мероприятиях по контролю за оборотом оружия в контексте изменений отечественного законодательства // Научный компонент. 2021. № 1(9). С. 34–41.

чение 14 дней необходимо подать заявку в орган Росгвардии. Процесс получения разрешения на хранение и ношение оружия закреплен приказом Росгвардии от 26 июня 2018 г. № 221²⁹.

В случае отказа в выдаче разрешения на основании незаконных требований и решений имеются механизмы защиты, предусмотренные в административных регламентах. В случае неудовлетворительного досудебного обжалования гражданам необходимо реализовывать возможность судебной защиты нарушенных прав по правилам, предусмотренным главой 22 КоАП РФ.

Цифровизация лицензионно-разрешительной деятельности

На сегодняшний день процессы цифровизации не всегда носят положительный характер в борьбе с НОО. Широкий доступ к сети «Интернет» (включая DarkNet) позволяет размещать там различные инструкции по изготовлению оружия, его переделке и т. д. Функционируют интернет-площадки по приобретению нелегального оружия³⁰.

В настоящее время Росгвардия проводит достаточно эффективные действия по введению цифровых технологий в свою деятельность. Большая часть государственных услуг, которые связаны с оборотом оружия, могут быть оказаны в дистанционном формате с помощью цифровых технологий.

Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ дополнил закон об оружии статьей 9.2: «в целях осуществления учета и контроля за оборотом гражданского и служебного оружия на территории Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, формируются и ведутся в электронном виде реестры лицензий и разрешений». Она отразила необходимость целенаправленной цифровизации оборота оружия, ко-

торая поднималась еще в 2019 г.³¹. Вместе с тем значительная часть предложений не была реализована (например, единое электронное разрешение серии РОХа).

Вопрос о создании единой базы поднимался и после создания Реестра, поскольку он не до конца справляется с задачей мониторинга жизненного цикла оружия. Анонсировались внесение в Госдуму проекта закона, который позволит Росгвардии создать собственную государственную информационную систему (ГИС) в сферах оборота оружия³². В феврале 2024 г. законопроект был принят в первом чтении³³. Сравнивая с правом ЕС, можно отметить некоторое отставание нашего законодательства в этой части.

Информация о разработке информационной системы контроля оборота оружия и управления охранными услугами Росгвардии (ФКПО) находится на сайте ФГАУ НИИ «ВОСХОД»³⁴ – структуры, подведомственной Минцифры.

17 апреля 2025 г. принято постановление Правительства РФ № 508 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной и частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, в сфере федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны»³⁵.

³¹ См.: В Росгвардии планируют создать единую электронную систему контроля за оборотом оружия. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6221767> (дата обращения: 15.03.2025).

³² См.: Росгвардия создаст базу данных для контроля за оборотом оружия. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/10/13/1000385-rosgvardiya-sozdast-bazu-dannih-dlya-kontrolya-za-oborotom-oruzhiya> (дата обращения: 15.03.2025).

³³ См.: У Росгвардии будет своя информационная система в сфере оборота оружия // Рос. газета. 2024. 21 февр.

³⁴ См.: Информационная система контроля оборота оружия и управления охранными услугами Росгвардии (ФКПО). URL: <https://www.voskhod.ru/projects/fpkoo/> (дата обращения: 15.03.2025).

³⁵ Об утверждении Положения о государственной информационной системе в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной и частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, в сфере федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений ох-

²⁹ См.: Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации разрешения на хранение и ношение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия : приказ Росгвардии от 26 июня 2018 г. № 221 (ред. от 05.07.2019). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

³⁰ См.: Суд в России заблокировал сайт по продаже нелегального боевого оружия // Газета.Ru. 2025. 21 марта.

Фактически введенная с 1 мая 2025 г. ГИС ФПКО Росгвардии представляет собой национальный реестр оружия, в котором содержатся сведения о принадлежащем физическим и юридическим лицам оружию, отслеживается жизненный цикл оружия, формируется цифровой след оружия и владельца и содержится вся необходимая информация, присутствует синхронизация с сервисом Госуслуги. Необходимость реализации подобной системы в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта проявляла себя уже давно.

На текущий момент ГИС ФПКО имеет ряд существенных недостатков. В их числе: 1) не полностью заверченный официальный сайт системы; 2) наличие неточностей во внесенных данных (неверно указаны модели оружия, ошибки в номерах оружия, калибре и т. д.); 3) внесение ошибочных сведений и закрепление за владельцем единиц оружия, которых у него фактически никогда не было. С такими проблемами на практике столкнулись многие владельцы гражданского оружия, в том числе и автор. На текущий момент полностью функционал первой очереди доступен оружейным магазинам, производителям оружия, негосударственным образовательным учреждениям и стрелковым клубам, частным охранным организациям.

Подобные изъяны при дальнейшей цифровизации могут привести к тому, что ошибочные сведения в ГИС ФПКО будут приоритетными при проверке достоверности представленных разрешений на материальных носителях при приобретении, например боеприпасов в специализированных магазинах, что может повлечь отказ в продаже из-за сомнений представителя магазина.

Помимо этого, ввиду синхронизации ГИС ФПКО с сервисом «Госуслуги» надлежит максимально обеспечить информационную безопасность данных сервисов, поскольку в базе данных будут содержаться не только сведения об оружии, но и о владельце и месте хранения этого оружия. Указанные обстоятельства могут быть использованы в преступных целях и приведут к повышению уровня НОО.

Создание такой системы является важным и ключевым моментом в повышении уровня контроля за оборотом оружия без излишних огра-

ничений и неудобств в отношении самих владельцев оружия. Повышение прозрачности и понимания того, на каком жизненном этапе находится оружие, не несет негативного влияния на законопослушных владельцев. Указанные базы являются крайне эффективными инструментами противодействия НОО. Образцом стала инициатива Интерпола iARMS.

Подобные базы данных давно функционируют за рубежом. Так, в Германии, Испании, Исландии и других функционирует Национальный реестр оружия (Закон о национальном реестре оружия). Наличие у правоохранителей сведений в цифровом формате повысит оперативность реагирования на хищение или утрату единиц оружия, а также поможет эффективнее контролировать его жизненный цикл в рамках государства, а в дальнейшем использовать сведения для формирования региональных баз данных мониторинга незаконного оружия в обороте.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. В целом оружейное законодательство РФ соответствует требованиям международных норм и рекомендаций. Несмотря на то что Россия не присоединилась к Протоколу 2001 г., производится «подразумеваемая имплементация» (*De lege ferenda*). При возможном рассмотрении вопроса о ратификации Протокола необходимо обратить внимание на подготовленный ЮНОДК комплект мер по предотвращению НОО для ратификации.

2. Законодательство РФ об оружии далеко от совершенства; имеются ряд пробелов и неточностей. В частности, уточнения требует ПП № 814. Необходимо уточнить правила хранения гражданами России своего гражданского оружия в части условий и требований, четко указать критерии «достаточности» для минимизации вольного толкования норм должностными лицами и злоупотребления дискреционными полномочиями. Подобные меры дадут более ясное понимание того, как именно обеспечивать достаточную безопасность при хранении оружия, как постоянном, так и временном, что будет способствовать повышению его сохранности, снижая риск хищения и попадания в незаконный оборот.

3. Следует зафиксировать в ФЗ № 150 необходимость ведения и обслуживания указанного реестра. Это повысит не только прозрачность оборота оружия в государстве для уполномоченного органа, но и окажет существенное влияние на борьбу с НОО. В дальнейшем отечественная система может послужить основой для регио-

раны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны : постановление Правительства РФ от 17 апреля 2025 г. № 508. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504100 (дата обращения: 15.06.2025).

нальной информационной системы отслеживания СОЛВ в рамках ШОС.

Библиографический список

Анализ нововведений законодательства Российской Федерации, регулирующего оборот оружия : учеб. пособие. Ижевск, 2023. 67 с.

Астахова Е. А. Современные виды транснациональной преступности // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 88–96.

Бекетов О. И., Майле А. Д., Гоман О. С., Сургутсков В. И. Модели правового регулирования оборота гражданского оружия в иностранных государствах (на примере США, Германии и Японии) // Юридические исследования. 2020. № 11. С. 39–51.

Бирюков П. Н. Международное право : учеб. для бакалавров. 11-е изд. М. : Юрайт, 2025. 640 с.

Бычков В. В. Криминальный оборот оружия и боеприпасов : понятие, уголовно-правовое и криминалистическое противодействие : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2025. 476 с.

Гилев А. М., Тухфатуллин А. Н. Ограничения, устанавливаемые на использование оружия гражданами в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе : сб. тезисов Междунар. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. Т. 2. С. 1521–1525.

Горшков И. С. Модели лицензирования приобретения гражданского огнестрельного оружия физическими лицами // NB : Административное право и практика администрирования. 2021. № 4. С. 55–64.

Губернская А. А. Правовое регулирование деятельности международных полицейских организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 29 с.

Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистика : учеб. и практикум для вузов. 4-е изд. М. : Юрайт, 2025. 617 с.

Кокин А. В. Теория и практика криминалистической идентификации нарезного огнестрельного оружия по выстреленным пулям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 213 с.

Криминалистическое оружиеведение : учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Бирюкова. 3-е изд. М. : Юрайт, 2025. 241 с.

Международное право : учебник / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 656 с.

Морозков В. А. Регулирование гражданского оборота огнестрельного оружия в России в историко-правовой ретроспективе // Общество : политика, экономика, право. 2022. № 5 (106). С. 77–85.

Муркштис М. И. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту оружия : учеб. пособие. М. : Статут, 2019. 328 с.

Мысина А. И. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 35 с.

Никитинский К. А. Исторический аспект развития правового регулирования оборота оружия в России // Актуальные вопросы теории и истории государства и права : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД РФ, 2024. С. 45–47.

Сакун Е. Ю., Кожевников А. К. Сравнительный анализ законодательства об оружии в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки // NovaInfo.Ru. 2024. № 143. С. 110–115.

Столбова Н. А. Методика расследования незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2024. 243 с.

Суд в России заблокировал сайт по продаже нелегального боевого оружия // Газета.Ru. 2025. 21 марта.

Торгерсен А. С. О некоторых актуальных вопросах участия участковых уполномоченных полиции в мероприятиях по контролю за оборотом оружия в контексте изменений отечественного законодательства // Научный компонент. 2021. № 1(9). С. 34–41.

У Росгвардии будет своя информационная система в сфере оборота оружия // Рос. газета. 2024. 21 февр.

Юсупова О. А., Сериков С. Н. Проблемы лицензирования гражданского оружия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(13). С. 155–160.

References

Analysis of innovations in the legislation of the Russian Federation regulating arms trafficking : textbook stipend. Izhevsk, 2023. 67 p.

Astakhova E. A. Modern types of transnational crime // Legal policy and legal life. 2023. No. 3. P. 88–96.

Beketov O. I., Maile A. D., Homan O. S., Surgutskov V. I. Models of legal regulation of the circulation of civilian weapons in foreign countries (using the example of the USA, Germany and Japan) // Legal Studies. 2020. No. 11. P. 39–51.

Biryukov P. N. International law : textbook for bachelors. 11th ed. Moscow : Yurait, 2025. 640 p.

Bychkov V. V. Criminal trafficking of weapons and ammunition : the concept, criminal law and criminalistic counteraction : textbook. for universities. Moscow : Yurait, 2025. 476 p.

Gilev A. M., Tukhfatullin A. N. Restrictions imposed on the use of weapons by citizens in the Russian

Federation // Penal enforcement system at the present stage : collection of abstracts of the International Scientific and Practical Conference. Ryazan : Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. Vol. 2. P. 1521–1525.

Gorshkov I. S. Models of licensing the acquisition of civilian firearms by individuals // NB : Administrative law and practice of administration. 2021. No. 4. P. 55–64.

Gubernskaya A. A. Legal regulation of the activities of international police organizations : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2018. 29 p.

Egorov N. N., Ishchenko E. P. Criminalistics : textbook and a workshop for universities. 4th ed. Moscow : Yurait, 2025. 617 p.

Kokin A. V. Theory and practice of criminalistic identification of rifled firearms by fired bullets : cand. legal sci. dis. Moscow, 2006. 213 p.

Forensic weapons science : textbook. for universities / under the general editorship of V. V. Biryukov. 3rd ed. Moscow : Yurait, 2025. 241 p.

International law : textbook / ed. by L. A. Lazutin, Yu. S. Bezborodov, M. A. Likhachev. Moscow : Norm : INFRA-M, 2023. 656 p.

Morozkov V. A. Regulation of the civil turnover of firearms in Russia in historical and legal retrospect // Society : politics, economics, law. 2022. No. 5 (106). P. 77–85.

Murkshitis M. I. Criminal law counteraction to illegal arms trafficking : textbook. the manual. Moscow : Statute, 2019. 328 p.

Mysina A. I. International legal regulation of state cooperation in countering crimes in the field of information technology : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2021. 35 p.

Nikitinsky K. A. Historical aspect of the development of legal regulation of arms trafficking in Russia // Actual issues of theory and history of state and law : collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg : Ural. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 45–47.

Sakun E. Yu., Kozhevnikov A. K. Comparative analysis of legislation on weapons in the Russian Federation and the United States of America // NovaInfo.Ru . 2024. No. 143. P. 110–115.

Stolbova N. A. Methods of investigation of illegal firearms trafficking using information and telecommunication networks, including the Internet : cand. legal sci. dis. Irkutsk, 2024. 243 p.

A court in Russia has blocked a website selling illegal military weapons // Газета.Ru. 2025. March 21st.

Torgersen A. S. On some topical issues of the participation of district police officers in arms control measures in the context of changes in domestic legislation // Scientific component. 2021. № 1(9). P. 34–41.

Rosgvardiya will have its own information system in the sphere of arms trafficking // Russian Newspaper. 2024. February 21.

Yusupova O. A., Serikov S. N. Problems of licensing civilian weapons // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3(13). P. 155–160.

Воронежский государственный университет
Саприн И. Г., преподаватель кафедры международного и евразийского права
E-mail: ilya.saprrin@gmail.com

Поступила в редакцию: 26.09.2025

Для цитирования:

Саприн И. Г. Проблемы имплементации в Российской Федерации международных норм о борьбе с незаконным оборотом оружия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 301–311. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/301-311>

Voronezh State University
Saprin I. G., Lecturer of the Department of International and Eurasian Law
E-mail: ilya.saprrin@gmail.com

Received: 26.09.2025

For citation:

Saprin I. G. Problems of implementation of international norms on combating illegal arms trafficking in the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 301–311. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/301-311>

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО В СТРАНАХ БРИКС

В. В. Денисова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-GOVERNMENT IN BRICS COUNTRIES

V. V. Denisova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Аннотация: статья посвящена вопросам реализации концепции электронного государства в правовых системах России, Китая, Индии, Бразилии и Южно-Африканской Республики. Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой метод, позволяющий проанализировать нормативные акты и государственные программы. Рассмотрена эволюция концепции от «электронного государства», ориентированного на усовершенствование существующих административных процессов, к «цифровому государству», характеризующемуся интегрированностью, проактивностью и персонализированным предоставлением услуг. Выявлена общая тенденция для стран БРИКС: переход к платформенным решениям, трансформирующим административные процедуры и характер взаимодействия между обществом и государством. При этом Китай, Бразилия, Индия и Южно-Африканская Республика, обращая внимание на функциональные аспекты, развивают программно-стратегические модели, основанные на подзаконном регулировании. В России вопросы формирования электронного государства выведены на законодательный уровень. Работа содержит анализ ключевых инициатив, который подтверждает связь между уровнем развития институционально-правовой инфраструктуры и эффективностью предоставления государственных услуг.

Ключевые слова: цифровое государство, государственное управление, административные процедуры, цифровизация, государственные услуги.

Abstract: the article focuses on the implementation of the e-state concept within the legal systems of Russia, China, India, Brazil, and South Africa. The methodological foundation of the research is the comparative legal method, which allows for the analysis of legal acts and state programs. The evolution of the concept from «e-government» to a «digital government» – from improving existing administrative processes to integration, proactivity, and personalized service delivery, is examined.

A common trend for the BRICS countries is identified: a shift towards platform-based solutions that transform administrative procedures and the nature of interaction between society and the state. At the same time, China, Brazil, India, and South Africa, while focusing on functional aspects, are developing program-strategic models based on subordinate legal acts. In Russia, issues related to the formation of e-government have been elevated to the legislative level.

The work contains an analysis of key initiatives, which confirms the connection between the level of development of the legal institutional infrastructure and the efficiency of public service delivery.

Key words: digital government, public governance, administrative procedures, digitalization, public services.

Концепция «электронного государства» получила широкое распространение в мире, однако она не имеет единой трактовки и по-разному реализуется на практике. Примером этого служат страны БРИКС, которые демонстрируют

различные подходы к пониманию и внедрению данной концепции.

Концепция электронного государства

Концепция электронного государства широко применяется в разных странах, но каждая из них на практике по-разному понимает ее струк-

туру. Одни под электронным государством понимают любое государство, использующее интернет в своей работе для облегчения документооборота, другие – то, где личное взаимодействие между ним и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии в интересах граждан¹.

Так как концепция возникла в англоговорящих странах, в мире часто употребляется термин «*e-government*». В России термин чаще переводится как «электронное правительство», данный перевод можно считать более точным. Концепция «*e-government*» подразумевает изменение не только правительства как центрального органа исполнительной власти, а всех государственных органов². Этот подход отражает скоординированную деятельность всех ветвей, средствами в которой являются информационные технологии и достижения научно-технического прогресса³.

На международном уровне определение Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (UN DESA) признается одним из наиболее авторитетных: *e-government* охватывает процессы предоставления государственных услуг и вовлечения граждан в управление посредством использования современных информационных технологий⁴.

В странах БРИКС различаются подходы к определению и нормативно-правовому закреплению термина «*e-government*». Россия, пожалуй, наиболее близка к закреплению понятия на законодательном уровне. Так, согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 632-р под электронным правительством понимается «новая

форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов»⁵.

Другие страны (Китай, Бразилия, Индия, Южно-Африканская Республика) предпочитают более гибкий подход, основанный на описании функций электронного государства, его стратегиях и программах. Так, в Китае активно используется термин 电子政务 (*diànzǐ zhèngwù*)⁶, в Бразилии – «*Governo Digital*»⁷, в Индии – «*e-Governance*»⁸, в ЮАР – «*e-Government*»⁹. Эти термины не закреплены на законодательном уровне, однако упоминаются в указах, распоряжениях и государственных программах развития. Основной акцент делается на описании функциональной составляющей и практической реализации проектов и инициатив в этой области.

Эволюция концепции электронного государства

Концепция электронного государства способствовала развитию законодательства о стратегическом и программно-целевом развитии общества и государства.

⁵ О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года : распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: 中华人民共和国国务院关于加强推进电子政务建设的指导意见 = Государственного совета КНР об ускорении строительства электронного правительства : инструкция = 中国政府网 // Официальный веб-портал Правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-07/20/content_3621.htm (дата обращения: 19.05.2025).

⁷ См.: Decreto N° 10.332, de 28 de abril de 2020 = Официальный указ о цифровом правительстве // Presidência da República, Casa Civil, Subchefia para Assuntos Jurídicos. Brasília, 2020. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2020/decreto/D10332.htm (дата обращения: 22.05.2025).

⁸ См.: Digital India : official website // Ministry of Electronics and Information Technology, Government of India. URL: <https://www.digitalindia.gov.in> (дата обращения: 22.05.2025).

⁹ См.: E-Services portal : официальный портал государственных услуг // Government of the Republic of South Africa. URL: <https://www.eservices.gov.za> (дата обращения: 22.05.2025).

¹ См.: Токмачева Н. В., Бородина Ю. И., Пушкарь Е. А. Концепция электронного правительства : подходы, критерии оценки, перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 54.

² См.: Богдановская И. Ю. Электронное государство // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 105.

³ См.: Цаплин А. Ю. «Электронное правительство» : основные трактовки понятия и функциональности // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология. 2007. № 2. С. 122–123.

⁴ См.: Дьякова Е. Г. Soft power как проявление «Административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае) // Дискурс-Пи. 2014. № 4. С. 46.

Страны объединения БРИКС приняли свои стратегии и программы по цифровизации: программы «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) и «Информационное общество» (2011–2020 гг.) в Российской Федерации, «Золотой щит» и «Интернет плюс правительственные услуги» в Китае, «Цифровая Индия» и «Национальный план действий по управлению» в Индии, «E-Digital» в Бразилии, «Электронное правительство – цифровое будущее: политика в области информационных технологий для государственных служб» в Южно-Африканской Республике, – что ознаменовало начало развития электронного государства. Электронное государство опиралось на автоматизацию существующих процессов, было децентрализовано и узкоспециализировано.

Под влиянием цифровой трансформации и стремительного развития цифровых или сквозных технологий с 2010-х г. начинает формироваться новая концепция – цифровое государство («*digital government*»), что было отмечено в Обзоре ООН за 2012 г.¹⁰ Цифровое государство представляет собой автоматизированную и централизованную систему, основанную на данных, получаемых в реальном времени, проактивности, межведомственной интеграции и использовании искусственного интеллекта и онлайн-платформ. Акцент смещается с предоставления услуг по запросу на их предиктивное и персонализированное предоставление, на повышение их доступности и открытости, а также на вовлечение граждан в процесс принятия решений. Структура цифрового государства шире, чем электронного: она включает не только органы власти, но и негосударственные организации и частный сектор, вовлеченные в производство и оказание услуг посредством государственных платформ.

Таким образом, если изначально электронное государство являлось ведомственно-децентрализованным и фокусировалось на предоставлении электронных услуг, то в настоящее время наблюдается концептуальный сдвиг к цифровому государству, основан на понимании необходимости комплексного сетевого взаимодействия граждан с государством.

¹⁰ См.: United Nations e-government survey 2012: E-government for the people / United Nations department of economic and social affairs. N. Y. : UN, 2012. 160 p. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

Практика реализации концепции электронного государства в странах объединения БРИКС. Опыт России

В 2000-х гг. перед Россией стояла задача обеспечения последовательного перехода к оказанию большинства государственных услуг в электронном виде. Наиболее заметной инициативой в области создания электронного правительства в России стала первая федеральная целевая программа «Электронная Россия», утвержденная постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65¹¹, запущенная в 2002 г. и действовавшая до 2010 г. Программа устанавливала цели и задачи по внедрению информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти и для обеспечения граждан информацией об их работе. В рамках ее реализации были заложены основы новых правовых институтов, таких как электронный документооборот, электронная цифровая подпись и защита персональных данных, что нашло свое отражение в последующем принятии федеральных законов «Об электронной подписи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О персональных данных». Для реализации стратегии создаются порталы государственных услуг, электронные сервисы и информационные системы, обеспечивающие предоставление государственных услуг в электронном формате, без непосредственного посещения физическими и юридическими лицами государственных учреждений. Кроме того, для правового обеспечения новых цифровых институтов был принят ряд нормативно-правовых актов, включая Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹², Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹³, постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации

¹¹ См.: Об утверждении федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» : постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 14.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации «Информационное общество»¹⁴, а также ведомственные акты, например приказы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, и др.

В настоящее время разработаны и функционируют ключевые элементы национальной инфраструктуры электронного государства, в числе которых:

1) единый портал государственных и муниципальных услуг (федеральная государственная информационная система)¹⁵;

2) единая система межведомственного электронного взаимодействия (государственная информационная система);

3) официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru (официальный источник опубликования правовых актов);

4) федеральный портал проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru (официальный сайт для размещения информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения)¹⁶ и др.

Удачным примером реализации концепции электронного правительства является портал «Госуслуги». Он служит официальным источником информации о порядке предоставления государственных услуг, которые осуществляют федеральные и региональные органы власти РФ, позволяет оформить документы, получить выписки и справки в электронном виде, а также найти юридически значимую информацию¹⁷. Другим примером являются многофункциональные центры. МФЦ стали одной из са-

мых удобных форм обслуживания населения в России. В соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» МФЦ – это организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения, уполномоченная на организацию предоставления услуг по принципу «одного окна». МФЦ осуществляют прием и выдачу документов, информируют и консультируют заявителей по вопросам предоставления государственных и муниципальных услуг от имени и по поручению органов, предоставляющих услуги¹⁸. Их деятельность также регламентируется постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1376.¹⁹

Опыт Китая

В Китае формирование электронного государства началось в 1990-х г. В 1992 г. власти приступили к созданию автоматизированных систем управления в государственных органах.

В 2002 г. в Декрете № 17 Аппарата Государственного Совета КНР были изложены руководящие принципы формирования электронного государства, такие как доступность для граждан административной информации; улучшение системы административного контроля и предоставления услуг. Указывалось, что «посредством электронного государства появится возможность упорядочить функции и зоны ответственности, четко распределить функции между различными подразделениями, улучшить взаимодействие между органами и в результате обеспечить граждан эффективными услугами»²⁰. В 1999 г. стал осуществляться проект «Правительство онлайн», приоритетными задачами которого были повышение качества государственного управления и обеспечение до-

¹⁴ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 14.07.2022). Статья 21, пункт 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Что такое Госуслуги // Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/general/2373> (дата обращения: 23.05.2025).

¹⁸ См.: Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 14.07.2022). Статья 2, пункт 5; статья 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг: постановление Правительства РФ от 22 декабря 2012 г. № 1376. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Дьякова Е. Г. «Глобальное» versus «Национальное»: электронное правительство как элемент китайской административной реформы // Антиномии. 2013. № 2. С. 63.

стуга всех граждан Китая к публикуемой правительством информации²¹.

В 2020 г. на общенациональной платформе цифрового государства www.gjzfw.gov.cn было зарегистрировано более 890 млн пользователей²². По данным ООН, по уровню развития электронного государства Китай занимает 43-е место в 2022 г. За период 2010–2022 гг. он смог улучшить свою позицию, поднявшись на 29 пунктов²³.

Особенностью электронного государства в Китае является активная роль государства, которое выступает главным двигателем внедрения ИКТ в деятельность управленческого аппарата, стимулирует и контролирует информатизацию взаимоотношений частного сектора и правительственных ведомств²⁴. Эта система логична и соответствует китайским административным традициям «сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти»²⁵.

Опыт Бразилии, Индии и ЮАР

Индия и Бразилия достигли достаточно высокого уровня развития информационных технологий в сфере государственного управления. Однако в Южно-Африканской Республике остаются серьезные проблемы с доступом к интернету и низким уровнем цифровой грамотности населения, что затрудняет внедрение электронных сервисов²⁶.

Одним из первых документов, определивших структуру современной информационной сферы Индии, был Национальный план электронного управления от 18 мая 2006 г. – прави-

тельственный акт, который включал проекты по развитию электронного управления, созданию электронных реестров платежей и систем электронной идентификации и др.²⁷ Чтобы расширить область применения сети Интернет и других информационных технологий, в июле 2015 г. Правительство Индии приняло Национальную программу «Цифровая Индия». Правовой основой программы стал Закон об информационных технологиях 2000 г., который установил правовой статус электронных документов и цифровых подписей. В 2023 г. Кабинет министров Индии одобрил расширенную программу цифровизации страны, которая предусматривает улучшение уровня доступности государственных услуг в электронном виде: например, планируется улучшение мобильного приложения Bhashini, разработанного для того, чтобы помочь гражданам Индии переводить контент на разные индийские языки²⁸. По данным на 2023 г., граждане Индии способны получить более чем 80 % от всех государственных услуг при использовании электронной платформы «Digital India»²⁹. Важным правовым институтом e-Governance в Индии является система цифровой идентификации Aadhaar, обеспечивающая биометрическую аутентификацию граждан при получении государственных услуг. В докладе ООН UN E-Government Survey 2022 Индия оценивается как страна с очень высоким уровнем развития e-Governance в области предоставления онлайн-услуг по итогам 2021 г.³⁰

В Бразилии осуществление программы Governo Digital обеспечивает Гражданская служба. Она предлагает бесплатное широкополосное подключение к интернету государственным учреждениям, некоммерческим организациям, которые содействуют цифровому включению, государственным учреждениям в области образова-

²¹ См.: Lan L. A. Catalyst to Good Governance in China // Knowledge Management in Electronic Government : 5th IFIP International Working Conference, KMGov 2004, Krems, Austria, May 17-19, 2004: Proceedings / eds. M. A. Wimmer. Berlin : Springer, 2004. P. 317–324.

²² См.: The State Council of the People's Republic of China : official website. URL: <http://english.www.gov.cn/> (дата обращения: 01.06.2025).

²³ См.: Бурденко Е. В. Модели электронного правительства // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. С. 59–76.

²⁴ См.: Василевский Я. И., Габуев С. К. Варианты развития электронного правительства : опыт России, США, КНР // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 1. С. 108–125.

²⁵ См.: Дьякова Е. Г. «Глобальное» versus «Национальное»... С. 64.

²⁶ См.: Шуваева Е. А., Заливанский Б. В. Развитие электронного правительства в разных странах мира // Вестник науки. 2024. № 10 (79). С. 45.

²⁷ См.: National E-governance Plan : official website // Ministry of Electronics and Information Technology, Government of India. URL: <http://meity.gov.in/divisions/national-e-governance-plan> (дата обращения: 26.05.2025).

²⁸ См.: Цифровая Индия (Digital India) // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_Индия_%28Digital_India%29 (дата обращения: 14.05.2025).

²⁹ См.: Гуляева П. С. Правовое регулирование развития информационной сферы в Индии // Образование и право. 2018. № 11. С. 316.

³⁰ См.: Atmanirbhar Bharat, или независимая цифровая Индия // Cdo2day. URL: <https://cdo2day.ru/practice/atmanirbhar-bharat-ili-nezavisimaja-cifrovaja-indija/> (дата обращения: 16.05.2025).

ния, здравоохранения и безопасности³¹. В 2018 г. правительство Бразилии запустило Стратегию цифровой трансформации Бразилии (E-Digital), которая установила основные цели, включая продвижение цифровой инклюзии, укрепление кибербезопасности, расширение доступа в интернет и поощрение технологического предпринимательства. Она также направлена на оцифровку государственных услуг, продвижение цифрового образования и стимулирование инноваций в ключевых секторах экономики³². Базовым законом, гарантирующим функционирование электронного государства, является Закон об интернете 2014 г.³³

В Бразилии функционирует портал <https://www.gov.br/governodigital/pt-br>, он предоставляет более 600 услуг для 150 млн пользователей. Система обеспечивает сквозной доступ через цифровое ID, сократив время получения услуг на 65 %. Всемирный банк признал Бразилию второй страной в мире с наивысшим уровнем зрелости цифрового государства³⁴.

В ЮАР практически отсутствует система межведомственного взаимодействия. Услуги разрознены между порталами, навигация на сайтах министерств не унифицирована. Портал государственных услуг есть, но его основной функцией является предоставление информации; для организации предоставления услуг используются два домена www.gov.za и www.services.gov.za с различной классификацией списка услуг³⁵. Существует возможность единого входа че-

рез сайт Правительства ЮАР, откуда с помощью ссылок можно перейти на децентрализованные сайты государственных министерств. Гарантии функционирования электронного государства устанавливаются стратегией «Электронное правительство – цифровое будущее: политика в области информационных технологий для государственных служб» (2001 г.)³⁶.

Электронное государство – это организация власти, при которой все государственные органы и институты системно используют информационно-коммуникационные технологии для обеспечения взаимодействия с гражданами и организациями, минимизируя личное взаимодействие и максимизируя доступность услуг. Во всех исследованных странах БРИКС реализуется концепция электронного государства.

Эволюция электронного государства прошла путь от внедрения электронных форм взаимодействия между государственными органами к современной концепции цифрового государства, предусматривающей сетевое взаимодействие государства и граждан, а также привлечение негосударственного сектора для оказания публичных услуг. Важным этапом развития институциональных основ цифрового государства стало создание единых государственных платформ, которые заменяют разрозненные ведомственные сайты, формируют новые административные процедуры, влияющие на изменение государственного управления и расширение организующей функции государства.

Особенностью электронного государства в Китае является активная роль государства, которое выступает главным двигателем внедрения ИКТ в деятельность управленческого аппарата, стимулирует и контролирует информатизацию взаимоотношений частного сектора и правительственных ведомств. Эта система логична и соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти.

Появление электронного государства – важный фактор трансформации государственно-го управления, значительно повышающий его эффективность. Развитие электронного государства приводит к фундаментальным изменениям административных процедур, так как оно расширяет права граждан, делает получе-

³¹ См.: Абрамов В. И., Маланичева Н. В., Стрельникова И. А. Анализ программ цифровой экономики зарубежных стран на примере Аргентины, Бразилии, Индии и Мексики // Управление. 2023. Т. 11, № 2. С. 50.

³² См.: Brazil : развитие цифровой экономики в Бразилии // Trade.gov : сайт. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/brazil-digital-economy> (дата обращения: 29.05.2025).

³³ См.: Marco Civil da Internet (Lei № 12.965, de 23 de abril de 2014) // CGI.br. URL: <https://www.cgi.br/pagina/marco-civil-law-of-the-internet-in-brazil/180> (дата обращения: 20.05.2025).

³⁴ Бразилия признана одним из лидеров в области цифрового правительства // TV BRICS. 2023. 3 июля. URL: <https://tvbrics.com/news/braziliya-priznana-odnim-iz-liderov-v-oblasti-tsifrovogo-pravitelstva/> (дата обращения: 20.05.2025).

³⁵ Степанов И. ЮАР : цифровое государство / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт развития государственно-частного партнерства. URL: <https://we.hse.ru/irs/cas/pass-sa> (дата обращения: 21.05.2025).

³⁶ Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг. 2019. № 5 (153). С. 123.

ние ими государственных услуг более простым и доступным, меняет работу государства, преобразуя традиционные модели взаимодействия между властью и обществом. Цифровизация всех сфер жизни неизбежно влечет за собой изменение принципов государственного управления. Электронное государство становится не просто инструментом государства, а новой моделью его взаимодействия с обществом. Эффективность реализации концепции электронного государства напрямую зависит от качества и системности законодательного регулирования, а также от наличия правовых механизмов обеспечения координации между государством, обществом и ведомствами.

Библиографический список

Абрамов В. И., Маланичева Н. В., Стрельникова И. А. Анализ программ цифровой экономики зарубежных стран на примере Аргентины, Бразилии, Индии и Мексики // Управление. 2023. Т. 11, № 2. С. 45–55.

Богдановская И. Ю. Электронное государство // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 105–111.

Бурденко Е. В. Модели электронного правительства // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. С. 59–76.

Василавский Я. И., Габуев С. К. Варианты развития электронного правительства : опыт России, США, КНР // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 1. С. 108–125.

Гуляева П. С. Правовое регулирование развития информационной сферы в Индии // Образование и право. 2018. № 11. С. 314–321.

Дьякова Е. Г. «Глобальное» versus «Национальное» : электронное правительство как элемент китайской административной реформы // Антиномии. 2013. № 2. С. 57–66.

Дьякова Е. Г. Soft power как проявление «Административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае) // Дискурс-Пи. 2014. № 4. С. 45–49.

Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг. 2019. № 5 (153). С. 120–135.

Степанов И. ЮАР : цифровое государство / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт развития государственно-частного партнерства. URL: <https://we.hse.ru/irs/cas/passsa>

Токмачева Н. В., Бородина Ю. И., Пушкарь Е. А. Концепция электронного правительства : подходы, критерии оценки, перспективы // Государст-

венное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 52–60.

Цаплин А. Ю. «Электронное правительство» : основные трактовки понятия и функциональности // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Социология. Политология. 2007. № 2. С. 121–126.

Шуваева Е. А., Заливанский Б. В. Развитие электронного правительства в разных странах мира // Вестник науки. 2024. № 10 (79). С. 674–682.

Лан Л. А. Catalyst to Good Governance in China // Knowledge Management in Electronic Government: 5th IFIP International Working Conference, KMGov 2004, Krems, Austria, May 17–19, 2004: Proceedings / eds. M. A. Wimmer. Berlin : Springer, 2004. P. 317–324.

References

Abramov V. I., Malanicheva N. V., Strelnikova I. A. Analysis of digital economy programs in foreign countries using the example of Argentina, Brazil, India and Mexico. 2023. Vol. 11, No. 2. P. 45–55.

Bogdanovskaya I. Y. Electronic state // Social Sciences and modernity. 2004. No. 6. P. 105–111.

Burdenko E. V. Models of electronic government // Issues of innovative economics. 2023. Vol. 13, No. 1. P. 59–76.

Vasilavsky Ya. I., Gabuev S. K. Options for the development of e-government : the experience of Russia, the USA, China // International processes. 2017. Vol. 15, No. 1. P. 108–125.

Gulyaeva P. S. Legal regulation of the development of the information sphere in India // Education and Law. 2018. No. 11. P. 314–321.

Dyakova E. G. «Global» versus «National» : electronic government as a participant in Chinese administrative reform // News. 2013. No. 2. P. 57–66.

Dikova E. G. Soft power as the dominance of the «Administrative Model» (on the example of the government in China) // Discourse, 2014, No. 4. P. 45–49.

Pavlyutenkova M. Y. Electronic government versus digital government in the context of digital transformation // Monitoring. 2019. № 5 (153). P. 120–135.

Stepanov I. South Africa: the Digital State / National Research University Higher School of Economics, Institute for the Development of Public-Private Partnership. URL: <https://we.hse.ru/irs/cas/passsa>

Tokmacheva N. V., Borodina Yu. I., Pushkar E. A. The concept of e-government : approaches, evaluation criteria, prospects // State and municipal administration. Scientific notes. 2024. No. 3. P. 52–60.

Tsaplin A. Y. «Electronic government» : basic interpretations of the concept and functionality // Izvestia Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Sociology. Political science. 2007. No. 2. P. 121–126.

Shuvaeva E. A., Zalivansky B. V. The development of e-government in different countries of the world // Bulletin of Science. 2024. No. 10 (79). P. 674–682.

Lan L. A. A catalyst for effective management in China // Knowledge management in e-government : 5th IFIP International Working Conference, KMGov

2004, Krems, Austria, May 17–19, 2004: Proceedings / ed. by M. A. Wimmer. Berlin : Springer, 2004. P. 317–324.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Денисова В. В., студент

E-mail: vald3nwry@yandex.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Denisova V. V., Student

E-mail: vald3nwry@yandex.ru

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Received: 15.01.2026

Для цитирования:

Денисова В. В. Электронное государство в странах БРИКС // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 312–319. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/312-319>

For citation:

Denisova V. V. E-Government in BRICS countries // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 312–319. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/312-319>

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НОРМАТИВНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АКТОВ В ЦЕЛЯХ ВЫБОРА НАДЛЕЖАЩЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ОСПАРИВАНИЯ

И. В. Мешалкина

Воронежский государственный университет

DISTINGUISHING BETWEEN REGULATORY AND INDIVIDUAL ACTS IN ORDER TO CHOOSE THE APPROPRIATE PROCEDURAL FORM OF CHALLENGE

I. V. Meshalkina

Voronezh State University

Аннотация: предмет настоящего исследования – подходы к пониманию административного акта, сложившиеся в правовой теории и судебной практике, а также критерии, выработанные практикой для разграничения нормативных и ненормативных актов. Рассматриваются проблемы, возникающие в связи с этим разграничением, и предлагаются возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: административный акт, оспаривание нормативных актов, оспаривание действий и решений.

Abstract: the subject of this research is the approaches to understanding an administrative act in theory and judicial practice, the criteria developed by practice for distinguishing between regulatory and non-regulatory acts, the problems caused by this, and possible solutions.

Key words: administrative act, challenge of regulations, challenge of actions and decisions.

Административные акты, издаваемые органами публичной власти, служат инструментом реализации функций публичного управления и представляют собой завершённый результат их административно-процедурной деятельности. Будучи формой управленческого воздействия, такие акты становятся основным каналом взаимодействия между гражданами и публичной администрацией. Традиционно в качестве требований, предъявляемых к актам, выделяют требования законности, обоснованности и целесообразности. К требованиям законности в том числе относятся: «обеспечение надлежащей (эффективной) организации и функционирования органов публичной власти и их должностных лиц; формирование судебной системы, осуществляющей эффективный судебный контроль как за правовым качеством применяемо-

го законодательства, так и за принимаемыми уполномоченными субъектами публичной власти правовыми актами; гарантирование эффективной правовой защиты (например, развитие законодательства об административном судопроизводстве)»¹.

Подход к пониманию административного акта в России существенно отличается от принятого в ряде европейских стран. В российской правовой системе к административно-правовым актам относят как нормативные, так и индивидуальные решения, принимаемые органами исполнительной власти. В то же время, например, в немецком административном праве административным актом считается исключительно индивидуальный акт. Закон об административных процедурах Германии определяет

¹ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2018. 36 с.

его как «меру, принимаемую административным органом для регулирования единичного случая в области публичного права»².

Следование представленному «узкому» подходу к пониманию административного акта можно отметить как преобладающее во многих странах, где в настоящее время активно формируется законодательство об административных процедурах. Аналогичный подход можно наблюдать в Законе Эстонской Республики «Об административном производстве»³, Законе Кыргызской Республики «Об основах административной деятельности и административных процедурах»⁴, Законе Республики Узбекистан «Об административных процедурах»⁵, Законе Республики Армения «Об основах администрирования и административном производстве»⁶ и т. д.

На данный момент в законодательстве нет понятия административного акта. Помимо научной доктрины, попытки дать четкое определение этому понятию предпринимались в законопроектах об административных процедурах и административных производствах. Однако ни один из таких проектов до сих пор не нашел поддержки среди законодателей⁷. Отсутствие принятого закона, призванного упорядочить публичное управление, остается серьезной проблемой наравне с продолжающимися дискуссиями о необходимости федерального закона о нормативных правовых актах, который мог бы разре-

шить дискуссию о соотношении законов и подзаконных актов⁸.

Ученые-административисты в контексте российской системы права по-разному подходят к определению административного акта. Обратимся к некоторым из них, не умаляя значимости других разработанных понятий в науке административного права. Так, профессор Ю. Н. Стариков, указывая на равнозначность понятий административного акта и правового акта управления, определяет его как «изданный на основе закона в одностороннем (административном) порядке в соответствии с установленной административной процедурой (в рамках управленческого процесса) уполномоченным органом исполнительной власти и его должностными лицами правовой акт в виде решения (указа, постановления, приказа, распоряжения), оформленного по правилам официального документирования (т. е. как официальный документ), регулирующего управленческие отношения (влекущего юридические последствия для неопределенного круга лиц) или разрешающего конкретное управленческое дело, административный спор, обеспечивающего реализацию прав и законных интересов граждан и организаций (влекущего юридические последствия только для индивидуальных лиц), устанавливающего или изменяющего правовой статус субъектов права, обладающего государственно-властным характером и порождающего для лиц, которым он адресован, правовые последствия в виде возникновения обязанности по его соблюдению (исполнению)»⁹. Отметим, что данное определение сужает возможное понимание административного акта, поскольку включает признак формы официального документа, не охватывая, таким образом, действия (бездействия) органов публичной администрации.

Л. А. Мицкевич определяет административно-правовой акт как «подзаконное официальное, односторонне-властное решение (волеизъявление), принятое органом исполнительной власти (или иным субъектом государственного управления) в установленном порядке в пре-

² Закон Германии «Об административных процедурах» (с изм. от 18 июля 2017 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16054>

³ См.: Статья 51 Закона Эстонской Республики «Об административном производстве». URL <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16610>

⁴ См.: Закон Кыргызской Республики «Об основах административной деятельности и административных процедурах». URL: <https://bga.kg/wp-content/uploads/2022/04/>

⁵ См.: Закон Республики Узбекистан «Об административных процедурах». URL <https://lex.uz/docs/3492203>

⁶ См.: Закон Республики Армения от 18 февраля 2004 г. «Об основах администрирования и административном производстве» // Сборник законодательных актов по административным процедурам. С. 102.

⁷ См.: Похмелкин В. В. Проект Федерального закона № 64090-3 «Об административных процедурах» // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5 (21). С. 15–56 ; Давыдов К. В. Проект Федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Там же. С. 57–91.

⁸ См.: Законопроект № 96700088-2 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2> (дата обращения: 01.10.2025).

⁹ Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старикова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. Ч. 1. С. 544.

делах своей компетенции, облеченное в предусмотренную законом форму и порождающее юридические последствия в виде административно-правовых норм или правоотношений»¹⁰. Можно заметить, что единства не усматривается и в вопросе собственно терминологии «административных актов»: сходное содержание вкладывается в понятия «акты государственной администрации»¹¹, «правовые акты государственного управления»¹², «административные акты», «правовые акты управления», либо же смысл данного понятия связывают с органами исполнительной власти¹³. Это также служит аргументом в пользу принятия описанного выше федерального закона о нормативных правовых актах.

Одной из ключевых гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве является право оспаривать в суде как нормативные, так и индивидуальные правовые акты, в том числе решения, действия (или бездействие) органов публичной власти. Данный институт относительно недавно получил закрепление в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации¹⁴ (далее – КАС РФ), что обеспечивает реализацию конституционного права на доступ к правосудию и соблюдение баланса частных и публичных интересов. Именно посредством выбора надлежащей процессуальной формы достигается основная цель административного судопроизводства – эффективная защита лиц от возможных злоупотреблений властью и восстановление их нарушенных прав.

Исследование статистики рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции позволяет сделать вывод о том, что на протяжении десятилетия действия КАС РФ второе место

по количеству занимают дела, рассматриваемые в порядке главы 22 (оспаривание решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, наделенных отдельными публичными полномочиями, должностных лиц). Дела об оспаривании нормативных правовых актов и актов, обладающих нормативными свойствами, также представляют значительную долю в общем массиве рассматриваемых дел (таблица). В том числе по этой причине автором исследуются особенности административно-процессуальной формы при рассмотрении данных категорий административных дел.

Т а б л и ц а¹⁵

Дела об оспаривании нормативных правовых актов

Год	Всего поступило дел	Поступило дел по главе 22 КАС РФ / доля в %	Рассмотрено дел по главе 21 КАС РФ / доля в %
2015	279 058*	148 726* 53%	3298* 1%
2016	66 880*	15 735 23%	3951 6%
2017	34 837*	12 787 36%	462 1%
2018	39 031*	14 572 37%	632 1%
2019	44 610*	14 414 32%	919 2%
2020	73 136*	23 072 31%	1178 1%
2021	98 663*	33 042 33%	1347 1%
2022	98 228*	43 841 44%	1485 1%
2023	132 847*	57 905 43%	1648 1%
2024	118 421*	73 841 62%	1476 1%
2025	–	–	–

Наиболее острый вопрос судебной практики связан с разграничением нормативных и ненормативных актов при определении надлежащей процессуальной формы производства по административному делу. Он имеет важное практическое значение, напрямую влияя на движение

¹⁰ Мицкевич Л. А., Васильева А. Ф., Морозова Н. А., Приходько Е. Г. Административное право. Красноярск : СФУ, 2008. URL: <http://netprava.ru/ek/b37/>

¹¹ Бахрах Д. Н. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2005. С. 165.

¹² Козлов Ю. М. Овсянко Д. М., Попов Л. Л. Административное право : учеб. для студ. вузов / под ред. Л. Л. Попова. М. : Юрист, 2002. С. 253.

¹³ См.: Мицкевич Л. А., Васильева А. Ф., Морозова Н. А., Приходько Е. Г. Указ. соч.

¹⁴ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁵ См.: Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

дела. Спор о квалификации административного акта может повлечь процессуальные последствия в виде возвращения заявления, повлиять на сроки рассмотрения дела. В настоящее время успешно применяемые судами критерии нормативного характера акта сформулированы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (далее – ПП ВС № 50)¹⁶. Можно обобщить и сгруппировать указанные признаки в целях уяснения критериев, которыми руководствуются суды при анализе конкретных административных актов. Во-первых, указанные признаки связаны с характеристикой субъекта, принявшего акт, – наличием нормотворческих полномочий у издавшего его государственного органа; во-вторых – с его содержанием – важным отличительным признаком нормативного правового акта является наличие в нем нормы права и регулятивного воздействия на общественные отношения; в-третьих – с формально-юридическими требованиями, связанными с надлежащей процедурой принятия акта, требованиями к его форме и виду¹⁷.

Анализ складывающейся судебной практики показывает, что суды склонны воспроизводить в мотивировочной части решения признаки, сформулированные в указанном ПП ВС № 50, не предпринимая попыток развить указанные положения. Единообразное применение признаков нормативного правового акта, сформулированных Верховным Судом РФ, можно наблюдать в делах об оспаривании информационных писем Минфина¹⁸, положений федерального перечня реабилитационных мероприятий и технических средств для инвалидов¹⁹, перечня транс-

портных средств, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор²⁰, Правил создания, охраны и содержания зеленых насаждений в городах России²¹ и множества других актов.

Итак, четкое разграничение актов исключительно по формальному признаку, т. е. по их нормативному или индивидуальному характеру, часто становится затруднительным. Квалификация конкретного акта определяется с учетом совокупности обстоятельств дела и содержания оспариваемого предписания, что прямо подчеркивается в ПП ВС № 50. Основная проблема в том, что иногда очень сложно провести четкое разграничение между административными актами на предмет их нормативных свойств, ввиду чего возникают обозначенные сложности в правоприменительной практике. Сложность определения нормативности усугубляется тем, что некоторые акты могут содержать как нормативные, так и ненормативные положения, а их юридическая сила может зависеть от конкретных обстоятельств применения. Показательным является пример оспаривания актов, которыми определяется перечень объектов, в отношении которых налоговая база определяется как их кадастровая стоимость (недвижимое имущество).

Сложилась противоречивая судебная практика. С одной стороны, суды общей юрисдикции последовательно рассматривают такие споры в рамках производства по оспариванию нормативных правовых актов (глава 21 КАС РФ). Их логика основана на том, что перечень, утвержденный распоряжением органа власти, обладает признаками нормативного акта: он рассчитан на неоднократное применение и затрагивает права неопределенного круга лиц. С другой стороны, арбитражные суды нередко принимают аналогичные иски к производству по правилам об оспаривании ненормативных (индивидуальных) актов (глава 24 АПК РФ). Яркий пример – дело ООО «ПКФ Строй-ИНС», где арбитражные суды трех инстанций рассмотрели требование об исключении объекта из налогового перечня в порядке главы 24 АПК РФ, впоследствии данная позиция была признана Верховным Судом необоснованной²². Описанная ситуация создает

¹⁶ См.: О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁷ См.: *Никитин С. В.* Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 24.

¹⁸ См.: Апелляционное определение Апелляционной коллегии ВС РФ от 4 сентября 2025 г. № АПЛ25-216.

¹⁹ См.: Апелляционное определение Апелляционной коллегии ВС РФ от 8 августа 2024 г. № АПЛ24-283.

²⁰ См.: Апелляционное определение Апелляционной коллегии ВС РФ от 26 июня 2025 г. № АПЛ25-119.

²¹ См.: Решение Верховного Суда РФ от 21 августа 2025 г. № АКПИ25-367.

²² См.: Определение судьбы Верховного Суда РФ от 17 января 2022 г. № 305-ЭС21-25762. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовую неопределенность и затрудняет выбор надлежащего способа защиты права.

Отдельная правовая сложность связана с проблемой разграничения нормативных и ненормативных правовых актов для целей определения подведомственности. Неправильная квалификация оспариваемого акта влечет за собой определенные процессуальные последствия. Наиболее распространенным из них является возвращение административного искового заявления в связи с неподсудностью дела данному суду. Это приводит к прямой потере времени и финансовых ресурсов для административных истцов, вынужденных обращаться в надлежащий суд после прохождения всей первичной процедуры. Подобные коллизии не только усложняют доступ к правосудию, но и увеличивают период правовой неопределенности, оставляя субъектов права в состоянии неопределенности относительно их законных интересов на продолжительный срок²³.

Стоит отметить наблюдаемое терминологическое расхождение между КАС РФ и Арбитражным процессуальным кодексом (далее – АПК РФ), в части обозначения объектов обжалования – в последнем наряду с категориями «решение», «действие», «бездействие» указан «ненормативный акт», что справедливо порождает научную дискуссию. Справедливой представляется точка зрения, высказанная А. А. Томтосовым, который негативно относится к наличию категории «ненормативный (правовой) акт» в тексте АПК РФ. Этот термин, по его мнению, в данном случае «не несет смысловой нагрузки, а его употребление в целях разграничения принимаемых актов органов публичной власти (на нормативные и ненормативные) привело к тому, что в законах и правоприменительной практике возникли сложности в осмыслении места действия (бездействия) органов управления и их должностных лиц»²⁴.

Тем не менее анализ текущей правотворческой деятельности органов публичной власти и сложившейся судебной практики показывает, что вопрос определения нормативного правового акта всё чаще приобретает ведомственный оттенок: разные органы по-разному трактуют его содержание и виды. В стремлении обеспечить

единообразие судебной практики Верховный Суд Российской Федерации выработал ключевые признаки нормативного правового акта. Есть основания полагать, что разрабатываемые государственными органами критерии и существенные характеристики таких актов со временем будут уточняться, дополняться и приобретать всё более четкую и устойчивую форму, «будут отшлифовываться и совершенствоваться»²⁵.

Указанная проблема разграничения административных актов по критерию содержащихся в них нормативных положений играет не последнюю роль при выявлении особенностей административно-процессуальной формы их оспаривания. Сущность процессуальной формы может быть определена как инструмент, обеспечивающий упорядоченное функционирование юридического процесса. В научной литературе традиционно выделяют два подхода к ее пониманию в контексте административного права и административного процесса – «узкий» и «широкий». Так, Н. Г. Салищева в своей работе «Административный процесс в СССР»²⁶ трактовала административно-процессуальную форму исключительно как юрисдикционное явление. Однако такой взгляд подвергался критике, в частности В. Д. Сорокиным, который настаивал на более широком, всеобъемлющем понимании этой категории, особенно в части ее роли в управленческой деятельности²⁷.

Процессуальная форма в юридическом процессе отражает особенности правоприменительной деятельности по делам конкретных категорий, выступая одновременно и выражением содержания процесса, и его формальной структурой. И. А. Галаган отмечал, что «главное назначение любой процессуальной формы состоит в том, чтобы закрепить специфику правового регулирования процессуальной деятельности, основных требований, предъявляемых к порядку и процедуре ее осуществления, оформления и

²⁵ Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России : монография. М. : Норма, 2020. 174 с.

²⁶ См.: Административный процесс в СССР / Ин-т государства и права Акад. наук СССР. М. : Юрид. лит., 1964. 158 с.

²⁷ См.: Сорокин В. Д. Административно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма : теория и практика : монография / Н. В. Виртук, В. М. Горшенев, Т. Н. Добровольская [и др.] ; под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. М. : Юрид. лит., 1976. С. 135.

²³ См.: Томтосов А. А. Административный акт в российском публичном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2020. С. 34.

²⁴ Там же.

закрепления в процессуальных актах»²⁸. Однако приведем мнение Д. Н. Бахраха: «Порядок, процедура, процессуальная форма – это, хотя и очень важная черта процесса, но она только лишь способ упорядочения главного – властной деятельности»²⁹.

Как правило, к числу особенностей процессуальной формы административного судопроизводства относят следующее: одной из сторон правоотношения, являющегося предметом рассмотрения, выступает субъект, представляющий охраняемые публичным правом публичные интересы³⁰.

Известный государствовед С. А. Корф еще в 1910 г. охарактеризовал положение сторон административного процесса следующим образом: «В административном процессе одну из сторон всегда представляет интерес публичный, право – публичное, другой – также всегда являются права и интересы частные; основным положением для нас является участие в административном процессе, с одной стороны, частного лица, физического или юридического; с другой же – публичного или административного органа, представителя государственной публичной власти»³¹.

Особенность административно-процессуальной формы также состоит в том, что при рассмотрении вытекающих из публичных правоотношений споров государство в лице суда уполномочено разрешать споры, в которых одной из сторон выступает это же самое государство, в лице государственных органов и должностных лиц. Одной из главных задач административного судопроизводства является защита граждан от злоупотреблений со стороны органов публичной власти. В связи с этим особое значение приобретает принцип активной роли суда – настолько значимый, что в научной литературе его

иногда характеризуют «опекой государства над гражданином»³².

Таким образом, проблема разграничения нормативных и индивидуальных административных актов и выбора надлежащей процессуальной формы их оспаривания остается одной из наиболее актуальных и сложных в административном судопроизводстве. Отсутствие законодательного закрепления понятия «административный акт», размытость границ между нормативными и ненормативными актами, а также наличие дефектных интерпретационных актов создают значительные трудности в правоприменительной практике.

Принятие КАС РФ, несмотря на имеющуюся критику, стало важным шагом в формировании специальной административно-процессуальной формы, направленной на защиту прав граждан и организаций от злоупотреблений со стороны публичной администрации. Однако для повышения эффективности административного судопроизводства необходимы дальнейшие законодательные инициативы, направленные на совершенствование процедуры оспаривания различных видов административных актов, включая дефектные нормативные предписания.

Библиографический список

Административный процесс в СССР / Ин-т государства и права Акад. наук СССР. М. : Юрид. лит., 1964. 158 с.

Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 6-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2011. 622 с.

Бахрах Д. Н. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2005. 800 с.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 198 с.

Давыдов К. В. Проект Федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Вестник Унта им. О. Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 57–91.

Козлов Ю. М., Овсянко Д. М., Попов Л. Л. Административное право : учеб. для студ. вузов / под ред. Л. Л. Попова. М. : Юрист, 2002. 697 с.

Корф С. А. Административная юстиция в России : в 2 т. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. Т. 2, кн. 3: Очерк теории административной юстиции. 507 с.

³² Опалев Р. О. Указ. соч.

²⁸ Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1976. С. 62.

²⁹ Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 6-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2011. С. 299.

³⁰ См.: Опалев Р. О. К вопросу о единстве и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 34.

³¹ Корф С. А. Административная юстиция в России : в 2 т. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. Т. 2, кн. 3: Очерк теории административной юстиции. С. 467.

Мицкевич Л. А., Васильева А. Ф., Морозова Н. А., Приходько Е. Г. Административное право. Красноярск : СФУ, 2008. URL: <http://netprava.ru/ek/b37/>

Никитин С. В. Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 169 с.

Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 760 с.

Опалев Р. О. К вопросу о единстве и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 56–60.

Похмелкин В. В. Проект Федерального закона № 64090-3 «Об административных процедурах» // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5 (21). С. 15–56.

Сорокин В. Д. Административно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства. // Юридическая процессуальная форма : теория и практика : монография / Н. В. Виртук, В. М. Горшенев, Т. Н. Добровольская [и др.] ; под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. М. : Юрид. лит., 1976. С. 135.

Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

Томтосов А. А. Административный акт в российском публичном праве. М. : Инфотропик Медиа, 2020. 152 с.

Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России : монография / В. П. Уманская, Ю. В. Малеванова. М. : Норма, 2020. 174 с.

Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / вводные замечания Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2018. 36 с.

References

Administrative process in the USSR / Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow : Jurid. lit., 1964. 158 p.

Bakhrakh D. N. Administrative law of Russia : textbook. for students. higher. studies. institutions that study in the specialty «Jurisprudence». 6th ed., revised and additional. Moscow : Eksmo, 2011. 622 p.

Bakhakh D. N. Rossinsky B. V., Starilov Yu. N. Administrative law : textbook. for universities. 2nd ed., ed. and add. Moscow : Norma, 2005. 800 p.

Galagan I. A. Administrative responsibility in the USSR. Procedural regulation. Voronezh : Voronezh Publishing House University, 1976. 198 p.

Davydov K. V. Draft Federal Law «On Administrative Procedures and Administrative Acts in the Russian Federation» // Bulletin of O. E. Kutafin University. 2016. No. 5 (21). P. 57–91.

Kozlov Yu. M., Ovsyanko D. M., Popov L. L. Administrative law : textbook for students universities / ed. by L. L. Popov. Moscow : Lawyer, 2002. 697 p.

Korf S. A. Administrative justice in Russia. St. Petersburg : Tip. Trenke and Fusno, 1910. Vol. 2, book 3: An essay on the theory of administrative justice. 507 p.

Mickiewicz L. A., Vasilyeva A. F., Morozova N. A., Prikhodko E. G. Administrative law. Krasnoyarsk : SFU, 2008. URL: <http://netprava.ru/ek/b37/>

Nikitin S. V. Judicial control over the legality of regulatory legal acts : textbook. for universities. 2nd ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 169 p.

General administrative law : textbook : in 2 hours / ed. by Yu. N. Starilov ; Voronezh State University. 2nd ed., revised. and add. Voronezh : Publishing House. VSU House, 2016. Part 1. 760 p.

Opalev R. O. On the issue of unity and differentiation of the procedural form of administrative proceedings // Arbitration and civil procedure. 2021. No. 9. P. 56–60.

Pokhmelkin V. V. Draft Federal Law No. 64090-3 «On Administrative procedures» // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2016. No. 5 (21). P. 15–56.

Sorokin V. D. Administrative and procedural form, procedural norms and proceedings // Legal procedural form : theory and practice : a monograph / N. V. Virtuk, V. M. Gorshenev, T. N. Dobrovolskaya [et al.] ; ed. by V. M. Gorshenev, P. E. Nedbaylo. Moscow : Jurid. lit., 1976. P. 135.

Judicial statistics on cases considered by federal arbitration courts, federal courts of general jurisdiction, and justices of the peace. URL: <https://cdep.ru/?id=79>

Tomtosov A. A. Administrative act in Russian public law. Moscow : Infotropik Media, 2020. 152 p.

Umanskaya V. P., Malevanova Yu. V. Public administration and public service in modern Russia : a monograph. Moscow : Norma, 2020. 174 p.

Shershenevich G. F. On the sense of legality : a public lecture delivered on March 10, 1897 / introductory remarks by Yu. N. Starilov. Voronezh : Publishing House. VSU House, 2018. 36 p.

Воронежский государственный университет
Мешалкина И. В., магистрант кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: meshaloo4ka@gmail.com

Поступила в редакцию: 27.11.2025

Для цитирования:

Мешалкина И. В. Разграничение нормативных и индивидуальных актов в целях выбора надлежащей процессуальной формы оспаривания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 320–327. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/320-327>

Voronezh State University
Meshalkina I. V., Masters Student of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: meshaloo4ka@gmail.com

Received: 27.11.2025

For citation:

Meshalkina I. V. Distinguishing between regulatory and individual acts in order to choose the appropriate procedural form of challenge // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 320–327. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/320-327>

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН

Ю. С. Тихоненко

Саратовская государственная юридическая академия

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR ENHANCING THE EFFICIENCY OF THE CITIZEN APPEALS REVIEW INSTITUTE

Yu. S. Tikhonenko

Saratov State Law Academy

Аннотация: рассматриваются позиции научных деятелей и положения действующего законодательства, охватывающие сущность и применение искусственного интеллекта в государственном управлении. На примере внедрения виртуального помощника робота Макса на портале государственных и муниципальных услуг отмечаются уже имеющиеся примеры интеграции технологий искусственного интеллекта в государственное управление в Российской Федерации. Автором предложено развитие цифрового обеспечения взаимодействия граждан с органами публичной власти путем введения платформы «Обращение.РФ», которая позволит усовершенствовать процесс подачи, принятия и рассмотрения обращений граждан, а также будет способствовать повышению эффективности контроля за данной деятельностью уполномоченными органами и должностными лицами. Выявлены преимущества предлагаемого внедрения платформы, а также потенциальные риски и способы их предотвращения. Сделан вывод о целесообразности и благоприятных последствиях внедрения нейросетевых технологий, применяемых при рассмотрении обращений граждан и обладающих потенциалом для повышения эффективности публичного управления.

Ключевые слова: государственное управление, рассмотрение обращений граждан, консультирование граждан, генеративный искусственный интеллект, нейросетевые технологии, информационная платформа.

Abstract: the study examines the positions of scientists and conditions of current legislation, covering the essence and experience of artificial intelligence in relation to public administration. Using the example of the implementation of the virtual assistant robot Max on the portal for state and municipal services, existing examples of the integration of artificial intelligence technologies into public administration in the Russian Federation are noted. The author proposes the improvement of digital support for citizen interaction with public authorities by introducing the «Obrashchenie.RF» platform. This platform will enhance the process of submitting, accepting, and reviewing citizen appeals, and will also contribute to increasing the effectiveness of control over this activity by authorized bodies and officials. The advantages of the proposed platform implementation, as well as potential risks and methods for their prevention, have been identified. The author concludes on the expediency and favorable consequences of implementing neural network technologies used in the review of citizen appeals and having potential for the improvement of the efficiency of public administration.

Key words: public administration, citizen appeals processing, citizen consultation, generative artificial intelligence, neural network technologies, information platform.

В настоящее время в процесс жизнедеятельности общества непрерывно и уверенно внедряются новшества научно-технического прогресса, в частности используемые как вспомогательные управленческие инструменты для государственных властей. Так, при возникновении и распространении машинно-вычислительной техники в мире осуществление части властных и управленческих функций в странах реализовывалось с помощью указанных технологий. Например, в 60-х гг. XX в. создавалась автоматизированная система плановых расчетов, что и являлось способом интеграции ЭВМ в управление государством.

К ряду продуктов научно-технического прогресса в XXI в. возможно причислить также технологии искусственного интеллекта, которые в настоящее время являются центром многих исследований в связи с их стремительным совершенствованием и огромным потенциалом, который позволяет эффективно использовать нейросетевые технологии во многих сферах жизни человека.

Одним из направлений деятельности человека и общества выступает осуществление управления, разновидностью которого принято считать реализуемое публичной властью управление общественными отношениями, возникающими во внутренней среде государства. Технологии искусственного интеллекта в настоящий момент уже постепенно внедряются и в данную сферу общества, создавая новые течения административно-правовых исследований.

Для изучения указанных технологий относительно администрирования общественных отношений необходимо определиться с сущностью дефиниции, что является дискуссионным вопросом во многих научных изысканиях. Так, А. И. Буравлев и В. М. Ветошкин определяют искусственный интеллект как «симбиоз технических и программных средств, способный выполнять некоторые творческие функции в определенной предметной области, которые традиционно считаются прерогативой человека». Следовательно, сущность ИИ-технологий определяется в осуществлении цифровой программой определенных действий, которые симулируют мышление и сознание человека.

Легальное определение искусственного интеллекта содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на пери-

од до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В данном подзаконном акте под ним подразумевается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Ранее уже некоторые научные деятели определяли статус и роль искусственного интеллекта в рамках осуществления управленческой деятельности государственных органов. Так, Ю. Г. Никогда в своем исследовании определила различные вероятные подходы к регулированию общественных отношений при использовании нейросетевых технологий, каждый из которых определенным образом влияет на развитие технологий на территории, на которой действует данное регулирование¹. Автор отметила статистические данные внедрения указанных технологий в деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и на основе города федерального значения Москва рассмотрела уже имеющиеся внедренные программы, основанные на ИИ-технологиях.

С. Л. Катанандов и А. А. Ковалев, изучая внедрение искусственного интеллекта в механизм государственного управления, определили обширность понятия «искусственного интеллекта», которое можно разграничить, например, на такие взаимосвязанные элементы, как BigData и робототехника. При этом исследователи обратили внимание на отсутствие должного количества научных исследований в сфере правового и этического регулирования использования искусственного интеллекта в государственном управлении, что, по мнению авторов, негативно сказывается на развитии данного направления.

В Российской Федерации уже предприняты попытки внедрения технологий искусственного интеллекта в различные институты государственного управления. По данным исследования, проведенного в 2024 г. Высшей школой государственного управления РАНХиГС, ведущими органами исполнительной власти в сфере ИИ-технологий являются Федеральные службы

¹ См.: Никогда Ю. Г. Искусственный интеллект в государственном управлении : анализ состояния и перспективы // Вестник науки. 2025. № 9 (90). С. 235–248.

по труду и занятости, по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральная налоговая служба, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации и иные.

Реализация цифровой трансформации, к примеру, в институте консультирования граждан, обосновывается большим количеством запросов на его осуществление от граждан, что в сочетании с ограниченностью человеческих ресурсов порождает перегруженность системы государственных органов, которая создает риск некачественного оказания консультирования. Так, Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» предлагает гражданам консультирование по имеющимся вопросам посредством их взаимодействия с виртуальным роботом Максом, который в соответствии с данными, предложенными Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России, ежедневно принимает 2 млн сообщений от граждан по различным вопросам: порядок действий при чрезвычайной ситуации, получение социальных выплат, обращение в органы власти и иные.

Изначально виртуальный помощник не включал генеративный искусственный интеллект, однако в 2024 г. разработчики произвели его обновление, связанное в основном с внедрением нейросетевых технологий, которые позволяют отвечать роботу на вопросы, на которые изначально техническими специалистами не включены ответы, следовательно, «консультант» стал самообучаемым.

Одним из институтов административного права как отрасли права является институт рассмотрения обращения граждан, регулирующий предоставление гражданам должностными лицами разъяснений по правовым и организационным вопросам, которые входят в их компетенцию. Понятие обращения и порядок его рассмотрения должностным лицом законодательно закреплены в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»². В соответствии со ст. 2 указанного нормативно-правового акта обращение может осуществляться как в письменной форме, так и посред-

ством электронного взаимодействия, одним из вариантов которого является использование федеральной государственной информационной системы ЕПГУ.

Информационная структура портала государственных услуг позволяет направить то или иное обращение в уполномоченный орган, однако данная возможность реализуется не системно, так как клавиши подачи обращения находятся в разноуровневых разделах, что может затруднять реализацию конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти. Например, различные заявления подаются через раздел услуг, а жалоба подается через платформу обратной связи, которая объединена с опросами граждан на различные социальные темы. Вероятно, это затрудняет работу граждан с информационной системой.

Представляется возможным совершенствование данной информационной системы посредством создания в ней единой платформы «Обращение.РФ», позволяющей аккумулировать процедуры подачи заявлений, жалоб и предложений. В настоящее время виртуальный помощник уже отвечает с помощью нейросетевых технологий гражданам, отсылая обращающихся к нему за помощью на необходимые разделы на портале, при этом возможно использование данных технологий для непосредственного рассмотрения обращений граждан, включая организационную составляющую данного процесса. Централизованность как свойство указанного подхода позволит снизить вероятность возникновения сложностей при осуществлении гражданами своего конституционного права на обращение в публичные органы и облегчить деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации.

Платформа может быть реализована самостоятельным программным обеспечением для персональных компьютеров пользователей.

Целесообразным является рассмотрение функционала платформы обособленно относительно его использования гражданами и органами публичной власти.

Для граждан необходимо предусмотреть осуществление каких-либо действий в рамках работы платформы исключительно при должном прохождении процессов идентификации и аутентификации личности. Следовательно, каж-

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

дый гражданин будет обладать личным кабинетом. В целях безопасности и удобства возможно рассмотрение синхронизации с личным кабинетом на портале государственных и муниципальных услуг.

Гражданину, вошедшему в личную учетную запись, могут быть предоставлены следующие возможности использования платформы.

1. Электронный помощник, наделенный функциями разъяснений гражданам правовых оснований и прав при обращении в публичные органы, помощи в определении органа, компетентного на рассмотрение определенного обращения, а также взаимодействия с гражданами относительно срока и порядка получения надлежащего ответа на их обращение.

2. «Конструктор» обращений, позволяющий гражданам при составлении того или иного обращения пользоваться имеющимися в созданной базе образцами, которые составлены в соответствии с нормативно-правовой базой, соответствуют всем имеющимся требованиям и способствуют полному, достаточному и обоснованному изложению позиции лица, обращающегося в орган публичной власти (к каждому образцу вероятно указание при необходимости прикрепления документов, подтверждающих фактические обстоятельства, указанные в обращении).

3. Дополнительная опция с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта автоматического составления текста юридического содержания при изложении гражданином изначально основных позиций и требований. Однако итоговый вариант необходимо определять лицу самостоятельно, возможно внесение им правок в целях избежания искажения волеизъявления.

4. Возможность отслеживания процесса регистрации, принятия определенным должностным лицом того или иного органа, рассмотрения обращения, получения на него ответа.

5. Опция осуществления обратной связи рассмотрения обращения гражданином, которая позволит определить общий уровень удовлетворенности населения взаимодействием с органами государственной власти и местного самоуправления.

Для государственных и муниципальных органов власти предусмотрен профиль с наличием в нем отдельных учетных записей каждого должностного лица, который в соответствии с законодательством Российской Федерации наделен полномочием рассматривать обращения граждан. Функционал относительно органа власти предусматривает следующие элементы:

1) классификация обращений в соответствии с видом обращения; разграничение предложений, заявлений и жалоб позволит упорядочить работу, что повысит скорость рассмотрения обращений;

2) возможность просмотра результатов и статистики рассмотрения обращений нижестоящего органа (должностного лица) вышестоящим органом (руководителем указанного должностного лица), которая позволит усилить контроль над действиями, что способствует улучшению эффективности рассмотрения;

3) выявление на основании статистики обращений наиболее неурегулированных вопросов на территории административно-территориальной единицы или муниципального образования для их оперативного и комплексного устранения, что повлечет повышение уровня жизни граждан;

4) аналогично созданию образцов обращений возможно создание «конструктора» ответов, внедрение которого существенно уменьшит количество отведенного для рассмотрения обращения времени; при этом также конечный этап обязательно должен быть проверен должностным лицом, от имени которого данный ответ направляется;

5) возможность создания на основе имеющихся в системе данных об итоговой статистике устранения нарушений, указанных в жалобах, разрешения заявлений, поданных гражданами, и отклонения или принятия предложений.

Данная платформа может вводиться изначально на территориях отдельных субъектов в экспериментальном режиме, затем, по истечении апробационного периода, с внесением изменений, осуществление которых будет выявлено в процессе эксплуатации, возможно осуществлять электронную форму приема обращений граждан в штатном режиме.

Необходимо выявить положительные стороны введения данной платформы, позволяющие говорить о повышении эффективности института рассмотрения обращений граждан:

1. Оперативность подачи обращения, связанная с отсутствием необходимости очного присутствия в органе, а также наличие шаблонов различных видов обращений и ответов на них; это влечет уменьшение количества времени, которое потрачено на их составление субъектом правоотношений.

2. Осуществление деятельности по рассмотрению заявлений граждан осуществляется «прозрачно» для них, что также определяет точность статистических данных, созданных на сведениях из платформы, включая обратную связь граждан на рассмотрение.

3. Работа платформы минимизирует обращения, которые не соответствуют требованиям, указанным в законодательстве, либо которые направлены с нарушением определения компетентного органа, способного рассмотреть указанный в обращении вопрос.

4. Повышение уровня правовой грамотности граждан, заключающееся в возможности виртуального помощника ответить на вопросы граждан, разъяснить им информацию.

Несмотря на существенные преимущества, необходимо также обратить внимание и на вероятные препятствия для качественной и безопасной работы информационной платформы.

Так, возможны сложности с попытками неавторизованного доступа правонарушителями к данным, обладающим свойствами персональных данных, что в особом порядке охраняется законодательством Российской Федерации. Конфиденциальность при обработке данных возможно достичь, используя в рамках реализующегося в России проекта «Информационная безопасность» систему многоуровневой защиты и работы специалистов в цифровой сфере, которая уже установлена на ЕПГУ.

Важно учитывать наличие возможных технических сбоев на начальном этапе, что видится возможным компенсировать запуском бета-версии, с помощью которой специалисты, разраба-

тывающие информационную платформу, смогут на первоначальном этапе устранить неисправности приложения. Уже после выхода основной версии приложения предполагается непрерывная работа технической поддержки, способной оперативно устранить неполадки.

В рамках внедрения такого инструмента искусственного интеллекта, как информационная платформа «Обращение.РФ», необходимо внесение изменений в законодательство о порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации. Так, требуется добавление абз. 2 ч. 3 ст. 7, обязующего лицо, направившее обращение, созданное с применением нейросетевого инструмента на платформе «Обращение.РФ», удостовериться в корректности и верности составления документа. Лицо, направившее обращение, не может ссылаться на применение данного инструмента при несоответствии фактических данных указанному в тексте документа. Также данное положение должно распространяться и на должностных лиц при составлении ответа на обращение.

Таким образом, в связи со стремительно развивающимся научно-техническим прогрессом человеку необходимо внедрять инновации в сферу его деятельности в целях улучшения качества получаемых в ее процессе результатов. Использование технологий искусственного интеллекта в данном случае посредством своей многозадачности позволяет повысить эффективность рассмотрения обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления.

Библиографический список

Никогда Ю. Г. Искусственный интеллект в государственном управлении : анализ состояния и перспективы // Вестник науки. 2025. № 9 (90). С. 235–248.

References

Nikогда Yu. G. Artificial intelligence in public administration : an analysis of the state and prospects // Bulletin of Science. 2025. No. 9 (90). P. 235–248.

Саратовская государственная юридическая академия

Тихоненко Ю. С., студент

E-mail: ulatihonN°eN°ko927@gmail.com

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Для цитирования:

Тихоненко Ю. С. Технологии искусственного интеллекта как инструмент повышения эффективности института рассмотрения обращений граждан // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4 (63). С. 328–333. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/328-333>

Saratov State Law Academy

Tikhonenko Yu. S., Student

E-mail: ulatihonN°eN°ko927@gmail.com

Received: 15.01.2026

For citation:

Tikhonenko Yu. S. Artificial intelligence technologies as a tool for enhancing the efficiency of the citizen appeals review institute // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No. 4 (63). P. 328–333. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/4/328-333>

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (<https://journals.vsu.ru/law>).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилию(-и) автора (соавторов);
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);
- дату направления материала в редакцию журнала;
- аннотацию статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию жур-

нала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем

могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;
- несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION, REVIEW AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: <http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/>; <http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html>).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (<https://journals.vsu.ru/law>).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

- UDC identifier;
- article heading in Russian and in English;
- author's (coauthors') initials and surnames;
- name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);
- date of directing materials to the editorial board of the journal;
- summary of the article in Russian and in English;
- key words in Russian and in English;
- text of article;
- list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);

– data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

- article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;
- negative conclusion of the editorial board;
- the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;
- non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

**ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ: ПРАВО. 2025. № 4 (63)

Дата выхода в свет 30.03.2026

Ведущий редактор *Ю. С. Гудкова*
Компьютерная верстка *Л. О. Мецераковой*

Формат 60×84/8.

Уч.-изд. л. 43,4. Усл. п. л. 40,3. Тираж 40 экз. Заказ 610

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3